

~~1977~~

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИИѢ.

ТОМЪ XXI.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Отчетъ о состояніи Института за 1902--1903 учебный годъ.
2. Правила Историко-филологическаго кружка при Институтѣ.
3. Описание рукописей библіотеки. (Приобрѣтенія 1901—1903 гг.).
Составилъ проф. *М. Сперанскій*.
4. Школьный вопросъ въ древней Греціи. Проф. *В. Бурзи*.
5. О краснорѣчїи у древнихъ Еллиновъ. Проф. *А. Покровскаго*.
6. Въ память профессора П. П. Люперольскаго. Проф. *М. Березкова*.
7. Недуги нашего учебнаго дѣла. *Н. Скворцова*.
8. О Введеніи въ Исторію Греціи проф. В. П. Бузескула. Проф. *А. Покровскаго*.
9. Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв.
Выпускъ II (Продолженіе). *М. Лилеева*.

НѢЖИИѢ.

Типо-литографія М. В. Глезера.

1904.

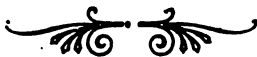
О Т Ч Е Т Ъ

О СОСТОЯНІИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КН. БЕЗБОРОДКО

за 1902—1903 учебный годъ.

Н Ъ Ж И Н Ъ.

Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

**Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института Ф. Гельке.**

ОТЧЕТЪ

о состояніи Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко
за 1902—1903 учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующія измѣненія:

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 24 іюля 1903 г., магистръ греческой словесности экстраординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* назначенъ ординарнымъ профессоромъ по греческой словесности.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 8 авг. 1903 г., преподаватель Института, с. с. *А. И. Шнукъ* назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора по римской словесности.

Приказомъ Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 23 окт. 1902 г., уволенъ съ 20 сент. 1902 г., согласно прошенію, по болѣзни, отъ службы экономъ и эзекуторъ Института титулярный совѣтникъ *Жила*.

Приказомъ Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 16 нояб. 1902 г., утвержденъ въ должности эконома и эзекутора Института окончившій курсъ реального училища *Горячкинъ*.

Членами бібліотечной комиссіи были въ истекшемъ году профессора: *М. Н. Сперанскій*, *В. К. Пискорскій*, *М. И. Мандесъ*, *А. И. Покровскій*, *Б. Ф. Бурзи* и преподаватель *В. И. Ръзановъ*.

Членомъ Правленія Института, по истеченіи годичнаго срока, вновь избранъ Конференціей въ засѣданіи отъ 23 ноября 1902 г. на слѣдующій годичный срокъ прежній членъ Правленія, ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ*.

Всемилоствѣйше награждены орденомъ св. Станислава 2-й степеніи

ни ординарный профессор *М. Н. Сперанскій* и орденомъ св. Станислава 3-й степени наставникъ студентовъ и преподаватель Института *В. И. Ръзановъ*.

Преосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Епископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ 4 ноября 1902 г., награжденъ фіалетовою скуфіею законоучитель Института священникъ *А. В. Лобачевскій*.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 12 ноября 1902 г., утверждены въ чинахъ, соответствующихъ ихъ должностямъ: ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* въ чинѣ статскаго совѣтника со старшинствомъ съ 2 янв. 1901 г., экстраординарные профессора *Б. Ф. Бурзи* въ чинѣ коллежскаго совѣтника со старшинствомъ съ 10 авг. 1901 г., *М. И. Мандесъ* и *К. Ф. Радченко* въ томъ-же чинѣ со старшинствомъ съ 14 сент. 1901 г.

Тѣмъ же Высочайшимъ приказомъ произведенъ, за выслугою лѣтъ, наставникъ студентовъ и преподаватель Института, надворный совѣтникъ *В. И. Ръзановъ* въ чинѣ коллежскаго совѣтника со старшинствомъ съ 10 сент. 1899 г.

Къ началу 1902/3 учебнаго года состояло въ Институтѣ *студентовъ*: въ I курсѣ—27, во II курсѣ—24, въ III курсѣ—35, въ IV курсѣ—14, а всего 100 студентовъ.

Въ началѣ отчетнаго года уволено, согласно прошенію, 2 студента I курса и принято 2 студента, одинъ—на III курсъ, выбывшій изъ числа студентовъ для перехода въ С.-Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ и до начала занятій изъявившій желаніе вернуться въ Нѣжинскій Институтъ, второй—на I курсъ, зачисленный кандидатомъ на случай, если-бы до истеченія перваго учебнаго мѣсяца открылась вакансія.

4 апрѣля 1903 г. скончался студентъ IV курса Сергій Юрьевъ.

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ маѣ и іюнѣ 1903 г.—1) удостоены званія учителя гимназій всѣ 13 студентовъ IV курса, въ томъ числѣ 1 классикъ, 6 словесниковъ и 6 историковъ;—2) переведены изъ III курса въ IV 35 студентовъ (1 классикъ, 22 словесника и 12 историковъ); одинъ студентъ, по болѣзни не державшій переводныхъ испытаній, оставленъ на второй годъ въ III курсѣ;—3) переведенъ изъ II курса въ III 21 студентъ, 2 студента оставлено на второй годъ во второмъ курсѣ и 1 студентъ уволенъ изъ

Института, согласно прошенію;—4) изъ 26 студентовъ I курса переведены во II курсъ 19 студентовъ, 2 студента оставлено на второй годъ въ I курсѣ и 5 студентовъ I курса уволено изъ Института, согласно прошенію.

Къ началу 1903/4 академическаго года заявило о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 32 человѣка, въ томъ числѣ 10 студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, 21 воспитанникъ гимназій и 1 воспитанникъ коллегіи Галагана. Изъ нихъ принято въ I курсъ по аттестатамъ зрѣлости: 1) 18 воспитанниковъ гимназій, 2) 1 воспитанникъ коллегіи Галагана и 3) 1 студентъ университета. Такимъ образомъ, въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ студентовъ: въ I курсѣ—22, во II курсѣ—21, въ III курсѣ—22 и въ IV курсѣ—35, а всего—100 студентовъ.

Изъ 13 студентовъ окончившихъ курсъ въ юнѣ отчетнаго года получили назначеніе: *Кирилловъ*—въ Бердянскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ, *Шеллеръ*—въ Рыльскую прогимназію преподавателемъ древнихъ языковъ, *Михайловъ*—въ Бакинскую прогимназію преподавателемъ русскаго языка, *Анненковъ*—въ Астраханское реальное училище преподавателемъ русскаго языка, *Незнамовъ*—въ Оренбургское реальное училище преподавателемъ русскаго языка и исторіи, *Горяиновъ*—въ Самаркандскую прогимназію преподавателемъ русскаго языка, *Грацкій*—въ Иркутское промышленное училище преподавателемъ исторіи, *Остроумовъ*—въ Екатеринодарскую мужскую гимназію учителемъ русскаго языка, *Романовскій*—въ Нарвскую гимназію учителемъ русскаго языка, *Шейковъ*—въ Эриванскую гимназію учителемъ древнихъ языковъ, *Яворскій*—въ Черниговское реальное училище учителемъ исторіи и географіи, *Бакаловъ*—въ Екатеринославское I реальное училище учителемъ русскаго языка. *Смирновъ*, по постановленію Конференціи, оставленъ въ настоящемъ году безъ назначенія по болѣзни.

Преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, состояло въ слѣдующемъ:

По *Закону Божію*—законоучитель священникъ *А. В. Лобачевскій* на III курсѣ (при 3 часахъ въ недѣлю) читалъ въ первомъ полугодіи общій курсъ изъ основнаго и догматико-апологетическаго богословія, во второмъ полугодіи объ основахъ христіанскаго нравоученія.

По *Философіи*—и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Мал-*

ванскимъ студентамъ I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) прочитанъ былъ курсъ формальной логики; студентамъ II курса (при 2 часахъ въ недѣлю) изъ психологіи самый основной и существенный отдѣлъ о первичныхъ психическихъ феноменахъ—ощущеніяхъ, чувствахъ и стремленіяхъ; студентамъ III курса (при 2 часахъ въ недѣлю) преподаана исторія древней греческой философіи и исторія новой философіи до Канта включительно.

По *педагогикѣ*—преподаватель *М. И. Дилевъ* излагалъ на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ гимназической педагогики и на IV курсѣ (также при 2 часахъ въ недѣлю) исторію педагогики.

По *греческой и римской словесности*—а) на I курсѣ *Директоръ Института* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первомъ полугодіи избранныя элегіи Тибулла, во второмъ 27-ую книгу Тита Ливія и (при 2 часахъ въ недѣлю) упражнялъ студентовъ въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ. Тѣмъ-же студентамъ преподаватель *А. И. Шнукъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первомъ полугодіи XXXII и I рѣчи Лисія, во второмъ трагедію Еврипида «Медею». Кромѣ того (при одномъ часѣ въ недѣлю) руководилъ грамматическими упражненіями посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій.—б) на II курсѣ экстраординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* (при 3 часахъ въ недѣлю) объяснялъ I книгу Фукидида и (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ курсъ исторіи классическаго періода римской литературы. На томъ-же курсѣ преподаватель *А. И. Шнукъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первое полугодіе избранныя письма Горація, а во второе—рядъ систематически подобранныхъ отрывковъ изъ сочиненія Цицерона «*Вirtus*»; и руководилъ въ оба полугодія грамматическими и стилистическими упражненіями тѣхъ-же студентовъ по латинскому языку (при одной лекціи) и по греческому языку (тоже при одной лекціи).—в) на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* излагалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ афинскихъ т. н. государственныхъ древностей, (при одномъ часѣ въ недѣлю) курсъ метрики и (также при одной лекціи) курсъ греческой эпиграфики и руководилъ переводами съ латинскаго на греческій языкъ. На томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ (сводно) и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Туревичъ* излагалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) изъ курса римскихъ древностей отдѣлъ о магистратурѣ, общую часть и (также при 2 часахъ въ недѣлю) упражнялъ въ семинаріѣ студентовъ въ

критикѣ текста и интерпретаціи избранныхъ мѣстъ изъ *Annales* и *Historiae* Тацита; а (при 1 часѣ въ недѣлю) руководилъ переводами съ русскаго языка на латинскій.—г) на всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ (сводно) экстраординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* объяснялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) главы изъ «Поэтики» Аристотеля, опредѣляющія значеніе въ трагедіи сюжета и характеровъ. На тѣхъ-же отдѣленіяхъ тѣхъ-же курсовъ (сводно) и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ* объяснялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) избранныя письма Плинія Младшаго.

По *русской словесности*—а) на I курсѣ ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ исторію русской словесности древняго періода и экстраординарный профессоръ *К. Θ. Радченко* (также при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ фонетики и морфологии древне-церковно-славянскаго языка.—б) на II курсѣ ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ курсъ исторіи русскаго языка и преподаватель *В. И. Ръзановъ* (также при 2 часахъ въ недѣлю) далъ историческій обзоръ и объясненіе явленій русской литературы XVI—XVIII вв.—в) на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* объяснялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) «Слово о полку Игоревѣ». На томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ (сводно) экстраординарный профессоръ *К. Θ. Радченко* читалъ краткій курсъ грамматики чешскаго и польскаго языковъ (при 2 часахъ въ недѣлю) и (при 1 часѣ въ недѣлю) курсъ исторіи древней болгарской литературы IX—XIV вв.—г) на словесномъ отдѣленіи III курса ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* велъ семинарій по русской словесности (при 2 часахъ въ недѣлю).—д) на словесномъ отдѣленіи IV курса экстраординарный профессоръ *К. Θ. Радченко* (при 1 часѣ въ недѣлю) руководилъ семинарскими занятіями по славянскимъ нарѣчіямъ.

По предмету *теоріи словесности*—преподаватель *В. И. Ръзановъ* далъ студентамъ словеснаго отдѣленія III и IV курсовъ (сводно) историческій обзоръ развитія драматической поэзіи итальянской, французской, англійской, нѣмецкой и русской.

По *всеобщей исторіи*—а) на I курсѣ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* излагалъ (при 3 часахъ въ недѣлю) греческую исторію и б) на II курсѣ (также при 3 часахъ въ недѣлю) онъ-же—римскую исторію.—в) на историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* (при 4 часахъ

въ недѣлю) излагалъ общій курсъ средневѣковой исторіи и г) на историческомъ отдѣленіи III курса онъ-же (при 2 часахъ въ недѣлю) руководилъ практическими занятіями по изученію т. н. «варварскихъ законовъ».

По *русской исторіи*—ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ* студентамъ I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ исторію Кіевского періода и студентамъ II курса (при 2 часахъ въ недѣлю) обзоръ исторіи со временъ великаго княжества Владимирскаго и нашествія татаръ до царствованія Іоанна IV включительно. На историческомъ отдѣленіи III курса преподаватель *М. И. Дилеевъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ спеціальный курсъ по новой русской исторіи, главнымъ образомъ, по исторіи царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I. На историческомъ отдѣленіи IV курса ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ русскую исторіографію въ ея главныхъ представителяхъ и въ важнѣйшихъ трудахъ. На томъ-же отдѣленіи того-же курса преподаватель *Е. И. Кашпровскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ спеціальный курсъ о Литовско-русскомъ государствѣ до начала XIV в.

По *географіи*— преподаватель *И. А. Сребницкій* излагалъ студентамъ историческаго отдѣленія III курса (при 2 часахъ въ недѣлю) изъ геологической географіи отдѣлы о метеорологіи и климатологіи, а студентамъ историческаго отдѣленія IV курса (при 1 часѣ въ недѣлю) географію Россіи и методику гимназическаго курса географіи.

По *французскому языку*—подъ руководствомъ преподавателя *Л. Н. Мишеля* студенты I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) читали избранныя статьи изъ хрестоматіи Анспаха, а студенты II курса (при 2 часахъ въ недѣлю) отрывки изъ книги Faguet, *Études littéraires sur le dix-huitième siècle*.

По *нѣмецкому языку*—на I курсѣ преподаватель *А. А. Мартовъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) руководилъ студентовъ чтеніемъ и объясненіемъ избранныхъ статей изъ сборника Jonas, *Muserstücke der deutschen Prosa*. На II курсѣ экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* (такъ-же при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ со студентами Гёте «Страданія молодого Вертера».

Въ теченіе отчетнаго года по каждому акроаматическому курсу было до трехъ собесѣдованій преподавателей со студентами по предопределеннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ:

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ:

а) Студенты I курса прочли подъ руководствомъ Директора Института 5-ую книгу Курція Руфа *Historiae Alexandri Magni* въ первомъ полугодіи, а во второмъ—13-ую книгу метаморфозъ Овидія и подъ руководствомъ преподавателя Шнука въ первомъ полугодіи Исократы *Elogia*, а во второмъ—діалогъ Лукіана 'Αλιεύς.—Студенты II курса прочли подъ руководствомъ профессора Мандеса I и XII пѣсни Одиссеи и подъ руководствомъ преподавателя Шнука въ первое полугодіе XXXIX-ую книгу Тита Ливія, а во второе IV-ую книгу Энеиды Вергилія. Для руководства домашними чтеніями устраивались собесѣдованія—на I курсѣ еженедѣльно, на II—разъ въ двѣ недѣли, поочередно по греческому и латинскому языку; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ устномъ переводѣ и объясненіи отрывковъ изъ прочитаннаго.

б) Студенты III и IV курсовъ, по указаніямъ профессоровъ Бурзи, Мандеса и Турцевича, сами избирали себѣ для домашняго чтенія то или иное произведеніе греческой и римской литературы; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія посредствомъ собесѣдованій съ каждымъ изъ студентовъ отдѣльно.

2) Студенты I курса писали профессору Сперанскому семестровыя сочиненія по исторіи русской словесности.

3) Студенты II курса писали профессору Покровскому курсовыя сочиненія по древней исторіи.

4) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій: классики III и IV курсовъ—по римской словесности; словесники III курса—по исторіи русской литературы, IV курса—по славянской филологіи; историки III курса—по исторіи среднихъ вѣковъ и IV курса—по русской исторіи.

5) Студенты IV курса представили преподавателю Лялееву курсовыя сочиненія по педагогикѣ.

6) Студенты IV курса писали слѣдующія кандидатскія сочиненія: Профессору Турцевичу студентъ *Кирилловъ* представилъ сочиненіе на тему: «Мениппова сатира и ея образцы у Варрона и Лукіана». Профессору Сперанскому представлены были диссертациі студентовъ: *Бакалова*: «Источники повѣсти Н. В. Гоголя «Тарась Бульба», *Романовскаго*: «Похоронныя причитанія сѣвернаго края», *Смирнова*: «С. Т. Аксаковъ и его мѣсто въ современной ему литературѣ», *Горяинова*: «Историческій и поэтический элементы въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ» и *Отроумова*: «Характеристика И. А. Гончарова какъ писателя». Студентъ *Анненковъ* представилъ профессору Радченку кандидатское сочиненіе на тему: «Константинъ Костенчскій» и его «Житіе деспота Стефана Лазаревича». Профессору Бережкову представлены были диссертациі студентовъ: *Грацкаго*: «Польско-русскія отношенія при Св. Владимирѣ», *Незнамова*: «Крестьянскій вопросъ въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія 1767—68 гг., на основаніи матеріаловъ помѣщенныхъ въ Сборникъ И. Рус Истор. Общества», *Шейкова*: «Ломоносовъ, какъ Историкъ» и *Яворскаго*: «изслѣдованіе о сочиненіи Татищева «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ». Профессору Пискорскому представили сочиненія: студентъ *Михайловъ* на тему: «проектъ податной реформы во Франціи маршала Вобана» и студентъ *Шеллеръ* на тему: «о взаимныхъ отношеніяхъ между духовной и свѣтской властью по ученію Лютера».

Практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ состоящей при Институтѣ гимназіи велись въ слѣдующемъ порядкѣ: съ 23 октября по 13 ноября студенты IV курса для ознакомленія съ методами преподаванія и съ гимназическими программами посѣщали въ часы, оставленные свободными отъ лекцій, по особому расписанію, уроки въ гимназіи наставниковъ-руководителей I. В. Добіаша (по греческому языку), А. Θ. Абрамова (по латинскому языку), И. Н. Михайловскаго (по русскому языку) и И. А. Сребницкаго (по исторіи и географіи). 13, 15, и 16 ноября устроены были подъ предсѣдательствомъ Директора Института, общія бесѣды, на которыхъ наставники-руководители сообщали студентамъ общія педагогическія и дидактическія указанія и толковали гимназическіе учебные планы. Изъ этихъ бесѣдъ двѣ были посвящены преподаванію древнихъ языковъ, одна—преподаванію русскаго и церковнославянскаго языковъ и одна—преподаванію исторіи и географіи. Съ 18 ноября до 8 февраля студенты давали пробные уроки, подъ ближайшимъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и

въ присутствіи Директора, профессоровъ и преподавателей Института. Каждымъ студентомъ даны были, въ присутствіи его товарищей по отдѣленію, 6 пробныхъ уроковъ. Студентъ классическаго отдѣленія далъ 2 урока греческаго языка въ IV и VI классахъ и 1 урокъ русскаго языка въ III классѣ. Каждымъ студентомъ словеснаго отдѣленія даны были 4 урока русскаго и церковнославянскаго языковъ и словесности въ III, IV, V и VI классахъ, 1 урокъ греческаго языка въ IV и 1 урокъ латинскаго языка во II классѣ. Каждый студентъ историческаго отдѣленія далъ 2 пробныхъ урока по исторіи въ III и VI классахъ, 2 урока географіи въ I и IV классахъ, 1 урокъ греческаго и 1 урокъ латинскаго языка въ VI классѣ. Для детальнаго обсужденія отдѣльныхъ данныхъ студентами уроковъ каждый изъ наставниковъ-руководителей устраивалъ разъ въ недѣлю частное собесѣдованіе. Когда такимъ образомъ были разобраны всѣ данные студентами уроки, каждый въ отдѣльности,—были устроены 20, 21 и 22 апрѣля общія бесѣды наставниковъ-руководителей со студентами, —тѣмъ-же порядкомъ, какъ и предварительныя бесѣды передъ началомъ пробныхъ уроковъ.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Учебнаго Округа 7 декабря 1902 года въ Институтѣ былъ устроенъ студенческій вечеръ, программа котораго состояла изъ вокально-музыкальной части, чтенія стихотвореній и реферата студента IV курса Анненкова «о Надсонѣ».

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 23 засѣданія.

Фундаментальная библіотека Института, состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 23.301 названія въ 56.419 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложенію профессоровъ и преподавателей и присылкою изданій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учреждений и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на «Извѣстія Института». Въ настоящее время въ фундаментальной библіотекѣ имѣется 23.748 названій въ 57.343 томахъ.

Въ студенческой библіотекѣ до начала отчетнаго года было 1027 названій въ 7083 томахъ, нынѣ въ ней имѣется 1069 названій въ 7343 томахъ.

Въ теченіе отчетнаго года вышелъ въ свѣтъ XX томъ *Извѣстій Института*, въ составъ котораго вошли Отчетъ о состояніи Института за 1901—1902 учебный годъ, Отчетъ о дѣятельности временной «Гоголевской» комисіи, составленный *И. А. Сребнишкинъ*, и слѣдующія статьи:

Профессора *Г. В. Малеванскаго*: «Памяти Николая Ефремовича Скворцова, второго Директора Историко-Филологическаго Института въ г. Нѣжинѣ. Страница изъ внутренней исторіи русской школы»

Профессора *Б. Ф. Бурзи*: «Объ источникахъ афинскаго права». (Вступительная лекція)

Профессора *К. Ф. Радченко*: «Новооткрытая «Буввица» Досифея Обрадовича».

Профессора *К. Ф. Радченко*: «Малонизвѣстное сочиненіе Евиміа Зигабена, трактующее о богомилахъ».

Бывшаго студента Института *А. Я. Солнцева* кандидатское сочиненіе: «Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ».

Преподавателя *М. И. Лилеева*: «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв.» Выпускъ II (Продолженіе).

Внѣ Извѣстій Института профессора и преподаватели напечатали слѣдующіе труды:

Профессоръ *М. Н. Березковъ*: «Докладъ о занятіяхъ археологической комисіи при Историко-Филологическомъ Обществѣ». (Сборникъ Ист.-Фил. Общества при Инст. кн. Безбобовко, т. IV).

Профессоръ *М. Н. Сперанскій*: «Leon's des Weisen Weissagungen nach dem Evangelium und Psalter». (Arch. f. slav. Phil. Bd. XXV. 1903).

Профессоръ *В. К. Пискорскій*: «О дневникѣ и депешахъ герцога Лирійскаго (испанскаго посла при русскомъ дворѣ въ 20-хъ годахъ XVIII в.)». Извлеченіе реферата, напечатанное въ 4-мъ выпускѣ XVI книги Чтеній Общества Нестора Лѣтописца. (Кіевъ 1903).

Профессоръ *К. Ф. Радченко*: «Къ исторіи философско-религіознаго движенія въ Византіи и Болгаріи XIV в.» (Научно-литер. Сборникъ изд. Галицкой Матицей II. 1) «Письмо къ Ю. А. Яворскому» (тамъ-же II. 4); рецензіи изданій *Е. Калужскаго*: «Werke des Patriarchen v. Bulgarien Euthymius» и «Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven» (Arch. f. slav. Phil. Bd. XXIV. 1902).

Преподаватель *В. И. Ръзановъ*: «Матеріалы по этнографіи Курской губерніи, часть III: Сборники А. С. Машкина». (Курскія Сборникъ. Вып. IV. Курскъ 1903).

Законоучитель о. *А. В. Лобачевскій*: «Н. В. Гоголь какъ христіанинъ». Въ сборникѣ «Памяти Гоголя» (Кіевъ 1903).

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 18 мая 1903 г., за № 15383 разрѣшилъ учрежденіе при Институтѣ студенческаго историко-филологическаго кружка съ участіемъ профессоровъ и преподавателей, согласно выработаннымъ Конференціей правиламъ.

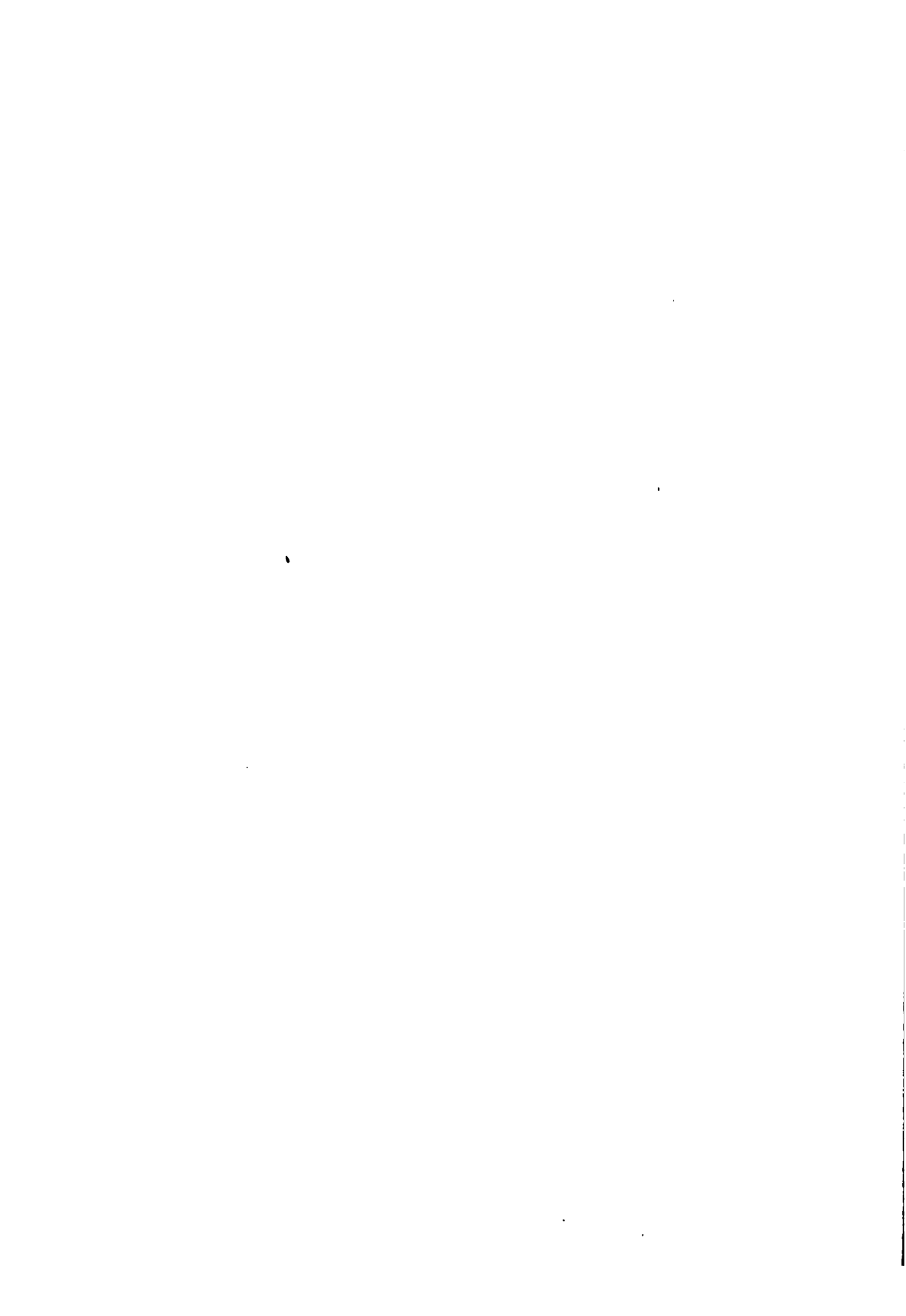
26 мая 1903 г. скончался въ С.-Петербургѣ бывшій профессоръ Института *П. И. Люперсовскій* и 1 іюня отслужены были Законоучителемъ Института и Настоятелемъ Институтской церкви заупокойная литургія и панихида по покойномъ.

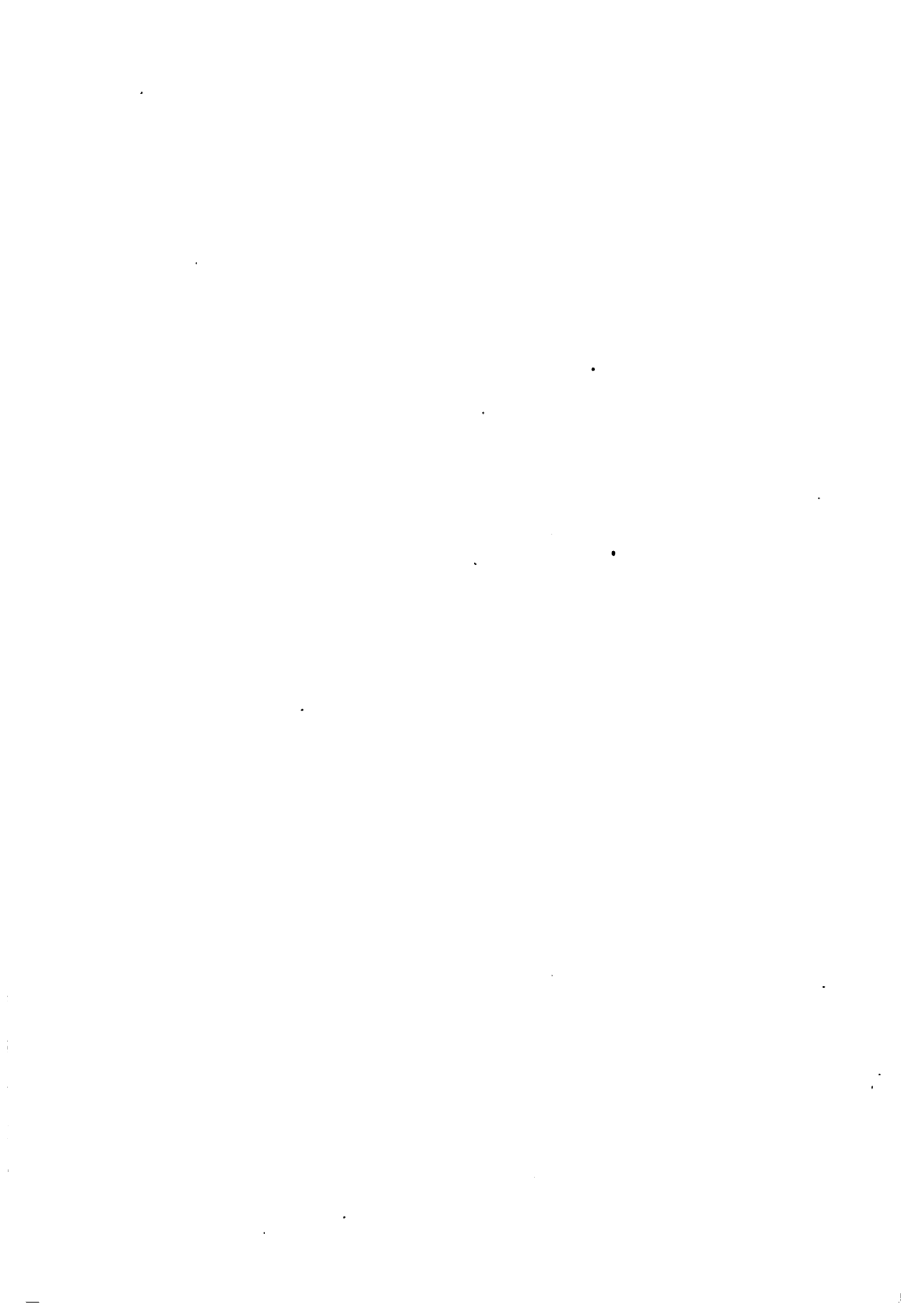
Въ состоящемъ при Институтѣ Историко-Филологическомъ Обществѣ въ отчетномъ году числилось 2 почетныхъ и 59 действительныхъ членовъ. Составъ бюро былъ слѣдующій: Предсѣдатель—*М. Н. Бережковъ*, товарищъ предсѣдателя—*А. Θ. Абрамовъ*, секретарь—*М. И. Лилеевъ*, казначей—*И. Н. Михайловскій*, товарищъ казначея—*Б. Ф. Бурзи*, библіотекарь—*Е. И. Кашировскій*, товарищъ библіотекаря—*В. К. Шискорскій*.

Общество имѣло въ отчетномъ году 8 засѣданій. Въ засѣданіяхъ читаны были слѣдующія сообщенія: проф. *М. Н. Сперанскаго* о малороссійскихъ думахъ, духовныхъ стихахъ и пѣсняхъ, по поводу игры и пѣнія бандуриста Пархоменко и по поводу сборниковъ пѣсенъ Данилова; рефератъ *С. Н. Жданова* о новонайденныхъ отрывкахъ Сапфо; библиографическая и біографическая замѣтка *М. Н. Бережкова* объ Юріѣ Крижаничѣ, по поводу новой книги Бѣлокурова о Крижаничѣ; *И. Г. Турцевича* о вѣротеримости въ Римской имперіи; *А. И. Цокровскаго* отзывъ о новой книгѣ профессора Бузескула «Введеніе въ исторію Греціи» и студента *В. В. Данилова* о собранныхъ имъ народныхъ пѣсняхъ въ селѣ Андреевѣ Нѣжинскаго уѣзда.

Въ отчетномъ году напечатанъ IV томъ Сборника Общества; въ составъ этого тома, кромѣ отчетовъ и протоколовъ Общества, вошли статьи дѣйствительныхъ членовъ общества: *М. Н. Бережкова* о черниговскомъ археологѣ Марковѣ, *В. К. Пискорскаго* поминка объ историкахъ Стѣбсѣ и Балагерѣ, *М. И. Лилева* объ историкѣ Погодинѣ, *И. Г. Турцевича* статья подъ заглавіемъ «orbis in urbe» и *П. А. Заболотскаго* Старѣйшій Запорожскій уѣздъ.

Въ бібліотекѣ Общества къ началу отчетнаго года было 326 названій въ 871 книгѣ; въ теченіе 1902—1903 академическаго года поступило а) старыхъ названій 12 въ 27 книгахъ и б) новыхъ названій 9 въ 10 книгахъ. Нынѣ въ ней имѣется 336 названій въ 908 книгахъ

УТВЕРЖДАЮ.

Управляющій Министерством Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра
С. Лукьяновъ. 18 мая 1903 г.

Правила Историко-Филологическаго Кружка при Историко-Филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

1.

При Историко-Филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко учреждается Историко-Филологическій Кружокъ.

2.

Кружокъ имѣеть цѣлью изслѣдованіе, изученіе и обсужденіе вопросовъ, относящихся къ области историко-филологическихъ знаній.

3.

Членами Кружка могутъ быть студенты Института и состоящіе на учебной службѣ въ Институтѣ.

4.

Означенныя въ п. 3 лица зачисляются въ члены Кружка по заявленію ихъ предѣдателю бюро Кружка (п. 9 и 10) о желаніи вступить въ число членовъ Кружка.

5.

Члены Клуба собираются: 1) для выслушивания и обсуждения научных сообщений (п. 2) и 2) для избрания членов бюро Клуба (п. 9 и 10).

6.

Сообщения состоящих членами Клуба студентов составляются под руководством одного из профессоров или преподавателей Института и делаются в собраниях Клуба по предварительном одобрении сообщения лицом, руководившим в его составлении, о каковом одобрении руководивший доводит до сведения председателя бюро (п. 9 и 10). Выбор руководителя принадлежит желающему сделать сообщение студенту.

7.

Собрания Клуба назначает бюро Клуба (п. 9) по соглашению как с желающими сделать сообщения, так и с руководившими в составлении сообщений (п. 6). Желающий сделать сообщение извещает председателя или секретаря бюро о том, когда и на какую тему предполагает он сделать сообщение, не позже как за неделю до предполагаемого им срока.

8.

В тех собраниях клуба, в которых сообщение делается студентом, председательствует руководивший в составлении сообщения; в прочих собраниях Клуба—председатель бюро; в случае же его отсутствия—директор, инспектор или старший из явившихся в собрание профессоров Института.

9.

Делами Клуба заведует бюро, на обязанности коего лежит назначение собраний Клуба, определение предметов занятий собраний,

составленіе протоколовъ собраній и годичныхъ отчетовъ о дѣятельности Клубка.

10.

Бюро составляетъ предсѣдатель, избираемый изъ профессоровъ Конференціею Института, и четыре члена, избираемые изъ студентовъ собраніемъ Клубка посредствомъ закрытой баллотировки въ началѣ каждаго академическаго года.

11.

Предсѣдатель бюро является представителемъ Клубка передъ Конференціею Института.

12.

Одинъ изъ членовъ бюро, по избранію бюро, исполняетъ обязанности секретаря.

13.

Клубокъ можетъ имѣть свою библіотеку, которая составляется и пополняется съ разрѣшенія Конференціи Института.

14.

Клубокъ можетъ устраивать научныя экскурсіи своихъ членовъ подъ руководствомъ кого—либо изъ профессоровъ или преподавателей Института.

15.

Протоколы и отчеты Клубка поступаютъ на сохраненіе въ архивъ Конференціи Института.

16.

Конференція Института о дополненіяхъ, измѣненіяхъ или отмінѣ настоящихъ правилъ входитъ съ представленіемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія черезъ Попечителя Учебнаго Округа.

17.

Закрътіе Кружка можетъ послѣдовать по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія.

РУКОПИСНОЕ СОБРАНИЕ

БИБЛИОТЕКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ Г. НѢЖИНѢ.

Приобрѣтенія 1901—1903 г.г.

ОПИСАНІЕ СОСТАВЛЕНО
М. С П Е Р А Н С К И М Ѣ.

Н Ѣ Ж И Н Ѣ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельке*.

123 (16245). Книга степенная. Рукоп. въ листь на 410 листахъ, полууставомъ, частью скорописью (л. 239—262) XVIII вѣка; въ первой части рукоп. (л. 1—79)—киноварь въ заглавіяхъ.

Въ началѣ передъ самой «Степенной книгой», л. 1—10,— «Лѣтописецъ славенороссійскій: о правнудѣхъ Іафетовыхъ, иже отъ странъ своихъ въ полуденныя страны придоша и нарицахуся Скиѳа великая. И пакы оттуду въ сѣверныхъ странахъ грады поставиша и нарицахуся Словяне и Руси; и о призваніи на Россійское княжество великаго князя Рюрика и прочая, отъ великіа княгини Ольги даже и до нынѣшнихъ великихъ государей самодержцевъ Россійскихъ.—Написася въ лѣто отъ сотворенія міра 7206 (1697), мѣсяца декабря въ 8 день.—Въ лѣто отъ сотворенія міра 2244-го, во второе же лѣто по потопѣ Ной праведный, праотець нашъ, второй родоначальникъ, раздѣли всю вселенную.

Послѣдняя глава (л. 9)—О началѣ царствующаго града Москвы.

Л. 10 об. Главы первымъ степенемъ, до степени великаго князя Владиміра.—Оглавленіе Степенной книги, кончая 37-й главой (О чудотворцѣхъ Россійскихъ).

Л. 11 об.—Родословіе Россійскихъ государей.

Л. 15. Сказаніе о святѣмъ благочестіи Россійскихъ началодержецъ и сѣмене ихъ святаго и прочихъ.

Начало самой Степенной книги; кончается она десятой степенью, главой 7-й (по изданію Миллера (1775 г.), I, 438.).

Отъ препод. В. И. Рѣзанова.

124. (16241) Сборникъ. Рукоп. въ 4 д. л. на 13 л. малограмот-письма конца XVIII вѣка; отрывокъ: первая статья обозначена № 24; въ языкѣ частое а-канье.

л. 1. Книга беседы евангелскія, глава выписана о піяницахъ и о

бражникахъ слово.—Во днѣхъ некихъ посла Господь ангела своего взяти душу бражникову отъ тела, и прииде ангель и разлучи душу отъ тела и постави у вратъ причистаго рая.

Издана, по болѣе полной рукописи, въ Пам. стар. русск. лит. (гр. Кушелева—Безбородка, Спб. 1860) II, 477.

л. 5. Беседы трехъ светителей, вселенскихъ учителей: Василя Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго.—Вопросъ: что суть у Спасителя нашего Бога на венце его девять чиновъ? Ответъ: то есть: 1-е престоли, 2-е господствія, 3-е начала, 4-е власти, 5-е силы, 6-е херувимы, 7-е серафимы, 8-е архангели, 9-е ангели.

Обширная редакція.

л. 13. Составъ отъ болѣзни.—1-е, возми корень послушапія, 2-е дай места терпенію, 3-е цвету чистоты.

л. 13-й об. иной рукой: «вопросъ: кто бжигить, а кто гонить? Ответъ: день бжигить, а ночь гонить. Вопросъ: кои два соперники на земли безпрестано борутца? Отвѣтъ: день съ ноцію, а животъ со смертію».

Отъ М. Сперанскаго.

125. (16239) Святцы. Миниатюрная рукоп. въ 64-ю долю листа мелкимъ устовомъ послѣ 1716 года (см. л. 84 об.), въ кожаномъ переплетѣ; писана съ киноварью въ заглавіяхъ и праздничныхъ дняхъ.

л. 1. Святцы, начиная съ генваря; недостаетъ заглавія и перваго числа мѣсяца; киноварью пишутся въ большинствѣ случаевъ и памяти русскихъ святыхъ и русскихъ праздниковъ.

л. 84. Пасхалія зрячая съ 1716 по 1731 годъ.

Отъ М. Сперанскаго.

126 (16244) Дѣяніе на Мартина еретики. Рукоп. въ 4 д. л. на 1+71 листахъ, полууставомъ XVIII в., м. б., конца. Въ началѣ—заглавіе въ расписной грубой рамкѣ съ таковой же заглавной буквой. Въ началѣ самого дѣянія такая же заглавная буква; въ текстѣ въ заглавныхъ буквахъ—киноварь.

Л. 1 (ненум.). Соборное деяніе на еретика арменина, на мниха Мартина В лѣто отъ созданія мира 6665 году, а отъ воплощенія рожества Христова 1157 году.—(л. 1). Мѣсяца июнія въ 7 день. При великомъ князе Ростиславе Мъстиславъевиче и при господине митрополите Костанътине во градѣ Киевѣ бысть соборъ.

Списокъ съ печатнаго, первыя изданія—Спб. 1718 и М. 1718 (ср. Сопиковъ, I, 258).

Отъ препод. В. И. Рѣзанова.

127 (16213). **Каноны.** Рукоп. въ 8 д. л. на 60 л., скоропись XVIII в. разныхъ рукъ, л. 48—60—письма скорописнаго 1747 года (см. л. 48); л. 30—35 той же руки вставлены позднѣе. Въ началѣ рукописи—киноварь. Начала текста (двухъ листовъ, по современной помѣтѣ) не достаесть.

Л. 1. Пѣснь 3-я ірмось. Твоя певцы Богородицѣ живы нетр...
источниче...

Въ канонѣ Богородицѣ упоминается имп. Елизавета Петровна (л. 5).

Л. 15. Канонъ препод. Сергію Радонежскому.

Л. 16 об. Другій канонъ (ему же).

Л. 29. Канонъ пресвятей Богородице, яже въ великомъ Новеграде.

Л. 41 об. Канонъ препод. оцу нашему Саватиу, начальнику пустыни Соловецкаго монастыря.

Л. 48. Канонъ Богородице Казанской.

Отъ препод. В. И. Рѣзанова.

128 (16240) **Трїодь.** Рукоп. въ 4 д. л. на 201 л., нотная (ноты линейныя), конца XVII вѣка; въ заглавіяхъ киноварь; первая строка киноварной вязью.

Л. 1. *Трїодѣи ѿ ѿтъ трїпѣснецъ. Пѣла мытаря и Фарисея глаголю.*
Ѧ.—*Не помолимся Фарисейски кратіе.*

Кончается недѣлей всѣхъ святыхъ.

Отъ М. Сперанскаго.

129 (16242) **Праздники на нотахъ.** Рукоп. въ 4 д. л. на 179 л., полууставъ XVII вѣка, ноты—пятилинейныя; первая строка каждой службы хорошей киноварной вязью; киноварью же заглавія и заглавныя буквы.

Л. 1. Служба Воздвиженію св. Креста.

Л. 21. „ Введенію во храмъ Богородицы.

Л. 34. „ Навечерія Рождества Х-ва.

Л. 43. „ Рождества Х-ва.

Л. 51. „ Богоявленія.—навечеріе.

Л. 64. „ Богоявленію.

Л. 76. „ Срѣтенію.

- Л. 90. „ Благовѣщенію.
 Л. 107. „ Недѣли Ваій.
 Л. 120. „ Вознесенію.
 Л. 133. „ Пятидесятницы.
 Л. 144. „ Преображенію.
 Л. 161. „ Успенію Богородицы.

Отъ М. Сперанскаго.

130. (16138). Канонъ по усопшихъ. Рукоп. въ 8 д. л. на 76 листахъ, плохой полууставъ XVIII—XIX вѣка, съ киноварью въ заглавіяхъ.

Л. 1. Вѣдомо же буди: сице да поеши канонъ сей за душа усопшихъ (съ) сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами. Первіе: За молитвъ святыхъ отецъ...

Л. 49. Начало всенощнаго бдѣнія сице.—За молитвъ святыхъ отецъ... Приидите поклонимся...

Л. 76. Позднія приписки—начала писемъ (черновики).

Отъ студ. П. А. Незнамова.

131 (16247) Пѣтвица. Рукоп. въ 4 д. л. на 111 листахъ, плохой сохранности: безъ начала и конца, съ дефектами въ срединѣ; писана въ первой половинѣ XVIII вѣка (л. 34—стихотвореніе-акростихъ въ честь Анны Іоанновны) по латыни, частью по русски, по польски. Всѣ части и главы дѣлятся на «passus» и «pes».

Л. 1 (безъ начала)—о видахъ амплификаціи.

Л. 7. Passus tertius—De modo disponendi amplificationem per chriam.—Pes I-us—De definitione, divisione, partibus et transitionibus chriæ.

Л. 16 об. Passus 2-dus.—De concernentibus carmen latinum tam in genere quam in specie.—Pes I-mus—Ad notitiam quid sit pes, caesura, scansio, metrum, versus, carmen, et unde habeant suam denominationem scandens.—Здѣсь: Punctum 2-dum (л. 19): de modis componendi et ornandi carmen etc.; Punctum 3-ium (л. 21 об.): de capellationibus carminis latini; Pes 3-ius: de usitationibus, speciebus carminis latini (л. 22); Punctum 1-um: De carmine hexametro, pentametro, saphico et horatiano и т. д.; Passus 3-ius (л. 26 об.) de carmine slavono et polono (съ образцами тѣхъ и другихъ).

Л. 35. Stadium 2-am—De poesi in specie. Passus 1-mus: De poesi narrativa cuiusque speciebus; Pes 1-mus: De poesi elegiaca; Pes 2-dus: De poesi lyrica (л. 38) (со стихотвореніемъ Теофана Прокоповича на

триумфъ Петра 2-го—по латыни, л. 38 об.—40 об.); Pes 3-ius: de poesi epigramatica (л. 42).

Л. 52. Толкованіе собственныхъ именъ (Abraham—Pater multitudinis; Absalom—Pater pacis и т. д.) въ алфавитномъ порядкѣ.

Л. 55 об. Passus 2-dus: de poesi dramatica cuiusque speciebus; Pes unicus: de poesi tragica et comica.

Л. 57 об. Passus 3-ius: de poesi mixta cum suis speciebus; Pes 1-mus: ad notitiam epicae poeseos gradіens; Pes 2-dus (л. 62 об.): ad recensendam poesim bucolicam georgicam et satyricam tendens.

Л. 64. Passus 4-tus: de poesi aenigmatica et caeteris curiosis carminum latinorum artificіis; Pes 1-mus: de aenigmate cum suis speciebus (здѣсь образчики по латыни); Pes 2-dus (л. 69 об.): de symbolo, lemmate hieroglyphico et emblemate (со спискомъ символовъ); Pes 3-ius: de caeteris carminibus curiose scriptis: de acrosticho (л. 73), de carmine echico (л. 74), de c. arithmetico (л. 74 об.), de c. correlativo (л. 76 об.), de c. chronosticho (л. 77 об.), dec. cabalístico (л. 77 об.), de c. pythagorico (78), de c. centrico (л. 78 об.), de c. stemmatico.

Л. 81. Trames 2-dus: ad notitiam pricipiorum solvae orationis ducens; Stadium 1-um: tropos et figuras tam verborum quam sententiarum complectens. Passus 1-mus: ad cognoscendos tropos tendens; Pes 1-mus: ad cognoscendos tropos in verbo gradіens; Pes 2-dus (86 об.): ad cognoscendos tropos in sensu gradіens;—Pussus 2-dus: de figuris tam verborum quam sententiarum (л. 90 об.), Pes 1-us: ad sciendas figuras... gradіens.

Л. 102. Copia verborum seu phraseos poeticae cum additis nonnullis nominibus propriis ordine alphabetica disposita in supplementum nec candidatis poeseos ad cultius et expeditius canenda carmina etc. substituta anno 1735 in annum 1738....

Отрывки на А, В, С.

Отъ А. В. Добіаша.

132 (16932). Сборникъ. Рукоп. въ 4 д. л. на 41+156 (по счету рукописи 158) листахъ, скоропись первой половины XVIII столѣтія, разныхъ рукъ; начала и конца нѣтъ; въ концѣ рук. влючья отъ оторванныхъ листовъ; между первой частью и второй, въ началѣ послѣдней пропало 2 листа.

I рукопись:

Л. 1. Слово святаго Ефрема Сиріна о второмъ пришествіи.—Егда

житія чело́вѣкомъ лѣта реченная скончуютца, пріити имать Господь...

Л. 12 об. Сказаніе о послѣднихъ лѣтѣхъ, о антихристе и о ево рожденіи.—Родится антихристь отъ дѣвы нечистыя отъ колена Данова во осьмой тысящи въ послѣднее время, будить представленіе света... осьмой тысящи.

Л. 17. По приказу государя царя и великого князя Іоанна всея Россіи и при его царевичи Феодоре Іоанновиче и по благословенію Діонисія, митрополита Московскаго и всея Россіи. Посланіе московскихъ купцовъ съ Москвы и хожденіе ихъ въ Царьградъ и во Антіохію и во Ерусалимъ и во Александрію и во Египеть и въ Синаискую гору къ патріархомъ съ милостынею въ лета #354 (7009-?) году марта въ 1 день.—Царь государь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи послалъ съ Москвы въ Царьградъ.... милостыню довольную съ московскими купцы съ *Трихономъ Карабелниковымъ* да съ *Юрьемъ Грекомъ*, съ ними ѣздилъ своею охотою московской жалець Феодоръ Крестовниковъ...

См. Правосл. Палест. сборн., вып. 27 (1889); нашъ текстъ относится къ 1-й группѣ списковъ (см. стр. XXXVI),

На л. 28 об. на чистой части страницы рисунокъ (довольно грубый, чернилами) и подпись: «ізъ книгъ Петра Хохлачина».

Л. 35. Мѣсяца іюлія 15 числа страданіе и мученіе святыхъ мученикъ Кирика и Улите.—Во время оно бысть гоненіе на христіанъ отъ законопреступныхъ и мучителей отъ древнихъ (?) царей, отъ Уліана.

II. Рукопись.

Л. 3 (1-й и 2-й прѣпали)... на утрея, то есть 29-го августа, оной Полоцкой, пришедь предъ великаго государя и царя и великаго князя Алексея Михайловича, поздравлялъ его государя съ сыномъ великимъ государемъ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ...

Изъ записокъ П. Н. Крешнина; ср. *Сахарова*. Записки русскихъ людей (Спб. 1841), стр. 8—33.

Л. 33. Прошлого 7190-го году, то есть лета Господня 1682, мѣсяца маія 15 числа, въ которое предведеніе Божіе прежнихъ летъ неповиннаго въ городе Угличе царевича младенца Димитрія Іоанновича, сына царя Іоанна Васильевича всея Россіи, убіеніе промысломъ любо-честія бывшаго царя Бориса Годунова.

Записки гр. А. А. Матвѣева; ср. *Сахарова*, тамъ же, стр. 81 и сл.

Л. 116. Копія зъ журналу Его Величества Петра Первого и императора и самодержца всероссійскаго, когда онъ своею высокою особою изволилъ ходить при свите посольской за море 1697-го году.— Изъ Москвы, маія 11-го дня чрезъ Клинь, Тверь...

Записки неизвѣстнаго путешественника о путешествіи Петра I; изд. П. Б. «Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы... (Спб. 1788); ср. Е. Ф. Шмурмо «Петръ Великій въ русской литературѣ» (Спб. 1889), стр. 88, прим. 1.—Нашъ списокъ полнѣе изданнаго.

Л. 156. Мѣс. сентября въ 15 день житіе и мученіе святаго и великаго Христова мученика Никиты.—Въ оно время бысть мужъ богомудръ именовъ Никита въ царство великаго Константина готейнъ родомъ.

Конецъ (2 листа) оторванъ.

Отъ б. студента Института П. А. Незнамова.

133. (16808). Письмо Гоголя. Почтовый листокъ въ четыре страницы, изъ коихъ двѣ заняты письмомъ Н. В. Гоголя 1852 г. (автографъ) на имя Ильи Ивановича Барановскаго. Издано въ Гоголевскомъ сборникѣ Института, стр. 9—10.

Отъ Ильи Ильича Барановскаго.

134 (16248) Бумаги, относящіяся къ Гоголю.

I. Письмо В. А. Гоголя (отца писателя) отъ 12 февр. 1821 г. изъ Миргорода о приѣмѣ Н. В. Гоголя въ Гимназію высшихъ наукъ (получено въ Нѣжинѣ 16 февр. того же года).—Издано послѣдній разъ въ Гоголевскомъ сборникѣ Института, стр. 314.

II. Отвѣтъ (черновой) отъ 18 февр. 1831 на предъидущее письмо отъ Конференціи Гимн. высш. наукъ.—Издано тамъ-же, стр. 314.

III. Списокъ воспитанниковъ Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко съ раздѣленіемъ вазенныхъ отъ своекоштныхъ и съ показаніемъ времени поступленія ихъ въ Гимназію.—2 листа: здѣсь за № 32-мъ Гоголь, принятый 1-го мая 1821 года, занесенный въ графу поступившихъ по смерти В. Кукольника.—Издано тамъ же, стр. 315.

IV. Письмо Михаила Щербака (родственника Н. В. Гоголя) отъ 25 іюня 1821 г. съ просьбой объ отпускѣ Н. В. Гоголя на ваканцію. Издано тамъ же.

V. Письмо гр. А. Г. Куселева-Безбородка о принятіи Н. В. Гоголя въ число гимназическихъ пансіонеровъ, 1822 г. марта 22 (получено въ Нѣжинѣ 22 апрѣля). Издано тамъ же, стр. 318.

VI. Прошение Н. В. Гоголя 20 авг. 1827 г. о допущеніи его, ученика 4-го класса, къ экзамену по языкамъ для перевода въ 4-е отдѣленіе по языкамъ—автографъ. Издано тамъ же, стр. 365.

VII. Показанія учениковъ Гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко касательно естественнаго права проф. Бѣлоусовымъ преподаваемаго (№ 274, 1827 года)—на 8 листахъ. Въ числѣ опрошенныхъ былъ и Гоголь, показаніе и подпись котораго на л. 6 об. Кромѣ него, дали показанія: Ѳеодоръ Михно, Е. Филипенко, Александръ Новохацкій, Несторъ Букольникъ, Ник. Котляревскій, Ал-й Колышевевичъ, Петръ Гороневичъ, Н. Родзянко и вторично Е. Филипенко—все ученики 8-го класса. Издано тамъ же, стр. 298.

VIII. Журналы Конференціи Гимназіи высшихъ наукъ за 1824 годъ на 164 л. (въ переплетѣ); здѣсь на 39 об. и л. 56 об.—о поведеніи Н. В. Гоголя. Издано тамъ же, стр. 342—343.

IX. Рисунокъ по фортификаціи, исполненный Гоголемъ въ 1828 году.—Изданъ въ Гоголевскомъ сборникѣ Института (ср. стр. 298).

Переданы изъ Архива Института.

135 (16246). Письмо Петра II Нѣгоша. Листъ, письмо адресовано «Главарима, старешинами и свой почтенной Комунитадя Пащровской», 11 сент. 1813 года.—Автографъ владыки черногорскаго, съ его печатью.

Отъ М. Сперанскаго.

136 (16249) Два стихотворенія. Два листа, на нихъ два анонимныхъ стихотворенія 50-хъ годовъ XIX ст.: 1) «Это значитъ финтифлюшки финтифлю» (шутливое, съ этимъ припѣвомъ), 2) «Всехъ ихъ по міру пусти» (сатирическаго характера).

Отъ преп. В. И. Рѣзанова.

137 (16809). Заговоры. Тетрадка въ 4 д. л. на 8 листкахъ разнаго формата, разныхъ рукъ 50-хъ годовъ XIX вѣка.

Л. 1. Заговоръ отъ глазъ.—Шла Мать пресвятая Богородица...

Л. 1 об. Отъ золотухи.—На морѣ на окѣянѣ... дѣвушки калынушку ломали.

— Отъ колотья.—На морѣ на окѣянѣ... стоитъ камень... сидитъ красная дѣвица.

Л. 5. Отъ грыжи.—Брусь, брусь, возьми свою грызь.

Л. 5 об. Отъ укушенія змѣи.—На морѣ на окѣянѣ на островѣ на Буянѣ стоитъ липа, подъ тою липою лежитъ черная руна ярочья... (продолженіе на л. 2 и 2 об.).

Л. 3. Таблица днямъ, въ которые ничего начинать не должно.—
Генварь имѣетъ несчастныхъ дней 8-мь: 1, 2, 4, 6, 11, 12, 13, 20.

Л. 6. Заговоръ отъ укушенія ужа и козюли.—Зачался свѣтъ съ
полуночи отъ мѣсяца.

Л. 6 об. Отъ чемеру.—На болотѣ купина, подъ купиною придетъ
перелогъ.

Л. 7. Отъ завала горла.—Дубъ, дубъ, возьми свой дубоглотъ.

— Какъ останавливать кровь.—На морѣ на окѣянѣ, на лугу луганѣ
лежитъ камень, на камнѣ сидитъ Мать пресвятая Богородица.

Л. 7 об. Отъ чемеру.—На горѣ на Сіонской стоитъ древо виша-
рисово, подъ тѣмъ дровомъ кипарисовымъ лежитъ котъ золотой.

Тетрадка идетъ изъ Курской губерніи.

Отъ препод. В. И. Рѣзанова.

138 (16855). Слово Григорія Левицкаго. Тетрадка въ 4 д. л. на
5 л. письмо первой половины XIX в.

«Слово о свойствѣ духовнаго просвѣщенія и нравственныхъ каче-
ствахъ ищущихъ онаго».—Читано бакалавромъ богословскихъ наукъ,
магистромъ Левицкимъ.

Слово это произнесено 5 Іюля 1823 г. на торжественномъ
собраніи Московскаго У-а проф. богословія и церковной исторіи
въ университетѣ Григоріемъ Александровичемъ Левицкимъ. Подробнѣе
о немъ см. Біогр. словарь Имп. Моск. Унив. (М. 1855), I,
452—453.

Повидимому, автографъ автора.

139 (16856). Руно орошенное. Рукоп. въ листъ на 52 л., писана
около половины XVIII в.. На л. 52 об. запись: «Принадлежитъ оная
служителю господина капитана и кавалера Николая Архиповича Обта-
жисова Ивану Брызгалову—1822 года...»

Списокъ съ печатнаго черниговскаго изданія 1691 года (см. Со-
никова, I, 197, № 1050).

Отъ М. Сперанскаго.

140 (16854) Рукописи Н. Е. Скворцова. Бумаги, содержащія
работы бывшаго директора Института Н. Е. Скворцова. Всего 61 тет-
радь различнаго формата и времени.

Въ бумагахъ находятся: старыя записи лекцій по философіи, которыя
слушалъ Н. Е. С-ъ въ Московскомъ Унив. (1856—60), его отчеты
по занятіямъ за границею, статьи по вопросамъ о гимназій (оригиналы

напечатанных «Недуговъ»), переводы греческихъ философовъ, собственные лекціи С-а въ Киевскомъ у-ѣ, документы за время директорства въ И-ѣ и т. д.

Отъ А. Скворцовой, вдовы Н. Е. Скворцова; подробная опись бумагъ въ протоколѣ отъ 4 Мая 1903 г. Библиотечной комиссіи.

141 (16857) Трїодъ цвѣтная. Рукоп. въ листъ, на 241 листѣ, писана въ два столбца хорошимъ полууставомъ начала XVI вѣка (бумага ок. 1516 года). Начала и конца нѣтъ. Рукопись пострадала отъ сырости, по краямъ листовъ подклеена. Была въ твердомъ переплетѣ изъ досокъ дубовыхъ, обтянутыхъ кожею; отъ переплета осталась лишь передняя доска и часть задней. Въ заглавіяхъ и заглавныхъ буквахъ киноварь; въ письмѣ, преимущ. на краю строкъ, часто связныя начертанія; чаще другихъ: т+к+о, т+к+а, т+р, л+у, к+ѣ (последнее въ видѣ креста надъ буквой, какъ часто въ югославянскихъ рукописяхъ); ѣ и е различаются: первое довольно послѣдательно замѣняетъ е, очень часто ж=оу (по русски); кое-гдѣ ударенія, несогласныя съ произношеніемъ; надстрочныхъ буквъ довольно много; на начальной гласной слова ѣ, на ѡ—.

Правописаніе русское болгаризирующее.

Начало: оуѣтринци и лнѣр; ѡкоже кз великою недѣлю ѡказано бы. к пнѣ нокы нѣ, на оуѣре, ѡбычнаѣ хс кзскрсе.

Конецъ: кзскрю ма ѡтринж, ѡ лица ткоѣ свѣте незаходмы. покрыла ма естѣ чюжа тма ѡкаинна. нѡ ѡбрати ма кз свѣтж... (изъ службы на нед. всѣхъ святыхъ, субота).

Отъ М. Сперанскаго.

142 (Общ.) Сборникъ. Рукоп. въ 4 д. л., составленная изъ двухъ различныхъ рукописей: первая на 46 л. великорусской скорописи XVIII в., вторая на 115 л. (съ особымъ счетомъ) южнорусскаго письма XVII—XVIII в.. Первая рукоп. безъ окончанія, вторая—сильно пострадала, особенно къ концу, отъ сырости. На передней (единственной уцѣлѣвшей) доскѣ переплета и на нумерованномъ при переплетѣ листѣ записи XVIII столѣтія, великорусскія, съ сильнымъ а—каньемъ.

1) Труды села Рагазны папа пупо пи о димитрія лесъ.

2) разумъ отъ бога дарованны.

3) Писарь пиши.

4) Балшому папу, великаму папу, над папами папу, римскому пратапопу маему малебнаму атцу.

б) Прикажи батюш(к)а сваему васки пусть са мною не деротца, а ежели станет, то всюю армію на расіи пагубить.

Рукопись первая.

Л. 1—46. Книга глаголемая Лусидорность, в ней-же предлежать различная нам учитель(ст)ва, и еже бо во иных книгахъ что о(б)рящемъ сокровенно; иже кто хоцетъ охотно читати, сия книга всяк(у) предлежащую въ себѣ мудрость ему покажетъ, и что в писани(и) гдѣ положено сокровенно, здѣ же в краткихъ словесѣхъ зѣло лѣпо об(ъ)явися.—*Часть А.* Богъ искони и всегда без конца иже есть начало сея книги, аминь. Учитель и ученикъ глаголють вкупѣ: ученикъ—то есть всякій человекъ, кто премудрости хоцетъ... Учитель—святой духъ, той насъ утвердить да сохранить правую истинную вѣру.

Обычная поздняя редакція Луцидарія (въ двухъ частяхъ); въ руц. лишь первая часть, и та безъ конца; послѣдній вопросъ: «Повѣждь ми о великой и святой суботѣ» (л. 46 об.). См. И. Я. Порфирьевъ. Апокрифич. сказанія о новозав. лицахъ и событіяхъ по рукоп. Солов. библ. (Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. LII), стр. 417 и сл.

По листамъ 2—17 запись: «(Сія) книга Петра Клементьева сына Быкова (?—обрѣзано частью), а хто ее похититъ, тотъ будетъ проклятъ отъ нинѣ і до вѣка (?), проклятъ».

Вторая рукопись.

Л. 1. Исторія, яко Господь... (обрѣзано) (сотво)ривъ до дня седмаго, а дня седмаго опочинулъ и той день благословилъ и посвятилъ. День первый.— На початку сотворилъ Господь Богъ небо и землю, и земля была пуста и нежитечна.

Разсказъ на народномъ языкѣ о сотвореніи міра и человека, постепенно сливающийся съ «Исповѣданіемъ Еввы». (Тихонравовъ, Пам. отр. лит. I, 298.) и сказаніемъ о крестномъ древѣ.

Л. 10. О Адамѣ.—Въ шестій день Адамъ сотворенній есть.

Изъ статьи «Отъ колика частей созданъ Адамъ». (Тихонр., у. изд., II, 439).

Л. 10 об. Речи, избраніе з книгъ Ісуса Сираха еклесіахъ к учиталю, зачало 7.—Не отходи отъ жони смыслиной и доброй.

Л. 12. О Лазарѣ четверодневномъ.—Лазарь, другъ Христовъ, четверодневній баше отъ веси Виеанія родомъ.

— Якого стану и роду билъ царь Македонскій Александеръ.—Былъ Александеръ Македонскій стану среднего, долгой шіи, очій ясныхъ, ягоди albo полички эго къ ласковости мѣрне.

Л. 12 об. О погребѣ Александровомъ.—Читалисмо о погребѣ Александровомъ коштолномъ, до которого много ся було зійшло мудрцовъ, з которихъ одинъ рече: вчерашняго дня скарбъ золотій, Александеръ, взиралъ ти.

— Для якої причини память умершимъ творимъ.—Въ субботу завше отправимъ день поминанія.

Л. 13. О покутѣ.—Въ часъ хороби телесной номоканонъ позволяеть на рибу и оливу и вино въ постъ, а на масло и отъ животнихъ никакожде.

Здѣсь примѣры поста: Іосифъ въ землѣ Египетской, о покаившемся разбойникѣ Флавіанѣ.

Л. 15 (безъ заглавія). Замѣтка о вселенскихъ соборахъ 3-мъ и 5-мъ и объ Оригенѣ.

— Слово о 12 пятницяхъ.—Въ западнѣй странѣ есть земля именовъ Лавра, въ нейже градъ есть нарицаемій Шпаль.

Въ срединѣ есть пропускъ.

Л. 16. Повѣсть на востокъ для 5 причинъ.—Первое Христу на восходъ солнца кланяемся для обявленя маестату Божого.

— Слово о святомъ Іоану Богослову, како словомъ изучи чловѣка иконному писанію.—Близъ Константина града есть градець именовъ малъ, въ немже бѣ дѣтищъ малъ сирота.

О гусарѣ.

Л. 18 об. Слово о милостини, якъ дающе нищему самому Христу въ рудѣ даеть.—Чловѣкъ нѣкій въ Константиѣ градѣ зѣло милостивъ, яко и по улицамъ градскимъ ходяще ему нищии послѣдоваху.

Л. 19. Повѣсть о нарожденю Пилата Пантійскаго и о житіи его и о смерти пагубной.—Билъ нѣкоторій кроль именовъ Литусъ въ Римѣ, которій то кроль мѣлъ собѣ едномислницу дѣвицу за подложницу, а тую званно именовъ Пилла.

Л. 21 об. Сказаніе о евангелистахъ, како списаша евангеліе.—Матѣей до 8 лѣтъ...

Замѣтка.

— Повѣсть Евсевія Іерусалимскаго о родословіи отца Богородица Іосифѣ.—Давидъ царъ имѣ многи сини, такожде имѣ Соломона и Наана...

Л. 22. Како бѣ святая Богородица по плоти сородница Елизавети.—Бѣ нѣкто отъ рода святительска именовъ Матѣанъ при царѣ Клеопатрѣ.

Л. 23. Како Марія Клеопова сестра пресвятой Богородици.—Сей Клеопа Іоакимова отца Богородици Марію поять жену и умре безчаденъ.

— Приклады нѣкотріе для побуженя и збавеня душъ людскихъ з писма святого, меновите з книги полскої из *Зерцала великої*; напродъ почну о повдоровленю ангелскомъ пречистой Дѣвѣ Богородици Маріи. Прикладъ 1.—Мѣщанинъ единъ въ Колинѣ мѣлъ такій звичай, ижъ воликоденъ едно самъ Богу завше ся молилъ.

Всего 29 прикладовъ.

Л. 39. Приповѣдь о пишномъ цесару Іовіянѣ и о его держеню, якъ Господь Богъ прудко пишнихъ звергаеть з столицѣ, а покорнѣихъ оразъ подвѣшаетъ.—Іовіянъ цесаръ барзо достатнѣй въ Римѣ пановаль, которій одного часу на ложку своемъ лежачи...—л. 43. Выкладъ тоей повѣсти.—Наимилшіи братія, цесаръ тотъ можетъ бути названъ важдіи чловѣкъ.

Л. 44. Прикладъ о досконалости.—Титусъ цесаръ барзо можнѣй въ Римѣ пановаль.... л. 45. Выкладъ того обичнѣй.—Наимилшіи братіе, цесаръ то есть отецъ небеснѣй.

Л. 46. Прикладъ о недосконалости чловѣческой з добродѣства принятыхъ.—Король нѣкотрїи мѣлъ урядника надъ всѣмъ своимъ панствомъ.... л. 49. Выкладъ того обичайнѣй.

Л. 49. Прикладъ о смерти, аби чловѣкъ не грѣшилъ.—Било одного часу княжа, которій ся барзо въ ловахъ кохаль.... л. 50 об. Выкладъ.

Л. 51. Приповѣсть о нѣкотромъ рицери и немилостивой смерти.—Нѣкотрїи чловѣкъ билъ воиномъ и далеко по чистому подю биваль розніе полки.

Л. 54 об. Приповѣсть о ростропности, аби есмо все добрымъ розумомъ чинили и конецъ живота своего памятали.—Цесаръ Доменціанъ достатнѣй и барзо мудрїи.... л. 56 об. Выкладъ.

Л. 57. Слово о Иряклю царю Греческомъ, ягъ далъ милостивю убегимъ.—Бистъ нѣкотрое чудо во градѣ Римстемъ при Константинѣ цари.

Л. 57 об. Чудо святого Григорія, папи Римскаго.—Во градѣ Римѣ есть церковь святого Георгія, въ которой одного часу служачи святую Божию литургію...

Чудо о Срацянѣ.

Л. 58 об. Слово о Самсонѣ силномъ.—Билъ еденъ мужъ з мѣста Самарія изъ поколѣня Данового именемъ Маное.

Л. 63. Прикладъ, же презрѣню Божію жаденъ не можетъ противитися.—Цесаръ Конрадъ велможній въ одномъ мѣстѣ пановаль, въ которого панствѣ билъ единъ рыцерь именемъ Леополдушъ.

Л. 64 об. Гисторія и слово о трехъ царехъ и братіяхъ рожонихъ, которіе будутъ царствовать въ остатніе лѣта предъ вторимъ и нелицемѣрнимъ судомъ панскимъ.—И тогда, братія, будутъ царствовать триє цари братія рожоніи юноши....

Л. 65 об. (безъ заглавія). По семъ постанеть отъ великого рода жона парица именемъ Мандона.

Л. 66 об. О Авраамѣ, како имѣ обычай не ясти по вся дни безъ гостя.—Нѣкогда Господь Богъ удержа путь людемъ всякимъ да не придець ко Аврааму никтоже.

Л. 68. Повѣншованя патронамъ.—На насъ велце ласковіи м-цѣ п-не NN и благодѣтелю нашъ. Значно того Богъ ублагословилъ потѣхою.

Л. 68 об. Житіе святаго праведнаго Іосифа Прекраснаго.—Блаженній Іосифъ тѣломъ и душою прекрасній, сынъ Іакова патріярха старозаконнаго...

Л. 86 об. Страданіе святаго славнаго великомученика и побѣдоносца Христова Георгія.—Римскаго царства скипетры недостойнѣ пріемши Діоклитіянь нечестивій велми прилежаше скверному идолослуженію.

Л. 98. (безъ заглавія) не подобаетъ умолчати и онаго нарочитаго чудеса о убіеніи змія еже содѣя святай великомученикъ Георгій близъ отечества своего...

Чудо о дѣвицѣ и зміи.

Л. 100. Житіе и страданіе святаго славнаго великомученицы Ирины.—Въ оная времена, въ няже людемъ въ тмѣ и смертнѣи идолопоклонническаго нечестія сѣнѣ сѣдащимъ.

Л. 109 об. Житіе святаго праведнаго Іова многострадалнаго.—Святой праведній Іовъ отъ племени Авраамля бѣ въ земли Хусъ, единой отъ аравійскихъ странъ.

Л. 110. Страданіе святаго мученика Варвара война и иже съ нимъ.—Егда богоненавистному цару Іудіану отступнику брань бѣ съ народомъ, нарицаемымъ франки.

Л. 113 об. Память святаго Варвара, бывша прежде разбойника, великимъ же поканіемъ спасеся.—Сей блаженній Варваръ бѣ прежде разбойникъ лють въ странахъ..... уканскихъ.

Послѣдній листъ сильно поврежденъ, но конецъ житія есть.

Въ Общество рукопись поступила отъ А. Н. Малинки.

143 (16984). Заговоры. Листокъ въ 4 д. л. (2 листа) съ заговорами: отъ стрѣльбы, отъ гадины, отъ огня. Запись начала XIX ст., малорусская по языку. Листокъ идетъ изъ Ични (Черниг. губ.).

Отъ студ. А. Гужовскаго.

144 (16791). Школьное дѣйство Рукопись въ 16 д. л. на 21 листкѣ, южно-русское письмо начала XVIII вѣка; между л. 14 и 15 пропускъ.

Л. 1. Царство Натури людской, прелестию, еуже смерть царствовай надъ непогрѣшавшими, разоренное, благодатию же Христа Цара слави, терновимъ вѣнцемъ увяденнаго, паки составленное и вѣнчанное—смутнимъ же дѣйствомъ въ Киевскихъ Аѣинахъ подъ властью пресвѣтлаго тривѣнчаннаго сущихъ отъ благороднихъ Россійскихъ младенцовъ извѣщенное. Року въ онже Христосъ Царь славы разоривши адово царство 1698.

Прологъ извѣствуетъ, како Натура людская, во едемѣ царствующая, царство свое погуби, како бисть радостна царствующой смерти и како на первое царство райскаго возрастася достояние:

Богъ, прежде вѣкъ царствующъ и во вѣки вѣка,
На образъ свой сотвори въ часѣ чловѣка,
Состававъ и царствие пресвѣтлаго рая,
Да чловѣкъ въ немъ царствуетъ весело играя,
Повелѣ царствомъ райскимъ ему обладати,
А на яблоко едемско рукъ не простирати.

Л. 1 об. *Актъ I*. Сцена первая. *Лациферъ*, видяй, ижъ сынъ Божи Натуру людскую на себе приметъ и возвеличитъ, возбуждаетъ на брань ангеловъ, хотя равенъ быти Богу, но гордию его ангель *Михаилъ* побѣждаетъ:

Азъ есмь всѣхъ звѣздъ небеснихъ свѣтлѣйша денница,
Всевидащаго Бога едина зѣница,
Азъ есмь чиновъ безплотнихъ крѣпкѣй воевода,
Избраннѣйши отъ всего ангельскаго рода...

Въ діалогъ затѣмъ участвуютъ и «ангели добри» и «ангели противни».

Л. 4. Сцена 2. *Всемоущан Сила* Натурѣ людской, съ небесъ увѣнчанной, царство райское, роскошь и волю вручаетъ, отъ древа же, вѣдуща зло и добро, ясти возбраняетъ. — *Всемоущая Сила*:

Вся могу, разумѣю, вся вижу, вся знаю,
 Всемогущая сила азъ ся нарицаю.
 Единому богатству все соединенна
 Отъ нераздѣлимой Троицы нине раздѣленна.

Разговоръ «Всемогущей Силы» и «Натуры людской».

Л. 6. Сцена 3. *Злость* люциферова на Натуру людскую, въ рай царствующую, шатается и гласить *Прелесть*, да (на)вкушение заповѣданнаго древа прелстить Натуру. *Злость*:

Что азъ? отъ кого придохъ, кое ми есть дѣло?
 Лютимъ всѣхъ злостей огнемъ гору, киплю зѣло.
 Свою же да угашу чужимъ плачемъ жажду.
 Вибухаю на землю злохитрую вражду.

Разговоръ между «Злостью» и «Прелестью».

Л. 7. Сцена 4. *Прелесть Натура* людской совѣтуетъ плодъ древа заповѣданнаго добръ быти во снѣдъ, егоже Натура ясти изволяетъ, и тако, гласомъ со небесъ престащена, царствія райскаго отпадаетъ.

Натура.

Что еси? и откуда? и что zde творяши,
 Чесо безъ моей волѣ такъ смѣло ходиши?

Прелесть.

Хожду, удивляюся сему мѣсту алачну,
 Хожду, весми чуждуся древу доброврачну.

Л. 8. Сцена 5. *Гнѣвъ Божи* на Натуру людску, преступившую заповѣдь Всемогущей Силы, зѣло ярится и молнию съ небесъ низводитъ, егоже *Милость Божая* благаетъ, но *Истинна Судъ Божи* принуждаетъ на отмщение и Натуру людскую въ рай изгнати пред... повелѣваетъ *Херувиму*.

Гнѣвъ Божи.

За дерзость, за лакомство, за преступство збуру,
 Ввищу и потреблю людскую Натуру,
 И нѣсть иже изметъ ю отъ моею руку:
 Пошлю огненна стрѣли зъ напруженна луку.

Л. 10. Сцена 6. Вулканъ въ пеклѣ уготовляетъ вериги, имиже *Неволя* Натуру, изгнанную зъ рай, связуетъ и въ темницу отводитъ. *Неволя*.

Дажь ногѣ заблуждшия отъ истинна пути,
 Более да не блудягъ, ужами свяжу тя.
 Простри рудѣ, согну ти, лакомая Ево,
 Болше ихъ не распростреши на райское древо.

— Сцена 7. *Плачь* Натуры людской: ридаеть падения, изгнания своего зъ царствія райска, емуже и *ангели* смутнымъ пѣннемъ зъ небесъ соболъзняютъ, но *Благодать* Божия пришедши плачь утоляетъ.

Плачь.

Зъ рая четыре текущая рѣки,
Источѣте ми воды слезъ велики.

Слезное море.

Источите ми кровавихъ слезъ токи,
Фѣзонъ, Геонъ, Тигръ и Ефраеъ глубоки.

Л. 12 об. Сцена 8. *Злють* благодарствуетъ *Прелести*, же Натуру людскую прелстила на вкушение древа заповѣданнаго, *Злють*.

Загага (?) цѣлюю тя прелести, посе лихо(?)

Всего пекелна кола любима утѣхо,

Объемлю тя, усердно любизаю длани,

Кланяюся ти до ногъ, милостивая пани.

Л. 13. Сцена 9. *Отчаяние* Прелестъ нѣкогда же надѣются людской Натурѣ отъ Бога помилования. Но *Милость Божая*. *Въроу* и Надеждоу его побѣдивши, Натуру людскую, въ темницѣ сѣдующую, о освобождении упевняетъ. *Отчаяние*.

Згрѣши людска Натура коль много, коль крати,

Егда Божию дерзну заповѣдь попрали;

Сего ради горе ей зъ всеми грѣхами

Въ раи падшой и спадшой въ геенские ями.

Кончается хоромъ.

Л. 16. *Актъ II*. Сцена 1. *Злють* люциферова, слышащи Милосердие Божие надъ Натуροю людскою оглашенное, паки ярится и гласить *Неволю*, да Натуру людскую предасть въ работу фараоновни.

Злють.

Жестоко оружіе въ сердце мое вниде,

Когда ми вѣсть такова въ ушеса прииде.

Якъ би Вѣра, Надежда и Милость отъ вишнихъ

Мѣють извести Натуру людскую отъ нижнихъ.

Л. 16 об. Сцена 2. Спящу *Фараоновни Фортуна* является предсказующи власть имѣти надъ Израилемъ, зъ чого фараонъ, возбуждений *Гетманомъ* своимъ, тѣшится со вельможи, воини и въ тимъ *Неволя* приводитъ Израйля и въ работу Египтянамъ предаеть. *Фортуна*:

Спитъ чловѣкъ, но фортуна не смѣжаетъ брови,

Една златомъ, другаго даруетъ окови:

Азъ фортуна дарюю ты златомъ,
Въ славъ и владѣнни сажду пребогатомъ.

Л. 18. Сцена 3. *Моисе(e)ви*, овца пасущему, *Богъ* является во купинѣ огненной завѣщаючи ему людъ Израилски отъ фараона извести. *Моисей*:

Что сие видѣнне страшно и ужасно
Художеству моему явися напрасно?
Вижду огнемъ купину горящимъ палиму,
Но отъ пламене зѣлна никако вредиму.

Здѣсь на полѣ ссылка: «исходъ, глава 2».

Л. 18 об. Сцена 4. *Моисей* со Аарономъ молятъ *Фараона*, абиль имъ Израиля отпустилъ, чего ради и жезлъ во змия претворяють, котори фараоновихъ змиевъ такожде зъ жезломъ волсви премѣненихъ пожираеть, не хотящаго ся фараона ко молению ихъ чудеса преклонити, иними знаменми отъ небесъ устрашаютъ, первенцовъ умерщвляютъ, и тако Израиля извести преводять Чермное море, въ немже гонитель фараонъ со вои своими потопленъ. (*Фараонъ*):

Откуда прийдосте, что за люде такови?
Чесо ради Израиль приде со окови?

Моисей.

Азъ Моисей, се Ааронъ, въ Аморейской страни
Къ тебѣ фараонови отъ Бога послани.

Л. 20 об. Сцена 5. *Злостъ* люциперова видяща Израиля, отъ работи фараона освобождена, ярится на Моисея и Смерть царицу надъ Натурию уставляеть.

Злостъ.

Волхвъ Моисей (что я вижду) волшебними чуди
Египетски дерзну устрашити люди:
Устрашу его и азъ — пожди тилко мало,
Не будетъ его болшей чудо волхвовало.

Монологъ.

Л. 21. Сцена 6. *Смерть*, царствующая отъ Адама даже до Христа, смертельными грѣхами на престолѣ почтенна, областю же надъ людскою Натурию величается. *Смерть*.

Во(з)веденна на престолъ, посажденна вама
Царствовахъ и царствую даже отъ Адама.
Той во миръ воведе, и есть мира пани,

Вся конца въ область мнѣ презъ него данн.

Обрывается. Пьеса назначена для сцены: на поляхъ и въ текстѣ указанія: hic ostendit ungues (л. 3), см. также л. 20 (Мойсей у фараона).

Отъ М. И. Лилеева.

145 (16790) Школьное дѣйство. Рукон. въ 4 д. л. на 47 л., письмо южно-русское XVIII столѣтія.

Л. 1—40. Дѣйство: *Торжество Естества человѣческаго*, прежде снѣдью завѣщаннаго древа умореннаго, нынѣ же смертию Христовою оживотвореннаго, еже Милость Божая, любви ради изшедшая, въ нарушенихъ узъ адовихъ разрѣши, изведе на царство некончаема жизни, давши ему перви благодати вѣнецъ; трома части презъ благороднихъ младенцовъ стихотворнаго учения Академіи Кіевския въ день страданія и въ день востанія Господня изъявленное. Року 1706 мѣсяца апрѣля дня 7.

Часть I. Сія часть первая въ нѣкоторихъ явленіяхъ содержитъ отъ рая Естества человѣческаго падение и изгнаніе, также фѣгури или образи страстей Христовихъ даже до самого во гробъ положенія.

Молимъ слушателей о внимательное въ дѣ(й)ствѣ слушаніе.

По скорби всемирную возвѣщаю радость,

Зъ горнихъ слезъ чловеческихъ раждающую сладость.

Л. 2. *Явленіе 1. Естество* человѣческое зрится въ первой славѣ яко изобиліе всяко, но съ небесе *Гласъ* слышится, даби заповѣданна не вкусило древа, ижденетъ бо ся, аще коснется его, *Лакомствомъ* убо возбужденное также и *Невоздержаніемъ* прелщенно, простре руку на завѣщанъ плодъ и снѣде се, яже сему дая Невоздержание. *Естество*.

Царица всемошная есмь окрестна свѣта,

Отъ благъ ми его данна на многіе лѣта.

Л. 4. *Явленіе 2. Ревность* Божая ярится, яко попрашна заповѣдь Господня, и взываетъ *Справедливости*, да разсудитъ тяжесть преступленія, еже вложивши на вѣси, за тяжесть безаконія *Отмщенію* Божию послѣ даетъ изгнати изъ рая, котрое вручаетъ на пагубу вѣчную. *Ревность*.

Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ:

Уничиженна его заповѣдь премнозѣ.

Л. 6. об. *Явленіе 3. Отчаяніе* Естества человѣческаго со *Плачемъ* горко яко рыдаетъ изгнанное и поверженное до Ада отнюдь не получить прощенья, чeso ради хочеть ся убити; се внезапно изходитъ съ небеси *Надежда*, также дѣкъ ангелскій слышится, утѣшая Отчаяніе

со Плачемъ, извѣщая имъ не лестно, яко воскорѣ избавление пошлетъ Господь Естеству чловѣческому, такожде и *Благодать*, укрѣпляющая по Надеждѣ, тое вѣщаетъ. *Отчаяние*.

Попра естество завѣтъ чловечее Бога,
За що приде на не казнь совишше премнога.

Л. 9. *Явленіе 4. Авраамъ* жертву приноситъ Господеви, *Исаака* сына своего закаляетъ, но Ангель запрещаетъ Аврааму, да не простретъ руку на благопослушлива Исаака. *Авраамъ*.

Создавши мя во время отъ брениа, Боже,
Да се възблагодарити мой языкъ не може.

Въ числѣ лицъ еще: Слово Божие.

Л. 11. *Явленіе 5. Продание* Иосифово братие(ю) во землю чужду: *Братя*, Иосифъ, Измаильтяне. *Братъ 1-й*;

Слово имаю, братя, ко вамъ глаголати,
Еже зводите обще вси пилне разсуждати.

Л. 12 об. *Явленіе 6. Иаковъ*, принявше ризу проданнаго Иосифа ложивъ отъ братий окривавленную, лишения Иосифова прегорко ридаетъ. *Иаковъ на одрѣ лежащій*.

Ахъ мнѣ престарѣлому на одри сѣдяду,
Никогда сияния солнечнаго зрящу.

Лица: Иаковъ и 4 сыновей.

Л. 13 об. *Явленіе 7. Милость Божая*, любве ради изшедшая, является нося вся оружия страстей, ихже воспріяти щедрости ради хочеть, даби свасла ся отъ плѣвенія: Естество того ради со тцаннемъ градеть ко Голгоѣ, да тамо на крестѣ житие скончаеть. *Милость Божая*:

Услышася гласъ Естества стениащій,
Пройде сквозѣ облакъ вопль горко гласящій.

Л. 14 об. *Явленіе 8. Побожность* ищетъ Милости Божія, и нескоро обрѣтши *гласъ съ небеси* къ ней вѣщаетъ, да градеть ко Голгоѣ, тамо ю обраць на крестѣ между скорбно *ангельскимъ ликомъ* животь скончавшую, юже обрѣтше и сама подъ крестомъ ради болѣзни умираеть. *Побожность*:

Слисахъ ревность, слысахъ гласъ жениха:
Нова на сердцу бѣ нѣка утѣха.

Л. 16 об. *Явленіе 9. Иосифъ* со *Никодимомъ* распятаго и умершаго на крестѣ снимають и у вертоградѣ полагають въ новомъ своемъ гробѣ съ погрѣбательнымъ ангельскимъ пѣніемъ болѣзненнымъ и отходятъ. *Послѣжди* приходитъ *сонмище еврейское*, запечатлѣваетъ гробъ и

утверждаетъ вѣрною кустоднею, да не возмутъ и ученици пощю.
Никодимъ.

Потщимся, Иосифе, дѣло сотворити,

Зволю мертвца сего плоть въ гробъ положить.

Кончается явленіе «Спѣломъ».

Л. 19. (Часть вторая) *Явленіе 1. Апостоли* собравшеся цѣлованіе послѣднее творять Милости Божией, въ гробъ положенной, сѣтующе которихъ *воини* смертию имъ претящия вонъ изганають. По семь является *Ревность матерняя* возбуждающа скорбны отъ гроба Милость Божию, юже потѣшаютъ ангелския *небесныя хори*, яко востанетъ внезапно.

Апостоли творять цѣлованіе. Петръ:

Творимъ цѣлованіе послѣднее тобѣ,

Да умереть гдѣ съ тобою, прими насъ по себѣ.

Л. 20. *Явленіе 2.* О пѣнии ангельскомъ со многимъ ужасомъ *Милость Божая* востаетъ отъ гроба такожде и многая тѣлеса мертвихъ, сущей потрясенной землѣ воскрешающимъ смятенни *воини*, аки мертви цавши на землю, чрезъ многа времена лежать. *Милость Божая.*

Кто мнѣ во гробъ дѣветъ многа труди?

Ти мя гласи возбуждаютъ всюди.

Кромѣ того: Ревность матерняя, Адъ.

Л. 21. *Явленіе 3.* Сонмище еврейское, пришедши ко гробу, обрѣтаетъ камень отваленъ и *стражицы* аки мертвихъ лежащихъ, на нихъ единодушно устремляются, по маломъ времени воставши аки отъ сна *воини* вѣщатъ, что яко спя воста со многимъ ужасомъ. *Евреи* прочее, да не промчется слово се въ народѣ, даютъ имъ мзду, да вопрошающимъ отвѣщаютъ, яко намъ спящимъ украдоша его ученици. *Еврей 1-й:*

Что лежите, паницы, лихо бѣ вамъ уживуть,

Гдѣ ся подѣвъ мертвецъ той, который лежавъ тутъ?

Л. 22. *Явленіе 4. Петръ* горко рыдаетъ, яко три крага отвержеса Христа, аки не зная его бити.

Уви мнѣ, о уви мнѣ, возридаю како,

Како ли восплачуся прегрѣшивши тако!

Л. 23. *Явленіе 5. Генеузъ Марии Милдалини* ищетъ прилежно Господа во вертоградѣ, ейже является *Милость Божая* во образѣ *вертоградара*, которая послѣжде исто отъ нея познавается, такожде повелѣваетъ Милость Божая, да возвѣститъ Петрови рыдающему, яко

первой приятенъ благодати ради горкихъ слезъ. *Генеумъ Магдалени.*

По печали къ радостной мнѣ сердца отрадѣ:

Пойду искать Господа въ красномъ вертоградѣ.

Л. 24. *Явленіе 6. Милость Божая* освобождаетъ *Естество человеческое* зъ ада со прочими праотци и возводитъ его отъ земли на небо, давая ему первы благодати вѣнецъ со радостнымъ ангельскимъ пѣніемъ, послѣжде *Адъ* ярится, яко разоренно его царство и узники изведенни, но изшедшая съ небесъ *Побѣда Христова* князя тьмы крѣпко связуетъ, седмоглавнаго змя обезглавляеть, рукописание приемлетъ и раздираеть, самаго же предаеть гееннѣ огненной, гдѣ паляшеса ридаетъ, *ликъ же амельскій* на небеси торжествуетъ. *Милость Божая.*

Въ узахъ Натуру услышахъ стелящу,

Ко мнѣ день и ночь прегорко гласящу.

Л. 26 об. *Часть третья. Явленіе 1.* Три добродѣтели: *Вѣра, Надежда* и *Любовь*, градуть ко гробу, несуще со собою араматн благовоиння, и пришедше къ гробу видять камень отваленъ и *Ангела* сѣдяща и глаголюща къ нимъ: нѣсть здѣ, но воста. Послѣжди является сама *Милость Божая*, которое вѣщаютъ апостоломъ, яко видѣхомъ Господа воставша. *Вѣра.*

Несумнѣнну изьявляхъ вѣру мя любящу,

Шествовахъ во путь его всегда мя глаголящу.

Л. 28 об. *Явленіе 2. Петръ* со *Іоанномъ* текутъ ко гробу, но пришедши вѣсть такожде приемлютъ отъ Ангела, яко воста—се варяеть ви во Галилеи.

Петръ.

Кто ми дасть крилѣ яко голубинѣ:

Возлечу окрестъ всего свѣта нинѣ.

Л. 30. *Явленіе 3. Лука* со *Клеопою* шествуютъ во Емаусъ, имже во образѣ страннаго является *Милость Божая*, творящая далечайше ити, но умолима, да възляжеть съ ними, яко путь далекъ есть, и прииметь пищу, во отшествии послѣжди познавается во преломлении хлеба. *Лука.*

Се идемъ во Емаусъ, что же глаголати,

Будемъ къ себѣ на пути о чомъ вопрошати.

Л. 32 об. *Явленіе 4. Побѣда Христова* торжествуетъ на небеси зъ ангельскими дикн между *четырма животными*, яко освобожденно Естество и связанъ князь мира, страждущій въ пламени огненномъ. *Побѣда Христова.*

Мнѣ паче всѣхъ достойно днесь торжествовати,
Со свѣрилами и гуслями гоине ликовати.

Л. 34. *Явленіе 5. Милость Божая* уврачуеъ *немоцнато*, повелѣ-
ваетъ ему вячи одръ, которому *соборище еврейское* по благодарствіи
многи пакости творять, изгоняють его вонъ. *Милость Божая*.

Снидохомъ на землю ради страстей человекъ,
Ему да дастся презъ мя помощь превелика.

Л. 36 об. *Явленіе 6. Зритель* божественныхъ тайнъ видитъ на
престолѣ Агнца, по закланіи грѣхъ ради человекскихъ честь отъ силъ
небесныхъ приемлюща, предъ нимже двадесятчетири старци падше на
лица своя: святъ, святъ, святъ, восклицаютъ. Послѣжде Милость Божая
ликуеъ на небеса, ейже хори ангелскіи благодарствуютъ, яко спасе
Естество отъ работи вражія и первой причте благодати славѣ. *Зритель*.

Мислящу мнѣ о вещехъ на небѣ созданныхъ,
Чуждуся, что зрю много еще непознанныхъ.

Л. 38. *Явленіе 7. Милость Божая* со ангелскими *хори* ликуеъ:
Кому днесь торжественнѣ ликованіе есть требѣ,
Яко Милости, котрая торжествуеъ въ небѣ.

Л. 39 об. *Епилогъ*. Благодарствуетъ благоразумному слушателю за
прилѣжное сlishаніе, при семъ прощенія просить за вся въ дѣйствіи
прегрѣшенія.

Всака вещь созданная свой конецъ имѣеть,
Когда ей остатная година приспѣеть.

Л. 41—47. Латинскія рѣчи.

Л. 41. Oratio de passione Christi.—In prima dicendi posita in limine
oratoris lingua.

Вязу подпись: Gabriel Michaylow(icz?).

Л. 41 об. Oratio gratulatoria Theophanis.—Quid nobis hodie.

Л. 42. Continuatio grationis de surgente Christo.—Ita ne ad tam
magnum periculum.

— Oratio gratulatoria Honoris.—Post impletam grandibus majoribus
nostra corda...

Л. 42 о5. Oratio gratulatoria Paschalis per syllogismum.—Hodie in
hac plena anni serenitate luce...

— Or. gr. paschalis per oppositionem.—Tacitum sequuntur omnes.

Л. 43. Or. gr. paschalis sub allegoria.—Nulla interpretatione
mortalibus.

Л. 43 об. Or. gr. Hospitis per puncta.—Отселѣ весь миръ радостно.

Л. 44. Oratio gratiarum actoria.—Si quando impossibile est.

Л. 44 об. Or. gratularatoria Onophrio.—Et si imminet oculis.

Л. 45. Or. gr. Patroni.—Si quando nunc artem finitimus est.

— Or. gr. Patroni Ignatii professoris mei rhetorices.—Singularem de facto gratiam.

Л. 46. Omnibus imposita est necessitas moriendi.—Dawne to bywa у росполите... кончается польскимъ же стихотвореніемъ.

Отъ препод. М. И. Лилѣева.

146 (16895). Лѣчебникъ. Рукопись въ 4 д. л. на 96 листахъ, второй половины XVIII вѣка, южно-русскаго письма; между л. 56—57, 81—82 и 84—85 пропало по листку. На поляхъ нѣсколько записей; изъ нихъ интересны: 1) л. 6 об.—7: «Скара, показующая лекарство отъ болезни глави и одъ кашля, сочинень 1779 года»; 2) л. 10: «Сего 1788 году марта 3-го били въ насъ святовскіе церковники Кирило Багаловичъ и Семень Сонборовскій первой седмицѣ великого поста въ пятокъ».

Л. 1. Лѣчебникъ книга, часть 1-я. Означеніе лѣчебника, въ какомъ пунктѣ отъ какой болѣзни чимъ себе человекъ ползовати можетъ, подъ симъ явствуетъ, марта 28 1773-го года съ подлѣннаго написано, а именно: что кушать и пить и врачеватись.

Оглавленіе-указатель: содержаніе статей и цифры «пунктовъ» совѣтовъ. Л. 8: «Конецъ (т. е. оглавленія) 1774-го году апрѣля 4».

Л. 8 об. Книга зѣлника, часть 2-я.—Означенія, въ какомъ пунктѣ отъ какого зѣлія питія примать въ болѣзни на исцѣленіе человекомъ и скотомъ обоего рода и обоего пола мужеска и женска, отъ разныхъ зѣлниковъ выписанно 774-го года мая 18 дня.

Оглавленіе.

Л. 13. об. Лѣчебникъ архиврача Іоанна. Молитва сія благоумилла, должно ея чести со слезами впадшему въ скорій недугъ. Киръ Іоанна Вротопола, архиврача Керкирска, преведена отъ еллинскаго на славенскій языкъ.—Господи Іисусе Христе, едино спасеніе живихъ...

Л. 14 об. Молитва на всяку немощь.—Владыко вседержителю, врачу душъ и тѣлесъ...

Л. 1 а. Лѣчебникъ. Хотѣй учиться врачевству тѣлесному долженъ знати и врачество душевное.

— Лѣкарство духовное, показано отъ врача нѣкому старцу.—Старець единь нѣкто отъ отецъ, хотя искусити врача тѣлеснаго, знаетъ ли врачевати грѣхи, и отъ Египта вниде во врачевницу.

Л. 14а об. Посемъ, лѣчебникъ тѣлеснаго врачеванія человѣческаго обще обоему полу мужеску и женску.

Л. 15. Сія книга на двѣ части, изъ разныхъ лѣчебниковъ вписаны, какими справами и составами въ какихъ болестяхъ и какими способи ползовать человѣка и почему признать о смерти и животѣ о томъ, изъ сего дѣйствительными докторами опробованно, августа 2-го дня 1770 году, ниже сего пространно показано, почему зри и внимай. Раздѣлъ 1-й. Лѣчебникъ мужеска полу и женска полу.—Пунктъ 1: Подобаеть человѣку берегчись отъ хлѣбнаго недопеченія.

Самый лечебникъ, всего 334 пункта (последній о мочѣ), пунктъ 335 (онъ же 8-й конскаго лечебника)—занесенъ въ оглавленіе.

Л. 47 (безъ заглавія) Копскій лечебникъ, пункты 3—25.

Л. 50 (безъ заглавія)—Лечебникъ человѣческой, часть 2-я (зѣлникъ), пунктъ 339.

Л. 81. (пунктъ 340). Молитва святого Августина отъ моровой язвы къ Богу—Отцу.—Отче, Боже предвѣщій, во имя Сина твоего едиnorodнаго, Господа нашего Иисуса Христа.

Л. 81. (безъ начала) Наука о пчелахъ.—Господи благослови состави часть 3-ю. Богъ Господь, Отець, Синъ и Богъ Духъ святій, обаче не три, но единъ Богъ, дѣйствіе святаго Зосима о пчелахъ. Во имя Отца и Сина и св. Духа аминь.—Богъ гдѣ посилалъ преподобнаго отца нашего Зосима до обитованной земли по пчелѣ.

— О сотвореніи пасѣки наука.—Пунктъ 1-й: Где восхоцеть человѣкъ, сотворити и зданіемъ возградити пасѣку.

Всѣхъ пунктъ 50.

Л. 93. Означеніе Пчелника въ раздѣлѣ части 3-ей книги сея, по написаній Лѣчебника части первия по пунктамъ и по написаніи части вторія отъ Зѣлника по пунктамъ, сіе же отъ Пчелника части третія по пунктамъ, въ коихъ да есть какая наука, что показано дѣлать въ пристойное время не порядне написанныхъ, въ семъ означеніи чего исхаты надлежитъ по ряду пространно явствуеть.

Оглавленіе.

Л. 94 об. Молитва на благословеніе рыболовнихъ сосудовъ, начало общино.—Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, отъ пяти хлѣбовъ и двою рибу пять тысящъ народа наситивій.

Л. 95. Молитва святаго священномученика Харлампія, епископа Магнисіа града.—Господи аще угодно тебѣ есть, молю тя, даждь благодать имени твоему.

Молитва объ обиліи...

Отъ препод. М. И. Лилеева.

147 (16933). Жалованная грамота. Большой листъ, скоропись съ золотомъ; печать выкрошилась (удѣляла кустодія), сохранности плохой.

Грамота жалована въ 1696 г. царемъ Петромъ Алексѣевичемъ войсковому товарищу стародубскаго полка Степану Улѣвкѣ.

Издана цѣликомъ съ подробнымъ описаніемъ ся и объясненіями въ «Сборникѣ» Общ. при Институтѣ, т. V.

Отъ проф. М. Н. Березкова.

148 (16934). Росписка нѣжинскаго жителя. Рукоп. въ 4 д. л. на двухъ листкахъ, изъ коихъ занятъ лишь первый—распиской и припиской (на об.). Росписку выдалъ Максимъ Сердюченко Прокопу Филипчаку въ суммѣ 10 рублей, въ 1749 году.

Издана въ «Сборникѣ» Общества при Институтѣ, т. V.

Отъ Я. А. Гужовскаго.

149 (16935). Письмо имп. Александра I. Рукоп. въ 4 д. л. на двухъ листкахъ, изъ коихъ на первомъ—письмо, писанное писцомъ, имп. Александра I епископу Черниговскому Виктору (1796—1803) съ благодарностью за поздравленіе съ вошествіемъ на престоль, 1801 г. апр. 8. Подпись императора и дата собственноручныя.

Издана въ «Сборникѣ» Обществѣ при Институтѣ, т. V.

Отъ студ. А. Огіевскаго.

Б. Ф. Бурзи.

ШКОЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

(Рѣчь, произнесенная на годовичномъ актѣ Института
Князя Безбородко 30 августа 1902 г.).

Н Ъ Ж И Н Ъ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

**Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института Ф. Гельме.**

ШКОЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Мм. Гз. и Мм. Гз.

Прямое назначеніе нашего Института, подготовленіе будущихъ учителей средней школы, заставляеть насъ прежде всего задумываться надъ вопросомъ о цѣляхъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ вопросъ столь важенъ, что ни одинъ изъ представителей образованнаго общества и тѣмъ болѣе никто изъ насъ не можетъ уклониться отъ его рѣшенія.

Удостоенный конференціей чести держать передъ Вами рѣчь по случаю нашего Институтскаго праздника, я не могъ не обратить вниманія на тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ Институтъ въ *цѣломъ* своемъ составѣ, и съ другой стороны не могъ отречься отъ своей *спеціальной* науки. Сама собою возникала у меня мысль: обсуждались-ли подобныя школьныя вопросы нашими культурными предками въ древности? Вопросъ о воспитаніи *нашей* молодежи, о томъ, *чему* намъ учить, *какъ* намъ учить—вызвалъ во мнѣ другой вопросъ: «*Чему* учились, и *какъ* учились *древніе Греки?*».

Вѣдь этотъ вопросъ, надо полагать, всегда былъ животрепещущимъ. Разъ народъ достигъ извѣстной степени культуры, то онъ не можетъ быть равнодушнымъ къ цѣлямъ, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при воспитаніи будущихъ гражданъ. Тутъ время не можетъ играть рѣшительно никакой роли. Только способы, формы, предметы преподаванія съ теченіемъ времени измѣнялись; *сущность и общая идея* оставались неизмѣнными. И дѣйствительно, когда ближе познакомишься съ ходомъ античной культуры, становится яснымъ, что въ древности также вполне сознавали важность этой задачи, что тогда, точно такъ-же какъ теперь, общество распадалось на различныя лагеря, смотря по тому, въ чемъ видѣли главную задачу воспитанія молодежи.

Какого-бы мнѣнія ни придерживался каждый изъ насъ въ частности въ школьномъ вопросѣ, все равно, *историческаго факта* никто отрицать не можетъ. А *исторія* намъ доказываетъ, что наша современная европейская культура черезъ столько-то различныхъ посредниковъ восходитъ къ *древнему* міру, что колыбель нашей умственной жизни, какъ далеко ни оставили мы за собой нашихъ прадѣдовъ, находится на почвѣ *эллинской* земли. Поэтому, предлагая Вашему благосклонному вниманію нѣсколько замѣчаній о принципахъ преподаванія въ древней Греціи и о перемѣнахъ, которымъ они подвергались въ разныя времена, надѣюсь встрѣтить съ Вашей стороны надлежащій интересъ къ этому вопросу.

Поколѣніе, которое храбро и отважно, не щадя своей жизни, въ началѣ V в. отражало натиски Персовъ, воспитывалось довольно примитивно. *Тѣлесныя и гимнастическія* упражненія играли первую роль въ дѣлѣ образованія. Строгія нравственныя правила опредѣляли формы обращенія молодежи съ людьми почтеннаго возраста. Особенно много значенія придавалось внѣшнему поведенію юноши. Благопристойная походка и осанка строго соблюдались вездѣ, на улицахъ и въ палестрахъ. На развитіе *умственныхъ* способностей мальчиковъ обращалось мало вниманія. Гуманитарное образованіе ограничивалось игрою на китарѣ и пѣніемъ простыхъ старинныхъ народныхъ пѣсень. Послѣднія своимъ благороднымъ содержаніемъ и своею спокойною мелодіею способствовали развитію въ молодыхъ душахъ любви къ отечеству и возвышали ихъ, не возбуждая страстей. Всякое отклоненіе отъ стариннаго порядка жестоко наказывалось учителями. Теоретическая часть воспитанія сводилась къ обученію грамотѣ. О публичныхъ рѣчахъ молодежи на форумѣ и въ народномъ собраніи или о подготовленія молодыхъ людей къ публичной дѣятельности въ эти времена и помину не было. Такими именно красками рисуетъ Аристофанъ въ своей комедіи «Облака»¹⁾ характеръ стариннаго воспитанія, которому онъ очевидно отдаетъ предпочтеніе и которому онъ противопоставляетъ новомодное воспитаніе, внесенное въ Аттику софистами²⁾.

¹⁾ Arist. Nub. 961—983. 990—999. 1002—1014.

²⁾ Представителемъ софистики и софистическаго ученія у Аристофана, какъ извѣстно, является философъ Сократъ. Неоднократно и въ разныя времена среди ученыхъ обсуждался вопросъ о томъ, какое намѣреніе преслѣдовалъ поэтъ, ставя

Но соотвѣтствуетъ-ли эта картина, написанная художественною кистью комическаго поэта, дѣйствительности? Имѣемъ-ли мы право видѣть въ ней прямую копію жизни? Конечно, мы не будемъ прилагать къ словамъ комика такую-же мѣрку, какъ къ словамъ историка. Вѣрно, что потомство любитъ представлять себѣ прошедшее въ прикрашенной формѣ; вѣрно и то, что восхвалители добраго стараго времени существовали въ древности, какъ и теперь, и что въ воспоминаніи все представляется лучшимъ, чѣмъ было въ суровой дѣйствительности. Но сколько-бы ни отнесли мы въ этомъ поэтическомъ описаніи на долю преувеличивающаго панегириста, главныя черты картины соотвѣтствуютъ дѣйствительности и даютъ рядъ характерныхъ признаковъ, глубоко отличающихъ старинный педагогическій принципъ отъ смѣняющаго его софистическаго идеала образованія. А старинный методъ образованія не сразу сдался предъ напоромъ софистовъ и не рухнулъ на всегда. Еще часто послѣ того въ теченіе греческой исторіи онъ провозглашался какъ истинный путь, ведущій къ цѣли.

Такое-же воспитаніе, какое нѣкогда получали побѣдители при Марафонѣ, рекомендуетъ Аристофанъ въ 423 г., когда онъ ставитъ на сцену свои «Облака» и его сильныя нападки на софистовъ имѣютъ прямую цѣль отвратить народъ отъ вреднаго ихъ ученія. Въ спорѣ двухъ аллегорическихъ фигуръ, несправедливой рѣчи и справедливой, представительницъ двухъ противоположныхъ учебныхъ методовъ, конечная побѣда первой надъ второй должна была еще ярче выставить на видъ опасность секты софистовъ и показать публикѣ, какое сильное вліяніе она уже приобрѣла на умы тогдашняго общества.

То, что Аѳиняне видѣли на сценѣ, случилось и на дѣлѣ. Софисты взяли въ свои руки воспитаніе юношества и старая система должна

въ упрекъ—безспорно несправедливо—философу-мыслителю то, въ чемъ по справедливости упрекали софистовъ-риторовъ. Другими словами: служилъ-ли Сократъ Аристофану типомъ, маскою для цѣлаго ряда людей, провозглашающихъ подобныя теоріи, или-же онъ имѣетъ въ комедіи индивидуальныя черты, которыя, хотя и не соотвѣтствуютъ истинѣ, все-таки могли-бы быть выведенными большою аѳинскою публикою изъ того общаго впечатлѣнія, какое Сократъ своимъ поведеніемъ произвелъ на своихъ современниковъ-соотечественниковъ? Въ этомъ вопросѣ я вполне соглашаюсь со словами I. Bruns'a (das literarische Porträt der Griechen, pg. 196): „Aristophanes hat in den „Wolken“ das Bild des Sokrates gezeichnet, das sich die meisten der Mitlebenden und noch geraume Zeit nach seinem Tode ein nicht unbeträchtlicher Theil der Nachwelt von ihm gemacht hat“. Эсхинъ (I. 173) его прямо называетъ софистомъ (ср. Arnim, Dion v. Prusa pg. 17).

была уступить дорогу новому принципу. Но эта побѣда не была окончательной. Еще часто приверженцы стараго режима оспаривали у новаго гегемонію и вызывали новые протесты и возраженія со стороны противной партіи.

Такъ въ началѣ IV в. явилась интересная статья, написанная книжникомъ, можетъ быть даже главой книжеской школы Антисееномъ, которая поставила своею спеціальною задачею, протестовать противъ стараго метода образованія и доказать его неосновательность¹⁾. Однимъ

¹⁾Этотъ книжескій трактатъ не сохранился въ цѣломъ и подлинномъ видѣ. Имъ воспользовались для своихъ цѣлей съ одной стороны авторъ псевдо-платеноваго діалога Клитофонта, съ другой—софистъ и риторъ II в. по Р. Хр. Діонъ Златоустъ (ог. XIII ed. Agnib. § 16—28). Трактатъ нужно себѣ представить въ видѣ совѣщательной рѣчи, съ которой ораторъ обращается къ своимъ слушателямъ. Поэтому очень можетъ быть, что Ариниъ (Dion v. Pusa pg. 268 sq.) правъ, видя въ ней одну изъ совѣщательныхъ рѣчей главы книжеской школы, Антисеена. Во всякомъ случаѣ мысли, высказанныя въ этой рѣчи, сильно приближаются ученіямъ книжковъ. Начало рѣчи обонми авторами, приспособившими ее въ своихъ цѣляхъ, воспроизводится одинаково: Ποὶ φέρεσθε, восклицаетъ полный негодованія книжникъ, ἄνθρωποι, καὶ ἀγνοεῖτε μηδὲν τῶν δεούτων πρᾶσσοντες. Вы полагаете всѣ старанія на то, чтобы накопить какъ можно больше денегъ и оставить ихъ въ наслѣдство своимъ потомкамъ, а не заботитесь о томъ, чтобы Ваши сыновья умѣли, какъ слѣдуетъ, извлечь пользу изъ своихъ наслѣдственныхъ богатствъ. Ваше обученіе и обученіе Вашихъ дѣтей ограничивается однимъ только γραμματᾶ, μουσικῇ καὶ γυμναστικῇ. (ps. Plato, Clitoph. pg. 407. B. Dio og. XIII. 17 κίθαριζεν καὶ παλαίειν καὶ γραμματᾶ cf. ib. οἱ παιδοτρίβαι καὶ κίθαρισταὶ καὶ γραμματισταί). Только къ тому и сводится ἡ ἀρχαία παιδεία, восхваляемая у Аристофана справедливою рѣчью. Воспитываемые по ней посѣщали заведенія κίθαριστῆς (Nub. 964) и παιδοτρίβης (ib. 973) и упражнялись ἐν γυμνασίῳ (ib. 1009). Такое воспитаніе жалко родителѣмъ знаменитыхъ Мараеонборцевъ (ib. 986). Это доказательство, очевидно, считалось особенно вѣснымъ въ глазахъ современнаго общества; книжникъ и не оставляетъ его безъ возраженія (Dio og. XIII. 23 sq. εἰ δὲ δὴ τις λέγοι τῶν πολιτικῶν τε καὶ ῥητόρων πρὸς αὐτὸν, ὅτι ταύτῃ μέντοι τῇ παιδεύσει χρώμενοι Ἀθηναῖοι Περσῶν ἐπιστρατευσάντων· τοσαύταις μορῖαις ἐπὶ τὴν πόλιν δις ἐφεξῆς καὶ τὴν ἄλλην Ἑλλάδα, . . . ἀπαντας τούτους ἐνίκησαν κτλ.). По словамъ справедливой рѣчи юноши учились пѣть старинныя благородныя пѣсни, начальныя слова которыхъ намъ сообщаются (Nub. 967): „Παλλάδα περσέπολιν δεινάν“ и „τῆλεπόρον τι βόαιμα“ . Первая пѣсня пополняется схолиастомъ Аристофана въ этому стиху и въ схолихъ къ Аристиду III 537; то же мы читаемъ въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ и въ Anthologia lyrica ed. Bergk-Hiller-Crusius pg. 272. Lamprocles 1. Ко второй пѣснѣ схолиастъ къ Аристофану еще могъ прибавить по вѣрнейшѣмъ одно слово, такъ что она по нему звучитъ: τῆλεπόρον τι βόαιμα λύρας (Anthologia lyrica ed. Bergk-Hiller-Crusius pg. 310. 53). Тѣми-же примѣрами пользуется книжникъ для своихъ насмѣшекъ. Отцы, воспитывающіе своихъ сыновей по старинному, полагаютъ, что тѣ способны будутъ управлять своими и государственными дѣлами, οἱ δὲ ἄν ἰκανῶς κίθαριάζει Παλλάδα περσέπολιν δεινάν ἢ τῆ ποδὶ βῶσι πρὸς τὴν λύραν (исчѣдшая фраза также у ps. Plato Clitophon pg. 407. C: οὐ διὰ τὴν ἐν τῆ ποδὶ πρὸς τὴν λύραν

только пѣніемъ старинныхъ народныхъ пѣсень, такъ разсуждаетъ авторъ, одною только игрою на киварѣ, да гимнастическими состязаніями и чтеніемъ Гомеровскихъ пѣсень нельзя воспитать человѣка, способнаго къ политическимъ дѣламъ. Эамиридъ, который столь превосходно игралъ на киварѣ, что отважился на состязаніе съ самими музами, лишенъ былъ за это зрѣнія и утратилъ свое искусство. Точно также никакой пользы не принесло Паламеду знаніе грамоты, напротивъ, оно было причиною его смерти. Если приверженцы стариннаго метода говорятъ въ его пользу, что люди, воспитанные на его основаніи, побѣдили Персовъ при Мараонѣ, то можно имъ отвѣтить на это, что тогдашніе Персы, ихъ непріатели, точно также не были подготовлены къ политической дѣятельности и точно также учились лишь правиламъ благопривстойности¹⁾. Тогдашніе Греки упражнялись въ единоборствѣ, въ бѣгѣ, въ кулачномъ бою—тогдашніе Персы въ стрѣльбѣ изъ лука и въ верховой ѣздѣ. Подобно тому, какъ въ борьбѣ между двумя неловкими гладиаторами случайно беретъ верхъ то одинъ—то другой, такъ и здѣсь имѣлъ рѣшающее значеніе случай, а не доблесть одной изъ борющихся сторонъ. Не тѣхъ слѣдуетъ называть невѣждами, которые не учились

ἀμετρίαν). Первые слова безъ сомнѣнія имѣютъ въ виду стихъ Аристофана; въ послѣднихъ я вижу безсознательно или сознательно, съ дѣлюю насмѣшки, предпринятое искаженіе смысла второй пѣсни: τηλέπορον τι βόραμα λύρας (τῆ ποδὶ βῶσι πρὸς τὴν λύραν). Если это такъ, то это подтверждаетъ мнѣніе Аринна (Dio v. Prusa p. 257), что Dio и ps. Plato, независимо другъ отъ друга, восходятъ къ одному и тому-же источнику—къ восстанавливаемому нами киническому трактату. Авторъ Клитофонта не понахъ соли насмѣшки киника (βῶσι и βόραμα) и въ своемъ пересказѣ совершенно сгладилъ punctum saliens. Но и безъ того точекъ соприкосновенія между комикомъ-поэтомъ, Аристофаномъ, и комикомъ-философомъ, киникомъ, достаточно, чтобы утверждать, что послѣдній направляетъ свои ѣдкія слова противъ того-же воспитательнаго принципа, который восхваляетъ δίκαιος λόγος Аристофана.

¹⁾ Персы тѣхъ временъ были τοξόων τε καὶ ἰππεύων καὶ θηρῶν μεμελετηρότες (Dio XIII 24); Афинянинъ временъ персидскихъ войнъ λιπαρός γε καὶ εὐανθής ἐν γυμνασίοις διάτρεψε (Arist. Nub. 1002) и εἰς Ἀκαδημείαν κατιῶν ὑπὸ ταῖς μορφαῖς κατέτρεψε, στεφανωσάμενος καλὰ μὲν λεπτῆ μετὰ σφύρονος ἡλικιώτου (Arist. Nub. 1006). Вслѣдствіе этого онъ εἶχε ετήθος λιπαρόν, χροῖαν λαμπράν, ὄμους μεγάλους, γλῶτταν βαίαν, πύγην μεγάλην, πόσθην μικράν (Arist. Nub. 1011 sq.). Персамъ τὸ γυμνοῦσθαι τὸ σῶμα αἰσχρὸν εἶδομαι καὶ τὸ πῦεν ἐν τῆ φαρερῆ (Dio XIII 24). Афинскіе юноши стараго закала должны были βαδίζειν ἐν ταῖς ὁδοῖς εὐτακτῶς (Arist. Nub. 964), τὸν μῆρον προβαλέσθαι, ὅπως τοῖς ἐξωθεν μῆδεν δεῖξαιαν ἐγχενέας (Arist. Nub. 974). ἡλείφατο δ' ἂν τοῦ μφαλοῦ οὐδεὶς παῖς ὑπένερθεν τὸτ' ἂν (Arist. Nub. 977). Такой и не можетъ ἄλλο τι μῆδεν αἰσχρὸν ποιεῖν, ὃ τι τῆς αἰδοῦς μέλλει τ' ἄγαλμ' ἀναπλήσειν. Персидское воспитаніе, какимъ его изображаетъ киникъ, вполне соответствуетъ въ главныхъ основахъ афинскому воспитанію времени персидскихъ войнъ, какъ его изображаетъ Аристофанъ.

какому-нибудь изъ искусствъ или ремесль, но тѣхъ, которые не знаютъ, что значить—быть дѣльнымъ человѣкомъ.

Теорія воспитанія, противъ которой возстаетъ нашъ киникъ, не вполне совпадаетъ съ принципомъ прошлаго вѣка. Чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ противъ напора враждебнаго новаго теченія, и отвоевать себѣ право на существованіе, необходимо было сдѣлать молодому поколѣнію неважныя уступки. Суть преподаванія осталась той-же. Главную роль между учебными предметами продолжала играть гимнастика. Игра на киеарѣ и грамота преподавались въ томъ-же объемѣ. Но кромѣ этихъ предметовъ признано было воспитательнымъ средствомъ, способнымъ облагораживать юношескія сердца, посѣщеніе театральныхъ представленій. Поэтому къ бывшимъ раньше наставникамъ-руководителямъ молодыхъ людей, *παιδοτρίβαι*, *κιδάρισται* и *γυμνασισταί*, присоединяются и *οἱ ὀχοπρίται*¹⁾. Но кромѣ того въ новой школѣ должны играть свою роль и риторы, чуждые старой—и риторика получила свое мѣсто въ узкомъ кругѣ предметовъ новой школы²⁾.

Нашъ киникъ не возсталъ-бы такъ энергично противъ стараго направленія обученія, если-бы оно не имѣло въ тамошнемъ обществѣ много адептовъ. И, дѣйствительно, нашлись около того-же времени люди, которые взяли на себя защиту стариннаго принципа воспитанія.

Къ нимъ принадлежитъ прежде всего авторъ трактата, дошедшаго до насъ въ сборникѣ сочиненій Ксенофонта и озаглавленнаго „объ охотѣ“³⁾.

¹⁾ Dio. XIII, 17 ср. 20.

²⁾ Dio XIII. 22.

³⁾ Въ вопросѣ о томъ, принадлежитъ-ли названное сочиненіе цѣликомъ или отчасти перу самого Ксенофонта или-же несправедливо носить его имя, мнѣнія филологовъ до настоящаго времени сильно расходятся, ср. сопоставленіе главныхъ научныхъ работъ по этому вопросу у Радермахера (Rhein. Mus. 1896. Bd. 51. pg. 596). Я не придаю столь важнаго значенія различію стили этой брошюры отъ стили безспорно подлинныхъ сочиненій Ксенофонта (ср. Radermacher, Rhein. Mus. I. c. pg. 598 sq.), чтобы на основаніи такихъ наблюденій произнести окончательный вердиктъ. Мы теперь знаемъ, что древніе авторы, смотря по отдѣльнымъ родамъ литературной прозы, сильно измѣняли свою рѣчь. То, что Байбель (Hermes. 1890. Bd. 25. pg. 583) говоритъ о Ксенофонтѣ, и чего самъ Радермахеръ (Rhein. Mus. 1897. Bd. 52. pg. 17) не оспариваетъ, можно распространять на многихъ другихъ древнихъ авторовъ. Къ законамъ ритма (Radermacher, Rhein. Mus. Bd. 52 pg. 30 sq.), которые будто-бы до мелчайшихъ подробностей разработаны были древними техниками и которые аттическими прозаиками строго соблюдались на практикѣ, я тоже отношусь скептически. Не придаю я большаго значенія и тому, что авторъ статьи „объ охотѣ“

Авторъ, человѣкъ зрѣлаго возраста, даетъ свои совѣты молодежи, самъ

пользуется нѣкоторыми греческими выраженіями, какъ-то γνῶμη, φιλόσοφος и σοφιστής въ особенномъ значеніи (Radermacher, Rhein. Mus. 1897. Bd. 52 pg. 14 и 15 sq.). Я не могу согласиться и съ мнѣніемъ тѣхъ (Radermacher, ib. pg. 36 sq; Norden, antike Kunstprosa, pg. 431 sq.), которые отрѣзываютъ вступительныя слова первой главы (§§ 1—17) и это введеніе приписываютъ какому-то болѣе позднему автору III. в. до Р. Хр. (Radermacher, l. c.) или даже времени второй софистики (Norden, l. c.). Авторъ самъ въ предпоследней главѣ ([Xen.] Symp. 12. 18) отсылаетъ читателя къ заподозренному началу. Правда, Радермахеръ (Rhein. Mus. Bd. 52. pg. 36) довольно просто разрѣшаетъ это затрудненіе, считая заключающія эту смылку слова ὡν ἐπεμνήθητι за вставку, внесенную въ текстъ тою-же рукою, которая прибавила начальную главу. Но я не могу не признать опрочетчивой и необдуманной критики, которая для того, чтобы освободиться отъ стѣснительныхъ фактовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ предвзятымъ мнѣніемъ, безъ колебаній провозглашаетъ такое рѣшающее мѣсто интерполяціей. Но къ тому-же этимъ насильственнымъ приемомъ Радермахеръ все еще не развязалъ себѣ окончательно рукъ. Дѣло въ томъ, что еще другое обстоятельство препятствуетъ видѣть въ началѣ статьи позднюю прибавку. Если мы отдѣлимъ это введеніе отъ остальной статьи, то все ея содержаніе виситъ въ воздухѣ. Между тѣмъ, напротивъ, съ этимъ началомъ о первыхъ изобрѣтателяхъ охоты ходъ изложенія развивается правильно, соотвѣтственно законамъ риторической техники, выведеннымъ древними теоретиками изъ многихъ примѣровъ древней греческой литературы. Гермогенъ (Progymnasm. ar. Walz. Rhetor. gr. I. 40.) прямо пишетъ: τὰ δὲ πρῶτα ἐυχωμίας ἀπὸ τῶν εὐρότων, οἷον τὴν θηρευτικὴν Ἄρτεμις εὐρηξά και Ἄπολλων, και ἀπὸ τῶν χρησαμένων, ὅτι οἱ ἦρωες αὐτῇ εὐχῶντο. Μέθοδος δὲ ἀρίστη ἐπὶ τῶν τοιούτων ἐυχωμίων, ὅσα περὶ πραγμάτων, τὸ τοὺς μετιόντας αὐτὰ σκοπεῖν, ὅποιοι τινὲς εἰσι και τὰς ψυχὰς και τὰ σώματα, οἷον εἰ οἱ θηρώντες ἐνδρείοι, εὐτολμοί, δεύτεροι τὰς φρένας, ἐρρωμένοι, τὰ σώματα. Правда, риторъ взялъ свой примѣръ какъ разъ изъ нашей статьи „объ охотѣ“. Это Радермахеръ (Rhein. Mus. Bd. 52 pg. 36) могъ-бы утверждать гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ онъ сдѣлалъ, особенно если-бы онъ ближе присмотрѣлся къ послѣднимъ выписаннымъ мною словамъ ритора, которыя вкратцѣ передаютъ всю суть трактата „объ охотѣ“. Но почему предполагать, что примѣръ остался единственнымъ въ своемъ родѣ? Радермахеръ самъ (Rhein. Mus. Bd. 51. pg. 612. n. 2) указываетъ на то, что были еще другія ἐυχωμια τῆς κυνηγίας (ср. Plut. de animal. sollert. pg. 959 B sq.). Вѣроятно, что Гермогенъ выводитъ свое общее положеніе изъ многихъ подобныхъ произведеній. Правильнѣе, по моему, изъ этой смылки Гермогена на 1-ую главу (Xen.) Sympet. сдѣлать заключеніе, что эта глава вышла изъ-подъ пера того-же писателя, которому мы обязаны остальнымъ содержаніемъ, чѣмъ на основаніи очень шаткихъ ритмическихъ законовъ заподозрить начало, оторвать его отъ остального сочиненія и полагать, что Гермогенъ уже зналъ эту мнимо-подозрительную первую главу, какъ это дѣлаетъ Радермахеръ (Rh. Mus. Bd. 52. pg. 30 sq. и 36.). Такъ какъ Гермогенъ видѣлъ въ статьѣ ἐυχωμίων, то нельзя и сомнѣваться въ томъ, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собою хвалебное слово. Напрасно Радермахеръ (Rhein. Mus. Bd. 52. pg. 15.) не согласился въ этомъ вопросѣ съ мнѣніемъ Кайбеля (Hermes, Bd. 25. pg. 583), который вѣрно указалъ на аналогичную статью самого Ксенофонта „о земледѣліи“. Радермахеръ удивляется сильнымъ нападкамъ на софистовъ въ послѣднихъ главахъ, не имѣющимъ по видимому никакой внутренней связи съ похвалою

испытавъ всѣ блага занятій охотою. Онъ самъ себя не причисляетъ къ цеху

охоты. Мнѣ кажется, что эти нападки обусловлены тѣмъ, что авторъ видитъ въ софистахъ поколѣніе людей, идущихъ въ разрѣзъ съ воспѣваемымъ имъ сословіемъ охотниковъ. Что охотники уважаютъ, чему они преданы всею душою—къ тому софисты относятся съ холоднымъ презрѣніемъ. Вѣдь не подлежитъ-же сомнѣнію, что безымянные авторы, противъ которыхъ полемизируетъ панегирикъ охоты 12. 10 и 17, выходить изъ лагеря софистовъ, которые порицаются въ 13-ой главѣ. Первые-же принадлежатъ къ числу тѣхъ νέοι, у которыхъ αἱ μὲν ἡδοναὶ κακαί, ἀρετὴ δ' οὐκ ἔνι (ср. 12. 12). Стоитъ только противопоставить полнымъ энтузіазма выраженіямъ приверженца стараго воспитанія о томъ, какъ охота дѣлаетъ своихъ адептовъ хорошими солдатами и полководцами (ср. 12. 8), однимъ словомъ σῶφρονάς τε γὰρ ποιεῖ καὶ δικαίους διὰ τὸ ἐν τῇ ἀληθείᾳ παιδεύεσθαι (ср. 12. 9)—слова, которыя Сократъ въ псевдо-платоновомъ dialogѣ Alcibiades I. pg. 131 В обращаетъ къ молодому Алкивиаду: πολλοὺ ἄρα δέουσιν οἱ γεωργοὶ καὶ οἱ ἄλλοι δημιουργοὶ γινώσκειν ἑαυτοὺς... εἰ ἄρα σωφροσύνη ἐστὶ τὸ ἐπιτὸν γινώσκειν, οὐδεὶς τούτων σῶφρων κατὰ τὴν τέχνην, чтобы узнать, въ какомъ лагерѣ надо искать непримиримыхъ враговъ стараго физическаго воспитанія. Кто восхваляетъ одно, тотъ долженъ противоположное порицать, чтобы придать своей рѣчи больше убѣдительности. Отсюда слѣдуетъ, что авторъ статьи объ охотѣ не могъ обойти молчаніемъ того положенія, которое выставляють его противники. И тутъ онъ только слѣдовалъ общимъ правиламъ риторикѣ. Аристофанъ въ своихъ облакахъ ст. 10:0 sq. противопоставляетъ слѣдствія физическаго воспитанія [ἔξεις αἰεὶ στήθος λιπαρόν, χροιάν λαμπράν, ὤμους μεγάλους, γλῶτταν ζιάν, πυχὴν μεγάλην, πόσθη μικράν] результатамъ софистическаго [ἔξεις χροιάν ὀχράν, ὤμους μικροὺς, στήθος λεπτόν, γλῶτταν μεγάλην, πυχὴν μικράν]; точно также сравниваетъ то и другое авторъ книжки „объ охотѣ“ 13. 11: [воспитываемые софистами та те σώματα πρὸς τὸν πόλεμον χάριστα καὶ αἰσχίστα ἔχουσι πονεῖν οὐ δυνάμενοι. οἱ δὲ κυνηγεταί... τὰ σώματα καλῶς ἔχοντα παρέχουσιν.] Не иначе поступаетъ Лукіанъ (de Parasito с. 41 и 42), противопоставляя жирному тѣлу паразита извуренное философа [τοὺς μὲν sc. φιλοσόφους... ἴδιοις ἂν λεπτοῦς καὶ ὀχροὺς παφρικώτας ὡσπερ ἡδὴ τραυματίας παρειμένους.. τὸν παρασίτον ὁποῖός τις φαίνεται... τὸ σῶμα πρῶτον πολλὸς καὶ τὸ χρῶμα ἡδύς... ἔπειτα *θυμοειδής, δεινὸν βλέπων... μέγα καὶ ὑφαίμον]. Съ этими примѣрами согласуются предписанія риторической техники. Anaximenes, ars rhetor. с. 3: δεῖ τὸν εὐλογοῦντα δεκνύειν τοῖς λόγοις, ὡς... τοῖς πράγμασι ὑπάρχει τι τοιοῦτον... ἐκ τούτου ἐπιτυμζαίνον... τὸ μὲν ἐκ τούτου οἶον ἐκ τοῦ φιλογυμναστῆν τὸ σῶμα ὑγιάειν καὶ ἐκ τοῦ μὴ φιλοπονεῖν ἐπ' ἀρρώστιαν ἐμπίπτειν, καὶ ἐκ τοῦ φιλοσοφεῖν δεινότερον εἶναι περὶ φρόνησιν, καὶ ἐκ τοῦ ἀμελεῖν ἐνδεᾶ τῶν ἀναγκαίων εἶναι. Но съ другой стороны нельзя и не согласиться съ Радермахеромъ въ томъ, что наша статья въ высшей степени тенденціозна. Намѣреніе, во что бы то ни стало, превозвышать физическое воспитаніе въ ущербъ чисто умственному проглядываетъ слишкомъ ясно. Авторъ только облекъ эту свою тенденцію въ форму хвалебнаго слова. Итакъ, брошюра, во моему, вся съ начала до конца принадлежитъ одному автору и не искажена никакими прибавками и интерполяціями. Но она не можетъ быть работой самого Ксенофонта. Это, мнѣ кажется, вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. По словамъ автора (1. 18) онъ человѣкъ въ преклонныхъ лѣтахъ, считающій себя вправѣ παρανεῖν τοῖς νέοις. Слѣдовательно, объ юношескомъ произведеніи Ксенофонта думать нельзя. Но онъ не причисляетъ себя къ сонму профессиональныхъ литераторовъ. [13. 4. ἐγὼ δὲ ἰδιώτης μὲν εἰμι. 13. 5. ἴσως οὖν τοῖς μὲν ὀνόμασι οὐ σεσοφισμένως λέγω. 13. 7.

профессиональных литераторов и сознает, что онъ пишетъ безъ всякой правильной диспозиціи. Но ему не до словъ, ему только содержаніе важно. Онъ не скрываетъ, что онъ простой человѣкъ, который не проходилъ высшей школы и не пропитывался духомъ софистики. Онъ умѣетъ цѣнить философовъ, но самъ, кажется, не учился у нихъ. Онъ не стыдится своего примитивнаго образа жизни и рекомендуетъ его другимъ въ противоположность уточенной жизни софистовъ. Такъ же горячо, какъ нашъ киникъ напалъ на старый принципъ воспитанія, авторъ статьи объ охотѣ возстаетъ противъ софистовъ. Когда ему приходится защищать превосходство охоты, какъ воспитательнаго средства, онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы восхвалить охоту и всѣ занятія, которымъ насъ учитъ сама природа, и чтобы осудить своихъ противниковъ-софистовъ. Охота дѣлаетъ молодое поколѣніе выносливымъ, храбрымъ, сильнымъ, между тѣмъ какъ занятіе бесполезными отвлеченными вопросами изнуряетъ тѣло. Охотники сообща выступаютъ противъ общихъ враговъ, софисты изъ за корыстолюбія ненавидятъ другъ друга. Охота воспитываетъ людей въ правдолюбіи, рѣчи-же софистовъ имѣютъ цѣлью лишь обманъ слушателей. Помня, что уже сами боги предавались охотѣ, охотники являются набожнымъ народомъ, который, не измѣняя старой вѣрѣ, полагаетъ, что божества сами слѣдятъ за ихъ подвигами. Софисты, напротивъ, не заботятся о культѣ боговъ. Изъ всего этого выходитъ, что любители охоты могутъ быть только хорошими людьми по отношенію къ родителямъ, ко всему городу и къ каждому гражданину въ отдѣльности.

Въ этомъ противопоставленіи много, конечно, преувеличеній въ пользу сословія охотниковъ и въ осужденіе риторически-софистическаго направленія и принимать его цѣликомъ на вѣру нельзя. Но не въ томъ дѣло. Насъ здѣсь интересуетъ только тотъ фактъ, что въ первой половинѣ IV стол. нашелся человѣкъ, частное лицо, не имѣющее ничего

ράδιον γὰρ ἔσται αὐτοῖς τὰ χύθην ὀρθῶς μέμφασθαι. (Въ послѣднемъ мѣстѣ поправка Кайбеля, *Perthes*, Bd. 25 pg. 59. Anm. 1, τὰ χύθην вмѣсто рукописнаго τὰχὺ μὴ мнѣ кажется необходимой, чтобы хоть отчасти поваять трудную, очевидно сильно испорченную фразу). Такъ скромно Ксенофонтъ въ расцвѣтѣ лѣтъ не могъ выражаться, когда онъ себѣ уже стяжалъ своими произведеніями великую славу. Это обстоятельство служить для меня главнымъ основаніемъ, чтобы оспаривать принадлежность этого сочиненія самому Ксенофонту. Въ опредѣленіи времени трактата можно согласиться съ Радермахеромъ (*Rhein. Mus.* Bd. 52. pg. 25), который его относитъ къ началу IV вѣка.

общаго съ людьми близко стоящими къ дѣлу воспитанія, которое энергично высказалось противъ господствующаго принципа и видѣло единственное спасеніе въ возвращеніи къ первобытному способу обученія. Пусть страдаетъ формальное образованіе человѣчества, лишь-бы остались неприкосновенными добрыя нравы предковъ. Воспитаніе въ правдолюбіи, справедливости, однимъ словомъ, въ добродѣтели, по искреннему убѣжденію нашего автора, можетъ быть достигнуто исключительно возвращеніемъ человѣчества къ природѣ¹⁾). Конечно, эта горячая похвала не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій; она только характерна, какъ частный протестъ человѣка изъ заинтересованной въ дѣлѣ воспитанія публики противъ преобладающей и слишкомъ увлекательно дѣйствующей силы софистовъ.

Въ подобномъ-же смыслѣ нужно понимать слова, которыя около того-же времени Ксенофонтъ посвятилъ похвалѣ земледѣлія²⁾). Въ діалогѣ

¹⁾ [Xen.] Symp. 13. 4. ἐγὼ δὲ ἰδιώτης μὲν εἰμι, οἶδα δέ, ὅτι κράτιστον μὲν ἐστὶ παρ' αὐτῆς τῆς φύσεως τὸ ἀγαθὸν διδάσκεισθαι, δευτέρον δὲ παρὰ τῶν ἀληθῶς ἀγαθὸν τι ἐπισταμένων μᾶλλον ἢ ὑπὸ τῶν ἐξαπατῶν τέχνην ἔχόντων.

²⁾ ср. Kaibel, Hermes Bd. 25. pg. 583. Обозначеніе „похвала земледѣлія“ подходит не къ всему трактату Ксенофонта „Οἰκονομικός“, но только къ отдѣльнымъ его частямъ (главы 5-ая и 11-ая до 15-ой). Увѣреніе, что земледѣліе φύχη τε χειμῶνος καὶ θάλαττη θέρος ἐδίδει καρτερεῖν и что оно-же τοὺς μὲν αὐτοῦργοὺς διὰ τῶν χειρῶν γυμνάζουσα ἰσχυρὸν αὐτοῖς προστίθει, τοὺς δὲ τῇ ἐπιμελείᾳ γεωργοῦντας ἀνδρίζει πρὸς τε ἐγείρουσθαι καὶ πορεύεσθαι σφοδρῶς ἀναγκάζουσα (Xen. Oeconom. 5. 4), находятъ свою точную параллель въ разсмотрѣнныхъ уже нами мѣстахъ Аристофана Nub. 1010 sq. и анонимнаго автора статьи „объ охотѣ“ 13. 11 (ср. предыдущее примѣчаніе на стр. 10). Забота о земледѣліи и занятіе имъ, по словамъ Ксенофонтскаго Сократа (Oeconom. 5. 1.), дѣлаютъ тѣло человѣка способнымъ ко всему, что подобаетъ ἀνδρὶ ἐλευθέρῳ (ср. и Oecom. 5. 11, 12.) Это не расходится съ высокимъ мнѣніемъ безымяннаго автора о хорошихъ качествахъ охотниковъ. Охота ихъ дѣлаетъ σώφρονάς τε καὶ δικαίους ([Xen.] Symp. 12. 7) и увеличиваетъ въ нихъ сердцахъ ἐπιθυμίαν ἀρετῆς ([Xen.] Symp. 12. 9). Но оно прямо противорѣчитъ тому, что тотъ-же самый Сократъ проповѣдуетъ въ діалогѣ Алкивиадѣ I (pg. 131 A:B) ο γεωργοὶ καὶ οἱ ἄλλοι δημιουργοί. Изъ нихъ никто по его мнѣнію не становится σώφρων, по скольку онъ занимается своею τέχνη. И вслѣдствіе этого βάναισι αὐταὶ αἱ τέχναι δοκοῦσιν εἶναι καὶ οὐκ ἀνδρός ἀγαθοῦ μαθημάτων. По словамъ обоихъ панегиристовъ и охотники ([Xen.] Symp. 12. 2 sq.) и земледѣльцы (Xen. Oecom. 5. 7, 8) оказываются очень полезными и храбрыми солдатами въ войнѣ. Какъ первые, такъ и послѣдніе набожный народъ ([Xen.] Symp. 13. 17 и Xen. Oecom. 5. 10). Софистовъ Ксенофонтъ въ Οἰκονομικός не называетъ прямо по имени, и не вступаетъ съ ними въ прямую полемику, какъ это сдѣлалъ псевдо-Ксенофонтъ въ Κονηγετικός (гл. 12 и 13). Но полемика противъ нихъ не отсутствуетъ. Прототипъ идеальнаго земледѣльца, Исхомахъ, рассказываетъ, что ему часто приходилось оправдываться передъ женою, и при этомъ онъ испытывалъ, что всякій

Οἰκονομικός мы встрѣчаемъ тоже фразы, прямо направленные противъ софистовъ. Занятіе земледѣліемъ дѣлаетъ людей сильными и выносливыми. Такъ какъ урожай и неурожай чесь въ рукахъ боговъ, то хлѣбопашецъ долженъ быть набожнымъ человѣкомъ. Ксенофонтъ тоже ставитъ на первый планъ физическій трудъ. Увлекаясь своимъ искреннимъ убѣжденіемъ, что весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ труда, приложеннаго къ нему, онъ доходитъ даже до смѣлаго положенія, что каждый прилежный человѣкъ eo ipso и хорошій полководецъ, и что весь успѣхъ въ войнѣ *тоже* находится въ полной зависимости отъ усердія полководца, а не отъ подготовки его къ военному дѣлу. Вы видите, въ общихъ принципахъ Ксенофонтъ сходится съ авторомъ книжки объ охотѣ.

Эти идеи, которыя оказывались живучими въ классическій періодъ Греціи, не теряли своей жизненной силы и послѣ. Во II вѣкѣ п. Р. Х. Діонъ Златоустъ воспроизводитъ полемическую рѣчь стараго киника, сказанную шесть стол. тому назадъ и направленную противъ стариннаго метода, о чемъ мы говорили равьше (стр. 6 и примѣч.), и тѣмъ свидѣтельствуетъ о живомъ интересѣ къ подобнымъ педагогическимъ вопросамъ. Около того-же времени сатирикъ Лукіанъ въ своемъ Анахарзисѣ въ противоположность ему съ очевиднымъ пристрастіемъ восхваляетъ старинный идеалъ образованія¹⁾. На первомъ планѣ стоитъ физическій трудъ.

разъ, когда заступался за истину, онъ имѣлъ успѣхъ; когда-же онъ говорил неправду, то терпѣлъ неудачу. (Xen. Oecop. 11. 25 βταν δὲ ψευδῆ, τὸν ἤττω λόγον, ὃ Σόκρατες, οὐ μὰ τὸν Δία οὐ δύναμαι χρεῖστω ποιεῖν.) Ну, конечно, отвѣчаетъ ему Сократъ, ты не можешь сдѣлать изъ лжи добро. Въ этихъ словахъ мы имѣемъ передъ собою самый строгій обвинительный приговоръ налѣ софистическую моралью, заключающейся въ девизѣ τὸν ἤττω λόγον χρεῖστω ποιεῖν. И въ этомъ подлинномъ трактатѣ Ксенофонта мы читаемъ такъ-же, какъ въ ложно ему приписанномъ, рядомъ съ защитительно-хвалебными и обвинительно-поричательными замѣчаніями спеціальныя правила. Они касаются посѣва, разведенія деревьевъ, одобренія почвы и под. (Xen. Oecop. cap. 15—19) такъ-же, какъ они въ книжкѣ объ охотѣ ([Xen.] Symp. cap. 2—11.) касаются птицеловства, охоты на оленя и зайцевъ и травли кабановъ. Но одновременно съ этими частными совпаденіями въ общихъ взглядахъ на дѣло воспитанія восхвалителя земледѣлія и превозносителя охоты замѣчается и большая разница, особенно въ тонѣ рѣчи. Между тѣмъ какъ въ статьѣ объ охотѣ преобладаетъ полемическій раздраженный характеръ, Ксенофонтъ въ Οἰκονομικός провозглашаетъ свои убѣжденія спокойно, въ твердомъ сознани ихъ правдивости.

¹⁾ Вѣрно отмѣчено (R. Heinze, Philolog. 1891 Bd. 50 pg. 458 sq.), что діалогъ Анахарзисъ вызванъ былъ распространенной въ тѣ времена традиціей, которая повѣствовала о бесѣдѣ Солона съ Анахарзисомъ и Анахарзису, относящемуся отрицательно къ пользѣ агонистики, отдавала предпочтеніе передъ Солономъ. Также справед-

Человѣкъ гимнастикою тѣла приобрѣтаетъ выносливость въ перенесеніи

ливо имъ-же уже указано на то, что Анахарзисъ со своимъ педисто эллинскимъ міросозерцаніемъ олицетворяетъ космополитизмъ кинической секты. Мы не вѣрнимъ больше во всѣ положенія Бернайса (Lucian u. die Cyniker 1879 pg. 42 sq.), особенно же въ то положеніе, что Лукіанъ питалъ противъ киничовъ особую ненависть вслѣдствіе рѣзкаго разногласія съ ними въ основныхъ воззрѣніяхъ на цѣли и идеальный складъ жизни. Мы теперь болѣе склонны видѣть въ Лукіанѣ поэта, издѣвающегося надъ всѣми человѣческими странностями, поскольку онѣ пригодны для сатиры. (Helm. Lucian u. die Philosophenschulen. Neue Jahrb. 1902. pg. 265 ff.). Но всетаки среди всѣхъ философскихъ школъ киническая занимаетъ въ произведеніяхъ Лукіана самое широкое мѣсто. Я не могу приписать случайности, что тотъ-же Діонъ Златоустъ, который воспроизводитъ въ 13-ой рѣчи старую киническую рѣчь, въ 32-ой рѣчи (§ 44.) намъ передаетъ вкратцѣ киническое мнѣніе Анахарзиса объ эллинскомъ воспитаніи, являющае совпадающее съ тѣмъ, которое Лукіанъ влагаетъ въ уста собеседника Солона (ср. особенно Лукіанъ, Анахарзисъ § 5 ἔμοιγε μάγιστα μάλλον κοικῆσαι δοκεῖ τὸ πρῶτον τ. е. гимнастическія упражненія и Діонъ, ор. XXXII § 44 ὑψίον, ἐν ᾧ μαίνονται καθ' ἡμέραν, τὸ γυμνάσιον λέγω.). Если на основаніи другихъ независимыхъ отъ этого причинъ Анахарзисъ справедливо принимается за представителя киническаго ученія, то излишнимъ кажется прослѣдить, на сколько восхваляемый Солономъ методъ ученія въ Лукіановскомъ Анахарзисѣ сходится съ тѣмъ, который опровергается старымъ киникомъ въ 13-ой рѣчи Діона (§§ 16—28). Солономъ видится цѣль воспитанія въ томъ, чтобы οἱ πολῖται ἀγαθοὶ μὲν τὰς ψυχάς, ἰσχυροὶ δὲ τὰ σώματα γίγνοιτο (Lucian, Anachars. § 20 ср. § 30 οἰόμενοι φύλακας ἡμῖν τῆς πόλεως ἀγαθοὺς γενέσθαι). И тѣ, противъ которыхъ возстаютъ киникъ (Dio XIII 19.), οἴονται ἀπὸ τοῦτων ἄνδρες ἀγαθοὶ ἕσσεσθαι. Въ чемъ же состоитъ суть воспитанія по Солону? Сперва изучается музыка, арметика, грамота; потомъ юноши слушаютъ въ исполненіи рапсодовъ стихотворенія поэтовъ Гомера и Гесиода (Luc. Anach. § 21). Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе и толкованіе законовъ подъ руководствомъ τ. н. σοφισταὶ καὶ φιλόσοφοι; оводѣлаетъ ихъ способными λέγειν τὰ δέοντα καὶ πρῆττειν τὰ δίκαια. А въ театрѣ они воспитываются, слушая комедіи и трагедіи, ἀρετὰς τε ἀνδρῶν παλίων καὶ κακίας θεώμενοι (Luc. Anach. § 22). Наконецъ тѣлесныя упражненія въ γυμνάσια, которымъ Лукіанъ посвящаетъ подробнѣйшее описаніе (Luc. Anach. §§ 24—29), имѣютъ двоякую цѣль: во-первыхъ θυμοειδῆς τε παρρασκευάζον ἐς τοὺς κινδύνους καὶ τῶν σωμάτων ἀφειδεῖν и во-вторыхъ ἐρρωθεῖν καὶ καρτεροὺς εἶναι (Luc. Anach. § 24). Посредствомъ какихъ-же знаній противники киника думаютъ ἄνδρες ἀγαθοὶ ἕσσεσθαι καὶ δοῦνῆσθεσθαι τὰ τε κοινὰ πρῆττειν ὀρθῶς καὶ τὰ ἴδια? Конечно, киникъ всакими средствами старается умалить значеніе прежняго метода. По этому его слова слѣдуетъ понимать съ нужною осторожностью. Музыка и грамота ихъ обучаютъ οἱ καθαρισταὶ καὶ γραμματισταὶ (Dio XIII. 17). Между учителями имѣются и рапсоды (Dio. XIII. 17), и юноши сами читаютъ стихи Гомера и Гесиода (Dio XIII. 19). Мѣсто софистовъ и философовъ у Лукіана занимаютъ у Діона (XIII. 22) ῥήτορες, которые сами ἰκανοὶ πρὸς τὸ βουλεύεσθαι и τέχνη которыхъ ἄνδρες ἀγαθοὺς ποιεῖ. При театральныхъ представленіяхъ слушатели ἔλεοῦσι τὰ ἀτυχήματα τῶν ἐν ταῖς τραγωδίαις ἀνθρώπων, роковую судьбу какого-нибудь Атрея, Агамемнона или Эдипа (Dio XIII. 20), и они причисляютъ ὑποκρίται въ своимъ учителямъ (Dio XIII. 17). Точно такъ-же по Солону ἐς δάκρυα χαιτεσπῶντο οἱ ἀκούοντες (Luc. Anach. § 23), видя на сценѣ ἀρχαίαν τινὰ συμφορὰν и слыша ῥήσεις οἰκτρὰς. Наконецъ, искусству

всякаго рода труда. Гимнастика ума ограничивается усвоеніемъ самыхъ необходимыхъ знаній, обученіемъ ариметикѣ, грамотѣ, музыкѣ, изученіемъ мудрыхъ изреченій и общихъ гражданскихъ законовъ.

Постараемся въ этихъ частныхъ голосахъ отдѣльныхъ защитниковъ старины, изъ которыхъ ни одинъ не даетъ и не былъ намѣренъ дать полной картины, отыскать положенія общія всѣмъ. Мы видимъ, что *все они особенно много обращаютъ вниманія на физическія упражненія.* Исходя изъ аксіомы: «mens sana in corpore sano», они восхваляютъ хвалы всякаго рода гимнастическимъ упражненіямъ въ палестрахъ, на охотѣ, при паханіи земли. Обобщая старинную поговорку о здоровомъ разумѣ въ здоровомъ тѣлѣ, они заключаютъ, что люди, воспитанные въ такомъ духѣ, становятся *не только разумными, но и справедливыми, правдолюбивыми, вообще дѣльными.*

Если-бы намъ захотѣлось подобрать параллели изъ новаго времени, мнѣ кажется, мы нашли-бы представителей *этого крайняго подчеркиванія физическаго воспитанія и теперь.*

Многіе случаи въ культурной жизни человѣчества подтверждаютъ истину наблюденія, что изъ одной крайности люди любятъ переходить въ другую. Романтическое направленіе въ поэзіи смѣняетъ реалистическое; въ живописи раньше идеализировали природу, теперь-же копируютъ обнаженную отъ всякихъ прикрасъ дѣйствительность. Тоже замѣчается и въ другихъ областяхъ. Не удивительно поэтому, что исключительному подчеркиванію физическаго воспитанія явился противовѣсъ въ крайнемъ развитіи *умственныхъ* и въ особенности *диалектическихъ* способностей молодежи. Направленію, которое рекомендовало такой методъ воспитанія, дается общее названіе *софистическаго.*

Обыкновенно появленіе софистовъ и ихъ ученія ставятъ въ связь съ опредѣленнымъ годомъ—427, когда Горгіи въ качествѣ посланника своего родного города плѣнялъ слушателей въ Афинахъ новизной и убѣдительною своею мощною рѣчи. Но нельзя забыть, что Афины не

единоробства молодежь учится у παιδοκριτής (Dio XIII. 17), какъ она по Солону учится ποικιλίᾳ, παύρατιάζειν и тому под. (Luc. Anach. § 24). Итакъ, въ общемъ итогѣ изъ частныхъ замѣчаній того и другого писателя получается одинаковая картина обученія.

были исходнымъ пунктомъ этого движенія. Столица аттическаго государства составляетъ только одинъ отдѣльный т. ск. этапъ въ побѣдоносномъ нашествіи моднаго софистическаго ученія. *Въ Великой Греціи и въ Сициліи*, откуда явился Горгій, давно уже *введенъ былъ въ кругъ обязательныхъ школьныхъ предметовъ курсъ практической риторики*. Тамъ уничтоженіе старой школьной системы считалось уже совершившимся фактомъ¹⁾.

Затѣмъ обращая исключительное вниманіе на одну сторону дѣятельности софистовъ—на доведеніе до совершенства внѣшнихъ формъ греческой рѣчи, легко забываютъ, что эта часть—лишь незначительный отрѣзокъ отъ цѣлаго зданія риторической техники. Главная и основная ея часть состоитъ *въ подборъ удобно для риторическаго толкованія матеріала*. Оказывается, что и въ этомъ отдѣлѣ греческой риторики софисты выказывали себя мастерами дѣла еще до того времени, когда Горгій выступилъ въ Афинахъ съ дипломатическою рѣчью. Въ искусствѣ бесѣдовать о всевозможныхъ отвлеченныхъ предметахъ упражнялись уже до Горгія. Риторическій матеріалъ долженъ быть выбранъ соотвѣтственно цѣлямъ рѣчи. Отъ нихъ и зависитъ трактованіе матеріала. Не удивительно поэтому, что софисты при своемъ ученіи обращали вниманіе и на эту сторону дѣла. Итакъ, софисты являются родоначальниками всѣхъ трехъ главныхъ отраслей греческой рѣчи, судебной, эпидейктической и совѣщательной.

Объ интересѣ софистовъ къ *судебнымъ дѣламъ* мы слышимъ въ

¹⁾ Diodor XI. 87. въ 454 году: λόγου δεινότης ὑπὸ τῶν νεωτέρων ἤσκητο, καὶ καθόλου πολλοὶ τὰ φαῦλα τῶν ἐπιτηδεωμάτων ἀντὶ τῆς παλαιᾶς καὶ σπουδαίας ἀγωγῆς ἠλλάττοντο. Манделъ (Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора. Одесса. 1901. рг. 257.) склоненъ думать, что Діодоръ въ указанномъ мѣстѣ оперируетъ ходячими фразами. Выписанныя выше слова, мнѣ кажется, слишкомъ опредѣленны, чтобы допустить такое предположеніе. Напротивъ, фактъ, засвидѣтельствованный Аристофаномъ въ „Облакахъ“ и другими писателями (см. выше стр. 5 сл.), что на роднѣхъ Элліни переживали подобное время смѣны стараго ученія новымъ софистическимъ, въ связи съ такимъ-же историческимъ фактомъ, что новый родъ краснорѣчія занемцованъ былъ греками метрополиі у сицилійскихъ греческихъ колонистовъ, скорѣе благопріятствуетъ предположенію, что въ Сициліи новый родъ краснорѣчія тоже связанъ былъ съ переменою въ методѣ обученія молодежи. Если это такъ, то мы, конечно, этимъ драгоценнымъ указаніемъ обязаны не самому Діодору, но его источнику, кто-бы это ни былъ, вѣроятно Тимею Сицилійскому ср. Wachsmuth. Einl. in das Stud. der alten Gesch. 101. Volquardsen. Unters. üb. die Quellen der griech. u. sicilischen Gesch. bei Diodor XI—XVI. рг. 72. sq. E. Schwartz. Pauly-Wissowa, Realencyclopädie V. 1 рг. 686.

первый разъ въ жизнеописаніи Перикла¹⁾. Протагоръ спорить съ Перикломъ о томъ, кто виноватъ въ слѣдующемъ очень запутанномъ судебномъ процессѣ: единоборецъ нечаянно убилъ копьемъ въ состязаніи своего соперника. Спрашивается, кого наказать: единоборца, распорядителя турнира или копье.

Всѣ тетралогіи Антифонта²⁾ и его прототипъ для 5-ой рѣчи (de

¹⁾ Plut. Per. 36, очевидно, черпаетъ изъ Стезимброта, который сейчасъ послѣ этого разсказа цитируется въ качествѣ свидѣтеля (πρὸς δὲ τούτοις καὶ τὴν περὶ τῆς γυναικὸς διαβολὴν ὑπὸ τοῦ Σαυθίπλου φησὶ ὁ Στήσιμβροτος κτλ). Изложенный выше случай служилъ Стезимброту только примѣромъ для многихъ подобныхъ οἴκιοι διατριβαὶ καὶ λόγοι, οὓς ἐποίησεν Периклъ μετὰ τῶν σοφιστῶν. Мало значенія, по этому, имѣеть рѣшеніе вопроса: было-ли убійство Фарсалийца Эпитима единоборцемъ Хариппомъ случившимся на глазахъ собесѣдниковъ фактомъ или-же это—софистическій вымыселъ, снабженный вымышленными именами. Во всякомъ случаѣ извѣстіе свидѣтельствуешь о живомъ интересѣ передовыхъ людей тѣхъ временъ къ упрощеніямъ ума въ рѣшеніи подобаго рода головоломныхъ задачъ.

²⁾ Сходство ихъ съ судебнымъ дѣломъ, служащимъ предметомъ спора между Перикломъ и Протагоромъ, бросается въ глаза. Сюжетъ второй тетралогіи напр. почти тождествененъ съ нимъ съ тою только разницею, что по Плутарху дѣло происходитъ между взрослыми борцами въ состязаніи, по Антифонтѣ между юношами въ галестрѣ. Поэтому, я не думаю, чтобы первый случай прямо лежалъ въ основѣ разработки втораго аттическимъ ораторомъ (Wilamowitz по Meyer' y, Gesch. des Alterth. IV pg. 50 Anm.). Но общіе приемы при постановкѣ вопроса о виновности тѣ-же самые. Роль виновника, приписанную въ бесѣдѣ Перикла съ Протагоромъ либо копыю либо тому, кто нанесъ смертельный ударъ, либо распорядителю турнира, берутъ на себя у Антифонта кромѣ юноши, по приказанію своего учителя (Antiphon III (B) § 7 πρὸς τεταγμένον ἕξμελέτα) бросившаго тростникъ и понавшаго въ товарища, котораго учитель гимнастики въ тоже самое время призвалъ къ себѣ и который пробѣжалъ мимо линіи полета тростника (Antiphon III (B) γ 6 ὁ μὲν γάρ ἐν τούτῳ τῷ καιρῷ καλούμενος ὑπὸ τοῦ παιδοτρίβου), или самъ убитый (Antiphon III (B) δ 4 εἰ δ' ὅφ' ἑαυτοῦ παισθεὶς ὑπῆλθεν, αὐτὸς ὅφ' ἑαυτοῦ διέφθαρται) или παιδοτρίβης (Antiphon III (B) δ 4 εἰ μὲν ὑπὸ τοῦ παιδοτρίβου καλούμενος διέτρεχεν, ὁ παιδοτρίβης ἂν ἀποκτείνας αὐτὸν εἶη). Въ третьей тетралогіи разбирается слѣдующее дѣло: во время драки, возникшей между старикомъ и молодымъ человѣкомъ, послѣдній нанесъ первому такіа тяжкія поврежденія, что тотъ умеръ. Однако и здѣсь виновность не ограничивается двумя прямыми участниками дѣла, юношею, который въ самозащитѣ смертельно равнилъ своего противника, и старикомъ, который по словамъ защитительной рѣчи (Antiph. IV. (Γ) § 1) ἤρχε χειρῶν ἀδικῶν. Но такъ какъ старикъ умеръ спустя долгое время послѣ драки, то является еще вопросъ, не виновны-ли въ смерти пользующійся больнаго врачъ и друзья покойнаго, посоветовавшіе ему обратиться къ этому лѣкарю-шарлатану (Antiph. IV. (Γ) § 4 πολλὰς ἡμέρας ὕστερον μοχθηρῶ ἰατρῶ ἐπιτραφεὶς διὰ τὴν τοῦ ἰατροῦ μοχθηρίαν... ἀπέθανε... δι' ὅμῃς τοῦς συμβούλους διαφθαρεὶς cf. ib. γ 5).

Въ вопросѣ о принадлежности тетралогіи оратору Антифонтѣ или ихъ подложности послѣднее слово еще не сказано не смотря на провицательное изслѣдованіе Диттенбергера (Hermes, Bd. 31 pg 271 sq. Bd. 32 pg. 6 sq.). Противо-

caede Herodis), защиту Паламеда, написанную Горгием¹⁾, надо понимать

рѣчіе съ существовавшимъ тогда аттическимъ правомъ не достаточно вѣское доказательство противъ подлинности рѣчей, преслѣдующихъ чисто школьныя цѣли наставленія въ діалектикѣ про и contra. Грамматическія разногласія, по моему, имѣютъ за собою еще менѣе доказательной силы при такомъ, во всякомъ случаѣ оригинальномъ, ни съ кѣмъ изъ другихъ сочиненій Антифонта не сравнимомъ, литературномъ произведеніи. Осторожность заставляетъ насъ пока воздержаться отъ окончательнаго рѣшенія, пока не разъяснена вполнѣ цѣль этихъ интересныхъ трактатовъ. Но, какъ-бы то ни было, о поддѣлкѣ позднихъ временъ думать нельзя. Даже Диттенбергеръ (Hermes. Bd. 32, pg. 31) не нашелъ въ языкѣ автора ничего, „was mit der Abfassung im 5. Jahrh. vor Chr. unvereinbar wäre“.

¹⁾ Подлинность рѣчей, посвященъ въ рукописяхъ имя Горгія, и „похвалы Елены“ и „защиты Паламеда“, тщательными изслѣдованіями Маасс'а (Hermes 1887. Bd. 22, pg. 571 sq.) и Thiele (Hermes 1901. Bd. 36, pg. 218 sq.) доказана. Иначе дѣло обстоитъ съ вопросомъ о соотношеніяхъ между Антифонтомъ, Горгіемъ и Фразимахомъ. Значеніе послѣдняго для греческой прозы выяснилось только въ послѣднее время, особенно благодаря специальному изслѣдованію обо немъ Eduard Schwartz'a (de Thrasymacho Chalcedonio. Jnd. schol. Rostoch. 1892). Временная послѣдовательность халкедонскаго и сицилійскаго ораторовъ теперь ясна (Wilamowitz, homer. Untersuch. pg. 311 sq. Diels, Hermes 1888. Bd. 23, pg. 235. Schwartz, l. c. pg. 3 sq.). Фразимахъ вліялъ уже до Горгія на аѣнское образованное общество. Даже самъ Горгій не могъ уклоняться отъ этого вліянія. Сооставленіемъ диспозицій „Паламеда“, въ сколькихъ Антифонтовыхъ рѣчахъ и избранныхъ рѣчей въ трагедіяхъ Еврипида Schwartz (l. c. pg. 8—15) доказалъ, что одною по крайней мѣрѣ, существенною и неотъемлемою, частью всякой судебной рѣчи всѣ три обязанности одному и тому-же источнику, которымъ не могъ быть Горгій. Это—т. н. τὰ πρὸς τὸν ἀντίδικον. Горгій не можетъ быть изобрѣтателемъ этой части, потому что Еврипидъ, не смотря на общій риторическій характеръ своихъ трагедій, не оказывается зараженнымъ специально горгіевскими риторическими фигурами (Schwartz, l. c. pg. 4). Но съ другой стороны нельзя отрицать, что Антифонтъ и прямо пользуется мыслями высказанными Горгіемъ (ср. Antiphon V. § 91 и 88—Gorg. Palamed. § 34—36. Maass, l. c. pg. 579 sq.). Мнѣ кажется рискованнымъ, слѣдуя Thiele (Hermes 1901. Bd. 36, pg. 240), такое совпаденіе въ опредѣленномъ метафорическомъ выраженіи ἀνίκηστα—ἀκατά о неисправимыхъ и исправимыхъ дѣйствіяхъ и въ формулировкѣ мысли возводить къ общему аттическому или сицилійскому источнику. Thiele (l. c. pg. 239) удивляется тому, что Горгій въ „Паламедѣ“, если признать эту рѣчь образцовымъ формуларомъ apologiā, могъ обойти молчаніемъ (Gorg. Palamed. § 33) одну изъ важнѣйшихъ частей защитительной рѣчи, возбужденіе состраданія, о чемъ Фразимахъ написалъ особое руководство. Но слова Паламеда (Gorg. Palamed. § 43. οἶκτος μὲν οὖν καὶ λιταὶ καὶ φίλων παραίτησις ἐν ὁ χ λ φ μὲν οὐσης τῆς κρίσεως χρήσιμα. παρὰ δ' ὑμῖν τοῖς πρώτοις οὐαὶ τῶν Ἑλλήνων καὶ δοκοῦσιν, οὐ φίλων βοηθείαις οὐδὲ λιταῖς οὐδ' οἰκτοῖς δεῖ πείθειν ὑμᾶς, ἀλλὰ τῷ σαφεστάτῳ δικαίῳ), если не ошибаюсь, ясно указываютъ на знакомство автора съ обыкновенною практикою судебныхъ ораторовъ передъ народнымъ судомъ и содержать скрытую полемическую поправку теоріи Фразимаха, который по свидѣтельству Платона (Phaedr. 267 C τῶν γε μὴν οἰκτρογῶσιν ἐπὶ γῆρας καὶ πενίαν ἐλκομένων λόγων κερρατῆναί τεχνῆν [руководиси τέχνη. Schwartz, de Thrasymacho, pg. 5, доказалъ необходимость исправленія рукописнаго чтенія; τέχνην требуется смысломъ] μοι φαίνεται τὸ τοῦ Χαλκηδονίου σθένος,

въ смыслѣ образцовыхъ примѣровъ толкованія спорнаго юридическаго вопроса. Эта школьная традиція еще долго сохранялась¹⁾.

ὀργίσει τε αὐ πολλοὺς ἅμα δαιμόνιος ἀνὴρ γέγονε καὶ πάλιν ὀργισμένοις ἐπάθων κηλεῖν), очевидно въ своемъ трактатѣ ἔλεοι (cf. Arist. Rhetor. pg. 1404 a 15), особенно—а по мнѣнiю Горгiа, можетъ быть, слишкомъ—выдвинулъ на первый планъ искусство и значенiе дѣйствiа на страсти слушателей. Вовсе не отрицая важности этихъ ἔλεοι, Горгiй однако отвергаетъ ихъ безусловное и постоянное примѣненiе и примѣромъ доказываетъ, что они въ данномъ случаѣ были-бы даже неумѣстны. Если это такъ, то мы-бы имѣли въ указанномъ мѣстѣ еще одно немаловажное свидѣтельство о соотношенiяхъ Горгiа и Θразимаха. А въ вопросѣ о намѣренiяхъ Горгiа при составленiи Паламеда тѣ-же слова скорѣе говорятъ въ пользу толкованiя рѣчи въ смыслѣ образца для будущиxъ литераторовъ, чѣмъ противъ него. Вѣдь нельзя-же себѣ представить дѣло такъ, что „Паламедъ“ и „Елена“ написаны съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ неизмѣнно и буквально руководствовались ими. Эти сочиненiя, также какъ и тетралогiи Антифонта, должны были показать примѣрно, какими способами та или другая матерiя можетъ быть дѣлсообразно обработана. Вышеприведенное мѣсто „Паламеда“ такое представление только подтверждаетъ, напоминая довольно опредѣленными словами читателю о томъ, что не все всякому годится—*non omnes [locos] in omnem causam convenire* (Cic. de invent. II § 16).

Что касается наконецъ хронологическихъ соображенiй Thiele (l. c. pg. 245 sq.), то возможность зависимости Антифонта отъ Горгiа имъ не доказана. Θразимахъ въ 427 г. пользовался извѣстностью въ Афинахъ (ср. Aristoph. Daital. fr. 198 Kock); Горгiй въ томъ-же году въ первый разъ представился афинской публикѣ блестящею рѣчью. Познакомившись съ теорiею Θразимаха и усовершенствовавшись въ аттическомъ нарѣчiи, онъ написалъ своего „Паламеда“, должно быть до 421 г., такъ какъ въ этомъ году комiнъ Платонъ (fr. 103 Kock) осмѣиваетъ φιλαρρηρία Антифонта т. е., по вѣрному толкованiю Вилламовица (Hermes, Bd. 12, pg. 335. Anm. 16), его λόγος γραφῆν. Значитъ, Антифонтъ тогда былъ уже извѣстнымъ логографомъ и самая знаменитая изъ его рѣчей, объ убiйствѣ Герода (ps.-Plut. vit. X or. 833 D ἐπαινεῖται δ' αὐτοῦ μάλιστα ὁ περὶ Ἠρώδου...), была къ тому времени вѣроятно уже опубликована. Чѣмъ ближе во времени было одно сочиненiе къ другому, тѣмъ очевиднѣе были для тогдашней публики взаимоотношенiя между ἔλεοι Θразимаха, Паламедомъ Горгiа и V рѣчью Антифонта.

¹⁾ Не только всѣ аттическiе ораторы составляютъ свои рѣчи по такимъ примѣрамъ. Аристофанъ могъ разсчитывать на общее знакомство съ риторическими приѣмами, когда онъ въ своихъ „Осахъ“ (vv. 894—897—жалоба; 907—911, 914—916, 917, 920—925, 927—930—обвинительная рѣчь; 950—952, 954—955, 957—959, 962—966, 967—972, 975—978, 979—981—защитительная рѣчь) представилъ зрителямъ in puce полную картину хода процесса εὐθυνα στρατηγῶν (ср. Wilamowitz, Aristot. u. Athen. II 244). Какъ обвинитель, такъ и защитникъ пользуются такими же адвокатскими увертками и уловками, какими пользовались всѣ аттическiе ораторы. Въ ст. 915 сл. καίτοι τίς ὄμας εὐ ποιῆν δυνήσεται, ἦν μὴ τι καίμοι τις προβάλλῃ τῷ κοινῷ... οὐδὲ τῷ κοινῷ γ' ἐμοί μιν ἴμμενъ передъ собою настоящiй τόπος ἐκ τοῦ μᾶλλον καὶ ἥττον (ср. Aristot. rhetor. II. 23 pg. 1396 b 12 и приведенные Spengel'омъ Vol. II. p. 301 примѣры, какъ Andocid. IV. 15 καίτοι ὅστις ὑβρίζει γυναικῆ τὴν ἑαυτοῦ καὶ τῷ κηδεστῇ θάνατον ἐπιβουλεύει, τί χρὴ προσδοκᾶν τοῦτον περὶ τοὺς ἐντυγχόντας τῶν πολιτῶν διαπράττεσθαι). Защитникъ указываетъ на трудность задачи, чтобы заинтересовать въ свою пользу судей (какъ и Antiph. Tetral.

По этимъ образцамъ еще въ римское время продолжали толковать запутанные юридическіе случаи въ восточной и западной половинахъ римскаго государства. Въ греческомъ папирусь конца I в. п. Р. Хр., найденномъ англичанами недавно въ Египтѣ¹⁾, разбирается слѣдующее судебное дѣ-

А. α, I ср. Aristot. rhetor. III. 14 pg 1415 b 1), онъ восхваляетъ своего кліента въ ущербъ противнику (ср. Navarre, *essai sur la rhétorique grecque avant Aristote*, pg. 280 sq.), и наконецъ, соответственно правиламъ техники (Volkmanн, *Rhetorik*² pg. 232 и Aristot. rhetor. II. 8 pg. 1385 b 29) и судебной практики (ср. многочисленные примѣры у Frohberger'a, введеіе къ изданію рѣчей Лисія XIV. XV pg. 10; приѣмъ между прочимъ пѣвѣстный уже Антифону ср. Antiph. fr. 77 Suid. s. v. *ἀετέω*) онъ посредствомъ т. н. *παράγωγι* вызываетъ на помощь обвиняемой собакъ молодыхъ щенятъ.

Кромѣ этой сцены Аристофана мы имѣемъ во вѣсудебной литературѣ Грековъ еще одну уморительную пьесу, разыгрывающуюся передъ судомъ. Это—2-я миміа мѣ Геронда, *πορυβοσκός*. Здѣсь изображается судебная рѣчь, произнесенная въ Косѣ въ III в. (ср. Herzog, *Koische Forschungen u. Funde*. pg. 213), съ опредѣленно мѣстнымъ колоритомъ (ср. Herzog, I. с. pg. 174 sq. 176). Но искусственные приѣмы обвиненія восходятъ къ риторической *τέχνη*, которая особенно послѣдовательно развилась въ Атикѣ. Можеть-быть Herzog'у удалось, согласно обѣщанію (ср. I с. pg. 214), доказать спеціально *ὑπερβαίως χαρακτήρ* этой рѣчи. Невольно думаешь о томъ, что онъ при своемъ обѣщаніи имѣлъ въ виду одинаковую *demonstratio ad oculos* судьямъ, которую предпринимаютъ изъ-за различныхъ мотивовъ сводникъ со своей гетерой и Гиперидъ съ Фриною. Но если и опустить эту вѣтшнюю черту, то останется еще не мало параллелей между Герондомъ и аттическими ораторами. Изъ рѣчей Исократъ 20-ая *κἀτὰ Λοχίτου* произнесена въ такомъ-же судебномъ дѣлѣ *αἰχίας*, какое служитъ основой 2-му миміамбу Геронда. Рѣчь Исократъ, отъ которой сохранился лишь *ἐπίλογος*, по вѣрному замѣчанію Volkmanн'a (*Rhetorik*² pg. 220), можно разсматривать, „geradezu als Muster eines locus communis gegen *ἕβρις* oder *αἰχία*.“ Не удивительно по этому, что нѣкоторые приѣмы Исократъ повторяются у Геронда. Сводникъ прежде всего увѣщаетъ судей подавать голоса безпристрастно, взирая не на личность жалобщника, а только на суть жалобы (Herond. II. 1 ср. Isocr. 20. 10). Затѣмъ онъ сильно преувеличиваетъ важность обиды, предвѣщая гибель всему демократическому строю государства, если насильственный образъ дѣйствія Фалета останется безнаказаннымъ (Herond. II. 27 sq. ср. Isocr. 20. 10 sq.). Въ громкомъ смѣхѣ обвиняемаго, вызванномъ высокопарными фразами обвинителя, и въ словахъ, съ которыми послѣдній, полный негодованія такимъ непристойнымъ перебиваніемъ, прямо обращается къ своему противнику (Herond. II. 74 sq.) съ риторической *ἐρέτης* (ср. Volkmanн. I. с. pg. 149) можно усмотрѣть иллюстрацію совѣта Горгія *τὴν μὲν σπουδὴν διαφθεῖραν τῶν ἐναντίων γέλωτι, τὸν δὲ γέλωτα σπουδῇ*. Aristot. rhetor. III. 18 pg. 1419 b 3 и Spengel, *commentar. ad h. l.* Vol. II. pg. 452). Наконецъ въ эпилогѣ (Herond. II. 92 sq.) вниманіе судей очень внушительно обращается на важность въ настоящемъ случаѣ справедливаго рѣшенія. Оно имѣетъ, по мнѣнію сводника, громадное значеніе: 1) для всѣхъ негражданъ въ Косѣ (vv. 92 sq.), 2) для достоинства самого города (vv. 94 sq.) и 3) даже для самого виновника (vv. 99), если только вѣрна пословица: „ὁ Φρόξ τῆ ὄν ὄντιν πλῆγεις ἀρείων ἕσσει“³⁾. Въ этомъ эпилогѣ нельзя не узвать отголоска приѣмовъ риторической школы (напр. вида *αἰθήτης* ср. Navarre, I. с. pg. 301 sq.).

¹⁾ F. G. Kenyon, *Fragments d' exercices de rhétorique, conservés sur papyrus* въ

ло: А зарылъ въ саду своего пріятеля Б въ присутствіи послѣдняго талантъ золота. Черезъ нѣкоторое время Б засталъ А какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ ночью тайно вырывалъ свою собственность. При окликѣ А убѣжалъ, и Б обвиняетъ его въ кражѣ. Спрашивается: виновенъ-ли А въ кражѣ? Не виновенъ онъ, потому что взялъ только свое, виновенъ—потому что вырылъ деньги ночью. Если-бы Б его не поймалъ, то А могъ-бы обвинить Б въ кражѣ.

А много-ли различается отъ этой тяжбы слѣдующая, о которой, если вѣрить Сенека¹⁾, спорили римскіе юристы. Богачъ заподозрѣнъ въ государственной измѣнѣ. Человѣкъ, имѣвшій много поводовъ подозрѣвать богача, проламываетъ ночью стѣну въ его домѣ, чтобы найти неоспоримыя улики и дѣйствительно находить шкатулку, въ которой спрятана корреспонденція, которую велъ заподозрѣнный съ непріателемъ. Спрашивается: виновенъ-ли обвинитель государственнаго намѣнника въ кражѣ со взломомъ и имѣетъ-ли онъ право говорить рѣчь предъ народ-

Mélanges Henri Weil, pg. 243 sq. Риторическій элаборатъ написанъ на обратной сторонѣ папируснаго листа. Правая сторона его содержитъ какія-то мало интересныя описи о раздачѣ хлѣба, относящіяся къ временамъ Августа и Тиберія, точнѣе къ гг. 5, 11 и 15 п. Р. Хр. Такъ какъ рука, которая написала verso папируса, похожа на почеркъ рукописи 'Αθηναίων πολιτεία Аристотеля, которую Кеуон (the palaeography of greek papyri, pg. 92) относитъ къ временамъ Домиціана, то и наше риторическое упражненіе должно быть отнесено приблизительно къ 80-мъ гг. I-аго христіанскаго вѣка. Авторъ соединилъ на одномъ листкѣ нѣсколько этюдовъ въ одномъ и томъ-же жанрѣ: кромѣ нашей διχη κλοπῆς имѣются два различныя этюда, имѣющіе дѣло съ διχη ἕνειας. Отъ послѣднихъ сохранилось слишкомъ мало; потому Кеуон ограничился тѣмъ, что опубликовалъ только средній этюдъ, именно рѣчь обвинителя въ дѣлѣ о кражѣ. Кеуон вкратцѣ уже отмѣтилъ главныя доказательства, заставляющія насъ предположить, что передъ нами школьное рѣшеніе заданной и ad hoc вымышленной юридической задачи. Это—во первыхъ отсутствіе всякихъ собственныхъ именъ и во вторыхъ частый переходъ отъ прямой рѣчи къ косвенной. Эти доказательства легко дополнить. На то-же происхождение указываетъ то обстоятельство, что авторъ προέμιον и ἐκλότος совсѣмъ пропускаетъ, διήγησις оставляетъ необработанною, ограничиваясь голымъ пересказомъ факта. Весь интересъ исключительно сосредоточенъ на собраніи доводовъ въ пользу того, что обвиняемый διὰ τὸν ἑαυτοῦ τὰ ἑκείνου (т. е. обвинителя) ἐκλεπτεν. Это главное положеніе повторяется еще разъ подъ конецъ (διὰ γὰρ τοῦτων τὰ ἐμὰ ἐκλεφας). По ученію риторовъ, Гермагора, Гермогена и друг., данное судейное дѣло подпадаетъ подъ status definitivus или finitivus, οὐδέναι βροο или βρεμῶν. (Volkman, Rhetorik² pg. 41). Обвиняемый сознался во фактѣ, онъ отрицаетъ только названіе его кражей, такъ какъ онъ-де взялъ только свое. Задача жалобщика заключается въ томъ, чтобы доказать, что дѣло идетъ о кражѣ, не смотря на то что воръ завладѣлъ своею собственностью.

¹⁾ Seneca ed. Congr. Bursian. Controvers. lib. X. controv. 35.

нымъ собраніемъ, такъ какъ законъ гласитъ: «*fug consone prohibeatur*»¹⁾).

Всѣ эти процессы не копиіи съ реальной жизни, но выдуманы ад хок для школьныхъ цѣлей, чтобы на основаніи данной темы развивать способность мышленія учениковъ и учить ихъ діалектическому методу. Поэтому всѣ дѣйствующія лица не носятъ опредѣленныхъ именъ. Отъ того-же и нѣкоторыя части рѣчи, напр. изложеніе самого факта, введеніе, эпилогъ, оставлены безъ подробной обработки, какъ неважныя для школьныхъ цѣлей. Весь интересъ сосредоточивается на доказательствахъ. Высказываются всевозможные доводы за и противъ обвиняемаго.

Это и есть именно то искусство, которому впервые учили софисты Протагоръ, Горгій, Продикъ и др. Они прежде всего были *учителями*, а потомъ уже философами. Горгій въ своей философской книгѣ о природѣ дошелъ до полнаго отрицанія всякаго познаванія. Если этотъ выводъ вѣренъ, то изъ него слѣдуетъ, что умный ораторъ можетъ склонить публику, къ чему угодно. Протагоръ выразилъ сущность своего философскаго ученія краткимъ предложеніемъ: «человѣкъ мѣрило всему существующему», т. е. онъ провозглашаетъ всеобщимъ господствующимъ принципомъ субъективизмъ. Если всѣ дѣла таковы, каковыми они мнѣ

¹⁾ Сохраненіе школьной традиціи отъ Антифонта вплоть до римскихъ временъ доказывается составленіемъ слѣдующихъ двухъ юридическихъ проблемъ: Антифонта 1-ой тетралогіи и Сенеки *controvers. X. 30 ed. Bursian*. Антифонъ обработывалъ слѣдующую тему: Аэнианина, возвращающагося почью съ пира домой, находятъ на другой день убитымъ, но не ограбленнымъ. Родственникъ убитаго обвиняетъ въ убійствѣ врага покойника. Убитый недавно еще донесъ о святотатствѣ своего врага. Это дѣло, конечно, само собою прекратилось смертью доносчика. А въ этомъ именно родственникъ покойника находитъ главную улику противъ обвиняемаго. Онъ-де, такъ разсуждаетъ обвинитель, убилъ своего врага съ тѣмъ, чтобы спастись отъ грозящаго ему приговора за святотатство.—Сенека въ указанномъ мѣстѣ сообщаетъ мнѣнія высказанныя знаменитыми риториками по слѣдующему запутанному вопросу: нашли человѣка убитымъ, но не ограбленнымъ. При жизни онъ сильно поссорился со своимъ богатымъ сосѣдомъ. Поэтому сынъ убитаго подозрѣваетъ богача въ убійствѣ. Но не имѣя явныхъ уликъ, сынъ ограничивается тѣмъ, что постоянно слѣдуетъ за богачемъ въ траурной, грязной одеждѣ, безмолвно но демонстративно обращая на него вниманіе публики. Такое поведеніе бѣднаго имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что богача, помогающагося почетной должности, сограждане забалотировали. Богачъ обвиняетъ бѣднаго въ оскорбленіи чести. Разница въ сути дѣла у Антифонта и Сенеки не велика. Римская риторическая школа только очевидно старалась еще больше осложнять и запутывать дѣла разными прибавками. Здѣсь къ дѣлу объ убійствѣ примѣшано другое о кандидатурѣ убійцы; въ первомъ, нами разсмотрѣнномъ случаѣ (*Seneca, controvers. X. 35 ed. Bursian*), съ вопросомъ о кражѣ соединенъ вопросъ о правѣ рѣчи вора.

кажутся, то краснорѣчивый ораторъ можетъ заставить слушателей признать вѣрнымъ то, что ему покажется вѣрнымъ¹⁾. Въ этомъ выводѣ, показывающемъ, что краснорѣчіе мощная сила и что, приобрѣтши его, приобрѣтешь и власть надъ современниками, какъ въ одномъ фокусѣ собираются всѣ лучи софистическаго ученія.

Вотъ, почему исключительное преимущество теперь отдавалось не гимнастикѣ тѣла, но гимнастикѣ ума и особенно краснорѣчію. Граждане должны дѣйствовать на пользу государства. Дѣйствіе словомъ имѣло теперь большую силу, чѣмъ дѣйствіе дѣломъ. Быть разумнымъ само по себѣ ни къ чему не пригодно, вразумлять другихъ—вотъ къ чему нужно стремиться.

Этому искусству софисты общаются обучить своихъ учениковъ. Протагоръ²⁾ общается ихъ сдѣлать способными къ веденію частныхъ и общественныхъ дѣлъ. Главную цѣль онъ видитъ въ обученіи ораторскому искусству. Обладая имъ, ученики будутъ имѣть въ рукахъ всю человѣческую мудрость.

Для Исократ³⁾ риторика въ такомъ видѣ, какъ онъ ей учитъ, сумма всей философіи. Она развиваетъ умъ человѣка и облагораживаетъ его нравы.

Діонъ Златоустъ и т. н. 2-ая софистика просто отождествляютъ

¹⁾ Agrippa, Dio v. Prusa pg. 9 sq., какъ мнѣ кажется, совершенно справедливо выдвинулъ на первый планъ значеніе первыхъ знаменитыхъ софистовъ въ Греціи какъ учителей молодого поколѣнія и показалъ, что и главныя ихъ философскія положенія находятся въ полномъ согласіи съ ихъ теоріями о цѣляхъ преподаванія. Такое представленіе о принципѣ обученія Протагора, конечно, только выжета съ общепринятымъ опредѣленіемъ извѣстнаго изреченія великаго софиста: «Ἀνθρώπος μέτρον πάντων»—не съ тѣмъ, за которое стоитъ главнымъ образомъ Gomperz (griech. Denker I. 262 sq. и 372).

²⁾ Plato, Protag pg. 318 A Ὑπολαβὼν οὖν ὁ Προταγόρας εἶπεν ὃ νεανίσκος, ἔσται τοῖνον σοι, ἐάν μοι συνῆς, ἢ ἂν ἡμέρας ἐμοὶ συγγένῃ, ἀπίεναί οἴκαδε βελτίονι γεγονότι, καὶ ἐν τῇ ὑστεραίᾳ ταῦτα ταῦτα· καὶ ἐκαστῆς ἡμέρας ἀεὶ ἐπὶ τὸ βέλτιον ἐπιδιδόναι... pg. 318 E τὸ δὲ μάθημά ἐστιν εὐβουλία περὶ τε τῶν οἰκτιῶν, ὅπως ἂν ἄριστα τὴν αὐτοῦ οἰκίαν διοικῶι, καὶ περὶ τῶν πόλεως, ὅπως τὰ τῆς πόλεως δυνατώτατος ἂν εἴη καὶ πράττειν καὶ λέγειν, cf. Plato, de republ. X, pg. 600 C; Menon, pg. 91 B—E.

³⁾ Исократъ распространяется о цѣляхъ и превосходствѣ своего ученія главнымъ образомъ въ своей рѣчи περὶ ἀντιδόσεως. Онъ причисляетъ себя къ группѣ тѣхъ писателей, οἱ... γράφειν... προφητῆται λόγους... Ἑλληνικούς καὶ πολιτικούς (Isocr. 15. 46 ср. ib. 260), и свою λόγων παιδεία онъ прямо отождествляетъ съ философίей (Isocr. 15. 174 ср. 180 и 50), онъ ставитъ эту свою философію даже выше всякой другой (τῶν ἐπὶ τὴν σωφροσύνην καὶ τὴν δικαιοσύνην προσποιουμένων προτρέπειν) въ виду того, что οἱ μὲν... παρακαλοῦσιν ἐπὶ τὴν ἀρετὴν καὶ τὴν φρόνησιν τὴν ὑπὸ τῶν ἄλλων μὲν ἀγνοουμένην, ὑπ' αὐτῶν δὲ τούτων

совершенно, идеального гражданина съ ораторомъ¹⁾. Софисты какъ перваго періода—временъ Платона и Сократа, такъ и втораго—Императорскихъ римскихъ временъ враждебно относятся къ узко-спеціальному научному образованію. Общее образованіе и обладаніе многочисленными поверхностными познаніями по всевозможнымъ предметамъ ставится ими выше основательнаго знанія одного лишь или двухъ предметовъ²⁾. Конечно, отъ этого страдаетъ основательное подготовленіе будущихъ риторовъ и мы слышимъ изъ устъ теоретиковъ риторики жалобы на то, что молодые люди слишкомъ рано и слишкомъ недостаточно подготовленными берутся за изученіе риторики³⁾. Между тѣмъ какъ раньше отъ молодого человѣка, прежде чѣмъ заняться ораторскимъ искусствомъ, требовалась философская пропедевтика, теперь большинство не усваиваетъ себѣ даже элементарныхъ знаній по общеобразовательнымъ предметамъ, но прямо идетъ къ цѣли.

А эта цѣль, такъ какъ она чисто практическая и ведетъ къ побѣдамъ передъ *судомъ*, на столько соблазнительна, что не удивительно громадное влияніе ученія софистовъ на современное имъ и послѣдующія поколѣнія. Кромѣ названныхъ уже судебныхъ рѣчей можно было-бы назвать еще много произведеній, на которыхъ сильно отразилось влияніе софистической школы¹⁾.

ἀντιλεγόμενην, ἐγὼ δ' ἐπὶ τὴν ὑπὸ πάντων ὁμολογουμένην (Isocr. 15. 84). По ego μὴτις λόγος ἀληθῆς καὶ νόμιμος καὶ δίκαιος φυγῆς ἀγαθῆς καὶ πιστῆς εἰδωλὸν ἐστὶν (Isocr. 15. 255=3. 7.). Εἰ δὲ δεῖ συλλήβδην περὶ τῆς δυνάμεως ταύτης εἰπεῖν, οὐδὲν τῶν φρονίμως πραττομένων εὐρήσομεν ἀλόγως γιγνόμενον, ἀλλὰ καὶ τῶν ἔργων καὶ τῶν διανοημάτων ἀπάντων ἡγεμόνα λόγον ὄντα καὶ μάλιστα χρωμένους αὐτῷ τοὺς πλείστον νοῦν ἔχοντας (Isocr. 15. 257=3. 9; по мнѣнію Maass'a, Hermes, Bd. 22, pg. 573. Anm. 1, эти слова представляютъ собою смягченную парафразу мысли Горгія).

¹⁾ Arnim, Dio von Prusa, pg. 133.

²⁾ Arnim, l. c. pg. 134.

³⁾ Theon. progymnasm. cap. I ed. Walz. Rhetor. gr. I 145: οἱ μὲν παλαιοὶ τῶν ῥητόρων, καὶ μάλιστα οἱ εὐδοκμηκότες, οὐκ ᾔφροντο δεῖν ἐφικέσθαι τρόπον τινὰ τῆς ῥητορικῆς, πρὶν ἀμωστέπως ἀψασθαι φιλοσοφίας, καὶ τῆς ἐκεῖθεν ἐμπλησθῆναι μεγαλονοίας· νῦν [δὲ οἱ πλείους] τοσοῦτον δέουσι τῶν τοιοῦτων λόγων ἐπαίειν, ὥστε οὐδὲ τῶν ἐγκυκλίων καλουμένων μαθημάτων ὅτιοῦν μεταλαμβάνοντες ἄττουσιν ἐπὶ τὸ λέγειν· καὶ τὸ πάντων ἀγροικώτατον, ὅτι οὐδὲ οἷς προσήκον ἐστὶν ἐγγυμνασάμενοι, ἐπὶ τὰς δικανικὰς καὶ δημηγορικὰς ἵενται ὑποθέσεις· τὸ δὲ λεγόμενον κατὰ τὴν παροιμίαν, ἐν πῖθῃ τὴν κεραμείαν μανθάνοντες.

¹⁾ Многія изъ этихъ сочиненій, пропитанныхъ духомъ софистической школы, нельзя прямо подвести подъ категорію *судебныхъ рѣчей*, такъ какъ они разбираютъ общіе вопросы и могутъ быть примѣняемы на практикѣ при всевозможныхъ случаяхъ повседневной жизни. Но въ общемъ получается та же картина. И тамъ спорять про

и contra, и тамъ замѣчается стараніе разсматривать каждую проблему съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Между тѣмъ какъ позитивисты собираютъ какъ можно больше доводовъ въ пользу защиты позитивнаго вывода, негативисты также усердно заботятся объ опроверженіи ихъ и доказательствѣ негативнаго, какъ разъ противоположнаго, результата. Сходство толкованія разныхъ спорныхъ вопросовъ въ этихъ трактатахъ съ образомъ дѣйствій софистовъ и съ сочиненіями чисто софистическаго направленія дѣлаетъ яснымъ, у кого авторы научились такому именно способу диалектическаго разсужденія. Я имѣю здѣсь главнымъ образомъ въ виду маленькій трактатъ безъ заглавія, написанный на дорійскомъ нарѣчьи, который дошелъ до насъ случайно, благодаря скептическому направленію своего содержанія, въ концѣ рукописей Секста Эмпирика. Въ критическомъ изданіи E. Weber'a (Beiträge Curt Wachsmuth zum 60. Geburtstag überreicht, pg. 32 sq.) сочиненіицу этому дано новое заглавіе: „διασοὶ λόγοι“, которое лучше соответствуетъ содержанію чѣмъ прежнее: „διαλέξεις ἤθηκαί“. Но нельзя скрывать отъ себя, что и это новое заглавіе, равно какъ и прежнее, не имѣетъ за собою никакого рукописнаго ручательства. Последнее изданіе текста, сдѣланное Diels'омъ (Die Fragmente der Vorsokratiker. Berl. 1903, pg. 580 sq.), я получилъ лишь во время корректуры настоящихъ строкъ. Diels возвращается къ прежнему заглавію, называя трактатъ „Dialexeis“. Въ самомъ текстѣ онъ предпринимаетъ многія измѣненія и предполагаетъ сильную порчу оригинала въ нашихъ рукописяхъ. Въ настоящее время я не могу вдаваться въ провѣрку его положеній и потому долженъ оставить въ сторонѣ этотъ новѣйшій трудъ. Я себя считаю вправѣ пока воздержаться отъ выраженія своего мнѣнія тѣмъ болѣе, что Diels самъ не приводитъ никакихъ доводовъ, а только печатаетъ голый текстъ въ томъ видѣ, какъ онъ его возстановляетъ. Лучше чѣмъ съ заглавіемъ дѣло обстоитъ съ временемъ составленія книжки. Примѣръ изъ недавняго прошедшаго [pg. 38. 2 sq.: ἐν τῇ πολέμῳ (καὶ τὰ νεώτατα πρῶτον ἐρῶ) ἃ τῶν Λακεδαιμονίων νίκα εἴν ἐνικῶν Ἀθαναίως καὶ τῶς συμμάχως, Λακεδαιμονίους μὲν ἀτὰρόν, Ἀθαναίους δὲ καὶ τοῖς συμμάχοις κηρόν] нельзя отнести къ другому событію, какъ къ поражению Афинянъ и ихъ союзниковъ подъ конецъ Пелопоннесской войны (ср. Trierer, Hermes 1892. Bd. 27, pg. 216). Опредѣленіе Трибера (l. c. pg. 201) около 404/3 г. до Р. Хр. не далеко будетъ отстоять отъ истины. Хотя трактатъ сохранился т. ск. безъ заглавнаго листка, все таки имя автора намъ стало извѣстнымъ благодаря тому, что онъ самъ себя называетъ въ своемъ изложеніи. Въ доказательство тому, что также самая рѣчь можетъ быть и вѣрной и невѣрной, онъ приводитъ примѣръ (pg. 45. 10 sq.): если цѣлая компанія сидитъ вѣстѣ и каждый скажетъ: „Μόστῃς εἰμί“, то только авторъ скажетъ этими словами правду, всѣ остальные неправду. Такъ какъ дѣло здѣсь идетъ только о какомъ-нибудь собственномъ имени, то конечно о нарицательномъ значеніи этого слова (μόστῃς=посвященный) не можетъ быть и рѣчи. Но и отъ чтенія лучшихъ рукописей нѣтъ никакой надобности отступать. Чтенія Μόσας и Μίρας въ лучшемъ случаѣ имѣютъ для насъ только значеніе старинныхъ конъектуръ, а не преданія. Мужское имя Μόστῃς и женскія Μόστῃ и Μόστις; встрѣчаются во многихъ областяхъ греческаго міра, какъ доказываетъ Pape, Wörterbuch d. gr. Eigennamen s. v. и бѣглый просмотръ Indices Corporum inscriptionum и rаруorum graecarum (напр. Rhodus; ср. Geldern, Gesch. d. alten Rhodier, Ind. s. v. Μόστα; Selinus: Μόστις ср. IGS I 272; Telos: Μόστα IGI III. 61. Μόστῃς Ἄραφ' увѣковѣчила себя на аттическомъ надгробномъ камнѣ CIA II 2828. Μόστῃς Παζρότος читается въ берлинскомъ папирусѣ BGU. II. 329. 32. и т. д.). Тѣмъ менѣе будемъ мы склоняться къ тому, чтобы въ угоду желанію приурочить наше сочиненіе къ извѣстному

въ греческой литературѣ писателю, вставляя вмѣсто незнакомаго Μύστας знакомыхъ намъ Μιλτας или Σιφριάς или Σίρων или даже Ἴππίας (ср. изд. Weber'a, anp. ad. h. l.). Съ этимъ выводомъ мѣткого и краткаго разсужденія Шанца (Hermes, 1884. Bd. 19, pg. 374) нельзя не согласиться. Какъ мнѣ кажется, неизвѣстность авторскаго имени въ средѣ греческихъ литераторовъ скорѣе говоритъ въ пользу сохранности, чѣмъ порчи текста въ нашемъ мѣстѣ. Все содержаніе трактата и довольно наивный и плоскій, поверхностный характеръ разсужденія доказываетъ, что авторъ, хотя онъ очевидно прошелъ софистическую школу риторики, не принадлежалъ къ передовымъ ея представителямъ, но есть одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ учениковъ средней руки, которые по прохожденіи курса у софистовъ не подвизались дальше на поприщѣ литературы. Монотонный слогъ и скудный запасъ словъ подтверждаютъ такое представленіе. Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ Роде (Gött. gel. Anz. 1884. I pg. 24 sq.), который видитъ въ нашемъ сочиненіи произведение какого-нибудь *учителя* риторики. Тамъ и сямъ, по мѣстамъ попадающіяся глубокомысленныя изреченія, которыя отмѣтилъ Гомперцъ (Wiener Sitz.-Ber., phil.-hist. Cl. 122, 1890, IV pg. 6), я приписываю скорѣе школьнымъ воспоминаніямъ автора или школьнымъ запискамъ, сдѣланнымъ имъ по словамъ учителя, чѣмъ самому автору. Часто повторяющіяся одинаковыя фразы, вводящія или заключающія отдѣльныя мысли (напр. δισσοὶ λόγοι λέγονται pg. 27. 2=39. 15=42. 14=45. 2; καὶ οὐ λέγω κτλ. pg. 39. 10=49. 10; ποιητὰς, οἱ ποτὶ ἀδανά, οὐ ποτ' ἀλάθειαν ποιοῦντι pg. 42. 12=44. 17 и т. д.), и отдѣльныя слова (напр. ἐπίσταται примѣняется 16 разъ на разстояніи какихъ-нибудь 20 строкъ: pg. 50. 14=51. 12, ср. Trieber, Hermes. 1892. Bd. 27, pg. 231; черезъ все толкованіе проходятъ противоположеніе δύναμις и πράγμα, ср. Trieber. I. с. pg. 224) сближаютъ нашъ трактатъ съ псевдо-Ксенофонтовой Ἀθηναίων πολιτεία, гдѣ давно уже замѣчены подобныя частыя повторенія однихъ и тѣхъ-же фразъ (напр. I 1: οὐκ ἐπαινῶ διὰ τὸδε=διὰ μὲν οὖν τοῦτο οὐκ ἐπαινῶ, I 2: ὁ τὴν δύναμιν περιτιθεῖς τῇ πόλει=οἱ τὴν δύναμιν περιτιθέντες τῇ πόλει, I 12: διὰ τοῦτ' οὖν ἰσηγορίαν καὶ τοῖς δούλοις ἐποίησαμεν=διὰ τοῦτο οὖν καὶ τοῖς μετοίκους εἰκότως τὴν ἰσηγορίαν ἐποίησαμεν и т. д.) или однихъ и тѣхъ-же словъ въ краткомъ разстояніи другъ отъ друга (напр. I. I εἶλοντο—ἐλόμενοι—εἶλοντο. III 4—6 διαδικάζειν употребляется 8 разъ и т. д.). Эта неуклюжесть въ вариации греческихъ выраженій въ томъ и другомъ сочиненіяхъ дѣлаетъ для насъ яснымъ, что авторовъ нужно искать внѣ сферы профессиональныхъ литераторовъ. Они были такими-же ἰδιώται, которые τοῖς ὀνόμασιν οὐ σεσοφισμένως λέγουσι, какимъ самъ себя заявляетъ сторонникъ противоположнаго лагеря, авторъ псевдо-ксенофонтоваго Κοινηγετικός (с. 13. 4, 5). Я считаю не только напрасными но методически неправильными попытки такимъ безымяннымъ, т. е. не-литературнымъ произведениямъ приискать авторовъ среди литераторовъ или политическихъ дѣятелей. Отъ того, что эти сочиненія будутъ ходить подъ вывѣскою какого-нибудь неизвѣстнаго Μύστας или даже безъ всякой авторской вывѣски, ихъ значеніе нисколько не умалится. Напротивъ, оно велико для выясненія общей культуры Греціи и вліянія отдѣльныхъ мастеровъ рѣчи на обширный кругъ современниковъ. А на черномъ фонѣ такихъ авторовъ-непрофессионалистовъ еще ярче выступаютъ свѣтила греческаго краснорѣчія. Въ этомъ отношеніи, для исторіи великихъ культурныхъ стремленій въ Греціи, эти сочиненія—къ нимъ нужно-бы было присоединить нѣкоторые другія, которыя подобнымъ-же образомъ случайно спаслись отъ общей гибели, (напр. тѣ, которыя прикрыты великимъ именемъ Гиппократа)—далеко еще не использованы филологами-классиками, какъ слѣдуетъ. Триберъ, которому мы обязаны солиднымъ и дѣльнымъ изслѣдованіемъ объ отношеніяхъ автора нашихъ διαλέξεις или δισσοὶ λόγοι къ школѣ

старых софистов (Hermes. 1892. Bd. 27, pg. 210 sq.), къ сожалѣнiю, тоже увлекся праздною затѣю, приписать трактатъ одному изъ выдающихся софистовъ и высказался, хотя съ должною осторожностью (l. c. pg. 244—245), за авторство Гиппия. Въ этомъ заключенiи я ему слѣдовать не могу; можно смѣло утверждать только то, что нашъ авторъ въ выборѣ примѣровъ, въ построенiи и формулировкѣ положенiй работаетъ съ матеріаломъ, заимствованнымъ у разныхъ софистовъ. У Горгия онъ нашелъ мысль, что трагикъ тѣмъ больше заслуживаетъ похвалы, чѣмъ лучше ему удастся обманъ (Plut. de glor. Ath. pg. 348 C, de aud. poet. pg. 15 D ср. Wilamowitz, Hermes. Bd. 11, pg. 295, Trieber l. c. 281). Эту мысль онъ пользуется для защиты того положенiя, что одно и то-же можетъ быть справедливымъ и несправедливымъ, и распространяетъ ее и на живопись (pg. 43. 21 sq.). Но ставъ на противоположную точку зрѣнiя, онъ также безцеремонно отрекается отъ этой мысли и опровергаетъ ее (pg. 44. 15 sq. ср. 42. 11 sq.). Это онъ долженъ былъ слѣдовать, разъ онъ взялся за защиту противоположнаго мнѣнiя. Изъ этого одною не слѣдуетъ, что онъ ведетъ полемику специально противъ Горгия. Такое опроверженiе явилось только естественнымъ результатомъ толкованiя нашимъ авторомъ одного и того-же положенiя in contrarias partes. Помимо того мы изъ отрывочныхъ выдержекъ Плутарха не знаемъ, въ какой связи у Горгия стояли выписанные слова и что за ними слѣдовало. Можетъ быть, уже Горгия далъ этимъ словамъ въ послѣдующемъ извѣстное ограниченiе.—Какъ извѣстно, Сократъ спорить съ Протагоромъ о той-же темѣ, о которой толкуеть 6-ой отдѣлъ δισοὶ λόγοι: περὶ τὰς σοφίας καὶ τὰς ἀρετᾶς, αἱ διδακτοί. Сократъ οὐκ ἤγειται διδακτὸν εἶναι ἀρετὴν (Plato, Protag. pg. 320 B): 1) потому что Афиняне при постройкѣ зданiя допускаютъ только совѣты знатоковъ-архитекторовъ, при политическихъ вопросахъ имъ совѣтуетъ всякій, слѣдовательно они полагаютъ, что по этой части спеціальные учителя не существуютъ (ср. δισοὶ λόγοι pg. 48. 7: ἄλλα δὲ, ὡς αἱ διδακτὸν ἦν, διδασκάλοι κα ἀποδειγμένοι ἦν, ὡς τὰς μουσικᾶς)—2) потому что οἱ σοφώτατοι καὶ ἀριστοὶ τῶν πολιτῶν ταύτην τὴν ἀρετὴν ἦν ἔχουσι οὐκ οἷοι τε ἄλλοις παραδίδοναι (ср. δισοὶ λόγοι pg. 48. 8: τρίτα δὲ, ὡς τοὶ ἐν τῇ Ἑλλάδι γενόμενοι σοφοὶ ἄνδρες τὰ αὐτῶν τέκνα κα ἐβίβαζαν καὶ τὼς φίλους.) Протагоръ, его собеседникъ, придерживается противоположнаго мнѣнiя и приводитъ доводы, подобные тѣмъ, которые выказываетъ нашъ авторъ. Такъ напр. оба признаютъ значенiе дарованiя въ человѣкѣ (Plato, Protag. pg. 327 C τοῦ ἔτυχεν ὁ υἱὸς εὐφύεστατος γενόμενος,....., οὗτος ἂν ἑλλόγιμος ᾗξήθη—δισσοὶ λόγοι pg. 49. 2 εὐφύης κα γενόμενος ῥάδιος συνάρκαζε τὰ πολλὰ). Нѣкоторые знанiями человѣкъ не обязанъ особымъ учителямъ, но своимъ близкимъ роднымъ, напр. знанiемъ языка (Plato, Protag. pg. 327 E ὥσπερ ἂν εἰ ζητοῖς τίς διδασκαλὸς τοῦ ἑλληνίζειν, οὐδ' ἂν εἰς φαεινὴ—δισσοὶ λόγοι pg. 49. 4 sq., гдѣ тотъ-же примѣръ дальше развитъ тѣмъ, что авторъ себѣ представляетъ случай, что ребенокъ сейчасъ послѣ рожденiя попадаетъ въ Персiю и тамъ конечно περὶζει, а по возвращенiи на родину опять ἑλληνίζει. οὕτω μνησάνομεν τὰ ὄνματα καὶ τὼς διδασκάλους οὐκ ἴσμεν). О сыновьяхъ Поликлета Протагоръ говоритъ, что они οὐδὲν πρὸς τὸν πατέρα εἰσιν. (Plato, Protag. pg. 328 C). Но въ этихъ словахъ, мнѣ кажется, мы имѣемъ скорѣе признанiе Протагора, что Поликлеть *непробовалъ* передать своимъ сыновьямъ свое искусство; но это ему не удалось. Объ одномъ изъ этихъ сыновей Поликлета нашъ авторъ (pg. 48. 18) знаетъ, что ἐβίβαζε Πολύκλειτος τὸν υἱὸν ἀνδριάντας ποιῶν. Но, по сколько онъ усиля въ этомъ искусствѣ, онъ не говоритъ.—Изъ второго и послѣдняго отдѣловъ дорiйскаго трактата о различной морали у различныхъ народовъ и о необходимости богатаго знанiя, приобрѣтенiю котораго много помогаетъ мнемотехника, Траблеръ справедливо вывелъ знакомство автора съ теорiями Гиппия (l. c. pg. 228 sq.

и 236 sq.).—Ложныя заключенія, съ которыми оперируетъ нашъ авторъ особенно въ 1-ой и 5-ой главахъ, доказывая, что одно и то-же—добро и зло и что одно и то-же существуетъ и не существуетъ, сближаютъ его съ софистами-эристиками въ рождѣ Еввемдема и Діонисодора, надъ которыми издѣвается Платонъ въ Еввемдемѣ и силлогизмы которыхъ приводитъ Аристотель de sophist. elenchis, чтобы ихъ сейчасъ разоблачить. Софизмъ, которымъ Еввемдемъ смущаетъ молодого Клинія (Plato, Euthydem. pg. 275 D sq.), что οἱ σοφοὶ καὶ οἱ ἀμαθεῖς μανθάνουσι, и въ которомъ Аристотель сейчасъ узнаетъ фальшь (de soph. elench. pg. 165 b 31), нашимъ авторомъ (pg. 46. 10) сообщается въ общей формѣ: ταῦτά... τοὶ σοφοὶ καὶ τοὶ ἀμαθεῖς καὶ λέγοντι καὶ πράσσοντι. По нашему автору ταῦτόν.. καὶ κοφώτερον καὶ βαρύτερον, потому что τὸ τάλαντόν ἐστι βαρύτερον τᾶς μῦθας καὶ κοφώτερον τῶν δύο τάλαντων (pg. 46. 16 ср. Arist. de soph. elench. pg. 167 a 29 ταῦτο διπλάσιον καὶ οὐ διπλάσιον· τὰ γὰρ δύο τοῦ μὲν ἐνός διπλάσια, τῶν δὲ τριῶν οὐ διπλάσια). Я не могу вмѣстѣ съ Триберомъ (I. c. pg. 241 сл.) видѣть въ подобныхъ случаяхъ совпаденія между нашимъ авторомъ и Аристотелемъ прямую полемику послѣдняго противъ перваго. Я объясняю эти мѣста тѣмъ, что оба черпаютъ изъ того-же самаго устнаго или письменнаго, скорѣе устнаго, источника софистически-эристического преданія. Это были общія ходячія мысли, которыя иногда приписывались извѣстному лицу, какъ напр. Продикку влагается въ уста изреченіе, что богатство τοῖς μὲν καλοῖς κάγαθοῖς τῶν ἀνθρώπων καὶ τοῖς ἐπιταρμένοις ὅπου δεῖ χρῆσθαι τοῖς χρήμασι, τοῦτο τοῖς μὲν ἀγαθόν, τοῖς δὲ μοχθηροῖς καὶ ἀνεπιτημένοις κακόν (ps.-Plato, Eryxias pg. 397 E), которое однако Аристотель уже приводитъ безъ имени автора (de soph. elench. pg. 180 b 9 ἀρ'... ὁ πλοῦτος ἀγαθόν; ἀλλὰ τῷ ἄφρονι καὶ μὴ ὀρθῶς χρημένῳ οὐκ ἀγαθόν ἀγαθὸν ἄρα καὶ οὐκ ἀγαθόν). По большей-же части ходили они безъ особаго ярыма, и матеріалъ примѣровъ безъ особаго труда могъ обогащаться въ каждую минуту. По примѣру πλοῦτος τοῖς μὲν καλοῖς κάγαθοῖς ἀγαθόν, τοῖς δὲ μοχθηροῖς κακόν могъ сейчасъ быть образованнымъ другой: βρώσις τε καὶ πόσις καὶ ἀφροδίσια... ἀσθενοῦντι μὲν κληδόν, ὑγαινοῦντι δὲ καὶ δεομένῳ ἀγαθόν (δισσοὶ λόγοι, pg. 37. 7 sq.) и тысяча другихъ.—Нашъ авторъ въ 7-ой главѣ о выборѣ магистратовъ высказывается противъ жребія. Отчего по жребію не назначаютъ ни поваровъ ни кузнецовъ ни сапожниковъ ни плотниковъ ни флейтистовъ и т. д. (pg. 49. 15 sq.)? Сократъ, по словамъ обвинителя (Хер. Метог. I. 2, 9), тоже часто говорилъ, ὡς μωρὸν εἶη τοὺς μὲν τῆς πόλεως ἀρχοντας ἀπὸ κοῦμοῦ καθίστασθαι, κυβερνήτῃ δὲ μηδένα θέλειν χρῆσθαι κωμικοῦ, μηδὲ τέκτονι μηδ' αὐλητῇ μηδ' ἐκ' ἄλλα τοιαῦτα. Никого не можетъ удивлять, что Сократъ тоже выступаетъ въ обществѣ этихъ чистыхъ софистовъ. Въ глазахъ большой публики, мнѣніе которой отражается въ обвиненіяхъ Анита и Мелета (Bruns, literar. Portr. pg. 198 sq.), софисты и Сократъ были одно и то-же. Итакъ, неизвѣстный дорянинъ Μύστας очевидно съ успѣхомъ прошелъ софистическую школу и научился тамъ не хуже многихъ другихъ disputare in utraque partem.

Давно уже замѣчено, что ῥήσεις въ трагедіяхъ Еврипида сконпированы по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства и носить на себѣ отпечатокъ софистическаго ученія. Было-бы излишнимъ приводить примѣры этому явленію, если-бы Еврипидъ не служилъ связующимъ звеномъ въ непрерывающейся цѣпи вліянія софистовъ отъ V. в. д. Р. Хр. вплоть до II в. п. Р. Хр. Въ Гераклѣ Еврипида (vv. 157—164 и vv. 188—203) мы находимъ маленькое словесное состязаніе между Ликомъ и Амфитріономъ по вопросу объ искусствѣ стрѣльбы изъ лука. Этотъ эпизодикъ прямо вызванъ тогдашнимъ положеніемъ аѣнскаго военнаго дѣла (Wilamowitz, Eur. Herakles I. 344 sq.). Но средства, которыми Ликъ порицаетъ, Амфит-

Какъ Паламедъ Горгія остался образцовою *судебною* рѣчью, которою продолжали подражать послѣдующіе *риторы и ораторы*, точно такъ же его Елена¹⁾ осталась образцомъ *хвалебной* рѣчи для послѣдующихъ

ріонъ защищаетъ это искусство, доказываютъ, что и Еврипидъ не даромъ заводилъ знакомство съ выдающимися софистами своего времени, Протагоромъ, Продикомъ и др. Защитительная рѣчь Амфитріона по Виламовицу (I. с. II. 87) смѣло выдерживаетъ сравненіе съ рѣчами Фукидида и тетралогіями Антифонта. Тотъ-же сюжетъ еще разъ въ греческой литературѣ служилъ темою для новой обработки. Діонъ Златоустъ пользовался имъ для своей маленькой 58-ой рѣчи. Сцена, внѣшняя обстановка и дѣйствующія лица перемѣнились, но содержаніе осталось тѣмъ-же. Невольно припоминаешь замысловатую придирчивость Антифонта въ его тетралогіяхъ, когда читаешь вопросы Хирона, защитника стрѣльбы изъ лука, и возраженія собесѣдника и противника, Ахилла. Хиронъ считаетъ главною задачею въ войнѣ какъ можно скорѣе обезоружить непріятеля. Полетомъ скорѣе достигается эта цѣль чѣмъ бѣгомъ. На возраженіе Ахилла, что не стрѣляющій, но стрѣла попадаетъ въ непріятеля, Хиронъ имѣетъ опять готовымъ софистическій отвѣтъ, что стрѣла не сама по себѣ убиваетъ, но будучи направлена рукою стрѣляющаго. Въ сущности Діономъ повторяется нѣчто подобное тому, что служило предметомъ спора между Перикломъ и Протагоромъ, и что разбирается во второй тетралогіи Антифонта. Здѣсь убійство приписывается или стрѣлѣ или стрѣлку, тамъ или копью или единоборцу или распорядителю турнира (по Протагору-Периклу), или метаемому копью или тому, въ кого пало оно, или учителю гимнастики (по Антифону), ср. выше (стр. 17 и примѣч. 2). Агнім (Dio v. Prusa, pg. 165 sq.) думаетъ, что Діонъ этою рѣчью пересказываетъ старую сатирическую драму, можетъ-быть 'Αυλλέως ἱρασταί Софокла. Такъ какъ вопросъ о превосходствѣ рукопашнаго боя или борьбы издали во времена Діона дѣйствительно не могъ вызвать живого интереса и не имѣлъ для современниковъ никакого практическаго значенія, то Арнимъ, можетъ-быть, и правъ. Но если это и такъ, однако только проблема въ общихъ очертаніяхъ Діономъ заимствована, способъ изложенія принадлежитъ ему самому и доказываетъ живучесть старой софистической школьной традиціи.

¹⁾ Какъ уже выше сказано (стр. 18 прим. 1), я вѣрю въ авторство Горгія. Само собою изъ этого вытекаетъ, что я не считаю сохранившееся ἱσοκράτων Ἐλένης тѣмъ, которое Исократъ (10. 14) желалъ замѣнить своимъ лучшимъ. Мнѣ кажется, что дилемму, которую впервые установилъ Spengel (Art. script. pg. 73 sq.), никонми средствами нельзя устранить и замаять. Или Исократъ писалъ свою рѣчь, ниѣя передъ собою наше ἱσοκράτων Ἐλένης, тогда оно не можетъ быть работою Горгія, или-же оно принадлежитъ перу Горгія, тогда Исократово сочиненіе не вызвано ею, а другимъ подобнымъ произведеніемъ. О существованіи многихъ похвальныхъ рѣчей Елены не только говоритъ безъимянный авторъ древней ὑπόθεσις, но и самъ Исократъ (10. 15 παραλιπὼν ἀπαντὰ τὰ τοῖς ἄλλοις εἰρημένα). Горгія не могъ въ данномъ случаѣ быть литературнымъ предшественникомъ и соперникомъ Исократа, потому что онъ тѣмъ-же Исократомъ (10. 2) причисляется къ группѣ старыхъ софистовъ отжившаго свой вѣкъ поколѣнія. А писатель, съ которымъ Исократъ желаетъ вступить въ состязаніе и котораго онъ старается превзойти, по всему тону рѣчи (Isoc. 10. 14) его современникъ. Такъ какъ языкъ сохранившихся рѣчей, и „Паламеда“ и „Елены“, всецѣло отражаетъ тонкости Горгіевой риторической техники и подтверждаетъ показаніе рукописнаго преданія, то сомнѣваться въ немъ нѣтъ никакого основанія. Слѣдовательно,

«*жамсириство*»¹⁾. Эту рѣчь Горгія самъ называетъ шуткою²⁾, онъ ее очевидно предназначалъ для школьныхъ цѣлей; оттого онъ и слѣдуетъ въ своемъ изложеніи строгому плану; оттого онъ, подобно Антифону, намѣренно пропускаетъ несущественныя части, которыя не нуждаются въ подробномъ истолкованіи³⁾.

брошюра, вызвавшая непосредственно Исократу Елену, носила имя другого автора. Открыть его врядъ-ли намъ удастся, да это и не имѣетъ особеннаго значенія. Причѣны, на которыхъ основано было отождествленіе литературнаго соперника Исократы съ авторомъ дошедшей рѣчи въ защиту Елены, были весьма шатки. Во-первыхъ, Исократъ упреждаетъ своего предшественника въ томъ, что онъ φησὶ μὲν ἐγκώμιον γεγραμέναι περὶ αὐτῆς, τοῦχάναι δ' ἀπολογίαν εἰρηκῶς ὑπὲρ τῶν ἐκείνη πεπραγμένων (Isocr. 10. 14). Это дѣйствительно говоритъ нашъ авторъ подъ конецъ своей брошюры (Gorg. Helen. 21 ἐβουλήθη γράφαι τὸν λόγον Ἑλένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμὸν δὲ παύριον). Но упрекъ Исократы по отношенію къ нашему автору былъ-бы по крайней мѣрѣ не вполне справедливъ, потому что нашъ авторъ, какъ подобаетъ каждому панегиристу, начинаетъ съ божественнаго происхожденія восхваляемаго имъ лица (Gorg. Helen. 3), какъ и Исократъ (10, 16 и 17). Значитъ, онъ не ограничивается одною только защитою обвиняемой. Нѣкоторые пункты, которые онъ самъ считалъ важными для полнаго ἐγκώμιον'a, онъ *намеренно* пропускаетъ и обращается къ изложенію причинъ, δι' ἧς εἰκὸς ἦν γενέσθαι τὸν τῆς Ἑλένης εἰς τὴν Τροίαν στολόν (Gorg. Helen. 5). Эту задачу, имъ самимъ себѣ заданную, онъ рѣшаетъ въ слѣдующихъ параграфахъ. Объ этой троянской войнѣ и косвенномъ участіи въ немъ Елены исключительно идетъ рѣчь, такъ что, собственно говоря, слова Исократы ὑπὲρ τῶν ἐκείνη πεπραγμένων (Isocr. 10. 14) не могутъ относиться къ этой Еленѣ, которая, если виновата, то только въ одномъ, въ походѣ Грековъ противъ Трои. Что-же касается другой причины, выведенной изъ словъ Исократы παραλίπων ἅπαντα τὰ τοῖς ἄλλοις εἰρημένα (Isocr. 10. 15), то она имѣетъ еще менѣе доказательной силы, чѣмъ первая. Правда, Исократъ ничего не сообщаетъ изъ того, что служило предметомъ обсужденія въ сохранившейся рѣчи. Но, что изъ этого слѣдуетъ? Ровно ничего. По словамъ Исократы, мы *должны* даже—все равно, принимаемъ-ли мы авторство Горгія или нѣтъ—ожидать наибѣйшую разницу въ содержаніи, потому что Исократъ обѣщалъ пропустить все то, о чемъ упомянули *мы остальные*, значитъ, и Горгія и Анаксименъ и авторъ, къ которому Исократъ прямо обращается, и всякій изъ его предшественниковъ, писавшихъ на ту-же тему. Ни подъ какимъ видомъ это обстоятельство не можетъ служить доказательствомъ противъ авторства Горгія.

¹⁾ Я вполне соглашаюсь съ Маасс'омъ (Hermes Bd. 22, pg. 575), что отсутствіе всякой индивидуализаціи въ Еленѣ скорѣе говоритъ въ пользу подлинности рѣчи, чѣмъ противъ нея, если только видѣть въ ней то, къ чему она предназначена была авторомъ: одинъ изъ τῶν κοινῶν, которые Горгія нарочно составилъ для своихъ учениковъ.

²⁾ Gorg. Helen. 21. ἐβουλήθη γράφαι τὸν λόγον Ἑλένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμὸν δὲ παύριον.

³⁾ Gorg. Helen. 5. ὅτις μὲν οὖν καὶ δι' οὗ καὶ ὅπως ἀπέπλησε τὸν ἔρωτα τὴν Ἑλένην λαβών, οὐ λίγω τὸ γὰρ τοῖς εἰδέναι ἢ ἴσασι λέγειν πιστὸν μὲν εἶναι, τέρψιν δὲ οὐ φέρει, „а ἐγκώμιον“, такъ мы можемъ дополнить мысль Горгія, „должно тέρψιν φέρειν, не πιστὸν εἶναι, къ чему стремится судейная рѣчь. Поэтому я не считаю цѣлесообразнымъ упоминать о томъ, что не подобаетъ панегиристу“.

По примѣру Горгія стало правиломъ, на всегда обязательнымъ для всѣхъ похвальныхъ рѣчей, начинать съ похвалы предковъ и говорить о благородномъ происхожденіи восхваляемаго лица¹⁾. Прочитавъ правила греческихъ риторическихъ учебниковъ²⁾, нельзя не замѣтить, что

¹⁾ Такъ поступаетъ Исократъ въ своей Еленѣ (Isocr. 10. 16): τὴν μὲν οὖν ἀρχὴν τοῦ λόγου ποιήσομαι τὴν ἀρχὴν τοῦ γένους αὐτῆς. Съ того-же начинается Федръ свою похвалу въ честь Эроса у Платона (Sympos. pg. 178 A): ὅτι μέγας θεὸς εἶη ὁ Ἔρως καὶ θαυμαστός ἐν ἀνθρώποις τε καὶ θεοῖς, πολλὰ μὲν καὶ ἄλλη οὐχ ἥκιστα δὲ κατὰ τὴν γένεσιν. τὸ γὰρ ἐν τοῖς κρείσσοτατον εἶναι τῶν θεῶν τίμιον. Его собесѣдникъ, трагикъ Агафонъ, хотя онъ Горгію подражаетъ скорѣе въ другихъ отношеніяхъ—въ стилѣ и строгой диспозиціи содержанія—однако выказываетъ себя вѣрнымъ послѣдователемъ своего учителя Горгія (Plato, Sympos. pg. 198 C) и тѣмъ, что онъ начинаетъ свою похвалу, въ прямой противоположности къ Федру, съ того, что Эротъ μέγιστος θεῶν (Plato, Sympos. pg. 195 A), значить, опять-таки съ вопроса о происхожденіи восхваляемаго лица.—Мнѣ, впрочемъ, думается, что знакомство Исократа съ Еленою Горгія, т. е. нашей рукописной работой, отрицать нельзя не смотря на протестъ Münscher'a (Rh. Mus. Bd. 54, pg. 275. A. 3). Это не только доказывается мѣстомъ въ Nicoclea Исократа (III. 5—9), на которое указываетъ Maass (Hermes. Bd. 22, pg. 678. A. 1) и которое онъ—по моему вѣрою—сопоставилъ съ Gorg. Helen. § 8, но также и слѣдующимъ совпадениемъ въ выраженіяхъ обонихъ панегириковъ Елены: Isocr. 10. 18 ο θεοῦ: ὁ λεγόμενος μὲν Αἰγίως, γενόμενος δ' ἐκ Ποσειδῶνος и Gorg. Helen. § 3 ο πατρὸς δὲ τοῦ μὲν γενομένου θεοῦ, λεγόμενος δὲ θνητοῦ.

²⁾ Авторъ т. н. прогυμναстикъ знакомъ съ образцовыми произведеніями Исократа, его Еленю и Эвагоромъ; напр. Theo, progymnasm. cap. VIII § 40 (Walz. Rhet. gr. I. 228): καθάπερ οἱ ἐπανοῦντας Ἐλένην, οἱ θεοῦς προέκρινε (имѣется въ виду Isocr. 10. 18—20); id. cap. VIII § 42 (Walz. I. c. 231) совѣтуетъ: τὰς δὲ διαβολὰς ἢ οὐ δαὶ λέγειν ἀνάγκη γάρ γίνεται τῶν ἀμαρτημάτων ἢ ὡς οἶον τε λάθρα καὶ ἀποκρυφθέντες, μὴ λάθωμεν ἀπολογίαν ἀν' ἐγκρίμιον ποιήσαντες. ἀπολογεῖσθαι μὲν γὰρ προσήκει περὶ τῶν ἀδικησάντων αἰτίαν ἐχόντων, ἐκαινεῖν δὲ τοὺς ἐπ' ἀγαθῶ τινι διαφέροντας. Последнее предложеііе авторъ дословно перенялъ у Isocr. 10. 15. Hermogen. progymnasm. cap. VII. (Walz. Rhet. gr. I. 37) даетъ слѣдующій совѣтъ на счетъ начала каждаго ἐγκρίμιον'a: ἔρεῖς δὲ τινα καὶ ἃ περὶ τὴν γένεσιν συνέπεσον, ἕξια θαύματος, οἷον ἐξ ἀνεράτων ἢ συμβόλων ἢ τινῶν τοιούτων. Это правило было известно и Исократу, но онъ на вѣрнее нитъ пренебрегаетъ въ панегирикѣ Эвагора (Isocr. 9. 21): Εὐαγόρας γίγνεται περὶ οὐ τὰς μὲν φήμας καὶ τὰς μαντείας καὶ τὰς ὄψεις τὰς ἐν τοῖς ὑπνοῖς γενομένας... αἰρούμεν παραλειπών, потому что уже того материала для похвалы, который не осмѣливается на сверхъестественныхъ явленіяхъ, столько набирается, что онъ не можетъ оправиться съ нимъ и долженъ выпустить тѣ тоаυτα, περὶ ὧν ὀλίγοι τινὲς ἐπίστανται καὶ μὴ κόντας οἱ πολλοὶ συνέβαιον. Но бросается въ глаза не только знакомство съ такими образцами греческаго-арисморфіа; тѣ-же учителя риторики пользовались тѣми-же сочиненіями, чтобы обучать своимъ учениковъ, какъ слѣдуетъ составлять ἐγκρίμιον. Уже Анаксименъ (τέχνη ῥητορ. cap. 35 ed. Spengel.' pg. 80) учитъ: μετὰ τὰ προσιμία πρῶτον τὴν γενεαλογίαν τάξομεν. Ему слѣдуетъ Theo, progymnasm. cap. VIII § 40 (Walz. Rhetog. gr. I 227). На дѣлѣ различія въ риторическихъ приѣмахъ между прозаическимъ гимномъ въ честь боговъ и панегирикомъ въ честь смертныхъ (ἀλλ' εἴτε ζῶντας, εἴτε τελευτήσαντας, ἢ καὶ ἦρας καὶ θεός τις ἐγκρίμαζοι, μίς καὶ ἡ αὐτὴ ἐστὶ τῶν λόγων

авторы выводят свои правила именно из таких образцовых произведений как Елены и Эвагора Исократ¹⁾, значить, посредственно через последнего, восходятъ къ Горгію. Поздній риторъ, Элій Аристидъ²⁾, восхваляя боговъ и героевъ все еще придерживается тѣхъ-же правилъ. Такъ долго вліяла традиція софистической школы.

ἴφος), онъ на первое мѣсто ставитъ прославленіе благороднаго происхожденія (ἔστι δὲ τῶν ἔξωθεν πρῶτον μὲν εὐγένεια ἀγαθόν). Arphthonius, поздній риторъ IV. или даже V. в., черпавшій главнымъ образомъ изъ трудовъ Гермодена (Brzoska у Pauly—Wisowa s. v.), въ своихъ progymnasmata, cap. VIII (Walz. Rhet. gr. I. 87) для панегирика даетъ слѣдующее распредѣленіе матеріала: сперва προοίμιον πρὸς τὴν ὄψαν ὑπόθεσιν, затѣмъ сейчасъ θήσας τὸ γένος и потомъ только слѣдуютъ другіе отдѣлы.

¹⁾ Исократъ самъ съ гордостью заявляетъ (Isocr. 9. 8), что его предпріятіе въ Эвагорѣ ἀνδρὸς ἀρετὴν διὰ λόγων ἐγκωμιάζειν есть полнѣйшее новшество для греческой литературы. Какъ часто, такъ и въ настоящемъ случаѣ, несчастное тщеславіе соблазнило Исократъ присвоить себѣ заслугу, которая принадлежала другому. И такъ случилось, что Аристотель, для своихъ лекцій о риторикѣ тщательно изучая панегирическую литературу, уличилъ его во лжи (Arist. Rhetor. I. 9, pg. 1368 a 17) и, не упоминая объ Исократѣ, ту-же заслугу возвратилъ забытому и вѣроятно не особенно знаменитому автору панегирика въ честь нѣкоего Гипполоха (ср. Wilamowitz. Hermes. Bd. 35, pg. 533 sq.). Это открытіе Аристотеля было очень интереснымъ результатомъ чисто научнаго изслѣдованія Стагирита и важно для ученыхъ. Но практическую значенія оно для слѣдующихъ панегиристовъ греко-римскаго міра не имѣло. Исократъ считался и не переставалъ считаться съ публичнъ изобрѣтателемъ новаго вида панегирика, посредствомъ котораго панегиристы переносятся съ мѣологическихъ, сказочныхъ временъ и изъ сферы фантазіи въ современность и на реальную почву, восхваляя ужъ не какую-нибудь Елену, но историческую личность современника. Непосредственно за Эвагоромъ явился, подражая первому, Агесилай Ксенофонта (ср. Bruns, literar. Portr. pg. 126 sq.). Дальше слѣдуетъ цѣлый рядъ панегириковъ вплоть до римскихъ биографовъ Корнелія Непота и Тацита и греческихъ риторовъ т. н. II софистической школы, Діона Златоуста и Элія Аристида (ср. Fr. Leo, die griechisch-römische Biographie, pg. 87 sq. 93 A. 2. 227 sq.). Но и въ этомъ новомъ Исократовскомъ видѣ общаго рода ἐγκωμίων похвала предковъ и подчеркиваніе εὐγενείας восхваляемой личности по прежнему остались существенными его элементами: ср. Isocr. 9. 12—18; Xenoph. Ages. I. 2; Nepos, Eraminond. 2. 1 (cf. 1. 4.); Tacit. Agricola, cap. 4; Dió Chrysost. 29. 2 sq. (Arnim, Dio v. Prusa pg. 146 приписываетъ эту рѣчь самому гимназіарху, не Діону, потому что она слишкомъ шаблонно скомпонована и тѣ-же самыя мысли повторяются въ подлинной 23-ой Діоновской рѣчи. Шаблонность стиля объясняется предназначеніемъ рѣчи для произнесенія гимназіархомъ при похоронахъ атлета, а вторичное пользованіе тѣми-же мыслями въ другой формѣ у Діона, который по вѣрнымъ замѣчаніямъ того-же Арнима, l. c. pg. 171 sq., часто повторялъ одну и ту-же рѣчь, не можетъ показаться страннымъ); Ael. Aristid. or. XI εἰς Ἐκωνεία 76. 2 sq. ed. Dind., or. XII ἐπὶ Ἀλεξάνδρῳ 81. 12 sq. ed. Dind.

²⁾ Or. I εἰς Δία. 3. 2 sq. ed. Dind.; or. II Ἀθηνᾶ. 9. 6 sq. ed. Dind.; or. III εἰς Ποσειδάνα. 19. 9 sq. ed. Dind.; or. IV Διόνυσος. 29. 1 sq. ed. Dind.; or. V Ηρακλῆς. 31. 10 sq. ed. Dind. Элій Аристидъ начинается похвалу въ 5 первыхъ изъ т. н. παντοῦ λόγοι съ прославленія рода по общепринятому праву.

Точно такъ-же тотъ-же Горгіи своею рѣчью въ честь павшихъ въ войнѣ солдатъ сталъ родоначальникомъ цѣлой массы подобныхъ надгробныхъ словъ, пѣз которыхъ рѣчь Перикла самая выдающаяся, но не единственная¹⁾. Горгіи только внѣшнимъ образомъ отнесъ свою рѣчь къ павшимъ при Саламинѣ: она могла бы быть произнесена при каждомъ подобномъ случаѣ²⁾. Въ ней отсутствуютъ всякіе индивидуальныя намеки. Авторъ выводитъ на сцену лишь общіе типы безъ малѣйшей индивидуальной характеристики, точно такъ-же какъ поступаетъ Антифонъ въ своихъ тетралогіяхъ. Горгіи не указываетъ ни на опредѣленное время, ни на опредѣленную мѣстность. Всѣмъ этимъ достаточно ясно опредѣляется назначеніе рѣчи.

Выше приведенные примѣры изъ разныхъ отдѣловъ греческаго краснорѣчія, и судебного и эпидейктическаго³⁾, далеко не исчерпываютъ

¹⁾ Изъ надгробнаго слова Горгіи Діонисій Галикарнасскій для своихъ цѣлей выписалъ только часть, которая составляла скорѣе конецъ рѣчи, чѣмъ ея начало. Это лишаетъ насъ возможности опредѣленно судить о порядкѣ расположеніи матеріала. Но остальные *ἐπιτάφιοι* всё безъ исключенія опять-таки начинаютъ съ похвалы предковъ, такъ что мы не ошибемся, если предположимъ такой-же порядокъ въ родоначальникѣ всего рода *ἐπιτάφιοι*, Горгіевой надгробной рѣчи: ср. рѣчь Аспазіи, воспроизведенную Сократомъ у Платона *Menexen.* pg. 237 A; рѣчь Перикла у Фукидида II. 36, 1; [*Lys.*] 2. 3 sq.; *Hyperid.* 6. 6 sq.; [*Dem.*] 60. 4 sq.

²⁾ ср. Maass. *Hermes.* Bd. 22, pg. 575 съ прии. 2.

³⁾ Термины „судебная, эпидейктическая и совѣщательная рѣчь“ въ примѣненіи къ доаристотелевскимъ временамъ, собственно говоря, не правильны. Горгіи не зналъ никакихъ особыхъ отдѣловъ риторики. Смотря по тому, на какую точку зрѣнія становился говорящій, на сторону „pro“ или „contra“, въ рѣчи заключался или *ἀπολογία*, *ἐπίτιμος*, *πρότροπος* или *κατήγορος*, *ψήφος*, *ἀποτροπή*. Исократъ различаетъ уже два рода: судебный и совѣщательный, къ которымъ Аристотель прибавилъ эпидейктискій. Эта аристотелевская трифуркація стала господствующею и, руководствуясь ею, Діонисій Галикарнасскій классифицировалъ сохранившіяся до его времени рѣчи. Изъ совѣщательныхъ рѣчей Горгіи Діонисій еще читалъ немногія (ар. Maxim. Planud. *Walz. Rhet. gr.* V. 548), до насъ не дошло ни одинъ итывокъ, ни одно заглавіе. *Ὀλομπτικός*; Горгія, который для слѣдующихъ ораторовъ, напр. для Исократа (*Panegyricus*) и Лисія (*Olympiasus*), имѣлъ такое-же значеніе образца, какъ его *Ἐλάση* и *Πλάκωνος*, Аристотелемъ причисляется къ рѣчамъ эпидейктискимъ (*Rhetor.* III. 14. pg. 1414 b 31 sq.). Такое опредѣленіе для насъ, конечно, имѣетъ только условную обязательность. *Ὀλομπτικός λόγος* Горгіи задуманъ былъ авторомъ скорѣе какъ совѣщательная рѣчь, такъ какъ дѣло шло *πρὸς τὸν δαλιβότανον*, суть заключалась въ *πρότροπος* и цѣль ея была *το εὐφραίνειν*, что по ученію риторовъ (*Volkmann. Rhetor.*² pg. 10) составляетъ свойства *εὐφροσύνης* — совѣщанія. Но риторы оторвались отъ своихъ собственннхъ правилъ и, пододя рѣчь Горгіи какъ и великія *ἐπιτάφιοι* Исократа подъ эпидейктискій родъ, создали для нихъ особый подьотдѣлъ: *λόγος πρότροπικός* (*Volkmann, Rhetor.*² pg. 284). О риторическихъ упражненіяхъ позднихъ римскихъ временъ въ совѣщательномъ родѣ

всего новаго риторическаго матеріала, которымъ слѣдующія поколѣнія обязаны были первымъ софистамъ¹⁾). Но сказаннаго, думаю, достаточно,

краснорѣчія даютъ намъ хорошее, но мало интересное представление *Suasoriae* старшаго Сенеки. Аналогичный имъ примѣръ изъ восточной половины Имперіи недавно найденъ (Охугъ. Рар. II. pg. 33 sq. N. CCXVI.) на египетскомъ папирусь, къ сожалѣнію въ печальномъ состояніи. Но, по крайней мѣрѣ, явно то, что мы имѣемъ передъ собою школьную рѣчь (ср. Wilamowitz. Gott. gel. Anz. 1900, pg. 36). Невольно напрашивается сравненіе съ подобнымъ школьнымъ упражненіемъ по судебному дѣлу „δικη κλοπής“, и съ *Controversiae* того-же старшаго Сенеки. (ср. выше стр. 20-ая и 21-ая съ примѣчаніями). Пока матеріала для сравненія слишкомъ мало. Но египетскія раскопки каждый день могутъ восполнить этотъ пробѣлъ.

¹⁾ Софистъ Поликрать первый, насколько мы можемъ судить, взялъ себѣ темины для своихъ рѣчей *ὁκλήσεις, παραβολαί, и ἀδοξοί*. Его похвала людѣда Бузирида побудило непосредственно Исократу, противопоставить ей лучшую похвалу на ту-же тему. Можетъ-быть, древніе критики съ Исократомъ во главѣ были правы, когда раскритиковали работы Поликрата и нашли въ нихъ много пустословія, безжизненности и нелѣпости. Но не въ томъ дѣло, важно, что софисты вовлекли въ кругъ своей дѣятельности самыя разнокалиберныя сюжеты, что они пробовали свои силы надъ темины, сразу не поддающимися обработкѣ по общимъ правиламъ. Знаменитаго, доблестнаго героя хвалить по готовой схемѣ не представляло никакой трудности, но отвратительнаго злодѣя и отвратительнаго изверга превозносить и изображать великимъ благодѣтелемъ челоѣчества—это была не легкая задача. Если вѣрить Исократу—а при извѣстныхъ взглядахъ хвастливаго автора на своихъ предшественниковъ это иногда рискованно—, то первая попытка не удалась. Но и въ такомъ случаѣ одно намѣреніе Поликрата заслуживаетъ нашего уваженія. По видимому этотъ софистъ вообще интересовался такими парадоксальными сюжетами, какъ доказываютъ остальные заглавія его трудовъ: похвалы Клитемнестры, мышей, горшковъ, камешковъ. Можетъ-быть, безъименно цитруемыя похвалы соли и кубка тоже принадлежать ему, ср. Blass. Att. Bereds. II. 1, pg. 342. По крайней мѣрѣ гораздо вѣроятнѣе предположить, что Поликрать, составившій *ἐγκώμια εἰς τοὺς μὺς, и τὰς χύτρας, и τὰς ψήφους*, хвалилъ и *τοὺς ἄλεις καὶ τοὺς βομβολιοὺς*, чѣмъ приписать эти произведенія Алкидаманту, автору похвалы смерти. Попытка Münscher'a (Rh. Mus. 1899, pg. 256) провести послѣднее мнѣніе, мнѣ кажется, не удалось. Изъ такихъ зародышей со временемъ развились нѣкоторыя странныя эстетическія растенія въ греческой литературѣ. Лукіанъ прославляетъ общепрезрѣнную, гнусную фигуру паразита. Съ одной стороны эта пьеса пародистическая варіація на тему, въ то время интересующую всѣ кружки общества: есть-ли риторика искусство или нѣтъ, ср. Radermacher, Philodem. ed. Sudhaus. Suppl. Bd. pg. IX sq. Но съ другой стороны она своимъ страннымъ сюжетомъ напоминаетъ о Бузиридѣ Поликрата, такъ-же какъ того-же Лукіана *μὺς; ἐγκώμιον* приводитъ на память того-же Поликрата *μὺς; ἐγκώμιον*. До Лукіана комаръ нашель панегриста въ Діонѣ Златоу тѣ, которому подобныя темы не чужды; онъ-же написалъ похвалу попугая. Похвала волоѣ, которую Синезій предпосылаетъ своей похвалѣ лысины и приписываетъ Діону, по мнѣнію Арнима (Dio v. Prusa, pg. 155) не принадлежитъ ему. Но этотъ вопросъ въ нашемъ обзорѣ не важенъ. Важно существованіе такой похвалы, кѣмъ-бы она ни была написана. Наконецъ этотъ рядъ *ἐγκώμια* заканчиваетъ знаменитая похвала глупости Эразма Роттердамскаго, который знакомъ былъ съ Лукіаномъ и его неоднократно

чтобы уяснить роль Протагора, Горгия и другихъ софистовъ—не какъ рас-

цитуеть, ср. напр. *Mycillus Lucianicus* (т. е. *ego somnium*) cap. 45. *Gallus Lucianicus* cap. 63. Очевидно? Эразмъ прямо пользовался нѣкоторыми мыслями Лукіана, какъ доказываютъ слѣдующія сравненія: *Erasm. Laus stult.* cap. 23 о пользѣ глупцовъ и мудрецовъ въ войнѣ: *quis, oro, sapientum istorum usus, qui, studiis exhausti, vix tenui frigidoque sanguine spiritum ducunt: crassis ac pinguibus opus est.... parasitis, lenonibus, latronibus, sicariis, agricolis, stupidis, obaeratis et hujusmodi mortalium faece res tam praeclara geritur, non philosophis lucernariis*, ср. *Lucian, de paras.* § 40 τούς μὲν αὐτῶν [sc. τῶν ῥητόρων]... ἴσοις ἂν λεπτοῦς καὶ ὠχροῦς περριχότας... § 41 ὁ μὲν [sc. ὁ παράσιτος] τὸ σῶμα πρῶτον πολὺς καὶ τὸ χρῶμα ἡδύς,... ἔπειτα θυμοειδής, δεινὸν βλάπτων ὁποῖον ἡμεῖς, μέγα καὶ ὕψαιμον *Erasm. Laus stult.* cap. 25 о негодности философовъ при пирушкахъ: *ad convivium adhibe sapientem, aut tristi silentio, aut molestis quaestiunculis obturbabit*, ср. *Lucian, de paras.* § 51. Ἐν δὲ δὴ συμπόσιφ τίς ἂν καὶ ἀμιλλήσεται παρασίτω ἧτοι παίζοντι ἢ ἐσθιοντι; τίς δ'ἂν μᾶλλον εὐφράναι τοῦς συμπότας; πότερόν ποτε οὗτος [sc. ὁ παράσιτος] ἄδων καὶ σκώπτων, ἢ ἄνθρωπος μὴ γελῶν, ἐν τριβωνίφ χείμενος, εἰς τὴν γῆν ὀρώων, ὥσπερ ἐπὶ πένθος οὐχὶ εἰς συμπόσιον ἦκων [т. е. философъ].

Совершенно противоположную область обрабатывалъ софистъ Продикъ, если только вѣрить характеристикѣ его занятій, которую даетъ намъ авторъ псевдоплатоноваго Аксиоха (ср. *Gomperz. griech. Denker I.* pg. 467 sq.), и отзывамаъ автора псевдоплатоноваго Эриксиа и Ксенофонта. Его ἐπιδείξεις касались отвлеченныхъ вопросовъ, о жизни (*[Plato] Axioch.* pg. 366 D sq.), смерти (ib. 369 B), богатствѣ (*[Plato] Eryx.* pg. 397 E), и наконецъ—я имѣю въ виду самое знаменитое его произведение, облеченное во форму мива (Гераклъ на распутѣ)—добродѣтели (*Xen. Memor.* II. 1, 26 sq.) Съ нѣкоторыми изъ воззрѣній Продика мы встрѣчались у другихъ писателей (напр. о богатствѣ ср. выше стр. 28 пригвч.). Софистъ Алкидамантъ написалъ похвалу смерти и пессимистически отзывался о человѣческой жизни (ср. *Orator. att. ed. Sauppe II* pg. 155). Темы, введенныя Продикомъ въ греческую литературу, не сходили со сцены у позднихъ софистовъ (ср. ог. 8-ая и 69-ая Діона Златоуста о добродѣтели и ог. 7-ая и 8-ая Либанія о богатствѣ).

„Περὶ τῶν καλῶν ἐπιτηδεωμάτων“ такъ назывался πάγκalos λόγος, который софистъ Гиппій приносилъ нѣсколько разъ и о которомъ онъ самъ сообщаетъ (*Plato, Hipp. maj.* pg. 286 B). Авторъ придавалъ рѣчи слѣдующую внѣшнюю форму (πρόσχημα): молодой Неоптолемъ послѣ взятія Трои спрашиваетъ Нестора, чѣмъ занимаясь, юноша, приобрести славу. Несторъ удовлетворяетъ его любознательности. Рядомъ съ рѣчами Продика о добродѣтели (миѣ о Гераклѣ на распутѣ) и Протагора о вопросѣ ὡς διδακτὸν ἐστὶν ἡ ἀρετή (миѣ о сотвореніи человѣческаго рода) это уже третій случай, когда софистъ выбираетъ форму сказки, чтобы облечь въ нее свои мысли. Причину этому Протагоръ ясно высказываетъ (*Plato, Protag.* pg. 320 C): δοκῆ μοι χαριστέρον εἶναι μῦθον λέγειν. Они рассчитывали на болѣшій внѣшній эффектъ рѣчи, при чемъ миѣ самъ собою вытекалъ изъ вольной фантазіи автора. Точно такъ-же поступаетъ софистъ Діонъ, которому миѣ служатъ исключительно средствомъ для лучшаго достиженія данной практической цѣли. „Sie sind“, какъ выражается Арнимъ (*Dio v. Prusa,* pg. 300) „für Dio nur Thon, der sich gefallen lassen muss, in die gegebene Form des ethischen Dogmas hineingepresst zu werden“.

Этотъ рядъ новыхъ темъ, введенныхъ софистами въ греческую литературу, пусть заключить интересная брошюрка, которую думали даже приписать великому

пространителей новыхъ философскихъ идей, не какъ мастеровъ слова, но

Протагоры: ps.-Hippocr. *περὶ τέχνης*; (ср. Gomperz. Sitz.-Ber. d. Acad. d. Wiss. in Wien. 1890. Phil.-Hist. Cl. IX. Abhandl: Die Apologie der Heilkunst). Гипотеза Гомперца, по моему, справедливо отвергнута, не смотря на остроумную и блестящую защиту ея, всеми заинтересованными въ этомъ вопросѣ учеными, и медиками-филологами (напр. Ilberg, Berl. phil. Wochenschr. 1890 pg. 1165 sq.; Wellmann, Archiv f. d. Gesch. d. Philos. V. pg 100 sq.) и чистыми филологами (напр. Ed. Schwartz, quaest. jon. pg. 13 sq.) и философами (напр. Zeller, griech. Philos. I. 2⁵ pg. 1055. A. 3; Natorp. Philologus. N. F. IV, pg. 278 sq.). Гомперць (I. c. pg. 32 sq.) старается доказать, основываясь на Платонѣ (Sophist. pg. 232 D sq.), что Протагоръ былъ авторомъ „einer Gesamtapologie der Künste“, и, находя (I. c. pg. 4) въ трактатѣ *περὶ τέχνης* въ двухъ мѣстахъ (сар. 3 *περὶ μὲν οὖν τούτων* [sc. τῶν ἄλλων τεχνῶν] εἰ γέ τις μὴ ἰκανῶς ἐκ τῶν εἰρημίνων συνήσκη, ἐν ἡλίαν ἢ λόγοντι σαφέστερον διδάξαι, и сар. 9 *τὰ μὲν οὖν κατὰ τὰς ἄλλας τέχνας ἄλλοι ἄλλοις κατ' ἄλλοι λόγους δεῖξει*) ссылки на другія сочиненія о другияхъ искусствахъ, приходитъ къ заключенію, что сохранившаяся апологія медицины должна быть однимъ отдѣломъ изъ энциклопедіи Протагора *περὶ τεχνῶν* вообще. Это отождествленіе разбивается о слѣдующій фактъ. По Платону произведеніе Протагора имѣло характеръ полемическаго сочиненія, ср. Soph. pg. 232 B *ἐπιτόρπιος*; ib. pg. 232 C и D *καταπέλι*; ib. pg. 232 E *καταπέλιος τεχνῶν*; написаннаго профаномъ *πρωτοῦ* анатома (ср. Soph. pg. 233 A *ποῦς τὸν ἐπιτόρπιον αὐτὸς ἀνατομῆος ἐστ*; ib. pg. 232 D *α δὲ πρὸς ἑαυτὸν τὸν δημιουργὸν ἀντεπέλι*). [Последнее мѣсто слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, какой ему придалъ Гомперць въ спеціальномъ изслѣдованіи о нашемъ трактатѣ *Apol. der Heilk.* pg. 181 sq., но какой онъ-же ему приписываетъ *melius informatus, Griech. Denker I* pg. 374 и примѣч. на стр. 474]). Слѣдовательно, Протагоръ въ своей книгѣ скорѣе добивался отрицательныхъ чѣмъ положительныхъ результатовъ. Онъ скорѣе являлся обвинителемъ чѣмъ защитникомъ искусствъ. Въ прямую противоположность ему нашъ авторъ горячо защищаетъ медицину противъ невѣжественной толпы. Гомперць увѣряетъ, что выше приведенныя слова изъ 3-ей и 9-ой главъ *должны* относиться къ другимъ сочиненіямъ *того-же* автора. Я допу каю только *возможность*. А также возможна и ссылка на другія сочиненія *другою* автора. Вторая возможность, мнѣ кажется, становится необходимою, если мы привлечемъ слова 1-ой главы: *τούς μὲν οὖν ἐς τὰς ἄλλας τέχνας τούτω τῷ τρόπῳ ἐπιπίπτοντας, οἷσι μὲλαι τε καὶ ὄν μὲλαι, οἱ δὲ οὐκ ἀμενοὶ καλοῦντων*. Изъ нихъ явствуетъ, что авторъ нашего трактата *не* принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые интересуются и умѣютъ отстаивать другія искусства. Изъ тѣхъ-же словъ я вывожу заключеніе, что по отношенію къ *медицинѣ* нашъ авторъ и *δυνάμενος* и одинъ изъ тѣхъ, *οἷς μὲλαι*, т. е. медикъ, и я нахожу подтвержденіе этому въ словахъ непосредственно предшествующихъ: *μόνοις γὰρ δὴ τοῖς ἀτέχνοις ἢ ἐργαῖα αὐτῶν* [т. е. оклеветаніе и порицаніе медицины] *ἀρμόζει*. Слѣдовательно, онъ самъ былъ *τεχνικός*. Этому не противорѣчатъ слова послѣдней главы *οἱ τε οὖν λεγόμενοι λόγοι δηλοῦσιν εἰ τὸν εἰδῶτων τῶν τέχων ἐπιδέξιας*, изъ которыхъ Gomperz (*Apol. d. Heilk.* pg. 4) заключилъ, что авторъ, самъ литераторъ и ораторъ, *den ärztlichen Praktikern als gleichberechtigter Factor gegenübertritt*. Я не вижу въ этихъ словахъ никакого противопоставленія, въ которомъ послѣднее первое исключаетъ и наоборотъ; но *кроме* настоящаго письменнаго теоретическаго изложенія авторъ ссылается еще на счастливую практику знаменитыхъ медиковъ, которая тоже въ свою очередь доказываетъ, что медицина *τέχνη*. Медики, знающіе свое дѣло, не противопоставляются профанамъ, но шарлатанамъ, которые только по названію лѣкари, а не по своимъ знаніямъ (сар. 8 *τῶν δυνάται*: ἰγ-

как создателей новых *тем*, годящихся для *риторической* обработки, как удивительных гениевъ въ выработкѣ діалектическихъ способностей человека. Это удобреніе греческой литературной нивы новыми культурными элементами, этотъ посѣвъ свѣжихъ сѣменъ въ старую культурную почву Греціи составляетъ одну изъ главныхъ, если не самую главную и извѣстную въ послѣдствіи не превзойденную, заслугу софистовъ для исторіи культуры всего человечества. Риторическій матеріалъ ими обогащенъ въ огромныхъ размѣрахъ, только мало осталось дополнить будущимъ временемъ. А одновременно съ подборомъ матеріала они-же и приспособляли его и давали ему надлежащій видъ, такъ что онъ годенъ былъ для *давшаго* случая.

Но *какимъ образомъ* учили софисты разныхъ временъ? Какой *методъ* они *примѣняли*, чтобы довести своихъ учениковъ до той степени совершенства, какой они сами достигли?

И въ этомъ методѣ замѣчается *консерватизмъ школьной традиціи*. Такъ-же какъ Горцій началъ учить въ V в. д. Р. Хр., продолжалъ учить до Либонія, софиста IV в. н. Р. Хр.

О методѣ, который *примѣнял* Горцій, мы имѣемъ классическое свидѣтельство у Аристотеля¹⁾, который его справедливо упрекаетъ въ

τῶν), и которые желаютъ пользоваться, но не ужьютъ (cap. 9. οὐ τοῖς βουληθεῖσιν, ἀλλὰ τοῖσιν τοῖς βουληθεῖσι). Только въ устахъ медика, раздраженнаго постояннымъ нападеніемъ на свою любимую науку и задѣтаго за живое, понятны сильныя выраженія, которыми онъ *отвѣчаетъ* противникамъ (cap. 8. οἱ μὲν οὖν ταῦτα λέγοντες εἰ ἐμειφοντο τοῖς ἰατροῖς, οἱ δὲ αὐτῶν τοιαῦτα λέγοντων οὐκ ἐπιμειφοντο ὡς παραφρονας ὄντων, εἰκότως δὲ ἐμειφοντο μᾶλλον ἢ καὶ αἱ μεμφομένοι). Но отвергая гипотезу Гомперца объ авторствѣ Протагора, мы не отрицаемъ *ближенія* нашего автора по *внѣшнему* стилю и по *внутреннему философскому убѣжденію* съ *ученіемъ* Протагора. Авторъ статьи *περὶ τέχνης* очевидно борется посредствомъ софистическаго орудія и, нужно признаться, борется съ *успѣхомъ*. Что такая усердная защита въ V и IV вв. не была излишней, доказываютъ случайно сохранившіеся намеки въ другихъ медицинскихъ трактатахъ какъ напр. тотъ, на который указалъ Ed. Schwartz, quaest. jon. pg. 13 sq. въ статьѣ *περὶ διαίτης ὀφθαλμοῦ* [3 pg. 240 L.]. Полемицескія выкладки противъ медиковъ иногда, кажется, были и не безъ основанія. Плохіе врачи уже во время Антифонта могли считаться причиною смерти человека (ер. Antiph. Tetral. III. 3 4 *πονηρὸν ἰατρὸν ἐπιτρέφεις διὰ τὴν τὸν ἰατρὸν μούνηριον καὶ οὐ διὰ τὰς πλῆθυσ ἀπέθανεν*).

Итакъ, софисты оказались мастерами на всѣ руки, они и ихъ послѣдователи *забираются* во всѣ области человеческого знанія. Ни отъ чего они не отказываются; всѣ работы имъ кажутся по силамъ. Эта смѣлость похвальна, хотя она и скрываетъ въ себѣ опасность, развитіе многосторонности на счетъ содержательности, что и случилось.

¹⁾ Aristot. de sophist. elench. pg. 183 b 36 sq: καὶ γὰρ τῶν περὶ τοὺς ἐριστικούς λό-

томъ, что ученики не получаютъ отъ него самого искусства, но только готовые результаты. Онъ его сравниваетъ съ сапожникомъ, который обучаетъ своихъ мальчиковъ не искусству дѣлать сапоги, но показываетъ имъ пару сапоговъ или много различныхъ готовыхъ сапоговъ. Точно такъ-же Горгіиъ, давая ученикамъ образцовыя рѣчи для заучиванія наизусть, снабжаетъ ихъ готовыми рѣчами на разные случаи, но не дѣлаетъ ихъ самихъ способными составлять подобныя рѣчи.

Это былъ одинъ методъ софистическаго ученія, который остался неизмѣннымъ до послѣднихъ времяя классической древности. Такимъ готовымъ образцомъ была напр. рѣчь Лисія о любви, которую изучалъ молодой Федръ¹⁾. Такой же методъ рекомендуютъ составитель учебника риторической техники I в. п. Р. Хр., Θεωνъ²⁾, и софистъ IV христіанскаго стол., Либаній³⁾.

τους μισθαρούντων ὁμοία τις ἦν ἡ παιδεία, τῇ Γοργίου πραγματεία· λόγους γὰρ οἱ μὲν ῥητορικοὺς οἱ δὲ ἐρωτητικοὺς ἐδίδουσαν ἐκμανθάνειν, εἰς οὓς πλειστάκις ἐμπίπτειν ᾤθησαν ἑκάτεροι τοὺς ἀλλήλων λόγους, διόπερ ταχεῖα μὲν ἀτεχνος δ'ἦν ἡ διδασκαλία τοῖς μανθάνουσι παρ' αὐτῶν. οὐ γὰρ τέχνην ἀλλὰ τὰ ἀπὸ τῆς τέχνης διδόντες παιδεύειν ὑπελάμβανον, ὡς περ ἂν εἴ τις ἐπιστήμην φάσκων παραδώσειεν ἐπὶ τὸ μηδὲν ποιεῖν τοὺς πόδας, εἴτα σκοτοτομικὴν μὲν μὴ διδάσκει, μηδ' ὄθεν δυνασεται πορίζεσθαι τὰ τοιαῦτα, λοίπῃ δὲ πολλὰ γένη παντοδαπῶν ὑποδημάτων. οὗτος γὰρ βεβοήθηκε μὲν πρὸς τὴν χρεῖαν, τέχνην δ' οὐ παρέδωκεν.

¹⁾ Plato, Phädr. pg 228 D: Σωκρ. Δείξας γε πρῶτον, ὦ φιλότῃς, τί ἄρα ἐν τῇ ἀριστερᾷ ἔχεις ὑπὸ τῷ ἱματίῳ τοπάζῳ γὰρ σὲ ἔχειν τὸν λόγον αὐτόν. εἰ δὲ τοῦτό ἐστιν, οὕτω σὺ διανοοῦ περὶ ἐμοῦ, ὡς ἐγὼ σε πάνυ μὲν φίλῳ, παρόντος δὲ καὶ Λυσίου ἐμχούτον σοι ἐμμελετᾶν παρέχειν οὐ πάνυ δέδοκται. ἀλλ' ἴθι, δεικνυε.—Φαιδρ. Πλάτ. ἐκκέκρουχίς με ἐλπίδος, ὦ Σώκρατες. ἦν εἶχον ἐν σοὶ ὡς ἐγγυματούμενος, ср. Navarre. Essai sur la rhétorique grecque avant Aristote, pg. 36.

²⁾ Theo. Progymnasm. cap. II ap. Walz. Rhet. gr. I pg. 158 sq: Πρῶτον μὲν ἀπάντων χρῆ τὸν διδάσκαλον ἐκάστου γυμνάσματος εὖ ἔχοντα παραδείγματα ἐκ τῶν παλαιῶν συγγραμμάτων ἀναλεγόμενον προστάττειν τοῖς νέοις ἐκμανθάνειν ἢ καὶ τὰς αὐτῶν ἐπιεικέως ἐπιτελεῖν ἢ καὶ τὰς αὐτῶν ἐπιεικέως ἐπιτελεῖν.

³⁾ ср. Sievers, das Leben des Libanius, pg. 19. Это называлось λόγους ἐπιδεικνύσθαι. Тѣмъ-же цѣлямъ служилъ въ концѣ концовъ и всѣ рѣчи софистовъ, откуда онѣ и получили названіе ἐπιδείξεις. Однѣ и тѣ-же рѣчи много разъ произносились ихъ авторами въ разныхъ мѣстахъ, чтобы какъ можно больше людей слушало ихъ и образовало по нимъ свой стиль. И такое частое повтореніе однихъ и тѣхъ-же произведеній практиковалось не только софистами старой школы, напр. Гиппиемъ (ср. Plato, Hipp. Maj. pg. 286 В. τοῦτον [sc. τὸν λόγον περὶ ἐπιτηδευμάτων καλῶν] δὴ καὶ ἐκεῖ ἐπεδειξάμενην καὶ ἐνθάδε μέλλω ἐπιδεικνύουσι εἰς τρίτην ἡμέραν) и Продикомъ (ср. Philostr. Vit. soph. pg. 203. τοῦ λόγου [sc. ο Γερακτῆ να распутыѣ] ἐμμοσθον ἐπίδειξιν ἐποιεῖτο Πρόδικος περιφοιτῶν τὰ ἄστυ καὶ θέλων αὐτὰ τὸν Ὁρφέως τε καὶ Θαμύρου τρόπον, ἐφ' οἷς μεγάλων μὲν ἤξιστο παρὰ Θηβαίοις, πλειόνων δὲ παρὰ Λακεδαιμονίοις, ὡς ἐς τὸ συμφέρον τῶν νέων ἀναδιδάσκων ταῦτα· ὁ δὲ Γοργίας ἐπισκώπτων τὸν Πρόδικον, ὡς ἐωλά ττ καὶ πολλάκις εἰρημένα ἀγορευόντα, ἐπαφῆκεν ἐαυτὸν τῷ καιρῷ), но и поздними, напр. Діономъ (ср. ор. XI. § 6 пролѣγω δὲ ὑμῖν ὅτι τοὺς λόγους

Сверхъ того, если не Горгіемъ, то по крайней мѣрѣ слѣдовавшими за нимъ софистами велись съ учениками общія бесѣды по всевозможнымъ вопросамъ. Эти бесѣды развивали находчивость и сообразительность молодыхъ людей. Объ нихъ даютъ намъ вѣрное представленіе діалоги Платона: Горгіей, Еволдемъ и др. Они отлично знакомятъ насъ съ сущностью софистическаго метода преподаванія, но мы не должны забывать, что Платонъ какъ принципиальный противникъ софистовъ пристрастный судья. Исократъ¹⁾ тоже придаетъ много значенія такого рода преподаванію и еще софистъ Либаній²⁾ видитъ въ постоянныхъ бесѣдахъ съ учениками первую обязанность учителя риторики.

Кромѣ того учителя конечно задавали ученикамъ и темы для обработки, и мы еще теперь читаемъ въ египетскихъ папирусахъ такіа школьныя произведенія³⁾.

Само собою разумѣется, что разные софисты въ отдѣльных пунктахъ не слѣдовали *одной общей программѣ*. Соперничество, зависть, взаимное недоброжелательство играли важную роль въ ихъ отношеніяхъ. Каждый софистъ расхваливаетъ свою систему и по возможности унижаетъ заслуги своихъ соперниковъ. Такимъ образомъ образовались различныя группы софистовъ.

Протагоръ у Платона⁴⁾ спрашиваетъ своихъ слушателей, въ какую внѣшнюю форму ему облечь рѣчь о добродѣтели, значить, онъ дѣлаетъ видъ, будто въ состояніи говорить безъ приготовленія, какъ кому угод-

τούτους ἀνάγκη καὶ παρ' ἑτέροις ῥηθῆναι καὶ πολλοὺς ποιεῖσθαι и объясненіе Арнима, Dio v. Prusa, pg. 170 sq., о дублетахъ въ рукописяхъ этого софиста). О томъ-же свидѣтельствуеетъ исторія, которую рассказываетъ Филостратъ, vit. soph. pg. 252, про софиста Филагра, опозореннаго врагами, которые при вторичныхъ чтеніи лекціи повторяли по записи первой лекціи громко тѣ-же слова въ ту-же минуту, когда слушатели ихъ слышали съ кафедръ.

¹⁾ Isocr. 10. 5. οὗς ἐχρήν... τὴν ἀλήθειαν διώκειν, καὶ περὶ τὰς πράξεις ἐν αἷς πολιτευόμεθα τοὺς συνόντας παιδεύειν καὶ περὶ τὴν ἐμπειρίαν τὴν τούτων γυμνάζειν... id. 11. 2. ἦν ποτ' εἰς ταῦτόν ἔλθωμεν, τόθ' ἡμῖν ἐξίσταται διὰ πλείονων ποιήσασθαι τὴν συνουσίαν. Слово συνουσία получило болѣе узкое значеніе „совмѣстной бесѣды“ и οἱ συνόντες употреблялось почти въ одинаковомъ значеніи какъ μαθητῆς, ср. Isocr. 15. 87, 101. Исократъ, распространяясь о своихъ ученикахъ и своихъ занятіяхъ съ ними, постоянно пользуется выраженіями οἱ συνόντες наравнѣ съ μαθηταὶ и συνουσία въ сочетаніи съ ἐπιτηδεύματα.

²⁾ Sievers, das Leben des Libanius, pg. 19. Еще у Либанія эта часть школьной программы называется συναίνει τοῖς νέοις.

³⁾ ср. выше примѣч. на стр. 20—21 и примѣч. 3 на стр. 33.

⁴⁾ Protag. pg. 320 C: ἀλλὰ πότερον ὑμῖν, ὡς πρεσβύτερος νεώτεροις, μῦθον λέγων ἐπιδειξέω ἢ λόγῳ διεξιλέων

но. Горгіій¹⁾ тоже умѣлъ одинаково говорить экспромпты и рѣчи, тщательно обработанныя.

А ученики и послѣдователи ихъ, смотря по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, отдають предпочтеніе то *экспромпту* то *тонко обработанной рѣчи*.

Алкидамантъ²⁾, представитель первой группы, посвящать защитѣ экспромпта особую статью. Не отрицая пользы упражненій въ составленіи искусственныхъ рѣчей, онъ всетаки утверждаетъ, что гораздо важнѣе утичь учениковъ говорить экспромптомъ. Произносить рѣчь послѣ долгой подготовки гораздо легче чѣмъ говорить *безъ* приготовленія. Слѣдовательно, кто умѣетъ говорить экспромптомъ, тому легко будетъ приобрести опытность въ составленіи и произнесеніи предварительно написанныхъ рѣчей, но не наоборотъ. Для практической жизни экспромптъ важнѣе, потому что во время записыванія рѣчи улетаетъ удобный моментъ. То, что говорится безъ приготовленія, скорѣе убѣждаетъ слушателя. Къ тщательно обдуманной рѣчи слушатели относятся подозрительно, боясь обмана. Говоря экспромптомъ, ораторъ можетъ пропускать и прибавлять, гдѣ и какъ ему угодно. Если рѣчь записана, то перемѣна словъ и выраженій извращаетъ всю рѣчь. Писанныя рѣчи только копія съ рѣчей, дѣйствительно произнесенныхъ, подобно тому какъ мѣдныя статуи только копія съ живыхъ лицъ. Первые остаются при всемъ внѣшнемъ совершенствѣ мертвыми, вторыя живутъ и вліяютъ³⁾.

¹⁾ Горгіій обизывался на каждую ему предложенную тему отвѣчать сейчасъ безъ приготовленія (ср. Plato, Gorg. pg. 447 D: Χαίρ. εἰπέ μοι, ὦ Γοργία, ἀληθῆ λέγα: Καλλιχλῆς δὲ, ὅτι ἐπαγγέλα: ἀποκρίνεσθαι ὅτι ἂν τις σε ἐρωτᾷ; Γοργ. ἀληθῆ, ὦ Χαιρέφων. Cic. de orat. I. 22, 103. III. 32, 129; de fin. II. 1, 1. Philostr. vit. soph. I pg. 203) длиною или короткою рѣчью, смотря по желанію слушателей (ср. Plato, Gorg. pg. 449 C, Phaedr. pg. 267 B.). Въ своихъ ἐπιδείξεις Ολομπικός, ἐπιτάριος, Πωδικός и другихъ онъ выказывалъ себя мастеромъ тщательно отдѣланной рѣчи.

²⁾ Alcidas. περὶ τῶν τοῦς γραπτῶς λόγους γραφόντων ἢ περὶ σοφιστῶν. На счетъ подлинности этой рѣчи сомнѣваться теперь нельзя, ср. сводъ различныя мнѣнія о ней у новѣйшаго біографа Алкидаманта (Pauly—Wissowa. Realencycl. I. pg. 1535.). Рукописное заглавіе трактата врядъ-ли вѣрно. Мы ожидаемъ или περὶ τῶν τοῦς γραπτῶς λόγους ἐκδιδόντων или, еще лучше, περὶ τῶν λόγους γραφόντων, ср. Radermacher. Rhein. Mus. 52. Bd. pg. 19. A. 4.

³⁾ Примѣръ Алкидаманта нашель себѣ въ слѣдующія времена вплоть до Цицерона подражателей, ср. Cic. de orat. I. 22, 103. Postea vero vulgo hoc [т. е. то, что Горгіій дѣлалъ] facere coeperunt hodieque faciunt, ut nulla sit res neque tanta neque tam improvisa neque tam nova, de qua se non omnia, quae dici possint, profiteantur esse dicturos, cf. id. de fin. II. 1, 1.

Исократъ, современникъ и соперникъ Алкидаманта¹⁾, напротивъ, дѣломъ и словомъ дѣйствовалъ въ пользу противоположнаго мнѣнія. Извѣстно, что онъ самъ поступалъ крайне осторожно при изданіи своихъ пышныхъ рѣчей²⁾. Онъ неоднократно обрабатывалъ и передѣлывалъ ихъ, прежде чѣмъ онѣ получали окончательную форму. Исократъ остерегается казаться похожимъ на тѣхъ, которые, какъ онъ выражается, *εἰκῆ καὶ φορτικῶς καὶ χυδῆν, ὅτι ἄν ἐπέλθῃ, λέγουσιν*³⁾. Съ писателями въ родѣ Алкидаманта и другихъ импровизаторовъ онъ не желаетъ имѣть ничего общаго⁴⁾.

Такого-же взгляда Исократъ придерживался, очевидно, и при обученіи своихъ учениковъ. Передъ открытіемъ школы риторики въ Афинахъ онъ выпустилъ брошюру (*orat. 13 κατὰ τῶν σοφιστῶν*), въ которой онъ въ очень нелестныхъ выраженіяхъ преслѣдуетъ всѣхъ своихъ соперниковъ, эристовъ, софистовъ и риторовъ. Къ сожалѣнію, конца статьи недостаетъ. Рукописи обрываются какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ обѣщаетъ дать подробное изложеніе *своего* учебнаго плана. Въ сохранившейся первой части трактата ясной полемики противъ импровизаторовъ не видно; вѣроятно авторъ въ потерянной второй половинѣ

¹⁾ Алкидамантъ и Исократъ произошли изъ одной и той-же Горгіевскоіи школы риторики; они оба придерживаются девиза Горгія: *τὰ μικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα μικρὰ ποιεῖν διὰ ῥώμην λόγου, καινὰ τ'ἀρχαίως τὰ τ'ἐναντία καινῶς, συντομίαν τε λόγων καὶ ἄπειρα μῆκη περὶ πάντων ἀνευρίσκειν* (Plato. Phaedr. pg. 267 B). Но, отправляясь отъ одной и той-же исходной точки, они приходятъ къ двумъ различнымъ, какъ разъ противоположнымъ другъ другу, убѣжденіямъ. Алкидамантъ полагаетъ, что *импровизация* благоприятствуетъ примѣненію этого правила на практикѣ: Alcicid. п. соф. 23: *ἐν δὲ τοῖς αὐτοσχεδιασμοῖς ἐπὶ τῷ λέγοντι γίγνεται ταμιεύεσθαι τοὺς λόγους πρὸς τὰς δυνάμεις αὐτῶν ἀποβλέποντι καὶ τὰ τε μῆκη συντέμνειν καὶ τὰ συντόμως ἐσκεμμένα διὰ μακροτέρων δηλοῦν*. На оборотъ, Исократъ убѣжденъ, что посредствомъ *тщательной обработки* и *внимательнаго обдумыванія* можно, пользуясь тѣмъ-же правиломъ, превзойти своихъ предшественниковъ несмотря на то, что тѣ уже предвосхитили темы и приходится работать надъ вопросами разъ уже обработанными: Isocr. 4. 8. *ἐπειδὴ δ' οἱ λόγοι τοιαύτην ἔχουσι τὴν φύσιν, ὡςθ' οἷον τ'εῖναι περὶ τῶν αὐτῶν πολλαχῶς ἐξηγήσασθαι, καὶ τὰ τε μεγάλα ταπεινὰ ποιῆσαι καὶ τοῖς μικροῖς μεγεθὸς περιθεῖναι, καὶ τὰ τε παλαιὰ καινῶς διελθεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν, οὐκ ἔστι φυσικέον ταῦτ' ἐστί, περὶ ὧν ἕτεροι πρότερον εἰρήκασιν, ἀλλ' ἄμεινον ἐκείνων εἰπεῖν πειρατέον*.

²⁾ Παναθηναϊκός онъ, по собственному сознанию, началъ 94-лѣтнимъ и кончилъ 97-лѣтнимъ (Isocr. 12. 3 и 270). А надъ Πανηγυρικός онъ тоже долго трудился, какъ это видно изъ собственныхъ его словъ (Isocr. 4. 14). Преданіе гласило, что онъ 10 лѣтъ занятъ былъ этой рѣчью (Blass. Att. Bereds. II. 1. pg. 232 A. 5).

³⁾ Isocr. 12. 24.

⁴⁾ Isocr. 4. 12: *ἐμοὶ δ' οὐδὲν πρὸς τοιοῦτους... ἐστί*.

съ достаточною опредѣленностью высказалъ свою точку зрѣнія и мотивировалъ превосходство своего принципа передъ противоположнымъ¹⁾.

¹⁾ Время изданія программы курсовъ обоими учителями риторики, и Алкидамантомъ и Исократомъ, до сихъ поръ точно не опредѣлено. Кто кому возражалъ, Исократъ-ли Алкидаманту или Алкидамантъ Исократу, относительно этого къ общему согласію не пришли. Одно только ясно, что Алкидамантъ издалъ свою программу до Исократоваго панегирика. Алкидамантъ (§ 11) поставилъ своимъ соперникамъ въ упрекъ, что они, медленно приготавлиаясь къ своимъ рѣчамъ, пропускаютъ удобный моментъ и при совѣщаніяхъ о государственныхъ вопросахъ, равно какъ при разборѣ какого-нибудь судебного дѣла, являются со своими совѣтами post festum. На этотъ упрекъ отвѣчаетъ Исократъ (4. 11), что нельзя ставить на одну доску великое государственное дѣло и мелкій частный процессъ. Противники забываютъ, что судебныя рѣчи должны ἔχειν ἀπλῶς, государственныя совѣщательныя ἐπιδικητικῶς; только судебные ораторы могутъ ἀπλῶς λέγειν, τὸν δ' ἀκριβῶς ἐπιστάμενον λέγειν ἀπλῶς οὐκ ἂν δυνάμενον εἰπεῖν. Но, кто кого предупредилъ своею программю, Алкидамантъ-ли (Gercke. Hermes, 1897. Bd. 32, pg. 360 sq.) или Исократъ (Münchener. Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 263 sq.), пока еще не разъяснено, и, пожалуй, никогда не разъяснится, потому что намеки въ обоихъ трактатахъ слишкомъ общіе и даютъ поводъ къ толкованію pro и contra. Къ тому вопросу еще осложняется присоединеніемъ сюда и нѣкоторыхъ диалоговъ Платона (Федра и Менексена, ср. Wendland. Hermes, 1890. Bd. 25, pg. 171 sq.) и ἐγκώμιον Ἑλένης Исократа. Нельзя согласиться съ Герке (Hermes. 1897. Bd. 32, pg. 360. A. 3 и Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 406 sq.), что Исократъ въ §§ 12 и 13 рѣчи противъ софистовъ выступаетъ противъ другой категоріи противниковъ, чѣмъ въ предыдущихъ §§ 9—11. Слова τούτους и τούτων въ § 12 необходимо нужно отнести къ тѣмъ-же τοῖς τοῖς πολιτικοῖς λόγοις ὑπασκουμένοις (§ 9). Перехода къ характеристикѣ новаго типа софистовъ, Исократъ, который въ своей программѣ, какъ это понятно, старается образцово и по строжайшему плану излагать свои мысли, не преминулъ-бы обозначить этотъ новый пунктъ въ своей полемикѣ нѣсколькими характерными словами, какъ онъ это дѣлалъ при другихъ случаяхъ въ той-же самой рѣчи (§ 1 πρῶτον μὲν τῶν περὶ τὰς ἐριδας διατριβόντων, § 9 οὐ μόνον δὲ τούτοις ἀλλὰ καὶ τοῖς τοῖς πολιτικοῖς λόγοις ὑπασκουμένοις и § 19 λοιποὶ δ' ἡμῖν εἰσὶν οἱ πρὸ ἡμῶν γενόμενοι καὶ τὰς καλούμενας τέχνας γράφει τομήσαντες). Къ тому Исократъ словами ὅτι τὸ μὲν τῶν γραμμάτων ἀκινήτως ἔχει § 12 и τοῖς δὲ γράμμασιν οὐδενὸς τούτων προσεδέχεν § 13 ясно указываетъ, что онъ продолжаетъ начатую въ § 10 (ὥσπερ τὴν γραμμάτων παραδόνειν) тему, если только мы слѣдуемъ рукописному чтенію и отвергаемъ совершенно ненужную поправку Герке (Hermes 1897. Bd. 32, pg. 364. A. 1 и Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 406) пишущаго въ послѣднемъ мѣстѣ: πραγμάτων. А слово γραμμάτων во всѣхъ трехъ мѣстахъ обозначаетъ одно и тоже: „буквы, алфавитъ“ не „durch die Schrift festgelegte Kunstwerke“ (Gercke, Hermes 1897. Bd. 32, pg. 361) или „geschriebene Redestücke“ (id. Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 406), ср. и краткое опроверженіе H[ermann] U[sener]. (Rhein. Mus. 1899, pg. 413. A. 2). Но означенные §§ 9—13 не могутъ быть отнесены къ Алкидаманту и его школѣ (что многіе полагаютъ), такъ какъ Алкидамантъ (§ 3 εἰπεῖν ἐκ τοῦ παραύτιχα οὐτα φύσεως ἀπάσης οὐτα παιδείας τῆς τοχούσης ἐστίν) точно такъ-же какъ Исократъ (13. 14 αἱ μὲν γὰρ δυνάμεις καὶ τῶν λόγων καὶ τῶν ἔργων ἀπάντων ἐν τοῖς εὐφύσειν ἐγγίγνονται καὶ τοῖς περὶ τὰς ἐμπειρίας γεγευμ-

Діонъ Златоустъ подобно древнимъ софистамъ достигалъ одинаковаго успѣха своими обработанными и импровизованными рѣчами¹⁾.

Элій Аристидъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Исократы—если вѣрить словамъ Филострата²⁾—потому, что у него отсутствовалъ талантъ говорить экспромптомъ. Онъ однажды отвѣтилъ императору Марку на вопросъ, когда можно его слушать: «Не сегодня, вѣдь я не принадлежу къ людямъ, выплевывающимъ рѣчи, но тщательно обрабатываю ихъ»³⁾. Истину этого изреченія доказываютъ его произведенія. Иногда онъ притворяется, будто онъ говоритъ, увлеченный божественнымъ вдохновеніемъ безъ приготовленія⁴⁾. Но этими словами онъ намѣренно говоритъ неправду,

νασμένοις) одинаково требуютъ и таланта и упражненія. Между тѣмъ Исократъ упрекаетъ своихъ враговъ въ томъ, что они ταύτης τῆς δυνάμεως [sc. τῆς ῥητορικῆς] οὐδὲν οὐτε ταῖς ἐμπειρίαις οὐτε τῇ φύσει τῇ τοῦ μαθητοῦ μεταδίδασιν. Переводъ послѣдняго предложенія, какъ его предлагаетъ Герке (Rhein. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 406), „Nichts von dieser Fähigkeit übermitteln sie weder den geübten noch den befähigten Schülern“ совершенно извращаетъ смыслъ греческихъ словъ. Исократъ словами χεῖρον γράφοντες τοὺς λόγους ἢ τῶν ἰδιωτῶν τινες αὐτοσυγχεῖσθαι (13. 9) мочь отплатить Алкидаманту за его невѣжливыя выраженія въ § 1 τοῦ δύνασθαι λέγειν ὁμοίως τοῖς ἰδιώταις ἀπειρώς ἔχουσι или, какъ полагаетъ Герке (Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 419. A. 1), въ § 15 χρόνου μὲν δοθέντος δύνασθαι λόγον ἐξενεγκεῖν, εὐθέως δὲ περὶ τοῦ προτεθέντος ἀφωρότερον εἶναι τῶν ἰδιωτῶν. Но съ тѣмъ-же самымъ правомъ на оборотъ Алкидамантъ приведенными словами мочь разсчитаться съ Исократомъ. Наконецъ, возможно и то, что нѣтъ никакихъ соотношеній между мѣстами обоихъ писателей. Точно также никакихъ опредѣленныхъ результатовъ не даетъ сравненіе Исократы 13. 11 ἴσως γὰρ οὐκ ἂν ἡμεῖς πλείστον ἀπελείφθημεν, οὐδ' ἂν ἐλάχιστον μέρος ἀπελάσομεν αὐτῆς ἢ Алкидаманта § 1 πολλοστὸν μέρος τῆς ὅλης τέχνης ἀμφισβητοῦσι и § 2 τοὺς ἐπ' αὐτὸ τοῦτο τοῦ βίου καταναλίσκοντας ἀπολείφθαι πολὺ καὶ ῥητορικῆς καὶ φιλοσοφίας ὑπειληφώς (Gercke, Hermes. 1897. Bd. 32, pg. 360. A. 3).

¹⁾ Arnim, Dio v. Prusa, pg. 181. Паразитъ у Лукіана (de paras. cap. 3) передъ началомъ своего панегирика на искусство блудолизничества считаетъ нужнымъ извиниться въ томъ, что онъ въ своей рѣчи совсѣмъ не успѣлъ приготовиться. Такъ какъ діалогъ Лукіана о томъ, ὅτι τέχνη ἢ παρασιτική, главнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ сатиру на тему ὅτι τέχνη ἢ ῥητορικῆ (ср. Rademaeker, Philodem, ed. Sudhaus Suppl. Bd. pg. IX sq. и выше примѣч. 1 на стр. 34), то мы можемъ изъ этого вывести заключеніе, что во время Лукіана давалось предпочтеніе тщательно обработаннымъ рѣчамъ.

²⁾ Philostr. vit. soph. pg. 252. ἐπὶ δὲ τὸ σχεδιάζειν μὴ ἐπομένης τῆς φύσεως ἀκριβείας ἐπεμαλήθη.

³⁾ Philostr. vit. soph. pg. 253. τῆμερον πρόβαλε καὶ αὔριον ἀκροῶ· οὐ γὰρ ἐσμέν τῶν ἐμούντων, ἀλλὰ τῶν ἀκριβοούντων.

⁴⁾ Напр. or. XVI. ed. Dind. введеііе: ὁ γὰρ Ἀσκληπιὸς καλεῖται λέγειν.... ἐγὼ γ' οὖν πρὸς τοσοῦτον ἦκα τοῦ πιστεῦναι ἑτέρῳ μαλήσειν, ὥστ' οὐκ οἶδ' ὄντινα τρόπον αὐτοσχεδιάζω.... ср. Baumgart, Ael. Aristid. pg. 5 sq.

какъ сознаеть это самъ¹⁾). Не искреннее убѣжденіе вымываетъ у него краснорѣчивыя фразы, но правила риторическаго искусства²⁾).

Хотя софисты сильно спорили другъ съ другомъ о лучшемъ способѣ преподаванія, но все-таки въ одномъ всѣ роды софистическаго направленія сошлись—въ общемъ принципѣ. *Краснорѣчіе* имъ кажется *высшею силой*, лучшимъ средствомъ для воспитанія молодого поколѣнія. Прославляя *этотъ* принципъ, они единодушно борются противъ всѣхъ другихъ направленій, прежде всего противъ представителей господствовавшего раньше физическаго воспитанія, надъ которымъ они одержали верхъ, но противъ котораго имъ еще часто приходилось, какъ мы видѣли, вооружаться.

Но скоро и софистамъ явился на смѣну новый принципъ воспитанія, чисто философскій. Они опять должны были принять оборонительное положеніе, и борьба съ этимъ новымъ направленіемъ была труднѣе, чѣмъ прежняя. Но и эта борьба не скоро прекратилась, она занимала много поколѣній греческихъ педагоговъ.

Большимъ мѣстомъ софистическаго ученія была *поверхностность и верхоглядство*, къ которымъ оно приучало своихъ учениковъ. Софисты не стремились къ *основательному* знанію. Multa, non multum—такъ гласилъ ихъ девизъ, и по этому правилу они старались набивать своимъ ученикамъ головы всевозможными познаніями³⁾, имѣя передъ собою лишь *практическую* цѣль, приготовленіе къ *практической* жизни и къ побѣдамъ на форумѣ и въ судилищахъ.

¹⁾ or. XLIX. ed. Dind. II pg. 530. Послѣ перечисленія различныхъ риторическихъ эффектовъ, требуемыхъ для убѣдительности рѣчи, авторъ продолжаетъ: τί φή; οὐχ ὁράς τὸ ἀγώνισμα οὐδέ ἀπὸ πολλοῦ, ἀλλ' εἰς ἑκάτερον, φημί [Baumgart, l. c. pg. 8 A. 5; II. φησί], τῶν αὐτῶν ἐμοῦ χάρις αὐλοῦντος καὶ πάσαις ἀμα ταῖς ἀρμονίαις χρῶμένου κάθησαι πρὸς ἑνός τινος τῶν δακτύλων κίνησιν βλέπων, ὡσπερ ἂν εἰ καὶ ἐν λύρᾳ ἢ κιθάρᾳ πάντων ὁμοῦ δεικνυμένων μιᾶς χορδῆς ἤχου δοκοῖης ἀκούειν (ср. Baumgart, l. c. pg. 659).

²⁾ Baumgart, l. c. pg. 23: «Wenn es von der wahren Beredsamkeit heisst: „pectus est, quod disertum facit“, so treten hier an die Stelle des „pectus“ die „τέχνη ῥητορικῆ“, die „τόποι“, „στάσεις“ und „ἰδέαι“».

³⁾ Чтобы достигнуть этой цѣли у учениковъ, прежде всего учителя сами должны быть энциклопедистами. Поэтому мы неоднократно слышимъ отъ Платона и другихъ, что софисты постоянно хвастались своими всесторонними познаніями и увѣряли, что вѣтъ ничего, чего-бы они не знали. Гиппій не только занимался т. н. artes liberales но ремеслами и гордился тѣмъ, что все на немъ—и кольцо и одежда и обувь—сдѣлано собственными его руками (Cic. de orat. III. 32, 127).

И теперь, подъ конецъ нашей характеристики второго принципа воспитанія въ древности, осмотримся среди нашихъ современныхъ, призванныхъ и непризванныхъ, реорганизаторовъ средней школы, не найдемъ-ли мы между ними людей, похожихъ на древнихъ софистовъ. Кто припоминаетъ столь часто высказываемыя предложенія ввести въ учебную программу нашихъ гимназій всевозможные новые предметы, и законовѣдѣніе и гигиѣну и химію и даже игру въ шахматы, тотъ не станетъ отрицать, что и въ новое время замѣчаются подобныя стремленія. Въдѣ въ отвѣтъ на вопросъ: «сὺν νόμῳ»? приверженцы такого взгляда могутъ только указать на *практическую* пользу. А эта цѣль совпадаетъ съ тою цѣлью ученія, которую проповѣдуютъ древніе софисты.

Философская система воспитанія въ первое время софистамъ не казалась опаснымъ соперникомъ. Интересно наблюдать, какъ надменно приверженцы софистовъ и сами софисты ведутъ себя въ бесѣдахъ съ Сократомъ.

Калликль¹⁾ совѣтуетъ Сократу тономъ благосклоннаго покровителя больше не заниматься мелочными философскими вопросами. Философія хорошая игрушка для мальчиковъ, но не подобающа зрѣлому мужчине.

Протагоръ и Гиппій, въ твердомъ сознаніи своего превосходства, нисколько не сомнѣваются въ успѣхѣ своихъ блестящихъ *ἐπιδείξεις*, и дѣйствительно успѣхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ²⁾. Видно, что софисты въ философіи долго не признавали равносильной соперницѣ своему господству.

Кромѣ того философское и софистическое ученія въ первое время мало отличались другъ отъ друга. Извѣстно, въ какихъ лестныхъ выраженіяхъ Платонъ въ Федрѣ³⁾ отзывался объ Исократѣ. Онъ ему даже приписываетъ недюжинное философское дарованіе.

¹⁾ Plato. Gorg. pg. 485 A φιλοσοφίας γάρ, ὅσον παιδείας χάριν, καλὸν μετέχειν καὶ οὐκ αἰσχρὸν μετρίως ὄντι φιλοσοφεῖν· ἐπειδὴν δὲ ἤδη πρεσβύτερος ὢν ἄνθρωπος ἐστὶ φιλοσοφῆ, καταγέλαστον, ὡς Σωκράτης, το χρέμα γίγνεται.... 486 C ἀλλ', ὡ' γὰρ ἐ, ἐμοὶ παιδοῦ, παῖσαι δ' ἐλέγχων, πραγμάτων δ' εὐμουσίαν ἄσκει, καὶ ἄσκει ὅπως ὀφείεις φρονεῖν, ἄλλοις τὰ κομψὰ ταῦτ' ἀφείς, εἴτε ληρήματα χρὴ φάναι εἶναι: εἴτε φιλοφροσύνη, ἐξ ὧν κενόισιν ἐγκατακίχσεις ὁμοίαι· ζηλῶν οὐκ ἐλέγχοντας ἄνδρας τὰ μικρὰ ταῦτα, ἀλλ' οἷς ἐσσι καὶ βίος καὶ δόξα καὶ ἄλλα πολλὰ ἀγαθὰ.

²⁾ Plato. Protag. pg. 327 C, 328 D. Hipp. maj. pg. 286 A.

³⁾ pg. 279 A δοκεῖ μοι [sc. Ἰσοκράτης] ἀμείνων ἢ κατὰ τοὺς περὶ Λουσίαν εἶναι λόγους τὰ τῆς φύσεως, ἐστὶ τε ἤθει γενικωτέρως κεκράσθαι ὥστε οὐδὲν ἂν γένοιτο θαυμαστόν προουσίης ἡλικίας εἰ περὶ αὐτοὺς τε τοὺς λόγους, οἷς νῦν ἐπιχειρεῖ, πλεον ἢ παιδῶν διενέχκοι τῶν πάποτε ἀψυμένων λόγων, ἐστὶ τε εἰ αὐτῷ μὴ ἀποχρησαί ταῦτα, ἐπὶ μείζω τις αὐτὸν ἄγοι ὀρητῆ θειοτέρα. φύσει γάρ, ὡς φίλε, ἔνεστι τις φιλοσοφία τῇ τοῦ ἀνδρός διανοίᾳ.

Но скоро пропасть между ними и надменным честолюбивым оратором расширилась. Когда Исократ¹⁾ поставил свою риторикку выше философии и свою деятельность считал полезнее всякой философской, стало ясно, как далеко расходятся они между собою. По горячим словам Исократа видно, что между ними завязалась борьба не на живое, но на смерть²⁾.

Платон не признает за риторикку права на название искусства, онъ даетъ ей только мѣсто въ ряду ремеселъ, изучаемыхъ упражненіемъ и опытом³⁾. Этими философъ задвѣваетъ ратора за живое. Перипатетикъ Критолай слѣдуетъ опредѣленію Платона⁴⁾. Самъ глава перипатетиковъ,

¹⁾ ср. выше примѣч. 3 на стр. 23.

²⁾ О взаимныхъ отношеніяхъ между Платономъ и Исократомъ въ послѣднее время появилось много научныхъ изслѣдованій. Одно изъ самыхъ послѣднихъ, статья Münscher'a (Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 248 sq.), разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія ἐγκώμιον Ἐλένης Исократа. Нельзя сказать, что всѣ доказательства автора одинаково убѣдительны, но однако нѣкоторые указаніе имъ намеки противъ Платона довольно ясны. Такъ, напр., подъ второй группой писателей достойныхъ порицанія Исократъ (10. 1) главнымъ образомъ имѣетъ въ виду Платона. Слова Исократа οἱ δὲ διεξιόντες, ὡς ἀνδρία καὶ σοφία καὶ δικαιοσύνη ταύτων ἐστί, καὶ φύσει μὲν οὐδὲν αὐτῶν ἔχομεν, μία δ' ἐπιστήμη καθ' ἀπάντων ἐστὶν направлены противъ Протагора Платона (ср. pg. 361 В. οὐ μὲν [sc. Σωκράτης]... νῦν σεαυτῷ τάναντία σπεύσεις, ἐπιχειρῶν ἀποδειξαι ὡς πάντα χρήματα ἐστὶν ἐπιστήμη, καὶ ἡ δικαιοσύνη καὶ σωφροσύνη καὶ ἡ ἀνδρεία, ᾧ τρόπῳ μάλιστα ἂν διδακτὸν φανεῖν ἢ ἀρετῇ). Если это вѣрно, то добрый совѣтъ Исократа (10. 4) „ἀφαιρέτους ταύτης τῆς τε ῥηρείας, τῆς ἐν μὲν τοῖς λόγοις ἐξελέγχειν προσποιουμένης, ἐν δὲ τοῖς ἔργοις πολλὸν ἤδη χρόνον ἐξεληλεγμένης, τὴν ἀλήθειαν διώκειν“ между прочимъ относится и къ Платону. Изъ другихъ сочиненій можно указать на цѣлую главу рѣчи περὶ ἀντιδόσεως (15. 258—269, ср. Münscher, l. с. pg. 253, А. 1). Сама рѣзкая критика, вызванная недавнимъ изданіемъ „Законовъ“ Платона, появилась уже послѣ кончины знаменитаго современника (Isocr. 5. 12, ср. Gomperz. Griech. Denker II, pg. 574.). О томъ, какъ недружелюбно Исократъ относился къ Платону, ср. также слова Гомперца въ капитальномъ трудѣ, который я только-что привелъ, Griech. Denker II Bd. 1902, pg. 340 съ соответствующими примѣчаніями на стр. 574 и слѣд.

³⁾ Wilamowitz. Hermes 1900. Bd. 35, pg. 19 In Platon und Isocrates stehen sich diese beiden Mächte [sc. die Rhetorik und die Wissenschaft] in scharfem Gegensatz gegenüber. Platon negirt diese Welt: er negirt auch die Rhetorik т. е. въ томъ видѣ, какъ ее учили и какъ ее практиковали сами софисты въ родѣ Горгія и его учениковъ. Plato. Gorg. pg. 463 В κολακείας μόριον ἢ ὀφιοποιική, ὃ δοκεῖ μὲν εἶναι τέχνη, ὡς δὲ ὁ ἕμος λόγος, οὐκ ἐστὶν τέχνη, ἀλλ' ἐμπερία καὶ τριβή. ταύτης μόριον καὶ τὴν ῥητορικὴν ἐγὼ καλῶ. Объ истинной риторикѣ Платонъ лучшаго мнѣнія, какъ доказываетъ его Федръ, ср. Gomperz. Griech. Denker II, pg. 335, который относитъ это разногласіе во взглядахъ на риторикку на долю самого Платона, отказавшагося отъ своего прежняго дурного мнѣнія.

⁴⁾ Quintil. II. 15, 23. Quidam eam [sc. rhetoricen] neque vim neque scientiam neque artem putaverunt, sed Critolaus usum dicendi (nam hoc τριβή significat.)...

Аристотель, видя въ риторикѣ нѣчто соприкасающееся съ діалектикою и политикою и опредѣляетъ ее какъ «способность въ каждомъ данномъ случаѣ усмотрѣть то, что убѣждаетъ слушателей». Онъ сильно подчеркиваетъ практическое значеніе риторики и ради этой ея полезности для практической жизни принимаетъ ее въ свою школьную программу. Но при этомъ онъ все-таки строго разграничиваетъ ея область отъ области чистой философіи¹⁾.

Споръ о томъ, есть-ли риторика наука или искусство или нѣкоторая особая „спорвка“, не затихаетъ. Стоики называютъ риторику наукою и считаютъ ее, какъ и діалектику, однимъ изъ подраздѣлений логики²⁾. Эпикуру занятіе риторикою кажется бесполезнымъ, даже вреднымъ препровожденіемъ времени. Эпидейктическими рѣчами, которымъ научишься по правиламъ техники, не добьешься никакой практической цѣли. А на судѣ и на форумѣ риторика далеко не даетъ надежной помощи своимъ адептамъ; они скоро могутъ убѣдиться, что понапрасну истратили большія деньги, платя софистамъ³⁾.

Философовъ софисты упрекали въ томъ, что они не провозглашаютъ одной всѣми признанной истины, что эпикуреецъ, стоикъ, академикъ, перипатетикъ проповѣдуютъ разныя истины⁴⁾. Но то-же самое можно было поставить въ упрекъ риторамъ и въ самомъ дѣлѣ это и было сдѣлано⁵⁾.

Софисты, какъ мы раньше видѣли⁶⁾, признавали въ человѣче-

¹⁾ Aristot. rhetor. I. 2 pg. 1356 a 25 sq. ὥστε συμβαίνει τὴν ῥητορικὴν οἷον παραφυῆς τι τῆς διαλεκτικῆς εἶναι καὶ τῆς περὶ τὰ ἥθη πραγματείας, ἣν δίκαιόν ἐστι προσαγορεύειν πολιτικὴν. Aristot. rhetor. I 2 pg. 1355 b 26 sq. ἔστω δὴ ῥητορικὴ δύναμις περὶ ἕκαστον τοῦ θεωρησαί το ἐνδεχόμενον πιθανόν.—Arnim, Dio v. Prusa, pg. 68—72.

²⁾ Diog. Laert. VII. 41 ὁ δὲ Κλεάνθης ἐξ μέρη φησί, διαλεκτικόν, ῥητορικόν, ἠθικόν, πολιτικόν, φυσικόν, θεολογικόν... τὸ δὲ λογικόν μέρος φασὶν εἶναι εἰς δύο διαιρεῖσθαι ἐπιστήμας, εἰς ῥητορικὴν καὶ διαλεκτικὴν. Arnim, Dio v. Prusa, pg. 77—80.

³⁾ Usener, Epicurea, fr. 51. 53. Arnim, Dio v. Prusa, pg. 73—77.

⁴⁾ Isoc. 15. 84, ср. выше примѣч. 3 на стр. 23 и сл. Luc. de parag. 27 ὁμοίως δὲ καὶ τὴν φιλοσοφίαν οὐ κατὰ τὰ αὐτὰ καὶ ὡσαύτως ἔχουσαν, ἐτέρως γὰρ Ἐπικουρῷ δοκεῖ τὰ πράγματα εἶναι, ἐτέρως δὲ τοῖς ἀπὸ τῆς στοᾶς, ἐτέρως δὲ τοῖς ἀπὸ τῆς Ἀκαδημίας, ἐτέρως δὲ τοῖς ἀπὸ τοῦ περιπάτου, καὶ ἀπλῶς ἄλλος ἄλλην ἀξιοῖ τὴν φιλοσοφίαν εἶναι.... φιλοσοφίας δὲ πολλὰς καὶ διαφόρους ὁρῶμεν καὶ οὔτε τὰς ἀρχὰς οὔτε τὰ τέλη σύμφωνα πασῶν.

⁵⁾ Luc. de parag. 27. κοινῇ μὲν οὖν ἀμφοῖν διαφέρει καὶ τῆς ῥητορικῆς καὶ τῆς φιλοσοφίας [sc. ἢ παρασιτικῆς], πρῶτον κατὰ τὴν ὑπόστασιν· ἡ μὲν γὰρ ὑφέστηκεν, αἱ δὲ οὐ· οὔτε γὰρ τὴν ῥητορικὴν ἐν τι καὶ τὸ αὐτὸ νομίζομεν, ἀλλ' οἱ μὲν τέχνην, οἱ δὲ τούναντίον ἀτεχνίαν, ἄλλοι δὲ κακοτεχνίαν, ἄλλοι δὲ ἄλλο τι.

⁶⁾ стр. 22 сл.

скихъ дѣлахъ рѣшающимъ факторомъ одно только субъективное мнѣніе и тѣмъ отрицали науку. Аристотель, слѣдуя по стопамъ Платона, строго различаетъ понятія: науку-философію и софистику-эристику. Кто преданъ наукѣ, тотъ посвящаетъ себя чисто философской созерцательной жизни, ему чужда практическая жизнь¹⁾.

Философы, исключая риторику изъ круга учебныхъ предметовъ или допуская ее, все равно, приписываютъ ей только второстепенное значеніе²⁾.

Въ III в. д. Р. Хр. философія одержала верхъ надъ риторикою. Всѣ учебные предметы, которые признаны общеобразовательными и къ которымъ между прочимъ и принадлежитъ риторика, строго различаются отъ системы философскаго образованія. Высшею ступеню считалось послѣднее³⁾.

Это положеніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ греческая риторика, подчинивъ себѣ римскій міръ, получила опять практическое значеніе. Она опять занимаетъ первое мѣсто и философія со своей стороны отводитъ только служебную роль. Жизнь практика опять ставится выше жизни мыслителя⁴⁾.

Потомъ софисты и философы подружились, и школы риторовъ и философовъ продолжали мирно учить другъ подлѣ друга⁵⁾. О существенныхъ спорахъ мы ничего не слышимъ, хотя риторы не всегда дружески относились къ философамъ, какъ доказываетъ грубая полемика Элія Аристида⁶⁾ противъ Платона. Она становится понятной только въ такомъ смыслѣ, что Платонъ служитъ ритору т. ск. козломъ отпущенія, чтобы, нападая на него, задѣть современниковъ-философовъ. Всѣ рѣчи противъ Платона—около 400 печатныхъ страницъ—одна непрерывная цѣпь панегириковъ въ славу краснорѣчія. Философіи Аристидъ предоставляетъ лишь второе мѣсто рядомъ съ риторикою. Именно, посредствомъ софистическаго приѣма, риторъ приходитъ къ тому заключе-

¹⁾ Arnim, Dio v. Prusa, pg. 69 sq.

²⁾ Arnim, l. c. pg. 68.

³⁾ Arnim, l. c. pg. 80 sq.

⁴⁾ Arnim, l. c. pg. 88 sq. Посредствомъ блестящей аргументаціи Арниму (l. c. pg. 97 sq.) удалось установить, кто особенно усердно воевалъ за проведеніе софистическаго принципа воспитанія. Это былъ академикъ Филонъ Лариссейскій, учитель Цицерона и главный источникъ его для 3-ей книги сочиненія „de oratore“.

⁵⁾ Arnim, l. c. pg. 112.

⁶⁾ Baumgart, Aelius Aristides, pg. 20 sq.

нію, что риторика выше и сильнѣе философіи¹⁾.

Итакъ, эти послѣдніе представители греческой софистики повторяютъ такія-же ложныя заключенія, какія служили древнимъ софистамъ для опроверженія враждебныхъ имъ мнѣній.

Мм. Гг. и Мм. Гг.! Въ бѣглому обзорѣ мы разсмотрѣли три воспитательныхъ идеала древности: *древнѣйшій* идеаль—стремящійся къ цѣли исключительно путемъ физическаго воспитанія, *софистическій* идеаль—обѣщающій своимъ приверженцамъ земныя блага, славу и богатство, но за то приучающій учениковъ къ верхоглядству—и наконецъ *философскій* идеаль—ведущій къ самопознанію и черезъ него къ познанію истины, насколько это дано человѣку, приготавлиющій къ практической жизни не прямо, но только посредственно, развивая всѣ способности человѣка и дѣлая его въ высшей степени способнымъ, разобратся въ жизни, куда его ни кинетъ судьба.

Amicus Plato, sed magis amica veritas—гласитъ древняя пословица. Если дѣло идетъ о выборѣ между Платономъ и истиною, мы не преминемъ держаться этой поговорки. Но тамъ, гдѣ намъ предоставляется выборъ между воспитательными идеалами, примитивнымъ, древне-эллиническимъ, софистическимъ и чисто философскимъ Сократа, Платона и Аристотеля, тамъ, мнѣ кажется, мы ни на минуту не будемъ колебаться, которому изъ нихъ намъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

¹⁾ Ael. Aristid. or. XLV ed. Dind. II pg. 82, cf. Baumgart. Aelius Aristides, pg. 34 sq.

А. Покровскій.

О КРАСНОРЪЧИИ У ДРЕВНИХЪ ЕЛЛИНОВЪ.

Рѣчь, произнесенная на годовичномъ актѣ Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко 30 августа 1903 г.

Н Ъ Ж И Н Ъ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію Конференції Историко-Филологического Института Князя
Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельке.*

Мн. Гг. Въ составъ нашего годовичнаго торжественнаго акта входитъ произнесеніе рѣчи, въ этомъ году Конференціею Института порученное мнѣ, занимающему въ Институтѣ катедру древней исторіи.

И въ наше время рѣчи составляютъ обычную принадлежность академическихъ праздниковъ; и теперь произносятся проповѣди, поученія и «собесѣдованія» въ церквахъ; говорятся обвинительныя и защитительныя рѣчи въ судахъ; говорятся рѣчи въ парламентахъ, въ сословныхъ и представительныхъ учрежденіяхъ, на разныхъ «открытіяхъ» и «закрытіяхъ», на съѣздахъ и на сходкахъ; говорятся привѣтственные, прощальныя, юбилейныя, застольныя, надгробныя рѣчи; читаются публичныя лекціи, какъ читаются лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или «рефераты» въ ученыхъ обществахъ или на съѣздахъ; устраиваются и «народныя чтенія». Однако, если и нельзя утверждать, что публичныя (или болѣе или менѣе публичныя) рѣчи произносятся теперь все рѣже, то нельзя утверждать и того, что онѣ произносятся все чаще; если нельзя утверждать, что публичное краснорѣчіе продолжаетъ падать, то нельзя утверждать и того, что оно поднимается, или развивается.

Слѣдуетъ-ли намъ жалѣть объ этомъ застоѣ публичнаго краснорѣчія? Слѣдуетъ-ли намъ желать, чтобы и въ этой области, въ области краснорѣчія, гдѣ наблюдался регрессъ, гдѣ наблюдается застой, прогрессъ снова началъ одерживать верхъ надъ регрессомъ и застоємъ? Не является-ли краснорѣчіе чѣмъ-то не смѣющимъ уже претендовать на самостоятельную роль въ общей экономіи нашей культуры, чѣмъ-то окончательно утратившимъ свое общее культурное значеніе и продолжающимъ существовать отчасти — лишь по привычкѣ, какъ «переживаніе», отчасти — лишь какъ специальное средство для достиженія специальныхъ цѣлей?

Два пути могли бы вести насъ къ рѣшенію этого вопроса — путь теоретическихъ разсужденій и путь историческихъ разъясненій; эти пути представляютъ собою двѣ линіи, не только въ концѣ концовъ

сливающихся въ одномъ пунктѣ, но и постоянно, на всемъ протяженіи своемъ, близко сходящаяся одна съ другою. Но между точками схождения этихъ линій, или путей есть одна точка, гдѣ оба эти пути сходятся особенно близко—почти такъ же близко, какъ и въ общемъ своемъ вѣчномъ пунктѣ.

Лишенный возможности просить васъ, Мм. Гг., послѣдовать за мною по тѣмъ двумъ—слишкомъ уже длиннымъ—путямъ, я могу позволить себѣ только просить васъ остановиться со мною, и то ненадолго, на этомъ ихъ перепутьѣ.

Такое историко-теоретическое перепутье для того, кто идетъ къ рѣшенію любого вопроса, касающагося человѣческой духовной культуры, лежитъ въ области античной—ближайшимъ образомъ, конечно, еллинской—культуры¹⁾. Кому выпало на долю счастье болѣе-непосредственнаго знакомства съ древними еллинами, тотъ не будетъ удивляться тому поклоненію, тому благоговѣнію, какимъ окружало еллиновъ новое время, особенно, конечно, эпохи стараго и новаго «Возрожденія»; кто знакомъ съ общимъ ходомъ, съ общими тенденціями культурнаго развитія минувшаго вѣка, тотъ не будетъ удивляться силѣ и стремительности прорвавшагося наконецъ потока реакціи противъ этого поклоненія и благоговѣнія²⁾. Но замѣчательно то, что, чѣмъ дальше шла эта реакція, чѣмъ меньше стали идеализировать, чѣмъ больше стали развѣнчивать еллиновъ, выдвигая, на счетъ свѣтлыхъ, тѣневыхъ или даже темныхъ стороны ихъ культуры, чѣмъ ближе подошли къ нимъ, безъ всякаго благоговѣннаго трепета, разсматривая, или изучая ихъ не съ рационалистической, а съ исторической,

¹⁾ Eine anderthalbtausendjährige Periode der Weltkultur,... und diese ist griechisch, denn selbst das ganze Römertum ist nur eine integrierende Provinz derselben (Wilamowitz-Möllendorff—у Natorp. Was uns die Griechen sind, S. 24).— Мысль, что Римъ въ культурномъ отношеніи такъ же сталъ провинціей *Graeciae carthae*, какъ въ политическомъ отношеніи еллинскія или еллинизованныя страны стали провинціями Рима, съ особенной настойчивостью выставляется именно римскими писателями, и именно тогда, когда они восхваляютъ Римъ на счетъ Эллады (ср. Cic. Tusc. I. 1 sq., de or. III, 137, Horat. epist. II, 1, особенно Verg. Aen. VI, 847 sq., съ комментариемъ къ этому locus rhetoricus Norden'a, P. V. M. Aeneis Buch VI., S. 328 ff.).

²⁾ Видную роль сыграло тутъ, конечно, и то направленіе (или настроеніе), которое такъ сурово осуждено было античными мыслителями,—напр., Аристотелемъ (το δὲ ζητεῖν πανταχοῦ τὸ χρησιμὸν ἥκιστα ἀρμόζει τοῖς μεγαλοφύλοις καὶ τοῖς ἐλευθέροις, Polit. 1338 b) или „Епиктетомъ“ (εὐποιήσεις σὺ τὰ μέγιστα τὴν πόλιν, εἰ μὴ τοὺς ὀρόφους ὑψώσεις, ἀλλὰ τὰς ψυχὰς αὐξήσεις· ἀμείνον γάρ ἐν μικροῖς οἰκήμασι· μεγάλας οἰκεῖν ψυχὰς ἢ ἐν μεγάλας οἰκίαις ταπεινὰ φωλεύειν ἀνδράποδα, Epict. sent., 86 Elter).

и притомъ реалистической точки зрѣнія,—тѣмъ все яснѣе и яснѣе становилось, что еллинскую культуру слѣдуетъ цѣнить, правда, иначе, чѣмъ ее цѣнили раньше,—но еще больше, чѣмъ ее цѣнили раньше¹⁾, что непреходящее ея значеніе лежитъ не въ одной только столь отличающейся ее цѣльности и гармоничности и не въ однихъ несравненныхъ и недосягаемыхъ совершенствахъ ея литературныхъ и художественныхъ произведеній, а въ томъ, что нигдѣ всѣ творческія силы общечеловѣческой культуры не представлены въ такой простотѣ и непосредственности и, вмѣстѣ, въ такой полнотѣ, какъ въ культурѣ древнихъ еллиновъ; и можно сказать даже, что еллинская культура является не только основой, но и типомъ современной культуры, что въ ней лежатъ тѣ корни, какими питается столь развѣтвившееся въ наше время древо познанія²⁾.

Поэтому, Мм. Гг., наиболѣе существенную часть отвѣта на вопросъ: какое значеніе имѣетъ краснорѣчіе въ общей экономіи человѣческой культуры, можно было бы искать въ отвѣтѣ на вопросъ: какое значеніе имѣло краснорѣчіе въ общей экономіи культуры древнихъ еллиновъ? *Partem pro toto* отвѣта на этотъ послѣдній вопросъ я и хотѣлъ бы предложить вашему вниманію³⁾.

¹⁾ „Это не пустое обольщеніе, говоритъ Вилламовицъ (*Natorp*, 24), что будущее время—ибо оно лучше будетъ понимать греческую культуру—будетъ ее цѣнить еще гораздо выше“. И кажется даже, что какъ въ наукѣ дѣятельно разрабатываются теперь основанія для повышенія этой оцѣнки (труды такихъ ученыхъ, какъ Rohde, Wilamowitz-Möllendorff, Usener, Gomperz, Ed. Meyer, Pöhlmann, Norden, Hirzel, Reich), такъ и въ широкихъ кругахъ общества подготавливается благодарная почва для воспріятія и распространенія этой повышенной оцѣнки (успѣхъ насквозь проникнутой еллинизмомъ „философіи“ Ницше, или пропитанныхъ еллинизмомъ ученій Рескина, завоеванія классической филологіи въ такой странѣ, какъ Америка, нѣкоторыя новѣйшія вѣянія французской литературной критики).

²⁾ *Natorp*, Was uns die Griechen sind (1901); ср. Kaibel, *Deutsche Rundschau*, XXV, 63 f.—„Предѣлы. въ какихъ создавалась культура человѣческая у грековъ,—говоритъ Ренанъ (*Histoire du peuple d'Israël*, préface)—могутъ, конечно, раздвигаться безъ конца; но всѣ области культуры обнимаются уже этими предѣлами, и прогрессъ вѣчно будетъ сводиться лишь къ развитію того, что создано Греціей.“—Богѣе пристальное изученіе греческой научной литературы все больше показываетъ, насколько греки выше своей славы—и въ области математическихъ и естественныхъ наукъ (ср. напр. Milhaud въ *Rev. d. ét. gr.*, IX, 371 ss.; W. Schmidt. въ *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.* III, 242 ff.; Oder въ *Philologus* S.-B. VII, 231 ff.; Sudhaus, *Aetna*, S. 51 ff.; *Eller*, Columbus u. Geographie der Griechen, 1902; *Huit*, La philosophie de la nature chez les anciens, 1901).

³⁾ Я коснусь лишь богѣе общихъ моментовъ преимущественно внѣшней (и преимущественно начальной) исторіи краснорѣчія у еллиновъ,—моментовъ наименѣе,

Весь внѣшній складъ жизни древнихъ еллиновъ отводилъ у нихъ устному слову, устной рѣчи гораздо болѣе видную роль, нежели у другихъ народовъ и въ другія времена¹⁾. Къ услугамъ устнаго слова всегда оказывалась здѣсь—толпа, если не толпа, то группа, если не группа, то кружокъ людей, готовыхъ выслушать это слово. Еллинское государство всегда было демократическимъ въ своей основѣ; правда, оно бывало часто демократическимъ только въ своей основѣ—столью возводилось на ней монархическихъ или аристократическихъ построекъ; но постройки эти (то воздвигавшіяся, то сносившіяся) воздвигались всегда именно на этой—демократической основѣ. А это значитъ, что внѣшнюю и внутреннюю политику государства обыкновенно опредѣляло

кажется, разработанныхъ въ научной литературѣ.—Для исторіи еллинскаго краснорѣчія много сдѣлано было науки раньше, много дѣлается теперь, но много еще остается сдѣлать. Матеріалъ, представляемый рѣчами, риторическими руководствами (τέχνη: ῥητορικαί), или ихъ фрагментами, и внѣшними свидѣтельствами—о характерѣ или тенденціяхъ краснорѣчія, о внѣшнихъ условіяхъ его развитія, объ отдѣльныхъ ораторахъ и рѣчахъ,—все увеличивающійся путемъ эпиграфическихъ, особенно же папирологическихъ находокъ (ср., напр., въ только-что вышедшемъ III томѣ изданія Grenfell-Hunt, The Oxyrhynchus Papyri,—№№ 410. 415. 443. 457 sqq.),—еще не достаточно—и далеко не весь—разработанъ детально. Общіе труды представляютъ собою или систематическое, т. е. статическое (безъ вниманія къ историческимъ моментамъ) изображение греческой риторики (R. Volkmann, Die Rhetorik der Griechen und Römer, 1885), или—какъ выражается Drerup (N. Jahrb. Suppl. XXVII, 219)—„то разсмотрѣніе свойствъ или особенностей писателей, которое, по методу античной критики, анализируетъ стилистически cadaго автора отдѣльно, не восходя до опредѣленія генетическихъ стадій развитія въ послѣдовательной сѣзнь писателей и эпохъ“ (F. Blass, Die attische Beredsamkeit, 3 Abt., 2. A., 1887—98). Тѣмъ болѣе конечно это игнорированіе бакхилидовскаго: ἕτερος ἐξ ἑτέρου σοφός (οὐδὲ γὰρ βέλτερον ἀρρίστων ἐπίων πόλις ἐξερεῖν) сказывается въ монографической литературѣ (даже у Rohde, въ посвященной „греческой софистикѣ императорскаго времени“ главѣ его сочиненія: Der griechische Roman, или въ статьѣ: Die asianische Rhetorik und die zweite Sophistik, Kl. Schr. II, 75 ff.). Въ послѣднее время появилось нѣсколько монографій, знаменующихъ собою рѣшительный поворотъ въ сторону болѣе методическаго изученія не только болѣе частныхъ, но и болѣе общихъ вопросовъ исторіи греческаго краснорѣчія. (G. Tiele, Hermagoras. Ein Beitrag zur Geschichte der Rhetorik. 1893.—H. v. Arnim, Leben u. Werke des Dio von Prusa. Mit e. Einleitung: Sophistik, Rhetorik, Philosophie in ihrem Kampf um die Jugendbildung. 1898.—O. Navarre, Essai sur la Rhétorique grecque avant Aristote. 1900.—Norden, Die antike Kunstprosa. 1898.—Wilamowitz, Atticismus u. Asianismus, Hermes, XXXV, 1 ff.—Radermacher, Stud. z. Gesch. d. ant. Rhetorik, Rhein. Mus. LII ff.—Untersuch. z. ält. griech. Prosalitteratur, herausg. v. E. Drerup, N. Jahrb. S.-B. XXVII, 219 ff.).

¹⁾ Въ этомъ отношеніи къ еллинамъ (отчасти подъ еллинскими вліяніями) совсѣмъ близко подошла только римляне.

или направляло вѣче съ—нерѣдко многочисленнымъ—«совѣтомъ» народныхъ представителей; это значитъ, что судебное разбирательство производилось обыкновенно или всѣмъ народомъ—вѣчемъ, или судебными комиссіями вѣча, судомъ—нерѣдко весьма многочисленнымъ—присяжныхъ, или по крайней мѣрѣ передъ народомъ¹⁾. Сама природа—т. е. климатическія условія вели къ тому, что всѣ не занятые государственною службою или какою-либо работой въ полѣ или въ мастерскихъ елины извѣстную часть дня—особенно дополуденное время²⁾—проводили на своихъ вѣчевыхъ или базарныхъ площадяхъ³⁾; отдѣльными группами сходились граждане, особенно въ холодные или ненастные дни, въ болѣе древнія и простыя времена въ кузницахъ, потомъ въ цырульняхъ, въ разныхъ мастерскихъ и лавкахъ, въ томъ числѣ впоследствии и въ книжныхъ⁴⁾; но воздвигались и особыя зданія, гдѣ бы можно было собираться гражданамъ, соединяя полезное съ пріятнымъ, заботу о городѣ заимъ съ заботой о шепс зала, физическія упражненія или удо-

¹⁾ Ср. *Примечаніе*.—Демократическую организацію, т. е. свои вѣча, имѣли обыкновенно и разныя политическія дѣленія гражданъ (вродѣ филъ, фратріѣ, демоъ) и частныя ихъ сообщества (*φισσι, σύνδοσι*), складывавшіяся или составлявшіяся съ сакральными, экономическими, гимнастическими, эстетическими и другими цѣлями.

²⁾ Эта часть дня—по-нашему 9—12 час. утра—и носила характерное названіе *πληθουσα ἀγορά* (ср. CIA I 57: *ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων πληθούσων*), *ἀγορῆς πληθούρη* (Herod. II 173. IV 181. VII 223; Thuc. VIII 92; Xen. Mem. I 1, 10; Dittenb. S.² 552, 38; Diod. XIII, 48; Athen. VI 270 d. XII, 533 d.; Suid. *ἀγορᾶς ὄραν, περί πληθούσαν ἀγορᾶν, ср. ἀγορῆς διάλωσις*, Herod. III 104).

³⁾ Объ этомъ говорятъ и свидѣтельства греческой литературы (ср. [Demosth.] XXV, 51 sq.), и показанія греческой архитектуры, особенно столь обычныя ой (еще съ „микенской“ эпохи) стои (какъ самостоятельныя сооруженія или какъ части другихъ зданій).—[Discearch.] п. πόλι. I 12: *τὴν μὲν ἀγορᾶν κατάδενδρον, πάσαν στοαῖς ἀνεκλήμενὴν διτταῖς*; ср. о посадкѣ платановъ на агорѣ, какъ о мѣрѣ „демагогической“,—Plut., Cim. 13; Praes. ger. reip. 24.—*Οἱ περιόντες (περιέρχασθαι κατὰ τὴν ἀγορᾶν, ср. ambire)*—обычный терминъ у Демосоева (IV 10. 48; VI 14; XVIII 158. 323; XIX 225. 288; ср. Aeschin. III 213).

⁴⁾ Кузницы въ этой роли уже ко временамъ „Гомера“ и Гесиода вошли въ пословицу (Od. XVIII, 328; Hes. op. 493; ср. Teletis r. p. 25 Henze), какъ впоследствии цырульни, *δοίνα συμπόσια* (Plut. qu. conv. VII, 10; ср. Aristoph. Plut. 337; Plut. de garrul. 7).—Lys. XXIV, 20: *ἕκαστος γὰρ ὑμῶν εἰδισται προσφοιτᾶν ὁ μὲν πρὸς μυροπόλιον, ὁ δὲ πρὸς κουρεῖον, ὁ δὲ πρὸς σκυτοτομαῖον, ὁ δὲ ὄπο: ἂν τύχη*. Arist. Rhet. 1411 a: *ὁ Κῶων (ἔχῃλει) τὰ κατῆλεῖα τὰ Ἀττικὰ φιδίτια* (ср. Isocr. XV 287). О книжныхъ лавкахъ—Diog. L. VII 2 sq.—Ср. Hermann-Blümner, Gr. Privatalt., 121 ff. 132 ff. 499 f. Wachsmuth, Die Stadt Athen, II, 305 ff. и Histor. Taschenb. XII, 291 ff.

вольствія съ умственными¹⁾; такого-рода зданія устраивались государствомъ (городомъ) или его «благодѣтелями» для всѣхъ гражданъ, устраивались и отдѣльными группами гражданъ²⁾, устраивались потомъ и частными лицами³⁾. Само собою разумѣется, что собирались и на званныхъ обѣдахъ или пирахъ (симпосіяхъ), на разныхъ частныхъ, или

¹⁾ Γυμνάσια, παλαίστραι, βιβλιοθήκαι, λουτρά, λουτρώνας, ἀλειπτῆρια, ἀλείψματα, ἀποδοτήρια (ср. GDI 4250: καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἀποδομένων εἰς τὸ γυμνάσιον), ψεῖσαι, σκιάδες, μουσικαὶ, λέσχαι, οἶκοι, δομοὶ, σταθίονες (stationes), ἐξέδραι, ξυσταὶ и проч.—Γυμνάσια или παλαίστραи (также и βιβλιοθήκαι) устраивались для разныхъ возрастовъ; такъ, на Iasos² было четыре государственныхъ γυμνάσια—для [παῖδες], ἐφηβοί, νέοι, πρεσβύτεροι (Rev. d. ét. гр. VI, 157 s.); ср. надписи милетскія: γυμνασιαρχήσαντα τῆς γερουσίας καὶ τῶν νέων (Ath. Mitt., XVIII, 258) и γυμνασιαρχήσαντα πάντων (CIG 2885; Hausouiller, Et. s. l'hist. de Milet, p. 264 s.), самосскую: οἱ ἀλειψόμενοι ἐν τῇ γερουτικῇ παλαίστρᾳ (Bull. de corr. hell., V, 481), кимскую: ὄνθεντ τὸ βιβλίον τοῖς νέοις (GDI 311); замѣтимъ кстатѣ, что группировка гражданъ по возрастамъ была вообще одной изъ очень важныхъ сторонъ античнаго быта, какъ это уясняетъ Usener, Über vergleichende Sitten-und Rechtsgeschichte (S.-A. a. d. Hess. Bl. f. Volksk., 1902), 39 ff. (эпиграфическій матеріалъ—у Ziebarth, Das griechische Vereinswesen, 110 ff.).—Въ богѣе-позднихъ надписяхъ въ числѣ „благодѣлнй“, оказываемыхъ государству (городу) его „благодѣтелями“, очень часто упоминается ἐλαῖου θέσις, ἐν τε γυμνασίῳ καὶ βιβλιοθήκῃ, παντὶ ἐλευθέρῳ καὶ δούλῳ (ср. IGS I 2712; IG Pel. I 597. 606. Dittenb.² 420. 527; Michel, 159. 327. 544).—Одни изъ перечисленныхъ учреждений имѣли въ виду гл. обр. φιλογυμναστικὰν, другія φιλοσοφικὰν (Plat. Symp. 182 C), или φιλομουσικὰν, третьи—и то, и другое; о соединеніи φιλογυμναστικὰν съ φιλοσοφικὰν—ср. Plut. Nic. 12; Alcib. 17; de def. or. 6; Paus. X, 25, 1; Vitruv. V, 11; Theophr. Char., V, 10 (ср. также Ditt.² 521, 33 sqq. 84 sq.; CIA II 471, 19 sq.). Общаго трактованія относящихся сюда вопросовъ, на основаніи новыхъ (археологическихъ и эпиграфическихъ) данныхъ, пока не имѣемъ. О gymnasium ср. Fougères у Daremberg-Saglio, II, 1684 ss.; о лѣскахъ (основное значеніе ихъ остается не выясненнымъ)—Δραγοῦμος въ Ath. M. XVII, 147 ff.; Diemler, Kl. Schr. II, 147 ff.; Фармаковскій въ Изв. Р. Арх. Инст. въ Константинополѣ, IV, 152 сл.; Bourguet у Daremberg-Saglio, III, 1103 s.

²⁾ Таковы были упоминаемая еще у Гомера (Od. XVIII 329) и Гесиода (op. 493) λέσχαι, въ которыхъ указываютъ (ср. Ath. M. XVII, 149) прототипъ нашихъ клубовъ. Такія λέσχαι, οἶκοι и т. п. (ср. stationes, scholae) имѣли отдѣльныя группы гражданъ родового или коллегіальнаго характера, особенно на чужбинѣ (землячества, или „колоніи“, торговля или промышленныя компаніи, также οἱ περὶ Διόνυσον τεχνῖται). Зерно, изъ котораго развились эти λέσχαι или οἶκοι, можно видѣть въ „переживавшихъ“ на сакральной почвѣ σκηναί (Ditt.² 169. 653. 177. 562. 581 587. Mich. 720. BCH. XI 380. XV 175) или σκιάδες (Athen. 141 f).

³⁾ Съ коммерческими цѣлями (особенно βιβλιοθήκαι) или изъ тщеславія. Ср. Theophr. Char. V 9 sq.: ἀτήσασθαι... αὐλίδιον παλαίστραϊον κόνιν ἔχον καὶ σφαιριστήριον· καὶ τοῦτο περιὸν χρῆνῆναι τοῖς φιλοσόφοις τοῖς σοφισταῖς τοῖς ὀπλομάχοις τοῖς ἀρμονικοῖς ἐπιδείκνυσθαι· καὶ αὐτὸς ἐν ταῖς ἐπιδείξεισι ὕστερον ἔπεισιν ἐπὶ [τῷ εἰπεῖν τὸν ἕτερον] τῶν θεωμένων πρὸς τὸν ἕτερον, ὅτι τοῦτου ἐστὶν ἡ παλαίστρα.

мѣстныхъ праздникахъ¹⁾). На празднества, устраивавшіяся государствомъ²⁾, сходилось все гражданское, иногда и не-гражданское население, нерѣдко и граждане сосѣднихъ государствъ, а на иныя празднества сходились или съѣзжались официальные и неофициальные представители различныхъ еллинскихъ государствъ, богомольцы чуть не со всѣхъ концовъ еллинскаго міра.

Итакъ, устное слово въ древней Елладѣ всегда могло рассчитывать на такую или иную, иногда (какъ на празднествахъ, особенно въ Олимпіи или въ Дельфахъ) и на очень большую аудиторию: слишкомъ мало оно рисковало здѣсь возможностью оказаться гласомъ воиющаго въ пустынь. Оно не наталкивалось здѣсь и на чисто-виѣшнія препятствія: за болѣе или менѣе случайными исключениями еллина дорожили и гордились и своей свободой слова, и свободой у себя слова³⁾.

¹⁾ Пирь и празднества у еллиновъ стояли въ тѣсной внутренней связи между собою и съ богослуженіями (какъ и у древняго Израиля—ср. *Wellhausen, Proleg. zur Geschichte Israels*, 54 f. 71 ff.).

²⁾ Эти πανηγύρεις (ἀναπαύσεις τῶν πόλεων, какъ называютъ праздники Периклъ у Фукидида, II, 38, и Платонъ, *Leg.* 653 D) устраивались еллинскими государствами вообще очень часто (*Schoemann-Lipsius, Gr. Alt.*, II, 158 f.).

³⁾ Ἡ ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἀντιθέτης καὶ ἀντιθέτου ἐλευθερία τῶν Ἑλλήνων (по выраженію Нерона, *Ditt.*³ 376, 37 sq.) сказывались и въ ихъ парρηзіа, которая съ гражданъ распространилась и на не-гражданъ (ср. *Eurip. Ion* 670 sqq. *Phoen.* 390 sq.; *Plat. Leg.* 806 D; *Telet.* г. 15 sq. *Hense*; *Plut. de exil.* 16) и съ политической жизни (ср. *ιστηγορία* у *Herod.* V 78; *ιστηγορίας καὶ παρρησίας καὶ καθόλου δημοκρατίας* *Polyb.* II, 38, 6. 42, 3; *Eurip. Hippol.* 421 sqq. *Heraclicid.* 181 sqq. *Suppl.* 353 sqq.; *Plat. Leg.* 694 B) перенесена была и на жизнь не-политическую.—Законы, по крайней мѣрѣ аонскіе, старались конечно упорядочить, и съ виѣшней, и съ внутренней (ср. *Aeschin.* I 35; *Antiph.* VI 9) стороны, паррессию на вѣчь, въ совѣтѣ, въ судѣ (ср. *Hermann-Thumser, Gr. St.-Alt.*, 516 ff. 577 ff.; о клеандрѣ—*Neil*, *Anonymus Argentinensis*, 235 ff.; такъ же, вѣроятно, былъ и общій смыслъ стиховъ: ἀρξάν μὲν βουλῆς θεοτιμῆτους βασιλέας προφύγενας τε γέροντας, ἐπειτα δὲ δημοτῶν; ἄνδρας εὐθείας ῥήτραις—т. е. рѣчами, мѣткими—ἀνταπαρφερόμενος, *Plut. Luc.* 6. *Diod.* VII 12 V.; ср. законъ объ *εὐνομία* *Юбакховъ*, *Ditt.*³ 737); сюда же относятся и аонскіе законы, запрещавшіе κακῶς ἀγορεύειν и ζῶντα, и особенно τὸν τεύχευχα (*Hermann-Thalheim, Gr. R.-A.*, 40 ff.; ср. не указанное тамъ очень характерное мѣсто: *Nyperid.* IV, 3 Bl.). Нѣкоторые законы заключали въ себѣ заклятіе (ср. *Hermes*, XXX, 61 ff) или прямое запрещеніе выступать (ῥήτορ, εἰπάι, ἀγορεύειν) съ предложеніемъ объ ихъ отміѣнѣ или измѣненіи (ср. *Ditt.*³ 19. 80. 523. 933. *Mich.* 363). Необходимость для оратора считаться съ возможностью γραφῆς παρανόμων (ср. рассказы о законахъ Залевка или Харонда, *Stob. Fl.* XLIV, 40; *Polyb.* XII, 16; *Diod.* XII, 16 sqq.; *Demosth.* XXIV, 140 sqq.), какъ раньше съ остракизмомъ (внутреннюю связь остракизма съ гр. παρην. хорошо уясняетъ *Mahaffy, Problems in Greek History*, 87 s.), переносить насъ уже изъ области законодательной въ область практической политики,—въ область борьбы политическихъ партій (такъ еще

Если, такимъ образомъ, устное слово находило себѣ благодарную почву во всемъ складѣ жизни еллиновъ, то, съ другой стороны, и самый страшный, самый опасный врагъ устнаго слова,—какимъ является письменность,—хотя и приобрьлъ себѣ у еллиновъ большую—со-временемъ даже слишкомъ большую—силу¹⁾, однако все-же далеко не

въ ἀγορῇ 2-й пѣсни Иліады), борьбы конечно, требовавшей и отъ ораторовъ (какъ таковыхъ) и жертвъ, и самопожертвованій (ἡ Διομήδεα λεγομένη ἀνάγκη, Plat. Resp. 493 D). Въ связи съ борьбой политическихъ партій или направлений стоять и случаи преслѣдованія отдѣльныхъ свободныхъ мыслителей; къ сожалѣнію, извѣстія объ этихъ случаяхъ слишкомъ не отчетливы, какъ не вполне разъясненной остается (ср. *Pöhlmann, Sokrates und sein Volk*, 1899; *Beyschlag, Die Anklage des Sokrates*, 1900; *Menzel, Untersuchungen zum Sokrates-Prozesse*, 1902) и казнь Сократа; не отчетливы наши свѣдѣнія и о прямо направленныхъ противъ „философовъ“ аеинскихъ законахъ Диопейва и Софокла.—Очевидно, свобода слова въ Елладѣ не была полной (ср. Государство и Законы Платона; однако же она и не граничила такъ близко съ нетерпимостью, какъ старается представить *Scheichl, Das Griechentum und die Duldung* (1903): ограничения свободы слова были здѣсь не правиломъ, а исключениями—уже потому, что были не систематическими, а случайными (ad hoc или ad hominem). Ср. *Pöhlmann, Sokrates*, 112 ff. *Gomperz, Gr. Denker I'*, 353. 463. 471; II', 90 ff. *E Meyer, Gesch. d. Alterth.*, IV, 102 ff. 277 f. 488 f. V, 224 ff. *Bernays, Phokion*, 107 ff. *Decharme, Mélanges Perrot* 73 ss. *Wilamowitz, Antigonos v. Kar.*, 270 ff. *Susemühl, G. d. gr. Litt. d. Alexandriner Zeit*, I, 553 f.

¹⁾ Письменность существовала на территории еллинскаго міра, какъ показали послѣднія критскія раскопки (*Evans, Cretan pictographs and praerhoenician script*. 1895; *Zahn, Arch. Anzeiger*, 1901, 21 ff.; ср. также R. Weil въ *Rev. archéol.*, 1903, I, 213 ss.), еще во II-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., и быть-можетъ отчасти на почвѣ кое-какихъ пережитковъ (ср. кипрское письмо) этой—раздѣлившей участь „микенской“ культуры—письменности появились потомъ (къ VIII стол.?) въ культурныхъ центрахъ Еллады φοινικία (ср. φοινικογράφος IG Ins. II, 9; sq.); въ VII столѣтіи еллинская письменность оказывается уже вполне окрѣпшей и прочно утвердившейся; дальнѣйшему ея распространенію содѣйствуетъ появленіе болѣе удобнаго писчаго матеріала, т. е., кромѣ металлическихъ, каменныхъ, деревянныхъ „досокъ“ (ср. „доски“ Псковской судной грамоты), кромѣ кожи (δερμάται—отсюда litterae),—папируса (съ VI в.?), потомъ (со II в. до Р. Хр.?) и пергамена (ср. *Dziatzko, Untersu.h. üb. d. ausgew. Kar. d. antiken Buchwesens*, 14 ff. 129 ff.). Еллины (одни, конечно, какъ аеиняне, больше, другіе, какъ лакедэмоняне, меньше) любили выражать себя какъ въ устномъ словѣ, какъ въ искусствѣ, такъ и въ письмѣ—и не только κατὰ τὸ παρόν, а и ἐς αἶψα, εἰς τὸν πάντα χρόνον (Thuc. I 22; Pol. II 56, 10), ὅπως ἂν εἰδῶσι ἀπαντες, ὅπως ἂν καὶ εἰς τὸν λοιπὸν χρόνον εἰδῶσι (какъ часто читаемъ въ ае. надписяхъ). Число греческихъ надписей очень замѣтно возрастаетъ еще въ VI столѣтіи; примѣненіе письменности для литературныхъ цѣлей очень замѣтно расширяется въ Аеинахъ 2-ой полов. V в. (Herod. IV 36; Xen. Mem. I 6, 14; IV 2, 10; ср. *Wilamowitz, Euripides Herakles*, I' 120 ff.), а къ концу того же столѣтія появляются и βιβλιοπῶλαι. Съ тѣхъ поръ—особенно же съ „александрійской“ эпохи—книжное дѣло быстро развивается и организуется, насколько то было возможно при пользованіи буквами не механической, а ручной работы (δργατῶν

успѣлъ еще приобрести себѣ такую силу, чтобы между устной и письменной рѣчью стала возможной борьба не на жизнь, а на смерть: такая борьба стала возможной лишь со времени распространения книгопечатанія.

«Десяти языковъ, десяти устъ» было бы мало, чтобы исчислить всѣ выгоды, какія получила человѣческая культура отъ изобрѣтенія письменности и затѣмъ печатанія. «Кто могъ-бы — восклицаетъ Діодоръ — кто могъ-бы сложить достойное похвальное слово грамотности?» Онъ самъ однако вписываетъ въ свою исторію такое похвальное слово¹⁾; не разъ прославленіе письменности встрѣчаемъ мы и въ другихъ, какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ произведеніяхъ греческой литературы²⁾. И любопытно, что прославленіе это сводится тутъ обыкновенно въ тѣмъ-же пунктамъ, къ какимъ сводится прославленіе письменности или книгопечатанія и въ новой или въ современной литературѣ³⁾. Какъ здѣсь, такъ и тамъ указывается обыкновенно на то, что письмо или печатаніе далеко раздвигаетъ тѣ границы, какія существуютъ, и въ пространствѣ, и во времени, для слова произносимаго устно; какъ здѣсь, такъ и тамъ указывается на важное значеніе письма въ области права и правосудія, въ дѣлѣ фиксированія или публикованія законовъ, въ дѣлѣ документированія договоровъ и сдѣлокъ.

Но, подобно своимъ «софистамъ», греки вообще любили судить о каждомъ предметѣ съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, противо-

ἔμφω) и не бумагой, а папирусомъ (или пергаменомъ). Ср. Dziatzko, Bibliotheken, Buch, Buchhandel, у *Pauly-Wissowa*, III, 405 ff. 939 ff.; Wunsch, Charta, *ibid.* 2185 ff.; Birt, Das antike Buchwesen (1882); Dziatzko, Untersuchungen (1900).—О развитіи скорописи у др. грековъ—*Larfeld*, Handb. d. griech. Epigraphik, II, 537 ff., и *Gillbauer*, Studien z. griech. Tachygraphie (1903); ср. *Arnim*, Dio v. Prusa, 174 ff.—О тайнописи—Aen. c. poliore. 31.

¹⁾ Diod. XII, 13. Трудно, конечно, рѣшить, въ какой мѣрѣ это ἐγκώμιον τῆς τῶν γραμμάτων μαθήσεως принадлежитъ самому Діодору; быть-можетъ дѣло не обошлось тутъ безъ участія если не Тимая, то Посейлонія (ср. Bachof в *N. Jahrbh.*, CXIX, 161 ff.; Busolt, *ibid.* CXXXIX, 297 ff.).

²⁾ Ср. Aeschyl. Prom. 460 sq.; Eurip. Palam. fr. 582 N²; Антифанъ у Athen. 450 e sqq., Филемонъ у Stob. Anth. II p. 29 W. (Kock CAFII 95. 481); Gorg. Palam. 30; Isocr. XII, 209. [Hippocr.] de diaeta, 23. Ср. также Herod., προσίμιον; Plat. Tim. 23 A sqq. Crit. 109 D sq. Характерна видная роль, какая отводится въ трагедіяхъ (напр., въ Ἰκέτιδες Эсхила, въ Τραγῳδίαι Софокла, въ Ἰεργύεσσα ἐν Ταύροις, Ἴεργ. ἢ ἐν Αὐλίδι; и Ἰκπόλοτος ст. Еврипида) письменнымъ договорамъ, завѣщаніямъ, оракуламъ, письмамъ.

³⁾ Ср., напр., *Wuttke*, Die Entstehung der Schrift, 3 ff. *L. v. Stein*, Die Verwaltungslehre, VI, 9 ff. *Лавомъ*, Социал. основы исторіи (De l'histoire considérée comme science), 163 сл.

поставлять всякому сужденію другое, прямо ему противоположное. Если одни самымъ рѣшительнымъ образомъ восхваляли прогрессъ человѣческой культуры, гордились ея успѣхами, прославляли «изобрѣтателей»— въ томъ числѣ изобрѣтателей письма¹⁾), — какъ благодѣтелей человѣчества, то другіе, напротивъ, не обольщаясь внѣшними культурными успѣхами, расшатавшими былую устойчивость, простоту, «мѣрность» нравовъ и понятій, склонны были видѣть въ новыхъ изобрѣтеніяхъ и приобрѣте-

¹⁾ Въ качествѣ εὐρέτης τῶν γραμμάτων у Эсхила является Прометей (Prom. v., 460: ἐξῆυρον... γραμμάτων συνθέσαι; ср. 506: πάσαι τέχνηαι βροτοῖσιν ἐκ Προμηθέως). Στησιχορος δὲ Παλαμῆδην εὐρέτην αὐτῶν ποιεῖται, ᾧ συμφωνεῖ καὶ Εὐριπίδης (Schol. Dion. Thr. p. 786 B); у Еврипида (fr. 582 N.) Паламедъ говоритъ: τὰ τῆς γε λήθης φάρμακ' ὁρθώσας μόνος, ἄφωνα καὶ φωνοῦντα συλλαβὰς τε θεῖς ἐξῆυρον ἀνθρώποισι γράμματα' εἰδέναι; у Горція (Palam. 30) Паламедъ прославляется какъ εὐρῶν γράμματα. Παλαμῆδης, имя котораго стоитъ въ связи съ παλάμη (=τέχνη Hesych.) и съ именемъ Παλαμάων (Паламаонъ выступаетъ въ роли Гефеста или въ роли отца Дѣдала; кстати: имя Παλαμάων=Μαχίων, ср. χειρομάχα, οὐτε τέχνη οὐτε μαχανῆ, относится, кажется, къ тому кругу сказаній, который сложился на почвѣ знакомства съ вещественными и невещественными слѣдами „микенской“ культуры или эпохи: недаромъ онъ—сынъ Ναυπλίου'а (ср. Strab. 368: ἐφεξῆς δὲ τῇ Ναυπλίᾳ τὰ σπήλαια καὶ οἱ ἐν αὐτοῖς οἰκοδομητοὶ λαβύρινθοι κοχλώπεια δ' ὀνομάζουσαι; о найденномъ въ Навплии „микенскомъ“ сосудѣ смъ Henckelinschrift—'Εφ ἀρχ. 1895, 261, π. 11; Evans Cret. pict. 18), недаромъ онъ тяготеетъ (кромя Арголиды) къ Востоку, или по крайней мѣрѣ къ Лесбосу и Троядѣ (сводъ данныхъ о Паламедѣ—у Lewy, въ Roschers Mythol. Lex., III, 1264 ff.; о Palmiße у этрусковъ—Pauli, ib. 1343 f.).—Очень опаснымъ соперникомъ Паламеда въ роли εὐρέτης τῶν στοιχείων, по другимъ—въ роли только посредника между Финикіей и Елладой, т. е. между финикийской и еллинской азбукой, является Кадмъ (ср. Crusius, Rosch. Myth. L., II, 871 ff. 892; иные прибавляли, что раньше Кадма (πρὸ Κίδημου) перенесъ τὰ στοιχεῖα въ Елладу Данай (Sch. in Dion. Thr. 783 B.). Кадмъ, какъ и Данай,—у Μιλησιακοὶ συγγραφεῖς, начиная, повидимому, съ Гекатэя (сюда относится и измышление о Κίδημος Μιλήσιος, ὡς πρῶτος κατὰ τινας συγγραφὴν ἔγραψε καταλογάδην, Suid.; ср Dionys. de Thuc. 23); Кадмъ какъ ὁ τῶν γραμμάτων Ἐλλήσιν εὐρέτης—у Ефора, какъ τῆς Φοινίκων εὐρέσεως διάκτορος (ср. Herod. V 28 sq.)—у Аристотеля, если не въ [аристотелевскомъ] Πέπλος (ср. Arist. fr. 501. 638 R.; Wendling de Peplio Aristot., 6 sqq. 61 sqq.; Schmid, Philologus, LII, 373 ff.). Кадмъ помѣщенъ былъ во главѣ исторіи греческой письменности, когда признана была зависимость греческаго алфавита отъ финикийскаго; но письменность египетская оказывались болѣе древней, нежели финикийская: отсюда—ссылки на Даная (или Кекропа, Tac. Ann. XI, 14); ср. рассказъ о найденномъ при Агесилаѣ въ галиартской гробницѣ Алкмены πίναξ ἔχων γράμματα παμπάλαια, причеиъ ὁ τύπος τῶν χαρακτήρωνъ былъ ἐμφερέστατος Αἰγυπτίους (Plut. de gen. Socr., 5 sqq.). У Платона (Phaedr. 274 D) изобрѣтаетъ буквы египетскій богъ или δαίμων (εἴτε τις θεὸς εἴτε καὶ θεῖος ἄνθρωπος, Philob. 18 B) Θεῶδ, т. е. Тотъ,—онъ же Εὐρέτης Τρισμέγιστος, Plut. qu. conv. 9 (р. В. Туравел, Богъ Тотъ, 159 сл.); рядомъ съ Гермесомъ ставятъ Исиду гимны, посвященные ей на Юсѣ (въ ритмиче кой по озѣ) и на Андросѣ (въ стихахъ), Kaibel, Epigr. Gr. p. XXI; № 1028.—Послѣ-аристотелевскіе ученые старались точнѣе распредѣлить и опредѣлить роли Кадма и Паламеда, или подѣлить между Паламедомъ и другими εὐρέται

няхъ культуры не прогрессъ, не приближеніе къ идеалу, а напротивъ— удаленіе отъ идеала, отъ оставшагося позади «золотаго вѣка».— того вѣка, когда богоподобные люди были такъ близки къ человѣкоподобнымъ богамъ: тогда не было и письменности, и однако люди жили лучше, в людѣмъ жилось лучше. чѣмъ теперь, послѣ всѣхъ ихъ столь препрославленныхъ культурныхъ успѣховъ¹⁾.

Такъ и относительно значенія письменности оказались возможными *ὄο λόγοι ἀντικειμένοι ἀλλήλοις*. Пользу примѣненія письменности для научно-литературныхъ цѣлей оспариваетъ мнѣ. рассказанный въ платоновомъ діалогѣ «Федръ». Египетскій демонъ *Θεὸς* изобрѣлъ разныя искусства и между ними письмена; самъ онъ, конечно, очень доволенъ этимъ своимъ изобрѣтеніемъ и хвалится имъ предъ мудрымъ царемъ египетскимъ. «Письменность, говорить онъ, сдѣлаетъ египтянъ обладающими и большею мудростью, и лучшею памятью: открыто средство для памяти и мудрости (*μνήμης τε καὶ σοφίας φάρμακον εὐρέθη*)» — «О, *Θεὸς*, —отвѣчаетъ царь — одному дано изобрѣтать. другому—судить о томъ, какую долю вреда, какую долю пользы принесутъ тѣ изобрѣтенія»²⁾. По мысли мудраго царя, письмо бмть-можетъ и больше способно сохранять, кон ервировать ту или другую мысль, нежели человѣческая память; но, стремясь не только служить подспорьемъ для памяти³⁾, но и замѣнять собою самую память, не ослабляетъ-ли оно тѣмъ живую

или *ζηλωταί* (вродѣ Симонида или Епихарма) буквы греческаго алфавита (цитаты, кромѣ приведенныхъ выше, достаточно подробно указаны у *Lewy, Rosch. Myth. L.*, III, 1268 f.). На мѣсто Паламеда ставили потомъ (такъ Діонисій *ὁ κωμολόγος*; у *Diod.* III 67; ср. *Tac. ann.* XI, 14) Лина: *φῆσι (Διονύσιος) Λίνον Καδμοῦ κομισάντος ἐκ Φοινίκης τὰ καλοῦμενα γράμματα πρῶτον εἰς τὴν Ἑλληνικὴν μεταθεῖναι διαλέκτων, καὶ τὰς προσηγορίας ἐκάστῳ τάξει καὶ τοῖς χαρακτήρας διατεπέσσει*; этими тѣмъ Пелазгическѣмъ *γράμματα* писаны были и сочиненія, или *ὑπομνήματα* Лина. У *Zenob. Cent.* IV, 45 Кадмъ убиваетъ Лина за желаніе ввести *ἴδια γράμματα*, но овьяне изгоняють Кадма (*Καδμῶτα νίκη*). Ср. *Greve, Rosch. M. L.*, II, 2056 ff. Линъ относится къ тому же—указанному выше—кругу сказаній, что и Паламедъ; не внѣ связи съ этимъ кругомъ сказаній стоятъ, впрочемъ, и Кадмъ (Фивы) или Данай (Аргосъ).

¹⁾ Ср. *Gomperz, Griech. Denker* I', 311 ff. II, 115 f. *Billetter, Griech. Anschauungen über die Ursprünge der Kultur* (1901). *Apelt Die Ansichten d. griech. Philosophen ab. d. Anfang d. Cultur* (1901) *Graf. Leipz. Stud.*, VIII, 1 ff. *Pöhlmann, Gesch. d. ant. Kommunismus u. Sozialismus*, I, 109 ff.; II, 3 ff. *Rohde, Gr. Rom.*² 210 ff. *Dümmler, Akademika*, 216 ff. *Norden. N. Jahrb.*, S.-B. XIX, 411 ff. *Hirzel, Αἰγυπτιακὸς νομῶς*, 75 ff. *Gruppe, Griech. Mythologie*, 447 ff.

²⁾ *Plat. Phaedr.* 274 C—275 A.

³⁾ *Plat. Phaedr.* 275 C—D 276 D. *Cp. Leg.* 811 E.

память, не убиваетъ-ли живую воспримчивость къ слову?!) Письмо можетъ и содѣйствуетъ больше, нежели устная рѣчь, распространенію знанія или знаній; но если устное слово можетъ знать, къ кому оно обращается, то слово письменное не можѣтъ знать, кто къ нему обратится, кто и какъ имъ воспользуется. А вѣдь ' далеко не всякій сѣумѣетъ воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ,—такъ, какъ того желалъ-бы авторъ сочиненія. Читателю самому, безъ личнаго руководства автора, трудно разобратъся въ сочиненіи, расчитанномъ можетъ-быть лишь на тѣсныи кружокъ посвященныхъ. Но еще труднѣе ему разобратъся—сдѣлать надлежащій выборъ—среди все новыхъ и новыхъ выходящихъ въ свѣтъ сочиненій²⁾. А между тѣмъ,—разсуждаетъ царь,—кое-какъ нахватавшись мудрости изъ разныхъ—быть можетъ случайно подвернувшихся подъ-руку—сочиненій, иной читатель будетъ считать себя многознающимъ, на самомъ дѣлѣ оставаясь невѣждой,—будетъ думать, что онъ мудрецъ и на самомъ дѣлѣ, тогда какъ онъ только лжемудрецъ, кажущійся мудрецъ, не σοφός, а δοξόσοφος³⁾... Не безъ основаній предполагаютъ⁴⁾, что Платонъ передаетъ здѣсь подлинныя мысли своего великаго учителя; мы знаемъ, что Сократъ ничего не писалъ⁵⁾,—какъ потомъ и нѣкоторые другіе видные философы, напр., Аркесилай или Карнеадъ⁶⁾.

Не оставлены были безъ возраженій и указанія на благотѣльную роль письменности въ сферѣ «международныхъ»⁷⁾ и гражданскихъ

¹⁾ Plat. Phaedr. 275 A. 276 A. Cp. Leg. 814 C sq.

²⁾ Plat. Phaedr. 275 A—278 B. Cp. Theaet. 164 E. 169 D sq 171 C. 184 A. Protag 329 A. 347 D. sq Cp. также вылазки противъ діалога „Фэдръ“ у Исократы, κατά τῶν σοφιστῶν, XIII, 12 sq.

³⁾ Plat. Phaedr. 275 A—B.

⁴⁾ Cp. *Brunz*, D. literarische Porträt d. Griechen, 225 ff.

⁵⁾ *Schanz*, *Hermes*, XXIX, 597 ff., даже разскалъ о томъ, что Сократъ складывалъ стихи въ тюрьмѣ, считаетъ измышленіемъ Платона (Phaedr. 60 D sqq.).

⁶⁾ Plut. de Alex. fort. 1, 4: καίτοι γε οὐδὲ Πυθαγόρας ἔγραψεν οὐδὲν οὐδὲ Σωκράτης οὐδὲ Ἀρχεσίλαος οὐδὲ Καρνεάδης, οἱ δοκιμώτατοι τῶν φιλοσόφων. О Карнеадѣ—cp. Diog. L. IV 65; къ нему повидимому (cp. Stöner, *Hermes*, XXXVIII, 365) относится и показаніе: αὐτὸς τῆς συγγραφῆς ἀπέστη въ Academicorum philos. Index Herc. p. 66 Meiler; объ Аркесилаѣ разсказывали (хотя и не совсѣмъ согласно), что онъ вовсе не писалъ, или что онъ жегъ книги (Acad. Ind., p. 68 sq. M.; Diog. L., IV, 32); то же разсказывали и о Метроклѣ (D. L., VI, 6)

⁷⁾ Характерныя слова царя (Ἀργείων) Пеласага египетскому κῆρυξ въ Ἰκέτιδες Эсхила, 946 sqq.: ταῦτ' οὐ πίναξιν ἐστὶν ἐγγεγραμμένα οὐδ' ἐν πτωχαῖς βιβλῶν κατασφραγισμένα, σφῆ δ' ἀπορίαις ἐξ ἐλευθεροτόμου γλώσσης.

юридических отношеній¹⁾; но особенно оживленную полемику вызвалъ вопросъ о значеніи письменности въ дѣлѣ законодательства; вопросъ этотъ свелся въ вопросу о томъ, какіе законы выше,—законы ли открытые людямъ богами, вложенные въ ихъ сердца природой, вѣчные, неизмѣнные, или законы начертанные самими людьми, не умѣющими, конечно, ни предусмотрѣть всего, ни даже достаточно полно и ясно выразить и то, что ими предусмотрѣно²⁾; отправляясь отсюда, дошли—было даже до мысли, что лучше, нежели писанные законы, правитель, который служилъ бы олицетвореніемъ, воплощеніемъ закона, одушевленнѣмъ закономъ³⁾.

Τὸ γὰρ γράμμα ἀποκταίνει, τὸ δὲ πνεῦμα ζωοποιεῖ (буква убиваетъ, духъ животворитъ)—такъ резюмируетъ эти возраженія еллинистически-риторически образованный апостолъ Павелъ⁴⁾.

Въ основаніи этихъ возраженій и оговорокъ, направленныхъ противъ безусловнаго восхваленія письменности, лежало, разумѣется, сознание,—что если и вообще слово безсильно полно и точно передать овладѣвшія человѣкомъ, одушевляющія, волнующія его мысли, то слово

¹⁾ Ср. *Hirzel*, Ἀγραφος νομος, 21 ff. 51 f. 59 ff. *Hirzel*, Der Eid, 52 ff.

²⁾ Plat. Polit. 294 A (ὅτι νόμος οὐκ ἂν ποτε δύναιτο τὸ τε ἄριστον καὶ τὸ δικαιοτάτον ἀκριβῶς πᾶσιν ἅμα περιλαβῶν τὸ βέλτιστον ἐπιτάττειν). Leg 968 D. Arist. Polit. 1282 b 4 sqq. (ἐξαιδουατοῦσιν οἱ νόμοι λέγειν ἀκριβῶς); 1287 b. 17 sqq. (τὰ μὲν ἐνδέχεται περιληφθῆναι τοῖς νόμοις, τὰ δὲ ἀδύνατα) Rhet. 1374 a 27 sqq. Eth. Nic. 1137 b 22 sqq. Ἀθ. πολ. 9. Isocr. VII 39 sqq. *Keil*, Die Solonische Verfassung, 157 ff.—Ср. *Hirzel*, Ἀγραφος νομος (1900).

³⁾ Plat. Politic. 294 A sqq.: τρόπον τινὰ μέντοι δῆλον ὅτι τῆς βασιλικῆς ἐστὶν ἡ νομοθετικὴ· τὸ δ' ἄριστον οὐ τοὺς νόμους ἐστὶν ἰσχύειν (τον δὲ γὰρ νόμον ὁρώμεν σχεδὸν ἐπ' αὐτὸ τοῦτο ξυντείνοντα), ἀλλ' ἄνδρα τὸν μετὰ φρονήσεως βασιλικόν· ὡσπερ ὁ κυβερνήτης... οὐ γράμματα τιθεῖς ἀλλὰ τὴν τέχνην νόμον παρεχόμενος, σώζει τοὺς συνζῶντας, οὕτω καὶ παρὰ τῶν οὕτως ἄρχειν δυναμένων ὀρθῆ γίγνεται ἂν πολιτεία, τὴν τῆς τέχνης ῥώμην τῶν νόμων παρεχόμενων κρείττω; Arist. Pol. 1286 a, 8 sqq.: κότερον συμφέρει μᾶλλον ὑπο τοῦ ἀρίστου ἀνδρὸς ἄρχεσθαι ἢ ὑπο τῶν ἀρίστων νόμων. δοκεῖ δὴ τοῖς νομιζουσι συμφερεῖν βασιλεύεσθαι τὸ καθόλου μόνον ὁ νόμος λέγειν, ἀλλ' οὐ πρὸς τὰ προσιπτόντα ἐπιτάττειν· ὥστε ἐν ὁποιοῦν τέχνην το κατὰ γράμματ' ἄρχειν ἡλίθιον. (Самъ Аристотель полемизируетъ съ „Политикомъ“ Платона, считая оуте συμφέρον, оуте δικαίον ἕνα κύριον εἶναι πάντων, оуте μὴ ὄντων νόμων, ἀλλ' αὐτον ὡς ὄντα νόμον, оуте νόμων ὄντων,—ср. Politic. 302 E: μοναρχία ζευχθεῖσα ἐν γράμμασιν ἀγαθοῖς, οὗς νόμους λέγομεν). Just. Nov. 105, 4: καὶ αὐτός ὁ θεός... νόμον αὐτὴν (τὴν βασιλείαν) ἐμφυχον καταπέμφας τοῖς ἀνθρώποις. Themist. or. 19, p. 228 a: βασιλείαν κατέπεμψεν ὁ θεός, ὅπως ἂν εἴη καταφυγὴ τῷ ἀνθρώπῳ ἀπὸ τοῦ νόμου τοῦ ἀκινήτου ἐπὶ τον ἐμπνουν καὶ ζῶντα. Ср. *Kaerst*, Studien z. Entwick. u. theor. Begründ. d. Monarchie im Altertum, 14 ff.—О пословицѣ: μωρῶν καὶ βασιλεῖ νόμος ἄγραφος (Porf. ad Hor. s. II, 3, 188: ср. *Philologus*, LII, 567 f.

⁴⁾ Ad Cor. II, 3, 2 sqq.

письменное въ этомъ отношеніи еще несравненно безсилнѣе, нежели слово усное¹⁾. И намъ, конечно, не совсѣмъ чуждо это сознаніе, не разъ высказанное и въ новой литературѣ²⁾; но, оставивъ позади себя нѣсколько тысячелѣтій распространенія письменности и нѣсколько столѣтій распространенія книгопечатанія, мы не могли не утратить если не ясность, то свѣжесть и живость этого сознанія.

Еллины особенно живо должны были чувствовать существенное различіе между словомъ, когда оно говорится и слушается, и словомъ, когда оно пишется и читается; еллины особенно живо должны были чувствовать тѣсную связь мысли именно съ устнымъ словомъ. Мы знаемъ, что даже въ болѣе-позднее время, когда письменность повидимому стала уже почти такимъ же обычнымъ и привычнымъ средствомъ для цѣлей литературы, какимъ теперь служить печать, еллины все еще предпочитали писать устами и читать ушами (или глазами и ушами). Авторъ литературнаго произведенія предпочиталъ не самъ писать его, а диктовать—если имѣлъ кому диктовать³⁾,—и раньше чѣмъ выпустить его на книжный рынокъ, онъ обыкновенно прочитывалъ его въ кругу литераторовъ или цѣнителей литературы,—такъ что письменному изданію въ свѣтъ произведенія предшествовало усное его изданіе⁴⁾. Само собою разумѣется, что и вообще въ «кружкахъ» нерѣдко читались—т. е. читались и не самими авторами—литературныя произведенія⁵⁾. Но я тотъ, кто приобрѣлъ или добылъ себѣ рукопись сочиненія, если онъ не зна-

¹⁾ Ср. Plat. Phaedr. 276 A: τὸν τοῦ εἰδότης λόγον λέγεις ζῶντα καὶ ἐμφυχόν, οὗ ὁ τετραμμένος εἶδωλον ἄν τι λέγοιτο δικαίως.

²⁾ „Der Mensch eigentlich nur berufen ist, in der Gegenwart zu wirken. Schreiben ist ein Missbrauch der Sprache, stille für sich lesen ein trauriges Surrogat der Rede“ (Goethe).—„Рѣчь переданная знаками письменъ представляетъ нѣчто обманывающее (Etwas täuschendes), скрывающая полноту и энергію содержанія, къ которому относятся ея слова“ (Lazarus). Ср. Nietzsche, Jenseits v. Gut u. Böse § 246 f. *Philippi*, Die Kunst der Rede, 229 ff. Ср. также Горнфельдъ, Муки слова, *Сборн. ж. „Русск. Воѣ“*, II, 73 сл.; Батюшковъ, Въ борьбѣ со словомъ, *Журн. Мин. Н. Просв.* 1900, 2, 209 сл.

³⁾ Ср. Norden, Antike Kunstprosa, 954 ff. (гдѣ не указано самое раннее сюда относящееся свидѣтельство: Jso-r XII, 231).

⁴⁾ Rohde, Gr. Rom²., 326 ff. 379 f.; Kl. Schr., I, 265 f. II 445 f. Dziatzko, Untersuchungen, 149 ff. Ср. H. Schöne, Platons unvollendete Tetralogien, 28 ff.

⁵⁾ Такъ уже у Plat. Phaed. 97 B sq (отсюда, вѣроятно, и сообщеніе Diog. L. III 37, что Платонъ самъ читалъ въ Афинахъ своего „Федона“).—Характерно выраженіе Апокалипсиса, 1, 3: μακρὸς ὁ ἀναγινώσκων καὶ οἱ ἀκούοντες τοὺς λόγους τῆς προφητείας καὶ τηροῦντες τὰ ἐν αὐτῇ τετραμμένα.

комился съ нимъ въ чтеніи состоявшаго при его особѣ «чтеца»¹⁾, а читаль самъ,—читаль обыкновенно не про себя, а вслухъ, какъ тотъ евнухъ, хранитель сокровищъ царицы вѣіонской, о которомъ разсказывается въ Дѣяніяхъ апостольскихъ²⁾. Нерѣдко поэтому и въ тѣхъ сочиненіяхъ, какія вовсе не были рассчитаны на произнесеніе, вмѣсто термина «читатели» употреблялся терминъ «слушатели»³⁾; съ этимъ стоитъ въ связи, конечно, и то, что еллинамъ не были извѣстны наши подстрочныя примѣчанія⁴⁾, или наши «оглавленія»⁵⁾.

Итакъ, даже и въ ту пору, когда письменность очень прочно утвердилась въ обиходѣ еллинской литературы, еллины, все больше пользуясь ею, старались по-возможности игнорировать ея существованіе, урѣзывать ея значеніе. Имъ такъ и не довелось дойти до такого разрыва между мыслью и ея выраженіемъ—словомъ, рѣчью, до какого дошли мы; недаромъ то и другое понятіе, т. е. и «мысль», и «рѣчь» обозначались у нихъ однимъ терминомъ—*λόγος*⁶⁾, и такое же двойное значеніе имѣлъ у нихъ и терминъ *μῦθος*. Но, чувствуя гораздо непосредственнѣе, нежели мы, живую связь между мыслью и выра-

¹⁾ ἀναγνώστης, ὑπογραφεύς (не непременно рабъ). Ср. O. Jahn, *Hermes*, II, 420; *Rohde Gr. R.*, 520 f.

²⁾ Acta Ap. 8, 26 sqq. Lucian. adv. indoct., 2. Diog. L. VII 2. Ср. Norden, *Ant. Kunstpr.*, 6. Peter, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, I, 641.

³⁾ Οἱ ἀκούοντες, ἀκροῦμενοι, ἀκροαταί (οἱ φιληκοῦντες, Polyb. III, 57, 4); ср. λέγειν вмѣсто γράφειν (напр., Isocr. IX, 8: περί μὲν γὰρ ἄλλων... λέγειν τομῶσιν οἱ περί τῆν φιλοσοφίαν ὄντες, περί δὲ τῶν τοιοῦτων οὐδὲς πάποτε' αὐτῶν συγγράφειν ἐπεχείρησεν). Ср. примѣненіе вообще „неопредѣленныхъ выраженій“ (ὁ δημοτικῶν λόγος, ὀδυρόμενοι, κατηγοροῦντες и т. п.) въ литературной (анонимной) полемикѣ—so dass es den Anschein hat, als handle es sich um mündliche Äusserungen und zwar um solche, die man noch täglich hören kann, *Duemmler Kl. Schr.* II 428 ff.

⁴⁾ *Ritschl*, Opusc. V 240. *Keil*, Solon. Verfassung, 179 ff. *Kaibel*, Text u. Stil d. Ἀθην. Πολ. des Arist., 16 ff. Norden, *Ant. K.*, 90 f. Crusius, *Philologus*, LVIII, 479 f. (Man war noch nicht gewohnt—говорить Crusius,—das Auge für das Ohr arbeiten zu lassen, rechnete also hier ebensowenig mit der räumlichen Anordnung, wie etwa bei den ältesten Titeln).—O цитатахъ ср. Norden, 88 ff. E. Schwarz, *Hermes*, XXXV, 122 f.

⁵⁾ Т. е. заглавія главъ или параграфовъ. Съ этой точки зрѣнія характерна и исторія возникновенія заглавій сочиненій (ср. προοίμια Гераклита, Гекатея, Геродота, Фукидида). *Bergk*, *Gr. Lit.-G.*, I, 220 ff. *Wilamowitz*, Euripides Herakles, I', 123 f.—*Lohan*, *De libr. titulis ap. cl. script. Gr.* (1890).

⁶⁾ Тщательное—и не бесполезное—сопоставленіе текстовъ (или контекстовъ), въ коихъ встрѣчается слово *λόγος*, отъ Гомера до Филона, даетъ *Flipse*, *De vocis quae est λόγος significacione atque usu* (1902).

жающей ее рѣчью, они гораздо живѣе, нежели мы, должны были чувствовать и связь между значеніемъ и звуковой стороною слова, т. е. и отдѣльныхъ словъ, и составляющейся изъ нихъ рѣчи¹⁾. Недаромъ въ платоновской теоріи²⁾ происхожденія искусства (въ частности—позвіи) мысль какъ-бы поглощается словомъ, слово-же какъ-бы поглощается звукомъ, а звукъ ставится въ связь съ движеніемъ. Если все, пока молодо, поскольку оно радуется жизни, не можетъ—такъ поучалъ Платонъ—не можетъ соблюдать покой и тишину, стремится двигаться и звучать, если въ этомъ отношеніи люди отличаются отъ животныхъ только тѣмъ, что имъ присуща уже склонность къ ритму и гармоніи, то естественно, что, какъ только люди захотятъ или смогутъ уйти отъ тягостей или горестей жизни, они начинаютъ двигаться и звучать соблюдая ритмъ и гармонію³⁾. Отсюда пѣсня, или сказъ⁴⁾ и пляска, или мимическое дѣйство⁵⁾; отсюда объединяющая собою пѣсню и пляску, соединяющая въ себѣ движеніе и звукъ музыка⁶⁾. Простекая изъ общаго

¹⁾ Отъ грековъ поэтому ведетъ начало и теорія „ономатопоэтического“ образования языка, предполагающая соотвѣтствіе между значеніемъ τῶν τε ὀνομάτων καὶ ῥημάτων и составляющими ихъ φθόγγοι (στοιχεῖα) καὶ συλλαβαί (ср. особенно платоновскій діалогъ Κράτυλος). *Steinthal*, *Gesch. d. Sprachwissenschaft bei d. Gr. u. R.* I^o 99 ff. Ср. *Kretschmer*, *Einleit. in d. Gesch. d. griech. Sprache*, 1 f.—Очень характерна съ этой точки зрѣнія пародія *Aristoph. Ran.* 1349 на *Eurip. El.* 437 (ср. *Bruchmann*, *Psychol. Stud. z. Sprachgesch.*, 151 f.).—О соотношеніи между звуковой стороною и значеніемъ словъ (конечно, не изначально, не прямою и не устойчивою) ср. *Wundt*, *Völkerpsychologie* I, 1, 323 ff.; 2, 421 ff. 588 ff.

²⁾ Эта теорія не устанавливается непосредственно, а такъ-сказать читается между строкъ въ *Νόμοι* Платона (653 С sqq. и passim). О не полной отчетливости мысли, выраженной и терминовъ въ этихъ отдѣлахъ діалога ср. *Ritter*, *Platos Gesetze, Kommentar*, 15 ff. 72 ff.

³⁾ *Plat. Leg.* 653 D sqq. 664 E sq. Ср. 673 D. 816 A.

⁴⁾ Ὠδὴ—или φωνῆς κίνησις, φωνή. Ср. 655 D (τὰ ῥηθέντα ἢ μελωδηθέντα). 801 С (ῥήμασιν ἢ καὶ κατὰ μέλος). 664 А (ἐν τε φδαῖς καὶ μύθοις καὶ λόγοις).

⁵⁾ Ὀρχήσις—или σώματος κίνησις; черезъ κινεῖσθαι τῷ σώματι, т. е. σχήμασι (какъ и черезъ ἄδειν, или μέλειν) исполняются и μιμήματα τρόπων, совершается μίμησις,—одна изъ главныхъ задачъ искусства (*Leg.* 655 D sq.).

⁶⁾ Собственно музыка (μουσική въ тѣсномъ смыслѣ) разсматривается въ „Законахъ“ обыкновенно (хотя и не вполне послѣдовательно), какъ одно неразрывное цѣлое съ пѣсней (какъ μέλος),—сводясь къ φωνῆς κίνησις, φωνή, φθέγμα. Но къ τὸ κατὰ τὴν φωνήν относятся не только ἁρμονίαι, но и ῥυθμοί (*Leg.* 672 E). Характерно также сочетаніе (т. е. раздѣленіе): ῥυθμοῦ ἢ μέλους ἢ ῥήματος (656 С), ῥήμασι τε καὶ μέλεσι καὶ τοῖς ῥυθμοῖς (669 В); τὸ μέλος—читаемъ *Resp.* 398 С—ἐκ τριῶν ἐστί συγκαίμενον, λόγου τε καὶ ἁρμονίας καὶ ῥυθμοῦ. Ср. *Leg.* 673 D.—Ψιλή κιθάρασις или αὐλησις (πλην ὅσον ὑπὸ ὄρχησιν τε καὶ φθῆν *Leg.* 669 E sq.) оказывалась вообще въ положеніи γραφικῆς (или πλαστικῆς), ко-

источника, взаимно обуславливая (т. е. опредѣляя и пополняя) другъ друга, пѣсня, или сказъ, пляска, или дѣйство, и музыка лишь постепенно расходятся въ разныя стороны, лишь постепенно привыкають обходиться другъ безъ друга¹⁾.

Такова «теорія» Платона²⁾, прямолинейная, какъ всё теоріи. Изъ нея нельзя, конечно, объяснить развитіе литературы, но и безъ нея нельзя объяснить развитіе еллинской литературы. Мы видимъ, что пѣніе, или сказываніе, дѣйство, или пляска и музыка въ иныхъ случаяхъ и потомъ остаются (или оказываются) здѣсь соединенными вмѣстѣ, напр., въ дионрамбѣ, номѣ или въ драмѣ³⁾,—какъ всё

торуя Платонъ, повидимому, не зналъ, куда пристроить—къ ὄρχησις, или къ φῶδι, т. е. къ σχήματα, или къ μέλη (Leg. 656 E sq. 669 A. Cp. 672 E: τὸ δὲ γὰρ κατὰ τὴν τοῦ σώματος κίνησιν ῥυθμὸν μὲν κοινὸν τῇ τῆς φωνῆς εἶχε κινῆσαι, σχῆμα δὲ ἴδιον). Кстати: платоновская (и аристотелевская) мίμησις въ примѣненіи къ искусствамъ движенія могла бы получить нѣкоторое разъясненіе съ тѣхъ же точекъ зрѣнія (Hildebrand, Das Problem der Form in d. bild. Kunst⁴, 5 ff.), съ какихъ разъясняется (cp. Löwy, Die Naturwiedergabe in d. ält. gr. Kunst, 1900) мίμησις въ γραφικῇ и πλαστικῇ.

¹⁾ Соединеніе φῶδι (μέλος) съ ὄρχησις выражается прежде всего въ χοροί (ἀπό τῆς χαρᾶς!), въ которые боги (Музы, Аполлонъ, Діонисъ) соединяють людей—φῶδις τε καὶ ὄρχησις (Leg. 653 D sqq.; cp. 665 A: τῇ δὲ τῆς κινήσεως τάξει ῥυθμὸς ὄνομα εἶη, τῇ δ' αὖ τῆς φωνῆς ἀρμονία ὄνομα προσαγορεύοιτο, χορεία δὲ τὸ ἐναμφότερον κληθεῖται). Leg. 673 D: τὸ ἀνθρώπινον ζῶον αἰσθῆσαι λαβὸν τοῦ ῥυθμοῦ ἐγέννησεν τε ὄρχησιν καὶ ἔτεκε, τοῦ δὲ μέλους ὑπομιμήσασκεν καὶ ἐγείροντες τὸν ῥυθμὸν κοινωθέντ' ἀλλήλοις χορείαν ἐτεκέρτην (cp. 816 A: ὅπως δὲ φθειγγόμενος, εἶτ' ἐν φῶδις εἶτ' ἐν λόγοις, ἡσυχίαν οὐ πάνυ δυνατὸς τῷ σώματι παρέχεσθαι πᾶς). 669 D: διασπᾶσι οἱ ποιηταὶ ῥυθμὸν μὲν καὶ σχήματα μέλους χωρὶς, λόγους ψιλοὺς εἰς μέτρα τιθέντες, μέλος δ' αὖ καὶ ῥυθμὸν ἀνευ ρημάτων, ψιλῇ κιθάρῃσι τε καὶ αὐλῇσι προσχρῶμενοι.

²⁾ Finsler, Platon u. d. Aristotel. Poetik, 194 f., сближаетъ положенія Платона съ положеніями Бюхера (Arbeit und Rhythmus); еще ближе стоитъ теорія Платона къ теоріи акад. А. Н. Веселовскаго—о „синкретизмѣ первобытной поэзіи“, т. е. „сочетаніи ритмованныхъ, оркестическихъ движеній съ пѣсней-музыкой и элементами слова“ (Три главы изъ исторической поэтики, 1899, гдѣ, стр. 50 сл., указываются и другія теоріи,—и гдѣ съ данными другихъ литературъ постоянно сопоставляются и даннымъ греческой литературы). Cp. Bücher Arbeit u. Rhythmus⁵, 342 ff. 397 ff.; также Bruchmann, Poetik, 31 ff.; Gross, Происхожденіе искусства, 193 сл.—Объ отношеніи ученій Аристотеля къ ученіямъ Платона cp. Finsler, 195 ff.

³⁾ Arist. Poet. 1447 b: εἰσὶ δὲ τινες (τέχναι) αἱ πᾶσι χρῶνται τοῖς εἰρημένοις, λέγω δὲ οἷον ῥυθμῶ καὶ μέλει καὶ μέτρῳ (cp. 1447 a: ἐν ῥυθμῶ καὶ λόγῳ καὶ ἀρμονίᾳ), ὥσπερ ἢ τε τῶν διδουραμβικῶν ποιησὶς καὶ ἢ τῶν νόμων καὶ ἢ τε τραγωδία καὶ ἢ κωμωδία. Cp. ὑπορχήματα, κροσθία, παιάνες, ἐμβατήρια, πυρρίχαι, παρθέναια, ὑμέναιοι, ἐπιλήνια, βουκολικά и другія χορευματα, также богослуженія съ ихъ дѣйствами (δρώμενα, или μιμήματα τῶν περὶ τὸν θεόν); cp. также сообщеніе у Athen. 196 a sqq. περὶ τῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ γεγενημένης ὑπὸ Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου βασιλείας πομπῆς. О сценѣ уборки винограда на щитѣ Ахиллея (Jl. XVIII, 561 sqq.) см. Reichel, Homer. Waffen⁶, 155 f.

эти три элемента нашли себѣ мѣсто и въ представленіяхъ скомороховъ, которые, подѣ разными названіями—и между прочимъ подѣ названіемъ софистовъ¹⁾),—бродили и въ раннее, и въ позднее время по Елладѣ,—какъ бродили они и по другимъ странамъ, и по Русю,—играя въ гусли и въ гудки и во всякія игры, чиня безчинное скаканіе и плясаніе (часто—наложивъ на себя хари, или личины и платье скоморожское), распѣвая пѣсни, или сказки сказывая небылья, и загадки загадывая, а то и волхвествуя, или чародѣйствуя²⁾). Никогда, вѣроятно, представленныя вмѣстѣ пѣніе, плясаніе и гудбніе не бывали представлены равномѣрно. Два изъ этихъ трехъ элементовъ могли даже совсѣмъ заслонять или поглощать собою третій—какъ у тѣхъ поющихъ и пляшущихъ у храмовъ вищихъ, о которыхъ упоминается въ Риторикѣ Аристотеля³⁾; гораздо чаще, впрочемъ, пѣніе соединялось не съ плясаніемъ, а съ гудбніемъ⁴⁾). Или даже одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ могъ заслонить собою два остальныхъ⁵⁾). Такъ, пѣніе нерѣдко, конечно, поглощало собою и плясаніе, и играніе, переходя даже постепенно въ сказываніе⁶⁾: пѣвцы эпическихъ пѣсней (былинъ или балладъ), въ Одиссеѣ еще выступающіе съ киварой (точнѣе—съ φόρμιγγι), потомъ обращаются въ рапсодовъ-сказителей, сначала (какъ и ораторы гомеровскаго вѣча⁷⁾)

1) μιμοί, μιμητοί, μιμητοί, μιμητοί, φλόακες, δικηλισταί, ἰλαρφοί, σιμφοί, μαγφοί, λυσίμφοι, γελωτοποιοί, θαυματοποιοί, γόητες, κίναδοι, ἡθολόγοι, βιολόγοι, ἀρεταλόγοι, ἀγυρταί, πλάναι, σοφισταί и проч.; о названіи σοφισταί (Athen. 621 f; ср. χειρόσοφοι)—Tiele, N. *Jahrbh. f. d. kl. Alt.*, IX, 410. Ср. ρωμαιστῆς делосской надписи BCH. IX, 147 (Wilhelm, *Jahresh. d. österr. arch. Inst.* III, 49 f.).

2) Такъ—словами древнерусскихъ памятниковъ (ср. В. *Миллеръ*, Очерки р. нар. словесности, 22 сл.; *Лыгинъ*, Исторія р. литер. III¹, 19 сл.; *Веселовскій*, Разысканія въ области р. дух. стиха, VII, 128 сл.)—можно охарактеризовать общія черты—крайне разнообразной въ частностяхъ—дѣятельности древнегреческихъ скомороховъ. Ср. *Reich*, *Der Mimus*, I, 12 ff. 417 ff.

3) Arist. *Rhet.* 1401 b: ὁμοιον δὲ καὶ ὅτι ἐν τοῖς ἱεροῖς οἱ πτωχοὶ ἔδουσι καὶ ὀρχοῦνται.

4) Ср. μέλος, μέλη (μελοποιοί)—понятіе, въ которомъ (такъ же, какъ въ ᾠδή—φωνῆς κίνησις; „Законовъ“ Платона) сливаются алкмановскія ἐπη и μέλη (Alcm. fr. 17 V.: ἐπη τὰδε καὶ μέλος Ἀλκμάν εὐρεν).

5) Ср. Arist. *Poet.* 1447 a.

6) О соединеніи съ играніемъ не пѣнія, а сказыванія, т. е. о мелодекламациі—Xenoph. *qu. conv.* VI, 3 sq.; [Arist.] *Probl.* XIX; [Plut.] *de mus.* 28; Athen. 636 b; *Neusch. katalogē*. Ср. Варнеке, *Филол. Обзор.*, XX, 67 сл.

7) JI. XXIII 567 sqq. I 234. VII 412. X 328. Od. II 36 sqq. XVII 103.

съ железомъ въ рукѣ¹⁾, а стало-быть безъ кнеары²⁾, а потомъ даже и безъ жезла,—зато иной-разъ можетъ-быть съ φάρμακον μνήμης, съ папирусомъ, по которому речитируется, напр., Βατραχομίομαχία,—какъ это (правда не безъ комизма) указывается во вводныхъ стихахъ дошедшаго до насъ ея текста³⁾.

Но если пѣніе могло переходить иногда въ сказываніе, то сказъ существовалъ искони и рядомъ съ пѣснею⁴⁾. Иногда сказъ соединялся съ пѣснею⁵⁾; иногда одно и то же содержаніе и пѣлось, и сказывалось, служило предметомъ то пѣсни, то сказа⁶⁾. Но и внѣ всякой связи съ пѣснями, много ходило всегда у еллиновъ и сказокъ, и басней, легендъ, новеллъ, рассказовъ⁷⁾. Ихъ сказывали и странствующие разказчики-

¹⁾ Уже Hes. Theog. 30 sq. Ср. *Веселовскій*. Три главы, 151 сл.; собранныя здѣсь данныя—замѣтимъ кстати—позволяютъ дѣлать сближенія между σκήπτρον (или ράβδος, ср. fasces) пѣвцовъ, или рапсодовъ—и σκυτάλα (de scytala—ср. Leopold, *Метемосупе*, XXVIII, 365 sqq.), какъ, съ другой стороны, разъясняютъ μαντικός τινας ψήφους, или κλήρους (Pind. Pyth. IV 189 sq. Eurip. Phoen. 838. Hipp. 1057).—О пѣніи подъ аккомпаняментъ лиры отрывка изъ Ἔργα Γесиода еще во времена Плутарха—Plut. qu. conv. IX, 2.

²⁾ Ср. *Wilamowitz-Möllendorff*, *Timotheos*, Die Perser, 85.

³⁾ *Batrachom.* 2 sq.: αἰδῆς, ἣν νέον (Ludwich: νῦν) ἐν δέλτοισιν ἑμοῖς ἐπὶ γούνασι θῆκα (L.: θήσα).

⁴⁾ Плутархъ (которому—кстати—принадлежитъ замѣчаніе: μείζονας παραλλαγὰς αἱ ἡλικίας περὶ ἕκαστον ἡμῶν ποιοῦσιν ἢ κοινῇ περὶ πόλεις. γνώη γὰρ ἔν τις ἰδῶν τὰς Ἀθήνας ἔπει τριακοστῶν· καὶ τὰ νῦν ἤθη καὶ κινήματα παιδεία τε καὶ σπουδαὶ καὶ χάριτες καὶ ὄργανα τοῦ δήμου πάντο γε τοῖς παλαιοῖς εἰκόσασιν, de ser. num. vind. 15) сообщаетъ, что сказываніе сказокъ (μῦθοι λέγονται) было однимъ изъ обрядовъ афинскаго праздника τῶν Ὁμοσφορίων (Thea. 23), какъ и ὠμοσφορικά μέλη. Ср. *Mommsen*, Feste der Stadt Athen, 283 ff. *Pfuhl*, De Atheniens. pompis sacris, 49 sqq.

⁵⁾ Ср., напр., присказку (ἐπιρρημα), прибавлявшуюся къ пѣсенкѣ, какую пѣли на Родосѣ дѣти, обходя двory, требуя себѣ угощенія, когда (какъ на известной амфорѣ изъ Вулчи, *Baumeister*, Denkm., Abb. 2128) прилетитъ первая ласточка, Bergk. PLGr. III 671. Ср. Θ. Ф. Зѣлинскій, *Филол. Обзор.*, XI, 187 сл.—*E. Meyer*, *Forsch. z. ält. griech. Gesch.* II, 236 ff.

⁶⁾ *Crusius Philoogus*, LIV, 726 ff. Ср. также Pind. Nem. XI, 17 sq. (ἐν λόγοις δ' αἰσθῶν ἀγαθοῖσι μιν αἰνεῖσθαι χρεῶν καὶ μελιγούποισι δαιδαλθέντα μελιζέμεν αἰδαῖς), Pyth. I 94 и Nem. VI, 30 (αἰδοῖ καὶ λόγοις). Гомеровскому αἰδῖμος соотвѣтствуетъ геродотовское λόγιμος.

⁷⁾ Эти μῦθοι (λόγοι, ἀπόλογοι, αἶνοι, πλάσματα, διηγήματα—напр. ἐμπορικά διηγήματα, Polyb. IV, 39, 11) ждутъ еще болѣе цѣльнаго обследованія (или обследованій), особенно съ сравнительно-исторической точки зрѣнія. Ср.—кромѣ общихъ обзоровъ греческой литературы (болѣе обстоятельно—*Sittl*, G. d. gr. Litt. I, 9 ff.)—*Rohde*, Gr. Rom. 12 ff. 178 ff. 578 ff. *Wilamowitz*, Euripides Herakles I 96 ff. и Hippolytos, 35 ff. *Crusius*, *Philologus*, LIV, 710 ff.; LV, 1 ff. *E. Meyer*, *Forschungen*, II, 236 ff. *Zielinski*, Die Märchenkomödie in Athen (1885). *Ludwich*, Die homer. Batrachomachia,

специалисты, вродѣ упоминаемаго у Аристофана Филепсія¹⁾; но эти сказки и басни сказывались и дома—дѣтямъ или дѣвушкамъ матерями, кормилицами, или нянями, старухами (прототипъ дуэній),—такъ что «старушечьи сказки» вошли даже въ пословицу²⁾, какъ общимъ мѣстомъ рано сдѣлалось и замѣчаніе, что «женщины особенно содѣйствуютъ сохраненію устарѣлой рѣчи»³⁾.

Итакъ, сказъ существовалъ всегда рядомъ съ пѣсней. Однакоже не правы были поэтому и тѣ античные писатели, которые утверждали, что поэзія древнѣе прозы⁴⁾, и тѣ, которые утверждали, что проза древнѣе поэзіи⁵⁾. Художественная литература въ стихахъ и развилась, и фиксировалась у еллиновъ, конечно, раньше, нежели художественная литература въ прозѣ⁶⁾; мало того, мы ясно видимъ, какъ тѣсно отдѣль-

1 ff. 33 ff. *Клиперъ* Сказочные мотивы въ исторіи Геродота (1903). *Kretschmer*, Einl. in d.'G. d. gr. Spr. 85 ff.; также *Kleine Schriften von Rohde*, труды *Usener'a* и *Roscher'a*. О популярности сказочныхъ персонажей или мотивовъ свидѣтельствуютъ часто встрѣчающіяся у богѣе-раннихъ поэтовъ выраженія вродѣ слѣдующихъ: Τηθωνίοι χαριέστερος, Μίδεω και Κινύρωω μάλιον, Πάλοπος βασιλεύτερος, (Turt. 12. 5 sqq. В.), πλείονα Σισύφου, ὠκυτέρος Ἀρποιῶν (Theogn. 702. 715;), κρέσσων Νίνου (Phocyl. 5) или: (пер) κεφάλας μέγας λίθος и т. п. (Alcae. 93; ср. Alc. 87, Pind. J. VII, 9).

¹⁾ Aristoph. Plut. 177 (μύθος λέγει). Ср. *Rohde Gr. R.* 590 ff.

²⁾ Plat. Hipp. maj. 286 A. Lysis 205 D.—Ср. Plat. Crit. 110 A съ Paus. I, 18, 5.

³⁾ αἱ γυναῖκες μάλιστα τὴν ἀρχαίαν φωνὴν σώζουσιν, Plat. Crat. 418 C.—Эти τόποι κοινοί греческой (и римской) литературы заслуживали бы спеціальнаго обслѣдованія. Идея: καὶ γυναῖκες παιδευτέον, или: παραπληρώως παιδευτέον τὰς θυγατέρας τοῖς υἱοῖς (Платонъ, Плу-тархъ, Мусоній) нашли себѣ осуществленіе въ практикѣ нѣкоторыхъ государствъ эллинистической эпохи (Ditt³ 523, 8 sqq.: ἀποδείκνυσθαι ἐν ἀρχαίαισι γραμματοδιδασκάλους τρεῖς, οἵτινες διδάσκουσιν τοὺς παῖδας καὶ τὰς παρθένους. CIG 3185, 19. Perg. Inschr. 463, 7 sqq. Ср. Philostr. imag. I 12: κόρη καὶ παῖς ἄμφω καλῶ καὶ φοιτῶντες ταῦτ' διδασκάλῳ προσεκαύθησαν ἀλλήλοισι).—Римскія аналогіи—у *Friedländer*, Darstell. a. d. Sitteng. Roms, I⁵, 468 ff.

⁴⁾ Это—оправдвшееся на знакомую намъ теорію Платона (Leg. 653 C sqq.; ср. Arist. Poet. 1448 b, Rhet. 1404 a)—ученіе перипатетиковъ представлено намъ Цицерономъ, de orat. III 184 sq. (Теофрастъ? ср. *Bernays*, Theophrast, 46), Страбономъ, 18 (Дикзархъ, чрезъ посредство Гишпарха? ср. *Norden*, Ant. K., 33 f.), Плутархомъ, de Pyth. or. 24 (Дикзархъ? ср. *Hirzel*, Der. Dialog, II, 205 ff.; ср. также *Schleierm.*, De fontibus Plut. comment. de aud. poetis et de fort. 1903), Исидоромъ, Orig. I 38 (Варронъ). Ср. Tac., Dial. 12.—*Kaibel*, Die Prolegom. περί κωμωδίας, 21 f., думалъ о зависимости Страбона отъ Посейдонія; но по Посейдонію (περί λέξεως)—ποίημά ἐστι λέξις ἴμμετρος ἢ ἔντρομος μετὰ κατασκευῆς τὸ λογοειδὲς ἐκβεβηκυῖα (Diog. L. VII, 60).

⁵⁾ Aristid. VIII p. 49 J. Cicero. Orator 185 sqq. Quintil. XII, 10, 40 sqq.

⁶⁾ Древнѣйшимъ богѣе-непосредственно доступнымъ намъ памятникомъ греческой прозы—кромѣ, конечно, надписей—являются, кажется, отрывки (особенно палирусные) изъ Πεντέμυχοςъ Ферекида, можетъ-быть 2-ой полов. VI ст. (ср. *Diels*, Sitzb. d. preuss. Akad. 1897, 144 ff. *Wel*, Et. s. l'antiquité, 122 ss.); Ферекидъ и у древнихъ ученыхъ

ные виды прозаической, т. е. лишенной метра литературы примыкают къ отдѣльнымъ видамъ поэтической, т. е. метрической литературы¹⁾. Но изъ того, что метрическая литература въ художественномъ развитіи своемъ опередила литературу не-метрическую, еще не слѣдуетъ, что поэзія начала развиваться, или появилась раньше, нежели проза. Оспаривавшіе хронологическій приоритетъ поэзіи ссылались на то общее соображеніе, что болѣе близкая къ разговорному языку проза должна была появиться — начать развиваться — раньше, нежели поэзія²⁾ — только фиксироваться въ своемъ развитіи ей пришлось позже поэзіи; и этому соображенію нельзя отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности. Но именно въ примѣненіи къ еллинской литературѣ вопросъ объ отношеніи между поэзіей и прозой гораздо сложнѣе, чѣмъ это казалось и кажется древнимъ и новымъ ученымъ. Если, по совѣту Аристотеля³⁾,

(обыкновенно впрочемъ наряду съ мнѣніемъ Кадмомъ милетскимъ) считался „основателемъ прозы“, „первымъ у грековъ писавшимъ *soluta oratione* (λύσας τὸ μέτρον).“ — Стиль отрывковъ Ферекида, какъ и другихъ отрывковъ догеродотовской прозы (не исключая и „афоризмовъ“ Гераклита), дѣлаетъ то впечатлѣніе, что предъ нами здѣсь *ὑπομνήματα* (т. е. конспекты) — и именно на почвѣ не достаточнаго еще приуроченія къ письменности (тогда какъ „изъ пѣсни слова не выкинешь“, отчего и изготовляются потомъ — начиная съ τέχνη Евена, *Norden* 73, — *versus memoriales*; ср. *Plat. Phaedr.* 267 A: ἐν μέτρῳ λέγειν μνήμης χάριν).

¹⁾ Къ эпосу былевому и бытовому (*sit venia verbo!*) — логографія, т. е. историографія, съ географіей и этнографіей (ср. *Thuc.* I 21; *Clem. Al. Str.* VI, 267: τὰ Ἡερόδοτου μετρήλασαν εἰς πεζὸν λόγον καὶ ὡς ἴδια ἐξηγεῖσθαι Εὐμηλὸς τε καὶ Ἀχιλλεὺς); къ эпосу космогоническому, или теогоническому — *Πεντάμυχος*; къ эпосу дидактическому и вообще къ дидактической или гномической поэзіи (*Ἔργα; γνῶμαι*, или *ὑποθήκαι*; Фокидидъ, Солонъ, Теогиридъ; Ксенофанъ, Парменидъ) — философскіе трактаты въ прозѣ (Гераклитъ, Демокритъ), также *παραινέσεις* (Исократъ *πρὸς Νικοκλῆα*, гдѣ, § 43, упоминаются и *ὑποθήκαι*; Гесиода, Теогирида, Фокилида); къ политическимъ стихотвореніямъ (Солонъ, Теогиридъ, также Архилохъ и др.) — *πολιτικά συγγράμματα*; къ *ἐγκώμιον ἐπικόν* — *ἐγκώμιον καταλογάδην* (ср. *Isocr. Euag.* 8 sqq.); къ *ῥήνος* — *λόγος ἐπιτάφιος*; къ драмѣ (ср. *Reich, Mimus* I, 354 ff.) — диалогъ. О сходствѣ въ построеніи (т. е. въ раздѣленіи на *μέρη*, съ ихъ обозначеніемъ) между *διεπράμβω* и торжественною рѣчью — см. *Immisch, Rhein. Mus.*, XLVIII, 520 ff. — Ср. *Norden*, 78. *Wilamowitz, Herakles*, I¹ 101 f.

²⁾ *Aristid.* I. c.: κατὰ φύσιν γε μᾶλλον ἐστὶν ἀνθρώπων περὶ λόγῳ χρῆσθαι, ὥσπερ γε καὶ βασιλεῖσι οἶμαι μᾶλλον ἢ ὀχρούμενον φέρεσθαι (ср. *Strab.* 18). Ср. также и теорію Лукреція, V, 1450 sqq, гдѣ *carmina*, вѣдѣствъ съ другими *deliciae vitae* (*picturae, daedala signa*) являются постепеннымъ результатомъ *usus et experientiae mentis pedetemptim progredientis* (къ этой теоріи примыкала, конечно, и теорія Діогена эноандской надписи, *BSH XXI*, 346 ss., — какъ можно думать по тому, что излагается здѣсь τῶν φθόγγων ἐνεκεν).

³⁾ *Arist. Poet.* 1447 b: πλὴν οἱ ἄνθρωποι γε συνάπτοντες τῷ μέτρῳ τὸ ποιεῖν... ποιητὰς κοινῇ κατὰ τὸ μέτρον проσαγορεύοντες. καὶ γὰρ ἂν ἰατρικὸν ἢ φυσικὸν τι διὰ τῶν μέτρων ἐκφέρω-

не придавать рѣшающаго значенія наличности или отсутствію метра,— то именно въ еллинской литературѣ неизмѣримо больше, нежели въ какой другой, сглаживалось вообще различіе между «поэзіей» и «прозой», различіе и между содержаніемъ, и между стилемъ поэзіи и прозы¹⁾. Постепенно, конечно,—отчасти на почвѣ развитія точности мышленія, отчасти на почвѣ развитія (т. е. распространенія) письменности²⁾, отчасти

iv, οὕτω κλεῖν εἰώθητιν, οὐδὲν δὲ κοινόν ἐστιν Ὀμήρῳ καὶ Ἐμπεδοκλεῖ πλὴν τὸ μέτρον διὸ τὸν μὲν ποιητὴν δίκαιον κλεῖν, τὸν δὲ φυσιολόγον μᾶλλον ἢ ποιητὴν (ср. Plat. Phaedr. 258 D: ἐν μέτρῳ ὡς ποιητῆς ἢ ἄνευ μέτρου ὡς ἰδιώτης). Это предостереженіе Аристотеля—не противопоставлять поэзію прозѣ на основаніи лишь такого внѣшняго признака, какъ наличность или отсутствіе метра,—мы должны распространить—не на одно содержаніе, но и на стиль литературныхъ произведеній: метрическое произведеніе можетъ быть прозаическимъ какъ по своему содержанію, такъ и по своему стилю (ср. напр., стихи софиста Евена, *Wilamowitz*, *Aristoteles* u. *Athen*, II, 404), и, наоборотъ, произведеніе не-метрическое можетъ быть и по содержанію, и по стилю—употребляя тургеневское выраженіе—„стихотвореніемъ въ прозѣ“.

¹⁾ Едва-ли не къ одному лишь отсутствію метра сводится все различіе между стилемъ собственной, метрической поэзіи и стилемъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ еллинскихъ молитвословіи и возглашеній—вродѣ, напр., аѳинской молитвы о нисносланіи дождя на нивы (*M. Antonin. comm.* V, 7), или возглашеній сопровождавшихъ культовые дѣйства (напр., елевсинскія мистеріи, см. *Foucart*, *Les grands mystères d'Eleusis*, 109 ss.), или заклятій (ср. *μη γῆ βατή, μη θαλάττα κλωτή*, *Ditt.*² 890 sq.); таковы же были и стиль нѣкоторыхъ посвячительныхъ или надгробныхъ надписей VI—V в. (иные изъ нихъ соединяли даже въ себѣ и ἔμμετρον, и ἄμμετρον). Ср. *Usener*, *Altgriechischer Versbau*, 42 ff. *Norden*, *Ant. K.*, 30 f. 45 f. (ср. 156 ff.) 626 f. 816 ff. Новѣйшія разъясненія греческой ритмики (не выходящія, конечно, изъ области очень нуждающихся въ провѣркѣ гипотезъ) все больше въ общемъ ведутъ, кажется, къ сближенію между *ῥυθμοί* стиховъ и художественной прозы и къ установленію связи между ритмами и метрами (ср. *Blass*, *Die Rhythmen d. att. Kunstprosa*, 1901; *Drerup*, *N. Jahrb. S.-B.* XXVII, 233 ff., также *Weil*, *Études de littérature et de rythmique grecques*, 1902).

²⁾ Утвержденіе и распространеніе письменности ведетъ къ тому, что ею начинаютъ пользоваться не для однихъ *ὀπρνήματα* (т. е. краткихъ, сокращенныхъ записей для памяти или на память) и не для фиксированія только изустно исполняемыхъ или предназначенныхъ для изустнаго (въ томъ числѣ и сценическаго) исполненія *ᾄσματα*, *ἔπη*, *λόγοι* (о записываніи произнесенныхъ рѣчей или лекцій ср. *Rohde*, *Gr. R.*² 343 f. KI, *Schr.* II, 445 f. 450 f. *Arnim*, *Dio v. Prusa*, 171 ff.), но и специально для *συγγράμματα* (πρὸς ἔκδοσιν); см. Plat. Phaedr. 257 D sqq. Какъ ни сближались у грековъ (ср. выше, стр. 14 сл.) эти три категоріи произведеній письменной литературы, но на этой почвѣ постепенно складывалась и та *λέξις γραφικὴ* (ἐστὶ δὲ λέξις γραφικὴ ἢ ἀκριβεστάτη!), о которой—правда, очень не отчетливо—говорится въ 12 гл. III кн. аристотелевой Риторики (эта Риторика сама представляетъ собою—*ὀπρνήμα*, конспективную запись лекцій Аристотеля—ср. *Marx*, *Ber. d. Sächs. Ges. d. Wiss.*, LII, 241 ff.,—если не конспективныя извлеченія изъ его *συγγράμματος*, какъ полагаетъ *Roemer*, *Aristotelis ars rhetorica*², грааф., р. XL sqq.). Ср. знаменитое *κτῆμα ἐς αἰὶ μᾶλλον ἢ ἀγώνισμα ἐς τὸ*

на почвѣ развитія (т. е. осложненія) метрики—прозаическая, или неметрическая рѣчь все больше расходится съ поэтической, или метрической; но дѣло никогда не доходитъ до полного разрыва: художественная проза всегда заимствуется отъ поэзій¹⁾, и если иные литературные критики и издають—довольно суровые—законы противъ этого присвоенія чужой собственности²⁾, то эти законы далеко не всѣми признаются даже въ теоріи, а тѣмъ болѣе на практикѣ; но зато и поэзія начинаетъ потомъ заимствоваться отъ риторической прозы³⁾. Итакъ, въ сущности всегда близки были между собою и пѣснь, или стихотвореніе, и литературное произведеніе въ прозѣ. А близки между собою они были не потому, что проза развилась изъ поэзій, или поэзія изъ прозы, а потому, что поэзія и проза развивались у еллиновъ рува-объ-руку, черпая оживлявшую ихъ влагу изъ одного источника—изъ источника Музы⁴⁾,

παράχρημα ἀκούειν Θουкидида I 22 (ср. контекстъ и II 41, 4; кстати: и у Аристотеля I. с. λέξις γραφική противопоставляется λέξις ἀγωνιστική, и у Θουкидида, I 22, 2, выставляется ἀκρίβεια).—Очень характерна рѣчь ратора IV в. Алкидаманта περί τῶν τοῦς γραπτῶς λόγους γραφόντων (см. особенно §§ 10. 16 sq. 27 sq. 34), считавшаяся, кажется, и съ „Федромъ“ Платона (во всякомъ случаѣ съ заключающимися въ немъ мыслями).—Опредѣленіе понятія ὑπόμνημα см. у Lucian. de hist. conscr. 16. 48.—Въ гортинскихъ (Mich. 1333, IX, 32. XI, 16. 53; 1184), галикарнасской (Ditt.² 10) и іасосской (Ditt.¹. 96) надписяхъ, какъ и у Аристотеля, Polit. 1321 b, сохраняется названіе μνημῶν для ἀρχή, προς ἣν ἀναγράφεσθαι δεῖ τὰ ἴδια συμβόλαια (въ широкомъ смыслѣ этого понятія), въ которой видятъ (ср. *Mitteis*, *Reichsrecht u. Volksrecht*. d. r. K., 171 f.) зародышъ нотариата.

¹⁾ Norden, A. K., 16 ff. 30 ff. 73 ff. 91 ff. 145 ff. 429 ff. 813 ff. Wilamowitz *Hermes*, XXXV, 38 ff. Blass, *Die Rhythmen d. att. Kunstpr.*, 1 ff. 26 ff. Navarre, *Essai sur la Rhétorique gr.*, 92 ss. Ф. Ф. Зѣлинскій *Вѣсти. Евр.*, 1898, VI, 68 сл.—Arist. *Rhet.* 1404 a: ἤρξαντο κινῆσαι τὸ πρῶτον, ὡς περ πέφυκεν, οἱ ποιηταί. ἐπεὶ δ'οἱ ποιηταί λεγοντες εὐρήθη διὰ τὴν λέξιν ἐδόκειον ποιεῖσθαι τὴν δοξάν, διὰ τοῦτο ποιητικὴ πρώτη ἐγένετο λέξις, οἷον ἢ Γοργίου. καὶ νῦν ἐστὶ οἱ πολλοὶ τῶν ἀπαιδευτῶν τοὺς τοιοῦτους οἰοῦνται διαλέγεσθαι κάλλιστα. Ср. Dionys. de imit. p. 31 Us.: Γοργίας τὴν ποιητικὴν ἐρμηνείαν μετένεγκεν εἰς λόγους πολιτικούς οὐκ ἀξίων ὁμοίον τὸν ῥήτορα τοῖς ἰδιώταις εἶναι.

²⁾ Иократъ, Аристотель. Ср. Norden, A. K., 52 ff. 171 ff. Blass, *Rhythmen*, 9 ff.

³⁾ Norden, A. K., 75 ff. 832 ff. 883 ff. Rohde, *Gr. R.*². 357 ff.—О „тѣснѣйшей связи съ риторикой всей болѣе поздней эпидейктической эпиграмматической поэзій“—*Reitzenstein*, *Epigramm und Skolion*, 115 ff.—Ср. также *Klebs*, *Die Erzählung v. Apollonius a. Tygus*, 295 ff.

⁴⁾ Ἴππου κρήνη, Ἴπποκρήνη, Ἀγανίπη, Παγασίς κρήνα, Πηγαίσις πηγή, κρήνη Ἐλικωνίς, Καταλία (ср. Περμησός, Ὀλμειός и пр.).—Μοῦσαι (Μοῖσαι) связываются съ источниками, съ κρήναι и особенно съ τῶν ποταμίων ὑδάτων πηγαί (оттого онѣ и ὄρεστιάδες,—живуть ἐν ἀπέσσι, или въ ἀντρα)—потому, что онѣ представляютъ собою лишь одну изъ столь многочисленныхъ разновидностей мнeологическаго понятія νόμφαι (ср. μουσολήπτος—νομφόληπτος, μουσηγέτης—νομφηγέτης). Νόμφαι—и богини, и стоять на грани между

покровительницъ музыкаческаго искусства, τῆς μουσικῆς (музикѣи, какъ у насъ передавали въ старину это слово), т. е. искусства, соединявшаго въ себѣ и пѣніе (со сказываніемъ), и плясаніе (съ дѣйствомъ), и игра-

богинями и смертными; онѣ и дѣвы, и стоятъ на грани между дѣвами и женами (какъ первоначально весталки, ср. Dragendorff, *Rhein. Mus.*, LI, 281 ff); иныя изъ нихъ оказываются матерями (отъ бога—моря, ср. Od. I 71 sqq., или рѣки или супругами основателей „автохтоннаго“ племени, рода или города (нерѣдко при этомъ матерями близнецовъ; ср. Τυρῷ въ Одиссеѣ, XI, 235 sqq., и у Софокла; другіе примѣры у Usener, *Rh. Mus.* I. III, 340 ff.; но сюда-же относятся и Ἐλικῶν и Κιθαρῶν, а также Ромуль и Ремъ); онѣ же—пустыни (τροφοί; ср. II. VI, 132: μαινομένοιο Διονύσιοι τιθῆναι, въ Νουσίον, т. е. въ странѣ нимфъ, ибо νόμφοι=νύσαι; CIA III 351: Νύσαι τροφῷ Παρθού; или вдохновительницы (какъ Egeria) мнѣческихъ Kulturträger'овъ, особенно представителей музыки, пѣнія, вообще χορείας (тогда какъ inter arma онѣ silent, такъ же, какъ и Παρθῷ); на этой почвѣ и вырисовываются (уже у Гомера и Гесиода) Μοῦσαι (въ единственномъ и во множественныхъ числахъ); ихъ имя уже Пиндаръ (fr. 118 B.: μαντεύσο, Μοῖσα, προφάτευσω δ' ἔγω) обличалъ съ μαντεύειν (т. е. μαν).—Источники (ср. καλλιπάρθενοι ποταί, Eur. Hel. 1) Нимфъ (Ναϊάδες, Νηρηίδες, Ὠκεανίδες и пр.), или Музъ, текущіе иногда не живой водой, а „млекою и медомъ“ (ср. нектаръ или амбросія), или такой влагой, какъ влага источника (Κασσοίς), изъ котораго вдохновлялась (μανία, μάντις) Πιοῖα,—и своимъ теченіемъ, и свойствами своей влаги казались близкими къ дыханіямъ, дуновеніямъ вѣтровъ (πνοαί—ζφογόνοι, ψυχοτρόφοι, или θύελλαι), которыя въ свою очередь сближались съ душами, съ ψυχαί (ср. Σεμναί, Εὐμενίδες, Ἐρινύες, Ἄρπυιαί Μοῖραι, Χάρитες и т. д.; ср. также Δαναίδες). Представленіе-же и объ источникахъ, и о вѣтрахъ ассоциировалось (какъ и въ русскихъ сказкахъ) съ представленіемъ о коняхъ или колесницахъ (tertium comparationis было, вѣроятно, движеніе, т. е. его быстрота и ритмичность), при чемъ движеніе коней или колесницъ мыслилось или совершающимся въ небесахъ, или направляющимся къ небесамъ (отсюда—крылатые кони, вѣроятно восточнаго—и такъ-сказать археологическаго—происхожденія; ср. и Ἴκαρος). Соединеніе этихъ представлений можно видѣть въ такихъ образахъ, какъ Ποσειδῶν Ἴππιος (ср. Ἀπόλλων δελφίνιος или Διόνυσος πελάγιος; они и μουσηγάται, или νομφηγάται), Τρίτων (Τριτοπατρεῖς, Ditt.² 443), Διὸς κόροι (λευκῷ πῶλῳ Διός, какъ звались эти σωτήρες ἀνθρώπων, ἵππων, νηῶν въ Еврипидовой Антиопѣ; ср. λευκόπῳλοι и Λευκίπιδες), Πήγασος (Ἀρίων, Βορέας), Ἴππόχαμπος, кони Ахиллея (ср. Ἀχελώϊος, Usener, Götternamen, 12 ff.), τῷ ἅμα πνοῆσι πετέσθην, τοὺς ἔταξε Ζεφύρῳ ἀνέμῳ ἄρπυια Ποδάρρη βοσκομένη λειμῶν, παρὰ ῥόον Ὠκεανοῖο (II. I6, 148 sqq.; одинъ изъ этихъ коней обладалъ даромъ слова и даже предсказанія, II. 19, 392 sqq., ср. 17, 426 sqq.; ср. Herod. III. 84. Tac. Germ. 10. Odyss. 19, 548 sqq.).—Платонъ, Crit. 116 D, помѣщаетъ въ храмѣ Посейдона ἀγάλματα: τὸν μὲν θεὸν ἐφ' ἄρματος ἐστῶτα ἐξ ὑποπτεῶν ἵππων ἠγίοχον, Νηρηῖδας δὲ ἐπὶ δελφίνων ἑκατὸν κύκλῳ; Павсаний рассказываетъ о ξάνον Деметры, стоявшемъ нѣкогда въ ея ἄντρον бл. Фигалии: καθέζεσθαι μὲν ἐπὶ πέτρῳ, γυναῖκα δὲ εἰκέναι τᾶλλα πλὴν κεφαλὴν κεφαλὴν δὲ καὶ κόμην εἶχεν ἵππου· δελφίς δὲ ἐπὶ τῆς χειρὸς ἦν αὐτῇ, περιστέρα δὲ ἡ ὄρνις (ср. Πελειάδες) ἐπὶ τῇ ἑτέρῳ (Paus. VIII 42, 4; ср. 25, 5 и вообще Ἀρχαῖκῃ Павсавія). Ср. изображенія Діониса съ его carrus navalis и съ его силенами (или сатирами)—τὸ ἐπὶ τὰ οὐραῖα ἵπποι (Usener, Die Sintflutsagen, 115 ff. *Bethe*, Proleg. z. G. d. Theaters im Alt., 50 ff. 339 ff. *Poppelreuter*, De comoediae att. primordiis, 10 sqq.); это были, вѣстѣ, и изображенія дѣйствъ въ честь Діониса (ἵπποι у Юбакховъ, Ditt.² 737, также

не, т. е. то, что обыкновенно зовется музыкой¹⁾. Теперь опять даютъ

Buresch, *Aus Lydien*, 56; ср. *κῶλοι*—название лакопскихъ жриць Деметры. *Wide Lak. Kulte*, 331), отразившихся и въ комедіи (ср. *Ἴπκεις* Аристофана, 595 sqq.; тамъ же 551 sqq., обращение хора: *Ἴππῆ ἀναξ Πόσειδόν, ᾧ ἱππῶν κτόπος ἀνδάνει καὶ θαλα τρίτρεϊς*). Ср. также *ἵππος βροτόπιος* (*Roscher, Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss.*, 1891, 96 ff.). Корабли въ Одиссеѣ, (13. 81 sqq. 4, 708; ср. *Regm.* 16: *vágmatar*) мыслятся какъ *ἄλως ἱπποι* (изъ этого поэтическаго образа v. *Leeuwen* выводитъ и разсказъ de equo Troiano, *Mnetos*. XXIХ. 121 sqq.).—Нимфами были и *Ἀμαζόνες*; (царица ихъ звалась *Ἴππώ*, какъ звалась одна изъ двухъ *Λευκοκρίδες*: *Ἴππώ* и *Μολπία*). Ср. *Rosch. Myth. L.*, I 2662 ff. II 3233 ff. III 499 ff. 1725 ff. *Gruppe*, *Gr. Mythol.*, 824 ff. 838 ff. 1073 ff. 1141 ff.—Съ точки зрѣнія указанныхъ мифическихъ представленій уясняется и тотъ образъ, какимъ начиналось *περὶ φύσεως* Парменида: *τῆ γάρ (sc. ὀφ δαίμονος) με πολὺφραστοὶ φέρον ἱπποὶ ἄσμα τιταίνουσαι, κοῦραι δ' ὀδὼν ἡγεμόνουον* (ср. *Diels, Parmenides Lehrgedicht*, S. 5 ff.); этотъ образъ удержался и въ обозначеніи не-метриче кой рѣчи какъ *λόγος πεζός* (т. е. *ὁ ἀπὸ ὕψους τινὸς καταβὰς καὶ ὀχρήματος*); поэтиче и представители художественной прозы (ораторы) претендовали на *ἤθεα καὶ νόμον ἱππῶν* (или *ἱππέων*). Ср. сопоставленія *Norden'a*, *N. Jahrb.*, S.-B. XVIII, 274 f. *Ant. Kunstpr.* 32 ff. (ср. *Longin. pr. in Neph. ench.* p. 84, 11 W.: *ἱππῶν πορεία ῥυθμὸς ἐνομισθη*).—*Theogn.* 247 sqq.: *Κόρυς, καθ' Ἑλλάδα γῆν στρωφόμενος ἤδ' ἀνά νήσους, ἰχθυόεντα περὼν πόντον ἐπ' ἀτρέγετον, οὐχ ἱππῶν νότοιον ἐφήμενος· ἀλλὰ σε πέμψει ἀγλαὰ Μουσῶων δῶρα ἰοστεφάνων*.

¹⁾ На представленіе о такой мусицкй тѣчкй опирается и знакомая намъ теорія Платона (*Νόμοι*); и любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ старался Платонъ устранить тѣ затрудненія, какія ему ставило двойное (широкое и узкое) значеніе слова *μουσική*, и какія ставила ему его дихотомія—*φωνῆς κίνησις* (ψῳδή) и *σώματος κίνησις* (ὄρχησις), потому что *σώματος κίνησις*, относясь къ *γυμναστική*, затрагивала собою и *μουσική*,— какъ въ *χορεία*, которую Платонъ иногда даже отождествляетъ съ *μουσική* (какъ отождествляетъ онъ съ нею иногда и *παίδεια*, которая въ свою очередь сближается у него съ *κλιδιά*). Ср. *Ritter, Platos Gesetze, Kommentar*, 15 ff. 83 ff.—Музы, сначала *χορίτιδες*, не только поющія, и играющія, но и пляшущія (ср. *Hes. Theog.* 4 sqq. 60 sqq.) разсматриваются потомъ какъ *ἡδυμελεῖς*, *εὐλογοὶ*, *φίλαυλοι*, *μελίφθογοι*, *ἱστορες ψῳδῆς*, *ἡδυκταῖαι*, *ἀδολόγοι*, *λογικαί*,—*πάσης παιδείης ἀρετὴν γεννώσαι ἀμεμπτον, θρέπτειραι ψυχῆς, διανοίης ὀρθόδοτεραι, νόου εὐδυνάτοιо καθηγῆτεραι* (*Orph. h.* 76, 4 sqq.). Ср. *Bruchmann, Epitheta deorum*, 174 sqq.—*Theogn.* 791: *τερποίμην φόρμιγγι καὶ ὄρχηθμῳ καὶ ἀοιδῇ*.—*Πρωτεύροθμος* Юбакховъ (*Ditt.*³ 737, 125) сближается у *Mommsen, Feste d. St. Athen*, 257, съ *Εὐμολπος* (*Εὐμολπίδα*; ср. также *σύμολποι*, *Ath. M.*, XXII, 93; *Εὐνεῖδαι*—*γένος ὄρχηστῶν καὶ χιθαρῶν* по *Hesych.*; *CIA* III. 274: *ἱερεὺς Μελοπόμενου Διονύσου ἐξ Εὐνειδῶν*); *Maass, Orphens*, 62, видитъ въ немъ Орфея (*erster Dichter, Musiker und Tänzer*); бытъ-можетъ первая часть имени *Πρωτεύροθμος* объясняется такъ, какъ *Schulze, Quaest. epicae*, 22, объясняетъ имя *Πρωτεύς* (въ связи съ *πέπρωται*; ср. однако *Wilamowitz, Timoth.*, 45; *Πρωτιάδαι, γένος ἐν Μασσαλίῃ*, Аристотель у *Athen.* 576 b; *Plut. Sol.* 2); не невозможно даже, что *Πρωτεύροθμος* имѣлъ какое-либо отношеніе къ *Πρωτῷ* и ему подобнымъ (*Νηреὺς*, *Γλαῦκος* и пр.) *ἄλλοι γέροντες* (ср. *παλαιὸς γέρον* тирскаго *θιασος* *Διονύσου*, *Ziebarth Gr. Vereinsw.*, 54), славившимся и какъ вѣщатели, или что, рано или поздно, онъ вовлеченъ былъ въ кругъ такихъ представленій, какъ *Ἀρχάνθρωπος* (кабировъ), *Πρωτογένης* (орфиковъ) и т. п. (ср. *Hippol. Ref. haer.* V, 7,—эта ритмическая проза попала и въ число *fragmenta melica adespota* у *Bergk*, 84, и *Hiller-Crusius*, 33). Во

вѣру¹⁾) извѣстному разсказу о томъ, что Гай Гракхъ, произнося рѣчь предъ народомъ, имѣлъ позади себя искуснаго въ музыкѣ раба, который, подыгрывая на дудкѣ изъ слоновой кости, по мѣрѣ надобности то ускорялъ, то замедлялъ темпъ, то понижалъ, то повышалъ тонъ рѣчи страстнаго, увлекавшагося оратора²⁾; если это такъ³⁾, то въ этомъ даваніи тона оратору мы въ правѣ видѣть какъ-бы отзвукъ той музыки, которая сопровождала пѣніе стихотвореній⁴⁾. Въ поздней греческой литературѣ мы недаромъ такъ часто встрѣчаемъ сравненіе рѣчи, произнесенной ораторомъ, и съ пѣснью, и съ музыкой⁵⁾: говорится о «пѣніи» прозы⁶⁾,— говорится, напримѣръ, что Геродотъ «пѣлъ» свою исторію на Олимпійскихъ играхъ⁷⁾: разсказываютъ о томъ, съ какимъ наслажденіемъ слу-

всякомъ случаѣ очень характерно это имя, стоящее въ δόγματα Иобакховъ рядомъ съ именами (божественныхъ четъ?) Διόνυσος Κόρη, Παλαίμων 'Αφροδείτη (Палаіμων—морской богъ, νεῶν φύλαξ, ср. *Rosch. M. L.* III, 1255 ff.; 'Αφροδείτη здѣсь можетъ-быть—'Αλία, или Λευκοθέα).—Ср. *Εὔροθος*: CIG 2426.

¹⁾ *Büttner*, Porcius Licinus, 80 ff. *Norden*, Ant. Kunstpr., 57.

²⁾ Cicero de orat. III 225. Val. M. VIII, 10, 1. Quint. I 10, 27. Gell. I, 11, 10.

³⁾ Моя ἀναίσθησία βαρβαρόφωνος все еще заставляетъ меня сомнѣваться въ вѣрности этого разсказа. Возможно, конечно, что многіе ораторы пользовались и τόναρια, и даже услугами φωνασκοῦ (т. е. „ставившаго голосъ“),—какъ и актеры, съ которыми они нерѣдко сравнивались (ср. Arist., Rhet. III, 1403 b sqq.),—но лишь тогда, когда они готовились къ ораторской дѣятельности,—чтобы говорить ἡσκημένη τῇ φωνῇ. Характерны разсказы о такой ἄσκησις (πλάττειν τὴν ὑπόκρισιν καὶ διαπονεῖν τὴν φωνήν) Демосеена (ср. *Plut. Dem.* 6. 7. 11. Vit. X or. 844 d sq.).

⁴⁾ Ср. Arist. Rhet. III, 1403 b: δῆλον ὅτι καὶ περὶ τὴν ῥητορικὴν ἐστὶ τὸ τοιοῦτον ὡσπερ καὶ περὶ τὴν ποιητικὴν (ὁ περ' ἕτεροὶ τινες ἐπραγματεύθησαν καὶ Γλαύκων ὁ Τήριος). ἐστὶν δὲ αὐτῇ μὲν ἐν τῇ φωνῇ, πῶς αὐτῇ δεῖ χρῆσθαι πρὸς ἕκαστον πάθος, οἷον πότε μεγάλη καὶ πότε μικρὰ καὶ μέση, καὶ πῶς τοῖς τόνοις, οἷον ὀξεῖα καὶ βαρεῖα καὶ μέση, καὶ ῥυθμοῖς τίσι πρὸς ἕκαστα.—*Dionys. de comp. v.* 11: μουσικὴ τις ἦν καὶ ἡ τῶν πολιτικῶν λόγων ἐπιστήμη τῷ ποσῷ διαλλάττουσα τῆς ἐν ᾧδαῖς καὶ ὄργανοις, οὐχὶ τῷ ποιῶν· καὶ γὰρ ἐν ταύτῃ καὶ μέλος ἔχουσιν αἱ λέξεις καὶ ῥυθμὸν καὶ μεταβολὴν καὶ πρέπον. Ср. *Long. rhet.* I p. 305 Sp. *Quintil.* I, 10. *Aristox. harm.* I, 9.

⁵⁾ Πάντες δὲ ἄδουσι καὶ ῥήτορες καὶ σοφισταὶ καὶ πάντα περαίνεται δι' ᾠδῆς (*Dio Chrys.* 32, 10). Ῥυθμοὺς τε ποικιλωτέρους αὐλοῦ καὶ λύρας ἐσηγάγετο ἐς τὸν λόγον (*Philostr. v. s.* II, 5, 3). Πάντα σοὶ ἀδέσθω καὶ μέλος γενέσθω... καὶ τοῦδε μελέτω σοὶ τὸν χορὸν ἔχειν οἰκτεῖον καὶ συνάδοντα (*Lucian. pseudol.* 21). Εὐφωνίαν (ἣν εἶχεν) αἰσχύνων καμπαῖς ἀσμάτων, αἷς κἄν ὑπερχήσαιτό τις τῶν ἀσελγεστέρων (*Phil. v. s.* II 28).—Ср. *Norden*, A. K. 55 ff. 375 ff. *Rohde*, Gr. R.² 336 f.

⁶⁾ Напр., часто у Элиана и Филострата (*Radermacher, N. Jahrb.* CLIII, 116 f.).—Ср. также *Babr. pr.* 2, 16: τῆνδε βίβλον αἰείδω.—Ср. *Strab.* 18.

⁷⁾ *Lucian. Herod.* 1, 2 (тогда будто-бы и 9 книгъ его исторіи названы были именами Музъ). Ср. также *JG Ins.* I 145, гдѣ v. 3 sq. *Hiller* читаетъ: [ἁῖδων θ'] 'Η]ροδότου γλόχιον σ[ύ], μάκαρ, Πανούσιον [νικαῖς] (v. 2: [Μουσ]ῶν πτόρθος, v. 5: διὰ μολπᾶς).—'Ηρόδοτος ἄδει (ὑπὲρ τῆς τῶν ἔχων ᾠδῆος) и у Элиана, an. p. XV 16.

пали въ Римѣ одного оратора, говорившаго по-гречески, даже не знавшіе по-гречески, т. е. не понимавшіе его рѣчи, но упивавшіеся музыкою его голоса, какъ пѣніемъ сладкоголосаго соловья¹⁾. Но и дѣйство, вмѣстѣ съ музыкой сопровождавшее нерѣдко пѣсню, не было забыто— даже и поздними—еллинскими ораторами: «чей голосъ звучитъ, въ пѣсняхъ-ли или въ рѣчахъ,—говоритъ Платонъ,—тотъ не можетъ сохранять въ покойномъ состояніи свое тѣло; что говорится, всегда, такъ или иначе, мимируется²⁾; и мы знаемъ, до какихъ уродливыхъ крайностей доходила у иныхъ ораторовъ эта μίμησις τῶν λεγομένων, это мимированіе произносимаго³⁾.

¹⁾ Philostr. v. soph. II 10, 5 (объ Адрианѣ): ἤχρωόντο δὲ ὡς περ εὐστομούσης ἀηδόνος τὴν εὐλωττίαν ἐκπεπληγμένοι καὶ τὸ σχῆμα καὶ τὸ εὐστροφον τοῦ φθέγματος καὶ τοὺς περὶ τὴν τε καὶ ζῶν ὡδὴ ῥυθμούς. Ср. ibid. I 8 (о Фаворинѣ).

²⁾ Plat. Leg. 616 A. Ср. 814 C: οὐδ' ἐστὶ ῥᾶδιον ἀνευ τοῦ τῶ σώματι δεκνόντα ἄμα καὶ τῶ λόγῳ φράζειν.—Liban. 63, p. 376 R.: ἂν μὴ συνενέγκῃ τὰ σχήματα τοῖς λόγοις, ἀπόλεσε τὴν εὐφωνίαν ὑπο τῆς ἡσυχίας, ἣν καιρὸς ἤ κινεῖσθαι. διόπερ πολλοὶ τῇ φωνῇ κρατοῦντες οὐ μετέχοντες τοῦ κινεῖσθαι καλῶς ἤττον εὐφραναν· πολλοὶ δὲ κατὰ φωνὴν λειπόμενοι τῇ περὶ τὸ σχηματίζεσθαι πλεονεξία πρὸ τῶν κρειττόνων ἐτέθησαν.

³⁾ σείεσθαι, τυμπανίζειν, ὀρχεῖσθαι, ἐξορχεῖσθαι, ἐκβακχεύεσθαι, μεθεῖν περὶ τοῦ λόγου, αὐτοὺς ἀποκρύπτειν τοῖς ἰματίοις (ἐσθήτος σχῆμα λυπηρόν) и пр.; см. особенно 50-ю рѣчь Аристиды—κατὰ τῶν ἐξορχουμένων (ср. также Luc. de salt. 65). Тексты, сюда относящіяся, указаны у Rohde, Gr. R.² 337 f., и Norden, A. K., 294 f. 355 ff.—Характерно довольно обычное сравненіе произносимой ораторомъ рѣчи съ плясавой пѣсней-музыкой, при чемъ иногда οἱ ἀκροαταὶ καὶ ἐράμενοι рисуются какъ хоръ, а ораторъ—какъ корифей хора (такъ—у Аристиды, которому, кстати, у Lib. or. 63, 357 R., приписывается такое—очевидно прымающее къ Платону—опредѣленіе: ὀρχαίσις ἐστὶ κίνησις τῶν μελῶν σύντονος μετὰ τιῶν σχημάτων καὶ ῥυθμῶν; ср. п. ѱψ. 41, Plut. de r. aud. rat. 7, и выше, стр. 26 прим. 5).—Слѣдуетъ, впрочемъ, съ нѣкоторой осторожностью пользоваться показаніями объ ἀναίθεια θεατρικῇ отдѣльных ораторовъ (или отдѣльных школъ ораторовъ), и во всякомъ случаѣ не такъ рѣзко, какъ Rohde и даже Norden, изолировать съ этой точки зрѣнія представителей τοῦ Ἀσιακοῦ χαρακτήρος или „второй софистики“. Играющее такую видную роль въ этихъ показаніяхъ противопоставленіе древнихъ (ἀρχαῖοι) ораторовъ современнымъ (οἱ νῦν) было однимъ изъ общихъ мѣстъ риторикѣ (восходившимъ, въ концѣ концовъ, къ гомеровскому—и въ частности къ Несторову, II, I, 271 sqq.,—οἷοι νῦν βροτοὶ εἶσιν), и, на примѣръ, словъ Филострата (I, 19, 1, о Никитѣ Смирномъ): ἡ ἰδέα τῶν λόγων τοῦ μὲν ἀρχαίου καὶ πολιτικοῦ ἀποβέβηκεν, ὑπόβακχος δὲ καὶ διθυραμβώδης могутъ быть сопоставлены съ Arist. Poet. 1450 b: οἱ μὲν γὰρ ἀρχαῖοι πολιτικῶς ἐποίουν λέγοντας, οἱ δὲ νῦν ρητορικῶς. Впрочемъ разработаннымъ, поскольку дѣло касается внѣшней εὐχομῆς ораторовъ, является это противопоставленіе уже въ рѣчи Эскина (345 г.) противъ Тимарха, гдѣ дѣлается даже—правда, очень не удачная, какъ это доказано было противникомъ Эскина, Демосееномъ (въ рѣчи περὶ τῆς παραπρεσειᾶς 251 sqq.),—экскурсія въ область археологій (ссылка на саламинскую статуя Солона, 25 sq.); но и вообще любопытны тѣ упреки, какіе дѣлали другъ другу, какъ ораторамъ, Эскинъ и Демосеенъ (ср., напр., Dem. XVIII, 290. 291; Aesch. III, 70 sqq.);

Такимъ образомъ, какъ рядомъ съ пѣсною сказъ, такъ рядомъ съ «поэзіей» существуетъ искони и «проза», и какъ пѣніе въ сказываніе, такъ и «поэзія» переходитъ—и въ пространствѣ, и во времени—въ «прозу»¹⁾. Именно въ этомъ тѣсномъ сосѣдствѣ своемъ съ поэзіей и встаетъ передъ нами изъ туманной дали времени, въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ еллинской литературы,—и краснорѣчіе.

Пѣвецъ гесіодовой Теогоніи называетъ себя служителемъ музъ. Дщери Зевса благосклонны къ пѣвцамъ; имъ вручаютъ онѣ скиптръ—вѣтвь лавроваго дерева, —имъ даютъ (ἐνέπνευσαν) онѣ вдохновенную пѣсню—пѣсню о томъ, что было, о томъ, что есть, о томъ, что будетъ. Но благосклонны Музы и къ царямъ: кого изъ царей онѣ волюбятъ, тому при рожденіи источаютъ онѣ на языкъ сладкую рѣсу, и потомъ на вѣчѣ изъ его усть текутъ кроткія, мягкія рѣчи (ἔτσα); своими рѣчами, не прибѣгая къ насилію, укрощаетъ мудрый царь раздоры, и какъ на бога взираетъ на него народъ: таково священное даяніе Музъ людямъ!²⁾ Въ гомеровскихъ поэмахъ также на ряду съ вполне развит-

упреки Демосеена, кстати сказать, очень близки къ тому, какъ рисуется τοὺς νῦν (ρήτορας) Филодемъ (I, p. 200 Sdh.).—Сюда же относится, конечно, и сообщеніе Arist. 'Αθ. πολ., 28, о Клеонѣ, ὃς πρῶτος ἐπὶ τοῦ βήματος ἀνέκρχε καὶ ἐλοιδόρησται, καὶ περιζωσάμενος ἔδημηγόρησε, τῶν ἄλλων ἐν κόσμφ λεγόντων (ср. Aristoph. Equ. 147; Plut. Nic. 8), можетъ-быть и сообщеніе о Клеофонѣ ('Αθ. п. 34), который пришелъ εἰς τὴν ἐκκλησίαν μεθύων καὶ θάρακα ἐνδεδυκώς (какъ нѣкогда εἰς τὴν ἀγορὰν Солонъ, σκηπτόμενος ἕκστασι τῶν λογισμῶν, κλιδίον περιθέμενος, Plut. Sol. 8?).—Теоретическая разработка (наиболѣе полно представленная для насъ въ XI книгѣ Квинтиліана; ср. *Volkmann, Rhetorik*?, 576 ff.) ученія о произношеніи рѣчей, о ὑπόκρισι, или actio (actor—ludio, cantor, saltator; ср. Tac. dial. 26: cantari saltarique commentarios), распадавшейся (ср. φωνῆς и σώματος κίνησις Платона) на πᾶθη (τάσεις) τῆς φωνῆς и σχήματα (διάθεσις) τοῦ σώματος (такъ уже Хриспій у Plut. de Stoic. rep. 28; ср. Cic. Or. 55: est enim actio quasi corporis quaedam eloquentia, cum constet e voce atque motu), началась вѣроятно еще до Теофраста, во всякомъ случаѣ—уже съ Теофраста (ср. Diels, *Abh. d. preuss. Ak.*, 1886, 32 f.).—Rohde, I. с. 338, въ объясненіе того, что античные слушатели должны были иначе, нежели современные, особенно въ сѣверныхъ странахъ, относиться къ жестикауляціи ораторовъ, ссылается на жестикауляцію (мы прибавили бы и πᾶθη τῆς φωνῆς) современныхъ итальянскихъ проповѣдниковъ.

¹⁾ Поэзія и проза какъ мы видѣли, понятія относительныя, если не соотносительныя. Ср. Procl. schr., in.: αἱ αὐταὶ εἰσὶν ἀρεταὶ λόγου καὶ ποιήματος, παραλλάσσουσι δὲ ἐν τῷ μᾶλλον καὶ ἧττον.

²⁾ Hes. Theog. 30 sqq. Отъ Музъ и Аполлона—прибавляетъ поэтъ (94 sqq.)—на землѣ пѣвцы и кнеаристы, отъ Зевса царя. И блаженъ, кого возлюбятъ Музы: сладкая рѣчь (αὐδή) струится изъ его усть. И если у кого сердце раздирается отъ старой печали, отъ свѣжаго горя,—стоитъ пѣвцу запѣть пѣсню во славу предковъ, во славу боговъ, и забудутся всѣ скорби и горести. *Dümmier, Kl. Schr.* II 339 f., ссылается на

шейся пѣсней выступаетъ и вполнѣ развившееся краснорѣчье!). Слад-

эти стихи въ доказательство того, что носители эпического преданія, *αἰοδοί*, принадле- жать къ придворной знати; пѣсню своею у грядущихъ поколѣній оплачиваютъ они за тотъ отблескъ, какой и на нихъ падаетъ отъ военной славы ихъ господъ; λαοί же интересуютъ ихъ мало—лишь постольку, поскольку сообщаютъ они блескъ царю, своей массой, своимъ послушаніемъ, своимъ почитаніемъ. Въ данномъ случаѣ (но не во- обще,—не тогда, напр., когда онъ считаетъ тонкимъ замѣчаніе Curtius'a, что въ Спартѣ наслѣдственные должности *χίρραε* или *μάγειροι*—т. е. такъ же, какъ и пѣвцы, *δημιουργοί*—были остаткомъ ахайской царской власти; вѣдь и въ афинскомъ Βουκκλίστιον Curtius—ср. Stadtg. v. Athen, 51—видѣтъ царскую мызу!) Dümmler фактически, конечно, правъ: гесіодовъ пѣвецъ дѣйствительно смотритъ на царя снизу вверхъ,—хотя и ста- рается дать понять, что они—товарищи по мусическому искусству и одинаково по- лезны и людямъ, и другъ другу.—Быть-можетъ эти гесіодовы стихи имѣлъ въ виду и Пратинас, когда говорилъ: τὰν αἰοδῶν κατέστασε Πιερίε βασιλείαν (fr. 1 V.).—Своими *ἐπισσο- σιν*, *μελίχοις*, *μαλακοῖς*, пользуются *βασιλῆε*ς *ἐχέρονε*ς, чтобы *λαοῖς* *βλαπτομένοι*ς *ἀγορῆφι* *μετάτροπα* *ἔργα* *τελεῖν*, чтобы *διακρίνειν* *θέμιστας* *ἰδεῖν* *δίχθαι* (ср. op. 248 sqq. 274 sqq.): *ἀσφαλῶ*ς *ἀγορεύων* *царь* *αἰψά* *κα* *καὶ* *μέγα* *νεῖκος* *ἐπισταμένω*ς *κατέπαυσε*; оттого *οἱ* *λαοὶ* *πάντε*ς *εἰ*ς *αὐτὸν* *ὄρωσι*, оттого *ἐρχόμενον* *ἀνά* *ἄστυ* *θεὸν* *ὡ*ς *ἰλάσκονται* *αἰδοὶ* *μελιχίῃ* (ср. Hes. fr. 247: *ὄρω*ς *θεοῦ*ς *κείθει*, *ὄρω* *αἰδοῖ*ς *βασιλῆε*ς). На зпитель *μελιχίος*, *μελιχίος*—дѣло, разу- мѣется, не обходится здѣсь безъ представленія о *μελί*—проливаетъ свѣтъ разъясненіе Plut. de cob. ira 9 (διὸ *καὶ* *τῶν* *θεῶν* *τὸν* *βασιλέα* *μελιχίον*, *Ἀθηναῖοι* *δὲ* *μαρμάκτην*, *οἶμαι*, *καλοῦσι*), какъ и вообще культъ Зевса *Μελιχίου* и другихъ *μελιχίων* *θεῶν* (ср. Rosch. M. L. II 2558 ff.; Stengel, Gr. Kultusal. 2, 89 ff. 210; Mommsen, Feste d. St. Ath., 421 ff.).—Hes. op. 280 sq.: *εἰ* *γάρ* *τί*ς *κ'* *ἔθελε* *τὰ* *δικαῖα* *ἀγορεύειν* *γινώσκων* (этому *τις* противопостав- ляется *ὅ*ς *δὲ* *κα* *μαρτυρήσειν* *ἰκῶν* *ἐπί* *ἔρχον* *ὁμόσασ*ς *ψεύσεται*; ср. 193 sq.: *βλάψει* *δ'* *ὁ* *κακὸ*ς *τὸν* *ἀρεῖον* *φῶτα* *μῦθοισι* *σκολοῖς* *ἐνέπων*, *ἐπὶ* *δ'* *ὄρκον* *ὀμῆται*).

1) Herzog. п. id. II 411 Sp.: *ὁ* *Ὅμηρος* *ποιητῶν* *ἄριστος*, *φαῖν* *δ'* *ἂν* *ὅτι* *καὶ* *ῥητόρων*... *ἐπεὶ* *γάρ* *ἔστιν* *ἡ* *ποίησις* *μίμησις* *ἀπάντων*, *ὁ* *δὲ* *μετὰ* *τῆ*ς *περὶ* *τὴν* *λεξίν* *κατασκευῆ*ς *ἄριστα* *μιμου- μένος* *καὶ* *ῥήτορας* *δημηγοροῦντας* *καὶ* *κίθαροφθοῦς* *πανηγυρίζοντας*... *καὶ* *πάντα* *πράγματα* *οὗτος* *ἄριστός* *ἔστι* *ποιητῆς* (ср. Quintil. X 1, 46 sqq.). Таково было представленіе многихъ ли- тературныхъ критиковъ древности; подробно развито оно было въ сочиненіи Телефа пергамца *περὶ* *τῆ*ς *καθ'* *Ὅμηρον* *ρητορικῆ*ς (ср. Schrader, *Hermes* XXXVII 560 ff. XXXVIII 144 f.), въ Плутарховѣ(?) *περὶ* *τοῦ* *βίου* *καὶ* *τῆ*ς *ποιήσεως* *Ὀμήρου* (с. 161 sqq.), въ [Дионисίου τ. Ἀλικ.] *τέχνη* (p. 43 sqq. Us.); оно нашло себѣ мѣсто и въ *Ὀμηρικὰ* *ζητήματα* Порфирія, въ схоліяхъ къ Гомеру, также въ схоліяхъ или пролегоменахъ къ Гермо- гену; въ гомеровскихъ рѣчахъ указывались различныя εἶδη *τῆ*ς *ρητορικῆ*ς—*δημηγορικόν*, *ἐγκωμιαστικόν*, *συμβουλευτικόν*, *δικανικόν* (ср. Walz, *Rh. gr.* IV 9 sq. VI 7. 48. VII 5; Plut. Nom. 171), въ гомеровскихъ ораторахъ—представители различныхъ *χαρακτήρων* *τῶν* *λόγων* (Менелай, Одиссей, Несторъ, въ качествѣ *ζηλωταί* коихъ выставлялись иногда Лисій, Демосеень, Исократъ; ср. Eust. i Sch. BT ad Il. III 212 sqq.; Sch. Mon., Sp. III p. 152; Plut. Nom. 172; Walz VII 5; Quint. II 17, 8; Gell. VI 14, 7); отдѣльныя рѣчи, какія *ρητορικὸς* *ὦν* *ὁ* *ποιητῆς* (*μόνος* *τῶν* *ποιητῶν* *знавшί*ς *ὁ* *δαί* *ποιεῖν* *αὐτόν*, не такъ, какъ другіе, которые *αὐτοὶ* *δι'* *ὄλου* *ἀγωνίζονται*, тогда какъ *αὐτόν* *δαί* *τον* *ποιητὴν* *ἐλάχιστα* *λέγειν*, Arist. poet. 1460 a) такъ часто вставлялъ въ свое повѣствованіе, тщательно разби- рались и высоко оцѣнивались съ риторической точки зрѣнія (ср. сопоставленія отно- сившихся сюда текстовъ у Schrader, l. c., и у Lehner, De Scholiis ad Hom. rhetoricis,

чайшія меда рѣчи льются не только изъ усть царя Нестора: и другіе гомеровскіе герои въ своихъ рѣчахъ, можно сказать, предвосхищаютъ многія формулированныя риторикою V-го и слѣдующихъ вѣковъ правила ораторскаго искусства¹⁾. Мы видимъ даже, какъ заботятся тутъ о томъ, чтобы и молодые люди, особенно царевичи, приучались говорить складно (μύθοισι: πικνιόσσι). говорить приличное случаю (ἑοικότα μυθεῖσθαι)²⁾;

1896). Въ основаніи этого представленія лежала не только мысль, что Гомеръ въ своей міμρσις охватилъ πάσα τέχνη, πάντα τὰ ἀνθρώπειν, но и мысль, что σύνδρομος ἢ ρητορικὴ τῶ λόγῳ των ψυχῶν (ср. Arist. rhet. 1354 a), и что она поэтому ἴσκειτο παρ' ἀνθρώποις еще прѣд Несторос τε καὶ Παλαμῆδου; καὶ Φοῖνιξ; (Φοῖνιξ; праесептор могъ при случаѣ сойдти и за Кадма) καὶ Ὀδυσσεύς; καὶ прѣ των ἐν Ἰλίῳ (Syn. in Herm. I, 11 R.).—Съ этимъ представленіемъ не соглашались однако другіе литературные критики, предъявлявшіе болѣе строгія требованія къ краснорѣчію-риторикѣ; самими серьезными доводами опровергали они не только уже ученіе (ссылавшееся, между прочимъ, на Jl. IV 1: οἱ θεοὶ ἡγοράωντο) о томъ, что риторика перешла отъ боговъ къ героямъ, отъ героевъ къ людямъ (у боговъ риторики не было уже потому, что ὁ λόγος προφορικὸς χρῆζει: σωματικῶν ὀργάνων; у поэтовъ вѣдь одно говорится, другое мыслится), но и ученіе о наличности риторики у гомеровскихъ героевъ: вѣдь и ἀνδράποδα βάρβαρα παντός ἄμοιρα λόγου восхваляютъ другъ друга и говорить и защищаются и обвиняютъ, ἀπερ εἰσὶν ἴδια τῆς ρητορικῆς, и отнюдь нельзя τὴν των ἡρώων ἐκείνων εὐρυθμον προφορὰν принимать за ρητορικὴν (а развѣ за εἰδησιν λογισμοῦ καὶ οὐτύχη των ἄλλων πλείονα); τέχνην γὰρ πάντως οὐκ ἔχει (ср. W. IV 9. VII 5; ср. Quint. II 17, 6 sq.); одинъ изъ мотивовъ этихъ возраженій (σχεδὸν διὰ τῶν πλείστων ὑπομνήσεων) указывается еще у Philod. I p. 8, 38 Sdh.: τὸ μὴδὲ τὴν τέχνην ὑπάρχειν ἐν τοιαῖσι τισὶν χρόνοις λαμβάνουσιν ἀσυκοφαντήτως, ὅταν δόξωσιν ὅπωςδὴποτε παρεστακῆναι τὸ μὴ διὰ ἀγράπτων καταβεβλήσθαι τινας τεχνολογίας (ср. также Christoph. in Herm. ed. Rabe Rh. M. I, 243).—Этотъ споръ о рѣчахъ у Гомера (споръ, въ которомъ видное участие приняли Стоики, ср. Schrader l. с. 571 ff. и Radermacher, Rh. M. LII, 416 ff.) восходитъ къ тому спору (Ератосѣенъ и Гиппархъ), который нашель себѣ отраженіе у Страбона p. 15 sq., и дальше—ко временамъ Антисѣена (ср. Duemmler, Kl. Schr. I, 24 ff.), Сократа, Платона; самый ранній прямой слѣдъ его для насъ—у Xenoph. conv. IV, 6 (ср. Plat. Resp. 392 E sqq. 598 D sqq. Phaedr. 261 B sq.: ἀλλ' ἢ τὰς Νέστορος καὶ Ὀδυσσεύς; τέχνης μόνον περὶ λόγων ἀκήκοας, ἃς ἐν Ἰλίῳ σχολάζοντες συνεγραψάτην, των δὲ Παλαμῆδου ἀνήκοος γεγονας;).

¹⁾ Ср. Bergk Gr. Lit.-G. I 830 f. Hecht, Zur homer. Beredsamkeit, Festschrift Friedlaender dargebracht, 113 ff.—Несторъ (ср. о немъ Robert, Studien zur Ilias, 361 f. 446 ff.) называется въ Илладѣ ἤνεπις, λιγύς; Πολίων ἀγορητής, τοῦ καὶ ἀπο γλώσσης μέλιτος; γλυκίων ρένε αὐδῆ (I 247 sq. IV 293); ἢ μὰν αὐτ' ἀγορῆ κίχης, γέρον, υἱὰς Ἀχαιῶν—говорить ему Агамемнонъ (II 370; ср. слова самого Нестора, IX 50 sqq.). Не менѣе Нестора краснорѣчивъ у Гомера Одиссей; характеристика его краснорѣчія, сравнительно съ краснорѣчіемъ Менелая, дана въ Ил. III, 211 sqq.; Одиссей и потомъ слылъ (даже больше, чѣмъ Несторъ) за ρητορικώτατος; имъ любилъ пользоваться для своихъ цѣлей драматическіе и риторическіе писатели (у Еврипида онъ—героическій прототипъ демагога. Nestle, Euripides, 289 f.).—Plat. Phaedr. 261 C: εἰ μὴ Γοργίαν Νεστορά τινα κατασκευάζεις, ἢ τινα Θρασύμαχόν τε καὶ Θεόδωρον Ὀδυσσεά.

²⁾ Od. III 23. 124 sq.; ср. IV 239.

при царевичахъ состоятъ наставники, воспитатели¹⁾, старающіеся сдѣлать изъ нихъ и умѣющихъ дѣйствовать, и умѣющихъ говорить—*μύθων τε ρητῆρ' ἔμεναι πρηκτῆρὰ τε ἔργων*²⁾. Отъ оратора требуютъ, чтобы онъ говорилъ не только съ разумніемъ дѣла, но и строго расчленяя мысль и слово, соблюдая порядокъ мысли, соблюдая мѣру и тактъ въ подборѣ и въ сочетаніи словъ³⁾. И въ гомеровскомъ вѣчѣ, въ совѣтѣ и въ судѣ басилей говорятъ больше другихъ; но выступаютъ со своими рѣчами и люди изъ народа (*δῆμου ἄνδρες*)—и не всегда, конечно, такъ неудачно, какъ *Θερσίτης*, въ лицѣ котораго аристократически-настроенный поэтъ *Иліады* рѣзкими чертами рисуеъ оратора оппозиціи: самый гнусный видомъ изъ всѣхъ пришедшихъ подъ *Иліюсъ*, съ кривыми ногами, хромою, горбатый, съ узкими плечами и узкою грудью, съ головой клиномъ, съ рѣдкимъ волосомъ, этотъ ораторъ-крикунъ всегда имѣлъ наготовѣ массу беспорядочныхъ словъ, чтобы пускать ихъ въ ходъ, безъ всякаго смысла и толку,—ради того лишь, чтобы оспаривать всякое предложеніе *басилеевъ* да потѣшать народъ, собравшійся на вѣче⁴⁾. Предъ нами здѣсь чрезвычайно-художественно, но слишкомъ уже темными красками нарисованный типъ вѣчника-демагога⁵⁾—типъ, дальнѣйшей характери-

¹⁾ *Φοῖνιξ* при *Ахилеѣ* (II. IX 437 sqq.), *Μέντορ* при *Телемахѣ* (Od.), *Ἀλκίβοος* при *Энеѣ* (II. XIII 465 sqq.).

²⁾ II. IX 438 sqq. (слова *Фойника* *Ахилею*): σοὶ δέ μ' ἔπειπε Πηλεὺς, ὅτε σ' ἐκ Φθίης Ἀγαμέμνωνι πέμπεν νηπιον, οὗ πω εἰδὼθ' ὁμοίου πολέμοιο οὐδ' ἀγορέων, ἵνα τ' ἄνδρες ἀριπρεπέες τελέθουσιν. τοῦνεκα με προέηκε, διδασκόμεναι τάδε πάντα, μύθων τε ρητῆρ' ἔμεναι πρηκτῆρὰ τε ἔργων. Ср. Od. II 272 (*Аѳина* *Μέντορι*: εἰδομένη *Телемаху*): τελέσαι ἔργων τε ἔπος τε. II. XV 281 sqq. Od. IV 817 (*νήπιος*, οὔτε πόνων ἐν εἰδῶς οὔτ' ἀγοράων). Идеальн. женскаго воспитанія—*ἔργα* и *φρένες* (*εὐσθλαί*): II. I 115. Od. VII 111.—Въ надписяхъ часто встрѣчаемъ формулу: ἐπειδὴ ΝΝ διατελεῖ τῷ δῆμῳ καὶ λέγων καὶ πράττων τὰ ἀριστα καὶ κάλλιστα, τὰ συμφέροντα (Mich. 204 sqq. 327. 394. 458. 470; ср. 379: ποιεῖ ἀγαθὸν καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ; 1322: καταδῶ... αὐτόν καὶ ἔργα καὶ ἔπα.).

³⁾ Ораторъ не долженъ быть *ἀκριτόμυθος*, *ἀμετροειπής* (II. II 246. 212), *ἀφικαρτοειπής*, *πολύμυθος* (III 214 sq.), не долженъ знать *ἔπεα ἄκοσμα* (II 213; онъ долженъ не упускать изъ виду τέλος μύθων (IX 56; ср. XI 625), долженъ говорить не *μᾶψ*, а *κατὰ κόσμον* (II 214; Od. III 138), излагать πάντα ἐν μοίρῃ (II. XIX 186), *κατὰ μοῖραν* (II. pass. Od. XVIII 170), говорить ἐν φρονέων (II. I 73. II 78. 183), не *κερτομέων* (II 256), не *ὄξια κεκληγώς*, не *μακρὰ ρῶων* (II 222. 224); *λιγὺς ἀγορητής* (II. I 248. II 246. IV 293. XIX 82. Od. XX 274) не долженъ быть *λωβῆτηρ* *ἐπεαβόλος* (II. II 275).—Оратора *καλὸν ἀκούεμεν*, οὐδὲ εἰσικεν ὑββάλλειν χαλεπὸν γὰρ ἐπισταμένῳ περ εἶναι (II. XIX 79 sqq.).

⁴⁾ II. II 211 sqq. (Ср. *Δόλων*, *εἶδος καχός*, X 316).

⁵⁾ *Uvener*, *Stoff des griech. Epos*, 42 ff., указываетъ въ изображеніи *Θερσίτη*, какъ бы далеко ни шло здѣсь поэтическое измышленіе, слѣды представленія о богѣ, носившемъ такое или подобное имя, и вѣсть о *φαρμακός*; во всякомъ случаѣ, гоме-

стикой котораго и послѣ займется литература, больше всего, конечно, комедія, особенно комедія Аристофана.

Итакъ, уже въ ту эпоху, или въ тѣ эпохи, которыя нашли себѣ изображение и отображеніе въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ¹⁾, мы встрѣчаемся не только съ широкимъ примѣненіемъ, но и съ значительной выработкой политическаго краснорѣчія²⁾. Когда цари смѣняются избираемыми

ровскій образъ „худого мужика-вѣчника“ ближе напоминаетъ намъ „безыменитыхъ мужиковъ“ Воскресенской лѣтописи (1471 г.), „иже скотомъ подобни суть, ничтоже разума имущихъ, но точю едино кричаніе, и ти приходяху на вѣче, и кричаху и лаваху яко пси, недѣпаа глаголюще (государемъ зовяху себѣ Великій Новгородъ, князя великаго пословъ рѣчей слышати не хотяху)“.

¹⁾ Иліада и Одиссея очень долго творились (устно и письменно) и въ своемъ содержаніи, и въ своей формѣ, пока онѣ не приняли „въ цѣломъ и существенномъ“ тотъ видъ, въ какомъ дошли и до насъ; такой видъ онѣ приняли во всякомъ случаѣ ко временамъ Платона (*Ludwich, Die Homervulgata, 67 ff. 188 ff.*), и вѣроятно еще къ VI столѣтію или въ VI столѣтіи (все-еще законное сомнѣніе въ достовѣрности легенды о писистратовской рецензій Гомера у *Ludwich'a, l. l., 156 ff.*, напрасно, кажется, переходитъ въ безусловное отрицаніе „аттической редакціи“ вообще, въ пользу которой, кромѣ общихъ—ср. *Sauer, Grundfragen d. Homerkritik, 69 ff.*—говорять и различныя детальныя указанія, вродѣ, напр., тѣхъ, какія даютъ *Dümmier, Kl. Schr. II 25 ff.*, и *Wilamowitz, Arist. u. Ath., I 239*, гдѣ, конечно, можно было-бы не тревожить рапсо-довъ и не заставлять аеинянъ совершать при Гиппій панаэинейскую помпу не ἀσπίδιωτας). Какъ бы то ни было, гомеровскія поэмы заключаютъ въ себѣ и объективныя, и субъективныя наслоенія нѣсколькихъ столѣтій, и эпизоды, представляющіе болѣе-непосредственный интересъ для исторіи краснорѣчія (II. I 245 sqq. II 211 sqq. III 203 sqq. IX 430 sqq.), изслѣдователями состава Иліады относятся обыкновенно къ числу уже болѣе-позднихъ наслоеній (ср. указанія *С. Шестакова, О происхожденіи Иліады, 126 сл. 138 сл. 176 сл. 236 сл.*).

²⁾ Гомеровскія поэмы предполагають, повидимому, развитіе не только вѣчеваго (или совѣтскаго), но и посольскаго краснорѣчія (ср. II. III 203 sqq. и Περσεία).—Отмѣтимъ еще, что похожимъ на демагога является въ Одиссеѣ (XII 278 sqq.) среди спутниковъ Одиссея Эврилохъ.—Конечно, еще больше, нежели у Гомера, герои выступали въ качествѣ ораторовъ у трагиковъ (ср. *Arist. poet. 1450 b*, гдѣ, м. пр., отмѣчается, что οἱ μὲν ἀρχαῖοι πολιτικῶς ἐποιοῦν λέγοντας, οἱ δὲ νῦν ῥητορικῶς).—Павсаній (II 31, 1 sqq.) рассказываетъ о находившемся на агорѣ Τροίζηνιον, позади храма Артемиды, Πιτθέως μνημα, съ тремя на немъ θρόνοι (ср. *Reichel, Über vorhellenische Götterkulte, 1897*); говорили, что Питтеей и два мужа съ нимъ (assessores, παράδροι?) творили судъ на этихъ сѣдалищахъ; неподалеку была святилыя Музъ,—ἐνταῦθα Πιτθέα διδάξει λόγων τέχνην φασί, καὶ τι βιβλίον Πιτθέως δι' εὐγγραμμα ὑπὸ ἀνδρὸς ἐκδοθῆν Ἐπιδαυρίου καὶ αὐτὸς—прибавляетъ Павсаній—ἐπιλεξάμεν. Ср. также *Paus. II 19, 3* (о Геланорѣ и Данаѣ).—Питтеей, рассказываетъ Плутархъ (*Thest. 3*), былъ царемъ-основателемъ полевос οὐ μεγάλης τῆς Τροίζηνιον, но прославился больше всѣхъ жившихъ въ тѣ времена ὡς ἀνὴρ λόγιος καὶ σοφώτατος, особенно своими γνωμολογίαι, подобными гесіодовымъ ἐν τοῖς Ἔργοις; быть-можетъ за нныя изъ своихъ γυῖμα, и прежде всего за μηδὲ δίκην δικάσῃς πρὶν ἀμφοῖν μῦθον ἀκούσῃς (*Schol. Aesch. Eum. 428. Sch. Eur. Hipp. 264. Pargoem. Gr. II 759 L.*), онъ и возве-

народомъ и изъ народа представителями исполнительной власти, когда совѣтъ, раньше «дума» при особѣ царя, получаетъ характеръ комиссіи при вѣчѣ, когда судебная власть, дѣлившаяся раньше между царемъ и вѣчемъ, но чаще всего осуществлявшаяся царемъ, переходитъ къ гласному народному суду¹⁾, который—такъ же, какъ и царь въ его судоговореніи (и правоговореніи),—наблюдалъ, конечно, то мудрое реченіе, которое ходило съ именемъ мнѣческаго царя Питеоя трэзенскаго: *μηδὲ δίκην δικάσῃς πρὶν ἀμφοῖν μῦθον ἀκούσῃς*²⁾, когда все болѣе осложняется вся вообще—и въ частности политическая—жизнь, весь вообще—и въ частности юридическій—быть, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе развивается умственная культура (и въ частности литература),—тогда политическое и судебное краснорѣчіе, естественно, поднимается въ своемъ значеніи—особенно, конечно, въ болѣе культурныхъ центрахъ, прежде всего—въ Аѣнахъ³⁾. Съ конца V вѣка литературныя изображенія аѣн-

день былъ (у Павсанія I. с.) въ званіе профессора *λόγων τέχνης* (ср. Паус. I 22, 2). Питеей вовлеченъ былъ въ кругъ трозанскихъ сказаній и легендъ, гдѣ представлены были всѣ тѣ мотивы, какіе (ср. выше, стр. 23, пр. 4) связываются съ представленіемъ о нимфахъ-музахъ: и Посейдонъ съ его отношеніями къ нимфамъ, и съ его внѣшними близнецами, и Глаῦκος, и Πήλαγος съ Беллерофонтомъ, и Ἴππόλυτος, Πιθῆϊως παιδεύμα, съ Φαίβρα и съ амазонками, и нимфы Ἀρδαλίδες, и Διώνυσος πελάγιος, и даже Ἴππου καλουμένη κρήνη (ср. *Wide, De sacris Troezeniorum Herm. Epidaur., 1888. Gruppe, Gr. Myth. 190 ff. 585 ff. Wilamowitz, Hippolytos, 36 ff.*); эти трозанскія сказанія стояли въ тѣсной связи съ аттическими, какъ и Πιθῆϊός (Πιθῆϊός)—съ Θεσεемъ (ср. *Gruppe I. с. Kirchner Attica et Peloponnesiaca, 9 sqq.*); слышій иногда дѣдомъ или руководителемъ Θεсея, Питеей оказывался и какъ-бы двойникомъ (Seitenstück) краснорѣчиваго основателя аѣнской демократіи (какъ Μεγαρέως и др.; ср. *Usener, Rh. Mus. LIII 356 ff.*).

¹⁾ Ср. *Приложение*.

²⁾ Т. е.—*audiatur et altera pars. Hirschel, Der Eid, 107 f.*, сближаетъ это реченіе съ восклицаніемъ: *δυοῖν παρόντων ἡμῖς λόγου πάρα* (Eum. 428) и оба эти реченія съ Rechts-Sprichwort: *Ein manns red ein halbe red Man soll sie hören alle beed* (*Grimm, W. VIII 454*). Ср. также Hes. op. 263 sq.: βασιλῆες, ἰθύνετε μύθους, δωροπάγοι, σχολῶν δι δικῶν ἐπὶ πάτῃ λάθεσθε. II. XVIII 507 sq.: καί το δ' ἐν μέσσοισι τάλαντα, τῷ δόμεν, ὅς δίκην ἰθύνεσθαι εἶποι. Sol. fr. 4, 37 sqq.: αὐθόνη δίκας σχολίας, παύει δ' ἔργα διχοστασίης. Анасг. 16 В.: μωθῆται διέπουσιν ἄστο (μωθῆται—στασιασται, по Schol. Od. XXI 71: μύθου ποιήσασθαι ἐπισχεσίην). Πανώσας διχθάδιος μῦθος, Lex. Gen. (Reitzenstein, Ined. poet. gr. fr. II p. 15). Pap. Br. M., Wessely *Wien. St. IX 266, Z. 18 f.*: τούτων ῥηθέντων αὐτοῖς πρὸς ἀλλήλους συνβίβην μεσιτίαν γενέσθαι.—Ср. Aristoph. vesp. 725. Eurip. Heraclid. 179 sqq. Hipp. 882 sqq.—Присяга аѣнскихъ гелиастовъ гласила: καὶ ἀκροάσομαι τοῦ τε κατηγόρου καὶ τοῦ ἀπολογουμένου ὁμοίως ἀμφοῖν, Demosth. XXIV 151; ср. Ditt.² 512.—Находились потомъ и возражавшіе противъ питеева реченія (Зенонъ у Plut. de Stoic. rep. 8; [Plat.] Demod. 382 E sqq.).

³⁾ Публичное краснорѣчіе существовало и даже процвѣтало въ Елладѣ всегда и повсюду: лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить порешеній изъ гомеров-

скаго зноса въ историографію и столь прочно утвердившійся въ ней приемъ—вставлять въ повѣствованіе—претендовавшія, конечно, только на передачу τῆς συμπίσης γνώμης τῶν ἀληθῶς λεχθέντων (Thuc. I 22)—рѣчи, ἀ σκεδὸν ὡς εἰ κεφάλαια τῶν πράξεων ἔστι καὶ συνέχει τὴν ὅλην ἱστορίαν, говоритъ Поливій, XII 25 а. Но, разумѣется, не всегда и не вездѣ краснорѣчіе процвѣтало одинаково: съ этой точки зрѣнія не совсѣмъ произвольной антитезей было, напр., противопоставленіе аѳинянъ (πόλις φιλόλογός τε καὶ πολύλογος, οὐ τῆς Ἑλλάδος πλείστη ἔστιν ἐξουσία τοῦ λέγειν, Plat. Leg. 641 E. Gorg. 461 E) славившимся своимъ лаконизмомъ лакедемонянамъ. Конечно, и лакедемоняне произносили (и слушали у себя) рѣчи (ср. Thuc. I 68 sqq. IV 16 sqq. 34 sqq. 125 sq. V 8 sqq. VI 88 sqq.; о Брасидѣ, IV 84: ἦν δὲ οὐδὲ ἀδύνατος, ὡς Λακεδαιμόνιος, εἰπεῖν; ср. также сравнительную характеристику магнетинскихъ, аргейскихъ, аѳинскихъ и лакедемонскихъ παραινέσεις, V 69); но, какъ замѣчаетъ Цицеронъ (Brut. 49 sq.), они не выставили ни одного виднаго оратора, какъ не было таковыхъ въ Аргосѣ, Коринѣхъ или Фивахъ (если не предполагать, что былъ таковымъ Епаминондъ, doctus homo). когда у аѳинянъ уже процвѣтало studium eloquentiae, такъ что Цицеронъ склоненъ былъ утверждать, что это studium было сначала non commune Graeciae, sed proprium Athenarum. Ἑλλάδος Ἑλλάς, Ἑλλάδος παιδείας ἢ παιδευτήριον, πρωταγεῖον τῆς σοφίας, Аѳины всегда, конечно, (и особенно въ лицѣ своихъ „десяти ораторовъ“) занимали самое видное и самое почетное мѣсто въ исторіи греческаго краснорѣчія; только въ болѣе позднее время (послѣ Александра В.) съ Аѳинами начинаютъ соперничать (хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ удачно) другіе—преимущественно малоазійскіе—культурные центры (и то не каждый порознь, а всѣ вмѣстѣ), также Родосъ и потомъ все къ себѣ стягивающая, все въ себя втягивающая ἢ πάντων κρατοῦσα Ῥώμη; на этой почвѣ выясняется (уже съ нач. III в.) и борьба двухъ направленій краснорѣчія (какъ и вообще художественной прозы), сначала ἑλληνισμὸς и σολοικισμὸς (φρυγίζειν, μουρίζειν), потомъ ἀττικισμὸς и ἀσιανὸς χαρακτήρ (οἱ Ἀσιανοὶ καλούμενοι ῥήτορες). Ср. Norden, Ant. K. I, 126 ff. 240 ff. 344 ff. Radetmacher, Rh. Mus., LIV, 351 ff. Wilamowitz, Hermes, XXXV, 1 ff.—Какъ ораторъ съ прочно установившейся репутацией, прославленный не только потомствомъ, но и современниками (ср. Blass, Att. Bereds. I^o 34 ff.), является уже Периклъ, λέγειν καὶ πράσσειν δυνατότατος; но немногимъ меньшею была потомъ и ораторская слава Θεμιστοκλά; не приходилось отказывать въ краснорѣчіи и Аристиду, а тѣмъ болѣе уже Солону (о его δημηγορίαι—Diog. L. I 61), которому иные приписывали и основаніе аѳинскаго ἐπιταφίου ἀγώνος (ср. Plut. Public. 9); спорили только о томъ, играла-ли роль въ краснорѣчіи этихъ ἀρχαῖοι ῥήτορες (ср. Aeschin. I 25) техническая выучка (Thuc. I 138, 3. П 60, 5 sq. Plat. Alc. I 118 C. Phaedr. 270 A. Gorg. 519 B. Men. 93 C sqq. Xenoph. Mem. IV 2, 2. Conv. VIII 39. Ср. Philod. Π 201 sqq. Plut. Them. 2. Per. 4 sqq.). Этотъ идущій, повидимому, еще съ конца V стол. споръ стоялъ въ связи съ тѣмъ споромъ—насколько и поскольку διδακτέον ἢ ῥητορικὴ, который былъ поднятъ, когда въ Аѳинахъ появился (впервые въ 427 г.) съ вывезенной изъ Сициліи τέχνη ῥητορικὴ Горгіей. Правда, намъ рассказываютъ и о наставникахъ Θεμιστοκλά и Перикλά (Μнесифυλῆς и Дамонῆς), правда еще раньше Горгія прибылъ въ Аѳины профессоръ риторики Θрасимахъ халкедонецъ (ср. Schwartz, De Thrasymacho Chalced., 4. Drexler, N. Jahrb. S.-B. XXVII 225), и оба они говорили и учили не только въ Аѳинахъ, а даже и въ Θεσσαλίи (Plat. Men. 70 B. Isocr. XV 155; Clem. Al. VI p. 746 P), но и въ древней, и особенно въ новой наукѣ прочно установилось представленіе, что настоящее краснорѣчіе начинается въ Аѳинахъ съ Горгія, а въ Елладѣ вообще съ сицилійскихъ учителей Горгія—Корака или Тисія, или обихъ

ской политической жизни¹⁾ переполняются указаниями или намеками на ту все подавляющую, надъ всѣмъ доминирующую роль, какую и на вѣчѣ съ совѣтомъ, и въ судѣ захватываетъ себѣ слово²⁾, наполняются выходками противъ пользующихся (т. е. злоупотребляющихъ) силою слова

вмѣстѣ,—представленіе, которое сводится обыкновенно къ Аристотелю (тексты сюда относящіяся см. у *Spengel*, *Συν. τεχν.*, 22 sqq.: ср. *Navarre*, *Rhét. gr. av. Arist.*, 3 ss.). *Radermacher*, *Rh. Mus.* I. II 412 ff., указываетъ двѣ версіи этой традиціи; одну, по которой изъ Сициліи пришло въ Грецію политическое краснорѣчіе вообще, онъ не безъ основаній сводитъ къ Тимэю; другую, по которой начало свое ведетъ изъ Сициліи лишь судебное краснорѣчіе, онъ оставляетъ за Аристотелемъ. Къ сожалѣнію, эта аристотелевская версія доселѣ остается не обследованной (главнымъ образомъ въ слѣдствіе излишней довѣрчивости къ надежности цитатъ у древнихъ писателей). Кажется, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о приуроченіи показанія Аристотеля къ тому или другому изъ приписываемыхъ ему сочиненій (*τεχνῶν συναγωγή*, или *Σοφιστής*, или *περὶ ποιητῶν*, или даже *τέχνης τῆς Θεοδέκτου συναγωγῆ*), мы можемъ возстановить его—чрезвычайно важныя для исторіи греческой риторикѣ и ея историографіи—мысли. *Soph. el.* 183 b читаемъ: οἱ νῦν εὐδοκίμοῦντες (ῥήτορες) παραλαμβάνετε παρὰ πολλῶν οἷον ἐκ διαδοχῆς κατὰ μέρος παραγράφων ὅπως ἠρέχησθε Τεισίας μὲν μετὰ τοὺς πρώτους, Θρασύμαχος δὲ μετὰ Τεισίαν (*Rhet.* 1401 b упоминается уже ἡ Κόρακος τέχνη). Кто были эти οἱ πρώτοι, показываютъ цитаты изъ Аристотеля у *Sext. Emp. adv. math.* VII 6 и *Diog. L.* VIII 57. позволяющіе намъ видѣть передачу аристотелевской теоріи у *Quint.* III 1, 8 sqq.: *primus post eos quos noetae tradiderunt movisse aliqua circa rhetoricen* (πρῶτον ῥητορικὴν κεινηζένας) *Empedocles* (ἡμροϊκὸς καὶ δεινὸς περὶ τὴν φράσιν) *dicitur. artium autem scriptores antiquissimi Corax et Tisias Siculi etc.* (ср. *Cic. Brut.* 46 sqq.: ait *Aristoteles... tum primum... artem et praecepta Siculos Coracem et Tisiam conscripsisse*). Возможно, конечно, что въ цитатѣ Цицерона (*Brut.* 46) Аристотелю принадлежитъ и указаніе на то, что эта первая письменная τέχνη ῥητορικὴ имѣла своимъ предметомъ *res privatas*, и даже объясненіе факта ея появленія изъ національныхъ (ср. *Pind. Pyth.* I 41 sq.: καὶ σοφοὶ περιήλωσάν τ' ἔφρον. *Plat. Gorg.* 493 A) и политическихъ условий.—Въ *Пролг.* т. ст., *Walz* VII 5, читаемъ: λέγουσι δὲ τινες δικανικὸν λόγον εἰρηχένας (εὐρηχένας?) πρῶτον Μενεσθέα, τὸν στρατηγὸν τῶν Ἀθηναίων, ὃς καὶ ἐπὶ Τροίαν ἀφίκετο· ἄλλοι δὲ λέγουσιν Ἀντιφῶντα, τοῦτον τὸν ῥήτορα κατὰ Θηζέως περὶ τῶν Παλλαντίδων ἤχησε δὲ κατὰ Σικελίαν (рядомъ съ *Коракомъ* упоминается *Антифонтъ* и у *Philod. Suppl.* p. XXXIII Sdh.; ср. *Quint.* III 1, 11: *Antiphon quoque et orationem primus omnium scripsit*).—Объ отношеніяхъ *Антифонта*, автора тетралогіи, къ *Горгію* ср. *Tiele, Hermes* XXXVI, 245 f.

¹⁾ Диалогъ Платона, трагедія (особенно *Еврипидъ*), прежде-же всего комедія, гдѣ заключается драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи не только практики (ср. напр., пародіи вѣчевыхъ, совѣтскихъ, судебныхъ рѣчей и преній въ аристофановыхъ *Всадникахъ*, *Осахъ*, *Θεσμοφοριάζουσαι*, *Ἐκκλησιαζούσαι*), но и теоретической разработки (ср. особенно *Облака* и преніе *Эсхила* и *Еврипида* предъ *Діонисомъ* въ *Лягушкахъ*) краснорѣчія, особенно политическаго и судебного.

²⁾ То же подтверждаетъ собою, конечно, начавшееся здѣсь съ 20-хъ годовъ V в. издаваніе и составленіе образцовыхъ или примѣрныхъ рѣчей или ихъ примѣрныхъ диспозицій, вступленій и заключеній (ср. *ἔλεος*: *Θрасимаха*) и вообще риторическихъ руководствъ и пособій, а также появленіе политическихъ συγγράμματα пи-анныхъ въ формѣ рѣчей (*λόγοι συμβουλευτικοί*).

скаго эпоса въ историографію и столь прочно утвердившійся въ ней приемъ—вставлять въ повѣствованіе—претендовавшія, конечно, только на передачу τῆς ἐμπύσης γνώμης τῶν ἀληθῶς λεχθέντων (Thuc. I 22)—рѣчи, ἃ σφεδρὸν ὡς εἰ κεφάλαια τῶν πράξεων ἐστὶ καὶ συνέχει τὴν ὅλην ἱστορίαν, говоритъ Поливій, XII 25 а. Но, разумѣется, не всегда и не вездѣ краснорѣчіе процвѣтало одинаково: съ этой точки зрѣнія не совсѣмъ произвольной антитезѣй было, напр., противопоставленіе аѳинянь (πόλις φιλόλογος τε καὶ πολόλογος, οὐ τῆς Ἑλλάδος πλείστη ἐστὶν ἐξουσία τοῦ λέγειν, Plat. Leg. 641 E. Gorg. 461 E) славившимся своимъ лаконизмомъ лакедемонянамъ. Конечно, и лакедемоняне произносили (и слушали у себя) рѣчи (ср. Thuc. I 68 sqq. IV 16 sqq. 34 sqq. 125 sq. V 8 sqq. VI 88 sqq.; о Брасидѣ, IV 84: ἦν δὲ οὐδὲ ἀδύνατος, ὡς Λακεδαιμόνιος, εἶπειν; ср. также сравнительную характеристику мантинейскихъ, аргейскихъ, аѳинскихъ и лакедемонскихъ παραινέσεις, V 69); но, какъ замѣчаетъ Цицеронъ (Brut. 49 sq.), они не выставили ни одного виднаго оратора, какъ не было таковыхъ въ Аргосѣ, Коринѣхъ или Фивахъ (если не предполагать, что былъ таковымъ Епаминондъ, doctus homo). когда у аѳинянь уже процвѣтало studium eloquentiae, такъ что Цицеронъ склоненъ былъ утверждать, что это studium было сначала non commune Graeciae, sed proprium Athenarum. Ἑλλάδος Ἑλλάς, Ἑλλάδος παιδείας и παιδευτήριον, πρωταγεῖον τῆς σοφίας, Аѳины всегда, конечно, (и особенно въ лицѣ своихъ „десяти ораторовъ“) занимали самое видное и самое почетное мѣсто въ исторіи греческаго краснорѣчія; только въ болѣе позднее время (послѣ Александра В.) съ Аѳинами начинаютъ соперничать (хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ удачно) другіе—преимущественно малоазійскіе—культурные центры (и то не каждый порознь, а всѣ вмѣстѣ), также Родосъ и потомъ все къ себѣ стягивающая, все въ себя втягивающая ἢ πάντων κρατοῦσα Ῥώμη; на этой почвѣ выясняется (уже съ нач. III в.) и борьба двухъ направленій краснорѣчія (какъ и вообще художественной прозы), сначала ἑλληνισμός и σολοικισμός (φρυγίζειν, ἰοσιζειν), потомъ ἀττικισμός и ἀσιακὸς χαρακτήρ (οἱ Ἀσιακοὶ καλούμενοι ῥήτορες). Ср. Norden, Ant. K. I, 126 ff. 240 ff. 344 ff. Radetmacher, Rh. Mus., LIV, 351 ff. Wilamowitz, Hermes, XXXV, 1 ff.—Какъ ораторъ съ прочно установившейся репутацией, прославленный не только потомствомъ, но и современниками (ср. Blass, Att. Bereds. I² 34 ff.), является уже Периклъ, λέγειν καὶ πράσσειν δυνατότατος; но немногимъ меньшей была потомъ и ораторская слава Θεμιστοκλά; не приходилось отказывать въ краснорѣчіи и Аристиду, а тѣмъ болѣе уже Солону (о его δημηγορίαι—Diog. L. I 61), которому иные приписывали и основаніе аѳинскаго ἐπιταφίου ἀγῶνος (ср. Plut. Public. 9); спорили только о томъ, играла-ли роль въ краснорѣчіи этихъ ἀρχαῖοι ῥήτορες (ср. Aeschin. I 25) техническая выучка (Thuc. I 138, 3. П 60, 5 sq. Plat. Alc. I 118 C. Phaedr. 270 A. Gorg. 519 B. Men. 93 C sqq. Xenoph. Mem. IV 2, 2. Conv. VIII 39. Ср. Philod. II 201 sqq. Plut. Them. 2. Per. 4 sqq.). Этотъ идущій, повидимому, еще съ конца V стол. споръ стоялъ въ связи съ тѣмъ споромъ—насколько и посколькы διδακτέον ἢ ῥητορικῆ, который былъ поднятъ, когда въ Аѳинахъ появился (впервые въ 427 г.) съ вывезенной изъ Сициліи τέχνη ῥητορικῆ Горгіѣ. Правда, намъ рассказываютъ и о наставникахъ Θεμιστοκλά и Перикла (Μнесифιλῆ и Дамонῆ), правда еще раньше Горгія прибылъ въ Аѳины профессоръ риторики Θрасимахъ халкедонецъ (ср. Schwartz, De Thrasymacho Chalced., 4. Drexler, N. Jahrb. S.-B. XXVII 225), и оба они говорили и учили не только въ Аѳинахъ, а даже и въ Θεσσαλίи (Plat. Men. 70 B. Isocr. XV 155; Clem. Al. VI p. 746 P), но и въ древней, и особенно въ новой наукѣ прочно установилось представленіе, что настоящее краснорѣчіе начинается въ Аѳинахъ съ Горгія, а въ Егладѣ вообще съ сицилійскихъ учителей Горгія—Κοραка или Τισία, или обѣихъ

ской политической жизни¹⁾ переполняются указаниями или намеками на ту все подавляющую, надъ всѣмъ доминирующую роль, какую и на вѣчѣ съ совѣтомъ, и въ судѣ захватываетъ себѣ слово²⁾, наполняются выходками противъ пользующихся (т. е. злоупотребляющихъ) силою слова

вмѣстѣ,—представленіе, которое сводится обыкновенно къ Аристотелю (тексты сюда относящіеся см. у *Spengel*, *Συμ. τεχν.*, 22 sqq.: ср. *Navarre*, *Rhét. gr. av. Arist.*, 3 ss.). *Radermacher*, *Rh. Mus.* I II 412 ff., указываетъ двѣ версіи этой традиціи; одну, по которой изъ Сициліи пришло въ Грецію политическое краснорѣчіе вообще, онъ не безъ основаній сводитъ къ Тимэю; другую, по которой начало свое ведетъ изъ Сициліи лишь судебное краснорѣчіе, онъ оставляетъ за Аристотелемъ. Къ сожалѣнію, эта аристотелевская версія доселѣ остается не обследованной (главнымъ образомъ вълѣдствие излишней довѣрчивости къ надежности цитатъ у древнихъ писателей). Кажется, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о приуроченіи показанія Аристотеля къ тому или другому изъ приписываемыхъ ему сочиненій (τεχνῶν συναγωγή, или Σοφιστής, или περί ποιητῶν, или даже τέχνης τῆς Θεοδέκτου συναγωγή), мы можемъ возстановить его—чрезвычайно важныя для исторіи греческой риторики и ея историографіи—мысли. *Soph. el.* 183 b читаемъ: οἱ νῦν εὐλοκισοῦντες (ρήτορες) παραλαβόντες παρὰ πολλῶν οἶον ἐκ διαδοχῆς κατὰ μέρος παραγγέλλοντων οὕτως ἠρέξασαι Τισίας μὲν μετὰ τοὺς πρώτους, Θρασύμαχος δὲ μετὰ Τισίαν (*Rhet.* 1401 b упоминается уже ἡ Κόρακος τέχνη). Кто были эти οἱ πρώτοι, показываютъ цитаты изъ Аристотеля у *Sext. Emp. adv. math.* VII 6 и *Diog. L.* VIII 57. позволяющіе намъ видѣть передачу аристотелевской теоріи у *Quint.* III 1, 8 sqq.: primus post eos quos poetae tradiderunt movisse aliqua circa rhetoricen (πρῶτον ῥητορικὴν χειρηνχέναι) *Empedocles* (ἑμπεδοκλῆς καὶ δευτὸς περὶ τὴν φράσιν) dicitur. artium autem scriptores antiquissimi Corax et Tisias Siculi etc. (ср. *Cic. Brut.* 46 sqq.: ait Aristoteles... tum primum... artem et praecepta Siculos Coracem et Tisiam conscripsisse). Возможно, конечно, что въ цитатѣ Цицерона (*Brut.* 46) Аристотелю принадлежить и указаніе на то, что эта первая письменная τέχνη ῥητορικὴ имѣла своимъ предметомъ res privatae, и даже объясненіе факта ея появленія изъ национальныхъ (ср. *Pind. Pyth.* I 41 sq.: καὶ σοφοὶ περίγλωσσοί τ' ἔφον. *Plat. Gorg.* 493 A) и политическихъ условій.—Въ *Proleg. т. ст.*, *Walz* VII 5, читаемъ: λέγουσι δὲ τινες δικαστικὸν λόγον εἰρηχέναι (εὐρηχέναι?) πρῶτον Μενεσθέα, τὸν στρατηγὸν τῶν Ἀθηναίων, ὃς καὶ ἐπὶ Τροίαν ἀρίτετο· ἄλλοι δὲ λέγουσιν Ἀντιφῶντα, τοῦτον τὸν ῥήτορα κατὰ Θηζέως περὶ τῶν Παλλαντιδῶν ἤκμασε δὲ κατὰ Σικελίαν (рядомъ съ Коракомъ упоминается Антифонъ и у *Philod. Suppl. p. XXXIII Sdh.*; ср. *Quint.* III 1, 11: Antiphon quoque et orationem primus omnium scripsit).—Объ отношеніяхъ Антифонта, автора тетралогіи, къ Горгію ср. *Tiele, Hermes XXXVI*, 245 f.

¹⁾ Диалоги Платона, трагедія (особенно Еврипидъ), прежде-же всего комедія, гдѣ заключается драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи не только практики (ср. напр., пародіи вѣчевыхъ совѣтскихъ, судебныхъ рѣчей и преній въ аристофановыхъ *Всадникахъ*, *Осахъ*, *Θεσμοφορίζουσαι*, *Ἐκκλησιάζουσαι*), но и теоретической разработки (ср. особенно *Облака* и преніе Эсхила и Еврипида предъ Діонисомъ въ *Лягушкахъ*) краснорѣчія, особенно политическаго и судебного.

²⁾ То же подтверждаетъ собою, конечно, начавшееся здѣсь съ 20-хъ годовъ V в. издаваніе и составленіе образцовыхъ или примѣрныхъ рѣчей или ихъ примѣрныхъ диспозицій, вступленій и заключеній (ср. ἔλεοι *Θрасимаха*) и вообще риторическихъ руководствъ и пособій, а также появленіе политическихъ συγγράμματα письменныхъ въ формѣ рѣчей (λόγοι συμβουλευτικοί).

демагоговъ и ихъ вдохновителей—«софистовъ»¹⁾, противъ сочиняющихъ за деньги обвинительныя и защитительныя рѣчи «логографовъ»²⁾ и противъ разучивающихъ наизусть эти покупныя рѣчи³⁾, противъ сутяжниковъ, кляузниковъ и ябедниковъ⁴⁾, наполняются вылазками противъ народа, который имѣетъ такую же власть, какъ тираннъ, но которому, какъ тиранну, льстятъ, котораго обманываютъ, чтобы на его счетъ поживиться, котораго говорящій съ нимъ можетъ направить или увлечь, куда угодно⁵⁾, наполняются вылазками противъ судей, власть которыхъ тоже не хуже царской, а то и Зевсовой, и которыхъ представшіе предъ ними стараются задобрить или привести въ пріятное (и благопріятное) настроеніе своими или самыми униженными, или возможно интересными рѣчами⁶⁾.

¹⁾ Ср. изображеніе демагога въ платоновомъ Горгіи (pass.).—У Аристофана демагогъ рисуется вообще лишеннымъ какого-бы то ни было образованія (ср. Equ. 185 sqq.: ἡ δεμαγωγία γὰρ οὐ πρὸς μουσικῶν, ἀλλ' εἰς ἀμαθῆ καὶ βέλουρον); это именно тѣ οἱ ἐν σοφοῖς φαῦλοι, которые оказываются пар' ὄψιν μουσικώτεροι λέγειν, у Еврипида (Hipp. 969 sq.); нѣсколько иначе эти οἱ φαυλότεροι τῶν ἀνθρώπων представляются еуклидовскому Клеону: они πρὸς τοὺς ξυνηγμένους ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖον ἄμεινον οἰκοῦσι τὰς πόλεις, ἀδυνατώτεροι τοῦ καλῶς εἰπόντος μέμψασθαι λόγον, κριταὶ ὄντες ἀπὸ τοῦ ἴσου μᾶλλον ἢ ἀγωνισταί (III, 37).—Вообще же у Еврипида демагогъ рисуется уже прошедшимъ риторическую или „софистическую“ школу (ср. Nestle, Euripides, 206 ff. 289 ff.).

²⁾ Ср. особенно Arist. Av. 1694 sqq., гдѣ разсказывается о живущемъ ἐν Φαναίσι πρὸς τῇ Κλεψύδρᾳ племени (πανούργων γένος) Ἑγγλωττογαστόρων (ср. Ἑγγλωττογαστορες), которые жнутъ и срѣютъ и собираютъ плоды (τρυγῶσι συκάζουσι τε) языками; варварское это племя, горгіи и филиппы (или, какъ предлагаетъ читать Robert, *Нерт*. XXXVIII 158 f., καὶ φιλιπποὶ Γοργίου, ср. Vesp. 421: ἀπέλασαν Φίλιππον ἐν δίκῃ τὸν Γοργίου).

³⁾ Ср. Ar. Equ. 344 sqq. Vesp. 958 sqq. (*Roemer*, Studien zu Aristophanes, I 102 ff.).

⁴⁾ Ср. Arist. Plat. 30: ἱερόσυλοι καὶ ῥήτορες καὶ συκοφάνται καὶ πομπροί.—Dem. XXV 49 sqq.—Arist. Pax, 505: οὐδὲν γὰρ ἄλλο δράτε πλὴν δικάζετε. Av. 39 sqq.: οἱ μὲν γὰρ οὖν τέττιγες ἓνα μὴν' ἢ δύο ἐπὶ τῶν κρατῶν ἄδουσι, Ἀθηναῖοι δ' αἰεὶ ἐπὶ τῶν δικῶν ἄδουσι πάντα τὸν βίον.

⁵⁾ Ср. Arist. Equ. 1112 sqq.: ὦ Δῆμε, καλὴν γ' ἔχεις ἀρχήν, ὅτε πάντες ἄνθρωποι δεδίασι σ' ὡς περ ἄνδρα τύραννον. ἀλλ' εὐπαράγωγος εἶ, θαυπευόμενός τε χαιρείς κάταπατῶμενος, πρὸς τὸν τε λέγοντ' αἰεὶ χέχρησας: ὁ νοῦς δὲ σου παρῶν ἀποδημεῖ.

⁶⁾ Ср. Arist. Vesp. 546 sqq. Plat. Theaet. 172 E.—Постепенно впрочемъ (и довольно скоро) эти жалобы или насмѣшки теряютъ свою остроту, отчасти, конечно, потому, что пришлось примириться или удалось свыкнуться съ силой или насиліями слова надъ вольной мыслью еkkлecіастовъ, булевтовъ и гелиастовъ, отчасти-же потому, что и вообще вопросы государственнаго управленія утрачиваютъ свое общественное и практическое значеніе: философія все больше забываетъ дорогу на агору (εἰς ἀγορὰν οὐκ ἴσασι τὴν ὁδόν, οὐδὲ ὅπου δικαστήριον ἢ βουλευτήριον, Plat. Theaet. 173 D), комедія изъ политической переходитъ въ комедію интриги (и въ нее же разрѣшается трагедія).

Рука объ руку съ краснорѣчіемъ, получающимъ все большее значеніе во внутренней политической жизни государства (или «гражданской общины»), развивается и краснорѣчіе международныхъ, дипломатическихъ сношеній: въ качествѣ возможнаго— иногда и единственно-возможнаго, или даже необходимаго—средства для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей внѣшней политики, рядомъ съ первобытной, подлинной «махетикой» (т. е. искусствомъ борьбы) становится другая махетика, орудіемъ которой служить не мечъ, а «изощенный, какъ мечъ, языкъ», «напряженное, какъ лукъ, слово»¹⁾: во главѣ отправляемаго къ другому государству посольства государство старается поставить умѣющаго владѣть мыслью и словомъ; рассказываютъ, что въ качествѣ пословъ—одинъ отъ леонтинцевъ, другой— отъ кеосцевъ—явились въ Аѣины знаменитые софисты Горгій и Продикъ²⁾; мы знаемъ, что изъ аттическихъ ораторовъ вошедшихъ въ канонъ «десяти» отправляли посольскія службы всѣ имѣвшіе аѣинское гражданство, за исключеніемъ только—имѣвшаго дарованія, но не имѣвшаго данныхъ для политической дѣятельности—Исократъ³⁾.

Потомъ, правда, когда еллинскія государства попадаютъ въ зависимость отъ царей—Александра Великаго и его діадоховъ и епигоновъ, а послѣ и народа или сената римскаго и императоровъ римскихъ,

¹⁾ Ср. Plat. Resp. 411 C sqq.: μισολόγος γίγνεται καὶ ἴππους, καὶ παῖδοί μὲν διὰ λόγων οὐδὲν ἐτι χρήται, βίη δὲ καὶ ἀγριότητι ὡσπερ θηρίων. Arist. rhet. 1355 a: ἄτοπον εἰ τῷ σώματι μὲν αἰσχρὸν μὴ δύνανται βοηθεῖν ἐκυτῶ, λόγῳ δ' οὐκ αἰσχρὸν ὁ μῆλλον ἴδιον ἐστὶν ἀνθρώπου τῆς τοῦ σώματος χρεῖας. Въ Зористіс: Платона, 225 A ἡ μυχρητικὴ распадается на τὸ σώματι πρὸς σώματα καὶ τὸ λόγοις πρὸς λόγους γιγνόμενον.

²⁾ Plat. Hipp. maj. 282 C. Тимѣй у Dion. Lys. 3, и Diod. XII, 53. Paus. VI 17, 8 (гдѣ Горгія въ Аѣины сопровождаетъ даже Тисій).

³⁾ О посольской службѣ Антифонга, Андокида, Эскина, Демосѡена, Ликурга, Гиперида см. у Kirchner, Prosopographia Attica, или у Blass, Att. Beredsamkeit.² Исократъ говорить (V 81) о себѣ: ἐγὼ γάρ πρὸς τὸ πολιτεύεσθαι πάντων ἀφαιστάτος ἐγενόμην τῶν πολιτῶν, οὕτε γάρ φωνὴν ἔσχον ἰκανὴν οὕτε τόλμην δυναμένην ὄχλῳ χρῆσθαι; нешзвѣстно, насколько надежно извѣстіе, что онъ сὺν Τιμοθέῳ πολλὰς πόλεις ἐπέληθε, συντιθεὶς τὰς πρὸς Ἀθηναίους ὑπὸ Τιμοθέου πεμπομένης ἐπιστολάς, v. X or. 837 c (ср. Philod. II 178 Sdh.).—Характерны рассказы о посольствѣ, посланномъ въ 155 г. въ Римъ аѣинянами, о посольствѣ, во главѣ котораго были поставлены представители трехъ процвѣтавшихъ тогда въ Аѣинахъ философскихъ школъ—академикъ Карнеадъ, стоикъ Диогенъ, перипатетикъ Критолай (см. С. А. Жебелевъ, Изъ исторіи Аѣинъ, 193 сл.).—Philostr. v. s., I, 21, о Скопеліанѣ: βασιλεῖοι δὲ αὐτοῦ πρεσβεῖαι πολλαὶ καὶ γὰρ εἰς καὶ ἀγαθὴ τύχη συνηκολούθει τῷ πρεσβεύοντι (то же о другихъ софистахъ—I 24. 25; II 5).—Въ болѣе-позднихъ надписяхъ очень часто отгвѣчаются посольскія услуги, а иногда и содержаніе посольскихъ рѣчей (ср., напр., Ditt.² 259. 276. 281. 303. Mich. 205. 252. 431.).

падаетъ, становясь все менѣе содержательной, политическая жизнь еллиновъ, а съ нею вмѣстѣ падаетъ и политическое краснорѣчіе, и болѣе-поздніе писатели греческіе основывались конечно на горькомъ опытѣ своего времени, когда говорили, что только въ свободномъ, а не въ поработанномъ народѣ рождается любовь къ слову, что вмѣстѣ съ демократіей поднимаются и вмѣстѣ съ нею погибаютъ великіе ораторы¹⁾. Но если политическое краснорѣчіе, столь пышно расцвѣтшее особенно въ Аѣнахъ V и IV вѣка, достигнувъ въ рѣчахъ Демосеена своего кульминаціоннаго пункта, послѣ начинаетъ падать, все больше специализуясь на рѣчахъ, произносимыхъ не на вѣчѣ или въ совѣтѣ, и даже не въ сенатѣ римскомъ, а предъ царями, предъ намѣстниками римскаго народа, потомъ предъ римскими императорами и ихъ намѣстниками, если и самыя эти—больше дипломатичныя, нежели дипломатическія,—рѣчи становятся все рѣже дѣловыми и все чаще просто привѣтственными, поздравительными или благодарственными, и во всякомъ случаѣ хвалебными²⁾,—то краснорѣчіе судебное казалось болѣе

¹⁾ π. ὕψους 44, 2 sqq.: ἐκείνῳ τῷ θρῦλουμένῳ, ὡς ἡ δημοκρατία τῶν μεγάλων ἀγαθῆ τιθηνός, ἢ μόνη σχεδὸν καὶ συνήμαρταν οἱ περὶ λόγους θεῖοι καὶ συνεπέθανον... δοῦλον μηδένα γίνεσθαι ῥήτορα. Это (отчасти быть-можетъ восходящее къ Аристотелю, ср. Arist. Metaph. 981 b) τὸ θρῦλούμενον представлено для насъ гл. обр. Цицерономъ (Cic. Br. 46: in impeditis ac regum dominatione devinctis nasci cupiditas dicendi non solet. pacis est comes otiique socia et iam bene constitutae civitatis quasi alumna—τιθηνός?—quaedam eloquentia; ср. de or., I 39: haec una res in omni libero populo maximeque in pacatis tranquillisque civitatibus praecipue floruit semperque dominata est). Изъ Цицерона же (Brut. 36 sqq.; de or. II 95) мы узнаемъ, что паденіе еллинской (аттической) политической елоквенціи (сравшии болѣе *suavis*, нежели *gravis*, связывалось обыкновенно съ именемъ Димитрія Фалерейца. Ср. Norden, A. K., 126 ff.

²⁾ Въ какомъ направленіи шло и до чего въ этомъ направленіи дошло—все болѣе сближаясь съ эпидейктическимъ—политическое краснорѣчіе еллиновъ, лучше всего показываетъ трактатъ (II) конца III в. по Р. X. περὶ ἐπιδεικτικῶν [Менандра], (Bursian, *Abh. d. bayr. Ak.*, XVI 3 ff.), гдѣ даются подробныя схемы для рѣчей къ императорамъ и къ правителямъ провинцій—для λόγοι βασιλικοὶ (панегирики, л. χαριστήριοι и εὐχριστήριοι), στεφανωτικοὶ (при поднесеніи императору золотого вѣнка,—не болѣе 150—200 ἐπέων, т. е. строкъ), προσβεβητικοὶ (взывавшихъ къ φιλανθρωπία и μεγαλοφυχία императора), προσφωνητικοὶ и ἐπιβατήριοι (привѣтствовавшихъ правителя провинціи при вступленіи его въ должность или при посѣщеніи имъ города), προπεμπτικοὶ (произносившихся при оставленіи правителемъ поста), κλητικοὶ (приглашавшихъ правителя почтить своимъ присутствіемъ πρυγυριοὶ или своимъ посѣщеніемъ городъ). Прекрасное въ своемъ родѣ руководство [Менандра] развивало не новыя, а уже давно сложившіяся правила. Какъ-бы по [Менандру] составлены были, напр., не только рѣчи Діона Хрисостома (I) и Аристиды (IX), не только панегирикъ Августу Цезарю въ Энеидѣ, VI, 791 sqq. (ср. Norden *Rh. Mus.* LIV 466 ff.), но уже ἐγκώμιον къ Еватору Исократу и

способнымъ выдержать эти превратности политическихъ судебъ. Плу-тархъ, правда, предостерегалъ еллиновъ отъ той сносящей головы сѣкиры, о которой говорилось въ стихѣ какой-то греческой трагедіи, в которая украшала собою и fasces римскаго намѣстника¹⁾; но конечно въ мирное, спокойное время чрезвычайно-рѣдки были случаи военно-административной расправы; зато «домашнее» римское судопроизводство не осталось и безъ—косвеннаго по крайней мѣрѣ—вліянія и на даль-

вѣроятно ἐγκώμιον εἰς Ἰππόλοχον (Arist. rhet. 1368 a), а также тѣ ἐγκώμια къ тиранну или царю, о которыхъ упоминаетъ Платонъ Theaet. 174 D sqq. (ср. Rohde, Kl. Schg. I 256 ff.); въ концѣ концовъ οἱ ἀνδρὸς ἀρετὴν διὰ λόγων ἐγκωμιάζοντες восходили (ср. Ivosg. Euag. 8 sqq.) къ οἱ ἐν ταῖς φδοαῖς καὶ τοῖς μέτροις ἐγκωμιάζοντες (какъ Пиндаръ), а эти φδοαῖ, въ свою очередь, сближались съ гимнами въ честь боговъ и героевъ; недаромъ и (Менандръ) совѣтуетъ произносящему βασιλικὸν высказывать сожалѣніе объ отсутствіи у него краснорѣчія Гомера, Орфея или даже Музъ; ὡς περ το κρείττον—говоритъ онъ—ἔμνος καὶ ἀρεταῖς ἱλασκόμεθα, οὕτω καὶ βασιλεῖα λόγοις.—Посольства къ императору, при приѣмѣ которыхъ (иногда аудіенція давалась имъ въ сенатѣ,—какъ, впрочемъ, и сенатомъ) произносились λόγοι βασιλικοί, посылались еллинскими-еллинизованными государствами вообще, повидимому, часто, но сравнительно-рѣдко по какому-нибудь опредѣленному дѣлу, а обыкновенно или съ поздравленіями—особенно по поводу принятія императоромъ власти, съ сообщеніемъ о постановленныхъ ему почестяхъ, для поднесенія золотого вѣнка и разныхъ даровъ, для выраженія соболѣзнованія, для принесенія благодарности, съ привѣтствіемъ по случаю вступленія его на сосѣдную или болѣе или менѣе близкую территорию, для доведенія до его свѣдѣнія о томъ, что граждане πολῆες или сограждане τοῦ κοινοῦ остались довольны службой у нихъ проконсула или прокуратора или пожертвованіями и услугами какого-либо мѣстнаго дѣятеля, желавшаго стать εὐεργετηγώματος, и т. п. (ср. И. Г. Турчезичъ, Обращенія къ императору въ первые три вѣка р. имп., Изв. Ист.-Ф. Инст. Кн. Безб., т. XVIII и XIX). Данныя наши объ этихъ посольствахъ къ императорамъ имѣютъ очень значительное сходство съ—столь многочисленными (преимущественно эпиграфическими)—данными о посольствахъ къ царямъ еллинистической эпохи (ср., напр., надписи приведенныя у Ditt.³ 168 sqq.); между прочимъ,—какъ императорамъ, такъ и царямъ часто вручаются посланія ψηφίσματα τελεμητικά, которыя становятся все цвѣтстѣе, т. е. все приближаются къ λόγοι (βασιλικοί).—О рѣчахъ къ проконсулу говорить Ульшанъ (de officio proconsulis, Dig. I, 16, 7), что проконсулъ pati debet commendari sibi civitatem laudesque suas non gravate audire, cum honori suo provinciales id vindicent; изъ надписей (напр., Ditt.³ 186. 193. 220. 221) можно видѣть, что и въ еллинистическую эпоху греческія государства считали за честь возглашать laudes разнымъ поставленнымъ ἐπὶ τοῦ βασιλέως стратегамъ.

¹⁾ Plut. praes. r. p. ger., 17; цитуемый здѣсь стихъ трагедіи (fr. tr. ad. 340 N.) гласилъ: δεινὸς κολαστῆς πέλεκυς αὐχένος τομεύς.—[Менандръ], π. ἐπίδ., 71 В.; рекомендовалъ проводить въ эпilogѣ привѣтственной рѣчи правителю провинціи ж. пр. такую мысль: ἀναθήμεν τοῦτο το εἶφος μὴ Ἄρει μὴδὲ Δεῖμῳ μὴδὲ Φόβῳ, ἀλλὰ Δίκῃ καὶ Θέμει; καὶ Ἄθηνῃ ἀνάθημα χαβαρὸν φόνων....

нѣйшую разработку судопроизводства у эллинов¹⁾, а все осложнявшіяся жизненныя условія и людскія отношенія также содѣйствовали не уменьшенію, а увеличенію судебныхъ дѣлъ, а стало-быть и судебныхъ рѣчей²⁾. При столь сравнительно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ судебное краснорѣчіе могло бы даже, казалось, возвышаться на счетъ падавшаго краснорѣчія политическаго.

Но и на счетъ политическаго, и на счетъ судебного краснорѣчія возвысился другой родъ краснорѣчія—тотъ родъ краснорѣчія, который, въ отличіе отъ политическаго и судебного краснорѣчія, отъ γένος συμβουλευτικόν (или πολιτικόν) и γένος δικανικόν, назывался обыкновенно у еллинскихъ теоретиковъ риторики γένος ἐπιδεικτικόν³⁾,—отъ словъ:

¹⁾ Границы, въ какихъ подлежалъ-бы рассмотрѣнію вопросъ о римскихъ вліяніяхъ на греческое судопроизводство, устанавливаются у *Mittels, Reichsrecht u. Volksrecht in d. östl. Prov. d. röm. Kaiserreichs*, 81 ff.; ср. *Gilson, L' Étude du droit romain*, 174 ss.—Не безъ римскихъ вліяній (ср. *Strab.* 539) опредѣлилась (особенно въ Азіи)—отчасти на почвѣ древней „эксегетики“ (ср. *ἐξηγητῆς τῶν Λυκουργείων* CIG 1364, *νομοδείκται* Ditt². 653, 114, *νομοφύλακες*) и случайной ἐμπειρία νομική (*Philod. de vit.* X 18; ср. *Alex. fr.* 39 K.) профессія νομικοί (обыкновенно вмѣстѣ и ῥήτορες); ср. CIG 2787 sq. 3504 (ῥήτορα καὶ νομικόν). *J. of. Hell. St.* XI 249 (ἐπὶ τῶν καὶ ἰαμβῶν ποιητῆν καὶ λόγων ἐγκωμιστικῶν συγγραφεῖς, νομικόν ἐν τοῖς ἀρίστοις). BCH XXIV 373 (*iurisprudens*—νομικός). *Arch.-ep. M. a. Ö.* XI 32 (νομικός τῆν ἐπιστήμην).—Различіе между греческимъ и римскимъ процессомъ, что касается преній сторонъ, рисуется въ рассказѣ Либанія, v. *soph.* 483 B., о разборѣ проконсуломъ, въ 311 г., дѣла о побойщъ между двумя школами софистовъ. Стороны, по греческому обычаю (ср. *Schoemann-Lipsius, Att. Proz.* 920 f.), распредѣлили свои рѣчи такъ, что одну рѣчь долженъ былъ держать ученикъ, другую учитель; когда ученикъ произнесъ рѣчь, и учитель хотѣлъ начать свою, то проконсулъ перебилъ его словами: Ἄλλ' οὐ τοῦτο γε Ῥωμαῖοι δοκιμάζουσιν, ἀλλ' ὁ τὴν πρώτην εἰπὼν κατηγορίαν κινδυνεύειτω καὶ περὶ τῆς δευτέρας; когда же и другой учитель просилъ у проконсула слова, тотъ воскликнулъ: Ἄλλ' οὐδαίς ὁμῶν γ' ἐρεῖ τῶν ἐσκεμμένων διδασκάλων οὐδὲ κροτῆρι τις τῶν μαθητῶν τὸν λέγοντα, ἀλλ' εἰσασθὲ γε αὐτίκα ἤλικον ἐστὶ καὶ οἶον τὸ παρὰ Ῥωμαίοις δίκαιον.

²⁾ Еще во II—III ст. по Р. X. самые видные софисты выступали и въ качествѣ судебныхъ ораторовъ. *Philostr. v. s.* I 21, 4 (τὸν Σμυρναῖον Νικήτην, μελετήσαντα μὲν ἐπιφανῶς, πολλῶ δὲ μείζον ἐν δικαστηρίοις πνεύσαντα); I 21, 10. 22, 6. 25, 3, и пр.; ср. I 23, 4: δικανικῶ δὲ σοφιστικώτερος σοφιστοῦ δὲ δικανικώτερος. Софиста Геліодора, явившагося къ императору посломъ, императоръ назначилъ адвокатомъ фиска, ὡς ἐπιτηδείωτερον δικαστηρίοις καὶ δίκαις, *Philostr.* II 32. Знаменитаго софиста Лолліана совѣтъ и народъ аѳинскій почтилъ (статуей), какъ ἀμφοτέρων ῥητῆρα δικῶν μελέτησὶ τε ἀρίστον, *CIA* III 625.—Само собою разумѣется, что всегда оставались въ силѣ и извѣстныя слова Горация (*epist.* II 3, 368 sqq.) объ *actor causarum mediocris*.

³⁾ Это—пользовавшееся наибольшимъ успѣхомъ у античныхъ теоретиковъ риторки—дѣленіе краснорѣчія на γένη ведетъ свое начало только отъ Аристотеля (*rhét.* I 3, 1358 a sq.; ср. *Cic. de inv.* I 7). Въ платоновомъ Софистѣ 222 C *πιθανουργική*

ἐπιδεικνυσθαι, ἐπιδείξεις¹⁾), которыми обозначалось выступление предъ публикой какого-либо исполнителя—и пѣвца, и актера, и музыканта, и скомороха, но также и оратора, или лектора, особенно-же «софи-

τήγη распадается на δικανική καὶ δημηγορική καὶ προσωμίλιτική. Исократъ говорить лишь о теоретическомъ выдѣленіи изъ всѣхъ рѣчей—рѣчей судебныхъ (XIII 19: τοὺς δικανικοὺς λόγους ἢ τοὺς ἄλλους ἅπαντας). Анаксименъ въ своихъ τέχνηαι ῥητορικάι (о немъ и о нихъ ср. Brzoska у Pauly-Wissowa, I 2086 ff.) устанавливаетъ (1, 1) лишь δύο γένη τῶν πολιτικῶν λόγων, τὸ μὲν δημηγορικόν, τὸ δὲ δικανικόν, но между εἶδη τούτων ἐπτά у него называются не только προτρεπτικόν, ἀποτρεπτικόν, κατηγορικόν, ἀπολογητικόν, но и ἔγκωμιστικόν, ψακτικόν и еще ἐξεταστικόν, причеъ однако эти послѣднія εἶδη, принимаемая и ἐν ταῖς δημηγορίαις, особенно примѣнимы, по его словамъ (35, 1), οὐκ ἀγῶνος (т. е. ἀγ. πολιτικοῦ, въ томъ числѣ и δικαστηρίου; ср. ἀγών и ἀγωνάρχω въ значеніи ἀγορά и ἀγορανόμοι у Беотійцевъ), ἀλλ' ἐπιδείξεως ἕνεκα. Такъ и у Philod. II 97 Sdh. противопоставляются ἡ ἐπιδεικτικὴ и ἡ ἐπὶ τῶν ἀληθινῶν ἀγῶνων (ср. также Arist. rhet. 1413 b sq., гдѣ λέξις ἀγωνιστικὴ, т. е. δημηγορική и δικανική, различается отъ λέξις γραφικὴ, или ἐπιδεικτικὴ, какъ γραφικωτάτη). У Филодема чаще всего представлено дѣленіе краснорѣчія на три мѣрѣ—πολιτικῶν (или συμβουλευτικῶν), δικανικῶν и πανηγυρικῶν (ср. Suppl. 45 sq. Sdh. и pass.) Иногда политическое и судебное краснорѣчіе противопоставлялось эпидейктическому роду какъ γένος πρακτικόν (Quint. III 4, 14; ср. Syg. I 2 R.). Въ Прол. т. ст. VII 2 W. λόγος (προφορικὸς) дѣлится на πρακτικὸς (συμβουλευτικὸς καὶ δικανικὸς) и θεωρητικὸς (θεῖσις,—т. е. διασκευῆς λογικῆ τέλος ἔχουσα τὴν θεωρίαν,—ἐγκώμιον, ψόγος).—Всѣ подобныя подраздѣленія краснорѣчія (другіе сюда относящіеся тексты см. у Volkmanп, Rhetorik³ 19 ff.), какъ и распредѣленія между ними отдѣльных рѣчей были, конечно,—какъ на это указывали и сами античные теоретики (ср. Anaxim. rhet. 35 Arist. rhet. 1358 b. Quint. III 4)—лишь болѣе или менѣе условными.

¹⁾ Нѣтъ, кажется, препятствій къ тому, чтобы предполагать, что названіе γένος ἐπιδεικτικόν (обыкновенно передававшееся на лат. яз. genus demonstrativum, хотя Квинтиліану, III 4, 13, казалось, что оно имѣетъ non tam demonstratōnis vim, quam ostentatōnis), иногда замѣнявшееся (конечно на правахъ pars pro toto, ср. Quint. I. c.) названіями ἔγκωμιστικόν или πανηγυρικόν (отчего, вѣроятно, это послѣднее слово сблизилось по значенію съ первымъ), сводилось не столько уже къ ἐπιδεικνύσθαι, сколько къ ἐπιδεικνυσθαι, ἐπιδείξεις ποιέσθαι. Ср. Philod. II 135 Sdh.: ἐν μὲν ταῖς πανηγύρεσι καὶ ταῖς ἐπιδείξεσιν καὶ τοῖς συγγράμμασιν οὐκ ἔρωθμός ἐστιν, ἐν δὲ τοῖς δικαστηρίοις καὶ ταῖς ἐκκλησίαις οὐδεὶς αὐτῶν προσέχει (ibid. I 32. II 256: ἐν ταῖς πανηγύρεσι καὶ δείξεσι τῶν σοφιστῶν). Быть-можетъ не внѣ связи съ этимъ кругомъ представленій стоитъ и—замѣняющій собою γένος ἐπιδεικτικόν—λόγος θεωρητικὸς Пролегоменъ W. VII 2, т. е. ἐπισκεπτικὸς πράγματος μετ' αἰτίας (ср. εἶδος ἐξεταστικόν Анаксимена?): Аристотель говорить, что каждый изъ устанавливаемыхъ имъ трехъ родовъ краснорѣчія имѣетъ свое τέλος, и именно πρὸς ἀκρατήν; слушатель непрежѣнно или θεωρὸς или κριτής, слушатель эпидейктической рѣчи не столько κριτής (т. е. περὶ τῶν μελλόντων, какъ еkklesiастъ, или περὶ τῶν γεγενημένων, какъ дикастъ), сколько θεωρὸς; спорное въ своемъ чтеніи: ὁ δὲ (περὶ) τῆς δυνάμεως (ὁ) θεωρὸς можетъ-быть разъясняется Филодемовымъ [ἔχει προκείμενον ὁ δικανικὸς χαρακτήρ αὐτὰ τὰ πράγματα ἐμφανίζειν ἀλλ' οὐ δύναμιν ἐπιδεικνυσθαι, II 137 Sdh.; ср. Alex. (ὁ τ. N.) у Sp. Rh. gr. III, 1: τὸ δὲ ἔγκωμιῶν εἶδος οὔτε αὐθέντας ἔχει οὔτε κριτάς, ἀλλὰ μόνον ἀκρατάς, ὅθεν καὶ ἐπιδεικτικόν τὸ τοιοῦτο καλεῖται. У Сопатра, Prol. Arist. p. 757, такъ опредѣляется этотъ видъ риторики: μῆστο—θέατρον, слуша-

ста¹⁾, а этимъ словомъ: софистъ, σοφιστής, первоначально обозначались всякіе вообще «искусники», въ томъ числѣ и бродячіе своморохи²⁾;

тель—ἐπαινέτης, цѣль—κλόν. Ср. Thuc. III 38, 4 sqq.: εἴθετα θεασαί μὲν τῶν λόγων γίγνεσθαι, ἀκροαταὶ δὲ τῶν ἔργων... σοφιστῶν θεαταῖς εἰσικότες.—Мимоходомъ замѣтимъ, что наряду съ именемъ Ἐπίδειξις (Ditt.³ 530. CIA II 609 c; Keil въ изданномъ имъ Anonymus Argentinensis, I. 13, читаетъ: [ὄνομα ἢν Φαίλακος] ῥήτορος τρίτρις Ἐπίδει[ξις], ср. S. 45 ff.) встрѣчается какъ имя триеры и Θέαμα (Ἐφ. ἀρχ. 1901, 81).—Не безынтересны попытки древнихъ ученыхъ (ср. Poll. IX 11. 36. Et. M. 311, 26. Hermog. prog. I 35 W.) объяснить терминъ ἐγκώμιον или изъ κῶμα, или изъ κῶμα:—ἔμφοδα, ἀγυαί (ср. τὰς τῶν κυρίων θεῶν κωμῆσας καὶ πανηγύρεις; надписей и папирусовъ: *Herm. XX 468 ff. Philol. LIII 91*).

¹⁾ Такъ у Теофраста, Char. V 10 (см. выше, стр. 6, прим. 3).—Ἐπεδείξαντο τῷ θεῷ, Ditt.³ 692. BCH XIV 396 (Ditt.³ 663: ἐπίδειξις ἐποίησαντο τῷ θεῷ διὰ τὰς μουσικὰς τέχνας).—Οἱ ἐπιδεικνύμενοι [Xenoph.] Hier. I 13.—Ср. Plat. Resp. 493 D: ἐπιδεικνύμενος ἢ ποιῆσιν ἢ τινα ἄλλην δημιουργίαν ἢ πόλει διακονίαν.—Ἐπιδεικνύσθαι ποιήματα (Plat. Resp. 398 A), λόγους (Plat. Soph. 194 B). Ср. Mich 66: ἐπεδείξατο μετὰ κιθάρης τὰ Τιμοθέου.

²⁾ „Софисты“, какъ общезвѣстный типъ представителей и учителей мудрости и краснорѣчія, вырисовываются предъ нами въ диалогахъ Платона (одинъ изъ коихъ носить даже заглавіе *Софисты*, какъ и Аристотель писалъ περὶ σοφιστικῶν ἐλέγχων), вырисовываются однако лишь на почвѣ борьбы съ ними и противопоставленія ихъ истиннымъ σοφοί, т. е. φιλόσοφοι. И послѣ не разъ заявляло себя это противопоставленіе (о чемъ намъ придется упомянуть ниже), и однако имя σοφιστής продолжало не только сближаться, или даже отождествляться съ σοφός или съ φιλόσοφος, но и разматриваться какъ σεμνότερον καὶ πάντιμον ὄνομα (Luc. rhet. pr. 1), особенно въ эпоху такъ назы. ваемой (и обыкновенно слишкомъ уже рѣзко изолируемой) отъ предшествующаго развитія краснорѣчія), „второй софистики“. (Ср. Zeller, Philos. d. Gr. II¹ 1074²; Rademacher, *Rh. M.* LI 17 ff. *Annim*, Dio v. Pr., 4 ff. 132 ff.). Названіе σοφισταὶ опредѣлилось быть-можетъ даже раньше, нежели σοφοί, не говоря уже о φιλόσοφοι. Оно обозначало собою, повидимому, людей искусныхъ, ловкихъ (виртуозовъ) въ сферѣ—возможно-широко понимаемой, отождествляемой съ σοφισμα—σοφία (ср. надпись VI в., принадлежащую, вѣроятно, самому врачу, а не его пациентамъ: μνεμα τὸδ' Αἰνέου σοφίας ἱατροῦ ἀρίστο, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XII 2), ср. χειρῶσοφοι, σοφοτεχνήτες ἄνδρες (Kaib. *Er. gr.* 841, 3; σοφιστῶν ἐπιχαλουμένων μηχαναί Plat. Leg. 906 D). Софистами оказывались и специалисты τῆς γυμναστικῆς (ср. Pind. Ol. XIII 20), также μάγειροι (правда, у комиковъ—ср. Athen. 379 a sqq.,—но комизмъ въ данномъ случаѣ имѣлъ свои предѣлы и свои реальныя основанія—въ томъ, что μάγειροι, такъ часто упоминаемые въ надписяхъ сакрального характера, „имѣли δημιουργικὰς τιμὰς“, Athen. 660 a sqq. 170 d sqq.; ср. Herod. VI 60), врачи, ваятели (ср. Pind. Ol. XIII 21 sq), прежде же всего специалисты τῆς μουσικῆς, т. е. поэзіи и музыки, и притомъ не столько, повидимому, въ качествѣ творцовъ, сколько въ качествѣ исполнителей (можетъ-быть отчасти этотъ смыслъ имѣютъ и слова рѣчи Алкидаманта, 2, ср. 12, о неисконныхъ, подобно τοῖς ἰδιώταις въ говореніи рѣчей, занимающихся писаніемъ сочиненій въ формѣ рѣчей софистахъ,—что было бы правильнѣе называть ихъ не σοφισταί, а ποιηταί); ср. Pind. Ol. XIII 19 sqq. Isthm. V [IV] 26 sqq., также σοφιστῶν σμήνος въ Αὐλφδοί Иофонта (fr. 1) и въ Ἀρχιλοχοи Кратина (fr. 2), особенно же Athen. 632 b, гдѣ говорится, что древняя σοφία едилиновъ была τῇ μουσικῇ μάλιστα δεδομένη, почему изъ боговъ Аполлона, изъ

поэтому-то софистъ Протагоръ въ діалогѣ Платона «утверждаетъ, что софистика — искусство очень древнее, только раньше посвящавшіе ей себя прикрывались—или поэзіей, какъ Гомеръ, Гесіодъ или Симонидъ, или мистическими дѣйствами и вѣщаніями (*χρησιμδία*), какъ Орфей и Мусей съ ихъ послѣдователями, а иные искусствомъ гимнастическимъ или мусическимъ,—все это были плащи, прикрывавшіе собою одно искусство,—софистику¹⁾). Эти плащи и отбросили въ сторону Протагоръ и современные ему «софисты»: они гордятся тѣмъ, что они софисты; они и являются—практическими и теоретическими—представителями эпидейктическаго краснорѣчія.

Если еллинское политическое и судебное краснорѣчіе развилось изъ гомеровской или гесіодовской *ἀγορητύς*, то краснорѣчіе эпидейктическое развилось изъ той пѣсни, какую гомеровскіе или гесіодовскіе пѣвцы (*αἰοδοί*) поютъ—иногда на агорѣ²⁾, обыкновенно-же за царскимъ

полууголовъ Орфея (ср. [Eur.] *Rhes.* 924) считали за *μουσικώτατον καὶ σοφώτατον*, и всѣхъ примѣнявшихъ эту τέχνη звали софистами, какъ и Эсхиль говоритъ: *εἴτ' οὖν σοφιστῆς καλὰ παραπαιῶν χέλον* (fr. 314 N.). Тотъ же Аевней 621 f сообщаетъ, что скомороховъ звали въ разныхъ мѣстахъ различно, чаще же всего *σοφισταί* (ср. Tiele, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.* IX 410 ff.). Нерѣдко и потомъ софистъ оказывался въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ γόης, или съ *μυητής*, также съ *φαρμακός* (Plat. *Conv.* 203 D. *Polit.* 291 C. 303 C. *Dem.* XVIII 276; ср. Plat. *Leg.* 908 D), какъ и вообще дѣятельность софистовъ (то въ похвалу, то въ порицаніе) любили характеризовать, какъ τὸ κηλεῖν, θέλειν τοὺς ἀνθρώπους (такъ говорится у Платона *Phaedr.* 267 C sq. о *Θρακσιμαχῆ*, а *Филостратъ*, ер. 73, 1, пишетъ, что древніе софисты, какъ Орфей и *Θάμυρος*—ср. II. II 596,—θέλοντες обходили малые и большіе города). Еще *Аристофанъ*, *Nub.* 331 sqq., различаетъ среди софистовъ *θειρομανταίς*, *ιατροτέχνας*, *σφραγίδωνυχαρχοκμήτας* (можетъ-быть представителей вырождавшейся въ *κομμητικὴν*—ср. Plat. *Gorg.* 465 В—гимнастики?), *κωλίων τε χορῶν ἀσματοκλήπτας*, *ἀνδρας μετέωροφάνους* (ср. 360: *μετεωροσοφισταί*, т. е. и Сократъ, какъ и *Продикъ*). Вообще „софисты“ выступаютъ какъ бы на сцѣнѣ гомеровскимъ *δημοεργοί* (*Od.* XVII 382 sqq.; ср. Plat. *Resp.* 397 E sq.); оттого-то у *Ксенофонта*, *Conv.* I 5, Сократъ противопоставляетъ *Каллію*,—переплатившему за *σοφία* много денегъ (Протагору и *Γοργію* и *Продіку* и многимъ другимъ),—себя и своихъ, какъ *αὐτοουργός τινος τῆς φιλοσοφίας*. И если Платонъ такъ настойчиво порицалъ современныхъ ему софистовъ за то, что они были *ἐμποροὶ ἢ κήπλοι τῶν ἀγῶνιμων*, то и въ этомъ они примыкали къ древнимъ „софистамъ“, или къ *демоεργамъ*.—Вѣроятно, не въ всякаго отношенія къ *σοφισταί*, какъ названію скомороховъ (также хора сатировъ у *Юфонта*), стояло и обычное потомъ названіе актеровъ—*τεχνίται*.

¹⁾ Plat. *Prot.* 316 D sq.—Въ число софистовъ, прикрывавшихся мусикіей, у *Плутарха* (*Per.* 4) помѣщается и игравшій видную роль въ и торіи краснорѣчія и въ исторіи „демагогін“, какъ наставникъ *Перикла*, *Дамонъ* (сообщенія о немъ Платона и др. указаны у *Busolt Gr. G.* III, 1, 247 ff., и *Kirchner, Protop. Att.* I 206 f).

²⁾ Ср. *Od.* VIII 254 sqq.

пированьем-почетнымъ-столомъ. Это—пѣвцы уже выдѣлившіеся въ особое состояніе, или сословіе, наряду съ другими носителями тогдашней духовной культуры, какъ вѣщатели или врачи или строители¹⁾. Сначала подъ музыку или съ музыкой, потомъ безъ музыки эти пѣвцы сначала поютъ, потомъ сказываютъ свои пѣсни, свои словеса, свои ἐπη—о томъ, что было. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это пѣсни о томъ, что есть, и что будетъ²⁾. Когда мыслили еще не понятіями, а только образами, когда и абстрактное могли мыслить только конкретно, когда μῦθος—миѳъ, конкретный рассказъ,—служилъ единственно-доступной формой и мышленія, и его словеснаго выраженія,—тогда эпическая пѣсня если не обнимала, то представляла собою почти всю философію или науку, всю мудрость, всѣ знанія³⁾. Конечно, у еллиновъ раздавались не однѣ эпическія пѣсни: поютъ они и за работой, за дѣломъ, и отъ бездѣлья, и дома, и въ полѣ, и въ лагерѣ, поютъ на свадьбахъ или похоронахъ,

¹⁾ Ср. Od. XVII 382 sqq., гдѣ вѣщатель, врачъ, τέκτων δοῦρων, пѣвецъ мыслятся странствующими и называются деміоергами; къ числу деміоерговъ относятся, XIX 135, и κήρυκες и, конечно, χαλκείς или κεραμαῖς, которые у Гесиода называются рядомъ съ τέκτονες и съ пѣвцами (ор. 25 sq.), какъ и κηβάρια (theog. 95), а также—не упоминаемые у Гомера—μάγειροι (аѳинскіе βοῦτόποι, аргосскіе βομαγίρι, у Varr. г. г. II 5, 4; ср. выше стр. 42, прим. 2); сюда же относятся и δημιοεργοὶ Геродота (IV 194. VII 31),—очевидно смѣшавшаго занимавшихся, по Гекатею (Steph. B. Ζουγαντίς), пчеловодствомъ съ тѣми δημιουργοὶ-μάγειροι, свидѣтельства о коихъ собраны у Аѳиня 172 а sqq.,—а также упоминаемые Геродотомъ (VI 60) κήρυκες, αὐληταὶ и μάγειροι лакедемонянъ. Эти „деміурги“ очень часто отмѣчаются въ надписяхъ, или какъ получающіе извѣстныя части жертвъ (ср. Ditt.² 616: ἰατροῖς—αὐλητῶν—χαλκῶν καὶ κεραμῶν ἐκτετέροις. 938: ἀοιδοῖς), или какъ члены жреческихъ и вообще сакральныхъ коллегій (ср., напр., Inscr. v. Olymp. 58 ff. IGS. III 486 sq. GDI III 4440 ff.).—Ср. также характерное видоизмѣненіе гомеровскихъ (Od. XVII, 384 sqq.) четырехъ группъ деміоерговъ у Солона, 13. 49 sqq. (гдѣ м. пр. одареннымъ отъ Музъ приписывается знаніе σοφίης μέτρον).—О судьбѣ сословія пѣвцовъ, какъ она отразилась въ гомеровскихъ поэмкахъ, см. Fries, *Rh. M.* LVII 265 ff., гдѣ впрочемъ (какъ и въ *Beitr. z. alt. G.* III 372 ff.) преувеличиваются восточныя вліянія, тогда какъ гораздо поучительнѣе невосточныя (въ томъ числѣ русскія) параллели (ср., напр., *Веселовскій*, Три главы, 137 сл.).

²⁾ Τὰ τ' ἔοντα τὰ τ' ἐσοόμενα πρὸ τ' ἔοντα, Hes. theog. 32. 38. Въ Илиадѣ такимъ всевѣдѣніемъ обладаетъ не пѣвецъ, а вѣщатель (Калхантъ), I 70.

³⁾ Ср. Plat. Tim. 29 D. 40 D. Crit. 107 A sqq. Resp. 376 E sqq. Polit. 271 A sqq. Phaedr. 274 C sqq. Phileb 16 C.—Wilamowitz Euripides Herakles I^o 96 ff. K. O. Müller, Proleg. zu e. wissenschaft. Mythologie, 111 ff. Grote, History of Greece, I, ch. XVI sq. Burckhardt, Gr. Kulturg. I^o 15 ff. II 19 ff. III 303 ff. Bender, Mythologie u. Metaphysik, I 19 ff. Rohde, Gr. R.² 12 ff. Psyche I^o 38 f. II 222 f. Hirzel, D. Dialog, I 260 ff.—Cp. Dilthey, Einl. in d. Geistesw. I 167 ff.

поютъ при богослуженіяхъ и на пирахъ и праздникахъ¹⁾,—поютъ или причитываютъ, сказываютъ; и всѣ ихъ пѣсни и сказы приносятъ имъ и удовольствіе, и пользу, или поученіе: какъ никакой другой народъ, умѣютъ они всегда соединять пріятное съ полезнымъ. Но изъ всѣхъ этихъ пѣсней и сказовъ именно тѣмъ и выдѣляются эпическія пѣсни, что ихъ полезность, поучительность рѣшительно перевѣшиваетъ собою доставляемое ими удовольствіе: оттого-то онѣ сравнительно-легко порываютъ съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ и потомъ уже не поются, а сказываются, или рецитируются; оттого-то сохраненіе, разработка, исполненіе главнымъ-образомъ этихъ пѣсней становится предметомъ спеціализаціи, и оттого-то на нихъ главнымъ-образомъ спеціализуются странствующіе пѣвцы. Эти пѣвцы творятъ и новыя пѣсни, но продолжаютъ творить и старыя, т. е. переработывать и разрабатывать ихъ и въ ихъ формѣ, и въ ихъ содержаніи²⁾. Надъ этой толпой пѣвцовъ-поэтовъ (φῦλον ἀοιδῶν), «какъ орлы надъ воронами», возвышаются отдѣльные пѣвцы-поэты, особливые избранники бога или музъ, создатели пѣсней, «слава которыхъ достигала широкаго неба»³⁾: они уже не «нисходятъ въ преисподнюю (ἐς εὐρύφωτα δόμον χροερού 'Αἰδαο) безъ имени, νόνονοι»,—они становятся даже національными героями, о нихъ, о ихъ состязаніяхъ между собою, если не съ Аполлономъ или Музами, складываются легенды⁴⁾, распространяемая потомъ—тѣми изъ пѣвцовъ, или сказителей, которые переходятъ уже на положеніе лишь вѣрныхъ исполнителей этихъ всѣми славимыхъ пѣсней,—которымъ вдохновенія—какъ платоновскому Іону—хватаетъ лишь на то, чтобы съ чувствомъ и толкомъ передать чужія пѣсни, да и то не всякія, потому что эти «рапсоды» спеціализуются—по большей части на Гомерѣ,—не желая знать ничего внѣ своей спеціальности⁵⁾, такъ что эта ограниченность, или просто «глупость» рапсодовъ обращается даже

¹⁾ Ср. *Christ*, *Gesch. d. gr. Litt.*³ 142 ff.; *Bücher*, *Arbeit u. Rhythmus*³, 39 f. 49 f. 58, 75. 87. 95. 202 ff. 308 ff. 357 ff.

²⁾ Ср. *Od.* I 351 sq.: τὴν γὰρ ἀοιδὴν μᾶλλον ἐπιχλείουσ' ἄνθρωποι, ἢ τις ἀκούωντασι νεωτάτῃ ἀμφιπέληται.—*Cauer*, *Grundfragen d. Homerkritik*, 174 ff. *Pöhlmann*, *Aus Altertum u. Gegenwart*, 56 ff.

³⁾ Ср. *Od.* VIII 62 sqq. 479 sqq. XXII 345 sqq. (αὐτοδιδακτος δ' εἰμί, θεὸς δέ μοι ἐν φρεσὶν οἶμας παντοίας ἐνέφουεν).

⁴⁾ *Crusius*, *Philologus*, LIV, 712 ff.

⁵⁾ *Plat.* *Ion* 531 A sqq.

въ пословицу¹⁾). Только немногіе изъ рпсодовъ умѣютъ еще присоеди- нить къ передаваемой ими пѣснѣ рассказъ о поэтѣ и толкованіе поэмы, введеніе и комментарий²⁾),—являясь въ этомъ отношеніи—черезъ посред- ство античныхъ «критиковъ» или «грамматиковъ»—прототипомъ совре- менныхъ профессоровъ классической филологіи.

Долго еще держится эпосъ, долго еще исполняется онъ рпсодами на многихъ общенародныхъ празднествах³⁾), служа также предметомъ или средствомъ обученія въ школахъ⁴⁾). Но онъ держится потому боль- ше уже по традиціи, по привычкѣ, перестаетъ развиваться, перестаетъ жить полной жизнью,—потому что перестаетъ удовлетворять умственнымъ

¹⁾ Одинъ изъ собесѣдниковъ ксенофонта Συμπόσιον'α (III 6) на вопросъ дру- гого: „знаешь-ли ты племя (ἔθνος) глухѣе рпсодовъ?“ отвѣчаетъ категорически „нѣтъ“. Ср. Мемог. IV 2, 10: τοὺς γὰρ τοὶ ῥαψωδοὺς οἶδα τὰ μὲν ἐπη ἀκριβοῦντας, αὐτοὺς δὲ πᾶν ἡλίθιους ὄντας. Ту же ходячую мысль заключали въ себѣ, конечно, и слова Анаксарха о μωρῇ πῆνцовъ, не совсѣмъ точно переданныя у Clem. Al. Str. I 337 P. и Stob. II. 34, 19.

²⁾ Ср. Crusius, *Philol.*, LIV, 713 ff. E. Meyer, *Hermes* XXVII 377 ff. E. Meyer, *Forsch. z. ält. gr. G.* II 236.—Что ὀμηρικοὶ съ ихъ ὀμηρικά ζητήματα, рано ставшіе предметомъ насмѣшекъ за свое педантство (ср. Aristot. *Metaph.* 1093 a: ὅμοιοι δὲ καὶ οὗτοι τοῖς ἀρχαίοις Ὀμηρικοῖς, οἱ μικρὰς ὁμοιότητος ὀρῶσι, μεγάλας δὲ παρορῶσιν), примкнули къ рпсодамъ, яснѣ всего видно изъ словъ Исократы, XII, 18: ἀπαντήσαντες γὰρ τινὲς μοι τῶν ἐπιτηδείων ἔλεγον, ὡς ἐν τῷ Λυκίῳ συγκαθεζόμενοι τρεῖς ἢ τετταρες τῶν ἀγελῶν σοφιστῶν, τῶν καὶ πάντα φασκόντων εἰδέναι καὶ ταχέως πανταχοῦ γιγνομένων, διαλέγοντο περὶ τῶν ἄλλων ποιητῶν καὶ τῆς Ἡοιδῶν καὶ τῆς Ὀμήρου ποιήσεως, οὐδὲν μὲν παρ' αὐτῶν λέγοντες, τὰ δ' ἐκείνων ῥαψωδοῦντες καὶ τῶν πρότερον ἄλλοις τισὶν εἰρημένων τὰ χαριέστατα μνημονεύοντες. Ср. Xenoph. *Conv.* III. 5 sq. IV 6 sq.

³⁾ Ср. Herod. V 67. Plut. *Ion* 530 A sq. Lyc. 102. Athen. 275 b. 538 e. 620 b. sqq. [Plut.] *de mus.* 6. CIGS I 414 sqq. 3195 sq. GDI 2563 sqq. Mich. 890 ss. Гераклитъ игралъ, конечно, словомъ ῥαψωδός, когда говорилъ (fr. 42 D.), что Гомера слѣдовало-бы ἔκ τῶν ἀγῶνων ἐκβάλλεσθαι καὶ ῥαπίεσθαι. Ῥαψωδία не на всѣхъ, однако, празднествахъ, гдѣ она исполнялась, была предметомъ состязаній: ср., напр., Ditt.³ 522.

⁴⁾ Эпосъ, прежде всего, конечно, гомеровскій (ср. Xenophan. fr. 10 D.: εἰς ἀρχῆς καθ' Ὀμηρον ἐπεὶ μεμαθήκασι πάντες), или отрывки изъ него, вмѣстѣ съ гимнами, *слу- жили обыкновенно и для обученія грамотѣ, пониманію прочитаннаго, выразительному чтенію, также для цѣлей мусическаго и филологическаго образованія и дабы τὰς τῶν νεωτέρων ψυχὰς πρὸς ἀνδρείαν ἐγείρειν καὶ παροξύνειν φαντασίας. Среди наставниковъ въ школахъ называются, наряду съ ὑποκριταί, и ῥαψωδοί (Dio Chr. XIII 17 A. Luc. *Anach.* 21), среди состязательныхъ испытаній—испытанія не только ἀναγνώσεως, но и ῥαψωδίας (Mich. 913. Ditt.³ 524). Въ Еретрии гимнасіархъ βουλόμενος τοὺς νέους ὠφελεῖν παρέσχεν ἔκ τοῦ ἰδίου ὀμηρικὸν φιλόλογον, *Ann. J. of. Arch.* XI, 188. Въ аристофановыхъ *Δαταλείς* (fr. 197 K.) интересъ къ гомеровскимъ глоссамъ подается уже въ пользу—богѣ прак- тичнаго—интереса къ устарѣлымъ словамъ въ законахъ Солона.—Ср. Plut. *Prot.* 325 E sq. *Resp.* 377 A sqq. *Xen. conv.* III 5. *Isocr.* IV 159. *Strab.* 15. 19 sq. *Plut. Philop.* 4. *Alc.* 7. *Dio Chr.* XI 4. XIII 17 sqq. *Luc. Anach.* 21.

запросамъ еллиновъ. Перестаетъ-же онъ отвѣчать этимъ запросамъ, когда распатывается миеическое мышленіе и міровоззрѣніе, когда старое, традиціонное окончательно оказывается уже не пригоднымъ, когда начинаютъ усиленно искать новаго, когда прежнія формы практической и духовной жизни оказываются тѣсными и не достаточно гибкими и пестрыми для ея—все расширяющагося и все осложняющагося—содержанія. Въ этомъ напряженномъ исканіи новыхъ формъ и новыхъ путей, одни бросаются въ водоворотъ жизненныхъ утѣхъ и наслажденій, другіе предаются мрачному отчаянію, ожидая лишь смерти, какъ избавленія отъ земныхъ золъ; тогда-то такъ распространяются мистическіе и вакхическіе культы съ ихъ—нерѣдко изстуженными—мистеріями или оргіями; тогда ходятъ по Елладѣ пророки съ ихъ предвѣщаніями, заклинаніями и чудесами¹⁾. Когда миновалъ этотъ кризисъ, улеглось возбужденіе, когда Еллада приняла боевое крещеніе и очищеніе, страхнувъ съ себя нахлынувшихъ на нее, и съ Востока, и съ Запада, варваровъ, когда жизнь опять потекла хоть и быстрымъ, но уже не столь бурнымъ потокомъ, когда началась болѣе спокойная и пристальная пере-

¹⁾ Rohde, Psyche, II° 1 ff. Gruppe, Gr. Mythol. u. Religionsg. 1016 ff. Gomperz, Gr. Denker, I 100 ff. Maass, Orpheus, 129 ff.—Эти странствовавшіе тогда „по всей землѣ“ пророки (ἔνθεοι μάντις, φοιβάλαμπτοι, νομφόληπτοι, χρησμολόγοι, κλαρταί), вѣщатели не только пері τῶν ἰσομένων, но и пері τῶν γεγονότων μὲν ἀδήλων δέ (Arist. rhet. 1418 a), въ своей дѣятельности сближавшіеся и съ μάντις (вродѣ гомеровскаго Калханта), и съ поэтами (особенно такими, какъ Терпандръ, Θαλῆτας, Алкманъ, ср. Diels Sibyll. Blätter, 91; ср. Орфей, Мусей, Епименидъ, Ономакрить, Ластъ), и съ врачами (ср. ἰατρομάντις), и съ философами (особенно съ „софистомъ“—такъ у Геродота, который этимъ именемъ обозначаетъ и проповѣдниковъ-истолкователей культа Діониса,—Пиеагоромъ, но также и съ Ксенофаномъ), предшественники позднѣйшихъ—обыкновенно уже не странствовавшихъ (какъ Σόφοις, CIA II 10. 25; IV 2, 35 c), а осѣдлыхъ—μάντις, χρησμολόγοι (ср. о нихъ Rh. M., LIII 498 ff.) и ἐξηγηταί, являются вмѣстѣ съ тѣмъ—наряду съ рапсодами—предшественниками и софистовъ κατ' ἔξοχην. Любопытно, что и Епименидъ—такъ, по крайней мѣрѣ, у Plut., an seni res p. ger. a., 1—съ его полувѣковымъ сномъ, послѣ котораго онъ, ἀγύμναστος и ἀταχῆος, искалъ демагогіи, во впечатлѣ былъ въ исторію краснорѣчія, какъ и представлявшіе (резвостію своей мысли) нѣкоторую противоположность пророкамъ οἱ ἐπὶ σοφισταί (или σοφοί), которые—какъ говорится въ наданномъ въ Hermes XXIX 119 f. Ineditum Vaticanum—искали славы не δαιμόνητι λόγων, а только ἀποφθέγμασι, слышшими зато какъ χρησμάτων πιστότερα; по Дикэарху—сообщается дальше—даже и эти краткія изреченія не принадлежали семи мудрецамъ, потому что οἱ πάλα не философствовали λόγῳ,—σοφία была тогда только ἐπιτήθεισις ἔργων κἀλῶν, и лишь потомъ появилась λόγων ὀχλικῶν τέχνη (ср. Plat. Hipp. maj. 281 C sqq.).—Много позже, въ эпоху „синкретизма“ и „романтизма“, опять являются подобныя этимъ древнимъ пророки (таковъ былъ и Аполлоній изъ Тіаны—по крайней мѣрѣ какъ его рисуетъ Филостратъ).

оцѣнка цѣнностей, переоцѣнка словъ и понятій¹⁾, тогда оказалось, что живое эпическое творчество уже потеряло всякую способность къ дальнѣйшему естественному развитію²⁾, и аристофановскій³⁾ возгласъ: μή μοι γε μύθους ἀλλὰ τῶν ἀνθρώπων (не сказки сказывай небывлыя, а говори человѣческія рѣчи о человѣческихъ дѣлахъ!) сталъ звучать теперь все внушительнѣе; иные прибавляли, что мнѣмъ хороши для дѣтей или для необразованныхъ, потому что имъ только нужно преподносить истину подъ покровомъ красивой лжи, красиваго измышленія⁴⁾.

¹⁾ καὶ τὴν εἰσθεῖσιν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντὶλλαξαν τῇ δικαιοσύνῃ—по выраженію Фукидида, III, 82, 4.

²⁾ Объ этомъ упадкѣ эпоса—когда παραφανείης τῆς τραγῳδίας поэты ἀντὶ τῶν ἐκῶν τραγῳδοδιδασκαλοὶ ἐγένοντο, ибо драматическія σχήματα стали μείζονα καὶ ἀντιώτερα,—Arist. poet. 1449 a; но, конечно эпосъ разрѣшался не только въ драматическую, но и въ диоламбическую и вообще въ мелическую поэзію, прежде же всего въ историческую и философскую ритмическую прозу. Авторъ эпической Перевиды к. V в. Χοερίδος указывает на то, что παντα δεδύματα (ἔχουσι δὲ παντα τεχναι), и негдѣ уже νεοζυγῆς ἄρρα παλάσσα (fr. 1 K.); ἀπίτω μοῦσα παλάσσῃ—воскликаетъ Тимофеей (fr. 21 W.). Дальнѣйшее развитіе эпической поэзіи, разумѣется, подавляли своимъ величіемъ и гомеровскія поэмы. Только въ т. наз. александрійскую эпоху съ ея не то романтическими, не то классицистическими тенденціями опять сочиняются эпосы, но уже чисто-искусственного, даже научнаго характера.—Ἐπὶ τῶν ποιητῶν: наряду съ ралсодами упоминаются, въ III и сл. стол., между побѣдителями на нѣкоторыхъ мусическихъ агонахъ (такъ въ боотійскихъ Оропѣ, Θεσπιάхъ, Орхоменѣ, ср. SIGS I 416 sqq. 1760 sq. 3195 sq. Mich. 891; ср. Ditt.² 693).—Само собою разумѣется, что всегда существовали—позднѣе даже, когда археологія вошла въ моду, увеличиваясь въ своемъ числѣ и прочнѣе организуясь—и мѣстные знатоки старины, разказчики мѣстныхъ, особенно культовыхъ легендъ,—ἱστορῆται (ср. Gurlitt, Ueb. Pausanias, 124 ff.). Любопытный образецъ официальной (жреческой) кодификаціи такихъ легендъ объ ἱεράτῃ Αἰολίῳνα и Ασκλαπίῳ либѣмъ въ епидаврійскихъ надписяхъ III в. (IGP I 951 sq., ср. Ditt.² 802 sq.).

³⁾ Aristoph. Vesp. 1179.

⁴⁾ Plat. Resp. 376 E sqq. Strab. 19 sq. Hermog. prog. W. I 1.—Столько-же характерное, сколько ненадежное преданіе (Diog. L. IX 18) разказываетъ намъ объ одномъ бѣдножъ ралсодѣ, странствовавшемъ въ VI—V в. по Елладѣ; для толпы онъ сказывалъ пѣсни о богахъ, о герояхъ, о предкахъ, но для избранныхъ у него были иныя пѣсни; онъ поучалъ, что мудрость выше силы, что людьми мудрыми государство должно дорожить больше, нежели своими кулачными бойцами, борцами, скороходами, отъ которыхъ не прибудеть въ государствѣ законности и порядка; онъ поучалъ, что людямъ не дано знать истины, но что они должны неустанно искать ея, стремиться къ ней; но съ особенной силой этотъ ралсодъ—не кто иной, конечно, какъ Ксенофанъ,—возставалъ противъ суевѣрія и противъ тѣхъ—часто безнравственныхъ—образовъ боговъ, какіе измышлены были древними эпическими поэтами, противъ πλάσματα τῶν προτέρων (ср. Diels, Die Fragmente d. Vorsokratiker, 38 ff.). Известно, какимъ успѣхомъ пользовался этотъ послѣдній пунктъ ученія Ксенофана,—въ частности у Платона, который не только усвоилъ его себѣ, но и хотѣлъ усвоить его „государству“,—

Утраченную эпосомъ способность къ дальнѣйшему развитію не утратили другіе виды поэзіи—мелось и особенно драма. И эта поэзія поучала, конечно, и вѣрную и по отношенію къ ней мысль, что «поэты то же для взрослыхъ, что для дѣтей учитель», комикъ Аристофанъ влгаетъ въ уста трагика Эсхила¹⁾. Но, все осложняясь въ своемъ развитіи, все дальше уходя отъ эпической простоты и спокойствія, поэзія эта все менѣе оказывалась пригодной для прямого, непосредственнаго поученія, или назиданія. Чтобы смѣнить собою, въ его учительской миссіи, склонявшійся къ упадку эпосъ, и выступило тогда—поддерживаемое политическимъ и судебнымъ краснорѣчіемъ—краснорѣчіе эпидейктическое.

Къ концу V вѣка до Р. X. относится та встрѣча Сократа (разумѣется, въ Афинахъ) съ софистомъ Гиппіемъ, которая такими живыми чертами изображена въ платоновскомъ діалогѣ *Ἰππίας μείζων*²⁾. Гиппію не часто доводится бывать въ Афинахъ: его родина Элида постоянно обращается къ нему первому, когда ей нужно вести переговоры съ какимъ-либо государствомъ. Гиппію мало той славы, какую—всюду, гдѣ онъ выступаетъ въ качествѣ посла,—создаютъ ему его посольскія рѣчи. Онъ

такъ что и друзьямъ, и врагамъ Платона пришлось разбирать—*ἄσα τε ἐκχωμιάζων γέγραφεν τὴν Ὀμήρου ποιήσιν καὶ ὅσα ἐπατριώματος ἐφθεύχεται* (Procl. in Pl. r. p. I 70 Kr.).

¹⁾ Aristoph. Ran. 1054 sq.: τοῖς μὲν παιδαγωγίαισι ἔστιν διδάσκαλος βασις φράζει, τοῖς ἡβῶσι δὲ ποιηταί. Ср. 1008 sq.—Горцію приписана у Плутарха (de aud. p. 1; de gl. Ath. 5) мысль, что трагедія представляетъ собою *ἀπάτην*, ἣν ὁ τε ἀπατήσας δικαιοτέρος τοῦ μὴ ἀπατήσαντος καὶ ὁ ἀπατηθεὶς σοφώτερος τοῦ μὴ ἀπατηθέντος; подобную мысль встрѣчаемъ и въ писанныхъ ок. 400 г. *Διαλέξεις* (или *Δισσοὶ λόγοι*); но тамъ (дважды) приводится и другая мысль—что *τοὶ ποιηταὶ οὐ ποτ' ἀλάθειαν, ἀλλὰ ποτὶ τὰς ἀδονὰς ποιεῖοντι* (р. 583 sq. Diels). Насколько стремится поэзія къ *διδασκαλίᾳ* (хотя-бы *μεθ' ἡδονῆς*), насколько къ *φουλαγωγίᾳ*,—объ этомъ много спорили древніе литературные критики; но въ этомъ спорѣ (ср. особенно Strab. 15 sqq.) всегда изолированное мѣсто отводилось „мишамъ“ или эпосу (т. е. прежде всего Гомеру), который какъ бы служилъ посредникомъ между *λόγος* и *ποίημα*. Ср. *Kaidel, D. Proleg. π. χωμωιδίας*, 15 ff. (также *v. Scala, D. Studien d. Polybios*, I 63 ff. 128 ff.).

²⁾ Plat. Hipp. maj. 281 A sqq.—Для насъ, къ счастью, не имѣеть въ данномъ случаѣ существеннаго значенія вопросъ о принадлежности этого діалога самому Платону, большинствомъ голосовъ (такъ и *Horneffer, De Hippia maiore qui fertur Platonis*, 1895, и *Bruns, D. liter. Porträt d. Gr.*, 346 ff.) рѣшаемый не въ пользу діалога. *Dümmier, Akademia*, 52 ff. 232 ff., стоявшій за принадлежность діалога Платону, тщетно старался доказать, что „подъ маской Гиппія Платонъ осмѣивалъ здѣсь Исократу“; гораздо проще предположить, что въ діалогѣ рисуется типъ софиста (V—IV в.), при чемъ Гиппію взятъ какъ наиболѣе яркій представитель этого типа.—Данныя античной литературы о Гиппіи элейцѣ (ср. *Diels, D. Fragm. d. Vorsokratiker*, 545 ff.) требовали бы критическаго пересмотра болѣе тщательнаго, нежели имѣющіеся теперь (ср. *Apetl, Beitr. z. Gesch. d. gr. Philos.*, 367 ff. *Dümmier l. 1.* и *Kl. Schr. II 182 ff.*).

выступает и въ качествѣ публичнаго лектора, поучая и мудрости, и добродѣтели, добывая себѣ не только славу, но и деньги. Онъ можетъ держать рѣчь о чемъ угодно—о доблести и добродѣтели, о законахъ, о свѣтилахъ небесныхъ, о геометріи, объ исчисленіяхъ, о звукахъ и слогахъ, ритмахъ и гармоніяхъ¹⁾. Когда нужно было угодить слушателямъ такимъ, какъ лакедемоняне²⁾, которые едва умѣли даже считать, для которыхъ вся этика заключалась въ ихъ востари-переданныхъ и бережно-хранимыхъ законахъ, тогда Гиппій принимался изучать мнѣнческую исторію—о герояхъ и людяхъ сѣдой старины, о томъ, какъ основаны были города и государства, словомъ всю древность³⁾: такіа чтенія охотнѣе всего слушали лакедемоняне, дивясь тому, что существуютъ знающіе такъ много люди,—слушали съ тѣмъ любопытствомъ, съ какимъ дѣти слушаютъ старушечьи сказки. Они, конечно, не допустили бы, чтобы ихъ «гость» (ξένος) преподносилъ имъ или ихъ дѣтямъ уроки добродѣтели и нравственности отъ своего лица; но когда тѣ же самыя поученія краснорѣчивый гость преподносилъ имъ въ формѣ разсказа о томъ, какъ Несторъ послѣ взятія Трои наставлялъ молодого Нептолема на путь славы⁴⁾, то такая рѣчь могла рассчитывать на успѣхъ и у лаке-

1) τὰ μαθήματα εἰς ἀρετὴν (284 A; ср. 286 A), τὰ περὶ τὰ ἄστρα τε καὶ τὰ οὐράνια πάθη, περὶ γεωμετρίας, περὶ λογισμῶν, περὶ τε γραμμάτων δυνάμειος καὶ συλλαβῶν καὶ ῥυθμῶν καὶ ἀρμονιῶν (285 C sq.). И въ Hipp. min. 366 C sqq. Гиппій рисуется какъ знатокъ и логику καὶ λογιστικῆς, и геометріи, и астрономіи, и ритмовъ, гармоніи и γραμμάτων ὁρθότητος, и всѣхъ вообще искусствъ. Полумаѣи называетъ Сократъ Гиппία у Xenoph. Mem. IV 4, 6.—О полимаѣи софистовъ вообще ср. Plat. Soph. 232 A sqq.

2) Точнѣе—такимъ, какими—не совсѣмъ безъ основаній конечно—слыли и рисовались въ (аѣннской) литературѣ лакедемоняне.

3) περὶ τῶν γενῶν τῶν τε ἡρώων καὶ τῶν ἀνθρώπων, καὶ τῶν κτιστικῶν, ὡς τὸ ἀρχαῖον ἐκτίσθησαν αἱ πόλεις, καὶ συλλήβδην πάσης τῆς ἀρχαιολογίας ἤδιστα ἀκροῶνται, ὡστ' ἔγωγε δι' αὐτοὺς ἠνάγκασαι ἐκμεμαθημένα πάντα τὰ τοιαῦτα (285 D sq.).—Любопытно сопоставить съ этой характеристикой содержанія публичныхъ лекцій Гиппία по исторіи заявленіе Исократы, что онъ не намѣренъ сочинять τῶν λόγων τοὺς μυθῶδεις οὐδὲ τοὺς τερατείας καὶ ψευδολογίας μεστοὺς, οἷς οἱ πολλοὶ μᾶλλον χαίρουσιν ἢ τοῖς περὶ τῆς αὐτῶν σωτηρίας λεγόμενοις, εἰδὲ τοὺς τὰς παλαιὰς πράξεις καὶ τοὺς πολέμους τοὺς Ἑλληνικοὺς ἐξηγουμένους (XII 1), а также заявленія Фукидида, что τὸ μὴ μυθῶδες расчитаннаго не ἐς τὸ παραχρῆμα ἀκούειν ἐго изложенія ἐς ἀκρόασιν покажется, конечно, ἀτερπέστερον (I 22), и—подражающаго Фукидиду—Подлибия, что ἐго πραγματεία имѣеть αὐστηρόν τι, не заинтересуетъ πολλοὺς τὸν μὲν γὰρ φιλήκοον ὁ γενεαλογικὸς τρόπος ἐπισπάται, τὸν δὲ πολυπράγμονα καὶ περιττὸν ὁ περὶ τὰς ἀποικίας καὶ κτίσεις καὶ συγγενείας, καθά που καὶ παρ' Ἐφόρῳ λέγεται (IX 1).

4) Близкой по своему характеру къ этой рѣчи Гиппία была рѣчь Продика περὶ τῆς ἀρετῆς, или о томъ, какъ (подобно Париду софокловой Κρίσις) Гераклъ, переходя ἐκ παιδῶν εἰς ἡβην, дѣлалъ выборъ между Ἀρετῇ и Κακίᾳ, или Εὐδαιμονίᾳ (Xenoph. Mem. II 1, 21 sqq. Sch. Ar. nub. 361. Plat. Conv. 177 B; ср. *Williamowitz* Herakles I^o 101 f.);

демонянъ—какъ и у аежнявъ, способныхъ уже различить въ ней форму и содержаніе, схватить основной ея смыслъ, основную ея идею. Эту рѣчь Гиппій и предполагаетъ повторить и въ Аеинахъ¹⁾,—добавивъ къ ней еще много такого, что заслуживаетъ вниманія,—и приглашаетъ на нее Сократа, прося его привести съ собой и другихъ, способныхъ оцѣнить оратора по достоинству.

Предъ нами нѣсколько переходящій, правда, въ шаржъ, но въ общемъ живо очерченный типъ публичнаго оратора или лектора, съ конца V вѣка получающій право гражданства въ культурной жизни еллинскаго міра. Какъ выступали передъ публикой рапсоды съ своими словесами, съ своими ἔπη, такъ выступаютъ теперь, все больше отгѣсняя и вытѣсняя ихъ, и «софисты» съ своими рѣчами, съ своими λόγοι. Отъ рапсодовъ переняли они и заботу о своей внѣшности, быть-можетъ даже свое одѣяніе²⁾.

здѣсь представленъ былъ т. о. обычный и вообще эпидейктическому краснорѣчію мотивъ συκρίσις (ср. *Henze*, Die Synkrisis in d. ant. Litteratur. 1893).—Заклучавшія въ себѣ діалогъ (обыкновенно мнѣшескихъ лицъ, чаще всего—учителя и ученика) рѣчи встрѣчаются и у представителей т. наз. „второй софистики“, особенно у Діона Христонома (ср. *Hirzel*, D. Dialog, II 84 ff. 269 ff. *Arnim*, Dio v. Prusa, 160 ff. 251 ff. *Schmid*, Atticismus, I 177 f. IV 348 ff.). Формальной своей стороной подобныя рѣчи примыкали, кажется, не столько къ соботвеннымъ діалогамъ (какъ діалоги Платона) или драматическимъ ἀγῶνες λόγων, сколько къ мнѣшескимъ (эпическимъ) рассказамъ и къ мимамъ—такимъ, какъ мимы Софрона (которые, съ другой стороны, не остались безъ воздѣйствія и на литературную форму діалога, ср. *Reich*, *Mimus* I 356 ff.); мимоходомъ замѣтимъ, что мимы своей этологіей представляли интересъ и для риторики съ ея ἡθοποιία (какъ и Характеры Теофраста быть-можетъ задуманы были какъ „посвященное практикѣ Pategon къ работамъ Теофраста о риторикѣ“, *Immisch*, *Rh. Mus.* LVII 193 ff.); въ свою очередь и мимы интересовались краснорѣчіемъ,—какъ показываетъ ῥητορεύων Βουλία; Софрона и особенно пародія на судебное краснорѣчіе во второмъ мимамѣ Геронда. Ср. *Reich*, 315 ff.—Ср. *Norden*, A. K. I 129 f.

¹⁾ Гиппій предполагаетъ произнести свою рѣчь ἐν τῷ Φειδοστράτου διδασκαλείῳ, по приглашенію Евдика с. Апеманта (онъ же выступаетъ и въ *Hipp. min.* 363 A. 373 A, быть-можетъ также—въ качествѣ политическаго оратора—въ ψήφισμα 410/9 г., *Ditt.*² 50).—Точно также и Продикъ часто воспроизводитъ свою рѣчь о Гераклѣ; по крайней мѣрѣ Сократъ говоритъ у Ксенофонта, *Mem.* II 1, 21: Πρόδικος ἐν τῷ συγγραμμάτι τῷ περὶ Ἡρακλίου, ἔκαστ' ὁ καὶ κλειστός ἐπιδείκνυται.—Этотъ обычай произносить разъ составленную рѣчь въ нѣсколькихъ городахъ существовалъ и въ эпоху „второй софистики“ (ср. v. *Arnim*, *Dio v. Pr.*, 169 ff.).

²⁾ О рапсодахъ—*Plat. Ion* 530 B: τὸ σῶμα κελωμῆσθαι αἰεὶ πρέπον ὁμῶν (sc. τῶν ραψωδῶν) εἶναι τῇ τέχνῃ καὶ ὡς καλλίστοις φαίνεσθαι; ср. *Nic. Dam.* fr. 62 M. (ἀλουργῆ ἀμπεχόμενος) и *Eust. ad. Il.* I. О древнихъ софистахъ—*Plat. Hipp. min.* 368 B sq. (едва ли однако слѣдуетъ—какъ то дѣлаютъ и древніе, и новые ученые, ср. *Cic. de or.* III 127; *Gomperz Gr. D.* I 376 f.,—всецѣло принимать на вѣру показаніе этого діалога, будто Гиппій хвалился однажды, что весь его праздничный нарядъ, въ какомъ онъ

Они обыкновенно такъ же странствуютъ, какъ и раисоды¹⁾, и такъ же, какъ и тѣ, стараются попасть въ тотъ или другой городъ, когда тамъ совершается празднество во славу мѣстнаго божества, и стало быть собирается много народу, своего и чужого²⁾. «Мудрецы, мудрые и для себя», эти «разносчики мудрости» знаютъ, чѣмъ кому угодить,—чтобы

явился въ Олимпію,—одежда, обувь и украшения—его собственной работы: здѣсь имѣлась въ виду, вѣроятно, не столько разносторонность этого κλειστάς τέχνας πάντων σοφωτάτου ἀνθρώπων,—которою Гиппій можетъ-быть и обладалъ въ такой же мѣрѣ, какъ и остроумно сравниваемый съ нимъ у Gompertz l. c. Л. Б. Альберти,—сколько его хвастливость и щеголеватость; ср. Hipp. maj. 281 A. 291 A). О позднихъ софистахъ—Luc. rhet. pr. 15, 16. Philostr. v. s. I 25. II 3. 10. Plut. Anton. 80; обычнымъ ихъ одѣяніемъ былъ τρίβων φοινικῶς, ср. Olymp. 28 (FHG IV 63); Greg. Naz. or. IV, 117. У Эліана v. h. XII 32 читаемъ, что Емпедоклъ ἀλουργεῖ ἐγρήσατο, а Гиппій и Горгіи выступали ἐν πορφύρεῖς ἐσθήται; и возможно, что одѣяніе свое (πορφύρεῖς носили, впрочемъ тогда и должностныя лица, ср. Dio Chr. XXXIV 29 sq., Luc. Herm. 86, также надп. BCH XXIV 361, и *Lumbroso, l' Egitto*³ 180) поздніе софисты заимствовали отъ древнихъ, а древніе—отъ раисодовъ или отъ кивародовъ; быть можетъ вѣрнѣе въ существенномъ и замѣчаніе Артемидора Oneir. II 3, что имѣть ἀλουργεῖα ἐσθήτα приличествовало только ἱερεῖσι καὶ θυραγωγῶσι καὶ σκηναγωγῶσι καὶ τοῖς περὶ τοὺς Διόνυσον τεχνίταις (ср. Ame-ling у *Pauhy-Wissowa* III 2325 ff.). О сакральномъ значеніи краснаго одѣянія ср. *Rohde, Psyche* I² 226 f. и *Samter, Familienfeste d. Gr. u. R.*, 47 ff.—Быть-можетъ и ῥάβδος раисодовъ „переживаетъ“ въ той βακτηρία, о которой говорить въ своей лекціи Евдемъ родосскій (р. 73 Sprengel), или которой дважды или трижды стучить, прежде чѣмъ начать рѣчь, книжкѣ Дидимъ по прозванію Πλανητιάδης у Plut. de def. or. 7.

¹⁾ Ср. Plut. Tim. 19 E: τὸ τῶν σοφιστῶν γένος... πλανητὸν ὄν κατὰ πόλεις.

²⁾ Такъ въ Hipp. min. 368 D Гиппій является въ Олимпію ποιήματα εὐχῶν καὶ ἐπη καὶ τραγῳδίας καὶ διποράμβουος καὶ καταλογίβην πολλοὺς λόγους καὶ παντοδαποὺς συγχευμένους. Между рѣчами Горгія цитуются и Ὀλομπιακός (Arist. rh. 1414 b. Clem. Str. I, 346 P. Phil. v. s. I 9); ср. Ὀλομπιακός Лисія (or. 33). Для болѣе поздняго времени очень характерны рассказы и показанія Діона Хрисостома, VIII 5 sqq. и IX 1 sqq., о Діогенѣ на Исеміяхъ и объ Исеміяхъ, и Лукіана, Herod. 1 sqq., о Геродотѣ и софистахъ (но также и о живописцѣ Аетіонѣ) на Олимпіяхъ и объ Олимпіяхъ; само это сочиненіе Лукіана (Ἠρόδοτος ἢ Ἀετίων)—προλαλία, съ которой онъ выступаетъ на празднествѣ „лучшаго изъ городовъ Македоніи, гдѣ собирается цвѣтъ гражданъ каждаго изъ этихъ городовъ“. Анекдотъ объ ораторѣ, выдававшемъ за импровизацію окомпилированную имъ изъ разныхъ сочиненій рѣчь о Пивеагорѣ, причемъ слушатели громко называли имена тѣхъ авторовъ, которымъ принадлежали отдѣльныя мѣста рѣчи, локализуется у Лукіана, Pseudol. 5 sq., также въ Олимпіи. Діонъ живо рисуетъ, какъ въ Коринѣ въ время Исемій собирались (при немъ, какъ и при Діогенѣ) и софисты, и писатели (читавшіе свои ἀναείδητα συγγράμματα), и поэты, и скоморохи, и предсказатели, и риторы, и кушцы (VIII 5).—На этой почвѣ сложился, конечно, и знакомый намъ (ср. выше стр. 41 пр. 1) особый—„панегирическій“—видъ рѣчей, обличавшійся или отождествлявшійся съ „онокміастическимъ“ (ср. Πανηγυρικὸς Исократъ, Παναθηναϊκοὶ Исократъ и Аристанда), сдѣлавшійся даже (какъ будетъ упомянуто ниже) предметомъ мусическихъ агоней нѣкоторыхъ πανηγύρεος.

«собрать языкомъ» болѣе обильную «жатву»¹⁾); но не всегда, конечно, деньги для нихъ дороже чести, дороже почета или славы, дороже сознанія своей высокой просвѣтительной миссiи²⁾. Они умѣютъ заставить слушать себя даже такихъ слушателей, которые, казалось, едва могли считать или читать³⁾. Гдѣ любознательность, гдѣ любопытство, гдѣ «любословіе» поддерживаютъ эту новую моду, которая постепенно обращается въ привычку. Число публичныхъ ораторовъ растетъ—особенно по мѣрѣ того, какъ новыя страны приобщаются къ еллинской культурѣ⁴⁾,—

¹⁾ Эврипидовъ стихъ: *μισὸ σοφιστήν, ὅτις οὐχ αὐτῷ σοφός* (fr. 897 N.²) въ Hipp. maj. 283 В примѣняется къ корыстолюбію софистовъ. Въ платоновомъ Софистѣ 321 D sq. софистъ опредѣляется какъ 1) νέων καὶ πλουσίων ἐμισθός θηραυτής, 2) ἐμπορός τις περὶ τὰ τῆς ψυχῆς μαθήματα, 3) περὶ τὰ αὐτὰ κάπηλος, 4) αὐτοπάλης περὶ τὰ μαθήματα, 5) τῆς ἀγωνιστικῆς περὶ λόγους τις ἀθλητής и 6) (хотя это и ἀμφισβητήσιμον) μαθήσας περὶ ψυχὴν καθαρτής. По Аристотелю soph. el. 165 а софистъ—χρηματιστής ἀπὸ φαινομένης σοφίας. Измѣряющими свою мудрость и свою славу количествомъ заработанныхъ денегъ, торговцами, развозящими κατὰ τὰς πόλεις τὰ μαθήματα (или-же царями, которымъ δωροφοροῦσι всѣ желающіе стать столь же мудрыми, какъ они)—такъ постоянно рисуются софисты у Платона (ср. Protag. 311 D sqq. Gorg. 519 C sqq. Phaedr. 268 C. Meno 90 D sqq. Hipp. maj. 281 B sqq.) и у Ксенофонта (Mem. I 2, 6 sq. 5, 6, 6, 11 sqq.), также у Исократы (XIII 3 sqq.). Тѣми же (т. е., вѣроятно, заимствованными у Платона) чертами рисуются и поздніе софисты; см. напр., Dio Cass. LXXI 35, 2 (παμπληθεῖς φιλοσοφεῖν ἐπλάττοντο ἰν' ὅπ' αὐτοῦ πλουτίζωνται). Max. T. diss. XXXIII 8. Dio Chr. XXXII 10; ср. Themist. XXIII p. 351. Характеренъ для времени своего возникновенія (к. IV в.?) рассказъ о томъ, что Геродотъ за чтеніе отрывковъ изъ своей исторіи получалъ отъ Афинянъ 10 талантовъ (Plut. de Her. mal. 26).

²⁾ Такъ по Hipp. maj. 283 В sqq. Гиппій безъ всякаго расчета на гонораръ читаетъ свои лекціи въ Лакедемонѣ. Исторіографъ изъ Трозана, читавшій рядъ публичныхъ лекцій въ Дельфахъ (во 2-й полов. II в.) получилъ παρὰ τὰς πόλιος προξενίαν проμαντείαν προδικίαν ἀτέλειαν πάντων προεδρίαν ἐν πάσι τοῖς ἀγῶνις и прочее, что надлежитъ отъ государства и отъ бога προξένοις καὶ εὐεργέταις (GD I 2724).—„Царь рѣчей“, „языкъ Еллиновъ“, Иродъ Аттикъ самъ платилъ другимъ софистамъ μισθὸν τῆς ἀκροάσεως въ громаднхъ размѣрахъ (Philostr. v. s. I 21. 25).

³⁾ Такъ по Hipp. maj. 282 E. 284 В Гиппій читаетъ лекціи не только въ Лакедемонѣ, а и въ „совсѣмъ маленькомъ мѣстечкѣ“ Сициліи—въ Иникѣ, гдѣ зарабатываетъ больше 20 мианъ.

⁴⁾ Замѣчательно, что уже Горгіи „возстановившій, говорятъ, пренебреженную и почти забытую школу μελέτην λόγων“ (Plut. VI 17, 8), не только основывается, но и основываетъ „школу“ софистовъ—въ Θεσσαλίи, славившейся больше всего искусствомъ верховой ѣзды (гдѣ славнымъ считалось—не постыднымъ, не δώλων ἔργον, какъ въ Сициліи,—укрощеніе коней или быковъ, Διал. p. 583 Diels), и тамъ же выступаетъ со своею рѣчью и Θрасимахъ (ср. выше, стр. 34), такъ что у Платона (Meno 71 A) Сократъ говоритъ, что σοφία ушла изъ Афинъ въ Θεσσαλίю.—Особенно благодарную почву нашло себѣ еллинское краснорѣчіе съ к. IV в. въ М. Азіи, гдѣ изъ соединенія мѣстныхъ отчасти „варварскихъ“ зачатковъ краснорѣчія съ поверхностными заимствованиями

потому что эта культура, въѣдъ, и захватывается тѣми странами въ тотъ моментъ ея развитія, когда на ея поверхности замѣтно выдвигается публичное краснорѣчіе. Все устойчивѣе организуются—не только въ болѣе, но и въ менѣе культурныхъ центрахъ—эти публичныя декламация и лекція¹⁾. Все усиливающійся спросъ на нихъ увеличиваетъ и

изъ краснорѣчія собственной Эллады (т. е. аттического) расцвѣло своеобразное „азійское“—преимущественно эпидейктическое—краснорѣчіе (плодомъ его была и т. наз. „вторая софистика“). Эта „азійская муза изъ нѣдръ Азии пришла скоро и въ (собственную) Элладу и всюду—даже въ самыхъ просвѣщенныхъ городахъ—стала вытѣснять древнюю, аттическую музу, ἡ ἀμαθὴς τὴν φιλόσοφον καὶ ἡ μειωμένη τὴν σάφρονα“ (Dion. de rh. ant. 1), чѣмъ вызвала противъ себя (II—I в.) реакцію „аттикистовъ“ (ср. выше, стр. 34). Отдѣльные—общіе и частные—моменты этой болѣе поздней исторіи еллинскаго краснорѣчія, поскольку она совпадала или сближалась съ исторіей художественной прозы, или поскольку она находила себѣ теоретическое выраженіе (въ риторическихъ руководствахъ или въ сужденіяхъ о риторическомъ искусствѣ), все больше уясняются въ новейшей научной литературѣ (особенно, конечно, въ книгѣ Norden'a, гдѣ, м. пр., отмѣтимъ указаніе на возможность von der bildenden Kunst auf die redende zu schliessen, S. 150, A. 1; ср. S. 8;—и уясняются именно въ смыслѣ устойчивости, плавности, постепенности развитія (plus ça change, plus c'est la même chose—Wilamowitz, *Hermes* XXXV, 13); внѣшняя-же, практическая исторія краснорѣчія (въ собственномъ смыслѣ этого слова) сравнительно мало затрогивается этими новыми работами (послѣ Rohde; но, конечно, и здѣсь разграниченіе, разграниченіе (отчасти на почвѣ случайнаго въ своей неравномѣрности состава нашихъ источниковъ) должно уступить больше мѣста сближенію, указанію переходовъ между отдѣльными моментами развитія—прежде всего, конечно, между древней и „второй“ софистикой.—О судьбахъ еллинскаго краснорѣчія въ Римѣ и о воздѣйствіяхъ его на теорію и практику римскаго краснорѣчія ср. Prolegomena въ изданіи Marx, Inc. auct. de r. d. ad C. Herennium l. IV, p. 133 sqq.

¹⁾ Болѣе или менѣе случайныя во времена Сократа и Платона, публичныя декламация и лекція становятся необходимой принадлежностью общественной жизни во времена Діона Хрисостома, Плутарха, Лукіана, Филострата, Евнапія; и потому-то произведенія этихъ и другихъ писателей тѣхъ временъ (напр. Эпиктетовы) переполнены болѣе намеками, нежели детальными указаніями на обычную обстановку тогдашнихъ декламаций. Намеки эти не разъ уже (начиная съ сохраняющаго доселѣ значеніе труда *Cresolius S. J., Theatrum veterum rhetorum oratorum declamatorum*, 1620) соединялись въ цѣльныя и достаточно яркія картины (лучше всего, конечно,—у Rohde, Gr. R. 312 ff.; ср. *Hatch, Griechentum u. Christentum*, 68 ff. *Mommsen R. G. V* 335 ff.).—Расчитанныя на болѣе или менѣе широкую публику (не на однихъ *vioi*, или учениковъ) декламация и лекція, какъ и рецитация, исполнялись и въ частныхъ домахъ—друзей литературы, позднѣе и самихъ софистовъ (ср. Lucian. *Hermot.* 11), въ зданіяхъ типа *λέσχαι* (ср. выше, стр. 6), на агорахъ, въ булеверіяхъ, чаще же всего въ *θεάτρα* или *φδοτα* (гдѣ они были) и въ *γυμνάσια*. Въ Элидѣ Павсаній (VI 23, 7) отмѣчаетъ находившееся ἐν τῷ γυμνασίῳ т. е. внутри *ἐλάσσονος γυμνασίου περιβόλου* βουλευτήριον *Βαλειῶν*, называвшееся *Λαλίχμων*,—καὶ ἐπιδείξεις ἐν ταῦτα λόγων τε αὐτοσχεδίων καὶ συγγραμμάτων ποιοῦνται παντοίως. У демосскихъ Аэнианъ ἀκροάσεις исполнялись ἐν τῷ ἐκκλησιαστήριῳ καὶ ἐν τῷ θεάτρῳ (VCH XIII 250). Въ одной аттической комедіи IV—III в. гово-

их производство, и, въ свою очередь, все усиливающееся предложеніе поддерживаеъ собою и увеличеніе спроса. И даже развитіе или распространеніе письменности оказывается безсильнымъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ сдержать или задержать этотъ процессъ распространенія, если не развитія эпидейктическаго краснорѣчія¹⁾.

рилось: τί ταῦτα ληραῖς, φληνητῶν ἄνε κατὰ Λύκειον, Ἀκχόημεισιν, Ὁδείου πόδας, λήρους σοφιστῶν; (Athen. 336 e sq., ср. Kock CAF II 306); мы знаемъ, что въ Аѳонахъ представители различныхъ философскихъ школъ и прѣзвіе ораторы или лекторы выступали въ фѳеиз или въ Птоломαιῶν (ср. CIA. II 471, 19 sq. Cic. de fin. V 1), потомъ и въ Ἀγρικλείων, какъ названо было τὸ ἐν τῷ Κεραμαικῷ θεάτρῳ (Philostr. v. s. II 5, 3. 8, 2); ср. Wachsmuth, D. Stadt Athen, I 634 ff. Curtius Stadtg. v. Athen, S. LXXXII ff. Въ надписи Ditt.³ 521 читаемъ, что аѳонскіе ефебы 101 г. до Р. X. ἐσχόλασαν τοῖς φιλοσόφοις... παρετόγγαρον δὲ καὶ ταῖς ἀκροάσεσιν ἀπάσαις (ср. CIA II 471, 19 sq.). Ἄριστος(?) соофрастовыхъ Характеровъ предлагаеъ философамъ и софистамъ для ихъ ἐπιδείξεις свою „палестру“ (ср. выше, стр. 6, пр. 3).

¹⁾ Письменность могла, впрочемъ, оказывать даже извѣстныя услуги устному краснорѣчію. Само собою разумѣется, что для развитія краснорѣчія были гораздо болѣе полезны, нежели вредны, риторическіе учебники, руководства и пособия и прѣимѣрныя или образцовыя писанныя или записанныя рѣчи. Иные ораторы могли проаносить свои рѣчи только по писанному, такъ что ἐπιδείξεις сводилась здѣсь къ ἀνάγνωσις, какъ и вообще, мы видѣли (ср. выше, стр. 14 сл.; 22, пр. 2), рѣчи не только въ способахъ ихъ публикаціи, но иногда и въ способахъ ихъ изложенія сближались съ другими видами литературныхъ произведеній. Нерѣдко, конечно, написанныя рѣчи (какъ и стихи) декламировались ихъ авторами и на память (какъ выучивались наизусть и писанныя на заказъ логографами судебныя рѣчи, ср. выше стр. 36), и этимъ прежде всего обуславливалось значеніе μνήμης и даже примѣненіе мнемоники для цѣлей риторики (ср. Alcidas. π. σοφ. 18 sqq.; τὸ μνημονικόν приписывалось уже Гиппю, Hipp. maj. 285 E. Hipp. min. 368 D; дальнѣйшія свидѣтельства указаны у Volkman, Rhetorik³ 563 ff.). Впослѣдствіи большой популярностью пользовались анекдоты о томъ, какъ ораторы выдавали заранѣе сочиненныя ими рѣчи за импровизаціи (ср. Luc. Pseudol. 5 sq. Phil. v. s. II 5). Восхваленію αὐτοσχεδιαστῶν λόγων на счетъ λόγων γραπτῶν посвящено сочиненіе Алкидаманта „о софистахъ или о пишущихъ τοὺς γραπτῶς λόγους“; и кажется, что такъ много (и такъ безуспѣшно) обсуждавшіяся въ послѣднее время (литература указана у Getcke, Rh. Mus. LIV 404 ff.) замѣчанія Исократы (XIII 9 sqq., гдѣ γράμματα обозначаютъ собою не συγγράμματα, но и не грамоту или грамотность, а письменность) подчеркивали лишь тривіальность выставленной у Алкидаманта, какъ и въ платоновомъ „Фѳдрѣ“ (275 O sqq.), мысли, что ὁ γεγραμμένος λόγος—ἐκείνητος (Alc. 28, ср. Is. XIII 12), и предостерегали отъ злоупотребленій ею и прежде всего отъ приниженія подъ ея вліяніемъ не только τῶν ἐξαρτανόντων, но за одно и всѣхъ вообще пишущихъ рѣчи, хотя бы то были рѣчи περὶ μεγίστων, не περὶ μικρῶν, не περὶ τῶν ἰδίων συμβολαίων (ср. Isocr. IV 8 sqq. X 1 sqq. XII 1 sqq. XV 1 sqq.). Исократъ тѣмъ выше долженъ былъ цѣнить γραπτῶς λόγους, что его φύσις не заключала въ себѣ необходимыхъ для желающаго ἀγερθεῖν свойствъ (φωνῆς θ' ἰκανῆς καὶ τόλμης), такъ что онъ обратился ἐπὶ τὸ φιλοσοφεῖν καὶ ποιεῖν καὶ γράφειν (XII 7 sqq. V 81 sq.); ироническое изображеніе именно такого типа оратора даетъ Алкидамантъ, 9 sqq. Вопросъ объ относительномъ достоинствѣ αὐτοσχεδίων λόγων и λόγων γραπτῶν (γεγραμμένων), или

Какъ раньше съ поэзіей—съ эпосомъ, мелосомъ, драмой,—такъ теперь съ эпидейктическимъ краснорѣчіемъ пришлось считаться даже сакральнополитическимъ установленіемъ. Такъ, надгробныя рѣчи, вообще смѣнявшія собою надгробныя пѣсни или причитанія¹⁾, въ Аѳинахъ сдѣ-

φροντισμάτων, и вообще, и въ примѣненіи къ отдѣльнымъ (политическому, судебному и эпидейктическому) видамъ краснорѣчія, а также къ риторическому обученію, и послѣ Алкидаманта нерѣдко обсуждался въ греческой литературѣ (ср. Philod. I 193 sqq. II 248 sqq. S.). Въ противоположность Исократу (который ставъ даже предметомъ насмѣшекъ за свое ἐν πολλῷ χρόνῳ γραφαί и μεταγραφαί, ср. п. 5φ. IV 2. Plut. de gl. Ath. 8. Dion. de com. v. 25) обыкновенно софисты и γραφῶντες, и συχεδίζουσι свои эпидейктическія рѣчи, περαινοῦσι διὰ τε γραφῆς καὶ χρόνῳ γραφῆς (ср. Philod. I 123. II 251). Горгіи и другіе древніе софисты и пишутъ тщательно-отдѣланныя рѣчи, и могутъ на любой поставленный имъ вопросъ или тему отвѣтить длиною, короткою или средней длины рѣчью (Plat. Gorg. 447 C sqq. Phaedr. 267 B; ср. Navarre, Rhét. gr. av. Arist. 37 ss.); у позднихъ софистовъ это искусство импровизировать на заданную тему (чьимъ издавна любилъ блеснуть и поэты, ср. Welcker, Kl. Schrg. II, S. XC ff. Rohde, Kl. Schrg. I, 103 f.) обратилось даже въ спортъ (ср. тексты, указанные у Rohde Gr. R. 332 ff.). Діону Хрисостому доступны были и φροντισματα, и αὐτοσχέδιοι λόγοι (Arnim, Dio v. P. 180 f.); благодаря Асклепію импровизація (ἐπὶ στόματος παντελής) оказалась, къ его удивленію, доступными и Элію Аристиду, какъ онъ самъ заявляетъ въ панегирикѣ Клизуку (XVI p. 236 J.), что могло и не быть лишь риторической фразой (ср. характеристику Аристиды у Baumgart, Ael. Aristides, 135 f.), хотя φύσις Аристиды была скорѣе исократовская—οὐ τῶν ἐμούντων, ἀλλὰ τῶν ἀκρίβούντων (Philostr. v. s. II 9).

¹⁾ „Пѣнье“, котораго „не бѣ изъ слышати во плачи, велицѣ воли“ надъ усопшимъ, постепенно выдѣляется изъ этого—нерѣдко въ Греціи (какъ и въ древней и петровской Руси, ср. Барсова, Причитанья Сѣв. края, I, стр. III сл.) преслѣдуемаго государствомъ (напр. законами Солона, Plut. Sol. 21, Луліиговъ, Ditt.³ 877, дельфійскихъ Лабиадовъ, ibid. 438; ср. впрочемъ уже II. XXI V 237 sqq.) „плачемъ съ великимъ кричаніемъ“, столь склоннаго (ср. Стоглавъ, 4, 23) переходить въ „скаканіе“, или вообще въ изступленіе. Любопытно, что если въ Илиадѣ αἰδοίσι θρήνων ἔσαρχοι στονώσαν αἰοδῶν ἐθρήνων, ἐπὶ δὲ στεναχόντο γυναῖκες (XXIV 720 sqq.), то у Лукіана выступаетъ θρήνων σοφιστής, которымъ какъ συναγώνιστή καὶ χορηγῶν τῆς ἀνοίας καταχρῶνται οἱ αὐτοὶ ἐκείνοις ἔσαρχῳ πρὸς τὸ μέλος ἐπαιάζοντες (de luctu, 20). Явившіеся, въ свою очередь, если не на смѣну, то въ замѣнъ заключавшихъ въ себѣ ὄθρυμον σὺν ἐγκωμίῳ τοῦ τελευτήσαντος (Аристоклъ у Ammon. 54 V.) надгробныхъ пѣсней (ср. θρήνοι Симонида и Пиндара), λόγοι ἐπιταφίαι чаще всего переходили въ похвальные слова, въ ἐγκώμια (какъ и Исократово ἐγκώμιον Евагору писано было какъ будто бы въ качествѣ λόγῳ ἐπιταφίῳ, ср. I sqq.), иногда же въ—обращавшіеся къ оплакивающимъ почившаго—λόγοι προτραπτικῶν или παραμυθητικοί (Dionys.] rhet. 7. [Menand.] п. ἐπιθ. 118 sqq. B.). Не вѣдъ всякой связи съ этими λόγοι παραμυθητικοί стояли, конечно, ψήφισματα παραμυθητικά, разсылавшіеся (начиная еще съ III в. до Р. X.) нѣкоторыми государствами родственникамъ почившихъ, удостоивавшихся δημοσίας ταφῆς (надписи, сюда относящіяся, указаны у Bugesch, Rh. Mus. XLIX 424 ff. и Rhode Psyche II 338 ff.). Эти λόγοι παραμυθητικοί (каковыми были и XI и XII рѣчи Аристиды) входили въ составъ обширной, въ своихъ зачаткахъ восходящей ко временамъ софистовъ Продика и Антифонта (ср. Dümmler, Kl. Schrg. I 177 ff.) устной и письменной парамнеетической литературы, однимъ изъ продуктовъ

зались необходимой принадлежностью національнаго погребенія павшихъ въ бою за отечество, поводѣе и ежегоднаго празднества, посвящавшагося ихъ памяти: это были слова въ похвалу не только погребенныхъ, но и въ похвалу государства, которое произвело на свѣтъ такихъ доблестныхъ гражданъ, какими были погребенные, и которое доблестью такихъ гражданъ, какъ погребенные, содѣлалось достойнымъ всяческаго прославленія¹⁾. Конечно, прославленіе государства, особенно въ его мнен-

которой было и приписанное Плутарху утѣшеніе къ Аполлонію (*Buresch, Consolationum a Graecis Romanisque ser. historia crit.*, 1887; ср. „грамоту утѣшеную“, которой напрасно ждалъ Владимиръ Мономахъ, егда убиша дѣтя его, отъ Олега Святославича).—Сужденіе Діонисія, *A. R.*, V 17, о надгробныхъ рѣчахъ у еллиновъ (и у римлянъ) слѣдуетъ, кажется, понимать такъ, что до временъ Діонисія произнесеніе надгробныхъ рѣчей въ Елладѣ не было еще общераспространеннымъ обычаемъ.—Богѣе характерно, нежели надежно, позднее извѣстіе о томъ, что четыре видныхъ оратора διηγωνίσαντο περί λόγων εἰς τὸ ἐπιτάφιον Μανσολα, царя галикарнасскаго (*Gell. X 18. Suid. s. Θεολόγους* и *Ἰσοκράτης*; ср. *Welcker, Gr. Trag.* 1079 ff),—подобно тому, какъ поэтъ гесиодовыхъ *Ἔργα* 651 sqq. ѣздилъ въ Халкиду ἐπ' ἄεθλα Амфидаманта, объявленныя его сыновьями, и побѣдивъ ἄμφω получилъ τρίποδ' οὐρανόεντα.

¹⁾ Кто былъ „присоединившій рѣчь“ къ „истари установленному“ обычаю національнаго погребенія праха павшихъ въ бою внѣ Атики афиняинъ (*Thuc. II 34 sq.*), мы не знаемъ; иные склонны были думать, что то былъ Солонъ (Анаксименъ у *Plut. Publ. 9. Sch. Thuc. II 35, 1*), другіе относили это присоединеніе рѣчи ко временамъ Марафона или Артемисія, Саламина, Платѣй (*Dion. Ant. R. V 17, 4. Diod. XI 33*). Не яснымъ остается и то, когда и какъ это торжественное преданіе землѣ τῶν ἐκ κολλήρων θαπταμένων разрѣшилось въ ежегодно совершавшееся, подъ завѣдываніемъ полемарха, поминовеніе погребенныхъ δημοσίωνъ воиновъ, къ которымъ присоединили и Гармодія и Аристогейтона,—въ ἄτων ἐπιτάφιος, потомъ въ Ἐπιτάφια (или въ τὰ Θήσια καὶ Ἐπιτάφια),—и съ какихъ поръ „надгробную рѣчь“ сталъ произносить не гражданинъ, избираемый для сего ὑπὸ τῆς πόλεως (по *Plat. Menex. 234 B*—совѣтомъ),—ὅς ἂν γυνώσκῃ τε δοκῆ μὴ ἀξίοντος εἶναι καὶ ἀξιώματι προήκῃ (*Thuc. II 34, 6*),—а полемархъ, обыкновенно произносившій уже рѣчь сочиненную „софистомъ“ (*[Men.] п. ἐπιθ. 123 B.*), такъ что потомъ и ἐπιτάφιος Гимерія (*ог. II*) названъ былъ не ἐπιτάφιος, а *πολεμαρχικός*. Ср. *Mottagen, Feste d. St. Athen*, 298 ff.—*E. Meyer, Forsch. z. ält. gr. G.*, II 219 f., полагааетъ, что надгробная рѣчь въ Афинахъ была „всецѣло мѣстнымъ продуктомъ“, и что „форма ея (или схема) стала традиционной задолго до Горгія и Платона“; *Nauvette, Mélanges H. Weil*, 159 ss., дѣлаетъ не невѣроятнымъ, что уже Ἐλευσίνιοι Эсхила (какъ несомнѣнно Ἰκέτιδες Еврипида) предполагали существованіе эпитафія, и что установителемъ его былъ Кимонъ (такъ—прибавимъ—подтвердилось бы предположеніе *Dümmler'a, Kl. Schr.* II 435, что горгіеву похвалу Кимону Плутархъ, *Сим. 10*, приводитъ изъ горгіева эпитафія, а можетъ-быть разъяснились бы и начальныя слова эпитафія Перикла у Фукидида).—Насколько близка къ оригиналу передача у Фукидида эпитафія, произнесеннаго Перикломъ „зимой“ перваго года пелопоннеской войны,—рѣшить, конечно, невозможно; въ цитатѣ аристотелевой Риторики изъ „эпитафія Перикла“ (1365 а, ср. 1411 а; та же мысль у Геродота. VII 162,—въ устахъ Гелона) *E. Meyer* (l. с. 221) склоненъ видѣть цитату изъ другою эпитафія Перикла (439 г.).

ческой исторіи, и вообще легко становилось предметомъ «похвалъ», такъ-называемыхъ ἐγκώμια, и въ надписяхъ мы очень часто читаемъ о томъ, какъ государство чествуетъ пришлого поэта (или даже поэтессу) за похвальную пѣснь въ честь его боговъ и героевъ¹⁾; такого рода «по-

Не разъ цитруется (ср. Sauppe, Or. Att. II 166 sqq.) и эпитафій Архина; больше заманчиво, нежели надежно, отождествленіе этого эпитафія Архина съ эпитафіемъ Горгія (ib. 130 sqq.), будто-бы писаннымъ для Архина (*Dümmler*, Kl. Schr., II 436 ff.); но, разумѣется, самимъ Горгіемъ не могъ быть произнесенъ его эпитафій ни при ταφάι, ни при ἀγών ἐπιτάφιος (если—что вѣроятно—этотъ агонъ тогда уже организованъ); онъ былъ составленъ, надо думать, какъ образецъ для афинскихъ эпитафіевъ; и возможно, что на него именно отвѣчалъ Платонъ эпитафіемъ Аспасіи въ „Менексенѣ“ (ср. *Dümmler*, Akad., 20 ff. Wendland, *Hermes*, XXV, 171 ff.).—Эпитафій дошли до насъ между рѣчами Лисія (Π, τοῖς Κορινθίων βοηθοῖς) и Демосеена (LX); первый почти несомнѣнно не принадлежитъ самому Лисію, хотя и близокъ къ нему и по времени, и по стилю, и по мыслямъ (ср. *R. Nitzsche*, Üb. d. gr. Grabreden d. kl. Zeit, I, 6 ff., гдѣ указана и литература вопроса), второй несомнѣнно не принадлежитъ Демосеену (ср. *Blass*, A. V., III, 1², 404), который по избранію народа говорилъ въ 338 г. рѣчь надъ павшими въ войнѣ съ Филиппомъ (Dem. XVIII 285 sqq.). Зато извѣстенъ намъ (правда, въ не совсѣмъ полномъ и цѣльномъ видѣ) эпитафій, произнесенный въ 322 г. (послѣ ламійской войны) Гиперидомъ.—Показаніе Цицерона, orat. 151, объ обычаѣ афинянъ ежегодно, въ опредѣленный день, воздавать хвалу убитымъ въ сраженіяхъ не иначе, какъ populari oratione Платона (изъ „Менексена“) не заслуживаетъ того довѣрія, какое до сихъ поръ еще ему удѣляется.—Схолиастъ къ Arist. Panath. p. 6 замѣчаетъ, что Фукидидъ, Демосеенъ и др. эпитафіемъ пользовались лишь какъ болѣе удобной формой для τὸ τῆς πόλεως καὶ ὑφ' ἑστέων ἐγκώμιον, и въ основаніи этого замѣчанія лежитъ, конечно, совершенно вѣрное наблюденіе; особенно характерно въ этомъ отношеніи близкое сходство между Панегирикомъ Исократы и эпитафіемъ „Лисія“, вѣроятно появившимся въ свѣтъ (вопреки *Blass* I² 443) послѣ Панегирика.—*E. Meyer* I. с. вѣрно подчеркиваетъ традиционность—установившейся изстари, не установленной Горгіемъ—формы афинскаго эпитафія и влияние его на общій характеръ афинской исторической традиціи (въ частности „стереотипной аттической Sagengeschichte“), наряду, впрочемъ, съ трагедіей, эпиграммой, живописью и скульптурой и—мы прибавили-бы—другими рѣчами (ср. кромѣ рѣчей Исократы—Dem. III 21 sqq. [Dem.] XIII 21 sq. Luc. с. Leocr. 61 sqq., остатки рѣчей ефебовъ CIA III 52 sq., какъ, конечно, и ихъ ἐγκώμια CIA III 1096, 1129, 1147 sq., также Δηλιακοί Ликурга и Гиперида); стереотипность аттической исторіи, какъ эта исторія представлялась въ эпитафіяхъ или панегирикахъ (ср. *Gutschmid*, Kl. Schr. V 163 ff.), нашла себѣ отраженіе не только у многихъ греческихъ и римскихъ писателей, историковъ и не-историковъ, не только въ рѣчахъ Аристиды (Παναθηναϊκός, ὁπέρ τῶν τεττάρων и др.), но, напр., и въ постановленіи Амфиктионовъ въ честь афинскихъ технитовъ, BCH XXIV 94 ss.

¹⁾ Такъ ἡ πόλις τῶν Δελφῶν въ III—II стол. чествуетъ проксеніей поэтовъ за гимны, или за пванъ и ποδῶδιον Аполлону Пнейскому (GDI 2721. Ditt.² 662), какъ и исполнявшихъ изъ ἀρχαίων ποιητῶν ἃ ἦν πρόποντα ποτὶ τε τὸν θεὸν καὶ τὰν πόλιν (Ditt. 663. GDI 2800). Въ к. III в. ἡ πόλις τῶν Λαμνείων даетъ проксенію и политію (еѣ и ея потомству) поэтессѣ (ποιητριά ἐπέων) изъ Смирны, за ея ἐπιδείξεις τῶν ἰδίου ποιημάτων ἐν οἷς περὶ τε τοῦ ἔθνους τῶν Αἰτωλῶν καὶ τῶν προγόνων τοῦ δάμου ἀξίως ἐπεμνήσθη (Mich. 296).

хвалы государствам стали теперь составляться и въ прозѣ¹⁾. На нѣко-

Ок. полов. II в. совѣтъ и народъ аеинянъ живущихъ на Делосѣ чествуетъ Амфикла за его ἀροάσεις и за προσόβιον εἰς τὴν πόλιν, въ коемъ онъ ὑμνήσεν и боговъ τοὺς τὴν νῆσον κατέγοντας, и народъ аеинскій (Ditt.³ 721; того же Амфикла за ἀροάσεις чествуютъ и Оропийцы, Mich. 206; ср. BCH XIII 250). Делосцы увѣнчиваютъ лавровымъ вѣнкомъ „поэта“ изъ Андроса, за то, что онъ πεπραγμέναται περί τε τὸ ἱερόν καὶ τὴν πόλιν τῶν Δηλίων καὶ τοὺς μύθους τοὺς ἐπιγυφίους γέγραφεν (Ditt. 492). Во II ст. Кносійцы объявляютъ проксеномъ и гражданиномъ своей πόλεος Диоскурида грамматика тарсейца за то, что онъ составилъ ἐγκώμιον κατὰ τὸν ποιητᾶν (т. е. по Гомеру) въ честь критскаго ἰθνίος, и прислалъ въ Кносъ для исполненія этого энкомія своего ученика, поэта эпическаго и мелическаго (Ditt. 722). Посланные Теосцами (во II в.) на Критъ въ качествѣ пословъ Геродотъ и Менеклъ полюбилися Кносійцамъ и Приансійцамъ тѣмъ, что могли διαλέγειν о мѣстной исторіи, а одинъ изъ нихъ, Менеклъ, исполнялъ (ἐπαδείξατο) подъ киевару произведенія Тимофея и Полида и мѣстныхъ древнихъ поэтовъ и εἰσένευχε κύκλον ἱστορημένων о Критѣ и критскихъ богахъ и герояхъ, сдѣлавъ сводъ изъ многихъ поэтовъ и историографовъ; Кносійцы хвалятъ государство Теосцевъ за то, что оно послало такихъ мужей, а Приансіиды—за то, что оно такъ много заботится περί παιδείας (Mich. 65. 66).

¹⁾ Итоги—стройно, въ разѣ намѣченныхъ (или намѣтившихся) предѣлахъ совершавшемуся—развитію этихъ—тѣсно примыкавшихъ къ метрическимъ (вродѣ упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи)—прозаическихъ ἐγκώμια πόλεωνъ подводятся въ трактатѣ (I) Менандра, 46 sqq. В. Государство (или городъ, его собою представлявшій) восхвалялось въ своемъ положеніи и природѣ (κατὰ θεῖον καὶ φύσιν); въ этомъ пунктѣ похвала πόλεως сближалась съ похвалою χώρας (44 sqq.), и могла заключать въ себѣ похвалу гаваней, бухты, акрополя. Далѣе государство восхвалялось ἀπὸ γένους—въ своемъ происхожденіи: восхвалялся его основатель, былъ ли то богъ или герой или (для позднѣе основанныхъ городовъ) человекъ—полководецъ или царь, причеиъ похвала городу переходила тутъ въ похвалу божественнаго, обожествленнаго или и не-обоже- ственнаго οἰκιστῆς; восхвалялись наряду съ οἰκισταὶ и οἱ οἰκήσαντες, въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или другому племени, изъ коихъ каждое имѣло, конечно, свои достоинства,—какъ свои достоинства могли имѣть—и потому затрогивались восхва- леніями—и болѣе раннее или болѣе позднее время основанія государства, и различ- ные способы его возникновенія (было ли оно колоніей, возникло-ли путемъ сяной- кизма, было-ли оно основано сразу какъ городъ, или представлявшій его городъ вы- росъ изъ села или сельг, и т. п.), а также различныя αἰτία οἰκισμῶν πόλεων—ἢ θεῖαι ἢ ἥρωϊκαὶ ἢ ἀνθρώπινα. Государства подлежали восхваленію и ἀπὸ ἐπιτηδεύσεων—со сто- роны своего государственнаго устройства (не всегда одного и того же, но смѣняв- шагося во времени), со стороны процвѣтанія знаній или наукъ (астрологія, геометрія, ποσειχή, γραμματικὴ, φιλοσοφία), искусствъ (τέχνη—βάνουσαι и ἐλευθέριοι, какъ скульптура, живопись, медицина) и δυνάμεις (ῥητορικὴ καὶ ἀθλητικὴ καὶ ὅσα τοιαῦτα), а также ἀπὸ ἐνεργημάτων, со стороны нравовъ, нравственности, нравственныхъ качествъ гражданъ, при чемъ, напр., мужество гражданъ могло прославляться при помощи историческихъ примѣровъ (т. е. примѣровъ особенно яркаго его проявленія).—Какъ замѣчаетъ Ме- нандръ, эти τῶν πόλεων ἐγκώμια могли произноситься или безъ всякаго спеціальнаго повода, или же во время праздниковъ или πανηγύρεις, когда, напр., соберутся на гим- ническій или мусическій агонь; на этой почвѣ происходило сближеніе—перешедшее

торыхъ празднествахъ такіа похвальныя слова сдѣлались даже предметомъ состязаній¹⁾: такъ рѣчь, вслѣдъ за пѣсней и драмой, нашла себѣ доступъ и въ праздничныя мусическіе агоны.

потомъ даже въ отождествленіе—рѣчей въ похвалу государства, его боговъ, героевъ, благодѣтелей (особенно царей, позднѣе императоровъ) съ рѣчами собственно панегирическими (Men. 67 B.; ср. [Dion.] rhet. 1 sq.), которыя тоже не могли не заключать въ себѣ наряду съ прославленіемъ боговъ, героевъ, царей (или императоровъ), въ честь которыхъ устраивалась πανήγυρις, и восхваленіе устраивавшаго πανήγυριν государства (въ сущности и аеянскіе эпитафіи были однимъ изъ видовъ такихъ πανηγυρικοί λόγοι); а такъ какъ въ эпоху имперіи панегирики все чаще или все больше переходили въ похвалу императору, то и похвальныя слова императорамъ—а потомъ и вообще похвальныя слова—стали зваться панегириками.—На отмѣченное Менандромъ (р. 46 B.) сходство похвалъ городамъ и людямъ обращено вниманіе еще у Quint. III 7, 26; отдѣльныя теоретическія замѣчанія, имѣющія въ виду τοὺς βουλομένους ἐγκωμιάσαι τινὰ τῶν πόλεων дасть уже Исократъ, XII 39 sqq.—Къ сожалѣнію, кромѣ рѣчей Исократа и Аристиды (ср. и рѣчь его къ священному источнику Асклепія), упоминаемыхъ и у Менандра, намъ даже по имени извѣстны слишкомъ немногія изъ похвалъ πόλεων (цитуются, напр., у Arist. rh. 1416 a τὸ Γοργίου ἐγκώμιον εἰς τοὺς Ἥλείους; вѣроятно такимъ ἐγκώμιον была и цитуемая у Павсанія, IX 29, 2,—ср. 38, 10,—ἢ εἰς Ὀρχομενίου συγγραφῆ, или λόγος, Калиппа коринѳянина); но нѣтъ сомнѣнія, что такіа ἐγκώμια произносились часто (и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще), и, съ своими τόποι κοινοί, оказывали очень значительное вліяніе на литературу, въ особенности историческую. Быть-можетъ, въ частности, и трактованіе θεῶν и φύσεως государства (ср. гиппократовское περί ἀέρων ὑδάτων τόπων) въ трагедіи (Soph. Oed. C. 702 sqq. с. schol.; Eurip. Med. 824 sqq.), въ Законахъ Платона (ср.—какъ бы по Менандру составленное—ἐγκώμιον Атлантиды въ „Тимѳ“, 22 B sqq., и въ „Критіа“, 110 D sqq.) и въ Политикѣ Аристотеля, или у историковъ (отдѣльныя примѣры указаны у Rohmann, Hellen. Anschauungen üb. d. Zusammenhang zw. Natur u. Geschichte, 38 ff.) стояло въ нѣкоторой связи съ этими ἐγκώμια πόλεων, какъ касаются этихъ θεῶν καὶ φύσεως и рѣчи, напр., Демарата у Геродота (VII 102) и Перикла у Фукидида; быть-можетъ также и сочиненіе П в. до Р. X. (Гераклида критикῶ?) περί πόλεων, выдержки изъ коего дошли до насъ съ именемъ Дикзарха, также стояло не внѣ связи съ ἐγκώμια πόλεων (какъ и ееофрастовы политικά τὰ πρὸς τοὺς καιρούς?).—Эти ἐγκώμια πόλεων могли входить и въ посольскія рѣчи,—причемъ посламъ приходилось хвалить иногда и то государство, предъ совѣтомъ или народомъ котораго они говорили (какъ потомъ царей или императоровъ), обыкновенно же то государство, интересы котораго они представляли (ср., напр., изложенія рѣчей пословъ магнесійскихъ к. III в.—Ditt.² 256 sqq.).—Какъ partem (pro toto) энкомія можемъ мы разсматривать то сочиненіе о явленіяхъ τὰς Παρθένου, которое φιλοπόνως συγγραψας ἀνέγνω въ Ольвіи нѣкій Сирискъ (IOSPE I 184, ср. IV р. 277 sq.). Ср. также θεολογίαν, ἣν ἤρτατο ἐκ φιλοτιμίας ποιεῖν ὁ ἱερασκεύμενος, для исполненія на празднествѣ Юбакховѣ, II—III ст. по Р. X. (Ditt. 737, 115).

¹⁾ Такъ въ надписи IV в. къ списку побѣдителей на мусическихъ агонахъ великихъ Ἀμφιαράια въ Оропѣ присоединяется и σοφιστής (Παισίμαχος Ἀθηναῖος), какъ въ богѣ позднихъ надписяхъ (I и сл. в.)—наряду съ ἐγκωμίῳ ἐπικῶ—ἐγκωμίῳ λογικῶ, или καταλογάδην (IGS I 414 sqq.); то же и въ ларисской надписи II в. по Р. X. (Ditt.² 671).—Рѣчь, впрочемъ, повидному съ большимъ трудомъ находила себѣ доступъ въ

Но и внѣ этого конкурса рѣчь оратора нерѣдко раздавалась предъ собравшимся на празднество сонмищемъ, затрогивая иногда вопросы объ отношеніяхъ еллинскихъ государствъ другъ къ другу или къ «варварамъ», къ царю персовъ или македонянъ, или къ римлянамъ¹⁾. И вообще публичныя рѣчи часто были поученіями на разные политическія или этическія темы; не рѣдко, кажется, онѣ были и публичными лекціями — по всѣмъ рѣшительно отраслямъ знаній, особенно-же по тому предмету, который всегда, во всѣ времена — къ счастью для него, или къ несчастью — казался и наиболѣе интереснымъ, и наиболѣе доступнымъ, — по исторіи²⁾.

самые агоны, хотя и стала обычной принадлежностью *συνόδου ἐν ἀγῶνι* (Men. 67 B.), и хотя ораторы очень любили развивать въ этомъ направленіи известную мысль Ксенофана о томъ, что *ῥώμης ἀμείνων σοφίη* (fr. 2 D.); ср., напр., Панегирікъ Исократы, 1 sqq. (также Euaq. 1 sqq.), VIII и IX рѣчи Діона Хрисостома (о Діогенѣ) и проλαλία Лукіана о Геродотѣ.—По Лукіану, Herod. 1, Геродотъ декламируетъ въ Олимпіи свою исторію со ступеней описостома; по Филострату, v. s. I 9, 4, Горгіи произноситъ свой *Πυθικός ἀπο τοῦ βωμοῦ*: въ послѣднемъ случаѣ имѣлась въ виду, вѣроятно, *θυρῆλη* (ср. статью Dörpfeld'a *Hermes* XXXVII 249 ff., гдѣ намѣчаются важныя и для исторіи (офистическихъ *ἐπιδείξεις* перспективы).

¹⁾ Таковы были, вѣроятно, многія олимпійскія рѣчи, начиная съ рѣчи Горгіи (ср. Phil. v. s. I 9, 4; Arist. rh. 1414 b; Clem. Str. 346 P.); такъ задуманъ былъ и *Παναθηναϊκός* Исократы.—Изъ одной—къ сожалѣнію плохо сохранившейся—дельфійской надписи 2-й полов. П в. до Р. X. (GDI 2724) узнаемъ, что какой-то исторіаграфъ изъ Трозана знакомилъ дельфійцевъ со своими *πεπραγματοῦμένα*, клонившимися какъ-то *εἰς Ῥωμαίους τοὺς κοινούς τῶν Ἑλλάνων* [σωτήρας?]; правда, мы не знаемъ, считалъ-ли „праздничными“ тѣ *πλείονας ἀμέρας*, какія исторіаграфъ не то употребилъ на [ἀχροάσεις], не то [ἐπέδωκε τῷ θεῷ καὶ τοῖς Ἑλλήσι] (ср. ib. 2799. 2727. Ditt. 717); но несомнѣнно, что отношенія къ римлянамъ затрогивались и въ *πανηγυρικοῖ λόγοι* (особенно поскольку они переходили въ λ. *προτραπτικοῖ*)—еще до времени имперіи (о времени имперіи ср. Men. 66 sq. B.).

²⁾ Интересъ ко всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія (и специально—къ исторіи, особенно мнѣической) краснорѣчіе наследовало отъ эпоса; но теперь еще дальше, чѣмъ въ эпосѣ,шло, конечно, раздѣленіе между—слитыми воедино въ „миѣ“—содержаніемъ и формою знанія, и самая форма знанія становилась такимъ же предметомъ познания, какъ и его содержаніе, а рядомъ съ теоретическими знаніями завоевывали себѣ мѣсто и—подлежащія теоретизированію—знанія практическія: такую *σοφίαν*, сливавшуюся съ *σοφίσματα*, соединявшую въ себѣ и *ἐπιστήμας*, и *τέχνας* (конечно и *δυνάμεις*), и стало представлять собою краснорѣчіе „софистовъ“,—наследовавшихъ отъ эпическихъ пѣвцовъ и желаніе угодить *ἀκούοντες*—чтобы добыть себѣ побольше и славы, и денегъ,—и вѣру въ силу слова (*λόγου*), которое можетъ и малое сдѣлать великимъ, какъ великое малымъ, старое представить новымъ и новое старымъ и убѣдить въ томъ, что кажущееся есть истинное (Plat. Phaedr. 267 A), а можетъ-быть и презрѣніе (въ глубинѣ души) къ толпѣ—къ *πλήθος ἀπειρον τῶν ὄντων* (ср. Isocr. XV 268). Эта *σοφία* софистовъ все больше оказывалась *φαινομένη ἀλλ' οὐκ οὐσα* по мѣрѣ того какъ въ развитіи науки

Рядомъ съ этими торжественными или серьезными рѣчами упоминаются, въ V—IV в., и *παίγνια*¹⁾: такъ называется Горгіи свою рѣчь

все больше заявляли себя *ἀκρίβεια* и *περιτολογία*, и соответственно этому все дальше шла специализация (такъ что впоследствии выступали и такіе ораторы, которые брались произнести экспромптомъ рѣчь на предложенную кѣмъ-либо изъ публики тему—лишь въ предѣлахъ своей специальности, напр. грамматики или врачи, ср. *Lehrs, Aristarch*² 217 f. *Rohde*, Kl. Schr. II 449 f.); но принципиально порвать со своей *πολυμαθία* (ср. о ней и *Philod. I 204 sqq. II 57 sq.*) софисты не могли уже потому, что они успѣли взять на себя, наряду съ популяризацией знаній, и образованіе τῶν νέων.—Исторія, такъ часто примѣнявшаяся въ публичныхъ рѣчахъ или лекціяхъ въ качествѣ средства (т. е. одного изъ средствъ) изложенія или изображенія, нерѣдко становилась и ихъ предметомъ (ср. выше стр. 50, пр. 3, и приведенную въ предыдущемъ примѣчаніи надпись о читавшемъ въ Дельфахъ публичныя лекціи историографѣ).—Трудно рѣшить, сколько правды въ разсказахъ о томъ, что Геродотъ читалъ свою исторію и въ Афинахъ (вызвавъ слезы присутствовавшего при этой *ἐπίδειξις* отрока Фукидида), и въ Олимпіи, и въ Коринѣѣ и Фивахъ (*Plut. de Her. mal. 26. 31. Luc. Her. I. [Dio Chr.] XXXVII, 103. Marcell, 54; ср. разсказъ объ увѣнчаніи золотымъ вѣнкомъ об historiici stilli praestantiam* атендографа Клитема, *Tertull. de an. 52*); но и потомъ историки часто рецитировали свои произведенія (ср. *Luc. de hist. conscr. 14 sqq. Athen. 432 b.*)—Тѣсныя отношенія между исторіей,—особенно поскольку она стремилась назидать (въ этомъ отношеніи любопытна надпись Филиппа, II в. по Р. X.; *IG Pel. I 1153*), или быть „философіей въ примѣрахъ“ (*[Dion.] rhet. 11, 2; ср. Dion. A. R. V 56. 75*),—и риторикой очень часто дѣлались предметомъ теоретическихъ обсужденій и даже опредѣленій, не всегда правда, удававшихся древнимъ (впрочемъ и новымъ) ученымъ, гл. обр., кажется, вследствие неустойчивости значенія термина *ιστορία* (ср. *Volkmann, Rhetorik*,³ 18 ff., также *Usener, Dion. Hal. l. de imit. rel., 117 sqq. Kaibel, D. Proleg. п. хѳр., 18 ff. Peter, D. geschichtl. Litteratur üb. d. röm. Kaiserzeit, I 10 ff. II 184 ff.*).

¹⁾ Терминъ *παίγνιον* не получилъ, впрочемъ, права гражданства въ теоріяхъ риторики, и возможно даже, что единственное наше свидѣтельство въ этомъ смыслѣ—показаніе [источника] Свида, что *Θρασύμαχος... ἔγραφε συμβουλευτικῶς τέχνην ῥητορικὴν παίγνια ἀφορμὰς ῥητορικὰς*, давая именно такое обозначеніе одной изъ группъ сочиненій *Θрасимаха*, опиралось лишь на слова, которыми Горгіи заканчивалъ свою „похвалу Елены“: *ἐβουλήθη γράψαι τὸν λόγον Ἐλένης μὲν ἐγκώμιον, ἔρον δὲ παίγνιον* (подобно тому, какъ наши сказители заканчивали иногда свою „славу“, или „старинку“ словами: То старина, то и дѣянье, Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье, и т. п.). Установить, какой смыслъ имѣло у Горгіи слово *παίγνιον*, могло бы только длинное изслѣдованіе, которому пришлось бы, вѣроятно, считаться и съ вопросомъ объ исконномъ значеніи противопоставленнаго здѣсь этому слову слова *ἐγκώμιον*, и съ примѣненіемъ термина *παίγνιον* къ *μίμοι*. Названіе *ἐγκώμιον* быть-можетъ не даромъ древніе ученые (ср. *Theon. prog. I 35 W. Hermog. prog. I 227 W. Poll. IX 36. Et. M. 311, 26*) объясняли тѣмъ, что *ἐγκώμιον* пѣлось первоначально *ἐν κόμῳ*, т. е. на перекресткахъ, и такъ, что пѣлось оно *ἐπὶ νίκαις*, при чемъ дальнѣйшія ихъ разъясненія (исходившія, м. пр., и изъ сближенія *ἐγκώμιον* съ *κωμῳδία*) имѣютъ, кажется, въ виду присоединявшіяся тутъ же къ этимъ вохваленіямъ *σκώματα* (*παίγνια ἢ ἀκολασία, Dem. de eloc. 173; ср. Herod. II 173: κατέκωπτε τοὺς συμποτας καὶ ἦν μάταιός τε καὶ παίγνιμων. Stesich. fr. 50 B. Eur. Bacch. 160. Arist. Lys. 700. Apol-*

въ похвалу и вмѣстѣ въ защиту прекрасной Елены; такъ могли назы-

lod. I 9, 26: τοὺς ἀριστείας ἐσχηκότεν μετὰ παιγνίας), выражавшіяся и въ ποιήματα αὐτοσυγεία: что triumphus любилъ iustus, въ частности carmina Indicra (Mart. VII, 8) и у еллиновъ, какъ у римлянъ, прямо отмѣчаетъ Діонисій, A. R. VII 72 (ср. Crusius, *Philol.* LVII 502 f.; о существованіи этого обычая и въ Англіи и въ Венгрія—*Bruchmann*, *Poetik*, 27). Такъ въ сосѣдствѣ съ ἐγκώμια оказывались παιγνία; ср. Polyb. XVI 21, 12: πυνθανόμενος τὸν γινόμενον ἐκ πάντων ἔπαινον ὑπὲρ αὐτοῦ... ἐτι δὲ τὰς ἐπιγραφὰς καὶ τὰ διὰ τῶν ἀκροαμάτων εἰς αὐτὸν ἀδόμενα παιγνία καθ' ὅλην τὴν πόλιν. Какъ видно и изъ этихъ словъ Полибія (о Тлеполеμѣ), ψόγος не былъ обязательнымъ въ παιγνία, или обязательнымъ былъ во всякомъ случаѣ безобидный ψόγος; впрочемъ на этотъ счетъ у еллиновъ была своя мѣра дозволеннаго и не дозволеннаго,—о нихъ вообще можно было сказать то, что сказалъ Плутархъ о народѣ аѳинскомъ: τῶν λόγων τοὺς παιγνιώδεις καὶ γελοίους ἀπαίεται καὶ προτιμᾷ, τοῖς μὲν ἐπαινοῦσιν αὐτὸν μάλιστα χαίρει, τοῖς δὲ σκώπτουσιν ἥμισυ δυσχεραίνει (pr. ger. reip. 3). Такъ оказалось даже возможнымъ противопоставлять τὸ παιγνιώδες и τὸ καταγέλαστον (ср. Plut. Arist. et Men. сопр. 4); но прежде всего и больше всего представлявшееся этими παιγνία τὸ παιγνιώδες, противопоставалось разсудочному (τὸ φρόνιμον, Xen. Hell. II 3, 56; ср. Herod. II 173), важному или торжественному (σεμνότερον, ср. Eust. 202, 10), серьезному или дѣловитому (σπουδαῖον, Plat. Leg. 796 B. 816 E. Pol. 288 C. Isocr. X 11. Dem. de eloc. 120), при чемъ это τὸ παιγνιώδες могло заключаться или въ содержаніи, или въ формѣ, или въ не-соотвѣтствіи формы содержанію (ср. Dem. de eloc. 120, объ одномъ энкоміи софиста Поликрата: ἐπαίει γὰρ, οὐκ ἐσπούδαζε, καὶ αὐτὸς τῆς γραφῆς ὁ ὄγκος παιγνίων ἐστίν). Различіе между ἐγκώμιον и παιγνιον, какъ и вообще между παιγνιον и не-пαιγνιον, становилось, т. о., относительнымъ и субъективнымъ; какъ серьезно задуманное и торжественно произнесенное ἐγκώμιον (напр. царю или тиранну) слушателю-философу могло показаться забавнымъ (Plat. Theaet. 174 D sqq.), такъ и самое составленіе энкоміа (въ зависимости отъ того, кому или какъ онъ составлялся) могло служить предметомъ забавы для составителя, т. е. или отдыхомъ отъ труда, или трудомъ, замѣняющимъ отдыхъ,—не говоря уже о томъ, что авторъ могъ выдавать стоившее ему много труда за написанное имъ въ видѣ развлечения, или же могъ желать цѣною своего труда доставить развлечение слушающей или читающей публикѣ; такъ въ содержаніи παιγνίας ἀκολασίαν могла заслонять собою εἰρωνεία (которую находитъ Аристотель, rhet. 1409 b, у Горгія—быть-можетъ опираясь на его „ἐμὸν δὲ παιγνιον“, и въ „Фѣдрѣ“ Платона—быть-можетъ опираясь на его „οὐκοῦν ἤδη πεπαίσθη μετρίως ἡμῖν τὰ περὶ λόγων“, 278 B; кстати: и свое выступление съ эпитафіемъ Аспасіи въ „Менексѣнѣ“ Платонъ—опять-таки мет' εἰρωνείας—называетъ παιζειν). Въ такомъ кругѣ или рядѣ представлений приходится искать и объясненія заключительнымъ словамъ „Елены“ Горгія и вмѣстѣ тому, что если уже не терминъ, то понятіе παιγνιον должно было найти себѣ примѣненіе и въ краснорѣчьи, какъ оно вмѣстѣ съ своимъ терминомъ нашло себѣ примѣненіе въ поэзи (ср. παιγνιον Филита у Stob. Fl. 81, 4, τὰ νοματικὰ παιγνία Θεокρίτου у Ael. p. a. XV 19, τὸ ὄνον καὶ ἄλλα παιγνία Σικίᾳ у Nephaest. 9, или „ἐμὰ παιγνία“ Стратона, Anth. Pal. XII 258). Но нужно имѣть въ виду и то, что παιγνιον не только сопровождало ἐγκώμιον, вмѣстѣ съ которымъ оно и перешло изъ (устной) поэзи въ (устную) прозу, но и было спеціальностью греческихъ „веселыхъ людей“, или „глумотворцевъ“, т. е. софистовъ-скомороховъ, а въ этой области мы встрѣчаемся потомъ съ дѣленіемъ мимовъ на παιγνία и ὑποδείξεις (Plut. qu. соnv. VII 8, 4; ср. Reich, Mimus, I 417 ff.), т. е. вѣроятно уже съ выдѣленіемъ изъ παιγνία этихъ ὑποδείξεις, названіе которыхъ было техническимъ терми-

Рядомъ съ этими торжественными или серьезными рѣчами упоминаются, въ V—IV в., и *παίγνια*¹⁾: такъ называетъ Горгій свою рѣчь

все больше заявляли себя *ἀκρίβεια* и *περίττολογία*, и соответственно этому все дальше шла специализация (такъ что впоследствии выступали и такіе ораторы, которые брались произнести экспромптомъ рѣчь на предложенную кѣмъ-либо изъ публики тему—лишь въ предѣлахъ своей специальности, напр. грамматики или врачи, ср. *Lehrs, Aristarch*² 217 f. *Rohde, Kl. Schr.* II 449 f.); но принципиально порвать со своей *πολυμαθῆ* (ср. о ней и *Philod.* I 204 sqq. II 57 sq.) софисты не могли уже потому, что они успѣли взять на себя, наряду съ популяризацией знаній, и образованіе τῶν νέων.—Исторія, такъ часто примѣнявшаяся въ публичныхъ рѣчахъ или лекціяхъ въ качествѣ средства (т. е. одного изъ средствъ) изложенія или изображенія, нерѣдко становилась и ихъ предметомъ (ср. выше стр. 50, пр. 3, и приведенную въ предыдущемъ примѣчаніи надпись о читавшемъ въ Дельфахъ публичныя лекціи историографѣ).—Трудно рѣшить, сколько правды въ рассказахъ о томъ, что Геродотъ читалъ свою исторію и въ Афинахъ (вызывавъ слезы присутствовавшего при этой ἐπίδειξι; отрока Θуклида), и въ Олимпіи, и въ Коринѣ и Эввахъ (*Plut. de Her. mal.* 26. 31. *Luc. Her.* 1. [*Dio Chr.*] XXXVII, 103. *Marcell*, 54; ср. рассказъ объ увѣнчаніи золотымъ вѣнкомъ об *historici stili praestantiam* атендографа Клитема, *Tertull. de an.* 52); но и потомъ историки часто рецитировали свои произведенія (ср. *Luc. de hist. conscr.* 14 sqq. *Athen.* 432 b).—Тѣсныя отношенія между исторіей,—особенно поскольку она стремилась назидать (въ этомъ отношеніи любопытна надпись Филиппа, II в. по Р. X.; *IG Pel.* I 1153), или быть „философіей въ примѣрахъ“ (*[Dion.] rhet.* 11, 2; ср. *Dion. A. R.* V 56. 75),—и риторикой очень часто дѣлались предметомъ теоретическихъ обсужденій и даже опредѣленій, не всегда правда, удававшихся древнимъ (впрочемъ и новымъ) ученымъ, гл. обр., кажется, вслѣдствіе неустойчивости значенія термина *ιστορία* (ср. *Volkmann, Rhetorik*,³ 18 ff., также *Usener, Dion. Hal. l. de imit. rel.*, 117 sqq. *Kaibel, D. Proleg.* п. κωμ., 18 ff. *Peter, D. geschichtl. Litteratur üb. d. röm. Kaiserzeit*, I 10 ff. II 184 ff.).

¹⁾ Терминъ *παίγνιον* не получилъ, впрочемъ, права гражданства въ теоріяхъ риторики, и возможно даже, что единственное наше свидѣтельство въ этомъ смыслѣ—показаніе [источника] Свиды, что *Θρασύμαχος... ἐγραφε συμβουλευτικῶς τεχνὴν ῥητορικὴν παίγνια ἀφορμᾶς ῥητορικᾶς*, давая именно такое обозначеніе одной изъ группъ сочиненій *Θрасимаха*, опиралось лишь на слова, которыми Горгій заканчивалъ свою „похвалу Елены“: *ἐβουλήθη γράψαι τὸν λόγον Ἐλένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμὸν δὲ παίγνιον* (подобно тому, какъ наши сказители заканчивали иногда свою „славу“, или „старинку“ словами: То старина, то и дѣянье, Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье, и т. п.). Установить, какой смыслъ имѣло у Горгія слово *παίγνιον*, могло бы только длинное изслѣдованіе, которому пришлось бы, вѣроятно, считаться и съ вопросомъ объ исконномъ значеніи противопоставленнаго здѣсь этому слову слова *ἐγκώμιον*, и съ примѣненіемъ термина *παίγνιον* къ *μῦθοι*. Названіе *ἐγκώμιον* быть-можетъ не даромъ древніе ученые (ср. *Theon. prog.* I 35 W. *Hermog. prog.* I 227 W. *Poll.* IX 36. *Et. M.* 311, 26) объясняли тѣмъ, что *ἐγκώμιον* пѣлось первоначально ἐν χώματι, т. е. на перекресткахъ, и такъ, что пѣлось оно ἐπὶ νίκαις, при чемъ дальнѣйшія ихъ разъясненія (исходившія, м. пр., и изъ сближенія *ἐγκώμιον* съ *κωμῳδία*) имѣютъ, кажется, въ виду присоединившія тутъ же къ этимъ возхваленіямъ *σκώμματα* (*παίγνια ἢ ἀκολασία*, *Dem. de eloc.* 173; ср. *Herod.* II 173: *κατέσχεπτε τοὺς συμπότας καὶ ἦν μάταιός τε καὶ παίγιμῶν*. *Stesich. fr.* 50 B. *Eur. Bacch.* 160. *Arist. Lys.* 700. *Apol-*

въ похвалу и вмѣстѣ въ защиту прекрасной Елены; такъ могли назы-

lod. I 9, 26: τοὺς ἀριστείας ἐσκῆπτον μετὰ παιγνίας), выразившіяся и въ ποιήματα αὐτοσχέδια: что triumphus любилъ iusus, въ частности sagmina ludicra (Mart. VII, 8) и у еллиновъ, какъ у римлянъ, прямо отмѣчаетъ Діонисій, A. R. VII 72 (ср. Crusius, *Philol.* LVII 502 f.; о существованіи этого обычая и въ Англіи и въ Венгріи—*Bruchmann*, *Poetik*, 27). Такъ въ сосѣдствѣ съ ἐγκώμια оказывались παιγνία; ср. Polyb. XVI 21, 12: πυνθανόμενος τὸν γινόμενον ἐκ πάντων ἔπαινον ὑπὲρ αὐτοῦ... ἐτι δὲ τὰς ἐπιγραφὰς καὶ τὰ διὰ τῶν ἀκροαμάτων εἰς αὐτὸν φέρομενα παιγνία καθ' ὅλην τὴν πόλιν. Какъ видно и изъ этихъ словъ Полибія (о Тлеполеμѣ), ψῆγος не былъ обязательнымъ въ παιγνία, или обязательнымъ былъ во всякомъ случаѣ безобидный ψῆγος; впрочемъ на этотъ счетъ у еллиновъ была своя мѣра дозволеннаго и не дозволеннаго,—о нихъ вообще можно было сказать то, что сказалъ Плутархъ о народѣ афинскомъ: τῶν λίγων τοὺς παιγνιώδεις καὶ γελίους ἀσπίζεται καὶ προτιμᾷ, τοῖς μὲν ἐπαινοῦσιν αὐτὸν μάλιστα χεῖραι, τοῖς δὲ σκώπτουσιν ἥκιστα δυσχεραίνει (gr. ger. reip. 3). Такъ оказалось даже возможнымъ противопоставлять τὸ παιγνιώδες и τὸ καταγέλαστον (ср. Plut. Arist. et Men. соmp. 4); но прежде всего и больше всего представлявшееся этими παιγνία τὸ παιγνιώδες; противопоставлялось разсудочному (τὸ φρόνιμον, Xen. Hell. II 3, 56; ср. Herod. II 173), важному или торжественному (σεμνότερον, ср. East. 202, 10), серьезному или дѣловитому (σπουδαῖον, Plat. Leg. 796 B. 816 E. Pol. 288 C. Isocr. X 11. Dem. de eloc. 120), при чемъ это τὸ παιγνιώδες могло заключаться или въ содержаніи, или въ формѣ, или въ не-соответствіи формы содержанію (ср. Dem. de eloc. 120, объ одномъ энкоміи софиста Поликрата: ἐπαξε γὰρ, οὐκ ἐσπούδαξε, καὶ αὐτὸς τῆς γραφῆς ὁ ὄγκος παιγνίον ἐστίν). Различіе между ἐγκώμιον и παιγνίον, какъ и вообще между παιγνίον и не-пαιγνίον, становилось, т. о., относительнымъ и субъективнымъ; какъ серьезно задуманное и торжественно произнесенное ἐγκώμιον (напр. царю или тиранну) слушателю-философу могло показаться забавнымъ (Plat. Theaet. 174 D sq.), такъ и самое составленіе энкоміа (въ зависимости отъ того, кому или какъ онъ составлялся) могло служить предметомъ забавы для составителя, т. е. или отдыхомъ отъ труда, или трудомъ, замѣняющимъ отдыхъ,—не говоря уже о томъ, что авторъ могъ выдавать стоившее ему много труда за написанное имъ въ видѣ развлечения, или же могъ желать цѣною своего труда доставить развлечение слушающей или читающей публикѣ; такъ въ содержаніи παιγνίας ἀκολασίαν могла засюсюнить собою εἰρωνεία (которую находитъ Аристотель, rhet. 1408 b, у Горгія—быть-можетъ опираясь на его „ἐμὸν δὲ παιγνίον“, и въ „Фадрѣ“ Платона—быть-можетъ опираясь на его „οὐκοῦν ἤδη πεποίηθα μετρίως ἡμῖν τὰ περὶ λόγων“, 278 B; кстати: и свое выступленіе съ эпитафіемъ Аспасія въ „Менексенѣ“ Платонъ—опять-таки мет' εἰρωνείας—называетъ παιζειν). Въ такомъ кругѣ или рядѣ представлений приходится искать и объясненія заключительнымъ словамъ „Елены“ Горгія и вмѣстѣ тому, что если уже не терминъ, то понятіе παιγνίον должно было найдти себѣ примѣненіе и въ краснорѣчьи, какъ оно вмѣстѣ съ своимъ терминомъ нашло себѣ примѣненіе въ поэзи (ср. παιγνίον Филта у Stob. Fl. 81, 4, τὰ φοιματικὰ παιγνία Θεокрита у Ael. n. a. XV 19, τὸ ὄνον καὶ ἄλλα παιγνία Симія у Pheraest. 9, или „ἐμὰ παιγνία“ Стратона, Anth. Pal. XII 258). Но нужно имѣть въ виду и то, что παιγνίον не только сопровождало ἐγκώμιον, вмѣстѣ съ которымъ оно и перешло изъ (устной) поэзи въ (устную) прозу, но и было спеціальностью греческихъ „веселыхъ людей“, или „глумотворцевъ“, т. е. софистовъ-скомоороховъ, а въ этой области мы встрѣчаемся потомъ съ дѣленіемъ имовъ на παιγνία и ὑποθέσεις (Plut. qu. соmv. VII 8, 4; ср. Reich, *Mimus*, I 417 ff.), т. е. вѣроятно уже съ выдѣленіемъ изъ παιγνία этихъ ὑποθέσεις, названіе которыхъ было техническимъ терминомъ.

ваться и другія рѣчи, иногда порицавшія или обвинявшія, обыкновенно же восхвалявшія или защищавшія разныхъ мнѣическихъ или эпическихъ героевъ и героинь; такъ могли называться и рѣчи въ похвалу соли, мышей, мухи и т. п.¹⁾ Были ли то шутки, выражавшія собою способ-

номъ и риторикѣ; и можетъ-быть здѣсь мы въ правѣ видѣть и другой исходный пунктъ риторическихъ παίγνια. Реально (если не номинально) во всякомъ случаѣ существовали риторическія παίγνια, и надо думать—еще раньше Горгія, хотя мы и не знаемъ, каково было (если не παίγνια) ихъ видовое имя (возможно даже, что его и не было вовсе,—тѣмъ болѣе, что τέχνηαι ῥητορικαὶ не имѣли особеннаго расчета заниматься этой группой эпидейктическихъ рѣчей). Позднѣе подобныя рѣчи носили названіе λαλιαί, и— правда, не полную и не отчетливую—теорію τοῦ τῆς λαλιᾶς εἶδους, „особенно полезнаго софисту“, находимъ въ π. ἐπιθ. [Менандра], 83 sqq. В., гдѣ м. пр. отмѣчается, что это εἶδος χαίρει τῇ γλοκότητι καὶ τῇ τῶν διηγημάτων ἀβρότητι, что διὰ λαλιᾶς ἐξεστὶν ἐγκωμιάζειν καὶ ψέγειν (ἢ ἀποσώπτοντα ἢ κωμωδεῖν ἐπιχειροῦντα ἢ ψέγοντα). Краткая λαλιᾶ—въ такомъ случаѣ называвшаяся проλαλιά—нерѣдко открывала собою ἐπίδειξιν софиста (нѣсколько такихъ пролаліаί мы имѣемъ между сочиненіями Лукіана). Хотя [Менандръ] 86 sq. и видѣлъ отличіе λαλιᾶς отъ остальныхъ рѣчей не только въ томъ, что λαλιᾶ могла имѣть любое содержаніе, но и въ томъ, что она не наблюдала или не соблюдала τάξιν οὐδεμίαν ἐκ τέχνης, но различіе ея отъ—извѣстной намъ изъ Филострата—μελέτη едва-ли не сводилось лишь къ тому, что λαλιά больше ἐπαίξε, нежели ἐσπούδαξεν, а μελέτη больше ἐσπούδαξε, нежели ἐπαίξεν, или если ἐπαίξε, то ἐπαίξε σπουδῇ (какъ выражается Ксенофонтъ, Суг. VI 1, 6), а потому и наши „παίγνια“ могли разрѣшиться, какъ въ λαλιαί, такъ и въ μελέται,—и это тѣмъ болѣе, что тѣ παίγνια скоро оказались какъ нельзя болѣе пригодными и для риторической παιδείας, и не только въ качествѣ учебнаго матеріала, но и въ качествѣ педагогическаго приѣма.—Еще въ IV в. по Р. X. Θεμιστίη (XXVI, 315: противопоставляетъ τὸ παιγνιώδες софистовъ своему εὐμυθὸν εἶδος τοῦ λέγειν; ср. π. ὕφ. 3, 2 (о Горгіи и др.): ἐνθουσιᾶν ἑαυτοῖς δοκοῦντας οὐ βαρυδουσι ἀλλὰ παίζουσι).

¹⁾ Къ παίγνια (какъ потомъ къ μελέται или λαλιαί) можно было бы относить вообще всѣ рѣчи, не имѣвшія торжественнаго (какъ ἐγκώμια боговъ, героевъ, царей, πόλεων, какъ πανηγυρικοὶ или ἐπιτάφιοι) и дѣловаго (какъ δημηγορικοὶ, δικανικοὶ, πρεσβευτικοὶ, или συμβουλευτικοὶ, προτραπτικοὶ и т. п.) характера или назначенія.—Прежде всего, повидимому, παίγνια примкнули къ ἐγκώμια, и именно къ ἐγκώμια боговъ или „полубоговъ“ (обходя, разумѣется, особенно или особливо чтимыхъ, или мѣстно чтимыхъ). Тутъ они могли работать заодно съ философίей или науκῶν, „критиковавшей“ (въ общемъ или въ подробностяхъ) мнѣологическія и поэтическія πλάσματα τῶν προτέρων; тѣмъ-же, однако, въ трактованіи мнѣологическихъ образовъ примыкали они къ мимамъ и къ сатирическимъ драмамъ (ср. Reich, Mimus, I 239 ff. 541 ff. Dieterich, Pulcinella, 55 ff.), къ комедіи (особенно сицилійской), поскольку она сближалась съ будущей Ἰαροτραγῶδία, къ эпической поэзіи, поскольку въ ней (такъ уже Odyss. VIII 266 sqq. или XII 374 sqq.) бывалъ представленъ пародистическій или „реалистически-юмористическій“ элементъ (ср. Βατραχόμομαχία), къ мелической поэзіи, поскольку она carminis opera lusa sustinuit, какова была (Quint. X 1, 62) поэзія Стесихора.—На такой почвѣ и появляются похвалы Еленѣ—Горгія, Исократа, Анаксимена и др., или похвала Бусириду Поликрата, вызвавшая соотвѣтственное сочиненіе Исократа (если, какъ мы знаемъ и изъ разсказа объ „Еленахъ“ Стесихора, Plat. Phaedr. 243 A sq., Елена часто бывала

ность эллинов удивительно-легко дѣлать тотъ шагъ, который отдѣляетъ

предметомъ сочувственныхъ или несочувственныхъ изображеній въ поэзи, то Бусидръ игралъ видную роль въ сицилійской комедіи и въ сатирической драмѣ).—Объ одномъ авторѣ похвалы Еленѣ (для меня не подлежитъ сомнѣнію, что о Горгіи) говоритъ Исократъ (въ своей „Еленѣ“, 14 sq.), что вмѣсто обѣщаннаго *ἐγκώμιον* онъ далъ *ἀπολογία* (ср. Isocr. *Βούσιρις*, 4 sq.). И въ самомъ дѣлѣ, очень легко было переходить отъ *παίγνια* въ формѣ рѣчей въ похвалу мионическихъ лицъ къ *παίγνια* въ формѣ рѣчей въ ихъ защиту, а потомъ и въ формѣ защитительныхъ или обвинительныхъ рѣчей отъ ихъ имени (таковы были „Паламедъ“ Горгія, „Аїксъ“ и „Одиссей“ Антиссена, „Одиссей“ [Алкидаманта]); мѣсто мионическихъ лицъ скоро въ подобныхъ рѣчахъ (такъ уже—въ антифонныхъ тетралогіяхъ) заняли лица фиктивные.—Какъ *ἐγκώμιον* совершенно вытѣснило собою въ области этихъ *παίγνια ψόγον* или *μῶμον*, такъ и судебныя рѣчи оттѣснили собою рѣчи похвальные—и именно потому прежде всего, что, какъ похвальные рѣчи гораздо больше, нежели порицательныя, такъ и судебныя гораздо больше, нежели похвальные, оказывались пригодными не только „на потѣшеніе“ ихъ составителямъ и „добрымъ людямъ на послушанье“, но и „молодымъ молодцамъ на перениманье“: склонность и способность къ *παίζειν* („игры творить“, какъ, повидимому, передается это слово въ знаменитомъ изреченіи Домостроя) какъ нельзя больше пригодилась софистамъ или риторамъ, когда они взяли на себя подготовленіе молодыхъ людей къ жизни и дѣятельности; и извѣстно, какъ прочно утвердились такіа—образцовыя, особенно-же пробныя—судебныя рѣчи, а за ними и собственно-политическія, или „совѣщательныя“, въ обиходѣ античныхъ риторическихъ школъ, и какъ тѣ *παίγνια ὤδε*; перешло на этой почвѣ въ τὸ παιδαγωγῶδες, σχολῆ—въ схоластику.—Какъ торжественныя *ἐγκώμια* съ боговъ или героевъ перенесены были на „людей“ (эту заслугу Исократъ, *Enag.* 8, приписываетъ себѣ; вѣроятно онъ не правъ, хотя показаніе Аристотеля, *rhet.* 1368 a, объ энкоміи Гишлохоа такъ же мало ясно, какъ мало надежно его толкованіе у Wilamovitz, *Hermes* XXXV 534 f.), такъ перенесены были на людей и *ἐγκώμια-παίγνια*, *ἀπολογία* и *κατηγορία* (вродѣ апологіи Сократа), сдѣлавшись впрочемъ достояніемъ уже не публичныхъ λόγων, а публицистическихъ συγγραμμάτων и перейдя потомъ, вмѣстѣ съ тѣми торжественно-произносившимися энкоміями, въ біографическую (также въ автобіографическую, или мемуаристическую), потомъ и въ агиографическую литературу.—*Ἐγκώμια πόλεων* риторическія *παίγνια* успѣли затронуть собою, кажется, лишь постольку, поскольку въ нихъ могъ быть представленъ ψόγος, т. е. поскольку восхвалявшаяся πόλις превозносилась на счетъ другихъ, съ нею враждовавшихъ или соперничавшихъ.—Естественно, что *παίγνια* въ видѣ похвалъ (или апологіи) мионическихъ лицъ были больше реалистичны. чѣмъ историчны, и больше теоретичны, чѣмъ реалистичны, что они преслѣдовали не историческую, не индивидуальную, а теоретическую и типическую правду: такъ у Горгія похвала Еленѣ переходитъ въ похвалу слову и въ похвалу любви, у Исократа—въ похвалу красотѣ, и чрезвычайно характерно въ этомъ смыслѣ ироническое напоминаніе Сократа (*Plat. Phaedr.* 242 B sqq.) о томъ, что Ἐρως, за и противъ котораго говорятся рѣчи, есть сынъ Афродиты и богъ (какъ и вообще, конечно, болѣе чѣмъ характерны для исторіи *παίγνια* ἱρωτικοί и все что къ нимъ относится въ „Фэдрѣ“ и въ „Пирѣ“ Платона). Такъ похвалы богамъ или героямъ, олицетворявшимъ ту или другую добродѣтель, то или иное качество, могли переходить въ похвалы этимъ добродѣтелямъ или качествамъ, и *παίγνια* обдѣлывались т. о. съ этическими разсужденіями или поученіями (*ἔχει δὲ κτινὸν εἶδος ὁ ἔπαινος καὶ αἱ συμβουλαί*, *Arist. rhet.* 1367 b), при чемъ конечно, различіе между ними

великое или высокое отъ смѣшного или низкаго—Иліаду отъ Войны

могло быть только относительнымъ, затрогивая собою иногда отлѣльно форму и отлѣльно содержаніе; ср., напр., упомянутыя выше, стр. 50 съ прим. 2, рѣчи Гиппія и Продика и примкнувшую къ нимъ „діатрибу“, съ ея склонностью къ персонификаціи отвлеченныхъ понятій (*Norden*, А. К. 129 ff.); что содержаніе было не только субъективнымъ, но и измѣнчивымъ критеріемъ τοῦ ἐμυλόεσθαι и τοῦ ἐκώπταιν, τοῦ σπουδαίειν и τοῦ πλάζειν, ясно видно, напр., изъ того, что еще Исократъ, X, 8, приравнивалъ къ φαρμακοποιῶν рѣчи (киниковъ), доказывавшія, что жизнь нищихъ и изгнанниковъ завиднѣе жизни прочихъ людей.—Все расширяя сферу своего влѣнія (т. е. „игроторенія“), то играя содержаніемъ, то формой, то забавляясь ихъ взаимнымъ несоотвѣтствіемъ, риторическія πλάγια не только стали дѣлать изъ всѣхъ рѣшительно πρίματα ὑποθέσεις своихъ похвалъ (или порицаній), но даже стали предпочитать ὑποθέσεις возможно-болѣе ἀδόξους,—потому что на такихъ ὑποθέσεις наиболѣе выгоднымъ для ораторовъ, наиболѣе занятымъ для слушателей—и наиболѣе поучительнымъ для учениковъ образомъ могла заявить себя способность τὰ μικρὰ μέγала ποιεῖν, или τοῖς μικροῖς μέγους περιθεῖναι. Уже во времена Платона и Исократа предметами похвальныхъ словъ оказывались и мыши, и соль, и χύτραи, и ψῆφοι, и βομβυλοῖ (Ср. *Isocr.* X 12. *Plat. Conv.* 177 С. *Arist. rhet.* 1401 а sq. *Alex.* III р. 3 Sp.). Особенно прославился тогда какъ составитель „парадоксальныхъ“ энкоміевъ Поликрать, которому принадлежали энкоміи и εἰς τοὺς μῦς, и εἰς χύτρας и ψῆφους, какъ и похвала Бусириду (ср. *Philod.* I 216 Sdh.) и Обвиненіе Сократа (см. *Blass*, А. В. II^о 367 ff.). Какъ узнаемъ изъ Риторики Аристотеля I с., Поликрать утверждалъ σπουδαῖον εἶναι μῦν ссылаясь, м. пр., на то, что названіе παζῶν τιμωτάτης τελετῆς—μυστήρια происходитъ отъ μῦς (при чемъ, быть можетъ, имѣлось въ виду представленіе не о мышахъ какъ „хтоническихъ демоновъ“, *Gruppe*, Gr. Myth. 803, а о превращеніи въ мышей, какъ и въ змѣй, погребенныхъ, ср. указанную у *Gruppe* I с. литературу), и на то, что мыши помогли въ войнѣ перегрызая вражескія тетивы (это былъ сказочный мотивъ—ср. *Herod.* II 141,—особенно часто примѣнявшійся къ εἰνδοῖς Трояды, съ ея культомъ τοῦ Σμινθῆως Ἀπόλλωνος: *Strab.* 605, со ссылкой, м. пр., на Каллиана. *Schol. AD ad II.* I 39; ср. *Gruppe*, Gr. M. 301); такъ и восхвалявшій собаку (киникъ?) вспоминалъ, по Аристотелю, и небесную Собаку, и Пана. Быть-можетъ эти похвалы животнымъ на первыхъ порахъ играли такую же роль въ исторіи перехода отъ мифа, сказки, эпоса (ср. басню о мышкѣ, *Arist. Vesp.* 1181 sqq., и Батрахоміомахію) къ наукѣ, какую—мы видѣли—играли καίγνια, восхвалявшія или порицавшія мнѣстическихъ или эпическихъ героевъ; слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что еллины тоже пережили эпоху тотемизма (какъ и вообще фетишизма), что даже и тогда, когда они научились считать человѣка царемъ природы, пропасть между ними и животными (а также растениями) имъ долго не казалось болѣе глубокой, чѣмъ пропасть между ними и „варварами“ (особенно поучительны въ этомъ отношеніи διαλέξεις софиста II в. по Р. X. Максима тирскаго). Позднія риторическія руководства предполагаютъ уже какъ особый родъ энкоміевъ энкоміи животныхъ, какъ и растений (*Herzog. prog.* 13 sq. W. [*Dion.*] *rhet.* 6. *Men.* 31 V.). Возможно, что не безъ взаимной связи развивались эти энкоміи и сочиненія περὶ ζῶων (αἱ περὶ τὰ ζῶα ἱστορίαι) и περὶ φυτῶν.—Мы знаемъ изъ Платона, что ἄλεις удостоились специальной похвалы πρὸς ὀφέλειαν, и возможно, что съ этой же точки зрѣнія оказался не только „дороже“ прекраснаго (напр., Фидіевой Аѳины), но и прекраснымъ „печной горшокъ, въ которомъ варится пища“; по крайней мѣрѣ, χύτρα (какъ у *Xenoph.* *Mem.* III 8, 6—κόφινος κοπρόφορος) играетъ видную роль именно въ разсужденіи о

мышей и лягушек, трагедию от сатирической драмы или от комедии? Или эти *παίγνια* произносились въ серьезъ,—только въ нихъ формальное значеніе рѣчи преувеличивалось—доводилось до абсурда—въ ущербъ ея реальной или идейной сторонѣ, и названіе *παίγνια* было имъ дано въ отличіе отъ рѣчей серьезныхъ не по своей лишь Technikѣ, а и по содержанию (или по назначенію)? Или терминъ *παίγνια* имѣетъ значеніе не шутки, не игрушки, не игры (мыслями и словами), а педагогическаго приѣма, и въ этихъ *παίγνια* слѣдуетъ видѣть риторическія упражненія школьнаго характера? На каждый изъ этихъ вопросовъ былъ данъ утвердительный отвѣтъ¹⁾; и возможно, что вѣрны всѣ эти отвѣты. Еллинская склонность радоваться разрѣшенію важнаго, серьезнаго въ веселое, забавное, еллинская способность наслаждаться красотой рѣчи и помимо ея прямого назначенія, наслаждаться игрой словами и мыслями не могла не искать себѣ выраженія и въ краснорѣчьи (какъ она нашла

καλόν по отношенію къ *χρήσιμον* и *φειλίμων* въ диалогѣ Hipp. maj. 288 D sqq. Не невозможно, впрочемъ, и то что, *χότρα* или *χότραι* (ее или ихъ восхвалялъ Поликрать, по Александру I. с., правда, наряду съ *ψήφοι*) чрезъ посредство *χουτρίδες* (ср. Athen. XI 464 b с—о *χουτρίδες* *Ροδίακαί*) сближались съ *βουβουλίαι* (ср. Athen. XI 784 d—о *βουβουλίαις*, *θηρίκλειον* *Ροδίακόν*, восхвалявшемся на счетъ фіалы, поскольку дѣло касалось его *ιδέας*, т. е., проще говоря, *τρόπου πάσης*, повидимому и *ἐν τοῖς* *Προτρεπτικαῖς* Антисеена, ср. Poll. X 68; подобныя темы разрабатывались еще у Критія, fr. 6. 33 sq. Diels). Какъ бы то ни было, нѣтъ необходимости предполагать, что Исократъ имѣлъ въ виду одно лицо, одного автора, когда говорилъ о „принимавшихся хвалить *τοὺς βουβουλίους* και *τοὺς ἄλλας* και *τὰ τοιαῦτα*“; тѣмъ меньше надобности спорить (литература вопроса указана у Muen-scher, *Rh. M.*, LIV 254 ff.), были-ли то Поликрать, или Антисеенъ, или Алкидамантъ; и Платонъ, упомянувъ о похвалѣ соли, продолжаетъ: και *ἕλλα τοιαῦτα* *συχνά* *ἴδοις* *ἀν* *ἐγχεχωρισμένα*.—Диону Хрисостому принадлежали похвалы комара и попугая, и приписывалась похвала волось, которой Синезій противопоставилъ потомъ похвалу плѣши; Лукіанъ, чтобы превзойти авторовъ похвалъ *μωῶν* и комара, написать изящную похвалу мухи, *μύας*, а также защитительную рѣчь, произнесенную Сигмою въ ея процессѣ съ Тау предъ судомъ семи гласныхъ (*Δίκη φωνηέντων*). Ср. также похвалу числу сто и (смоковницѣ—[Jul.] ep. 27.—Въ общемъ, въ риторическихъ *παίγνια* (поскольку они не разрѣшались въ этическіе или научные трактаты, въ памфлеты, сатиры и т. п.) все больше выдвигался—особенно на почвѣ широкаго примѣненія ихъ въ школьной практикѣ—элементъ *τοῦ σπουδάζειν περὶ τὰ παίγνια*, какъ выражается Синезій, Dio p. 316; *ἔπος* *οὐχ* *ὕπερ* *μεγάλων* *ἐσπούδαται* *τῷ* *Δίω*—говоритъ Филостратъ, v. s. I 7, 1—*μὴ* *μικρὰ* *ἤγρωμεθα* *ἀλλὰ* *σοφιστικά*, *σοφιστοῦ* *γὰρ* *τὸ* *καὶ* *ὕπερ* *τοιοῦτων* *σπουδάζειν*; *οὐ* *πάντως* *καὶ* *τεθαρμα* *κότες* *τὴν* *χότραν* *ἢ* *τὰς* *ψήφους* *ἐπιμανόμεν*—поучалъ Александръ,—*ἀλλὰ* *γυμνάζοντες* *ἑαυτοὺς* *πιθανοὺς* *τισὶ* *λόγοις*.—Ср. также предисловіе Фронтоня къ его *laudes fumi et pulveris*, p. 211.

¹⁾ Ср. Blass, A. V. I^o 62 ff. 249. II° 372. Maass, *Hermes*, XXII, 575 f. Norden, De Minucii Fel. aetate, 26 sq. Gereke *Hermes*, XXXII, 355 f. Tiele, ib. XXXVI, 229 f. 242 f. Б. Ф. Бурзи, Школьный вопросъ въ др. Греціи, 29 са.

себѣ выраженіе въ поэзіи). Такъ могли появиться эти *παίγνια*, — рѣчи рассчитанныя на удовлетвореніе не возвышенныхъ, однако же и не низменныхъ — и столь-же законныхъ, какъ возвышенные, — интересовъ слушателей, рѣчи, предлагавшія имъ отдыхъ, не требовавшія отъ нихъ напряженія. Но тѣмъ больше напряженія (т. е. тѣмъ большей виртуозности) могли эти *παίγνια* требовать отъ самого оратора — для него они могли становиться уже не «забавами» (*παίδιαί*), а «заботами» (*μελέται*). Зато тѣмъ пригоднѣе оказывались эти *παίγνια* въ качествѣ педагогическаго приѣма, въ качествѣ средства риторической *παιδείας*, риторическаго обученія, риторической гимнастики ума, *γυμνασίας τῆς ψυχῆς*, по выраженію Исократ¹⁾. А краснорѣчіе было искусствомъ особенно требовавшимъ этой формальной выучки, — какъ съ другой стороны, оно требовало, конечно, и реальныхъ изученій. Такимъ тѣснымъ и близкимъ было въ еллинской словесности соотношеніе между содержаніемъ и формой, такой важной и видной стала въ еллинской жизни роль краснорѣчія, что риторика сдѣлалась даже у еллиновъ не только главнымъ предметомъ, но и господствующимъ методомъ образованія, какъ раньше этимъ предметомъ и методомъ служила эпическая поэзія.

Какъ у Гомера поютъ былины Ахиллей съ Патроколомъ²⁾, а рядомъ выступаетъ сословіе былинныхъ пѣвцовъ или рапсодовъ, — такъ и рѣчи произносятся царями, оерситами,Themistokломъ, Перикломъ, демагогами, полководцами³⁾, обвинителями, обвиняемыми, но рядомъ съ

¹⁾ Isocr. XV 266. Ср. Crit. fr. 21 D.: ὁ πρῶτος εἰπὼν οὐκ ἀγυμνάστω φρενί.

²⁾ II. IX 186 sqq. Ср. Pöhlmann, Aus Altertum u. Gegenwart, 60 ff. (къ указанному здѣсь аналогіямъ слѣдуетъ присоединить Эду, Беовульфа 2105 sqq., также былины о Добрынѣ на свадьбѣ жены). — II. III 54, Гекторъ Александру: οὐκ ἄν τοι χραίσμη χίθαρς (какъ мастерами играть въ гусли яровчаты являются — наряду съ Садкомъ — Ставръ, Соловей Будимировичъ, Чурило Пленковичъ).

³⁾ Историки греческіе распространяютъ обыкновенно свою *αἴρεσιν καὶ μελέτην* кромѣ демегорій и посольскихъ рѣчей и на *τὰς παρακλήσεις* (Polyb. XII 25 a), на *παρανήσεις* стратеговъ передъ битвой (особенно характерно показаніе Фукидида V 69); военные писатели говорили потомъ, что военачальникомъ можетъ быть лишь *ἰκανὸς λέγειν* (ср. Dehner, Hadriani reliquiae I, 10). Это были *λόγοι πολιτικοί*, хотя конечно больше *πρωτρεπτικοί*, нежели *συμβουλευτικοί*: вѣдь войско было, въ основѣ своей, *πολιτῶν τι πληθος* (ср. *πλῆκς*, *folc*, *populus*) и потому могло разсматриваться (какъ въ Иліадѣ) какъ вѣче (только не *οἶκος*, а *ἐπὶ στρατῶς*), — какъ и вообще могла получиться *ἀγορά* (не *τέλειος*) и внѣ обычныхъ формальностей (ср. Od. II 28 sqq.), на которой тоже произносились политическія рѣчи; въ высшей степени характеренъ и для исторіи этого вида политическаго краснорѣчія, и для исторіи краснорѣчія вообще рассказъ Аешнея (Посейдонія) объ Аоніонѣ (211 e sqq.).

ораторами не-профессиональными выступает потому и сословие (или нечто вроде сословия) ораторовъ, представителей энциклопедического краснорѣчія, получающихъ—знакомое уже намъ—название софистовъ¹⁾. По-

¹⁾ Название *σοφισταί* (ср. выше стр. 42 сл.)—отчасти на почвѣ специализации понятія *σοφία*—сдѣлалось специальнымъ обозначениемъ представителей мудрости въ соединеніи съ краснорѣчьемъ, или краснорѣчія въ соединеніи съ мудростью и какъ таковое сохранилось нерушимо (ср. *Phiod. pass.* и упоминанія объ отдѣльныхъ „софистахъ“ I в. до Р. X. у Страбона, 614. 625. 630) до времени „второй софистики“ (которую вѣдь и Филостратъ, давшій ей это имя, сближаетъ съ „древней“ софистикой). Наряду съ поэтами (въ томъ числѣ и драматическими) или исполнителями ихъ произведеній, но и наряду съ музыкантами, аделетами, скоморохами, ближайшимъ-же образомъ примыкая къ рапсодамъ, заслоняя, смѣняя ихъ, выступали со своими *λόγοι*, со своими иногда „тератологіями или паритологіями, подобными τὰς θουρατοποιίας“ (*Isocr. X 7. XV 119 Plut. Soph. 234 C sqq.*; ср. *Arist. polit. 1341 a*) и софисты; именно какъ искусство *περί τε τὰς ἐπιδείξεις, ὅσας αὐτοὶ ποιοῦνται, καὶ τὰς τῶν λόγων διαθέσεις, εἶων αὐτοὶ γράφουσιν τε καὶ σὺδίαζουσιν*, опредѣляется софистика у Филодема (*I 122*; ср. *I 50 Sdh.*). Софисты рано стали и непосредственно преподавателями мудрости и краснорѣчія, краснорѣчія и мудрости; но, кажется, преподавательская ихъ дѣятельность—какъ бы ни было велико ея значеніе, и какъ бы ни было широко ея примѣненіе—была уже наслоениемъ, такъ-сказать вторичной формацией; первичной формацией, основнымъ мотивомъ были *ἐπιδείξεις* (ср. *Aristim, Dio v. Pr., 9*, полагаетъ, напротивъ, что *sie sind in erster Linie als Lehrer aufzufassen*); преподавателями дѣлались софисты въ сущности на томъ же основаніи, на какомъ дѣлались ими опломахи, рапсоды, живописцы. Какъ ни выдвигается у Платона и особенно у Исократъ „охота софистовъ за богатыми юношами“, все же и у нихъ эта „продажа ἀρετῆς“ выступает на общемъ фонѣ ввозной или корабельной (*καπηλικῆς*) торговли софистовъ духовной пищею и питьемъ, на фонѣ *ψυχεμπορικῆς*, распадавшейся на *ἐπιδεικτικὴν* и *μαθηματοπωλικήν*, причѣмъ предметомъ такой вывозной и ввозной (*ἐκ πόλεως εἰς πόλιν*) торговли могли служить вообще *μουσικὴ συνάπασα καὶ γραφικὴ καὶ θαυματοποιικὴ καὶ πολλὰ ἕτερα τῆς ψυχῆς, τὰ μὲν παραμυθίας, τὰ δὲ καὶ σπουδῆς χάριν ἀχθέντα καὶ πωλούμενα* (*Plat. Soph. 224 A sqq.*).—Такъ объяснилось и разъяснилось бы и существованіе рядомъ съ софистами съ одной стороны риторовъ, съ другой—философовъ (или *σοφοί*) и рядомъ съ софистикой—съ одной стороны риторика, съ другой философія (или *σοφία*). Границы между этими тремя категориями не были ни отчетливыми, ни устойчивыми, и онѣ обыкновенно и сближались, и смѣшивались не только на практикѣ, но и въ теоріи; въ общемъ разграниченіе ихъ, поскольку уловимы его основанія, сводилось къ тому, что софисты представляли (т. е. имѣли представлять) собою столько же мудрость, сколько и краснорѣчье, риторы—краснорѣчье больше, нежели мудрость, и философы—мудрость больше, нежели краснорѣчье. Именно сознаніе, что не возможно цѣльное сочетаніе, безъ ущерба для той или другой стороны, между мудростью и краснорѣчьемъ, что отношенія между ними могутъ быть скорѣе обратно, нежели прямо пропорциональными, что мудрость не можетъ, а краснорѣчье не должно быть предметомъ *τέχνης*,—побуждало философовъ противопоставлять себя софистамъ, которые *ἐκ τῶν τέχνων ἐκπηδῶσιν εἰς τὴν φιλοσοφίαν* (*Plat. Resp. 495 A sqq.*), и доходить даже до отрицанія, заодно съ софистикой, и риторики (какъ *τέχνης*); съ этой точки зрѣнія и потому софистика рисовалась какъ *συνθετόν τι καὶ μικτόν ἐν μέσφ ἀλαζονείας καὶ φιλοσοφίας πλάζόμενον* (*Luc. Fugit. 10*). Названіемъ *ῥήτορες* обозначались обыкновенно

добно пѣвцамъ, подобно прачамъ, художникамъ, ремесленникамъ, софисты дѣлятся на корпораціи, группирующіяся вокругъ отдѣльныхъ представителей софистическаго искусства,—на «школы» составляющіяся изъ учителя и учеников¹⁾. И внѣшнія, и внутреннія отношенія «сословія» софистовъ

(такъ и въ официальномъ языкѣ—ср., напр., Ditt.² 19. 935. Aeschin. I 35. Din. I 71) политическіе, также и судебные ораторы (т. е. представители риторики не политической, а софистической, ср. Philod. I 64. 122 Sdh.); риторами звались обыкновенно и преподаватели риторики (какъ грамматиками—преподаватели „грамматики“); само собою разумѣется, что и въ той, и въ другой роли нерѣдко выступали и софисты, какъ нерѣдко переступали они—навсегда или ненадолго—и ту границу, какая, больше на словахъ (и обыкновенно на платоновскихъ словахъ), чѣмъ на дѣлѣ, отдѣляла ихъ отъ философовъ (Діонъ Хрисостомъ, Лукіанъ, Максимъ тирскій). Филостратъ (v. soph. in.) вѣрно указываетъ на относительность нашихъ трехъ категорій, когда говоритъ, что σοφιστὰς οἱ πολλοὶ ἐπωνόμαζον οὐ μόνον τῶν ῥητόρων τοῦς ὑπερφανούτας τε καὶ λαμπροῦς, ἀλλὰ καὶ τῶν φιλοσόφων τοῦς εἰς εὐροίᾳ ἐρηγεύοντας. Какъ въ раздѣленіи, такъ и въ смѣшеніи этихъ трехъ категорій весьма важную роль играла, конечно, и борьба отдѣльныхъ школъ—какъ внутри, такъ и внѣ этихъ категорій.—Попытка Платона разграничить эти категоріи и въ его, и въ послѣдующее время имѣла такъ же мало успѣха, какъ и попытка принизить званіе софиста; что оно оставалось попрежнему πάντιμον βρομα, объ этомъ говорятъ не только анекдоты о софистахъ, (Philostr. II 31, 1. Eunap. v. Lib. 100 B.), но и официальные надписи, чествующія „софистовъ“ (ср. напр., Ditt.² 382. 412 sqq. GDI 3315, также надгр. надп. BCH X 157: Μόδεστος σοφιστῆς εἰς μετὰ τῶν ἐπτά σοφῶν μὴ χειρίστας εἶχοναι πάντες ἔτη).

¹⁾ Какъ было отмѣчено выше (стр. 43 сл., прим.), сословіе (пользуемся этимъ терминомъ за неимѣніемъ лучшаго) „софистовъ“ присоединилось къ другимъ сословіямъ, наслѣдовавшимъ функціи гомеровскихъ деміоэрговъ. У Платона софисты часто (ср. Protag. 312 C sq. 328 A. 345 A.) сопоставляются съ ремесленниками, и повидимому (ср. Gorg. 450 B) и сами софисты ничего не имѣли противъ такого сопоставленія,—они подчеркивали только, что ихъ τέχνη—не περί χειρουργίας, а περί λόγου. Но это различіе было весьма существеннымъ: вѣдь τέχνη περί λόγου занималась производствомъ отдѣльныхъ рѣчей, произносившихся отдѣльными софистами, существованіе которыхъ длилось лишь пока длилась ἐπίδειξις (издавая свои рѣчи, софисты, строго говоря, переставали быть софистами—становились συγγραφεῖς); такое производство, естественно, не могло быть кооперативнымъ—по крайней мѣрѣ если говорить о коопераціи въ пространствѣ (потому что кооперація во времени могла найти себѣ примѣненіе и въ этомъ—индивидуалистическомъ въ своихъ способахъ и результатахъ—производствѣ,—поскольку вырабатывались, становясь традиционными, или даже шаблонными, извѣстные приемы риторической техники). Поэтому не могло быть рѣчи объ организаціи софистовъ въ профессиональные союзы, на подобіе ремесленныхъ или торговыхъ корпорацій, или на подобіе корпорацій мѣстныхъ врачей ἕσσι δημοσιεύουσι (какъ въ Афинахъ, Mich. 635), или ἰατροφῶν, или τῶν περί τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν, или γελοτοποιῶν, (Athen. 260 b. 613 d sqq.), или на подобіе александрійскаго Музея (тексты, сюда относящіеся, указаны у Ziebarth, D. griech. Vereinswesen, 18 ff. 73 ff. 96 ff., и Rhein. Mus, LV 501 ff.). Но съ достаточной степенью вѣроятности можемъ мы предположить, что, какъ къ отдѣльнымъ ремесленникамъ, зодчимъ, ваятелямъ, живописцамъ, музыкантамъ, рапсодамъ, врачамъ, такъ и къ отдѣльнымъ софистамъ отдавались въ

были гораздо свободнѣе, нежели въ другихъ профессіяхъ, уже по одному

ученье, и именно съ тѣмъ, чтобы потомъ зарабатывать хлѣбъ въ качествѣ профессиональныхъ софистовъ, молодые люди, такъ что получались отношенія, знакомыя намъ и въ цехового строя—отношенія мастера (или магистра) и учениковъ; только тутъ дѣло обходилось уже безъ той насльствственности въ передачѣ ремесла, о которой упоминаетъ Платонъ, когда сравниваетъ софистовъ съ другими демиургами (Prot. 328 a sqq.), и которая долго играла роль, напр., у художниковъ (ср. *Guiraud, La main-d'oeuvre industr. d. l'anc. Grèce, 65 v.*) или врачей (Gal. II 280 K.; ср. *Herzog, Koische Forsch. 200 ff.*). Конечно, число такихъ учениковъ у мастеровъ софистическаго искусства не могло быть значительнымъ, и скоро эти „ученики“ растворились въ массѣ другого рода учениковъ, искавшихъ у софистовъ не профессиональнаго, а общаго образованія. Въ этой стадіи своего развитія школы софистовъ сближались со школами философовъ (какъ и вообще софисты только еще начинали различаться отъ философовъ). Самое живое представленіе о такихъ школахъ можно получить изъ Облаковъ Аристофана, 92 sqq., гдѣ выводится на сцену софистъ Сократъ, съ его μαθητής, однимъ изъ посвященныхъ въ таинства, о коихъ οὐ θέμις πλὴν τοῖς μαθηταῖσιν λέγειν, и гдѣ изображается дагѣе и самый обрядъ этого посвященія въ софистическія „мистеріа“. Конечно, это изображеніе приурочивается у Аристофана къ Сократу и его школѣ лишь потому, что Аристофанъ, какъ и тогдашняя (423 г.) театральная публика, не выдѣлялъ Сократа изъ среды софистовъ; въ прижвненіи же не къ школѣ Сократа, а къ школамъ софистовъ изображеніе это, вѣроятно, не витало, подобно Сократу „Облаковъ“, въ воздушномъ пространствѣ. Недаромъ, надо думать, и у Платона приемы софистовъ въ отношеніи учениковъ рисуются при помощи образовъ, взятыхъ изъ порядковъ мистерій (Euthyd. 277 D sq. Theaet. 155 E), и особенно любопытно его сближеніе софистовъ именно съ οἱ ἐν τῇ τελετῇ τῶν Κορυθαίων (или чтò то же, Дактиловъ, Куретовъ, ср. *Kaibel, Daktyloi Ibaion, 1901*), сближеніе, которое можетъ быть ведено и дальше—если вспомнить, какъ впоследствии близки были ные порядки и обряды ремесленныхъ цеховъ къ порядкамъ и обрядамъ мистерій (достаточно ознакомиться съ документомъ 1655 г. о суетврныхъ и нечестивыхъ обрядахъ, исполнявшихся при приемѣ подмастерьевъ въ товарищества парижскихъ ремесленниковъ, у *Levasseur, Hist. d. classes ouv. en France II 493 ss.*; ср. названіе пробной работы—mystery, *Арх. Ю. З. Россіи, I 248*, а также, конечно, „вольныхъ каменщиковъ“). Другой вопросъ, разумеется,—насколько устойчивой была эта церимоніальная сторона въ бытѣ софистическихъ школъ: вѣдь софисты не группировались въ профессиональные союзы, и по самому характеру ихъ производства у нихъ не могло быть и „подмастерьевъ“; зато другіе „молодчики“ (какъ зовутся подмастерья въ южнорусскихъ цеховыхъ уставахъ)—οἱ νέοι, которыхъ и Сократъ, какъ его обвиняли, совращалъ съ пути истиннаго (Plat. Apol. 24 B sqq. Xen. Ap. 19), экстерны, или вольнослушатели, придали школамъ софистовъ совсѣмъ иной видъ, такъ что „мистеріа“, какъ бы ни были онѣ раньше представлены въ этихъ „школахъ“, теперь во всякомъ случаѣ должны были отойти въ область преданій. Въ этой послѣдней области мы дѣйствительно встрѣчаемся съ ними—въ позднихъ рассказахъ о школѣ Пинеагора, Ἐλλήνων οὐ τοῦ ἀσθενεστάτου σοφιστοῦ, какъ назвалъ его Геродотъ, IV 95 (представленія Геродота о софистахъ вообще очень характерны, ср. I 29 sq. II 49), и προμαθίη котораго, быть-можетъ вмѣстѣ съ κακοτεχνίη (описательную передачу этого выраженія указываетъ *Gomperz, Die Apologie d. Heilkunst, 98 f.*, въ λόγῳ οὐ καλῶν τέχων, [Hippocr.] π. τέχ. 1), порицалъ его современникъ Гераклитъ (fr. 40. 129 Diels). Возможно также и то, что сообщенія о дѣленіи учени-

тому, что это сложившееся позже других «сословіе» не было связано никакими архаическими традициями. Къ тому же то искусство, какое разрабатывалось въ школахъ софистовъ,—краснорѣчіе—было всегда и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилось необходимымъ для всѣхъ гражданъ. Далеко не всякому гражданину доводилось дѣлаться художникомъ, рапсодомъ, врачомъ, ремесленникомъ; но почти всякому гражданину если не приходилось, то хотѣлось играть роль на вѣчѣ или въ совѣтѣ, и многимъ гражданамъ если не хотѣлось, то приходилось играть роль (роль Обвиненія или Защиты) въ судѣ. Но все сложнѣе и труднѣе дѣлалась и еще одна роль, которую и приходилось, и хотѣлось играть гражданамъ,—роль въ обществѣ: теперь, собираясь на симпосій, «образованные люди бесѣдовали другъ съ другомъ уже своими средствами, не при помощи чужого голоса, голоса флейты,—набивая только цѣну на флейтистокъ или на танцовщицъ и арфистокъ,—и не словами или со словъ поэтовъ, а собственнымъ голосомъ и собственными рѣчами, поочередно высказываясь и выслушивая, взаимно подвергая и подвергаясь испытанію—какимъ кто скажется въ своей рѣчи»¹⁾, и все заманчивѣе, конечно, становилась побѣда на такого-рода состязаніяхъ, на такихъ ἀγῶνες λόγων²⁾. То умственное и эстетическое образованіе, какое

ковъ Пнеагора не то на Πυθαγόρειοι и Πυθαγόριται, или ἐσωτερικοί и ἐξωτερικοί, не то на ἀκρομαθητικοί (или ἀκούστικοί) и μαθηματικοί (Iamb. v. Pyth. 80 sqq. Hippol. ref. haer. I 2. Porph. v. P. 37. Clem. Strom. V 9, 60. Gell. I 8), смѣшивали (имѣя въ виду быть-можетъ и Ἀκούματα καὶ σύμβολα) два представленія—о профессиональныхъ и не-профессиональныхъ ученикахъ софиста и объ учившихся у него и слушавшихъ его ακροάσεις (т. е. ο το περί τὰ μαθήματα и ἐπιδεικτική, по классификаціи Платона, Soph. 224 B). Обь организаціи другихъ досократовскихъ „философскихъ“ школъ (Фалеса, элеатовъ, атомистовъ), также какъ и школы Сократа, говоритъ Diels (*Philos. Aufsätze E. Zeller gewidmet*, 239 ff.), но, къ сожалѣнію, не говорятъ источники; зато источники говорятъ намъ о томъ, что философскія школы получили довольно опредѣленную организацію если не со времени Сократа или Платона, то со времени Аристотеля или Теофраста (ср. *Wilamowitz*, *Antigonos* v. Kap. 263 ff. Usener, *Preuss. Jahrb.* LIII 1 ff. *Ziebarth*, *Gr. Ver.*, 69 ff.). Вмѣстѣ съ тѣмъ все больше видоизмѣнялась и организація школъ софистовъ, которая не могла не расходиться съ организаціей школъ философскихъ—уже потому, что въ школахъ софистовъ центръ тяжести лежалъ въ области краснорѣчія, а въ школахъ философовъ—въ области мудрости; въ школахъ софистовъ должно было преобладать обученіе, въ школахъ философовъ—изученіе; первыя организуются потому какъ учебныя заведенія, вторыя—какъ учебныя общества.

¹⁾ Plat. Protag. 347 C sqq.—Ср. Leg. 671 C (ταῖς καὶ τὰ κατὰ μέρος αἰγῆς καὶ λόγου καὶ ποσειδῶς καὶ μουσῆς ὑπομένειν).

²⁾ Состязательнымъ рѣчамъ или состязаніямъ въ рѣчахъ издавна, какъ мы знаемъ (ср. стр. 33, пр. 2), обезпечено было мѣсто на судѣ, но также и на вѣчѣ или

могли давать существовавшия тогда государственныя или частныя учи-

въ совѣтъ (ср. κρίσιν τῶν λεγόντων ἐν ταῖ βουλή, Ditt.³ 495)—такъ что иногда политическое, и судебное краснорѣчіе обозначалось, въ отличіе отъ эпидейктическаго, или панеги- рическаго, какъ агонистическое, или какъ краснорѣчіе ἐπὶ τῶν ἀληθινῶν ἀγῶνων (ср. выше стр. 41, прим.), хотя φόροςъ рядомъ съ ἔπαινος (ἐγκώμιον), какъ ἀποτροπή рядомъ съ προτροπή и ἀπολογία рядомъ съ κατηγορία, въ теоріяхъ риторики утвердился уже со времени Анаксимена (rhet. ad. Al. 3. 35) и Аристотеля (rhet. I 3). Постепенно эти ἀγῶνες, или ἀμιλλαι λόγων нашли себѣ мѣсто и на пирахъ, но также, вѣроятно, и вездѣ, гдѣ собиравались καλοὶ κἀγαθοὶ καὶ πεπαιδευμένοι,—въ „дескахъ“, въ палэстрахъ или ба- няхъ (ср. Arist. Nub. 1052), въ разныхъ κόλποι или ἡμικύκλια, и больше всего, разу- мѣется, въ ἀκροατήρια софистовъ; видное мѣсто отводилось имъ и въ произведеніяхъ художественной литературы; ср., напр., пренія о монархίи, демархίи и олигархίи у Геродота (III 80 sqq.), о монархίи-тираннίѣ и демократίи-охлакратίи, о созерцательной и дѣятельной жизни, о копѣѣ и лукѣ и др. у Эврипида (Suppl. 403 sqq. Ant. fr. 183 sqq. N^o. Hereg. 155 sqq. 1255 sqq.; ср. Nestle, Euripides, 35 ff.), также агонъ Λόγων Δικαίου и Ἀδίκου у Аристофана (Nub. 889 sqq.; ср. Escl. 728 sqq.). Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ внѣшнимъ успѣхомъ, какъ и своими формальными (т. е. техническими) успѣхами, λόγοι ἀντικειμένοι ἀλλήλοις чрезвычайно много обязаны были софистамъ; едва ли слѣдуетъ однако все сводить здѣсь къ софистическимъ влияніямъ: софисты и здѣсь явились столько же возбуждателями, сколько выразителями тогдашнихъ движеній въ области λόγος'а, т. е. мысли и слова. Агонистическое начало было однимъ изъ основ- ныхъ принциповъ греческой культуры, и было естественно, что состязанія рѣчами такъ же прикинули къ пирамъ, какъ въ свое время состязанія поэтовъ или состяза- нія въ поэзіи (или въ разгадываніи загадокъ) прикинули къ народнымъ праздникамъ (ср. Rohde, Kl. Schr. I 41 ff. 103 f. Ohlert, Rätsel u. Gesellschaftsspiele d. Gr., 5 ff.); было естественно, что въ эпоху усиленной переоцѣнки цѣнностей (Thuc. III 82, 4), на почвѣ исконной склонности эллинскаго ума (и языка) къ дихотоміи (ср. хотя-бы Μίμν. 7 В.: θεοηλετών δὲ πολιτίων ἄλλος τις σε κακῶς. ἄλλος ἀμεινον ἐρεῖ), вмѣстѣ съ развитіемъ краснорѣчія, развились и ἀγῶνες λόγων. О живомъ интересѣ къ διασοὶ λόγοι— и περὶ ἀγαθῶ καὶ κακῶ, и περὶ καλῶ καὶ αἰσχρῶ, и περὶ δικαίου καὶ ἀδίκου, и περὶ ἀλαθείας καὶ ψεύδους, и о всѣхъ вообще πράγματα или ὀνόματα—какъ нельзя яснѣе говорить намъ— все еще загадочное (ср. Bergk, Fünf Abhandlungen, 117 ff. Rohde, Kl. Schr. I 327 ff. Trierer, Herm. XXVII 210 ff. Бурэн, Шк. вопр., 25 сл.)—сочиненіе (быть можетъ не еὐγγραμμα, а ὑπόμνημα?), повидимому начала IV в. (быть-можетъ въ послѣднихъ своихъ отдѣлахъ пользовавшееся діалогами Платона, особенно „Протагоромъ“?), со времени Стефана известное подъ—не подлежащимъ уже измѣненію—названіемъ Διαλέξεις. „Диасοὶ λόγοι“ этого сочиненія,—кажется, еще больше, нежели горгіевы φιλοσόφων λόγων ἀμιλλαι (стоящія у Горгія, Hel. 13, наряду съ οἱ τῶν μετεωρολόγων λόγοι и съ οἱ ἀναγκαστοὶ διὰ λόγων ἀγῶνες),—имѣютъ въ виду κατὰ βραχὺ διαλέγεσθαι. И надо думать, что внѣ суда (а также внѣ риторической школы) ἀγῶνες λόγων обыкновенно если не замѣнялись, то смѣнялись диалектическими диспутами или бесѣдами—въ той мѣрѣ, въ какой μακρο- λογία переходила въ βραχυλογία (ср. Plat. Prot. 335 B sq.), монологъ—въ діалогъ; диалек- тические диспуты, въ свою очередь, переходили въ эристическіе—поскольку заявляла себя φιλονεικία не ради выясненія вопроса, а по отношенію къ собесѣднику (Plat. Gorg. 457 E), забота собесѣдниковъ не о предметѣ спора, а о себѣ,—ὅπως ἂ αὐτοὶ ἔθεντο, ταῦτα δοῦναι τοῖς παροῦσιν (Phaed. 91 A). Поэтому риторика развивалась рука объ руку съ диалектикой (и эристикой). Опытными въ той и другой (и третьей) рисуются у Пла-

лица—училища для дѣтскаго и отроческаго возрастовъ, —оказывалось уже не достаточнымъ для того, чтобы постоять за себя и въ обществѣ, и въ судѣ и на вѣчѣ¹⁾. Высшаго общаго образованія приходилось искать

тона или у Ксенофонта софисты—но также и Сократъ (ср. *Hirzel*, *Dialog* I 69 ff.), а Аристотель въ началѣ своей Риторикѣ говоритъ, что ἡ ῥητορικὴ ἐστὶν ἀντίστροφος τῇ διαλεκτικῇ, и что πάντες τρόπον τινὰ μετέχουσιν ἀφοῖν· πάντες γὰρ μέγρι τινός· καὶ ἐξετάζειν καὶ ὑπέχειν λόγον καὶ ἀπολογεῖσθαι καὶ κατηγορεῖν ἐγγυροβαῖν.—Своеобразнымъ продуктомъ соединенія риторикѣ съ диалектикой были διατριβαὶ и διαλέξεις (позднѣе—ἑμιλιαι)—рѣчи, представлявшія собою или заключавшія въ себѣ диспуты или диспутации (о восходившихъ къ сократовцамъ и софистамъ начальныхъ моментахъ развитія этого типа рѣчей—„диалоговъ въ формѣ декламаций“—ср. *Norden*, А. К. 129 f.).

¹⁾ Показанія источниковъ (въ томъ числѣ и археологическихъ) о внѣшней и внутренней организаціи образованія у еллиновъ, особенно до выступленія на этомъ поприщѣ софистовъ, не отличаются отчетливостью, и еще менѣе, конечно, отчетливы разъясненія и обобщенія этихъ показаній въ новой научной литературѣ (ср. *Grasberger*, *Erziehung u. Unterricht im kl. Alt.* I—III, 1864—81. *Girard*, *L'éducation athénienne au V et au IV s. av. J.-C.*, 1891). Быть-можетъ освѣщенія этимъ показаніямъ источниковъ слѣдуетъ искать въ—опирающихся, конечно, и на практику—разсужденіяхъ и опредѣленіяхъ Законовъ Платона (особ. кн. II), столько-же поучительныхъ своими теоретическими несовершенствами, сколько и совершенствами. У Платона—какъ обыкновенно и у другихъ (раннихъ и позднихъ) писателей—*paidia* въ основномъ своемъ содержаніи распадается на γυμναστικὴ и μουσική. Оба эти искусства имѣли и практическое назначеніе (одно—содѣйствовать сокрушенію враговъ, другое—умилостивленію боговъ); но прежде всего они коренились въ потребности людей—особенно молодыхъ людей, но не только молодыхъ людей,—не зная до поры до времени или забывая на время тяготы жизни, двигаться и звучать, съ соблюденіемъ ритма или гармоніи (ср. выше стр. 16),—двигаться и звучать, конечно, въ обществѣ себѣ подобныхъ. Было естественно, что для этихъ движеній и звучаній граждане соединялись въ группы—и прежде всего въ группы по возрасту. Такъ и въ праздничныхъ гимнастическихъ агонахъ обыкновенно выступали отдѣльно ἄνδρες и παῖδες, ἑφηβοί, νέοι, или παῖδες, ἔνοι ἑφηβοί, νεανίσκοι, или παῖδες (οἱ νεώτεροι и οἱ πρεσβύτεροι) и ἀγένοι, или ἑφηβοί νεώτεροι, μέσοι, πρεσβύτεροι, или παῖδες τῆς πρώτης, δευτέρας, τρίτης ἡλικίας; и т. п. (ср. *Ditt.* 668 sqq. *Mich.* 880 ss.); такъ же по возрастамъ составлялись и праздничные хоры (иногда принимавшіе участіе и въ агонахъ). Само собою разумѣется, что среди ἄνδρες (вѣроятно и среди νέοι; γέροντες, которые иногда въ этой связи ставятся въ надписяхъ рядомъ съ οἱ νέοι—ср. *Ziebarth*, *G. Ver.* 114 ff.,—вѣроятно то же, что πρεσβύτεροι іасосской надписи, *Mich.* 469, т. е. или безъ νέοι, или вмѣстѣ съ νέοι представляють собою категорію ἄνδρες;) только поддерживалось, а среди παῖδες или ἑφηβοί—насаждалось гимнастическое образованіе; для этихъ цѣлей и служили ближайшимъ образомъ γυμνάσια наряду съ другими имъ подобными учрежденіями (ср. выше стр. 6); въ своихъ γυμνάσια παῖδες или ефебы и обучались (у παιδοτρίβης, или у опломаха и т. п.) гимнастическому искусству. Соответственно этому, обученіе мусическому искусству (у киеариста и т. п.) примкнуло къ χορεία, которая не даромъ отождествляется у Платона (ср. выше, стр. 16 сл.) съ μουσική. Гимнастическое обученіе организовалось раньше, чѣмъ мусическое (которое первоначально имѣло въ виду только празднества), такъ что мусическому обученію (когда оно перестало имѣть въ

въ другомъ мѣстѣ. Навстрѣчу искавшимъ шлю—на самомъ дѣлѣ шлю (потому что софисты не любили сидѣть на мѣстѣ)—«школы» софистовъ¹⁾. Практически, но и теорически разрабатывая эпидейктическое

виду только праздника) пришлось искать себѣ мѣста уже въ γυμνάσια τῶν παιδῶν. Когда распространилась письменность, и оцѣнили ея значеніе,—къ γυμναστική и μουσική присоединилась γραμματική, или γραμματιστική, т. е. обученіе грамотѣ, чтенію и письму,—у γραμματιστής или γραμματοδιδάσκαλος (не лишено значенія, что δίδασκαλος такъ долго еще сохраняетъ значеніе χοροδιδάσκαλος, какъ и δίδασκαλίον—значеніе χορηγείον, т. е. мѣста, οὗ ἡ παρασκευὴ τοῦ χοροῦ), которое впоследствии также пристраивается обыкновенно въ γυμνάσια. Тѣмъ, что умственное элементарное образованіе примкнуло къ χορεία, опредѣлилась его дальнѣйшая постановка, какъ ни различны были—смотря по времени или по мѣсту—ея частности или подробности. Оттого въ этомъ образованіи дѣтей всегда заинтересованы были не только родители, но и государство, т. е. гражданство, какъ и дѣленія или группировки гражданства,—такъ что исторія внѣшней организаціи образованія была исторіей комбинированія порядковъ или отношеній складывавшихся на почвѣ этихъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ интересовъ. Оттого образованіе ставится въ тѣсную связь съ воспитаніемъ—и именно съ воспитаніемъ въ социальныхъ (а не индивидуальныхъ) добродѣтеляхъ (αἰδώς, σωφροσύνη, εὐκοσμία; ср. σωφρονιστάι и κοσμηταί афинскихъ ефебовъ). Оттого такую роль въ образованіи играетъ собственная μουσική, т. е. музыка, воспитывающая къ столь необходимымъ въ жизни человѣческой—и именно въ социальной жизни—εὐρυθμία τε καὶ εὐαρμοσία. Оттого уроки κηδάριας давались прежде всего на гимназахъ и пѣнахахъ, прославлявшихъ мѣстныхъ героевъ и боговъ (ср. Polyb. IV 20 sq.—главы. чрезвычайно поучительныя и для пониманія основнаго характера афинской школы вообще), и поэтическими произведеніями такого же содержанія или характера стали пользоваться потомъ для своихъ цѣлей и учителя γραμματῶν (Plat. Prot. 325 D sq.). Этимъ своимъ зачаткомъ въ сущности всегда оставалось вѣрно—какимъ сложнымъ и пестрымъ ни было, или ни становилось его развитіе—элементарное образованіе еллиновъ (особенно ясно показываютъ это наши данныя о γυμνάσια болѣе позняго времени, ср., напр. Ditt. 722 sqq. Mich. 327. 913). Развитіе γραμματικῆς παιδικῆς ἀτελεστέρας въ γραμματικῇ ἐντελής (или въ ἐκ φιλολογίας μαθηματα, по выраженію приенской надписи, Arch. Anz. 1897, 152), не говоря уже о присоединеніи другихъ μαθηματα (вродѣ „арифметики“, „геометріи“, „астрономіи“), во всякомъ случаѣ не могло еще зайти сколько-нибудь далеко къ тому времени, когда обнаружили свою силу (и свое значеніе въ общественной жизни) диалектика и риторика.

¹⁾ Такія странствующія школы софистовъ рисуетъ намъ Платонъ въ своемъ „Протагорѣ“, 315 A sqq. Протагора сопровождаютъ въ Афины, кромѣ Антимойра менейца, самаго извѣстнаго изъ учениковъ Протагора, ὅς ἐπι τέχνῃ μανθάνει ὡς σοφιστής ἰσομέγεθος, и другіе ξένοι, которыхъ онъ уводитъ за собой изъ каждой πόλις, чрезъ камую проходитъ, какъ Орфей завораживая голосомъ, въ слѣдъ которому двигаются эти завороженные. Также и Гиппія окружаютъ его ученики—афиняне καὶ τῶν ξένων πόλιται τε αὐτοῦ καὶ ἄλλοι τινές.—И впоследствии χοροὶ учениковъ и поклонниковъ сопутствуютъ софистамъ въ ихъ поѣздкахъ на гастроли (ср. анекдотъ о софистѣ, который, высадившись въ Родосѣ, нанялъ въ гавани гребцовъ и лодочниковъ, одѣлъ ихъ такъ, что они могли быть приняты за толпу его учениковъ и поклонниковъ, и торжественно

краснорѣчіе, софисты сообщали своимъ ученикамъ и знаніе всего, знанія обо всемъ, и умѣнье пользоваться этими знаніями въ рѣчи (какъ устной, такъ и письменной) или въ бесѣдѣ. Въ любомъ возрастѣ и на любой срокъ, условившись только насчетъ гонорара, можно было поступить на выучку къ софисту—и вовсе не за тѣмъ, или не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться профессиональнымъ ораторомъ¹⁾. Естественно, что въ школахъ софистовъ все растетъ число такихъ вольнослушателей, что въ угоду имъ софисты учатъ все больше не *scholae*, а *vitae*, что, наряду съ эпидейктическимъ, они преподають и разрабатываютъ и специально политическое или судебное краснорѣчіе²⁾. Естественно и то, что понемногу школы софистовъ переходятъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому, что ихъ и внѣшняя, и внутренняя организація пріобрѣтаетъ бѣльшую устойчивость, что государства (т. е. гражданства) все чаще принимаютъ на государственный (т. е. общегражданскій) счетъ уплату гонорара профессорамъ риторики или софистики и такимъ путемъ «национализируютъ» отдѣльныя школы софистовъ, т. е. обращаютъ ихъ въ государственныя школы. Такъ появляются государственныя, потомъ муниципальныя профессора риторики или софистики³⁾. На ихъ обязанность,

вступилъ во главѣ этого флота въ залъ, гдѣ должна была имѣть мѣсто его *ἀντίθεσις*, *Diog. L. IV 58*).

¹⁾ Ср. *Plat. Prot. 310 D sq.*—Въ „Облакахъ“ Аристофана старикъ Стрепсиадъ сначала убѣждаетъ сына поучиться у софистовъ (ихъ *ἀμφοῖν τοῖν λόγων*), а потомъ самъ рѣшается, помолвившись богамъ, учиться у нихъ—ходить въ *φροντιστήριον* софиста—и дѣлается ученикомъ софиста Сократа.

²⁾ Характерно, что свои первыя письменныя руководства или пособія по риторикѣ, предназначавшіяся, конечно, не для профессиональныхъ уже учениковъ (ср. *Plat. Soph. 232 D: δὲδημοσιωμένα ποὺ καταβέβληται γράμματα τῷ βουλομένῳ μαθεῖν*), софисты (начиная съ Тисія) посвящаютъ именно судебному и политическому краснорѣчію (ср. *Gersike, Hermes, XXII 341 ff.*). Таково было и содержаніе риторикъ Анаксимена и Аристотеля. Судебныя рѣчи имѣеть въ виду и писанная на дорійскомъ диалектѣ *τέχνη*, отрывки коей изданы недавно въ *The Oxyrhynchus Papyri* III, № 410 (pl. IV).

³⁾ Что въ императорскую эпоху многіе профессора риторики или софистики, какъ и „грамматикъ“ (профессора филологій) и врачи, состояли на жалованьи у городовъ, достаточно засвидѣтельствовано источниками (ср. рассказъ Филострата, v. s. I 21, 4, о томъ, какъ Клазоменцы хотѣли переманить къ себѣ изъ Смирны софиста Скопеліана, особенно же рѣчь Либанія „за риторовъ“ 212 sq., гдѣ Либаній жалуется, и. пр., на то, что города не акуратно выплачиваютъ риторамъ ихъ скудную ежегодную *εὐταξίαν*); къ сожалѣнію, нѣтъ свидѣній о томъ, съ какого времени софисты или риторы стали получать (обыкновенно наряду съ гонораромъ отъ учениковъ, можетъ-быть только отъ *ἐνοί?*) жалованье отъ *πόλεως*. Уже Страбонъ, 181, говоритъ, что галлы, которыхъ Массалия сдѣлала филеллинами, *σοφιστὰς ὑποδέχονταὶ τοὺς μὲν ἰδίᾳ, τοὺς δὲ πόλεως κοινῇ μισθοῦμεναί, καθάπερ καὶ ἰατροῦς*. Императоры неоднократно издавали указы о *salaria*

кроме преподавания, ложится и произнесение речей в торжественных случаях городской жизни. Так прикрѣпляются къ мѣстамъ ихъ службы отдѣльные софисты; но осѣдаютъ также и вольные, не поступавшіе на городское жалованье софисты,—и почти въ каждомъ городѣ потому имѣются свои ораторы. Въ свободное отъ службы или отъ занятій время софисты совершаютъ, по старой памяти, *tournees* или поѣздки

риторамъ, *per provincias, ex viribus rei publicae*; изъ императорской казны, поמידному, оплачивался *ὁ κατά τὴν Ῥώμην (или ὁ ἀνα) θρόνος* греческой риторики (о немъ не разъ говорится въ біографіяхъ софистовъ Филострата), потомъ и касседы риторики и четырехъ философскихъ школъ въ Афинахъ. Не устанавливаются новыя, а регулируютъ старыя отношенія адянты императоровъ объ освобожденіи отъ всѣхъ мѣстныхъ службъ или повинностей учащихся или дѣвчащихъ *ἐν τῇ ἰδίῃ πατρίδι* (или въ Римѣ—общемъ теперь для всѣхъ отечествъ) врачей, софистовъ, или риторовъ и грамматиковъ,—причемъ, однако, по грамотѣ Антонина Благочестиваго, писанной *τῷ κοινῷ τῆς Ἀσίας*, по имѣвшей силу и для всего міра, эту *ἀνάστασιν* (или *ἀλειτουρησίαν*) могли имѣть въ большихъ городахъ (*μητροπολεις τῶν ἐθνῶν*) не свыше 5 софистовъ, въ среднихъ (имѣвшихъ *ἀγέρεις δικῶν*, т. е. *conventus iuridicos*)—не свыше 4-хъ, въ меньшихъ—не свыше 3-хъ; исключенія изъ этихъ правилъ могли дѣлаться только въ пользу *τῶν ἀγαν ἐπιστημόνων* (Dig. XXVII 1, 6; ср. Ditt.³ 414). Избраніе на такія штатныя касседы софистики (ср. *ὁ ἐκὶ τῆς καθέδρας σοφιστῆς* ае. надп. III в., Ditt.³ 382), кроме, конечно, императорскихъ касседъ, принадлежало мѣстнымъ совѣтамъ (назначавшимъ иногда пробныя лекціи или диспуты),—поскольку это право не отнималось или не ограничивалось императорами, особенно въ лицѣ ихъ намѣстниковъ (Юлианъ—такъ какъ онъ не можетъ *singulis civitatibus adesse ipse*—предоставляетъ избраніе профессоровъ куріаламъ, но оставляетъ за собою утвержденіе ихъ въ должностяхъ, *ut altiore honore studiis civitatum accedant*, Cod. Theod. XIII 3, 5). Совѣтамъ же (въ Афинахъ—совѣту *ἐξ Ἀρείου πάγου*) принадлежало и наблюденіе за школами софистовъ. Все съ большей опредѣленностью выступающіе передъ нами у позднихъ писателей порядки и обычаи школъ софистовъ (такъ сходные со средневѣковыми),—напр., что касается быта учениковъ (*συμφοιτηταί*, какъ зовутся они CIA III 774 а), ихъ отношеній между собою и къ учителямъ,—примыкаютъ къ тѣмъ порядкамъ и обычаямъ, съ какими эти школы начинали свою исторію (ср. выше стр. 70, пр. 2).—Объ „университетѣ“, какъ и о собственно правительственной организаціи высшаго образованія, можетъ идти рѣчь развѣ въ пригнѣненіи къ учрежденной въ 425 г. константинопольской школѣ (Cod. Th. XIV 9, 3. XV 1, 5. VI 21, 1); до тѣхъ поръ существовали только оплачиваемыя и регламентиремыя правительствомъ школами отдѣльныхъ профессоровъ (*τῶν ἐπαγγελλομένων*, ср. Arist. Eth. Nic. 1180 B. Soph. el. 172 A) софистики, или риторики, какъ и грамматикки или медицины. Ср. C. O. Mueller, *Quam curam respublica apud Graecos et Romanos litteris doctrinisque colendis et promovendis impenderit* (1837). Weber, *Comm. de academia literaria Atheniensium* (1858). Hertzberg, *Gesch. Griechenlands unter d. Herrschaft d. Römer*, III (1875).—Въ Еретрии во II—I в., какъ по приглашенію одного гимнасиарха *ὀμηρικῶς φιλόλογος*, такъ по приглашенію другого—*ῥήτωρ τε καὶ ὀπλομάχος ἐσχολάζων ἐν τῷ γυμνασίῳ τοῖς τε παισὶν καὶ ἐφήβοις καὶ τοῖς ἄλλοις τοῖς βουλευμένοις τὴν ἀπὸ τῶν τοιοῦτων ἐφηλίαν ἐπιβάχουσαι* (Ditt.³ 935); съ конца II в. до P. X. афинскіе ефебы *ἀγόμενοι ὑπὸ τοῦ κοσμητοῦ ἐσχολάζων τοῖς φιλοσόφοις* (CIA II 467 sqq.).

на гастроли: одни, надѣясь на себя или на славу свою, стремятся въ тѣ города, которые умѣли тонко цѣнить талантъ, другіе довольствуются городами, которые не такъ ужъ много понимали и въ λόγος'ѣ, и въ λόγοι, но тѣмъ быть-можетъ горячѣе принимали почтившихъ ихъ своимъ посѣщеніемъ ораторовъ; одни стремятся на празднества въ Олимпію или на Исѳемъ, другимъ приходится довольствоваться болѣе скромными, мѣстными празднествами. Толпа, предпочитающая атлетовъ декламирующему свои «музы» Геродоту, все рѣдѣетъ, и, въ той же мѣрѣ, все расширяется кругъ любителей и—подлинныхъ или лишь кажущихся—цѣнителей λόγος'а').

Такъ, постепенно все больше позицій въ еллинской культурной жизни занимало краснорѣчіе и все прочнѣе устраивалось на занятыхъ позиціяхъ. Утвердившись рядомъ съ поэзіей, оно стало рѣшительно перетягивать на свою сторону лежавшую раньше на поэзіи обязанность и услаждать, и назидать; оно бралось руководить не только просвѣщеніемъ народнымъ, но и политикой, судомъ. Великою силой стало краснорѣчіе; но эта сила такъ же легко могла направиться на зло, какъ и на благо, или даже могла, направившись на благо, оказаться направившейся на зло. Теорія Платона²⁾ не объясняетъ, но быть-можетъ лучше всякихъ объясненій даетъ понять вамъ сущность связанной съ краснорѣчіемъ опасности. По этой не то мнѣической, не то мистической теоріи—устаами не знающаго истины оратора, какъ и поэта, вѣщаетъ сама истина, но только тогда, когда, охваченный восторгомъ, онъ перестаетъ владѣть своимъ разсудкомъ, уходитъ изъ подъ власти ума и отдается во власть ниспосылаемаго свыше «безумія».—безумія передъ которымъ ничтожны и излишни и мудрость, и искусство человѣка. Но люди не могутъ ни ожидать, ни сдѣлать, чтобы это «безуміе» нисходило вѣчно,

1) Ср. Lucian. Herod. 8: οἱ τε αὐτὸ πανηγυρισταὶ οὐ συμφετώδης ὄχλος, ἀθλητῶν μᾶλλον φιλοθεάμονες, ἐν παρέργῳ οἱ πολλοὶ τὸν Ἡρόδοτον τιθεμένοι, ἀλλὰ ῥητόρων τε καὶ συγγραφέων καὶ σοφιστῶν οἱ δοκίματάτοι. —Наиболѣе характерныя свидѣтельства о позднихъ софистахъ—о видной и почетной роли, какую они (или многіе изъ нихъ) играли въ городской жизни, и какъ ораторы, и какъ профессора, къ которымъ—въ мѣру, конечно, ихъ извѣстности—стекались изъ разныхъ мѣстъ ученики, о пышной, но и суетной обстановкѣ „представленій“ мѣстныхъ и пріѣзжихъ софистовъ, о живѣйшемъ интересѣ къ этимъ ἐκδείξεις все болѣе широкой публики и т. п.—сопоставлены у Rohde, Gr. R.² 329 ff.; ср. также Hatch, Griechentum u. Christentum, 66 ff. Sievers, Libanios, 23 ff.

2) Эта теорія, такъ же, какъ и теорія о происхожденіи искусства (о которой мы говорили выше, стр. 16 сл.), не столько выставляется, сколько подразумевается въ разныхъ мѣстахъ разныхъ диалоговъ Платона.

нисходило всегда, когда окажется то нужнымъ для ихъ расчетов¹⁾. Имъ приходится самимъ заботиться о томъ, чтобы всегда имѣть въ своемъ распоряженіи тѣ блага, какія имъ иногда сообщаютъ боги, дарующіе имъ «безуміе». Средствъ къ тому, чтобы имѣть тѣ блага, въ себѣ не заключаетъ ихъ природа; имъ приходится изыскивать тѣ средства, изощряя свои природныя способности. Такъ краснорѣчіе становится уже не дѣломъ судьбы, но и не дѣломъ природы, а дѣломъ сно-

¹⁾ Это учение Платона (повидимому и Демокрита, fr. 17 sq. 21. 112 Diels, а также Гераклита, fr. 78 sq. 86. 92 sq. D.; о *μανία*, какъ объ „одномъ изъ важнѣйшихъ понятій сократики“, по Воспоминаніямъ Ксенофонта, ср. *Joël*, *Der echte u. Xenophont. Sokrates*, I, 337 ff.)—о *μανία*, не *ὅπο νοσημάτων ἀνθρώπων*, а *ὅπο θείας ἐξαιλατῆς τῶν εἰσθετῶν νοσίων γιγνομένη* (Phaedr. 265 A),—объ энтузіазмѣ, изступленіи, одержаніи (богомъ, музами)—опиралось на греческія религіозныя (миѳическія и особенно мистическія) религіозныя представленія (ср. *Rohde*, *Psyche*, II² 4 ff. 278 ff. *Gruppe*, *Gr. Myth. u. Rel.* 732 ff. 848 ff. 924 ff. 984 ff.); въ связи съ различными моментами или мотивами гносеологическо-метафизическихъ воззрѣній Платона, оно представлено во многихъ сочиненіяхъ Платона, всякій разъ впрочемъ въ новыхъ комбинаціяхъ или съ новыми вариантами. Недаромъ—говорится въ „Федръ“—*καλλίων μαρτυροῦσιν οἱ παλαιοὶ μανίαν σφραγισμένην τὴν ἐκ θεοῦ τῆς παρ' ἀνθρώπων γιγνομένης*: величайшія блага сообщаются людямъ посредствомъ даруемой божественнымъ даяніемъ *μανίας*. Таковы—пророчества, таковы *καθαρμοὶ τε καὶ τελεταί*, такова и истинная поэзія: кто безъ безумія Музъ подходитъ къ вратамъ поэзіи, думая, что достаточно одной *τέχνης*, чтобы стать поэтомъ, тотъ не есть истинный поэтъ, и поэзія его, поэзія *τοῦ σφραγισμένου*,—ничто передъ поэзіей *τῶν μανιομένων* (Phaedr. 244 A sqq.); истинный поэтъ творитъ не *ἐκ τέχνης*, но *ἐνθεός* и *κατεχόμενος*,—когда онъ становится *ἔκφρων*, когда его покидаетъ *νοῦς* (стоитъ ему только войти *εἰς τὴν ἀρμονίαν καὶ ῥυθμὸν*, ср. *Io*, 534 A); онъ вѣщаетъ истину не зная истины. (Apol. 22 A sqq. Meno 99 D sq. Leg. 682 A. 719 C; ср. *Io* 533 D sqq.). Но совершенно такъ же, какъ вѣщаютъ поэты, могутъ вѣщать и ораторы (Meno 99 A sqq. Phaedr. 235 C sqq.), и не *σοφία* или *ἐπιστήμη*, а *θεοὶ τε ὄντες καὶ ἐνθουσιάζοντες* (подобно пророчителямъ, вѣщателямъ, поэтамъ) *κατορθοῦσι λέγοντες πολλὰ καὶ μεγάλα, μηδὲν εἰδότες ὧν λέγουσιν, ἢ οἱ κοίτηκοὶ ἄνδρες* (Meno 99 D). Есть и еще „безуміе“—*ἐνθουσίασις* лучше всѣхъ *ἐνθουσιάζεων*, и для того, кто ее имѣетъ, и для того, кто ей приобщается: стремленіе души въ высъ, отъ созерцанія дольней красоты къ воспоминанію о созерцаніи красоты горной, красоты небеснаго отечества, страстное влеченіе къ истинѣ, какъ къ красотѣ,—*φιλοσοφία*, эта *μαγιστὴ μουσική* (Phaedr. 249 D sq. 259 D. Conv. 208 E sqq. Phaedr. 60 E sq. Leg. 517 B). Такъ *μανία* сближаетъ ораторовъ и съ поэтами, и съ философами.—Посѣщающее оратора безуміе можетъ предполагать въ немъ доступную воспріятію безумія природу (ср. Apol. 22 C. Leg. 682 A. 642 D. 876 C. 951 B); во всякомъ случаѣ, безуміе-ли, доступная-ли воспріятію безумія природа сообщаются лишь какъ *θεία μοῖρα*, являясь, т. о., дѣломъ *τύχης*—судьбы, счастливаго случая (ср. Leg. 709 A sq. 757 E: *θεός* καὶ ἀγαθὴ τύχη. 798 B: *θεία εὐτυχία*. Resp. 492 A: *ἐὰν μὴ τις βοηθῆται θεῶν τύχῃ*.)—Свидѣтельства о дальнѣйшей исторіи ученія объ *amabilis insania* въ примѣненіи къ краснорѣчію—у *Gutermann*, *Diatribes de entusiasmo veterum sophistarum atque oratorum* (1720).

ровки и умѣнья, дѣломъ искусства¹⁾. Ни одно искусство не охватываетъ жизнь людскую такъ широко и такъ властно, какъ искусство слова²⁾; зато тѣмъ больше доля вреда, какую, какъ и всѣ искусства³⁾, несетъ въ себѣ искусство слова. Его господство въ этомъ мірѣ, конечно, было бы законно, еслибъ предоставленный себѣ ораторъ могъ такъ же вѣщать истину, какъ ее вѣщаетъ ораторъ охваченный божественнымъ «безуміемъ». Но доступное богамъ обладаніе истиной не доступно людямъ,—имъ дано только вѣчно стремиться къ этому обладанію, съ тѣмъ, чтобы никогда его не достигнуть⁴⁾. Люди могутъ только искать истину и потому могутъ только помогать другъ другу въ этомъ исканіи; но они не могутъ найти истину и потому не могутъ дѣлиться ею одни съ другими. Поэтому-то мудрость можетъ выражать себя развѣ въ бесѣдахъ, какія, болѣе мудрый ведетъ съ менѣе мудрыми, но никакъ не въ «длинныхъ рѣчахъ» одного,

¹⁾ О противопоставленіи *τύχη*—*τέχνη* или *φύσις*—*τέχνη* у Платона и вообще въ греческой литературѣ ср. *Gomperz*, D. *Apologie d. Heilkunst*, 101. 118 ff., также *Esprinas*, *Les origines de la Technologie*, 77 ss.—*Leg.* 889 A sqq.: τὰ μὲν μέγιστα καὶ κάλλιστα ἀπεργάζεσθαι φύσιν καὶ τύχην, τὰ δὲ σμικρότερα τέχνην, ἣν δὴ παρὰ φύσεως λαμβάνουσαν τὴν τῶν μεγάλων καὶ πρώτων γένεσιν ἔργων πλάττειν καὶ τεκταίνεσθαι πάντα τὰ σμικρότερα, ἃ δὴ τεχνικά πάντες προσαγορεύομεν.... τέχνην δὲ ὑστερον ἐκ τούτων ὑστεραν γενομένην αὐτὴν θνητὴν ἐκ θνητῶν, ὑστερα γεγεννηχένας παιδιάς τινὰς ἀληθείας οὐ σφόδρα μετέχουσας, ἀλλὰ εἶδωλ' ἄττα συγγενῆ αὐτῶν, οἳ ἢ γραφικὴ γεννᾶ καὶ μουσικὴ καὶ θαλασσῆς εἰς συνέριθον τέχνην. Въ „Горгіа“ 448 С приводятся слова Пола: πολλὰ τέχνην ἐν ἀνθρώποις εἰσὶν ἐκ τῶν ἐμπειρῶν ἐμπειρῶς εὐρημένα: ἐμπειρία μὲν γὰρ ποιεῖ τὸν αἰῶνα ἡμῶν πορεύεσθαι κατὰ τέχνην, ἀπειρία δὲ κατὰ τύχην; какъ ἢ καλλίστη τῶν τεχνῶν представляется Полу риторика.— Платонъ отказывался признавать современную ему риторику за τέχνην, а лишь за ἐμπειρία, или за ἀτεχνος τριβή (*Gorg.* 462 В sqq. *Phaedr.* 260 E, ср. 262 С: λόγων τέχνην... γελοῖαν τινὰ καὶ ἀτεχνον)—поскольку понятіе τέχνη онъ склоненъ былъ отождествлять съ понятіемъ науки (ср. *Phileb.* 55 E, и *Natorp*, *Platos Ideenlehre*, 45 f.). Отсюда—игравшій потомъ (со II в. до Р. X.) такую видную роль въ полемикѣ философіи съ риторикой (ср. *Sudhaus*, *Philod. v. rh.*, *Suppl.*, p. XIV sqq. *Norden*, A. K. I 8 f.) „академическій“ вопросъ: εἰ τέχνη πάντως ἢ ρητορικὴ.

²⁾ Ср. особенно заявленія Горгіа о дυνамис риторики, которая ἀπάσας τὰς δυνάμεις συλλαβοῦσα ὑφ' αὐτῆς ἔχει (*Gorg.* 451 D sqq.),—πάντα γὰρ ὑφ' αὐτῆς δοῦλα δι' ἐκόντων ἀλλ' οὐ διὰ βίας ποιεῖται (*Phileb.* 58 A sqq.)—Для болѣе поздняго времени, кромѣ, конечно,—начатыхъ въ греческой литературѣ—Цицерона (цитаты см. у *F. W. Müller*, *Ueb. d. Beredsamkeit*, 5 ff.) и Квинтиліана (ср. I 12, 18: *illa regina regum oratio*), ср. *Philod. Suppl.* 19 sqq. I 224. *Aristid.* XLV 54 J. *Lib. ep.* 248. 372.

³⁾ Ср. *Phaedr.* 274 E.

⁴⁾ Ср. *Phaedr.* 278 D. *Conv.* 203 E sqq. *Parm.* 134 C. *Tim.* 51 E. *Leg.* 897 D.—Отсюда, какъ извѣстно, терминъ *φιλόσοφος*, вмѣсто *σοφός*; о той обстановкѣ, въ какой онъ появляется, ср. разъясненія у *s. Arnim*, *Dio v. Pr.*, 65 ff., и сопоставленія (но не разъясненія) у *Joël*, D. *echte u. xenoph. Sokr.*, II 630 ff.

предполагающих, что тот, кто произносит рѣчь, мудръ до конца, предполагающих, что мудрость можетъ быть перелита изъ одной души въ другую, какъ жидкость изъ одного сосуда въ другой¹⁾. Такъ истина не можетъ быть доступна краснорѣчю, поскольку имъ распоряжаются не боги, а люди,—а между тѣмъ самымъ существованіемъ своимъ оно предполагаетъ, что истина ему доступна; поэтому оно обречено на то, чтобъ представлять собою не истину, а призракъ истины, не правду, а подобіе лишь правды²⁾. И если ему по существу чужда забота о настоящей истинѣ, а слѣдовательно и забота о томъ, чтобы та призрачная истина, какую оно собою представляетъ, была какъ можно ближе къ настоящей³⁾, то вся его забота направляется на то, чтобъ призрачная истина, какую оно собою представляетъ, могла быть принята, была-бы принята за настоящую⁴⁾. Его задача и сводится поэтому къ умѣнью

¹⁾ Ср., напр., Phaedr. 248 A sqq. 276 A sqq. Theaet. 149 A sqq. 210 B sq. Conv. 175 D sq. Resp. 435 A. 475 A sqq. 518 B sqq. 531 C sqq. Prot. 329 A. 334 C sqq. Meno 79 E sqq. Gorg. 448 D sqq. 461 C sqq., также ep. VII, 341 C sqq.—На этой почвѣ вырисовывается и опредѣляется у Платона и диалектика, противопоставляемая, какъ истинная *περὶ τοὺς λόγους τέχνη*, риторикѣ, какъ мнимой *λόγων τέχνη* (тексты, сюда относящіяся, указаны у *Natorp*, *Platos Ideenlehre*, 442 f.; ср. *Hermes* XXXV, 403 ff.).

²⁾ Т. е. не настоящую, сухую (объективную), а кажущуюся (субъективную) истину, видимость истины, ея образъ, отображеніе, или воспроизведеніе, заключающее въ себѣ и долю истины, и долю сознательной или нѣтъ лжи, намѣренного или нѣтъ обмана,—τὰ εἰκότα, εἰκασθέντα, εἰκόνας, εἰδῶλα, εἰκαί, τὰ φαινόμενα, φανταζόμενα, φαντάσματα, μιμήματα, ὁμοιώματα, παραδείγματα, δόξαντα, δοξάσματα (ср. *εἰκασίαι*, *φαντασίαι*, *δόξαι*). Ср. Resp. 584 A: οὐκ ἔστιν ἀλλὰ φαίνεται, οὐδὲν ὄγιός τούτων τῶν φαντασμάτων, γοητεία τις. Theaet. 166 C: τὸ φαινόμενον μόνον ἕκαστον γίγνεται, ὅπερ φαίνεται. 150 C: εἰδῶλον καὶ ψεῦδος.—Phaedr. 272 D sqq.: τὸ παράπαν γὰρ οὐδὲν... ἀληθείας μέλει οὐδενί, ἀλλὰ τοῦ πιθανοῦ· τοῦτο δ' εἶναι τὸ εἶκός, ὃ δεῖν προσέχειν τὸν μέλλοντα τέχνη ἐρεῖν... καὶ πάντως λέγοντα τὸ δὴ εἶκός διωκτέον εἶναι, πολλὰ εἰπόντα χαίρειν τῷ ἀληθεῖ· τοῦτο γὰρ διὰ παντός τοῦ λόγου γιγνόμενον τὴν ἅπασαν τέχνην πορίζειν. Ср. Soph. 232 B sqq.,—гдѣ софистика опредѣляется, какъ *παιδιά*, какъ *εἰδωλοποιική*, или *εἰδωλοურγική*, т. е. *εἰκαστική*, или *μιμητική*, и *φανταστική τέχνη*, а софистъ, имѣющій *δοξαστικήν* тина *περὶ πάντων ἐπιστήμην*, ἀλλ' οὐκ ἀληθεῖν,—какъ τῶν γοητῶν, или *θαυματοποιῶν*, или τῶν τῆς παιδιᾶς *μετεχόντων* τις εἰς, какъ *μιμητής* (τῶν ὄντων или τοῦ σοφοῦ).—Представляя собою только видимую, кажущуюся, мнимую истину, краснорѣчіе сближалось тѣмъ съ поэзіей, къ которой, какъ извѣстно, Платонъ также относился отрицательно, по крайней мѣрѣ въ теоріи (ср. *Kinsler*, *Platon u. d. arist. Poetik*, 12 ff. 216 ff.).—Изъ Филодема видно, какую роль играла эта „*εἰκωτολογία*“ риторики въ дальнѣйшей борьбѣ съ нею философіи (ср., напр., I 22. 80. 216. II 90 sq. S.); ср. также Sext. Emp. adv. rh. 10 sqq. Quint. II 17.

³⁾ Ср. Gorg. 487 C: μὴ προθυμεῖσθαι εἰς τὴν ἀκρίβειαν φιλοσοφεῖν... Ср. также Euthyd. 293 B sqq. и *Διαλέξεις*, 586, 33 sq. Diels.

⁴⁾ Ср. Phaedr. 272 E: οὐδὲ γὰρ αὐτὰ πραχθέντα δεῖν λέγειν ἐνίοτε, εἰ μὴ εἰκότως

порождать любое убѣжденіе, внушать любое мнѣніе¹⁾. Такъ, если овладѣвающее ораторомъ «безуміе» сливается неразрывно и мысль, и слово, и содержание, и форму²⁾, то краснорѣчіе, поскольку имъ хотятъ распоряжаться сами люди, разъединяетъ ихъ—и подчиняетъ мысль слову, формѣ содержаніе³⁾; но тѣмъ самымъ оно конечно открываетъ и возможность прямыхъ уже злоупотребленій словомъ: вѣдь мнѣніе, въ которомъ убѣждаетъ ораторъ, можетъ быть близкимъ, но можетъ быть и далекимъ отъ истины, самъ ораторъ можетъ даже вовсе не раздѣлять его; но чѣмъ меньше самъ онъ вѣритъ тому, въ чемъ убѣждаетъ другихъ,—тѣмъ труднѣе только его задача, и стало-быть тѣмъ выше только его заслуга, тѣмъ ярче только обнаруживается сила его искусства⁴⁾.

ἡ πεπραγμένα, ἀλλὰ τὰ εἰκότα. Gorg. 459 B sqq.: ὁ οὐκ εἰδώς τοῦ εἰδότες ἐν οὐκ εἰδοσι πιθανώτερος ἔσται... αὐτὰ μὲν τὰ πράγματα οὐδὲν δεῖ αὐτὴν (sc. τὴν ῥητορικὴν) εἰδέναι: ὥπως ἔχει, μηχανὴν δὲ τίνα πειθοῦς εὐρησκέαι, ὥστε φαίνεσθαι τοῖς οὐκ εἰδοσι μᾶλλον εἰδέναι τῶν εἰδότεων. Phaedr. 91 A. 101 E.

¹⁾ Ср. Gorg. 452 E sqq.: πειθοῦς (πιστευτικῆς, ἀλλ' οὐ διδασκαλικῆς) δημιουργός ἐστιν ἡ ῥητορικὴ, καὶ ἡ πραγματεία αὐτῆς ἅπασα καὶ τὸ κεφάλαιον εἰς τοῦτο τελευτᾷ (Ср. Phaedr. 261 A sqq.: ἡ ῥητορικὴ τέχνη ψυχαγωγία τις διὰ λόγων. Phil. 58 A: ἡ τοῦ πείθειν. Sophr. 222 C: πιθανουργικὴ). Смыслъ этого опредѣленія риторики лучше всего разъясняется въ проническомъ отзывѣ Платона о Тисии и Горгии, которые πρὸ τῶν ἀληθῶν τὰ εἰκότα εἶδον ὡς τιμητέα μᾶλλον, τὰ τε αὖ σμικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα σμικρὰ φαίνεσθαι ποιοῦσι διὰ ῥώμην λόγου (Phaedr. 267 A; ср. 262 C: ὁ τὴν ἀλήθειαν μὴ εἰδώς, δόξας δὲ τεθηρευκώς). Ср. Theaet. 201 B sq.; Polit. 304 C (τὸ πειστικὸν πλῆθους τε καὶ ὄχλου διὰ μυθολογίας ἀλλὰ μὴ διὰ διδασχῆν).—Аристотель, rhet. 1355 b, опредѣляетъ риторику, какъ δύναμις περὶ ἕκαστον τοῦ θεωρῆσαι τὸ ἐνδεχόμενον πιθανόν,—отчего ей и свойственны не συλλογισμός и ἐπαγωγὴ, а ἐνδύμημα и παράδειγμα (ср. Philod. I 246 S.). Пейθῶ занимала самое видное мѣсто и въ послѣдующихъ опредѣленіяхъ риторики (ср. Volkmann, Rhetorik², 1 ff., также Tiele, Hermagoras, 22 ff.).

²⁾ Ср. Phaedr. 238 D sqq. 262 D. Io 534 A.—Къ вѣщанію (ср. μεμαντευμένοι λόγοι, Phil. 67 B) „вдохновенныхъ“ ораторовъ подошли бы, вѣроятно, съ точки зрѣнія Платона, слова Гераклита (fr. 93 D.) о „владыкѣ, коему принадлежитъ оракулъ что въ Дельфахъ“: οὔτε λέγει οὔτε κρύπτει ἀλλὰ σημαίνει.

³⁾ Ср. Gorg. 450 B sq. 457 C sqq. Phaedr. 267 A sqq. 273 D sq.—Къ платонову Горгию (ср. Diels, D. Fragm. d. Vorsokratiker, 527), учившему, что риторика есть искусство лишь περὶ τοὺς λόγους, которое не можетъ быть виновато въ томъ, что имъ пользуются и не ὀρθῶς, а не къ платонову Сократу, учившему: τὸν ῥητορικὸν ἀδύνατον εἶναι ἀδίκως χρῆσθαι τῇ ῥητορικῇ (Gorg. 461 A), примыкаетъ и Аристотель, rhet. 1355 b. Вообще, разумѣется, вопросъ о значеніи для краснорѣчія только формальныхъ, или и идеально-реальныхъ (въ томъ числѣ и этическихъ) моментовъ, со времени Сократа-Платона (ср., напр., ссылку въ „Федрѣ“, 260 E, на Лакона, утверждавшаго, что не можетъ существовать τοῦ λέγειν ἔτομος τέχνη ἄνευ τοῦ ἀληθείας ἔφθαι, или Διαλέξεις, особ. р. 586. 38 sqq. D., также Eugip. Нес. 814 sqq.), постоянно дебатировался въ полемикѣ между философией и риторикой (ср., напр., Philod. II 142 sqq. 270 sq.)

⁴⁾ Ср. Gorg. 449 B sqq. 459 A sqq. 484 C sqq. 502 C sqq. Phaedr. 259 E sqq.

Въ томъ, что для краснорѣчія, поскольку имъ распоряжались люди,

267 A sqq. Meno 80 B. Phileb. 55 D sqq. Theaet. 166 C sqq. Euth. 305 B sqq. Menex. 235 A sqq. Resp. 499 A: οὐδὲ γὰρ αὐτὸν λόγων κλιῶν τε καὶ ἐλευθέρων ἰκανῶς ἐπὶ χροὶ γεγόναιεν, εἰων ζῆτεῖν μὲν τὸ ἀληθὲς συνταταμένως ἐκ παντός τρόπου τοῦ γινῶναι χάριν, τὰ δὲ κομψὰ τε καὶ ἐριστικά καὶ μηδαιόσα ἔλλοσε τείνοντα ἢ πρὸς δόξαν καὶ εἶναι καὶ ἐν δίκαις καὶ ἐν ἰδίαις συνοουσίαις πέρρωθεν ἀσπαζομένων.—Ср. похвалу λόγος'у (ὁ πείσας καὶ τὴν ψυχὴν ἀπατήσας) въ горгиевой „Еленѣ“, особ. § 8 sqq. (ὅβъ εἰσὶν ῥήτσι и въ частности ὅβъ ὀησешн горгиева Λόγος'а къ гераклитову—ср. Tiele, *Hermes*, XXXVI, 233 ff.; мимоходомъ замѣтимъ, что слова Горгия: λόγος δυνάστης μέγας ἐστίν, ὃς σμικροτάτῳ σώματι καὶ ἀφανεστάτῳ θεϊότατα ἔργα ἀποτελεῖ etc. восходятъ, быть можетъ, къ Odys. VIII 167 sqq.: ἄλλος μὲν γάρ τ' εἶδος ἀκιδνότερος πέλει ἀνὴρ, ἀλλὰ θεὸς μορφὴν ἔπεσ: στέφαι, οἱ δὲ τ' ἐς αὐτὸν τερπόμενοι λούσσοσιν· ὁ δ' ἀσφαλῶς ἀγορεύει αἰδοῖ μαιλίχῃ, μετὰ δὲ πρέπει ἀγρομένοισιν, ἐργύριμον δ' ἀνά αἴστω θεδν ὡς εἰσορώσιν).—Οἱ λόγοι—говорилъ и Исократъ—тоιαύτην ἔχουσι τὴν φῶσιν, ὡθ' οἶόν τ' εἶναι περὶ τῶν αὐτῶν πολλαχῶς ἐξηγήσασθαι καὶ τὰ τε μεγάλα ταπεινά ποιῆσαι καὶ τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι καὶ τὰ τε παλαιὰ καινῶς διελεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν (IV 8, ср. XV 257, и вообще—*Scheel*, *De Gorgianae disciplinae vestigiis*, 1890).—Въ связи съ тѣмъ стояла и „антилогика“, а также еристика софистовъ (ср. Soph. 232 B sqq.); еще о Протагорѣ и о Горгии рассказывали, что они учили своихъ учениковъ τὸν αὐτὸν καὶ ψέγειν καὶ ἐπαινεῖν (ср. о Протагорѣ—*Diels*, *Fragm. d. Vorsokr.* 516 ff., о Горгии—*Cic. Brut.* 47); о Θрасимахѣ говорится въ „Федрѣ“ 267 C sq.: ὀργίσει τε αὐτὸν πολλοὺς ἄμα δεινὸς ἀνὴρ γέγονε, καὶ πάλιν ὀργισμένοις ἐπαδῶν κηλεῖν διαβάλλειν τε καὶ ἀπολύσασθαι διαβολὰς ὀθενδῆ κράτιστος. Отсюда, конечно, и παράδοξοι или ἰδοξοὶ ὀποθίσεις похвальныхъ словъ (ср. выше, стр. 66 сл., прим., также *Philod.* I 216 sq.—о „риторическихъ софистахъ восхваляющихъ Бусиридовъ и Полифемовъ“; ср. παράδοξα и ἰδοξα σχήματα Γερμαгора, *Tiele*, *Hermag.*, 114 ff.); если [Менандръ]. 98 В., совѣтуетъ потомъ оратору, восхваляющему царя (императора), не задумываться предъ возможностью каὶ πλάσαι (καὶ ποιεῖν τοῦτο πιθανός),—то и Платонъ еще иронизируетъ (*Soph.* 198 D sq.), что за τὸ καλῶς ἐπαινεῖν считается—τὸ ὡς μέγιστα ἀνατιθεῖναι τῷ πράγματι καὶ ὡς κάλλιστα, εἴν τε ἢ οὕτως ἔχοντα εἴν τε μὴ εἰ δὲ ψευδῆ, οὐδὲν ἄρ' ἦν πράγμα (ср. *Menex.* 234 C sq.); то же считаетъ правиломъ для энкомиевъ и Исократъ (XIII 4. IX 48. XII 123), также [Анаксименъ], *rhet.* 3 (ср. *Wendland*, *Hermes*, XXV 174 ff.).—Аристотель, *rhet.* 1402 а, различаетъ между εἰκότα риторики или еристике два вида: τὸ εἰκόс (ἀπλῶс) и τὸ εἰκόс, εἰκόс въ смыслѣ ψεῦδος, καὶ οὐκ ἀληθὲс ἀλλὰ φαῖνομένον εἰκόс; потомъ противники риторики называли ея θεωρήματα вообще—ψεῦδῆ (*Philod. Suppl.* 12; ср. *Sext. adv. rh.* 10. *Quint.* II 17, 18. 27); но нужно конечно имѣть въ виду, что елнины, какъ народъ художественный, не предъявляли вообще слишкомъ строгихъ и опредѣленныхъ требованій къ правдѣ-истинѣ,—какъ это показываетъ исторія понятій: ψεῦδος (ср. *Schmidt*, *Ethik d. Gr.* II 411 f.; ψεῦδεα *Музь*, *Nea. theog.* 27), ἀπάτη (ср. Ἀπάτη какъ собств. имя), также μῦθος, πλάσμα и т. п.—О перевѣсѣ „искусства“ надъ „мудростью“—о подчиненіи мысли слову и о злоупотребленіяхъ словомъ—въ позднѣйшей греческой риторикѣ (особенно, конечно, школьной) ср. *Rohde*, *Gr. R.* 316 ff. 331 ff. 343 ff., также *Peter*, *Gesch. Litt. üb d. r. Kaiserz.* I 5 ff. 180 ff.—Въ ексцерптахъ ἐκ τῶν Λαγγίνου (*Spengel*, *Rhet. Gr.*, I 328) τὰ μὲν σμικρὰ μεγάλως λέγειν, τὰ δὲ μεγάλα σμικρῶс прямо объявляется за ῥητορικῆс ἔργον.—Относительно разрыва между ὀνόματα собственно и πράγματα или νοήματα и перевѣса первыхъ надъ послѣдними ср. *Gorg.* 489 E sq. *Menex.* 235 A. *Theaet.* 199 A. *Resp.* 454 A. *Leg.* 964 A. также [*Xenoph.*] *Cyn.* 13, 6. *Arist. soph. el.* 161 а, 8.

не только могла не быть, но даже не могла быть всего дороже истина, и заключалась присущая ему опасность. Какъ призрачной была та истина, какую оно собою представляло, такъ призрачными были и добро и красота, къ которымъ оно стремилось¹⁾. Оно жило не сущимъ, а видимымъ, не единымъ, а многимъ, не вѣчнымъ, а временнымъ, не тѣмъ, что есть, -- тѣмъ, что бываетъ²⁾. Оно имѣло дѣло съ человѣкомъ не какъ разумнымъ только существомъ, а съ человѣкомъ какъ частью чувственного міра³⁾. Оно могло конечно служить не только низшимъ, но и высшимъ стремленіямъ и свойствамъ человѣческой природы, но не могло служить однимъ лишь этимъ высшимъ стремленіямъ и свойствамъ. Ораторъ говорилъ предъ «многими», передъ толпой, и къ этимъ «многимъ» онъ долженъ былъ приспособляться, даже если онъ хотѣлъ возвыситься ихъ надъ ними самими, тѣмъ болѣе, конечно, если онъ хотѣлъ себя возвысить надъ ними. Естественно, что мудрость оратора могла сводиться больше всего къ умѣнью поддѣлываться подъ толпу, подлаживаться къ этому животному, — изучивъ его причуды и норы, зная, какъ подойти къ нему, какъ дотронуться до него, зная, какіе звуки дѣлаютъ его свирѣпымъ, какіе — вроткимъ, — при чемъ оратору, конечно, приходилось отождествляться такъ или иначе съ толпой и въ мысляхъ, — называть добромъ то, что ей нравилось, и зломъ — то, что ее сердило⁴⁾. Такъ искусство слова становилось искусствомъ лести, искус-

1) Здѣсь имѣются въ виду платоновы категоріи: ἀλήθεια (или δίκαιον), ἀγαθόν, καλόν. Тексты Платона, сюда относящіяся, указаны въ указателѣ, приложенномъ къ труду *Natorp, Platos Ideenlehre*, п. сл. Gute, das, Schöne, das, Wahrheit. Данныя Наторпомъ разъясненія этихъ текстовъ должны быть пополнены съ точекъ зрѣнія, намѣченныхъ у *Rohde, Psyche* II° 263 ff. (ср. также *Windelband, Platon*, 1900).

2) τὸ (ὄντως) ὄν, μὴ ὄν, φαινόμενον (εἰκασθέν), νοητόν (νοούμενον), αἰσθητόν (δοξαστόν), εἶν, (ὄλον), πολλά, αἰεὶ ὄν (αἰδίον), μόνιμον, γιγνόμενον, πέρας, ἄπειρον... Ср. указатель въ книгѣ Наторпа п. сл.: Sein, Nichtsein, Erscheinung, Urbild u. Abbild, Intelligibles, Sinnlichkeit u. Sinnenwelt, Einheit u. Vielheit, Ganzes, Ewiges, Werden, Beharrung u. Veränderung, Bewegung, An sich, Relation, Apeiron, Peras, Idee, Eidos.

3) Ср. указатель въ книгѣ Наторпа п. сл.: Psyche, Körper, Verstand, Vernunft, Erfahrung, Erkenntnis, Doxa, Sinnlichkeit, Lust u. Unlust, Ethik. Ср. *Rohde*, I. I.

4) Resp. 492 A sqq.: конечно, софисты развращаютъ молодежь; но самые опасные софисты, развращающіе и молодыхъ, и старыхъ, и мужчинъ, и женщинъ, — не эти единичные софисты, а толпа (οἱ πολλοί); одинъ тотъ дикій крикъ и шумъ (καὶ ἐκβοῶντες καὶ κροτοῦντες, ср. Leg. 700 C: ἄριστοι βοαὶ πλήθους καὶ κρότοι), съ которымъ толпа, собравшаяся на вѣче, на судилище, на зрѣлище (εἰς θέατρα), или на иное какое сборище, выражаетъ негодованіе или восторгъ, — а этому крику и шуму вторятъ окрестъ скалы, — одна эта бурная волна порицаній или похвалъ — кого она не размоетъ и не унесетъ съ собой? Кто осмѣлится не раздѣлять съ толпой ея и представленій,

ствомъ лжи¹⁾, или сближалось съ искусствомъ заклинаній—заговаривало только оно не змѣй и скорпионовъ и не болѣзни, а людей, толпу, особенно, конечно, толпу, собравшуюся въ судъ или на вѣче²⁾. Не какъ

и стремленій, не быть такимъ же, какъ она? Къ тому же въ ея рукахъ и власть—карать ей не угодныхъ. Кто же, какой безумецъ пошелъ бы противъ толпы, да и къ чему бы повели его рѣчи? Поистинѣ, если чье ἦθος сохранится въ такой средѣ, выйдетъ такимъ, какимъ оно должно быть,—то можно сказать—это не ἀνθρώπειον, а θεῖον ἦθος, и соблюла его лишь θεοῦ μοῖρα... Такъ, наемники-софисты только соперничаютъ съ толпой въ искусствѣ (ἀντίτεχνοι), когда учатъ, подъ именемъ мудрости, лишь мнѣнiя (δόγματα) толпы,—какъ если бы кто, изучивъ (ἐκνοουσία τε καὶ χρόνου τριβή), какъ обращаться съ громаднымъ, откормленнымъ звѣремъ,—изучивъ, что его раздражаетъ, что его успокаиваетъ,—и приведя изученное въ нѣкоторую систему (ὡς τέχνην συστησάμενος), сталъ бы эту свою мнимую τέχνην выдавать за мудрость и поучать ей другихъ,—не зная, каковы въ сущности (τῇ ἀληθείᾳ) τῶν δόγματά τε καὶ ἐπιθυμiαι, не разбираясь вовсе въ понятiяхъ: прекрасное, дурное, благо, зло, правда, неправда, а просто принимая ихъ такими, какъ ихъ принимаетъ толпа, называя благомъ то, что радуетъ, и зломъ—что гнѣваетъ ее, или называя справедливымъ, прекраснымъ, считая благомъ то, что существуетъ только какъ неизбежное или необходимое (ἀνάγκαια—sufficiens?). И чѣмъ отличается отъ такого софиста тотъ, кто полагаетъ мудрость въ знанiи того, что вызываетъ удовольствiе или неудовольствiе пестрой толпы—въ живописи-ли, въ музыкѣ, или въ политикѣ?... Ср. Gorg. 500 C sqq., гдѣ, м. пр., ораторы—поскольку они заботятся только объ угожденiи, о доставленiи удовольствiя народу (ἄσπερ καὶ οἱ προσωμιλοῦσι τοῖς δήμοις, χαρίζεσθαι αὐτοῖς παρῳάμενοι μόνον),—сближаются съ музыкантами и поэтами; въ частности, политическiй дѣятель и ораторъ въ Аѳинахъ, если онъ жаждетъ, опираясь на расположение народа, имѣть силу и значенiе въ государствѣ, долженъ быть самъ ὡς ὁμοίωτατος τῷ δήμῳ (513 A sqq.).—Ср. Arist. rhet. 1395 b: πιθανωτέρους (и вѣрнѣе—μουσικωτέρους) εἶναι τοὺς ἀπαιδευτοὺς τῶν πεπαιδευμένων ἐν τοῖς ὄχλοις· οἱ μὲν γὰρ τὰ κοινὰ καὶ καθόλου λέγουσιν, οἱ δ' ἐξ ὧν ἴσασι, καὶ τὰ ἐγγύς.—Ὁ τὰ ὄχλοις ἀρέσκοντα, какъ и объ ὄχλικῇ θύελλᾳ, говорится и у Филодема, I 46. 184. 343. 363. II 154 S.—Ὁ зависимости оратора отъ толпы, или публики въ болѣе позднее время—ср. Rohde, Gr. R². 315 ff, также Hatch, Griech. u. Christ., 66 ff.

¹⁾ Gorg. 462 D sqq.: ἡ καλουμένη ῥητορικῇ (448 E)—не τέχνη, а ἐμπειρία, и именно χάριτος τινος καὶ ἡδονῆς ἀπεργασίας (462 C),—есть, наряду съ софистикой, лишь μόριον τῆς ἐπιτηδεύσεως, τὸ κεφάλαιον коей—κολακεία (другими двумя μόρια τῆς ἐπιτηδεύσεως, имѣющими цѣлью уже не душу, а тѣло, являются ἡ ὀψοποιικῇ и ἡ κομωτικῇ). Ср. 501 C sqq. (κολακεία ἂν εἴη καὶ αἰσχροῦς δημηγορία). 517 A. 522 D (ἡ κολακικῇ—не ἀληθινή—ῥητορικῇ). 527 C.—Ср. Philod. II 183.—Такое, вѣроятно, и смыслъ сближенiя риторики съ „паразитикой“ (ср. Sudhaus, Philod. v. rh., Suppl., p. IX. XXIII sqq.) въ сатирич.-пародiи Лукiана περὶ παρασίτου, ὅτι τέχνη ἡ παρασιτικῇ.

²⁾ Euthyd. 289 E sq.: οἱ λογοποιοὶ могутъ казаться ὑπερσοφοί, и τέχνη ихъ θεσπέσια τις καὶ ὕψηλῇ. И не удивительно: вѣдь эта τέχνη—часть τῶν ἐπιπέδων τέχνης, мало чѣмъ уступающая послѣдней: одна (τέχνη) есть κήλησις змѣй, скорпионовъ и разныхъ другихъ θηρίων, а также болѣзней, другая—κήλησις τε καὶ παρμυθία дикастовъ, еkkлecиastовъ и прочихъ ὄχλων. Ср. Gorg. Hel. 10: αἱ γὰρ ἐνθεοὶ διὰ λόγων ἐπιπέδοι ἐπαγωγοὶ ἡδονῆς ἀπαγωγοὶ λύπης γίνονται. συγγιγνωμένη γὰρ τῇ δόξῃ τῆς ψυχῆς ἡ δύναμις τῆς ἐπιπέδου εἰθελε

чужой, какъ свой, и не какъ человѣкъ среди животныхъ или какъ врачъ среди больныхъ¹⁾, а какъ слуга, готовый угождать страстямъ своихъ господъ²⁾, являлся среди толпы ораторъ, чтобъ подчинять ее себѣ, чтобъ властвовать надъ нею—на почвѣ тѣхъ-же желаній не души, а тѣла, или души приросшей къ тѣлу³⁾). Конечно, властолюбіе или тще-

καὶ ἔπεισε καὶ μετέστησεν αὐτὴν γοητεία (ib. 14: τῶν λόγων... οἱ δὲ πειθοὶ τινὶ κακῇ τὴν ψυχὴν ἐφαρμάκεισαν καὶ ἐξαγοήτευσαν, ср. Meno 80 A: γοητεύεις με καὶ φαρμάτεις καὶ ἀτεχνῶς καταπάσεις). Вообще ораторъ-софистъ у Платона часто сближается если не съ ἐπιφθός (ср. Phaedr. 267 C—о Θрасимахѣ), то съ γόης, φαρμακεύς (Сопв. 203 D. Soph. 234 C sqq. Polit. 291 C. 303 C. Leg. 908 D. Menex. 235 A); о томъ, какъ вообще смотрѣлъ Платонъ на ἐπιφθὰи ἢ ἐπαγωγὰи, на γοητεύειν и φαρμάττειν,—ср. Leg. 908 D sqq. 932 E sqq. У Исократы, когда онъ говоритъ о своихъ соперникахъ, ἐπιφθὰс и т. п. замѣняютъ собою (какъ Soph. 285 B) θαυματοποιὰи (X 7. XV 269; ср. X 4: τερθρεία). Въ риторикѣ Аристотеля, 1408 b, слушатель уже κλέπτεται (ср. top. 126 a, 31).—Γοητεία ораторовъ выражалась преимущественно конечно во внѣшней сторонѣ рѣчи (ср. Menex. 235 A: κάλλιστα πῶс τοῖс ὀνόμασι παικίλλοντες, γοητεύουσιν ἡμῶν τὰс ψυχὰс. Soph. 234 C: διὰ τῶν ὄτων τοῖс λόγοιс γοητεύειν; также Philod. II 94).

¹⁾ Theaet. 172 C sqq., гдѣ, въ противоположность оратору, чуждымъ толпѣ съ ея обычными интересами и потому глупымъ, безумнымъ, смѣшнымъ въ ея глазахъ рисуется истинный философъ (ср. Apol. 32 A. Phaedr. 249 D. Soph. 216 D. Resp. 517 A). Resp. 496 D: ἄσπερ εἰс θηρία ἄνθρωπος ἐμπειῶν. Gorg. 465 B sqq. 500 B sqq. 517 D sqq. и Phaedr. 270 B sqq., гдѣ развивается мысль, что истинный ораторъ долженъ быть (φρονεῖν καὶ λέγειν) тѣмъ же для души, чѣмъ для тѣла—врачъ.—Ср. Philod. II 269.

²⁾ διάκονοс καὶ ἐπιθυμῶν παρασκευαστής, Gorg. 518 C. 521 A. Ср. Theaet. 172 E sqq. 175 D sq.

³⁾ Phaed. 82 C sqq.: οἱ πολλοῖ (кроме философовъ, или φιλομαθεῖс) предають себя τοῖс κατὰ τὸ σῶμα ἐπιθυμίαιс, не обуздывая ихъ, не стремясь освободить изъ ихъ оковы свою душу; поэтому они любостыжательны, честолюбивы, властолюбивы (какъ объ этой, такъ и о другихъ психологическихъ теоріяхъ—или картинахъ—Платона ср. Rohde, Psyche, II 269 ff., также Natorp, Platos Ideenlehre, 462 f.).—О краснорѣчии какъ о средствѣ для удовлетворенія πλεονεξίας, или φιλοχρηματίας ср. Apol. 19 E sqq. Prot. 311 B sqq. Meno 90 D sqq. Gog. 519 C sqq. Phaedr. 266 C. Soph. 222 D sqq. Hipp. maj. 281 B sqq.; о краснорѣчии какъ о средствѣ для удовлетворенія φιλοτιμίας или φιλαρχίας—честолюбия, властолюбия, тщеславия,—т. е. стремления къ тому, чтобы μέγιστον δύνασθαι ἐν τῇ πόλει, проεσθάναι τῆс πόλεωс, имѣть власть, подобную власти тирана или царя, къ тому, чтобы распоряжаться судьями, или къ тому, чтобы слыть сверхмудрымъ, всеумудрымъ, всезнающимъ, владѣющимъ мыслью и словомъ, или же просто къ тому, чтобы имѣть успѣхъ у слушателей, быть для нихъ интереснымъ и приятнымъ—пока они слушаютъ, и, пожалуй, еще „дня на два, на три“,—ср. Gorg. 451 D sqq. Resp. 336 B sqq. 564 D. sqq. Meno 73 C sq. 95 C sqq. Phaedr. 257 C sqq. 272 D sqq. Phileb. 58 A sqq. Euthyd. 289 E sqq. 304 E sqq. Prot. 318 E sqq. Hipp. min. 363 C sqq. Hipp. maj. 281 A sqq. Phaed. 91 A. 101 E. Soph. 232 B sqq. Menex. 234 C sqq. Такъ же рисуются ораторы и въ Воспоминаніяхъ Ксенофонта (напр. I 6, гдѣ, м. пр., они сравниваются съ πόρνοι; ср. Joël, Sokr., II 629 ff.), или въ комедіи, особенно Аристофана (также и у Эврипида), позднѣе, напр. у Эликтета (dias. III 23).

славіе, любостязаніе или корыстолюбіе влекли ораторовъ прежде всего туда, куда шли и другіе—не знавшіе, куда идти, слѣпые¹⁾,—куда шли «многіе»,—въ судъ и въ другія политическія собранія,—гдѣ такъ мельчали и кривились души въ вѣчной суетѣ, приличной рабамъ, а не свободнымъ²⁾. Меньше извилистыми и кривыми³⁾, но еще больше скользящими⁴⁾ могли быть пути ораторовъ, когда они брались служить не политическимъ, а умственнымъ и эстетическимъ запросамъ или интересамъ тѣхъ же «многихъ», той же толпы. И здѣсь имъ приходилось заботиться не о томъ, что скажетъ свѣдущій, или что скажетъ сама

Диона Златоуста (ор. 12. 32 sq. 35), Максима тирскаго, Лукіана (Ῥητόρων διδάσκαλος, Ψυχολογικός). Ср. Philod. I 232. II 161 sqq. 281 sq.—Позже все больше, конечно, приходилось ораторамъ думать объ успѣхѣхъ или объ успѣхахъ уже не на почвѣ политическихъ (ср. Athen. 211 e sqq. Еупар. v. s., 68, о софистѣ Юліанѣ: ἐτιράννει γὰρ τῶν Ἀθηνῶν), а на почвѣ умственныхъ или эстетическихъ интересовъ толпы (т. е. уже публики).

¹⁾ Phaed. 82 D: не доступные λύσει τε καὶ καθαρῶφι φιλοσοφίῃ, σῶματι πράττοντες, имѣющіе душу σωματικῶδη—считающую истиннымъ то, что таковымъ полагаетъ тѣло,—κατὰ ταῦτα πορεύονται τοῖς πολλοῖς, ὡς οὐκ εἰδῶσιν ὅπῃ ἔρχονται. Ср. Phaedr. 270 D (τοφλοῦ πορείᾳ). Soph. 254 A. Resp. 505 E sqq. 514 A sqq. 527 E.

²⁾ Theaet. 172 C sqq.: οἱ ἐν δικαστηρίοις καὶ τοῖς τοιοῦτοις κυλινδούμενοι въ сравненіи съ οἱ ἐν φιλοσοφίᾳ καὶ τῇ τοιαύτῃ διατριβῇ τετραμμένοι—что οἰκείται въ сравненіи съ ἐλεύθεροι. Вѣчно приходится имъ говорить ἐν ἀσχολίᾳ, не ἐν εἰρήνῃ ἐπὶ σχολῆς; и клепсира, и противная сторона (ὁ ἀντίδικος), ссылающаяся на списокъ поставленныхъ (судомъ) вопросовъ, за предѣлы которыхъ выходить не полагается, не позволяютъ имъ περὶ οὐ ἂν ἐπιθυμήσῃσι τοὺς λόγους ποιεῖσθαι. Да и рѣчи эти—вѣчно περὶ ὁμοδοῦλου, πρὸς δεσπότην καθήμενον, ἐν χειρὶ τὴν δίκην ἔχοντα, καὶ οἱ ἀγωνες οὐδέποτε τὴν ἄλλως ἀλλ' αἰεὶ τὴν περὶ αὐτοῦ, а вопросъ не рѣдко идетъ о жизни или смерти. По всему этому они становятся ἔντονοι καὶ ὄρμιαι, ἐπιστάμενοι τὸν δεσπότην λόγῳ τε θωπεῦσαι καὶ ἔργῳ χαρίσασθαι, σμικροὶ δὲ καὶ οὐκ ὀρθοὶ τὰς ψυχὰς τὴν γὰρ αὔξην καὶ τὸ εὐθὺ τε καὶ τὸ ἐλεύθερον ἢ δουλεία ἀφήρηται, ἀναγκάζουσα πράττειν σχολιά. Такъ πολλὰ κάμπτονται καὶ συγκλῶνται ἔτι δεινοὶ τε καὶ σοφοί.... οὗτος δὲ ἑκατέρου τρόπος, ὁ μὲν τῷ ὄντι ἐν ἐλευθερίᾳ τε καὶ σχολῇ τετραμμένου, ᾧ ἀνεμέσητον εὐίθει δοκεῖν καὶ οὐδενὶ εἶναι, ὅταν εἰς δουλικὰ ἐμπέσῃ διακονήματα, οἷον στρωματόδεσμον μὴ ἐπισταμένου συσκευάσασθαι μηδὲ ὄψον ἡδύνα: ἢ θῶπας λόγους· ὁ δ' αὖ τὰ μὲν τοιαῦτα πάντα δυναμένου τῶς τε καὶ ὄψεως διακονεῖν, ἀναβάλλεσθαι δὲ οὐκ ἐπισταμένου ἐπιδέξια ἐλευθέρως οὐδέ γ' ἄρμονίαν λόγων λαβόντος ὀρθῶς ὑμνησαι θεῶν τε καὶ ἀνδρῶν εὐδαιμόνων βίον ἀληθῆ... Хотя здѣсь и имѣется въ виду ближайшимъ образомъ дикастеріи, но отсюда прямая дорога ведетъ насъ, конечно, и на агору и въ βουλευτήριον ἢ τι κοινὸν ἄλλο τῆς πόλεως συνέδριον (173 D,—ср. 172 A. 176 C. 201 A sq.; такъ, повидимому, понялъ эту характеристику и Исократъ, XII 27 sq., на котораго, въ свою очередь, намекаетъ Платонъ въ „Эвтидемѣ“, 305 B sqq.,—гдѣ рѣчь идетъ о μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρός καὶ πολιτικοῦ). Ср. Gorg. 469 B sqq. Resp. 492 D sqq. 588 B. sqq. Apol. 29 D sqq. Hipp. maj. 304 A sqq.

³⁾ Theaet. 173 A. 176 D sqq. .

⁴⁾ Theaet. 175 D. Soph. 254 A.

истина, а о томъ, что скажетъ толпа¹⁾),—толпа, которая, по самой своей природѣ, неспособна мыслить отвлеченно, точно, стройно²⁾); имъ приходилось думать поэтому не столько о наилучшемъ, сколько о пріят-

1) Crito 48 A: οὐκ ἄρα πάντο ἡμῖν οὕτω φροντιστέον, τί ἐροῦσιν οἱ πολλοὶ ἡμᾶς, ἀλλ' ὅτι ὁ ἐπαίων περὶ τῶν δικαίων καὶ ἀδίκων, ὁ εἰς καὶ αὐτῇ ἡ ἀλήθεια. Lach. 184 D sqq. Hipp. maj. 299 A sq. Cr. Apol. 23 A sqq. Gorg. 471 E sqq. Resp. 527 D sqq.

2) Resp. 494 A: αὐτὸ τὸ καλόν, ἀλλὰ μὴ τὰ πολλὰ καλὰ, ἢ αὐτὸ τι ἕκαστον καὶ μὴ τὰ πολλὰ ἕκαστα, ἐσθ' ὅπως πλῆθος ἀνέξεται ἢ ἡγήσεται εἶναι; "Ἡκιστα γ', εἴφη. Φιλόσοφον μὲν ἄρα, ἦν δ' ἐγώ, πλῆθος ἀδύνατον εἶναι. Ἀδύνατον. Καὶ τοὺς φιλοσοφοῦντας ἄρα ἀνάγκη ψέγασθαι ὑπ' αὐτῶν. Ἀνάγκη. Καὶ ὑπὸ τούτων δὴ τῶν ἰδιωτῶν, ὅσοι προσμιλοῦντες ὄχλῳ ἀρέσκων αὐτῶ ἐπιθυροῦσιν. Δῆλον. Cr. 489 C sqq. 527 D sq. Tim. 51 E.—Касается, конечно, красно-рѣчія (и вмѣстѣ—мегіоты мусикѣς, т. е. философіи) и то, что говорится объ отношеніи толпы къ (δημώδης) мусикѣ въ „Законахъ“, 700 A sqq.: было время, когда толпа не смѣла выкрикивать и выхлопывать свои приговоры надъ исполнявшимися передъ нею музыкальными произведеніями,—въ молчаніи, не перебивая, выслушивала она то, что преподносилось ей съ одобренія τῶν γεγονότων περὶ παιδείαν; съ теченіемъ времени рушился порядокъ, и виновниками его разрушенія—τῆς ἀμουσίου παρανομίας—были поэты, правда φύσει ποιητικοί, но ἀγνώμονες περὶ τὸ δίκαιον τῆς Μούσης καὶ τὸ νόμιμον, βακχεύοντες καὶ μάλλον τοῦ θεόντος κατεχόμενοι ὑφ' ἡδονῆς,—по неразумію клеветавшіе на мусикѣ, будто ей совершенно чужда ὀρθότης, будто достоинство ея правилыне всего (ὀρθότατα) опредѣляется удовольствіемъ того, кто ею наслаждается, каковъ бы онъ ни былъ—εἴτε βελτίων εἴτε χείρων: такъ внуше:а была толпѣ παρανομία εἰς τὴν μουσικὴν καὶ τὸλμα,—будто толпа способна тутъ быть судьей. Съ тѣхъ поръ и τὰ θεάτρα ἐξ ἀφῶνων сдѣлались φωνήεντα,—ὡς ἐπαίοντα ἐν μουσικῇ τὸ τε καλόν καὶ μὴ,—и вмѣсто ἀριστοκρατίας установилась здѣсь театроκρατία τις πονηρά; не было бы еще такъ печально, если бы то была только δημοκρατία τις ἐλευθέρων ἀνδρῶν,—нѣтъ, тепер: ἤρξε μὲν ἡμῖν ἐκ μουσικῆς ἢ πάντων εἰς πάντα σοφίας δόξα καὶ παρανομία, ξυνεφέσπετο δὲ ἐλευθερία: ἀφοβοὶ γὰρ ἐγένοντο ὡς εἰδότες, ἢ δὲ ἄδεια ἀναίσχυριαν ἐνέτεχε... Этими мыслями (т. е. образами или выраженіями) платоновыхъ „Законовъ“ (поучительно сравнить это мѣсто „Законовъ“ съ Gorg. Palm. 33 sq. гдѣ противопоставляются χρήσιμα—ἐν ὄχλῳ μὲν οὖσης τῆς κρίσεως καὶ παρὰ δ' ὁμῖν τοῖς πρώτοις οὖσα τῶν Ἑλλήνων) пользуются, конечно, и Діонисій галикарнасскій (de rhet. ant. 1), и другіе писатели (ср. сопоставленія у Norden A. K., 355 ff.), рисующіе упадокъ, извращеніе краснорѣчія, въ частности его „асійскій характеръ“ (особенно—Ἔθλος μελῶν καὶ δημοτικὴν φλοαρίαν); также пригодилась потомъ, повидимому (ср. Luc. de part. 27. Cic. de or. III 57), въ спорѣ философіи и риторики и ссылка Платона, Resp. 500 B, какъ на виновниковъ того, что οἱ πολλοὶ такъ χαλεπῶς распознаются къ философіи,—на мнимыхъ „философовъ“,—τοὺς ἐξῴθεν οὐ προσήκον ἐπεισεκχωμαχότας, λοιδορούμενους τε αὐτοῖς καὶ φιλαπεχθνήμονως ἔχοντας καὶ αἰεὶ περὶ ἀνθρώπων τοὺς λόγους ποιούμενους, ἥκιστα φιλοσοφία πρέπον ποιούντας (ср. Isocr. XV 84. 268. X 1 sqq.).—Для послѣдующаго времени ср. Philod. II 3 sqq. (гдѣ возраженія направлены, м. пр., еще противъ Навсифана, ср. Arnut, Dio v. Pr., Epict. diss. III 23, особенно же плутархово περὶ τοῦ ἀκούειν.—Ср. также Apol. 24 E sqq. Crito 47 A sqq. Prot. 322 C sqq. Gorg. 455 B sqq.—Аристотель, pol. 1281 b, ограничиваетъ сужденіе Платона: διὸ καὶ κρίνουσιν ἄμεινον οἱ πολλοὶ καὶ τὰ τῆς μουσικῆς ἔργα καὶ τὰ τῶν ποιητῶν; но ср. rhet. 1395 b (со смысломъ на „поэтовъ“,—Eur. Hipp. 989 sq., также Aristoph. Equ. 191).

номъ¹⁾. Вмѣстѣ того, чтобъ быть оберегающими здоровье душъ врачами, они оказывались поварами подлаживавшимися подъ вкусы и причуды этихъ душъ²⁾, если не продавцами, развозившими по городамъ съѣстные для души припасы, расхваливавшими, конечно, всѣ свои товары, не зная и не различая, что изъ продаваемаго ими могло быть для души полезно, что вредно³⁾. Цѣлью ихъ стремленій становилось не то, что истинно-прекрасно, какимъ бы ни казалось оно, а то, что можетъ людямъ показаться прекраснымъ, какимъ бы ни было оно на самомъ дѣлѣ⁴⁾,—и не на сущность, а на внѣшность рѣчи прежде всего и направлялись ихъ заботы. Такъ центръ тяжести переносился съ содержания на форму рѣчи,—сила слова отгѣсняла, замѣняла собою силу мысли, силу знанія: вѣдь ораторъ вовсе не хотѣлъ быть знающимъ, онъ хотѣлъ только казаться больше, лучше знающимъ, чѣмъ знающіе⁵⁾. Не ища себѣ опоры въ силѣ знаній, сила слова еще меньше могла искать себѣ опоры въ силѣ природныхъ дарованій: вѣдь эту силу слова могли считать лишь дѣломъ навыка или сноровки, усвояемой черезъ посредство упражненія и выучки⁶⁾. Такъ «ремесленники» слова, не довольствуясь

1) τοῦ ἡδέος στοχάζεται ἀνω τοῦ βελτίστου, Gorg. 465 A. Ср. 500 A sqq. Resp. 498 A sqq. Soph. 222 E. 234 C sqq. Menex. 234 C sqq.—Ср. Philod. II 180 sqq.

2) Gorg. 462 D sqq., гдѣ ἡ ῥητορικὴ—какъ κολακευτικὴ (αἰσθημένη, οὐ γνωστα λέγεται ἀλλὰ στοχασμένη!)—сравнивается съ ἡ ὀφιοκικὴ, которая ὑπὸ τὴν ἰατρικὴν (не только излѣчивающую, но и предупреждающую болѣзни) ὑποδέσκει, καὶ προσκοιτεῖται τὰ βέλτιστα αἰτία τῷ σώματι εἶδέναι, тогда какъ она только τῷ αἰεῖ ἡδέιστε θηρεύεται τὴν ἀνοίαν καὶ ἐξάπατᾷ. Ср. 500 B sqq. Phaedr. 270 B. Theaet. 166 D sqq.

3) Prot. 313 C sqq. 326 B. Soph. 223 C sqq. Gorg. 504 E. Hipp. maj. 283 B.—Ср. Max. Tug. diss. 33, 8: ἀγορὰ πρόκειται ἀρετῆς, ὧνιον τὸ πρᾶγμα.

4) Ср. Phaedr. 259 E. 273 D sqq. Leg. 654 B sqq.

5) Gorg. 456 B sqq. 484 C sqq. Soph. 232 A sqq. Meno 70 B sq. Hipp. min. 363 C sq. Phaedr. 91 B. Resp. 535 D sq.

6) Въ „Горгіи“ (462 B sqq.), въ „Фэдрѣ“ (260 E sqq.) и въ „Государствѣ“ (492 E sqq.) Платонъ опредѣляетъ „такъ называемую ῥητορικὴν (τέχνην)“, какъ ἐμπειρία и τριβὴ,—не какъ τέχνη,—потому что смѣшною τέχνη, ἀτεχνος τέχνη (т. е. ἀτεχνος τριβὴ) представляется ему „λόγων τέχνη“, если она не выражаетъ собою истину, а гоняется только за δόξαι,—если она выражаетъ собою не то, что ораторы βούλονται, а ἃ δοκεῖ αὐτοῖς (если она—можно прибавить по Phil. 56 B—не преслѣдуетъ ἀκρίβειαν, что сдѣлало бы ее τεχνικωτέραν). Всѣ φαντάσματα, σφίσματα, τεχνήματα (Phaedr. 269 A, ср.—ἃ τεχνικά πάντες προσγορεῖσθαι, Leg. 8:9 A) риторики не имѣютъ никакой устойчивости (ср. Phil. 55 E sqq.: если бы выдѣлить изъ всѣхъ τεχνῶν ἀριθμητικὴν καὶ μετρητικὴν καὶ στατικὴν,—τὸ καταλειπόμενον ἐκάστης не имѣло бы большой цѣны: оставалось бы εἰκάζειν и τὰ αἰσθητικὰ καταμελετᾶν ἐμπειρίαν καὶ τινὴ τριβὴν, пользуясь ταῖς τῆς στοχαστικῆς δυνάμει, каковыя δυνάμεις, если онѣ приобрѣтаютъ τὴν ῥώμην, обыкновенно получаютъ названіе τέχνηαι; такова, напр., музыка—слаживающая τὸ εὐμφωνον не μέτρον, а μελέτης στοχασμῶν, или

судомъ или полеткой, — думая, какъ всѣ ремесленники, что они мудры во всемъ, если искусны въ ремеслѣ своемъ, — посягали и на филосо-

φαιλική—стремящаяся τῷ στοχάζεσθαι: получить τὸ μέτρον ἐκάστης χορδῆς φερμένης, — такъ что здѣсь соединяются πᾶσι τὸ μη σαφές и ἀκριβὸν τὸ βέβαιον; ср. Prot. 356 B sqq.); тѣмъ болѣе ничтожны эти μηχαναί (ср. Leg. 908 D) въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ дать φύσις καὶ τύχη или θεία εὐτυχία, — будетъ-ли то случайно низшедшая на оратора *μανία*, будетъ ли онъ вѣщать φύσις τινὶ καὶ ἐνθουσιάζων (Apol. 22 C, или θεῖος τε ὢν καὶ ἐνθουσιάζων, Meno 99 D), будетъ ли онъ φύσις ἰκανός, θεία μοῖρα γεννηθείς (Leg. 875 C), т. е. ἀνευ ἀνάγκης αὐτοφύως θεία μοῖρα ἀληθῶς καὶ οὐ τι πλαστῶς ἀγαθός (Leg. 642 D). Ср. также Prot. 327 C. Resp. 401 C. 535 C, и Conv. 209 A sqq., гдѣ какъ ἐγκύριον κατὰ τὴν φύσιν и θεῖος ὄντες являются οἱ ποιηταὶ γεννήτορες и изъ τῶν δημιουργῶν т. наз. εὐρετικοί, а также такіе законодатели (γενήσαντες νόμους и παντῶν ἀρετῶν), какъ Ликургъ или Солонъ (здѣсь, повидимому, имѣется въ виду и—обычное у Платона—представление о οἱ παλαιοί, какъ о κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες, ср. Phil. 16 C. Phaedr. 235 C. 244 B sqq. Polit. 271 B. Leg. 713 A sqq.). Итакъ по Платону и τέχνη, а тѣмъ болѣе ἐμπειρία и τριβή ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить, т. е. упразднить собою φύσιν или τύχην (ср. [Anaxim.] rhet. 2: τὴν τῶν θεῶν εὐνοίαν, ἣν εὐτυχίαν προσαγορεύομεν)—и въ краснорѣчии (ср. Aristid. rhet. II 22 D.). Конечно, ῥήτωρ ἐλλόγιμος получилъ бы, если бы кому было суждено φύσις ῥητορικῆ εἶναι, и если бы онъ придалъ къ этой своей φύσις ἐπιστήμην τε καὶ μελέτην (Phaedr. 269 D); но—поскольку онъ искалъ бы не той τέχνης или ἐπιστήμης, которая была бы μεγίστη καὶ ἀρίστη καὶ πλείστα ὠφελοῦσα, а той, которая το σαφές καὶ τὰ κριβεῖς καὶ τὸ ἀληθέστατον ἐπισκοπεῖ, κἂν εἰ μικρὰ καὶ μικρὰ ὀνιῶσα (Phil. 58 C),—онъ сталъ бы не риторомъ, а диалектикомъ, философomъ (ср. Phaedr. 269 C. sqq. 277 E sqq.).—Эти платоновыя требованія отъ идеальнаго оратора (ср. Gergke *Hermes*, XXXII 366 ff. *Natorp*. *Platos Ideenl.*, 52 ff.) Исократъ (διανοία котораго, какъ писалъ Платонъ въ „Фѣдрѣ“, 279 A, не была чужда отъ природы φιλοσοφία) охотно примѣнялъ къ оратору вообще: αἱ δυνάμεις τῶν λόγων—такъ выражался онъ (XIII 14 sqq. XV 187)—τοῖς εὐφροῖσι ἐγγίγονται καὶ τοῖς περὶ τὰς ἐμπειρίας γεγυμνασμένοις παιδεύσις же сдѣлаетъ ихъ τεχνικωτέρους καὶ πρὸς τὸ ζητεῖν εὐπωρότεροις; тѣмъ менѣе, конечно, безразличной представлялась φύσις оратора (чтобы λέγειν ἐκ τοῦ παρατυχία) Алкидаманту, π. соф. 3. Иначе ставится вопросъ въ „Риторикѣ“ Аристотеля. Только вскозь и совершенно случайно упоминается у него—при перечисленіи благъ жизни—εὐφροῖα, вмѣстѣ съ μνήμη, εὐμάθεια, ἀγχίνοια и наряду съ δυνάμεις τοῦ λέγειν, τοῦ πράττειν (1362 b); еще болѣе случайно упоминаніе о φύσις и τύχη—1369 a sq.); также вскозь, когда рѣчь идетъ (въ III кн., 1408 b) о τὰ ὀνόματα τὰ διπλᾶ (ср. διπλασιολογίαν Пола, Phaedr. 267 C) καὶ τὰ ἐπιθετα πλείω καὶ τὰ ζῆνα въ патетической лѣкс, упоминается, что ораторы φθᾶγγονται τὰ τοιαῦτα ἐνθουσιάζοντες (заставляя ἐνθουσιάζειν и слуша-телей),—почему такія выраженія приличны и поэзіи,—ἐνθεον γὰρ ἡ ποιησις (въ Поэтикѣ дѣлается, при случаѣ, различіе между творчествомъ διὰ φύσιν и διὰ τέχνην, 1451 a, ср. 1448 b. 1459 a, и проскальзываетъ, 1455 a, замѣчаніе, что εὐφροῦς ἡ ποιητικὴ ἐστὶν ἡ μανικὴ· τούτων γὰρ οἱ μὲν εὐπλάστοι οἱ δὲ ἐξεταστικοί εἰσιν). Не замѣняя риторику диалектикой, а ставя ее рядомъ съ диалектикой, Аристотель полагалъ, что еѣ, какъ и диалектикѣ, причастны такъ или иначе всѣ люди, только одни пользуются ею εἰκῆ, ἀπὸ αὐτομάτου, а другіе—διὰ συνθέσαν ἀπο ἕξεως; такъ риторика становилась не столько дѣломъ οὐ φύσεως ἀπασης, сколько предметомъ οὐ παιδείας τις τεχνοῦσης. Естественно, что и послѣдующія руководства риторики (опредѣлявшія ее иногда какъ τέχνη περὶ λόγου

фию, или на науку,—съ ихъ душой, изуродованной такъ же, какъ уродуется тѣло отъ тяжелой ремесленной работы¹⁾.

δύναμιν, обыкновенно же какъ τέχνη, τεχνική δύναμις, а то и какъ ἐπιστήμη) вообще склонны были выдвигать въ краснорѣчии—по терминологии платонова Протагора, 323 С sqq.—ἐπιμέλειαν, ἀσκήσιν, διδασχὴν (μαλέτην) на счетъ φύσεως (или ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου), а тѣмъ болѣе на счетъ εὐροίας (на свѣды опредѣленій риторикѣ прямо какъ ἱσχυίς; указываетъ Spengel, *Rh. Mus.* XVIII 488). Отношенія между φύσις и ἐπιμέλεια въ краснорѣчии нервѣдо, конечно, затрогивались и дальнѣйшею полемикой философѣи съ риторикѣи,—особенно поскольку полемика эта концентрировалась на вопросѣ: εἰ τέχνη ἢ ρητορικὴ. Между прочимъ, въ осужденіе и отрицаніе не только наличной риторикѣи, но и риторикѣи вообще философѣи ссылалась на то, что и въ глубокой древности (у Гомера), и впоследствии (напр., Демадѣ) существовали славные ораторы не обучавшіеся риторикѣ (Philod. II 67 sqq. Sext. adv. rh. 16 sq. Quint. II 17); специально же осуждалась искусственность, аффектированность, фигурность, манерность риторическаго стиля,—тогда какъ φύσις ἐστὶν ἡ κατὰ φύσιν λόγος, τέχνη δὲ οὐδὲμία (Usener, *Eriscur.*, 114): если бы еще—пишетъ Филодемъ (I 151)—совершенно отсутствовалъ φυσικῶς καλὸς λόγος, можетъ быть и пришлось бы ἀγαπᾶν τον κατὰ θέμα, νὺν δ' ὑπάρχοντος ἀθλίον το παρὲν τας αὐτὸν ἐπ' ἐκείνον καταπᾶν, и дальше (183): τοῦ σοφιστοῦ διηκριβωμένως ἐστὶ καλον τῆ φύσει γ' οὐδὲν κατασκευασμα (ср. Kadermacher, *Rh. Mus.*, LIV 362 ff.).—Ср. Hermog. de id. 286 Sp.: ἡ γὰρ τοι μίμησις καὶ ὁ ἔηλος (ὁ πρὸς τοὺς ἀρχαίους) μετὰ μὲν ἐμπειρίας ψιλῆς καὶ τινος ἀλόγου τριβῆς γινόμενος οὐκ ἂν οἶμαι δύνατο τυχεῖναι τοῦ ὀρθοῦ, κἂν πάνυ τις ἐχῆ φύσεως εὖ τούναντιον γὰρ ἴσως ἂν αὐτὸν καὶ σφάλλοι μάλλον τὰ τῆς φύσεως πλεονεκτήματα χωρὶς τεχνῆς τινὸς ἀλόγως ἄττοντα πρὸς ὃ τι καὶ τύχοι.

¹⁾ Ср. Resp. 495 С sqq.: тѣ, оіс малѣста προσήκει, покинули философѣи, и на ихъ мѣсто пришли другіе, недостойные,—опозорившіе философѣи, какъ сироту оставшуюся безъ защиты. Ἐτι ἀνθρώπινοι, видя что опустѣла, обезлюдѣла страна, цоцная красивыхъ ὀνομάτων καὶ προσημάτων, съ торжествомъ уβῆγαющихъ ἐκ τῶν εἰρημῶν εἰς τὰ ἱερά, врываються ἐκ τῶν τεχνῶν εἰς τὴν φιλοσοφίαν,—тѣ изъ нихъ, что оказались болѣе ловкими въ своемъ τεχνίον; вѣдъ философѣи все-таки считается еще выше, почетнѣе другіхъ τέχνας; оттого и стремятся къ ней многіе, и ἀταλείς τας φύσεις, и ὅπο τῶν τεχνῶν καὶ δημιουργιῶν, ὡσπερ τὰ σῶματα λελοῦρηται, οὕτω καὶ τας ψυχὰς ζυχακλασμένοι τε καὶ ἀποτεθρευμένοι διὰ τας βαναυσίας; когда глядишь на нихъ, рисуется въ воображеніи маленький лысый кузнецъ, который наработавъ денегъ и выкудившись изъ цѣпей (рабства), вымывшись въ банѣ, купивъ новенькій иматій, приварядившись какъ женихъ, собирается жениться на дочери разорившагося, всѣми покинутаго господина. И дѣти будутъ у нихъ, конечно, νόθα καὶ φαῦλα. Такъ и непризванные (ἀναξιοί) учителя—какія породятъ они διανοήματα τε καὶ δόξας? ἀρ' οὐχ ὡς ἀληθῶς προσηκοντα ἀκοῦσαι σοφισματα, καὶ οὐδὲν γνήσιον οὐδὲ φρονήσεως ἀληθινῆς ἐχόμενον. Возможно (ср. Theaet. 172 С sqq. и выше стр. 87, пр. 2), что подѣ „дѣлающими вылазку или экскурсію (ἐκπηδῶσι) изъ τεχνῶν въ φιλοσοφίαν“ разумѣются здѣсь (какъ и 535 А sqq.) вообще софисты, т. е. риторы, отъ судебныхъ рѣчей (съ ихъ уже выработавшейся техникой) переходящіе къ рѣчамъ или лекціямъ философскаго содержанія; но возможно также, что специально здѣсь имѣется въ виду Антисѣенъ, бывшій риторомъ или софистомъ раньше чѣмъ сдѣлаться ученикомъ Сократа, но и послѣ того не разставшійся съ риторикѣи, или Аристиппъ, также соединившій въ себѣ софиста и сократовца (о нихъ ср. *Arnim*, Dio v. Pr., 25 ff., объ Антисѣенѣ—также *Johl*, *Sokr.*, II 631 ff.; въ

Приблизительно такой кругъ мыслей или представлений опредѣлялъ собою отношеніе Платона къ краснорѣчію¹⁾, и изъ этого же круга мыслей и послѣ постоянно исходила философія въ своей борьбѣ съ рито-

указанномъ отношеніи Антисеенъ или Аристиппъ могутъ быть сближаемы съ Діономъ Златоустомъ, Лукіаномъ, Максимомъ тирскимъ) — Ср. Apol. 22 C sqq., гдѣ Сократъ говоритъ, что и поэты, и хорошіе ремесленники грѣшатъ въ одномъ и томъ же: одни διὰ τὴν ποιησάν, другіе διὰ τὴν τέχνην καλῶς ἐργάζεσθαι—считаютъ себя и во всемъ прочемъ (и даже въ самомъ важномъ) мудрѣйшими изъ людей (такъ что Сократъ спрашивалъ себя, что лучше для него—оставаться-ли ему такимъ, каковъ онъ есть, или быть мудрымъ ихъ мудростію и невѣжественнымъ ἀμαθῆς—ихъ невѣжествомъ). Ср. Alc. I, 131 A sq.

¹⁾ Ср.—нуждающійся въ пересмотрѣ на основаніи новѣйшей специальной литературы о Платонѣ—анализъ касающихся риторики текстовъ Платона—въ работѣ Novák'a, Platon u. die Rhetorik, *Jahrb. f. cl. Ph.*, XIII. S.-B., 441 ff.—Правда, Платонъ доходил до отрицанія риторики только въ теоріи, не на практикѣ (и возможно, напр., что и темой діалога „Горгій“ было собственно не осужденіе риторики, а установленіе τρέπον ἀρίστον τοῦ βίου, 527 E,—δέντινα χρῆ τρέπον ζῆν, 500 C,—ср. Rohde, Ps. II° 291°; иначе—Natorp, Platos Ideenlehre, 52); но во всякомъ случаѣ—и въ „Фѣдрѣ“ (относительно хронологіи этого діалога быть-можетъ Наторпъ не болѣе правъ, нежели Immisch, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, III 549 ff.) Платонъ выступаетъ теоретическимъ врагомъ риторики—потому уже, что выступаетъ теоретическимъ врагомъ всякаго вообще λόγου, ἐν μέτρῳ или ἀνευ μέτρου, написаннаго или произнесеннаго, поскольку онъ пишется или произносится ἀνευ ἀνακρίσεως καὶ διδασχῆς, только παιδοῦς ἔνεκα, а не впечатлѣвается, не διδάσκαται, не пишется τῷ ὄντι ἐν ψυχῇ (κατ' ἀξίαν)—конечно περὶ δικαίων τε καὶ καλῶν καὶ ἀγαθῶν (277 E sq.),—потому, что единственно достойнымъ (ἀξίον ἐπουδῆς) содержаніемъ λόγου или λόγωνъ онъ считаетъ φιλοσοφίαν, а единственно достойной формою (истинною τέχνην ῥητορικῆν)—диалектику (ср. Natorp, l. l. 52 ff., и *Hermes*, XXXV 402 ff.).—Вообще уступки, какія дѣлалъ Платонъ краснорѣчію—и въ его, и въ своей практикѣ,—аналогичны тѣмъ уступкамъ, какія онъ дѣлалъ—также отрицаемой имъ въ теоріи—поэзіи (Finsler, Platon u. d. arist. Poetik, 217 ff.); главнымъ образомъ уступки эти выражаются, какется, не въ томъ, что діалоги Платона часто переходятъ въ монологи, въ рѣчи Сократа (хотя бы и произнесенныя παιδιᾶς χάριν—ср. Phaedr. 278 B, Menex. 236 C и Resp. 396 C sqq.,—или μετ' εἰρωνείας, какъ выражается риторика Аристотеля, 1408 b) и его собесѣдниковъ (въ „Симпосіонѣ“ художественно представлена даже цѣлая коллекція рѣчей отличающихся одинъ отъ другого по характеру своего краснорѣчія ораторовъ), не въ умѣннѣи Платона вообще „εὐγγραφικῶς λέγειν“ (Phaed. 102 D, ср. Norden, A. K. 104 ff.) и даже не въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ даетъ—или давалъ—оратору въ „Фѣдрѣ“ (потому что совѣты эти, въ концѣ концовъ, клонятся не столько къ тому, чтобы установить τέχνην ῥητορικῆν на новыхъ основаніяхъ, сколько къ тому, чтобы смѣнить риторику диалектикою), а въ допущеніи судебного и вообще политическаго краснорѣчія—по крайней мѣрѣ въ томъ государствѣ, гдѣ господствуетъ, по необходимости, не ἐπιστήμη, но и не (ψευδῆς) δόξα, а δόξα ἀληθῆς; гдѣ властвуютъ не φιλόσοφοι, но и не σοφισταί, или ῥήτορες (ср. Gorg. 465 C. 520 A sq. Soph. 253 D. 268 B. Polit. 304 D), а πολιτικοί (ср. Phaedr. 248 D sq.),—особенно же въ распространеніи даруемой отъ боговъ μανίας и на ораторовъ (ср. выше стр. 79, прим.).

рикой¹⁾. Борьба, какую философія вела съ риторикой, однако не была

¹⁾ Исторія борьбы еллинской философіи съ риторикой лучше всего—хотя и не достаточно, конечно, обстоятельно и не достаточно отчетливо (т. е. излишне прямолинейно)—изложена у *v. Arnim*, *Dio v. Pr.* 4 ff. (до времени Діона) и 126 ff. 149 ff. 236 ff. (о времени Діона и о роли его самого въ этой борьбѣ); драгоценнѣйшимъ—и далеко еще не исчерпаннымъ—источникомъ для исторіи этой борьбы въ IV—I в. до Р. X., проливающимъ свѣтъ и на дальнѣйшую полемическую литературу въ этой области (напр., на книгу Секста Эмпирика *πρὸς ῥήτορας*) являются *rhetorica* Филодема; главнѣйшіе источники послѣдующей исторіи этой борьбы названы у *Rohde*, *Gr. R.* 345 f. и *Norden*, *A. K.*, 250 f. Въ борьбѣ этой вообще причудливо переплетались—не разграничиваясь и потому сливаясь—практическіе и теоретическіе мотивы и аргументы, при чемъ мотивы ея были больше практическими, нежели теоретическими, а аргументы—больше теоретическими, нежели практическими; по части логики своей борьба эта была нерѣдко столько же беззаботна въ основаніи, сколько заботлива на поверхности; часто съ полнымъ правомъ могла она относить къ себѣ слова Аристотеля: τὸ συμβαῖνον ἐπὶ τῶν ὀνομάτων καὶ ἐπὶ τῶν πραγμάτων ἡγοῦμεθα συμβαῖναι; въ значительной мѣрѣ таково было, напр., содержание поднятаго въ полов. II в. до Р. X. (особенно Критолаемъ) спора εἰ τεύχη ἢ ρητορικὴ (см. *Sudhaus-Radermacher*, *Philod. v. rh.*, *Suppl.*, p. VIII sqq.; ср. также различное пониманіе и примѣненіе терминовъ *φιλόσοφος*, *πολιτικός* или *σοφιστής*. см. *Brandstaetter*, *De notionum πολ. et σοφ. usu rhet.*, *Leipzig. Stud.* XV, 139 ff., *Tiele*, *Hermag.*, 33 ff., *Loell*, *Sokr.*, II 630 ff.). Полемика философіи съ риторикой исходила то изъ теоретическаго признанія преимуществъ діалога надъ монологомъ, или τὸ διαλεκτικῶς ποιεῖσθαι τοὺς λόγους надъ τὸ ἐριστικῶς п. т. л., то—преимущество λόγου φυσικῶς καλοῦ надъ λόγος τεχνηματισμένους, то—преимущество βίου θεωρητικοῦ надъ βίος πρακτικός, и направлялась то противъ риторики какъ только формальнаго искусства слова, то противъ только софистики, то противъ только практической (т. е. политической, особенно судѣбной) риторики; едва-ли не самую важную роль въ этой полемикѣ игралъ, въ концѣ концовъ, споръ между философіей и риторикой за—качественное или количественное—преобладаніе въ дѣлѣ образованія у еллиновъ и у еллинизованныхъ или еллинизируемыхъ народовъ, особенно у римлянъ (ср. *Wilamowitz*, *Hermes*, XXXV 16 ff.), причемъ нерѣдко и эта борьба сводилась въ сущности къ борьбѣ отдѣльныхъ „школъ“, или даже отдѣльныхъ представителей отдѣльныхъ „школъ“. Ничто такъ не характерно для всей этой борьбы,—для неустойчивости, условности, относительности ея мотивовъ или аргументовъ,—какъ видное мѣсто, какое принадлежало здѣсь—примиравшей, соединявшей въ себѣ философію и риторику—софистикѣ, при чемъ граница между софистикой и философіей была столько же не опредѣленной и расплывчатой, какъ и граница между софистикой и риторикой (ср. выше стр. 69, прим. 1); оттого и возможны здѣсь были не только такіа *μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρός καὶ πολιτικοῦ*—по выраженію еще Продика (*Euthyd.* 305 C),—какъ Исократъ (объ его „*φιλοσοφία*“ и объ отношеніяхъ ея къ платоновой *φιλοσοφία* ср.—кромя изслѣдованій *Spengel*'я, *Teichmüller*'а, *Duemmler*'а—*Gergke*, *Herm.*, XXXII 359 ff. *Muenschel*, *Rh. M.*, LIV 248 ff. *Natorp*, *Herm.* XXXV 389 ff. *Tiele* *ib.* XXXVI, 253 ff. *Sheehan*, *De fide artis rhetoricae Isocrati tributae*, 1901. *E. Meyer*, *G. d. Alt.* V 330 ff.), или такіа *μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρός καὶ σοφιστοῦ*, какъ Антистенъ, Аристиппъ (ср. выше стр. 91, прим. 1), или Навсифанъ (ср. *Arnim* l. c. 43 ff.), или Діонъ ср. *Hirzel*, *Dialog*, II 84 ff.), Максимъ изъ Тира (ср. *Hobein*, *de Maximo T. quaest. philol. bel.*, 1895), или Лукіанъ (ср. *Hirzel* l. c. II 269 ff. *Helm*, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX 188

Приблизительно такой кругъ мыслей или представлений опредѣлялъ собою отношеніе Платона къ краснорѣчію¹⁾, и изъ этого же круга мыслей и послѣ постоянно исходила философія въ своей борьбѣ съ рито-

указанномъ отношеніи Антисеенъ или Аристиппъ могутъ быть сближаемы съ Діономъ Златоустомъ, Лукіаномъ, Максимомъ тирскимъ) — Ср. Arol. 22 C sqq., гдѣ Сократъ говоритъ, что и поэты, и хорошіе ремесленники грѣшатъ въ одномъ и томъ же: одни διὰ τὴν ποιήσιν, другіе διὰ τὴν τέχνην καλῶς ἐργάζεσθαι—считаютъ себя и во всемъ прочемъ (и даже въ самомъ важномъ) мудрѣйшими изъ людей (такъ что Сократъ спрашивалъ себя, что лучше для него—оставаться-ли ему такимъ, каковъ онъ есть, или быть мудрымъ ихъ мудростію и невѣжественнымъ ἀμαθῆς—ихъ невѣжествомъ). Ср. Alc. I, 131 A sq.

¹⁾ Ср.—нуждающійся въ пересмотрѣ на основаніи новѣйшей спеціальной литературы о Платонѣ—анализъ касающихся риторики текстовъ Платона—въ работѣ Novák'a, Platon u. die Rhetorik, *Jahrb. f. cl. Ph.*, XIII. S.-B., 441 ff.—Правда, Платонъ доходил до отрицанія риторики только въ теоріи, не на практикѣ (и возможно, напр., что и темой діалога „Горгій“ было собственно не осужденіе риторики, а установленіе τρόπου ἀρίστου τοῦ βίου, 527 E,—δὲντινα χρῆ τρέπον ζῆν, 500 C,—ср. Rohde, Ps. II° 291¹; иначе—Natorp, *Platos Ideenlehre*, 52); но во всякомъ случаѣ—и въ „Фэдрѣ“ (относительно хронологіи этого діалога быть-можетъ Наторпъ не болѣе правъ, нежели Immisch, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, III 549 ff.) Платонъ выступаетъ теоретическимъ врагомъ риторики—потому уже, что выступаетъ теоретическимъ врагомъ всякаго вообще λόγου, ἐν μέτρῳ или ἄνευ μέτρου, написаннаго или произнесеннаго, поскольку онъ пишется или произносится ἄνευ ἀνακρίσεως καὶ διδασχῆς, только παιδοῦς ἔνεκα, а не иαπε-чатлѣвается, не διδάσκαται, не пишется τῷ ὄντι ἐν ψυχῇ (κατ' ἀξίαν)—конечно περὶ δικαίων τε καὶ καλῶν καὶ ἀγαθῶν (277 E sq.),—потому, что единственно достойнымъ (ἄξιον ἐπουδῆς) содержаніемъ λόγου или λόγων онъ считаетъ φιλοσοφίαν, а единственно достойной формою (истиною τέχνην ῥητορικῆν)—диалектику (ср. Natorp, l. l. 52 ff., и *Hermes*, XXXV 402 ff.).—Вообще уступки, какія дѣлалъ Платонъ краснорѣчію—и въ его, и въ своей практикѣ,—аналогичны тѣмъ уступкамъ, какія онъ дѣлалъ—также отрицаемой имъ въ теоріи—поззиі (*Finsler*, *Platon u. d. arist. Poetik*, 217 ff.); главнымъ образомъ уступки эти выражаются, кажется, не въ томъ, что діалоги Платона часто переходятъ въ монологи, въ рѣчи Сократа (хотя бы и произнесенныя παιδείας χάριν—ср. *Phaedr.* 278 B, *Menex.* 236 C и *Resp.* 396 C sqq.,—или μετ' εἰρωνείας, какъ выражается риторика Аристотеля, 1408 b) и его собесѣдниковъ (въ „Симпосіонѣ“ художественно представлена даже цѣлая коллекція рѣчей отличающихся одинъ отъ другого по характеру своего краснорѣчія ораторовъ), не въ умѣнїи Платона вообще „εὐγυραφικῶς λέγειν“ (*Phaed.* 102 D, ср. *Norden*, A. K. 104 ff.) и даже не въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ даетъ—или давалъ—оратору въ „Фэдрѣ“ (потому что совѣты эти, въ концѣ концовъ, клонятся не столько къ тому, чтобы установить τέχνην ῥητορικῆν на новыхъ основаніяхъ, сколько къ тому, чтобы смѣнить риторику диалектикой), а въ допущеніи судебного и вообще политическаго краснорѣчія—по крайней мѣрѣ въ томъ государствѣ, гдѣ господствуетъ, по необходимости, не ἐπιστήμη, но и не (ψευδῆς) δόξα, а δόξα ἀληθής, гдѣ властвуютъ не φιλόσοφοι, но и не σοφισταί, или ῥήτορες (ср. *Gorg.* 465 C. 520 A sq. *Soph.* 253 D. 268 B. *Polit.* 304 D), а πολιτικοί (ср. *Phaedr.* 248 D sq.),—особенно же въ распространеніи даруемой отъ боговъ μακίας и на ораторовъ (ср. выше стр. 79, прим.).

ркой¹⁾. Борьба, какую философія вела съ риторикой, однако не была

¹⁾ История борьбы еллинской философіи съ риторикой лучше всего—хотя и не достаточно, конечно, обстоятельно и не достаточно отчетливо (т. е. излишне прямолинейно)—изложена у *v. Armin. Dio v. Rr. 4 ff.* (до времени Діона) и 126 ff. 149 ff. 236 ff. (о времени Діона и о роли его самого въ этой борьбѣ); драгоценнѣйшимъ—и далеко еще не исчерпаннымъ—источникомъ для исторіи этой борьбы въ IV—I в. до Р. X., проливающимъ свѣтъ и на дальнѣйшую полемическую литературу въ этой области (напр., на книгу Секста Эмпірика *πρὸς ῥήτορας*) являются *rhetorica* Филодема; главнѣйшіе источники послѣдующей исторіи этой борьбы названы у *Rohde, Gr. R.² 345 f.* и *Norden, A. K., 250 f.* Въ борьбѣ этой вообще причудливо переплетались—не разграничиваясь и потому сливаясь—практическіе и теоретическіе мотивы и аргументы, при чемъ мотивы ея были больше практическими, нежели теоретическими, а аргументы—больше теоретическими, нежели практическими; по части логики своей борьба эта была нерѣдко столько же беззаботна въ основаніи, сколько заботлива на поверхности; часто съ полнымъ правомъ могла она относить къ себѣ слова Аристотеля: τὸ συμβαῖνον ἐπὶ τῶν ὀνομάτων καὶ ἐπὶ τῶν πραγμάτων ἡ ῥητορική συμβαίνειν; въ значительной мѣрѣ таково было, напр., содержаніе поднятаго въ полов. II в. до Р. X. (особенно Критолаемъ) спора εἰ τέχνη ἢ ῥητορικὴ (см. *Sudhaus-Radermacher, Philod. v. Rh., Suppl., p. VIII sqq.*; ср. также различное пониманіе и примѣненіе терминовъ φιλόσοφος, πολιτικός или σοφιστής. см. *Brandstaetter, De notionum πολ. et σοφ. usu rhet., Leipz. Stud. XV, 139 ff., Tiele, Hermar, 33 ff., Joel, Sokr., II 630 ff.*). Полемика философіи съ риторикой исходила то изъ теоретическаго признанія преимуществъ діалога надъ монологомъ, или τοῦ διαλεκτικοῦ ποιῆσαι τοὺς λόγους надъ τῶ ἐριστικῶς π. т. λ., то—преимуществъ λόγου φυσικῶς καλοῦ надъ λόγος τεχνηματισμένος, то—преимуществъ βίου θεωρητικοῦ надъ βίος πρακτικῶς, и направлялась то противъ риторики какъ только формальнаго искусства слова, то противъ только софистики, то противъ только практической (т. е. политической, особенно судебной) риторики; едва-ли не самую важную роль въ этой полемикѣ игралъ, въ концѣ концовъ, споръ между философіей и риторикой за—качественное или количественное—преобладаніе въ дѣлѣ образованія у еллиновъ и у еллизированныхъ или еллизуемыхъ народовъ, особенно у римлянъ (ср. *Wilamowitz, Hermes, XXXV 16 ff.*), причѣмъ нерѣдко и эта борьба сводилась въ сущности къ борьбѣ отдѣльных „школъ“, или даже отдѣльныхъ представителей отдѣльныхъ „школъ“. Ничто такъ не характеристично для всей этой борьбы,—для неустойчивости, условности, относительности ея мотивовъ или аргументовъ,—какъ видное мѣсто, какое принадлежало здѣсь—примиравшей, соединявшей въ себѣ философію и риторику—софистикѣ, при чемъ граница между софистикой и философіей была столько же не опредѣленной и расплывчатой, какъ и граница между софистикой и риторикой (ср. выше стр. 69, прим. 1); оттого и возможны здѣсь были не только такіа μεθέρια φιλοσόφου τε ἀνδρός καὶ πολιτικοῦ—по выраженію еще Продика (*Enthyd. 305 C*),—какъ Исократъ (объ его „φιλοσοφία“ и объ отношеніяхъ ея къ платоновой φιλοσοφία ср.—кромѣ изслѣдованій *Spengel'a, Teichmüller'a, Duemmler'a—Gercke, Herm., XXXII 359 ff. Muenscher, Rh. M., LIV 248 ff. Natorp, Herm. XXXV 389 ff. Tiele ib. XXXVI, 253 ff. Sheehan, De fide artis rhetoricae Isocrati tributae, 1901. E. Meyer, G. d. Alt. V 330 ff.*), или такіа μεθέρια φιλοσόφου τε ἀνδρός καὶ σοφιστοῦ, какъ Антисөөнь, Аристиппъ (ср. выше стр. 91, прим. 1), или Навсифанъ (ср. *Armin l. c. 43 ff.*), или Діонъ ср. *Hirzel, Dialog, II 84 ff.*), Максимъ изъ Тира (ср. *Hobein, de Maximo T. quaest. philol. bel., 1895*), или Лукіанъ (ср. *Hirzel l. c. II 269 ff. Helm, N. Jahrb. f. d. kl. Alt., IX 188*

ни непрерывной, ни упорной: достаточно припомнить, что Аристотель уже включал риторику в свою систему «философий»¹⁾. Борьба эта была

ff.), выступавшие—когда, или поскольку они перебывали в лагерь „философов“—против риториков-софистов.—Не обследована еще, но кажется, не подлежит сомнению чрезвычайно значительная зависимость от Платона всей последующей полемики между философией и риторикой, как в ее общем содержании (можно даже сказать, что она почти не выходила за пределы вопросов поставленных уже у Платона), так и в ее более-формальных подробностях (ср., напр., постановку таких вопросов, как *εἰ τέχνη ἢ ῥητορικὴ*, или тезисов, *ὅτι πολιτεύεται ὁ σοφός*, *ὅτι μόνος ὁ σοφός ῥήτωρ*, и т. п., или вопроса о *ῥητορικῇ ἀρετῇ*, или хотя-бы—восходящее к „Θεοτετυ“?—отожествление всего эпидейктического красноречия с энкомиастическим, или панегирическим); особенно любопытна в этом отношении полемика против философии, т. е. именно против Платона, ратора Элия Аристида, усиленно пользующагося Платоном не только в отрицательной, но и в положительной части своей аргументации (ср. Baumgart, Ael. Aristides, 20 ff.). О более тесной, чѣм какую предполагают обыкновенно, зависимости от Платона риторики Аристотеля ср. *Arnim*, I. 1., 68 ff.—Для характеристики протеста философии против риторики не лишено значения и то, что протест этот довольно тѣсно примыкал к тому протесту, какой то в рѣзких, то в слабых формах, но всегда встрѣчал красноречие со стороны представителей *common sense'a*.—к протесту, который объяснялся не столько ненавистью или завистью к образованности (*τῆ παιδείας τὸ φθονεῖσθαι ἀκολουθεῖ κακόν*, *Arist. rhet.* 1399a; ср. [Xen.] т. 'Aθ. 1, 5 sqq. *Thuc.* III 37), какую, представляло собою, конечно, и красноречие, сколько тѣмъ, что доля имъ приносимаго вреда нерѣдко слишкомъ уже замѣтно превѣшвала долю имъ приносимой пользы. Философию и *common sense* сближают, напр. свою полемику против риторики Аристофанъ и другіе комики, особенно же Эврипидъ (ср. *Nestle Eurip.*, 45 ff. 206 ff.); ср. также художественное изображение этого типа враговъ риторикко-софистики въ лицѣ Анита въ платоновомъ „Менонѣ“, 90 В sqq. (ср. *Philod.* II 271). Само собою разумѣется, что протест *common sense'a* (вся теорія его сводилась въ сущности къ положенію: *ἀπλὰ γάρ ἐστι τῆς ἀληθείας ἐπιγ.*, *Aesch. fr.* 167. *Eurip.* *Phoen.* 469,—тогда какъ Менонъ ксенофонтова Анабасиса, II, 6, 22, считаетъ *τὸ ἀπλοῦν καὶ ἀληθές* за *τὸ αὐτὸ τῷ ἡλίθιῳ*) былъ еще болѣе беззаботенъ по части логики, т. е. по части различенія моментовъ теоретическихъ и практическихъ; разумѣется, и ему не доступно было различіе между философами, софистами, риториками (ср., напр., данные, собранные у *Athen.* 610 b sqq. 547 b). Съ *common sense'омъ*, представленнымъ, напр., у Аристофана, близко сходилась философія (особенно книжечная) и въ нѣкоторыхъ своихъ—устранявшихъ риторику—собственно-педагогическихъ теоріяхъ (ср. *Joël, Socr.*, II 15 ff. 48 ff. 407 ff., *Бурзи*, III. в. в. древн. Гр., 4 сл., также *Guggenheim, N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX 535 ff.).

¹⁾ Правда, не какъ *ἐπιστήμην* (не какъ одну изъ *σοφίαι*), а только какъ подлежащую наукообразной обработкѣ (*τέχνη; ἔργον*) *δύναμιν*, или *πραγματεῖαν*, *ἀντίστροφον* τῇ *διαλεκτικῇ*, но уже не *χρήσιμον* (какъ та) *πρὸς τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας*, а *χρήσιμον* для того, чтобы *αἱ κρίσεις* (въ дѣлахъ судебныхъ и политическихъ) *κατὰ τὸ πρῶτον γίνωνται*, чтобы *τάληθῆ καὶ τὰ δίκαια* одерживали, какъ то и подобаетъ, верхъ надъ *τὰ ἐναντία*, и для того чтобы *διὰ τῶν κοινῶν ποιῆσθαι τὰς κρίσεις καὶ λόγους* (ибо, если даже и имѣть *ἀκριβεστάτην ἐπιστήμην*, не всѣмъ доступенъ—*τοῖς πολλοῖς* не доступенъ—*ὁ κατὰ τὴν ἐπιστήμην λόγος*), а также и для того, чтобы умѣть разбираться, сознательно относиться

и не достаточно систематичной, или методичной: и осуждая наличную риторику, и отрицая риторику вообще, философия не различала строго теорию от практики—и потому считала лишней всякую заботу о томъ, какъ примирить ихъ между собою, и если практикой гораздо больше, нежели теорией, опредѣлялись мотивы ея полемики, то аргументы ея опредѣлялись теорией гораздо больше, чѣмъ практикой; поэтому она считалась только съ долей вреда, какую несло въ себѣ, несло съ собою краснорѣчіе, но не считалась съ долей имъ приносимой пользы¹⁾. Тѣмъ идеальнымъ цѣлямъ,

къ рѣчамъ, какія приходится слушать (rhet. 1355 a sq.). Ср. *Arnim* I. с. 68 ff.—„Платонъ отрицаетъ этотъ міръ: онъ отрицаетъ и риторику. Аристотель хочетъ сдѣлать науку способною господствовать въ этомъ мірѣ: онъ заставляетъ служить себѣ и риторику“ (Wilamowitz *Hermes* XXXV 16).—Если, конечно, оставить въ сторонѣ собственно логическую сторону аристотелевой теории риторики (о ней ср. теперь *Maior D. Syllogistik d. Aristoteles*, II, 2, 76 ff.), и если шире, нежели *Arnim* (и, повидимому, Филодемъ), понимать навсифанову *φυσιολογίαν*, или *φυσικήν* (ср., во всякомъ случаѣ, *Phaedr.* 269 E sqq. *Apol.* 19 B sqq., также стихи Эпикрата о гимназіяхъ Академіи. II 287 *Kock*),—то едва-ли придется считать (какъ *Arnim*, 72) существеннымъ различіе во взглядахъ на отношенія философіи къ риторикѣ между Навсифаномъ и Аристотелемъ (объ „Аристотелѣ въ сужденіяхъ Эпикура и Филодема“ ср. *Sudhaus, Rh. Mus.*, XLVIII 552 ff.), какъ съ другой стороны нѣсколько тѣснѣе будетъ, кажется, примыкать къ Аристотелю не только практика философскихъ школъ, особенно съ III и еще больше со II стол. но и—открытая Арнимомъ у Цицерона (ср. *Arnim*, 97 ff., также *Kroll, Rh. Mus.*, LVIII 552 ff. и *N. Jahrb.*, XI 681 ff.)—теорія академика Филона,—клонившіяся уже (въ угоду, конечно, измѣнившимся условіямъ и практической, и культурной, и собственно-научной жизни) не только къ признанію равноправности между философіей и риторикой. но и къ ихъ отождествленію, а потомъ и къ подчиненію философіи риторикѣ (въ цѣляхъ „ἐγχευκλίου παιδείας“); ср. *Philod.* I 39. 190 sq. 223. Theo. prog., 70. *Sp. Ruf. rh.* 462 *Sp. Quint.* II 15.

¹⁾ Въ нѣкоторой мѣрѣ продуктомъ того развитія, какое получило у еллиновъ публичное краснорѣчіе, и въ то же время живымъ протестомъ—однимъ изъ видовъ философскаго протеста—противъ того направленія, какое приняло это развитіе, были странствовавшіе—съ III в. до Р. X.—по городамъ и весямъ Еллады одѣтые чуть не въ рубища, длиннобородые, нестриженные и нечесанные проповѣдники, призывавшіе народъ къ жизни въ простотѣ и чистотѣ сердца и помысловъ, къ отреченію отъ земныхъ благъ и суеты, отъ богатства, роскоши, почестей, удовольствій, отъ зрѣлищъ, отъ вражды и войны, отъ политики и суда,—заботившіеся уже не о красотѣ своихъ рѣчей, а о доступности ихъ уму и чувству слушателей, т. е. толпы,—представители т. наз. кинической, или кинико-стоической діатрибы (ср. *Wilamowitz, Antig. v. Kar.*, 292 ff. *Arnim*, 29 ff. 40 ff. 137 f. 255 ff. *Norden*, A. K. 129 ff.). Къ сожалѣнію, эта „діатриба“ обследована (насколько отразилась она въ письменности), и въ своемъ общемъ значеніи, и въ своемъ содержаніи (въ своихъ *τόποι*), и въ своей формѣ (въ своемъ стилѣ), пока далеко недостаточно, и лишь монографически (ср. *Hense, Teletis reliquiae, prol.*, 1889. *Heinze, De Horatio Bionis imitatore*, 1889. *Wendland-Kern, Beiträge z. G. d. gr. Philos. u. R.*, 1895. *Hobein, De Maximo Tyrrio*, 1895. *Weber,*

какія філософія уважывала людямъ, конечно краснорѣчіе не отвѣчало; но оно бывало—значить, могло быть—полезно этимъ цѣлямъ. Несовершенными, конечно, были средства, какими оно располагало; но вѣдь несовершенство—вѣчный удѣлъ всей человѣческой природы, и только ограниченнымъ и относительнымъ могло быть и вообще осуществленіе на этомъ свѣтѣ тѣхъ идеаловъ истины, добра и красоты, которыми въ мѣру силъ своихъ служило и краснорѣчіе¹⁾. Добру и правдѣ-справедливости могло оно служить въ судѣ, на вѣчѣ и въ совѣтѣ, и его правоспособность къ этому служенію могъ отрицать лишь тотъ, кто отрицалъ народное правленіе, народный судъ, или кто отрицалъ вообще всю сферу политическихъ или судебныхъ интересовъ, или кто за частнымъ и случайнымъ не видѣлъ общаго и основнаго, кто не дѣлалъ различія между возможностью и неизбѣжностію злоупотребленій силой слова²⁾. Добру и правдѣ-истинѣ могло служить эпидейктическое краснорѣчіе. Конечно, рѣчи, какія больше-мудрый, и поучая, и поучаясь, ведетъ предъ меньше-мудрымъ,—когда отыщеть душу, способную и воспринять, и дальше передать въ другія души сѣмя, какое въ себѣ содержатъ эти

De Senecae phil. dicendi genere Bioneo, 1895, и другія изслѣдованія названныхъ ученыхъ).

¹⁾ Здѣсь имѣются въ виду понятія, или мысли Платона въ той постановкѣ и въ томъ развитіи, какія имъ придалъ *Windelband*, *Präjudien*³ (1903).—О томъ, какъ больно должны были чувствовать—не только сознавать—неизбѣжность разлада между дѣйствительностью и идеалами едлинны, ср. поучительныя сопоставленія и соображенія у *Burckhardt*, *Gr. Kulturg.*, II 342 ff. О томъ, какъ этотъ разладъ проникаетъ собою и философію Платона, и какъ „Платонъ побѣждаетъ его, какъ величайшій изъ художниковъ“,—прекрасныя замѣчанія у *кн. С. Н. Трубецкого*, *Ученіе о Логосѣ*, 29. Ср. *Сопв.* 202 D. sqq. (μήτε οἱ σοφοὶ μήτε οἱ ἀμαθῆς—μεταξὺ τούτων ἀμφοτέρων). 209 A sqq. *Phileb.* 59 D sqq. *Tim.* 69 C sqq. 29 B sqq. *Phaed.* 85 C sq. 90 D. *Leg.* 682 A. 653 C sqq. (съ комментариемъ *Ritter*, *Platos Gesetze*, *Komm.*, 15 ff.).

²⁾ Болѣе теоретическими изъ этихъ моментовъ (представленными уже у Гераклита) и опредѣлялась обыкновенно полемика философіи противъ политическаго и судебного краснорѣчія, болѣе практическими—полемика τῶν νοῦν κοινόν (τὰς κοινὰς φρένας) ἐχόντων (ср. выше стр. 93, прим. 1); отсюда, конечно, и различіе въ отношеніяхъ къ риторикѣ Платона и Аристотеля и колебанія въ отношеніяхъ къ ней у эпикурейцевъ или стоиковъ.—Для времени Сократа-Платона ср. сопоставленія *Pöhlmann*'а, *Sokrates u. s. Volk*, 15 ff.—Ср. прежде всего *Heracl. fr.* 17 sqq. D., *Plat. Resp.* 485 A sqq. и *Eurip. fr.* 910 ὄλιθος ὄστις τῆς ἱστορίας ἔσχε μάθῃσιν μήτε πολιτῶν ἐπὶ πηλοσύνην μήτ' εἰς ἀδίκου; πράξεισ ὀρμήν).—Любопытно,—какъ развивается Платоновское сравненіе распоряджающагося на вѣчѣ оратора съ человѣкомъ, пришедшимъ на агору (ἐν ἀγορᾷ πληθούσῃ) со спрятанымъ подъ полой кинжаломъ (*Gorg.* 469 D sq.), у *Philod.* II 142. 144, и *Cic. de or.* III 55.

рѣчи¹⁾),—конечно, рѣчи, какія знающій ведетъ предъ знающими,—ведетъ не потому, что знаетъ, а потому, что соревнуеть съ ними о томъ, чтобы узнать и больше, и лучше²⁾), -- конечно, эти рѣчи были неизмѣримо цѣннѣе, чѣмъ та рѣчь, какую, на подобіе рапсода, пронаносили, -- отзывались какъ мѣдный сосудъ, когда въ него ударятъ³⁾),—ораторъ передъ толпой, всегда случайнаго и пестраго состава. Однако не короткія, діалогическія и діалектическія рѣчи, а длинныя, монологическія, риторическія рѣчи были вѣдь наиболѣе удобнымъ средствомъ, чтобы мудрость нести въ толпу⁴⁾)—и улучшать тѣмъ человѣческія отношенія и скрашивать тѣмъ человѣческое существованіе⁵⁾). Такъ краснорѣчіе могло

¹⁾ Plat. Phaedr. 276 A sq. Conv. 209 B sq. Theaet. 150 B sqq.

²⁾ Gorg. 505 E sq. Charm. 166 C sq. Resp. 435 A. 518 E. Prot. 347 E.

³⁾ Phaedr. 277 E. Prot. 329 A sq. Meno 79 E sq.

⁴⁾ „Обыкновенно—говорилось въ одной аттической комедіи 1 полов. IV в. до Р. X. (Апах., II 159 Коск), по адресу ученыхъ, которымъ ἀρχαὶ γυνῶνας μόνον (Хенорф. Мем. I 1, 15),—тому, кто нападетъ на новую мысль, хочется тотчасъ объявить во всеуслышаніе о своемъ открытіи. А эти мудрецы про себя берегутъ свою мудрость, и некому оцѣнить ее (οὐκ ἔχουσι τῆς τέχνης κριτήν),—между собою они только завидуютъ одиѣ другому. Нѣтъ, все, что кто откроетъ новаго, онъ долженъ нести въ толпу (εἰς ὄχλον φέρειν)“.

⁵⁾ Юношески-смѣлыми, но и юношески-свѣжими попытками рѣшенія самыхъ принципиальныхъ вопросовъ не человѣческаго, а міроваго существованія открывается еллинская философія (φιλοσοφία), простымъ собираніемъ отдѣльныхъ наблюдений и замѣчаній открывается еллинская наука (ἱστορίη); одна (какъ Ѡдессъ у Платона, или какъ Сократъ у Аристофана) смотрѣла на небо, другая смотрѣла по сторонамъ или назадъ, ни та, ни другая не хотѣла смотрѣть себѣ подъ ноги,—на то, что было всего ближе. Постепенно ἱστορίη стала захватывать своими наблюдениями и область практической жизни или дѣятельности; заслугу „сведенія философіи съ неба, водворенія ея въ городахъ (государствахъ) и въ домахъ“ любилъ (ср. Cic. Tusc. V 10) приписывать Сократу,—но раньше, чѣмъ Сократъ, и еще больше, чѣмъ Сократъ, надъ этимъ сближеніемъ философіи съ жизнью потрудились его противники—софисты; они же сблизили и философію съ наукой. Человѣкъ мѣра всего, всѣхъ знаній и представленій, онъ—господинъ и мудрости, и мудрость для человѣка; а не человѣкъ для мудрости,—такъ разсуждали они. Философія, или наука можетъ и улучшить, и скрасить человѣческое существованіе и человѣческія отношенія, и нужно заботиться о возможно-большемъ распространеніи знаній между людьми: тогда исчезнутъ—мечталъ (по крайней мѣрѣ у Платона, въ діалогѣ „Протагоръ“, 337 C sq.) Гиппій—тѣ группировки людей, какія, насилуя природу, создаютъ тираннъ-законъ, всѣ люди будутъ тогда и сродниками и согражданами (между собою),—потому что подобное сродно подобному. Естественно, что органомъ такой философіи, такой науки стала публичная рѣчь (какъ естественно, конечно, и то, что, расширяя сферу своего примѣненія, философія, или наука, выигрывая количественно, не могла не проигрывать качественно). Такъ заключенъ былъ (предусмотрѣнный въ сущности еще эпической поэзіей, ср. выше стр. 43 сл., 61, пр. 2) тройственный союзъ философіи, науки и краснорѣчія; вѣчно колеблющійся и въ своемъ

служить добру и истинѣ, и тѣмъ самымъ оно служило и красотѣ; но оно служило красотѣ и потому уже, что дорожило своей формальной стороной, какъ бы часто на дѣлѣ форма ни подавляла здѣсь собою содержаніе, и какъ бы часто естественная красота здѣсь ни подмѣнивалась красотой искусственной, поддѣльной¹⁾. Но гдѣ вообще была граница между содержаніемъ и формой рѣчи? Гдѣ вообще была граница между природой и искусствомъ въ краснорѣчій? И гдѣ была граница между краснорѣчіемъ врожденнымъ и вдохновеннымъ? Гдѣ была граница между краснорѣчіемъ врожденнымъ или вдохновеннымъ и краснорѣчіемъ искусства?²⁾.

Намъ не можетъ быть не понятенъ тотъ протестъ, какой встрѣ-

составъ, и въ своемъ равновѣсіи, нерѣдко даже угрожаемый въ самомъ существованіи своемъ, союзъ этотъ съ тѣхъ поръ уже не могъ быть разрушенъ, какимъ бы испытаніемъ ни подвергался онъ въ своей теоріи или въ своей практикѣ; такъ, если противъ него возсталъ Платонъ, то Аристотель уже пытался возобновить его, на новыхъ, разумѣется, началахъ. Отстранившись опять послѣ Аристотеля отъ философіи, дробясь все больше на отдѣльныя дисциплины, специализуясь все больше, наука снова уходитъ отъ жизни, и, какъ Аристофанъ высмѣивалъ поднимавшихся на нѣсколько аршинъ въ корзинѣ, чтобы изучать небо—и витать въ облакахъ, ступать по воздуху,—„метеорософистовъ“, такъ потомъ смѣются, напр., надъ археологической маніей Тимэя, который, собираясь писать исторію, списывалъ—представленные безчисленнымъ количествомъ однообразныхъ документовъ—постановленія о дарованіи проксеній, или надгробія взявшихъ призы коней или любимыхъ дѣтьми домашнихъ питичекъ (Polyb. XII 11, 2. Diod. XIII §2, 6), или надъ филологами, прячущимися отъ свѣта, какъ жужжащіе въ углахъ сверчки, заботящимися исключительно о *σφιν* или *σφῶνιν*, о *μῖν* или *νῖν* (Athen. 222 a); однако, какъ ни прятались въ своихъ кельяхъ „односложные“ ученые („трусливѣ лани“),—все же и они выступали иногда передъ публикой съ публичными лекціями (или рецитациями) по своей специальности (ср. Rohde Gr. R.³ 328 f. Kl. Schr. II 449 f. *Lehrs Aristarch'* 217 f.),—не говоря уже объ ихъ лекціяхъ въ тѣсномъ кругу учениковъ, или друзей. Философы же, если не всегда въ теоріи, то часто—и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще (ср. *Arnim, Dio*, 80 ff. 92 ff.)—на практикѣ поддерживали связи съ краснорѣчіемъ—обыкновенно болѣе уже тѣсныя, чѣмъ съ наукой. Ср. классификацію современныхъ Діону философовъ—по способамъ сообщенія или распространенія ими своей философіи у Dio XXXII 8 sqq.

¹⁾ Ср. выше, стр. 14 слл.—Philo de cherubim, 105: *ρητορικὴ—τὰς τε ἐν ἑκάστοις δεινότητας ἐξετάζουσα καὶ πᾶσιν τὴν πρόπουσαν ἐρμηνείαν ἐφαρμόζουσα, τὼν ὠσεως καὶ περιπαθήσεως καὶ ἐμπαιβῶν ἀνέσεις καὶ ἡδονὰς μετὰ στωμολίας καὶ τῆς παρὶ γλῶσσαν καὶ τὰ φωνητήρια ὄργανα εὐπραγίας περιποιούσα.*

²⁾ Ср. Democg. fr. 33 (ἡ φύσις καὶ ἡ διδασχὴ παραπλήσιόν ἐστι· καὶ γὰρ ἡ διδασχὴ μεταρρομοὶ τὸν ἄνθρωπον, μεταρρομοῦσα δὲ φυσιοποιεῖ). 59. 119 D.; π. ὕψους, 2. 22 (τότε γὰρ ἡ τέχνη τέλειος, ἢνικ' ἂν φύσις εἶναι δοκῆ, ἢ δ' αὖ φύσις ἐπιτυχῆς, ὅταν λανθάνουσαν περιέχῃ τὴν τέχνην, ср. Cic. de or. III 197). 36. Ср. также сопоставленія и замѣчанія у Nordén, A. K., 8 ff.

чаю еллинское краснорѣчіе со стороны науки, или философіи, какъ и протестъ, съ камнемъ—тѣмъ дальше, впрочемъ, тѣмъ все рѣже—выступали прѣтивъ него претендовавшіе на то, чтобъ представлять собою *common sense*, или *νοῦν κοινόν*. Но намъ должно быть понятно также—почему эти протесты не могли гремѣть, могли только шумѣть¹⁾, и почему они безсильны были—заставить вернуться назадъ, домой, вкупившихъ сладкаго какъ медъ плода лотоса, т. е. краснорѣчія²⁾.

¹⁾ Но и этотъ шумъ все больше переходилъ въ глухой ропотъ: какъ философія все меньше сторонилась отъ риторики, такъ и общество съ ея литературой (не говоря уже о толпѣ) все больше свикалось и съ нею, и съ ея злоупотребленіями (почтительно съ этой точки зрѣнія сравнить, напр., Аристофана съ Герондомъ, съ *παιγμῶν διακινόν*—какъ выражается *Herzog, Kolsche Forsch.*, 213,—его *Πορνοβοσκῶν*).

²⁾ τὸν ὄψτε τις λατοιο φάτοι μεληθεῖα καρπὸν, οὐκίτ' ἀπαγγίλαι πάλιν ἤθελαν οὐδὲ νέεσθαι, ἀλλ' αὐτοῦ βούλοντο μένειν νόστον τε λαθίσθαι, *Od.* IX 94 sqq. (ср. *Plat. Phil.* 15 Dsq.—ο τοῦ διαλέγεσθαι γεωσάμενοι). И можно даже сказать, что еллинское краснорѣчіе, все падая въ своемъ внутреннемъ значеніи (поскольку „искусство“ одерживало здѣсь верхъ надъ „мудростью“, форма надъ содержаніемъ, искусственная красота надъ красотой естественной), все поднималось во внѣшнемъ своемъ значеніи,—расширяя сферу своего примѣненія (позднѣйшія руководства риторики содержать уже въ себѣ, напр., правила для составленія и такихъ λόγοι, какъ *συντακτικός, γαμικός, ἐπιβαλαμικός, κατευναστικός, γενεθλιακός*, [*Men.*], 114 sqq. В. [*Dion.*] *rhet.* 2 sqq.).—Объ упадкѣ еллинскаго краснорѣчія ср. *Norden, A. K.*, 10 f. 126 ff. 240 ff.; о краснорѣчіи времени упадка—*Rohde, Gr. R.*², 310 ff. *Arnim, Dio*, 128 ff. Замѣтимъ кстатѣ, что болѣе полное и тщательное ознаменованіе съ памятниками еллинскаго краснорѣчія и болѣе ъсмотрительное отношеніе къ свидѣтельствамъ о немъ, вѣроятно, заставитъ современнѣе изобразителей его исторіи и въ частности исторіи его упадка нѣсколько меньше сгущать краски,—особенно если они—воспользовавшіеся, между прочимъ, и намеками Нордена (l. l. 8. 150) на аналогіи, представляемыя исторіей греческаго искусства,—не будутъ мѣрять древнимъ еллинамъ нашей, современной мѣрой,—напр., когда дѣло касается отношеній между содержаніемъ и формой. Справедливо замѣчаетъ, по поводу эпидейктическаго краснорѣчія, *Burckhardt, Gr. Kulturg.*, III 341, что „многимъ теперь свойственно достойное смѣха негодование на свободную игру не задающей (опредѣленной) цѣлью умственной и эстетической силы, тогда какъ никто не протестуетъ, если краснорѣчіе—въ политической рѣчи—вліяло на дѣла, или—въ судебной рѣчи—было ремесломъ“. Ср. также *Буассье, Паденіе азычества* (перев. Корелина), 123 сл.—Сильно преувеличенная у *Rohde, Kl. Schr.*, II 17 f., „грубость, вульгарность, гнусность“ полемическихъ выходовъ Эскина или Демосфена не можетъ быть поставлена на счетъ лишь краснорѣчію,—если мы припомнимъ, напр., выходки Аристофана; но тотъ же Аристофанъ яснѣе всего показываетъ намъ, какъ—уже тогда—была эстетически образована, въ Афинахъ, толпа (и воспитывавшаяся краснорѣчіемъ, и вскармливавшая краснорѣчіе): наполняющія комедію (и не одного лишь Аристофана) нападки или намеки на прежнихъ и современныхъ, признанныхъ и не признанныхъ гениевъ литературы (Гомеръ, гомериды, Пиндаръ, Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, не говоря уже о комиксахъ), науки (Сократъ, Диогенъ изъ Аполлоніи), искусства (напр., на музыкантовъ), конечно, должны были расчтены

Такъ, между поэзіей и філософіей, или наукой, заимствуясь отъ нихъ всегда, но сохраняя самостоятельное мѣсто рядомъ съ ними, совершало свою исторію еллинское краснорѣчіе, и новый міръ, возникшій на развалинахъ античнаго, воспринимаетъ античную культуру—ближайшимъ-образомъ представленную и даже пропитанную риторикой¹⁾. Но это краснорѣчіе разрушавшагося античнаго міра и на себѣ несло, конечно, признаки разрушенія. Общій строй жизни, какъ онъ сталъ складываться дальше, слишкомъ мало благопріятствовалъ дальнѣйшему здоровому и всестороннему его развитію²⁾; все меньше оставлялъ онъ и времени, и мѣста для говоренія или для выслушиванія рѣчей; то, что нѣкогда давала устная рѣчь, и даже гораздо больше того, что нѣкогда могла давать рѣчь, стали—съ гораздо большимъ, повидимому, удобствомъ—брать отъ книгъ, особенно же отъ журналовъ и газетъ, принявшихъ на себя, между прочимъ, и обязанности прежнихъ странствовавшихъ пѣвцовъ и ораторовъ—и—кто знаетъ?—быть-можетъ даже вѣщателей и заклинателей...

Но сколько побѣдъ ни было одержано надъ временемъ и надъ пространствомъ³⁾—а одной изъ этихъ побѣдъ было изобрѣтеніе печатанія, а другой—изобрѣтеніе развозящихъ произведенія печати пароходовъ и паровозовъ,—все-же устное слово, хотя и подавленное бумажнымъ, или печатнымъ, однако не раздавлено имъ окончательно: кое-гдѣ оно уцѣлѣло—не только въ мѣстѣ, а и въ силѣ, не въ силу только человѣческаго закона, но и въ силу закона природы.

«Иначе и быть не могло»—говоритъ намъ исторія краснорѣчія у эллиновъ. Эта исторія учитъ насъ, что краснорѣчіе столько же необхо-

вать на публику, не только живо интересующуюся такими вещами, но и кое-что въ нихъ знающую и понимающую.

¹⁾ О вліяніи греческой риторики на христіанское церковное краснорѣчіе см. *Hatch*, *Griech. u. Christ.*, 76 ff. *Norden*, *A. K.* 451 ff. *Wendland N. Jahrb. f. d. kl. Alt.* IX 6 ff. Ср. *Asmus*, *Byz. Zeitschr.* IX 85 ff.

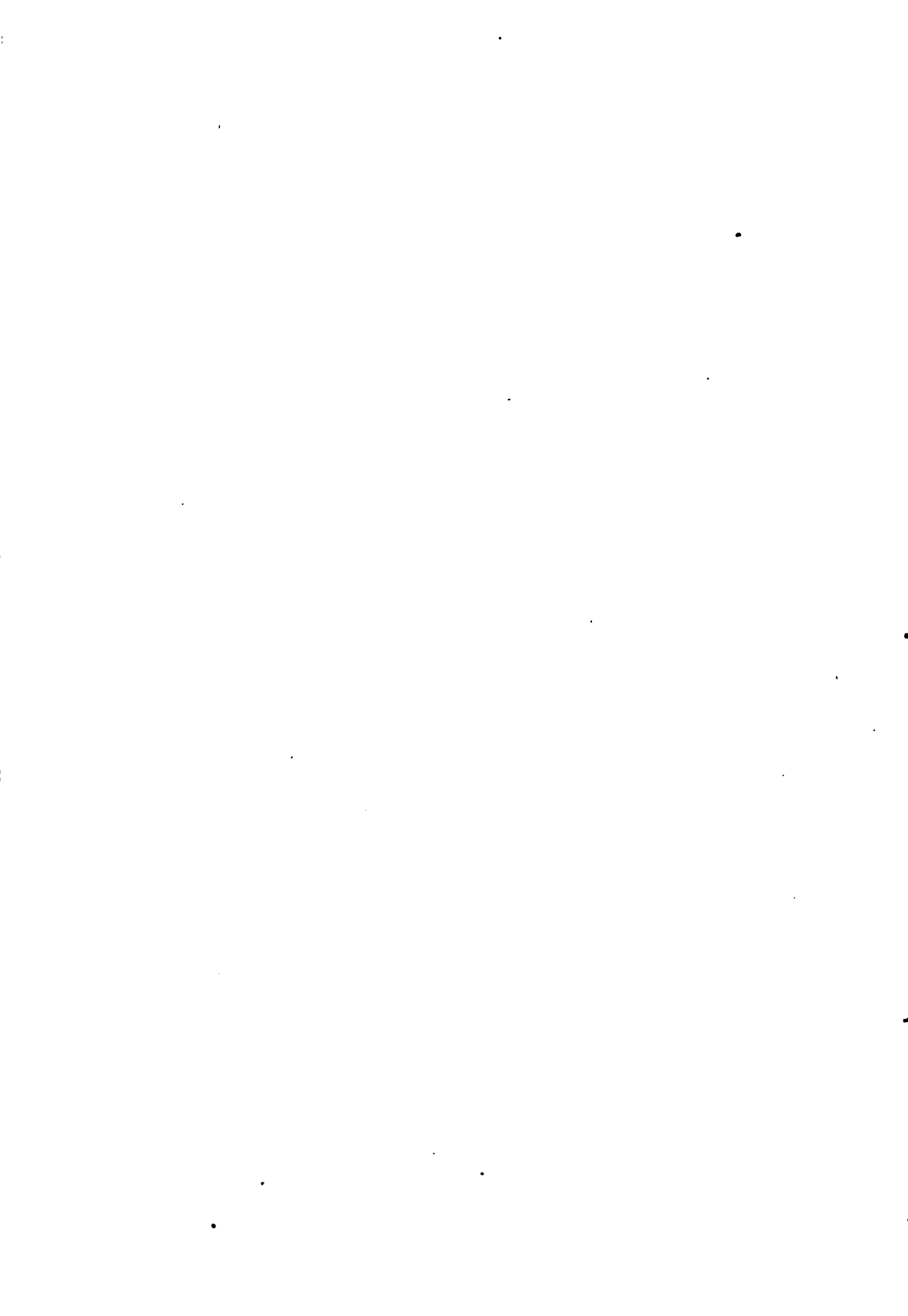
²⁾ Только въ эпоху Возрожденія краснорѣчіе опять поднялось-было—въ Италиі; но уже въ началѣ XVI в. снова раздаются жалобы на его упадокъ (*Буржгардтъ*, *Культура Италиі въ эпоху Возрожденія*, 186 сл.), и съ тѣхъ поръ оно уже не дѣлаетъ сколько-нибудь значительныхъ успѣховъ—по крайней мѣрѣ качественныхъ (количественные успѣхи дѣлаетъ, напр., политическое—парламентское—краснорѣчіе). На не высокій уровень современнаго краснорѣчія (на Западѣ) жалуется *Philippi*, *Die Kunst der Rede*, 232 ff.

³⁾ Ср. *И. И. Якобуль*, *Изъ психологіи народовъ* (Экономическое значеніе „времени“ и „пространства“). 1895.

димо въ общей экономіи челоѣческой культуры, какъ и поэзія, какъ и наука, или философія. Но эта исторія учитъ насъ и тому, что краснорѣчіе — небезопасное, обоюдоострое орудіе культуры. Намъ теперь еще больше страшными, чѣмъ древнимъ еллинамъ, должны представляться, конечно, опасныя стороны краснорѣчія; тѣмъ больше зато нашли-бы мы въ настоящее время средствъ—оберегать себя отъ подстерегающихъ краснорѣчіе опасностей. Тѣхъ условій, въ какиxъ расцвѣло еллинское краснорѣчіе, намъ не вернуть, а съ ними вмѣстѣ—не вернуть намъ и этого краснорѣчія. Но и желать этого возвращенія, конечно, уже не приходится. Мы можемъ желать только хоть нѣкотораго возмѣщенія того, что мы тутъ растеряли или утратили со времени древнихъ еллиновъ, можемъ желать, чтобы въ обиходѣ нашей культуры краснорѣчіе заняло, хотя бы и не столь высокое, но столь же самостоятельное мѣсто, какъ и поэзія и наука, чтобы оно нашло себѣ болѣе широкое примѣненіе, особенно въ дѣлѣ популяризаціи (но, конечно, не вульгаризаціи) науки, чтобы оно учило насъ больше цѣнить силу вдохновенной мысли, какъ она—помимо стиховъ—можетъ быть выражена въ живомъ, одушевленномъ словѣ, красоту языка, какъ она—помимо стиховъ—можетъ быть выражена не въ буквахъ, а въ звукахъ.

Много вообще поучительныхъ выводовъ дала бы намъ исторія еллинскаго краснорѣчія. Я могъ намѣтить эту исторію только въ самыхъ общихъ чертахъ, памятуя, подобно инымъ—и не судебнымъ и не политическимъ—ораторамъ древности, знаменитую клепсидру¹⁾. Я могъ нарисовать эту исторію только самыми блѣдными красками: вѣдь въ вѣкъ застоя въ развитіи краснорѣчія, я выступилъ передъ вами, Мм. Гг., не столько въ качествѣ представителя краснорѣчія, сколько въ качествѣ представителя—такъ не легко уживающейся съ краснорѣчіемъ—науки.

¹⁾ Ср. Dio Chr. XII 38. Едва-ли однако клепсида, опредѣлявшая собою обыкновенно время, уступленное для произнесенія рѣчи въ аѳинскомъ судѣ или въ совѣтѣ (ср. *Keil*, *Anon. Argent.*, 236 ff.), примѣнялась и при публичныхъ чтеніяхъ, или при театральныхъ представленіяхъ, какъ полагаетъ *Vahlen*, *Sitzb. d. pr. Ak.*, 1897, 639 ff.; во всякомъ случаѣ, для иныхъ (особенно для болѣе случайныхъ) эпидейктическихъ ораторовъ своего-рода клепсидрой могло—или могло-бы—служить слово Эпихарма: οὐ λέγειν τούτ' ἐστὶ δαίμων, ἀλλὰ αἰγῆν ἀδύνατος...

М. Н. Березковъ.

ВЪ ПАМЯТЬ

профессора

ПЕТРА ИВАНОВИЧА ЛЮПЕРСОЛЬСКАГО.

Н Ъ Ж И Н Ъ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію Конференції Историко-Филологического Института князя
Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельке*.

П. И. Люперсольскій.

Недавно, назадъ тому только шесть лѣтъ съ небольшимъ, нашъ старѣйшій сотрудникъ въ Институтѣ князя Безбородка окончилъ въ немъ службу,—и вотъ его совсѣмъ не стало на свѣтѣ: Петръ Ивановичъ Люперсольскій скончался въ С. Петербургѣ 27 мая истекающаго года, въ возрастѣ неполныхъ 67 лѣтъ. Очень грустно стало намъ при полученіи извѣстія, что нѣтъ уже въ живыхъ Петра Ивановича. Не услышишь больше его веселой, умной бесѣды; не насладишься общеніемъ его доброй души! А теперь приходится отложить и грусть объ ушедшемъ въ невозвратный путь человѣкѣ; намъ остается теперь выполнить послѣдній долгъ къ нему—помянуть его жизненную дѣятельность.

Время идетъ такъ быстро, смерть похищаетъ замѣчательныхъ людей такъ неожиданно, а новые люди и новыя дѣла во многомъ такъ отличаются отъ прежнихъ, что чувствуется особая потребность говорить объ уважаемыхъ покойникахъ: хочется уяснить и закрѣпить въ своемъ сознаніи ихъ духовный обликъ; хочется, чтобы и здравствующіе люди новаго поколѣнія, коимъ предстоитъ своя трудовая жизнь, раздѣлили наше уваженіе къ почившимъ дѣтелямъ.

Конечно, я не готовъ къ тому, чтобы писать собственно біографію Петра Ивановича. Но я передамъ нѣсколько воспоминаній о немъ за время моей съ нимъ службы въ Институтѣ; для поминки о немъ я также воспользуюсь нѣкоторыми данными изъ его послужнаго списка и автобіографіи, напечатанной въ памятной книжкѣ нашего Института. („Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, 1875—1900“. По этой автобіографіи составленъ къмъ то помѣщенный въ «Нов. Врем.» за 29 мая 1903 г. краткій некрологъ о П. И. Люперсольскомъ). Съ удовольствіемъ скажу, что могу, о Петрѣ Ивановичѣ, въ увѣренности,

что моя поминка, посвящаемая достойному человѣку, обратитъ на себя вниманіе всѣхъ, знавшихъ или только слыжавшихъ про него.

I.

П. И. Люперольскій былъ сыномъ сельскаго священника вятской губерніи, родился 14 іюня 1836 года, учился—сколько помнится мнѣ съ его словъ—въ Елабужскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Вятской духовной семинаріи; отсюда какъ выдающійся по дарованіямъ и успѣхамъ студентъ былъ посланъ въ С.-Петербургскую духовную академію; курсъ наукъ въ ней окончилъ въ 1859 году со степенью кандидата и съ правомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, на магистерскую степень; вскорѣ по окончаніи академическаго курса былъ назначенъ учителемъ въ родную Вятскую семинарію, въ которой, впрочемъ, пробылъ не долго, всего лишь четыре мѣсяца; въ началѣ 1860 г. б. переведенъ въ С. Петербургскую духовную семинарію, гдѣ прослужилъ свыше пяти лѣтъ, преподавая греческій языкъ и гражданскую исторію, состоя также наставникомъ наблюдателемъ надъ ученьемъ иностранныхъ воспитанниковъ, обучающихся въ семинаріи, исправляя и другія обязанности: такъ въ формулярномъ спискѣ отмѣчено, что онъ, по порученію Конференціи С. Петерб. дух. академіи, занимался повѣркой по греческому подлиннику рукописнаго перевода «Толкованія Теофилакта болгарскаго на евангеліе отъ Луки»; въ 1864 году исправлялъ должность секретаря въ бывшемъ Комитетѣ С. Петерб. дух. семинаріи по преобразованію духовныхъ семинарій. Въ 1865 году онъ закончилъ службу въ духовномъ вѣдомствѣ, былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ этой службы и изъ духовнаго званія въ свѣтское; съ этого же времени началъ службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія: ему б. назначена стипендія отъ Министерства на два года, для приготовленія къ профессорскому званію; въ то же время онъ состоялъ преподавателемъ въ Ларинской гимназій.

Итакъ бывшій учитель вступилъ на новый путь дѣятельности, болѣе соотвѣтствовавшій его дарованіямъ. Свои ученые занятія исторіей, ближайше исторіей греческой, онъ началъ вести подъ руководствомъ профессора С. Петербургскаго университета, Михаила Семеновича Куторги; всегда съ признательностью Петръ Ивановичъ помнилъ руководство своего учителя, цѣнилъ его талантъ и научную методу; съ своей сто-

роны профессоръ Куторга, надлежащимъ образомъ оцѣнившій дарованія Люперсольскаго, какъ теперь, такъ и прежде всегда участливо относился къ его ученымъ трудамъ, къ его личности¹⁾. Въ 1869 году въ Историко-Филологическій факультетъ С. Петерб. университета было представлено изслѣдованіе П. И. Люперсольскаго «*Храмовый городъ Дельфы съ оракуломъ Аполлона Пифійскаго въ древней Греціи*». Оно б. напечатано по опредѣленію факультета, и, послѣ публичной защиты, доставило изслѣдователю ученую степень магистра исторіи. Въ шести главахъ книги описывается географическое положеніе, топографія и внѣшній видъ священнаго города Дельфы, съ обзорѣніемъ всѣхъ даровъ, преимущественно статуй, которыя были принесены дельфійскому храму отъ разныхъ городовъ Греціи и даже изъ другихъ—не греческихъ—странъ, которыя составили, по выраженію автора, «богатѣйшую въ Греціи галерею изящныхъ произведеній ваятельнаго искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядную лѣтопись всѣхъ важнѣйшихъ событій греческой исторіи»; изслѣдуется древность дельфійскаго оракула, преданія объ основаніи его и о началѣ города Дельфы, причемъ съ особой внимательностью критически разбирается гимнъ Аполлону пифійскому, какъ древнѣйшій и важнѣйшій источникъ для исторіи Дельфы; дальше рѣчь идетъ о древнихъ священныхъ войнахъ

¹⁾ Въ 1882 году, въ декабрѣ, по случаю исполнившагося 50-лѣтія ученой дѣятельности профессора Куторги, Конференція нашего Института отправила ему поздравительный адресъ, по предложенію П. И. Люперсольскаго, и имъ составленный (Извѣстія Инст. кн. Безбородко, т. IX, офиц. отд. стр. 26—28; тамъ же и отвѣтное письмо профессора Куторги). Юбилей Михаила Семеновича скромно б. отпразднованъ въ имѣніи его, называемомъ Борокъ, мстиславскаго уѣзда могилев. губерніи: смотр. объ этомъ замѣтку въ Журн. М. Н. Пр. за 1883 г. апрѣль. Припоминаю, что въ этомъ имѣніи М. С. Куторги покойный П. И. Люперсольскій бывалъ въ гостяхъ; а когда проф. Куторга скончался (въ маѣ 1886 г.), Петръ Ивановичъ спустя годъ еще разъ помянулъ его въ публичной рѣчи, на актѣ Института 30 августа 1887 года, вмѣстѣ и М. Н. Каткова, скончавшагося лѣтомъ 1887 года: директоръ Института, Н. Е. Скворцовъ, просилъ Петра Ивановича говорить про нихъ обонхъ.

Дельфъ, наконецъ о внутреннемъ устройствѣ Дельфъ и оракула. Главныя положенія и выводы такъ выражены авторомъ: «дельфійскій храмъ Аполлона не былъ мѣстнымъ храмомъ города Дельфъ, но общимъ святилищемъ всѣхъ эллиновъ; первоначально на мѣстѣ города Дельфъ былъ только храмъ Аполлона, а потомъ при немъ постепенно образовался городъ; начало городу положили жрецы Аполлонова храма, и первыми жрецами при этомъ храмѣ были пришельцы съ острова Крита; въ началѣ дельфійскій оракулъ находился въ зависимости отъ города Криссы; мнѣніе новѣйшихъ ученыхъ, что война Дельфъ съ Криссой происходила одновременно съ войной амфиктіоновъ противъ Кирры, противорѣчитъ извѣстіямъ древнихъ объ этой послѣдней войнѣ и не можетъ быть принято¹⁾. Во время священной войны противъ Кирры, происходившей въ началѣ VI вѣка до Р. X. мы видимъ священный городъ на верху могущества и вліянія въ Греціи. Онъ былъ храмовымъ городомъ²⁾, т. е. главное тамъ былъ храмъ Аполлона, городъ же находился такъ сказать при храмѣ, принадлежалъ ко храму, а не храмъ принадлежалъ городу; жрецамъ Аполлона принадлежала верховная власть въ Дельфахъ, т. е. какъ главное наблюденіе надъ храмомъ Аполлона, такъ и вліяніе на все внутреннее управленіе въ Дельфахъ; но гражданскимъ управленіемъ въ Дельфахъ завѣдывали особыя лица, а не жрецы, и это гражданское управленіе было копіей съ аѳинскаго государственнаго устройства. Пророчица Аполлона, Пифія,—говоритъ послѣдній тезисъ—олицетворяла собою высокій образъ нравственной чистоты и непорочности». Такъ выражены авторомъ положенія. Въ текстѣ они доказываются на основаніи источниковъ, тщательно критикуемыхъ; намѣчаются интересныя научныя вопросы, хотя не всегда положительно и точно, какъ желалъ бы того авторъ, рѣшаются; всюду чувствуется пытливость мысли, свѣжая любо-

1) Сравн. также въ текстѣ книги на стр. 126 выводъ о священныхъ войнахъ сначала съ Криссой, потомъ съ Киррой.

2) «Мысль о такихъ храмовыхъ городахъ или владѣніяхъ, какъ особенномъ видѣ политическихъ организмовъ въ древней Греціи, высказывалъ и развивалъ на своихъ лекціяхъ въ С. Петерб. университетѣ М. С. Куторга: намъ не случалось встрѣчать ея гдѣ либо въ сочиненіяхъ ученыхъ»: примѣчаніе автора въ предисловіи къ книгѣ на стран. IV.

знательность ученаго; онъ умѣетъ внимательно анализировать и дѣлать осторожный выводъ, а иногда высказываетъ широкой обобщающій взглядъ: для примѣра укажу на тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о греческой религіи вообще (стран. 132—135): онъ такъ хороши, что годятся, на мой взглядъ, въ историческую хрестоматию; есть и другія мѣста въ такомъ же обобщающемъ родѣ, но чаще въ книгѣ ведется строго дѣловое, критическое разслѣдованіе источниковъ и повѣрка научныхъ мнѣній, болѣе или менѣе доказанныхъ, преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ; устанавливаются детальныя факты и небольшіе, но точныя выводы; однако и тутъ изложеніе ведется не сухо, а съ полной занимательностью для читателя, даже не для спеціалиста. Вообще вся книга Люперольскаго отмѣчена несомнѣннымъ научнымъ талантомъ¹).

II.

Въ томъ же 1869 году магистръ Люперольскій былъ командированъ съ ученой цѣлью за границу на два года. Это время онъ употребилъ на слушаніе лекцій въ Берлинскомъ университетѣ у профессоровъ Л. Ранке, Т. Моммзена, Э. Курціуса и у другихъ; посѣщалъ Дрезденъ и Мюнхенъ; въ 1870 г. путешествовалъ по Италіи, Сициліи, Греціи; въ Аѳинахъ изучалъ топографію города и древности; путешествіе закончилъ обзоромъ Константинополя; но въ Дельфахъ, кажется, не успѣлъ быть: по крайней мѣрѣ въ автобіографіи объ этомъ не говорится. (Смотр.

¹) Въ одномъ изъ указателей Межова отмѣчено, что книга «Храмовый городъ Дельфы» б. напечатана въ 600 экземплярахъ, и что цѣна ей въ продажѣ б. назначена по 1 руб. за экземпляръ. Рецензій на книгу не указано; нѣтъ указаній на рецензій и въ новѣйшемъ библиографическомъ трудѣ г. Прозорова. (Межовъ, Русск. Историч. библиографія за 1865—1876 включительно, т. VI, Спб. 1886.—П. Прозоровъ, Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи, напечатанъ въ Россіи съ XVII столѣтія по 1892 г. на русск. и иностран. языкахъ, Спб. 1898).

По какой-то совсѣмъ неожиданной случайности, книга П. И. Люперольскаго отсутствуетъ въ фундаментальной библиотекѣ нашего Института: я знаю ее по экземпляру, мнѣ подаренному отъ автора.

въ ней нѣкоторыя другія подробности относительно заграничной командировки, впрочемъ не многія).

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ въ 1872 году въ Варшавскій университетъ, на кафедрѣ всеобщей исторіи, сначала доцентомъ, скорѣ и профессоромъ; въ 1875 г. б. переведенъ ординарнымъ профессоромъ въ нашъ Институтъ: онъ былъ при самомъ открытіи Института 14 сентября 1875 года. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ ему до самой отставки (въ 1897 году, лѣтомъ), проживъ въ Нѣжинѣ 22 года, тѣсно связавъ свое имя съ Нѣжиномъ и Институтомъ князя Безбородка: былъ не разъ членомъ Правленія Института; одно время управлялъ имъ за директора (именно въ тотъ промежутокъ, когда Н. А. Лавровскій оставилъ директорскую должность, а Н. Е. Скворцовъ еще не вступилъ въ ту же должность). Но главная служба, конечно, профессорская.

Въ первый годъ институтскаго ученія профессоръ Люперсольскій прочиталъ своимъ слушателямъ введеніе во всеобщую исторію, потомъ изложилъ исторію Индіи, Вавилона и Ассиріи, Ирана и Египта; и въ ближайшіе за тѣмъ годы, какъ видно изъ его отчетовъ въ печатныхъ протоколахъ «Извѣстій Института», онъ начиналъ свой общій курсъ для младшихъ студентовъ также исторіей Востока, потомъ переходилъ къ исторіи Греціи и Рима, а для старшихъ студентовъ 3 и 4 курсовъ читалъ то среднюю, то новую исторію Европы, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, присоединяя иногда какой либо спеціальный или семинарскій курсъ, напр. о Геродотѣ, о Фукидидѣ, о Прокопіѣ и т. п., или же курсъ по греческой исторіографіи, по греческимъ древностямъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже онъ возвращался къ очерку исторіи Востока; въ мое время онъ обычно начиналъ свой общій курсъ для младшихъ студентовъ прямо съ Греціи, либо съ Рима,— и мнѣ, въ качествѣ его ассистента на экзаменахъ, ни разу не пришлось познакомиться съ исторіей Востока въ его изложеніи. Предполагаю, однако, что онъ излагалъ ее съ неменьшимъ научнымъ интересомъ, какъ и всю вообще древнюю исторію; въ качествѣ образованнаго богослова, близко знакомаго съ Библіей, онъ по всей вѣроятности надлежало умѣлъ воспользоваться и этими важнѣйшими для исторіи древняго человѣчества источникомъ, который нынѣ, вслѣдствіе новыхъ открытій въ области ассиріологии и египтологіи, получаетъ еще большее историческое значеніе. (Говорю, конечно, не про

идеальное, вѣчное значеніе Библіи, а какъ про историческій источникъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, въ ряду иныхъ письменныхъ источниковъ и вещественныхъ остатковъ библейской древности). Вообще богословское и церковно-историческое образованіе, полученное Люперольскимъ въ духовной академіи, хорошо пригодило ему для преподаванія исторіи въ высшей школѣ, особенно для выясненія слушателямъ разныхъ явленій въ области культуры древняго и новаго міра; тутъ, при обзорѣ исторіи, да и политической, П. И. Люперольскій являлся со своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на ходъ всемірной исторіи,—взглядомъ образованнаго русскаго человѣка, который сознаетъ, что онъ долженъ и можетъ самостоятельно по-русски смѣрять на исторію человечества, т. е. съ точки зрѣнія вселенскаго православія, съ высоты которой открываются далекіе проспекты историческіе, новыя и интересные какъ для западно-европейской, весьма широко разработанной исторіографіи германороманскаго міра, такъ и въ особенности для исторіографіи міра греко-славянскаго, гораздо меньше разработанной по научному. Къ сожалѣнію, признаться нужно, у насъ еще мало ученыхъ историковъ, которые бы изучали исторію съ этой самостоятельной точки зрѣнія, т. е. русской, церковно-вселенской; немногіе только славянофилы, эти высоко талантливые и широко образованные люди, дѣлали замѣчательныя попытки въ этомъ направленіи; но у насъ недостаточно ихъ оцѣнили, а нѣкоторые робкіе люди какъ будто даже испугались смѣлаго размаха ихъ истинно русской мысли. И не то, чтобы у насъ было мало талантливыхъ людей, или же людей, одушевляющихся православною русскою идеей: въ Россіи, слава Богу, довольно было и есть такихъ людей; но у насъ до сихъ поръ рѣдки основательно образованные историки, хорошо знающіе исторію въ ея первыхъ источникахъ: вѣдь недостаточно однихъ порывовъ богословствующей и философствующей мысли въ область всемірной исторіи; рядомъ съ ними нужна терпѣливая послѣдовательная работа, настоящій черновыи трудъ надъ первыми источниками историческаго знанія, для пріобрѣтенія положительныхъ точныхъ выводовъ научныхъ. Все это хорошо сознавалъ и поминаемый нами П. И. Люперольскій; человѣкъ большого ума, онъ со свойственной ему притомъ добросовѣстностью признавался въ недочетахъ своего историческаго знанія. Онъ былъ специалистомъ греческой исторіи; ее онъ зналъ по первымъ источникамъ,

и ясно, увлекательно преподавалъ ее студентамъ Института; но изложе-
 ніе европейской исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ затрудняло его, и
 онъ не разъ прямо говорилъ въ Конференціи своихъ сослуживцевъ, что
 онъ меньше подготовленъ къ ея преподаванію. Между тѣмъ преподаваніе
 всеобщей исторіи нѣсколько лѣтъ къ ряду лежало на обязанности его
 одного, какъ въ младшихъ, такъ и въ старшихъ курсахъ Института,
 на историческомъ его отдѣленіи, которое образовалось по предложенію
 профессоровъ исторіи: Н. Я. Аристова, П. И. Люперсольскаго и Г. Э.
 Зенгера; предложеніе ихъ было внимательно рассмотрѣно, горячо обсу-
 ждаемо въ Конференціи Института, и въ августѣ 1882 г. получило
 утвержденіе со стороны Министерства; но вскорѣ случилось то, чего
 П. И. Люперсольскій не ожидалъ, чего никто не могъ предвидѣть: съ
 1885 г. онъ остался на нѣсколько лѣтъ единственнымъ представителемъ
 кафедры всеобщей исторіи, и долженъ былъ преподавать всѣ отдѣлы ея
 на разныхъ курсахъ Института; не безъ горькой ироніи онъ говорилъ
 про себя тогда, что «ему, какъ нѣкому Атланту, приходится держать
 на своихъ плечахъ всю всемірную исторію»¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, поло-
 женіе его было трудное: при обычныхъ 6 лекціяхъ въ недѣлю надобно
 было изложить обширный предметъ, въ сжатомъ, конечно, научномъ
 видѣ, притомъ приравливая изложеніе отчасти для педагогической цѣли:
 ибо слушатели IV курса историческаго отдѣленія даютъ пробные уроки
 по исторіи и географіи въ Нѣжинской гимназій, а по выходѣ изъ Инсти-
 тута могутъ тотчасъ стать учителями этихъ предметовъ въ средней
 школѣ, и готовы для своего преподаванія сейчасъ же воспользоваться
 профессорскими лекціями. Наконецъ приходилось руководить студентовъ
 при составленіи ими курсовыхъ диссертаций; все это очень озабочивало
 Петра Ивановича, занимало у него почти весь досугъ, иной разъ очень
 утомляло его. Вотъ что очень серьезно было въ положеніи даровитаго профес-
 сора: при обиліи мыслей, при способности догадки и пониманія истори-
 ческаго—сознавать недочеты знанія!

III.

Скажу теперь о печатныхъ ученыхъ и литературныхъ трудахъ

¹⁾ Такъ онъ выразился и передъ министромъ И. Д. Деляновымъ, когда тотъ посѣтилъ нашъ Институтъ (въ октябрѣ 1888 года).

П. И. Люперсольскаго. Ихъ не много: вотъ они въ порядкѣ ихъ печатанія, сверхъ магистерской диссертациі, о которой выше сказано.

„*Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла*“. (Извѣстія Истор. фил. Института князя Безбородка, томъ I. Это—рѣчь, произнесенная на актѣ Института 30 августа 1876 г. и обработанная для печати. Трудъ вызвалъ рецензію М. С. Куторги въ «Русск. Вѣстникѣ» 1880 г. книга февраль, очень внимательную и важную въ принципиальномъ смыслѣ, съ нѣкоторыми поправками и возраженіями автору, послѣ похвалы ему).

„*Дипломатическія сношенія и борьба императора Александра I съ Наполеономъ*“. (Извѣстія Института, т. III. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Института 12 декабря 1877, въ столѣтній юбилей государя Александра Павловича. Интересный очеркъ, составленный главнѣйше по книгѣ Богдановича; взглядъ нашего автора на личность императора Александра Благословеннаго съ особой рельефностью выраженъ на стран. 28.—31 рѣчи; но этотъ взглядъ больше характеренъ для него самого, какъ «благороднаго идеалиста», нежели для изображаемаго лица, представленнаго можетъ быть съ излишнею нѣскольکو идеализаціей).

„*Что такое ἔλληνες σκῶβαι у Геродота IV, 17*“. (Журналъ Мин. Нар. Пров. 1884, декабрь; сравн. то же въ трудахъ VI Археологич. съѣзда въ Одессѣ, т. II, подъ заглавіемъ «О каллипидахъ у Иродота», небольшою археологическій рефератъ).

„*Протоіерей Андрей Ѳеодоровичъ Хойнацкій, бывший профессоръ Богословія въ Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ*“. (Вѣстникъ славянства, сборникъ издав. проф. В. Качановскимъ, кн. VIII, Кіевъ, 1893. Въ статьѣ тепло вспоминается отецъ протоіерей Хойнацкій, дается характеристика его, какъ законоучителя, автора, семьянина, мѣстнаго дѣятеля; въ концѣ двѣ рѣчи надгробныя о немъ о. прот. Васютинскаго и самого Петра Ивановича. Отдѣльные оттиски статьи продавались въ пользу Нѣжинскаго Братства пресв. Богородицы, всѣхъ скорбящихъ Радости, устроеннаго по почину о. Хойнацкаго, при мужскомъ монастырѣ, подъ предсѣдательствомъ о. архим. Григорія).

„*Четыре пѣсни, записанныя въ вятской губерніи* (въ той же книжкѣ «Вѣстн. славянства»; пѣсни не безынтересны, какъ образчики мѣстнаго говора).

Вотъ все имъ напечатанное. Конечно, это—не много для такого талантливаго, много читавшаго и размышлявшаго человѣка, какъ Петръ Ивановичъ. Онъ могъ бы писать много и занимательно, хотя бы напримѣръ по этнографіи вятскаго края, который близко былъ знакомъ ему. Бывало, съ удовольствіемъ онъ вспоминалъ «про свою Вятку» про свою деревенскую жизнь и школу городскую, про благолѣпные вятскіе храмы, голосистыхъ пѣвчихъ и дьяконовъ; помню, съ какимъ неподражаемымъ юморомъ онъ рассказывалъ о крещеныхъ вотякахъ, какъ они въ вербное воскресенье гоняются съ вербой за «кереметью» и т. п. Много интереснаго онъ могъ бы сообщить про петербургскую жизнь 50 и 60 годовъ, о путешествіи по Германіи, Италіи, Греціи, побольше подѣлиться соображеніями по части греческой исторіи, древней и новой. Но онъ рѣдко брался за перо. Можно объ этомъ жалѣть, но нельзя, конечно, ставить это въ упрекъ ему: вѣдь всякій воленъ писать и печатать въ извѣстныхъ цензурныхъ предѣлахъ, что онъ желаетъ, что ему нравится, что считается имъ за полезное для читателей. Мы уже сказали, что вниманіе нашего профессора было занято главнѣйше преподаваніемъ науки: вѣдь, это—главное дѣло всякаго профессора. обязательное для него; одно это дѣло дай Богъ хорошо выполнить! Притомъ Петръ Ивановичъ былъ очень требователенъ къ себѣ самому и къ другимъ писателямъ: онъ терпѣть, напримѣръ, не могъ беспорядочности изложенія, всякой неряшливости языка и слога; онъ хорошо понималъ, что искусство писать есть въ сущности искусство мыслить; а чтобы хорошо, т. е. основательно и послѣдовательно мыслить, да ясно, изящно выражаться, для этого требуется непрестанное напряженіе умственныхъ силъ, да особыя благопріятныя условія, при которыхъ мысль вынашивается до зрѣлости, до простоты и точности выраженія. Коли писать, такъ хорошо писать, а то ужъ лучше не писать вовсе, чтобы не тратить напрасно времени своего и читателей. И то сказалъ поэтъ: «мысль изреченная есть ложь». А написанная—прибавлю—вдвойнѣ можетъ стать ложью, даже безъ намѣренія писателя. Всего безопаснѣе и безспорно полезны суть строго критическіе, научно-объективные труды; но они-то и суть самые трудные для писателя и читателя: и многіе ли читатели имѣютъ къ нимъ вкусъ? Журналъ и газета теперь плѣнили вниманіе читателей; «легкость» статей считается чуть не главнымъ достоинствомъ ихъ.

IV.

Кромѣ профессорской должности у него были другія обязанности, добровольно имъ на себя принятыя. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ членомъ Губернскаго училищнаго совѣта, членомъ совѣта благотворительнаго Братства Божіей Матери при Нѣжинскомъ мужскомъ монастырѣ, попечителемъ церковно-приходской школы при Спасской церкви г. Нѣжина, основанной въ память событія 17 октября 1888 года, членомъ Историко-филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородка и проч. Всюду онъ былъ желаннымъ дѣятелемъ, внося въ каждое дѣло добрый совѣтъ, живое участіе, давая когда нужно деньги щедрою рукой. Въ кругу институтскихъ своихъ товарищей и учителей гимназій, среди членовъ Нѣжинскаго окружнаго суда, среди духовенства и иныхъ представителей городского общества онъ являлся интереснымъ гостемъ, становился что называется душой общества: веселый, стывчивый на всякую хорошую мысль и чувство, дѣловитый собесѣдникъ, изящный и вѣжливый въ обращеніи, иногда блестящій застольный ораторъ, умѣвшій какъ разъ кстати выразить общее настроеніе минуты, — таковъ былъ въ обществѣ Петръ Ивановичъ¹⁾. Онъ держалъ себя всегда съ чувствомъ достоинства, и въ другихъ любилъ и успѣвалъ поддерживать это же чувство: оно было у него и непосредственнымъ чувствомъ, и вмѣстѣ сознательнымъ руководящимъ правиломъ

¹⁾ Неоднократно, замѣчу здѣсь же, П. И. Люперольскій составлялъ, по порученію Конференціи, привѣтственные отъ нея адреса разнымъ лицамъ, какъ-то: достопочтенному нѣжинскому архимандриту о. Григорію, по случаю исполнившагося 50 лѣтія его священства, и предсѣдателю Нѣжинскаго окружнаго суда, Льву Ивановичу Ланге, также въ 50 лѣтній юбилей его службы; произносилъ рѣчи въ публичныхъ собраніяхъ, обращавшія на себя общее вниманіе, какъ наприм. при открытіи памятника Гоголю въ Нѣжинѣ: слышавшіе рѣчь отзывались о ней, какъ очень остроумной и веселой. Любилъ онъ сказать теплое слово и о покойникахъ: припоминаю рѣчь его въ церкви Института при отпѣваніи И. Г. Кулжинскаго и рѣчь на могилѣ А. Ф. Хойнацкаго; изъ газетъ мнѣ извѣстно, что въ самое недавнее время онъ произнесъ рѣчь при похоронахъ И. Е. Троицкаго, профессора С. Петерб. духовн. академіи.

въ отношеніи людей. Съ перваго разу онъ могъ, пожалуй, показаться кому ви будь гордымъ; но это только такъ казалось: въ сущности онъ былъ благородно смѣлый, прямой человекъ, а главное—очень добрый, чувствительный; кто слыхалъ его искреннюю рѣчь, откровенную, доходившую до энтузіазма, и его широкій гомерическій смѣхъ, тотъ скоро убѣждался, что слышитъ хорошаго, милаго человекъ, совсѣмъ не гордаго

Живя одиноко въ своей институтской квартирѣ, (онъ не зналъ семейнаго счастья), съ расположеніемъ онъ встрѣчалъ гостя, угощалъ его хлѣбомъ—солью, чаемъ, «настоящимъ китайскимъ чаемъ», какъ подшучивалъ онъ надъ этимъ, столь много потребляемымъ у насъ національнымъ нашимъ напиткомъ,—какъ бисеръ сыпалъ предъ собесѣдникомъ остроумныя рѣчи, шутки, либо велъ серьезную научную бесѣду. Не рѣдко навѣщали его просители: по возможности онъ не отказывалъ въ ихъ просьбахъ, помогалъ словомъ и дѣломъ, ссужалъ, дарилъ деньги. Иной разъ собиралось къ нему большое общество. Помню, напримѣръ, день 12 декабря 1891 года. Въ этотъ день, по его просьбѣ, настоятель греческой церкви, покойный о. А. М. Имшенецкій, служилъ литургію на греческомъ языкѣ; по обычаю, еще съизстари соблюдавшемуся въ Нѣжинской греческой церкви, время отъ времени греческая литургія въ ней служилась на нашей памяти; П. И. Люперольскій не пропускалъ случая бывать на ней, а иногда нарочито просилъ о ней настоятеля, какъ было и теперь; послѣ обѣдни онъ пригласилъ къ себѣ причтъ церкви, профессоръ и учителей, на обильную трапезу; по окончаніи ея всѣ хоромъ пропѣли величаніе преподобному Спиридону триміеунтскому, празднуемому того дня святому. И хозяинъ, и гости всѣ были очень довольны импровизованнымъ праздникомъ. Вообще всякія импровизаціи хорошо удавались Петру Ивановичу. Онъ увлекался и увлекалъ.

Надо всѣмъ этимъ онъ былъ глубоко религіозный человекъ,—да позволено будетъ и это мнѣ сказать о немъ. Всею душой онъ любилъ наше церковное богослуженіе, восхищался красотой византійскихъ пѣснопѣвній, великолѣпіемъ славянской рѣчи. По этому предмету, бывало, онъ скажетъ мнѣ: «ну, могутъ ли, скажите мнѣ, наши русскіе написать чтонибудь подобное греческимъ пѣснопѣніямъ? Гдѣ вы найдете такую высокую поэзію, кромѣ грековъ?» Я съ своей стороны замѣчалъ, что русскіе за то лучше грековъ умѣютъ пропѣть ихъ на родномъ славянскомъ

языкъ.— «Это—также правда», соглашался со мной Петръ Ивановичъ. И дома онъ любилъ прочесть страницу изъ Библии греческой, или славянской; случалось и мнѣ прочесть,— царство ему небесное— главу, напримѣръ изъ посланій апостола Павла.

О болѣзни Петра Ивановича мы узнали въ Нѣжинѣ въ самомъ началѣ 1902 года: тогда онъ впервые пораженъ былъ параличемъ; его положили въ клинику доктора Бехтерева, гдѣ вскорѣ онъ получилъ облегченіе; лѣтомъ онъ чувствовалъ себя настолько въ силахъ, что поѣхалъ къ роднымъ въ уфимскую губернію; въ маѣ сего 1903 года онъ возвратился въ Петербургъ, должно быть съ намѣреніемъ опять полечиться; но здѣсь и постигла его кончина. Одно близкое мнѣ лицо, по моей просьбѣ, сообщило нѣсколько подробностей о послѣднихъ дняхъ Петра Ивановича, которыя я теперь передамъ. Оказывается, что въ послѣдніе дни мая онъ чувствовалъ себя сравнительно хорошо; въ день Пятидесятницы, 25 мая, онъ гулялъ, катался съ извозчикомъ по улицамъ столицы; но вечеромъ этого дня заболѣлъ разстройствомъ желудка и рвотой; болѣзнь продолжалась и въ Духовъ день; по заключенію врача это—параличъ желудка; къ вечеру понедѣльника, 26 числа, больному стало лучше, и онъ уснулъ; бывшій при немъ слуга время отъ времени прислушивался, какъ поживаетъ его господинъ; часа въ два утромъ 27 числа онъ еще спокойно дышалъ; но когда, черезъ нѣсколько минутъ, слуга еще разъ прислушался, то оказалось, что онъ уже пересталъ дышать. Тихо пришла къ нему таинственная гостья, чтобы пресѣчь нить его жизни, чтобы проводить его въ жизнь новую, безконечную..

М. Березковъ.

Нѣжинъ,
13 декабря 1903.

Н. Е. Скворцова.

НЕДУГИ

НАШЕГО УЧЕБНАГО ДЪЛА.

НЪЖИНЪ.

Типо-литографія М. В. Глезера.

1 9 0 3.

Печатано по постановленіи конференціи Историко-Филологическаго Института
Вняи Брзбородко,

Директоръ *Ф. Гельке.*

НЕДУГИ НАШЕГО УЧЕБНАГО ДѢЛА.

I.

Настоящее положеніе дѣла.

Въ настоящее время почти всюду предприняты, или уже произведены реформы въ учебномъ дѣлѣ гимназій. Такъ именно, не смотря на то что гимназическая реформа сдѣлана была въ Пруссіи въ 1891 году, теперь тамъ вновь, говорятъ, готовится реформа; предполагаются реформы также въ Австріи, во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи, въ Румыніи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Закончена реформа въ Норвегіи, въ Италіи и въ Греціи. Предполагается и ожидается также учебная реформа и у насъ въ Россіи. Уже такое повсемѣстное распространеніе реформеннаго духа относительно учебнаго дѣла гимназій указываетъ на то, что дѣло это недужно и требуетъ врачеванія.

Печатаніе этой статьи въ «Извѣстіяхъ Института» объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ. Послѣ смерти Николая Ефремовича Скворцова, 2-го Директора нашего Института, осталось множество рукописей его различнаго содержанія, которыя всѣ вдова его Анастасія Ивановна Скворцова предложила въ даръ институтской библіотекѣ. Конференція Института принявъ съ благодарностію этотъ даръ, поручила произвести предварительную сортировку рукописей одному изъ членовъ своихъ, который изъ присланнаго большого ящика извлекъ прежде всего рукопись подъ заглавіемъ «*недуги нашего учебнаго дѣла*» какъ такую, которая, по его мнѣнію, ранѣе всѣхъ другихъ заслуживаетъ напечатанія, тѣмъ болѣе, что она съ одной стороны представляетъ собою 2-ю часть

Но не всё эти реформы, какъ исполненныя такъ и предлагаемыя, согласованы съ дѣйствительными нуждами учебнаго дѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ скорѣе, каже.ся, способны ухудшить его болѣзненное состояніе, чѣмъ улучшить. Это именно тѣ реформы, при которыхъ руководствуются мыслію, что гимназіи должны доставлять образованіе, возможно ближе и больше соотвѣтствующее нуждамъ окружающей дѣйствительности и вообще практическимъ интересамъ жизни. Увлекаясь въ учебномъ дѣлѣ утилитаризмомъ всякаго рода, не замѣчаютъ, что чрезъ это именно все болѣе и болѣе развиваютъ въ немъ столь гибельныя для его цѣлей *полунауку и полубразованіе*. Это зло дѣйствительно подтачиваетъ теперь учебное дѣло, особенно—гимназій. Это какой-то склерозъ ихъ, при которомъ эти органы учебнаго дѣла еще живутъ, но понимающимъ внушаютъ за себя большія опасенія. Въ настоящее время впрочемъ означенная болѣзнь находится еще въ начальномъ періодѣ. Это періодъ нѣ котораго психическаго измѣненія личности, что и выразилось между прочимъ теперь въ Пруссіи довольно ясно въ этой пресловутой «реформенной гимназіи» *Reformgymnasium*.

Особенность задачи по устройству учебнаго дѣла гимназій состоитъ въ томъ, что она не можетъ быть рѣшена безотносительно къ университету, такъ какъ гимназія и университетъ исторически непосредственно связаны между собою. Потому, кто хочетъ помочь современной гимназіи, тотъ долженъ лѣчить этотъ дѣйствительно больной теперь органъ учебнаго дѣла, не теряя изъ виду университета. Но и университеты, нельзя сказать, чтобы были теперь совершенно здоровыми органами учебнаго дѣла, особенно наши русскіе университеты. И они, также какъ гимназіи, недужны въ постановкѣ въ нихъ ученія. Слѣдовательно, и они требуютъ лѣченія.

въ напечатанной подъ тѣмъ же заглавіемъ еще въ 1896 году книгѣ Н. Е. Скворцова, а съ другой восполняетъ собою пробѣлъ въ его некрологѣ, напечатанномъ въ 20-мъ томѣ извѣстій Института. Рукопись эта, послѣ предварительнаго прочтенія ея Г.г. членами конференціи, была посредствомъ закрытой баллотировки одобрена конференціей къ печати, при чемъ корректированіе и редактированіе ея поручено тому же члену Г. В. Малеванскому.

Примѣчаніе редакціи.

Главное условіе цѣлесообразнаго гдченія какъ гимназій такъ и университетовъ состоитъ въ томъ, чтобы не отрывать ихъ при этомъ отъ той исторической почвы идеальныхъ интересовъ образованія, на которой они выросли. На этой почвѣ гимназія сложилась какъ школа, приготавливающая умы учащихся къ университетскому ученію, а университетъ, какъ школа умовъ высшаго научнаго порядка. Если съ этой точки зрѣнія будутъ разсуждать объ учебномъ дѣлѣ въ настоящемъ его положеніи, тогда можетъ быть принесена ему дѣйствительная польза; тогда между прочимъ будетъ достаточно ясно видно и то, какія изъ прочихъ учебныхъ заведеній и при какихъ условіяхъ могутъ такъ же, какъ и гимназіи быть признаны школами пригитовительными къ университетскому ученію. Въ же такого отношенія къ дѣлу, разсуждая о немъ подъ угломъ зрѣнія какихъ либо непосредственно практическихъ интересовъ, легко можно напутать и создать, напримѣръ, вмѣсто гимназій, все что угодно, но только не школу, приготавливающую умы учащихся къ университетскому ученію, да и само университетское ученіе организовать такъ, что оно можетъ быть пригодно только для полученія чрезъ него дипломовъ, а не для пригитовленія умовъ высшаго порядка. Въ силу именно идеальныхъ интересовъ, гимназія и университетъ, не смотря на все различіе ихъ по составу учащихся и по матеріалу ученія, въ организмѣ всего учебнаго дѣла составляютъ нѣчто цѣлое и, какъ сказалъ недавно одинъ нѣмецкій профессоръ (*das humanistische gymnasium 1900. стр. 52*), «или будутъ существовать *вмѣстѣ*, или *вмѣстѣ* погибнуть.»

Между тѣмъ у насъ нѣкоторые, или изъ ложнаго консерватизма, или просто по недоразумѣнію, говорятъ, что для процвѣтанія нашего учебнаго дѣла вообще и въ отдѣльности, какъ оно поставлено въ университетахъ и гимназіяхъ, требуются въ немъ только нѣкоторыя улучшения и исправленія, а не реформы. Мы же думаемъ напротивъ, что только реформа коренная, захватывающая весь учебный порядокъ нашихъ университетовъ и гимназій, да и нѣкоторыхъ другихъ сопредѣльныхъ съ ними учебныхъ заведеній, можетъ доставить имъ подобающее мѣсто въ ряду органовъ развитія нашей исторической жизни и уберечь ихъ отъ окончательнаго разстройства.

Несчастное наше учебное дѣло! Военное, финансовое и нѣкоторыя другія дѣла у насъ замѣтно процвѣтаютъ, учебное же дѣло наше давно

уже вянетъ, безсилствуетъ и, являясь атрофированнымъ органомъ въ государственномъ нашемъ организмѣ, естественно, обезсиливаетъ и многіе другіе его органы. Съ сороковыхъ годовъ истекшаго вѣка надъ нашимъ учебнымъ дѣломъ постоянно производились опыты улучшенія его, но только въ полицейскомъ отношеніи его къ другимъ, по смыслу внѣшняго благочинія и благоустройства, а не по отношенію ко внутреннимъ задачамъ его, какъ дѣла образованія. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ графъ Толстой задумалъ было преобразовать учебное дѣло по существу, но, какъ говорится, «начавъ за здравіе свелъ за упокой.»

Графъ Толстой, вступившій въ управленіе министерствомъ учебныхъ дѣлъ въ самый разгаръ броженія у насъ умовъ, былъ увлеченъ мнѣніемъ, что тогдашнее броженіе умовъ нашей молодежи, извѣстное въ Европѣ подъ именемъ «русскаго нигилизма», развилось у насъ вслѣдствіе неправильнаго обученія умовъ въ гимназіяхъ, вслѣдствіе будораженія ихъ здѣсь разными науками, вмѣсто укрѣпленія чрезъ усиленное занятіе древними языками. Само по себѣ это мнѣніе не только вовсе не парадоксально, но и исполнѣ вѣрно. Его держатся и доселѣ самыя образованныя умы въ Германіи. Такъ, еще недавно, на конференціи въ Берлинѣ въ 1890 г., одинъ изъ членовъ ея (и безъ всякаго протеста со стороны защитниковъ реальной школы) говорилъ слѣдующее: «у насъ (тоестъ въ Германіи) вы никогда не видите студенческихъ беспорядковъ, студенческихъ волненій, или вмѣшательства студентовъ въ политику и въ общественныя дѣла. Въ сосѣднихъ же странахъ почти во всѣхъ мы напротивъ можемъ констатировать такіе истинно печальные факты, свидѣтельствующіе о крайнемъ одичаніи умовъ. Я приписываю это въ большой степени нашему хорошему гуманистическому образованію. Студенты наши приходятъ въ университетъ болѣе зрѣлыми и разсудительными, и не дѣлаютъ такого рода безчинствъ.» (*Verhandlungen uber Fragen des hoheren Unterrichts 1891. стр. 537—8.*) Но одно дѣло—правильное мнѣніе, и другое—умѣлое пользованіе имъ для дѣла. Какъ бы-то ни было, мнѣніе, что русскій нигилизмъ есть непосредственное порожденіе тогдашней русской школы, очень скоро стало для графа Толстого догмою: на ней и была основана вся система образованія нашего юношества. Класицизмъ такимъ образомъ являлся служебнымъ средствомъ борьбы правительства съ зловредными мнѣніями, бродившими въ головахъ моло-

дого поколѣнія. Это была полицейская мѣра «оздоровленія» умовъ, какъ называли тогда дѣло учебной реформы. Вопросъ о древнихъ языкахъ—этомъ предметѣ школьнаго ученія раскричали тогда до нельзя, притомъ именно какъ о какомъ-то самодѣйствующемъ лѣкарствѣ отъ хронической болѣзни общества, какъ о какомъ-то патентованномъ заграничномъ средствѣ, которое стоитъ только купить и принять,—и подѣйствуетъ.... Вотъ и начали лѣчить нашу молодежь классицизмомъ; принялись за дѣло горячо, спѣшно. Но вмѣсто того, чтобы организовать наше гимназическое ученіе по-русски, въ связи съ тѣми его дидактическими элементами и условіями, какъ они существовали у насъ издавна въ нашихъ школахъ, преимущественно духовнаго вѣдомства, для гимназій 1871 года взяли прямо уставъ австрійскихъ гимназій, а вести дѣло классическаго ученія поручили австрійскимъ славянамъ, которые и стали врачевать наше юношество классицизмомъ, приготавливая для него это лѣкарство по иностраннымъ рецептамъ. Какъ будто родной языкъ нашъ—эта психологическая призма всякаго школьнаго ученія для нашихъ юношей тотъ же, что и для австрійскихъ... Понятно, что изъ такъ поставленнаго классицизма въ нашихъ гимназіяхъ ничего не вышло. Какъ средство противъ нигилизма въ рукахъ призванныхъ врачей, онъ оказался лѣкарствомъ негоднымъ; никакого оздоровленія умовъ не совершилось, напротивъ, годы въ жизни нашей учащейся молодежи, кажется, еще болѣе прежняго времени были полны событіями, свидѣтельствующими о недоброкачественности ея умственнаго и нравственнаго состоянія.

Что касается университетовъ, то графъ Толстой держался того мнѣнія, что бывшія тогда разныя «университетскія исторіи» были прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ тогдашней университетской автономіи. И вотъ, вмѣсто того чтобы противодѣйствовать разстройству университетовъ устройствомъ въ нихъ надлежащаго учебнаго порядка, онъ занялся задачею сокрушить университетскую автономію. Университеты такимъ образомъ явились какъ-бы противниками учебнаго правительства, по крайней мѣрѣ такъ смотрѣли на нихъ графъ Толстой и почти всѣ присные тогдашнему министерству просвѣщенія. Графъ Толстой отвернулся отъ университетовъ. Далѣе, въ учебномъ нашемъ мірѣ были все компромиссы между Толстовскимъ, или собственно Катковскимъ его направлениемъ и тою вульгарною педагогикою, которая всю задачу устрой-

ства учебнаго дѣла полагаетъ въ облегченіи ученія. Теперешнее положеніе у насъ учебнаго дѣла крайне не-ясно. Относительно его въ обществѣ, въ литературѣ также какъ и прежде свѣта мало: понятія перепутаны, пониманіе подлинной задачи образованія крайне затемнено, общественно историческое значеніе учебнаго дѣла въ государствѣ представляется нерѣдко въ превратномъ видѣ: на него готовы смотрѣть только какъ на дѣло приготовленія людей, способныхъ на борьбу за существованіе... Само же образованіе, какъ усовершенствованіе духовнаго человѣка по высшимъ, вѣчнымъ идеямъ человѣческаго достоинства и земнаго нашего призванія, какъ эти идеи выработались въ исторіи образованія, игнорируется, какъ что-то прошлое, не настоящее... Основательно желая, чтобы школы наши были полезны учащимся, проповѣдуютъ для самаго учебнаго дѣла отчаянный утилитаризмъ, въ духѣ какого-то французскаго софиста, одного изъ множества современныхъ софистовъ, стремящихся, подобно древнимъ софистамъ, поживиться около учебныхъ дѣлъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи, особенно же въ Англіи, учебное дѣло издавна, и часто съ большимъ успѣхомъ, велось частными обществами и отдѣльными лицами. Предпринимателямъ это стоило всегда большихъ денегъ, оно же доставляло нерѣдко и доходы. Но, при развитіи учебнаго дѣла въ такомъ личномъ, а не государственномъ порядкѣ, естественно, что рядомъ съ лицами, изъ убѣжденія и самоотверженно преданными дѣлу, могутъ появляться проходимцы—антрепренеры, которые, желая уловить себѣ какъ можно болѣе кліентовъ, устраиваютъ дѣло въ данномъ излюбленномъ публикою направленіи, шагая черезъ край его. Не что другое, какъ это самое, продѣлывали вѣдь въ свое время и греческіе софисты. Такихъ—то софистовъ довольно теперь во Франціи, особенно въ Англіи. Утилитаризмъ былъ всегда преслѣдуемъ англійскою школою, онъ свойственъ духу націи. Но школа въ Англіи процвѣтала доселѣ и доставляла странѣ дѣловыхъ и серьезныхъ людей не въ силу утилитаризма, а благодаря усиленному развитію въ ней идеальныхъ элементовъ образованія. Съ этой исторической болѣе широкой точки зрѣнія на современное положеніе учебнаго дѣла, въ Англіи, лица, изучающія исторію образованія, наблюдаютъ, что за послѣдніе десять—двадцать лѣтъ оно тамъ очень понизилось въ своемъ достоинствѣ, благодаря тому, что школы, руководимыя разными ловкими людьми, въ утилитарномъ на-

правленіи своего дѣла перешагнули черезъ край. По существу же дѣла, такъ восхваляемая теперь у насъ англійская «новая школа» находится въ непосредственной связи съ тою идеею эпохи просвѣщенія, что образованіе есть просвѣщеніе разума для индивидуальной пользы каждаго въ отдѣльности. Хотя мысль о томъ, что образованіе есть нѣчто очень цѣнное для людей само по себѣ, и безъ доставанія при помощи его изъ нѣдръ природы разныхъ лакомствъ, не особенно популярна въ наше время даже въ Европѣ, но у насъ эта мысль скорѣе, кажется, разсматривается какъ утопія, чѣмъ какъ положеніе, долженствующее служить основаніемъ для устройства и веденія всего учебнаго дѣла. Поэтому нельзя не признать положенія нашего учебнаго дѣла въ настоящее время крайне печальнымъ. И это тѣмъ болѣе, что, увлекаясь въ немъ утилитаризмомъ всякаго рода, въ ущербъ идеальнымъ интересамъ образованія, мы и въ практическомъ отношеніи чрезъ свое учебное дѣло очень малога достигаемъ, а въ теоретическомъ только все болѣе и болѣе развиваемъ у себя *полунауку и полуобразованіе*.

Эти язвы учебнаго дѣла развѣдаютъ его теперь болѣе или менѣе повсюду; но противъ распространенія ихъ другіе принимаютъ самыя энергическія и разумныя мѣры, а мы какъ будто нарочито ведемъ свое учебное дѣло такъ, чтобы эти язвы какъ можно больше и сильнѣе развѣдали всѣ члены нашего соціального тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ мы, опередивъ, кажется, и Англію и Францію, устроили у себя высшіе женскіе курсы, въ которыхъ головы нашихъ дѣвицъ наполняются всякой всячиной, прусское министерство просвѣщенія неустанно отстаиваетъ женскій элементъ въ своей странѣ отъ поврежденія въ немъ его добрыхъ качествъ немочью полуобразованія. Уже не въ первый разъ оно руководитъ нѣмецкое общество въ правильномъ пониманіи задачи женскаго образованія. Оно не только не устраиваетъ никакихъ высшихъ женскихъ курсовъ, но и къ устройству женскихъ гимназій, или гимназическихъ курсовъ для дѣвицъ относится очень осторожно. Министерство находитъ, что самое названіе «женская гимназія» только сбиваетъ съ толку. По его мнѣнію, дѣвицы, ищущія высшаго сравнительно съ задачей народной школы образованія, должны получать его въ высшихъ женскихъ школахъ по уставу 1894 года. Эти школы назначены доставлять дѣвицамъ совершенно достаточное для нихъ религіозно-нравственное

и эстетическое образованіе, вполнѣ соотвѣтствующее законнымъ требованіямъ практической жизни. Чтоже касается до высшаго университетскаго образованія дѣвицъ, то прусское министерство и не думаетъ объ устройствѣ для этого какихъ либо высшихъ женскихъ курсовъ. Наука одна, и университетъ одинъ. Если кто либо изъ дѣвицъ, получившихъ надлежащее образованіе въ высшихъ женскихъ школахъ, «желаетъ принять на себя выполненіе болѣе трудныхъ задачъ жизни» то есть задачъ, для выполненія коихъ требуется высшее университетское ученіе, то двери университета для нихъ открыты. Но таковыхъ дѣвицъ, разсуждаетъ министерство, въ странѣ всегда можетъ быть только немного; потому, «въ интересахъ этого меньшества, безъ опредѣленнаго основанія и безъ увѣренности въ послѣдствіяхъ, измѣнять существующую систему женскаго образованія вообще—это значило бы *грѣшить* противъ всѣхъ дѣвицъ, такъ какъ это совершенно искусственно могло бы привлекать женскій элементъ въ странѣ къ прохожденію высшихъ научныхъ курсовъ, а при неуспѣшности этого прохожденія, легко породило бы въ обществѣ группу лицъ женскаго пола съ образованіемъ, имѣющимъ ничтожное достоинство для дальнѣйшей ихъ жизни въ обществѣ и еще меньшее для ихъ внутренней жизни. Если же защитники академическаго образованія женщинъ, говорятъ далѣе министерство, указываютъ на то, что, ограниченіе поприщъ для дѣятельности женщинъ толкаетъ ихъ въ проституцію, то для тѣхъ изъ нихъ, которыя потерпятъ крушеніе на пути своихъ научныхъ занятій, нравственная опасность такъже велика, или даже еще большая.» (Centralbl für ges. Unt.-verwalt. in Preuss 1899. 371. и 400.)

Сколько ума, дальновидности и спасительной осторожности проявлено въ этихъ разсужденіяхъ прусскаго учебнаго правительства! Есть чему поучиться тутъ намъ грѣшнымъ....

II.

Основная задача реформы наших университетовъ.

Блаженной памяти святитель Московскій, митрополитъ Филаретъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ А. П. Ахматову, въ 1863 г. писалъ: «университетскіе уставы скоро дѣлаются и скоро умираютъ, какъ недоношенный плодъ». (Русскій архивъ 1890 года № 11, стр. 359). Нынѣ дѣйствующій университетскій уставъ 1884 года не составитъ, конечно, исключенія изъ этого порядка существованія нашихъ университетскихъ уставовъ... Впрочемъ существующій университетскій уставъ задуманъ былъ давно, одновременно, если еще не ранѣе устава гимназій 1871 г.; обсуждался онъ очень долго въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ другихъ университетскихъ городахъ, между прочимъ чрезъ этотъ знаменитый *отпросъ* профессоровъ на мѣстѣ; по разсмотрѣннн же устава въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ не скоро былъ утвержденъ Высочайшею властію. Отъ покойнаго гр. И. Д. Делянова я слышалъ, что Государь Императоръ разсматривалъ уставъ продолжительное время, и что онъ возбуждалъ въ немъ разныя недоумѣнія. Гр. Д. А. Толстой, которому, въ числѣ другихъ лицъ, Государь высказалъ эти недоумѣнія, разсѣялъ, говорятъ, ихъ въ Государѣ указаніемъ на то, что во всякомъ случаѣ уставъ 1884 года устанавливаетъ въ университетахъ *порядокъ*, который отсутствовалъ въ нихъ при уставѣ 1863 года, а «порядокъ—де лучше безпорядка...».

Но для порядка вообще нѣтъ такой абсолютной формы, въ которой бы онъ могъ быть наложенъ на то или другое дѣло извнѣ, безъ различія условій самого дѣла и положенія въ немъ его элементовъ. Напротивъ, надлежащій порядокъ долженъ и можетъ выступать наружу только изнутри самого дѣла, непосредственно въ результатѣ дѣйствія

его факторовъ. И вотъ, въ короткое время дѣйствія теперешняго университетакаго устава, оказалось, что онъ не обезпечиваетъ надлежащаго порядка въ нашихъ университетахъ.

Порядокъ, установленный этимъ уставомъ, есть собственно виѣшній или *полицейскій* порядокъ, не соответствующій нѣкоторымъ особеннымъ условіямъ университетакаго дѣла и не согласованный съ природою и положеніемъ его элементовъ. Для университетовъ нуженъ свой порядокъ— академическій.

Съ академическимъ порядкомъ университетовъ непосредственно связана ихъ автономія. Прежде, какъ въ Германіи, такъ и вообще въ западной Европѣ, университеты пользовались полною автономіею во всѣхъ отправленияхъ своей жизни. Это были автономныя общества, или корпорации аристократіи ума и знаній, рядомъ съ родовою. Владѣя обширными полномочіями, какъ во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, такъ и въ сношеніяхъ съ другими общественными учрежденіями, университеты въ Европѣ были отдѣльными академическими республиками, которыя существовали какъ бы государства въ государствахъ. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ полицейскаго характера европейскіхъ государствъ, хотя университеты во многихъ отправленияхъ своей жизни и подпали юрисдикціи государства, но автономія ихъ и доселѣ сохраняется настолько, насколько она требуется академическимъ порядкомъ ихъ жизни.

Согласно съ этимъ, хотя университеты наши суть непосредственно государственныя учрежденія, но если хотятъ въ нихъ имѣть дѣйствительные университеты, а не что нибудь другое, то они должны быть приняты въ составъ государственныхъ учреждений въ томъ ихъ собственномъ складѣ, какой принадлежитъ имъ по существу и исторически. Университетъ, существующій не въ академическомъ порядкѣ и безъ соответствующей этому порядку автономіи, есть мертвый, только механический органъ соціального тѣла, подобно, на примѣръ, механической ногѣ у живого человѣка.

Отношеніе государства къ университетскому дѣлу опредѣляется тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ для него это дѣло. Университеты призваны выпускать въ свѣтъ людей высшаго умственнаго порядка, которыми государство пользуется, какъ людьми образованными и пригодными для исполненія разныхъ служебныхъ обязанностей. Потому государство,

естественно, обязано принимать по отношенію къ университетамъ всѣ зависящія отъ него мѣры, которыя способствовали бы наиболѣе успѣшному занятію науками лицъ, входящихъ въ составъ университетскихъ корпорацій,—какъ учащихся, такъ и учащихся. Точно также оно обязано заботиться и о надлежащемъ приготовленіи молодыхъ людей къ прохожденію университетскихъ курсовъ. По условіямъ дѣла, это есть собственно забота о надлежащемъ приготовленіи учителей, которые были бы въ состояніи хорошо учить своихъ учениковъ. Этимъ обязанностямъ соотвѣтствуетъ право, которымъ издавна уже пользуются всѣ государства въ Европѣ, требовать университетскаго образованія отъ лицъ, желающихъ занять тѣ или другія государственныя должности, а также и подвергать ихъ предварительному испытанію въ соотвѣтствующемъ данной должности научномъ образованіи. Но государство рискуетъ не имѣть въ университетахъ органъ своей силы, если оно въ отношеніяхъ своихъ къ нимъ нарушаетъ такъ или иначе свойственный имъ учебному дѣлу академическій порядокъ.

Согласно съ этимъ, существенная задача устройства университетскаго ученія состоитъ въ томъ, чтобы государственные интересы, связанные съ университетскимъ ученіемъ, не ложились бременемъ на академическій порядокъ университетовъ, но по возможности согласовались съ нимъ. Безспорно, что соглашеніе это есть дѣло довольно трудное. Академическому порядку университетовъ соотвѣтствуетъ понятіе *школы*, въ смыслѣ опредѣленнаго умственнаго отношенія къ предметамъ наукъ, согласнаго съ учебными традиціями въ данной области знанія, съ современнымъ состояніемъ относящихся сюда наукъ, равно и соотвѣтствующаго личнымъ интересамъ и индивидуальнымъ наклонностямъ лицъ, занимающихся науками. Академическій порядокъ такимъ образомъ естественно тянетъ университеты къ свободѣ ученія, а государственные интересы требуютъ отъ лицъ университетскаго образованія знаній опредѣленнаго содержанія, необходимыхъ и пригодныхъ для того или другаго дѣла... Равнодѣйствующая этихъ двухъ тяготѣній и есть искомое въ вопросѣ объ устройствѣ университетскаго ученія.

При одностороннемъ пониманіи научнаго дѣла, можетъ казаться, что въ наукѣ есть что-то необходимое и непосредственно полезное для веденія въ государствѣ того или другаго дѣла лицами, имѣющими науч-

ное образованіе, а все прочее въ ней пустое, мало годное и чуть-ли не вредное для дѣла. Впрочемъ, не менѣе односторонне разсуждаютъ и тѣ, которые думаютъ, что свобода ученія сама по себѣ есть такое благо, что съ регулированіемъ ея въ какомъ бы то нибыло порядкѣ должны пасть не только университеты, но и сама наука, какъ высказалъ это недавно профессоръ Циглеръ въ статьѣ: *der deutsche Student am Ende 19 Jahrhunderts*. На дѣлѣ же соглашеніе государственныхъ интересовъ съ академическимъ порядкомъ университетовъ заключается именно въ нѣкоторомъ особенномъ способѣ регулированія университетскаго ученія надлежащими *дидактическими* мѣрами, согласными съ академическимъ строемъ университетовъ.

Между тѣмъ, этотъ-то основной пунктъ устройства университетовъ, то есть само университетское ученіе, и остается у насъ доселѣ безъ надлежащаго вниманія: не обращается должнаго вниманія на тѣ именно условія научнаго образованія, при которыхъ только оно и можетъ быть истинно полезнымъ для государства и для жизни. Вънѣшній, или административный порядокъ въ нашихъ университетахъ совершенно господствуетъ надъ академическимъ. Административный порядокъ требуетъ и административныхъ мѣръ; но, какъ несогласныя съ природою университетовъ, онѣ, очевидно, не обезпечиваютъ надлежащаго въ нихъ академическаго порядка.

Въ послѣднее время министерство учебныхъ дѣлъ рекомендовало учебнымъ начальствамъ университетовъ принять нѣкоторыя мѣры для установленія въ нихъ академическаго порядка. Такъ именно въ университетахъ предположено расширить практическія занятія студентовъ, устроить научные и литературные студенческіе кружки, завести изъ студентовъ хоры и оркестры и основать студенческія общежитія, и все это—для установленія возможно большаго общенія между студентами и профессорами.

Общеніе профессоровъ и учебнаго начальства со студентами, безъ сомнѣнія, необходимо, но только развѣ случайно оно можетъ выражаться иногда въ слушаніи профессорами студенческихъ хоровъ и оркестровъ, и въ этомъ, скорѣе только впрочемъ воображаемомъ, посѣщеніи профессорами студенческихъ общежитій, для руководства ихъ здѣсь въ научныхъ занятіяхъ. Для того, чтобы общеніе профессоровъ со студентами

было производительно для достиженія студентами надлежащей цѣли ихъ ученія, оно должно быть организовано по смыслу самой этой цѣли. Это значитъ, что признавая общеніе профессоровъ со студентами необходимымъ, нельзя разсуждать такъ: давай-де придумаемъ способы и формы этого общенія.... Хотя общеніе профессоровъ со студентами дѣйствительно есть условіе надлежащаго учебнаго порядка въ университетѣ, но таковымъ оно можетъ быть только тогда, когда само слагается въ жизни университета, какъ результатъ его учебнаго порядка, когда въ немъ именно, въ этомъ общеніи, естественно выражается этотъ порядокъ. А создавать это условіе искусственно—это только одни разговоры.

Прямую и ближайшую задачу реформы нашихъ университетовъ должно составлять само университетское ученіе. Требуется организовать его въ такомъ порядкѣ, чтобы, при свободномъ отношеніи къ вопросамъ науки и профессоровъ и студентовъ, первые преподавали, а вторые усвоили себѣ надлежащія научныя знанія, необходимыя и пригодныя для ихъ научнаго образованія и для веденія ими впослѣдствіи того или другого дѣла. Доселѣ учебный порядокъ въ нашихъ университетахъ держится экзаменами. Но, безъ правильной дидактической разработки на практикѣ учебнаго порядка въ самихъ факультетахъ, хотя бы и отдѣльно отъ факультетскаго ученія поставленныя испытанія никогда не могутъ сложиться въ отдѣльный и самостоятельный порядокъ учебнаго дѣла университетовъ, а будутъ только внѣшнимъ парадомъ этого дѣла, совершенно безсильнымъ, чтобы регулировать его въ отношеніи къ дѣловымъ цѣлямъ научнаго образованія.

Въ Германіи, въ частности въ Пруссіи, гдѣ студенты въ массѣ взятые, вслѣдствіе запущенности порядка учебной свободы, традиціонно были поставлены доселѣ также неправильно къ своимъ обязанностямъ, —такъ именно, что до экзамена они могли не учиться какъ должно и не посѣщать лекцій, теперь принимаютъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы чрезъ самый учебный порядокъ каждый студентъ стоялъ какъ можно ближе къ самому себѣ, то-есть къ своему собственному учебному дѣлу. Тѣмъ болѣе, очевидно, должно заботиться объ этомъ у насъ, гдѣ, при отсутствіи въ университетахъ надлежащей академической свободы не только учащихся, но и учащихся, такъ развита свобода праздности. Впрочемъ, какъ сказано, это есть современная задача реформы и нѣмец-

кихъ университетовъ. Ею давно уже заняты многія правительства въ Германіи. Особенно же рѣшительно и энергично заботится объ этомъ министръ юстиціи въ Пруссіи Шенстедтъ по отношенію къ юридическимъ факультетамъ; уже давно, лѣтъ десять назадъ, онъ указывалъ на неправильности традиціоннаго учебнаго порядка на этихъ факультетахъ. На эти неправильности, впрочемъ, еще раньше не разъ указывали такіе авторитеты юридической науки, какъ Робертъ фонъ Мольтъ и Гнейстъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что учебный порядокъ занятій студентовъ въ Германіи вообще держался доселѣ экзаменами, иногда даже, какъ у насъ, еще повѣрочными, курсовыми и разными другими испытаніями. У насъ вѣра въ упорядочивающую силу экзаменовъ такъ сильна, что на примѣръ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, какъ я знаю по личному опыту, не разъ бывало снѣшили рановременно начать экзамены... Требуется же напротивъ поставить университетское ученіе такъ, чтобы граждане автономной академической республики занимались своимъ дѣломъ безъ всякихъ къ этому искусственныхъ мѣропріятій со стороны правящей власти, и между прочимъ даже безъ какихъ либо повѣрочныхъ испытаній, какъ на это именно и указывалъ бывшій министръ просвѣщенія въ Пруссіи Боссе въ своемъ объясненіи къ новому учебному порядку на юридическихъ факультетахъ, предложенному министромъ юстиціи.

Для этой цѣли необходимо центръ пракческаго интереса пребывания студентовъ въ университетѣ перемѣстить съ момента экзамена на каждый по возможности день ученія ихъ въ университетѣ, или, что тоже, связать значеніе университетскихъ экзаменовъ въ государственномъ отношеніи съ достоинствомъ самихъ научныхъ занятій студентовъ въ университетѣ. Этотъ принципъ и принять теперь въ основаніе учебной реформы юридическихъ факультетовъ въ Пруссіи. Общій смыслъ реформы тотъ, что научныя занятія студентовъ въ теченіе университетскаго курса (пока еще впрочемъ только по гражданскому праву и процессу, какъ главнѣйшимъ предметамъ юридическаго образованія), притомъ занятія самостоятельныя въ видѣ письменныхъ работъ, приняты теперь въ составъ матеріала на экзаменѣ для оцѣнки познаній студентовъ по этимъ основнымъ юридическимъ наукамъ. *Centralblatt für gesamt. Unterrichtsverwatt. im Preuss-März. 1897. стр. 289—99*). Согласно

съ этимъ бывшій министръ просвѣщенія въ Пруссiи Боссе основательно надѣялся, что этотъ учебный порядокъ окажетъ особенное дѣйствіе на поднятіе прилежанія студентовъ, такъ какъ, «безъ надлежащихъ занятій основными юридическими дисциплинами въ продолженіе всего университетскаго курса, именно безъ письменныхъ трудовъ по нимъ, которые притомъ письменно же должны быть и цензурованы руководителями занятій, студенты не будутъ допускаемы и до экзамена».

Вотъ это дѣло. А расширять просто практическія занятія студентовъ,—это, кажется, только одни разговоры. Практическія занятія и въ университетахъ, и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, были всегда, но это не мѣшало и не мѣшаетъ студентамъ бросать ихъ безъ вниманія и заниматься другимъ дѣломъ. Сколько угодно расширяйте эти занятія, наполните ими хоть всѣ учебные дни,—горю не поможете, *если не введете ихъ въ составъ занятій, окончательно рѣшающихъ для каждаго студента въ отдѣльности вопросъ о практическомъ интересѣ пребыванія его въ университетъ.*

Устроивъ вышеозначенный порядокъ, правительство прусское не опустило изъ вниманія, что исполненіе его будетъ значительно затруднительно для профессоровъ, особенно при большомъ числѣ студентовъ. Для облегченія тѣхъ изъ нихъ, которые этого пожелаютъ, постановлено назначать къ нимъ ассистентовъ. «Это учрежденіе, говоритъ министръ, слѣдуетъ представлять себѣ въ такомъ видѣ: одно—или двухчасовая въ недѣлю лекція профессора посвящается имъ на изложеніе руководящихъ точекъ взгляда на предметъ и на обсужденіе нѣкоторой части исполненныхъ студентами работъ, а ассистенты, которые присутствуютъ на лекціяхъ профессора, разсматриваютъ остальные работы, цензируютъ ихъ и разбираютъ съ ихъ составителями. Для этой цѣли, всѣ слушатели профессора дѣлятся на группы—отъ 30 до 40 человекъ. Если ассистентъ занимается ежедневно съ одною группою въ теченіе часа, то этого достаточно, для того чтобы за недѣлю онъ успѣлъ справиться со 180 или 240 студентами, предполагая конечно, что на каждый часъ только нѣкоторая часть ихъ будетъ представлять ему свои письменныя работы. Имѣя въ виду, что въ ассистенты къ профессорамъ будутъ приглашены дѣловые чиновники юридической службы, слѣдуетъ надѣяться, что факультетъ сдѣлается чрезъ это расадникомъ юристовъ, при-

годныхъ для практики; если же приглашенные окажутся виѣсть съ тѣмъ и на потребной высотѣ учительскаго умѣнья, то учрежденіе это несомнѣнно будетъ полезно и для самого университетскаго ученія». Такъ разсуждалъ министръ.

Дѣйствительно, министръ юстиціи, какъ теперь это уже извѣстно, рекомендовалъ въ ассистенты къ университетскимъ профессорамъ опытныхъ и даже въ наукѣ извѣстныхъ лицъ своего вѣдомства, и несомнѣнно, что при помощи ихъ ученіе студентовъ на юридическихъ факультетахъ въ Пруссіи подымется какъ по научному достоинству пріобрѣтаемаго чрезъ него юридическаго образованія учащихя, такъ и по значенію его для государственной службы ихъ. Но въ тоже время нельзя не подумать, что нарушаемое доселѣ равновѣсіе между учебною свободою студентовъ и обязанностію ихъ пріобрѣсти чрезъ университетское ученіе нѣкоторое точное знаніе и опредѣленное умѣнье этими мѣрами будетъ восстановлено только развѣ въ нѣкоторой степени. Нѣсколько письменныхъ работъ по наукамъ, черезъ которыя учащіеся должны усвоить себѣ научныя познанія болѣе самостоятельнымъ образомъ, чѣмъ чрезъ простое слушаніе профессорскихъ лекцій, легко могутъ чувствоваться ими только какъ вѣшній долгъ, исполненіе котораго не столько втягиваетъ ихъ въ интересы научныхъ знаній, сколько сокращаетъ только время для развлеченій и удовольствій студенческой жизни. Съ другой стороны, хотя руководители—ассистенты, изъ лицъ юридическаго вѣдомства, разумѣется люди знающіе и опытные, безъ сомнѣнія принесутъ студентамъ пользу, но для нихъ самихъ эти занятія со студентами едва-ли не будутъ въ большинствѣ случаевъ только *parerçov*. Поэтому еще въ 1891 году, (въ сочиненіи: объ университетскомъ ученіи вообще и историко-филологическомъ въ частности), разсуждая о способахъ приведенія въ равновѣсіе въ университетскомъ ученіи свободы съ обязательностію, я предлагалъ по существу ту же мѣру, какую теперь приняло прусское правительство, но самостоятельное занятіе студентовъ науками я предполагалъ въ формѣ постоянныхъ занятій, рядомъ съ постояннымъ слушаніемъ профессорскихъ лекцій, притомъ подъ руководствомъ лицъ также служебныхъ въ университетѣ какъ и профессора, которые, по моему мнѣнію, въ отличіе отъ послѣднихъ, могли бы очень основательно быть названы у насъ университетскими учителями. Къ сожалѣнію, мой голосъ былъ и доселѣ

остається въ отечествѣ голосомъ вопіющаго въ пустынь. Однако, хотя и нынѣ не много имѣется надежды на то, чтобъ онъ былъ услышанъ и принятъ къ свѣдѣнію, считаю не лишнимъ вкратцѣ повторить мои давнія мысли по настоящему вопросу, изложенныя подробнѣе въ вышеуказанномъ моемъ сочиненіи. Вся задача дѣла состоитъ въ томъ, чтобы поставить студентовъ въ активныя и по возможности непосредственныя отношенія къ предметамъ ученія, чрезъ руководство ихъ самостоятельными занятіями. Для достиженія этой цѣли, въ какомъ-бы то ни было порядкѣ самого руководства, прежде всего необходимо установить тѣ предѣлы и то направленіе знанія, въ которыхъ бы оно могло быть признано выраженіемъ потребнаго для студента научнаго образованія. Мѣра научнаго знанія вообще, конечно, не есть нѣчто неподвижное; напротивъ, проявляясь въ самомъ актѣ ученія, она, безъ сомнѣнія, можетъ мѣняться, въ зависимости какъ отъ состоянія самой науки, такъ и отъ способностей и прилежанія студента. Но потому-то и требуется внимательное разсмотрѣніе, что и какъ въ той или другой наукѣ, сообразно съ современнымъ ея состояніемъ и съ цѣлями образованія, должно быть усвоено нашими студентами какъ со стороны ея матеріала, такъ и методы. Хотя здѣсь, естественно, могутъ быть различія въ мнѣніяхъ, но, при извѣстномъ опытѣ въ дѣлѣ и при надлежащей широтѣ взгляда лицъ судящихъ, соглашеніе всегда возможно. Это соглашеніе должно выразиться въ *годегетическиххъ* программахъ, или планахъ для самостоятельныхъ занятій студентовъ науками. Ту или другую годегетику предмета каждый толковый преподаватель, безъ сомнѣнія, имѣетъ, такъ сказать, въ головѣ у себя; иначе, какъ же онъ сталъ бы излагать свой предметъ въ послѣдовательномъ рядѣ лекцій? Но лекція не должна замѣнять собою самостоятельныхъ занятій студента; она должна быть только назиданіемъ его въ этихъ занятіяхъ, орудіемъ созиданія въ немъ ученаго смысла, необходимаго для таковыхъ его занятій. Потому годегетика или годегетическая программа подлежащаго изученію предмета представляется необходимымъ дополненіемъ къ самой лекціи.

Программы эти, естественно, могутъ и должны быть съ теченіемъ времени измѣняемы. Но цѣль ихъ всегда будетъ хорошо достигнута, если въ нихъ, рядомъ съ обозначеніемъ частей предмета въ формѣ соответствующихъ имъ темъ или вопросовъ науки, будетъ указано, какія отно-

сящіяся къ нимъ сочиненія и какія части ихъ, въ какомъ послѣдовательномъ сопоставленіи ихъ одна съ другой и съ исключеніемъ чего, или какъ не прямо относящагося къ дѣлу, или какъ менѣе важнаго для познанія, или, наконецъ, какъ неудачнаго въ томъ или другомъ сочиненіи,—должно быть усвоено учащимися, по мѣрѣ возможности, по каждому вопросу, или по цѣлому ряду ихъ. Нѣкоторое затрудненіе въ этомъ случаѣ составляетъ конечно то, что большая часть могущихъ войти въ эти указанія ученыхъ сочиненій написана на иностранныхъ языкахъ; но если дѣйствительно не по всемъ вопросамъ или темамъ для программъ можно ограничиться сочиненіями русскихъ ученыхъ, или существующими уже переводами на русскій языкъ иностранныхъ, то несомнѣнно, что проектируемый порядокъ студенческихъ занятій очень скоро вызоветъ на свѣтъ не только переводы требуемыхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ, но и самостоятельныя сочиненія русскихъ ученыхъ.

Но годегетическія программы, однѣ и сами по себѣ, недостаточны. Невоспринятельно онѣ могутъ быть пригодны только для нѣкоторыхъ студентовъ, вообще же учащіеся нуждаются въ живомъ посредникѣ между ними самими и тѣмъ, что подлежитъ ихъ изученію.

Живыми посредниками между студентами и предметами ихъ ученія прежде всего, конечно, должны быть сами профессора, излагающіе имъ науки въ своихъ лекціяхъ. Но профессора тратили бы даромъ время, если бы въ своихъ лекціяхъ передавали студентамъ *voce viva* лишь то, что они, какъ необходимое для ихъ познанія, могутъ усвоить себѣ изъ книгъ и путемъ практическихъ занятій того или другого рода. Какъ бы ни разсуждать о лекціяхъ, но эти научныя *ἀκροήματα* имѣли и всегда будутъ имѣть значеніе для слушателей, не столько какъ способъ передачи имъ свѣдѣній о предметѣ, сколько какъ развитіе предъ ними образцовыхъ методическихъ приемовъ постановки и разработки научныхъ вопросовъ. Другіе способы руководства студентовъ въ усвоеніи научныхъ знаній—черезъ *Θέσεις*, *πρόβλήματα ἀπορίας* и проч. какъ это было въ учебной практикѣ Аристотеля, если бы практиковались обязательно самими профессорами, то хотя и не унижали бы, конечно, достоинства ихъ какъ ученыхъ дѣятелей, для нихъ самихъ были бы только постояннымъ повтореніемъ того отношенія къ научнымъ вопросамъ, которое они пережили еще не бывши таковыми. Такое постоянство само по себѣ, безъ сомнѣнія, вовсе не гармо-

вируетъ съ движеніемъ наукъ, за которыми они должны слѣдовать и по возможности даже стоять въ челѣ его. Очевидно такимъ образомъ, что для таковыхъ научныхъ занятій со студентами университетамъ нашимъ нужны особые люди, которые, не стоя еще на высотѣ профессорскихъ обязанностей, были бы въ тоже время настолько свѣдущи и привычны къ правильному изложенію научныхъ знаній, что въ состояніи были бы въ пониманіи ихъ путеводить и другихъ. Таковые люди и должны бы составлять въ университетахъ особый штатъ университетскихъ учителей, или профессорскихъ адъюнктовъ.

Но чтобы университетскіе учителя были истинными адъюнктами профессоровъ, не слѣдуетъ, кажется, просто предоставить имъ, по ихъ собственному усмотрѣнію, доучивать студентовъ,—разъяснять имъ профессорскія лекціи и доводить ихъ до ихъ пониманія, какъ предполагалъ Р. Моль; тогда неминуемо будетъ то, что и случилось въ германскихъ университетахъ съ тамошними репетиторіями: молодые люди начнутъ дѣлать опыты самостоятельнаго изложенія студентамъ науки. Не говоря уже о массѣ недоразумѣній, которыя могутъ при этомъ выступать, студенты во всякомъ случаѣ будутъ чрезъ эти лекціи только еще разъ воспринимать научныя знанія, а не продуцировать ихъ путемъ своего собственнаго размышленія о научныхъ вопросахъ. Для избѣжанія какъ повторенія адъюнктами того, что излагаютъ профессора, такъ и другого рода нежеланныхъ явленій, можно, конечно, какъ это и дѣлалось прежде у насъ, раздѣлять науку на части, изъ коихъ одну излагаетъ профессоръ, а другую адъюнктъ. Но раздѣленіе труда въ такомъ порядкѣ привлечетъ собственно только равнымъ. Если требовать отъ доцентовъ, чтобы они, доучивая студентовъ тому, что они восприняли въ профессорскихъ лекціяхъ, употребляли не монологи, а давали имъ проблемы и ставили вопросы для бесѣдъ о нихъ со студентами, то, по содержанию своему, эти бесѣды доцентовъ такъ же могутъ быть далеки отъ истинныхъ цѣлей студенческаго ученія, какъ и самыя лекціи ихъ. Для достиженія истинной пользы отъ занятій доцентовъ со студентами по той или другой наукѣ, и должны быть даны имъ въ руководство точныя годегетическія программы.

Если ближайшимъ образомъ, какъ первый шагъ, занятія университетскихъ учителей со студентами и могутъ пожелать имѣть своимъ пред-

метомъ непосредственно то, что преподано на лекціяхъ по тому или другому вопросу изучаемаго предмета, то въ этомъ случаѣ они должны быть организованы просто какъ репетиціи профессорскихъ лекцій; но этотъ порядокъ требуетъ на практикѣ большой осторожности, и самъ по себѣ несущественъ. Существеннымъ образомъ занятія студентовъ съ учителями должны простираться на то, что, по указанію профессоровъ, должно быть усвоено учащимися путемъ самостоятельнаго труда ихъ, притомъ или въ формѣ изученія научныхъ сочиненій, или въ формѣ опредѣленной работы надъ даннымъ матеріаломъ по тому или другому научному вопросу. Форма занятій этого второго вида есть собственно отчетъ учащихся въ исполненной ими работѣ по данному вопросу науки. Здѣсь учащіеся какъ съ одной стороны могутъ обнаружить, въ какой мѣрѣ они усвоили подлежащій научный матеріалъ и методическіе приемы его научной разработки, такъ равно съ другой стороны должны получить отъ преподавателей и соответствующія наставленія. Не говоря о наукахъ собственно демонстративныхъ, въ этой послѣдней формѣ занятій очень удобно могутъ быть руководимы студенты университетскими учителями по наукамъ языко-исторической и юридической области, какъ-то: по изученію съ разныхъ сторонъ текста авторовъ, надписей, разныхъ историческихъ собственно, или юридическихъ, или художественныхъ памятниковъ. Но по наукамъ философскимъ, или по тѣмъ же наукамъ языко-исторической и юридической области, но въ тѣхъ ихъ задачахъ, кои подлежатъ философской интерпретаціи. пригодяѣе, несомнѣнно, занятія въ формѣ чтенія съ объясненіемъ относящихся къ данному вопросу частей нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненій, при чемъ руководители должны-бы были предлагать учащимся, для устнаго рѣшенія, также и задачи, именно какъ нѣкотораго рода *ἀπορίαι* и *θέσεις*. Это должны быть темы для общаго коллоквиума такого свойства, чтобы изясняющему ихъ необходимо было дѣйствовать не иначе, какъ продуктивно, черпая изъ цѣлаго источника знанія.

Хотя практическія занятія всякаго рода необходимы и при изученіи, такъ сказать, теоретическихъ наукъ, однако не эти учебныя *practica* главнѣйше имѣемъ мы въ виду, говоря о занятіяхъ студентовъ съ доцентами, какъ о новомъ дидактическомъ элементѣ въ университетской учебной системѣ. Практическія занятія составляютъ отдѣльный родъ занятій,

опредѣляемыхъ свойствомъ самаго предмета изучаемаго. Есть такія занятія экспериментальныя или демонстративныя, другія состоятъ въ рѣшеніи задачъ, или собственно въ упражненіяхъ. Они всегда были, и достоинство ихъ гораздо болѣе зависитъ отъ прилежанія и навыка учащихъ, чѣмъ отъ системы руководства. А когда, какъ въ нашемъ случаѣ, рѣчь идетъ о самомъ усвоеніи студентами научныхъ основаній, о развитіи ими въ себѣ правильныхъ научныхъ понятій, то дѣло, очевидно, касается всей учебной системы. Она до извѣстной степени опредѣляется конечно и предметами ученія, но всего болѣе зависитъ отъ общаго плана, или отъ тенденціи ученія. Еслибы тенденція университетскаго ученія состояла въ томъ, чтобы ознакомить студентовъ съ содержаніемъ науки и съ извѣстнымъ рѣшеніемъ въ ней тѣхъ или другихъ вопросовъ, безъ вниманія къ тому, какъ и насколько правильно они усвоили себѣ все это, или еслибы эта тенденція могла быть ограничена тѣмъ, чтобы чрезъ университетское ученіе приготовить мастеровъ того или другаго дѣла; тогда чтеніе лекцій, или практическія занятія, или то и другое вмѣстѣ исполнѣ довлѣли бы этимъ цѣлямъ. Но если университетское ученіе должно развивать умы учащихъ, хотя въ нѣкоторой степени, до активности ихъ самихъ въ постановкѣ и въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ, то кромѣ слушанія профессорскихъ лекцій, кромѣ необходимыхъ, при изученіи особенно нѣкоторыхъ предметовъ, практическихъ занятій всякаго рода, учащіеся должны, очевидно, передумывать и какъ бы переживать своими умами данные научные вопросы, какъ они сложились и существуютъ въ самой наукѣ. Отсюда чтеніе съ пониманіемъ научныхъ сочиненій въ порядкѣ и связи, хорошо согласованныхъ съ соответствующимъ цѣли ученія дидактическимъ объектомъ даннаго учебнаго предмета, какъ все это должно быть выражено въ программахъ,—вотъ собственно тотъ новый дидактическій элементъ въ учебномъ университетскомъ порядкѣ, на который обращаемъ здѣсь вниманіе.

Такого рода занятія студентовъ, подъ руководствомъ профессорскихъ адъюнктовъ, не должны, кажется, мѣшать самимъ профессорамъ тѣ же самыя научныя темы, которыя студенты уясняютъ себѣ здѣсь по капитальнымъ сочиненіямъ, параллельно съ этимъ, изъяснять въ своихъ лекціяхъ исполнѣ самостоятельно. Такъ, напримѣръ, еслибы въ то время какъ студенты съ адъюнктами занимаются исторіею реформаціи по

Ранке, профессоръ въ своихъ лекціяхъ посматрѣлъ на дѣло съ другой точки взгляда—не съ лютеранской, а положимъ съ православной, то это было бы только хорошо. Но самостоятельность ученой мысли въ профессорскихъ лекціяхъ, въ свою очередь, не должна отрѣшати ихъ отъ студенческихъ занятій подъ руководствомъ ихъ адъюнктовъ; напротивъ, необходимо, чтобы они время отъ времени сами посѣщали эти занятія, вслушивались въ бесѣды, принимали въ нихъ участіе и такимъ образомъ, сидя на кафедрахъ, имѣли бы предъ собою не просто массу слушателей, безъ цвѣта, безъ окраски, а коллегію учащихся, достаточно опредѣляющихся въ ихъ глазахъ высотой и содержаніемъ своихъ умовъ.

Впрочемъ, хотя позволительно думать, что при выполненіи основной задачи университетской реформы, привести по возможности въ равновѣсіе свободу съ обязательностію, едва ли можно придумать какую нибудь совершенно иную схему для плана того или другого факультетскаго ученія, но ни представленный мною и никакой другой планъ не могутъ имѣть абсолютнаго значенія. Абсолютное здѣсь одно—это сама задача университетскаго ученія, а именно—равновѣсіе въ составъ учебныхъ занятій студентовъ между наукою, которая, какъ дѣло, доступна каждому только при свободномъ отношеніи къ ней, и обученіемъ, которое состоитъ въ обязательномъ усвоеніи учащимися точныхъ и опредѣленныхъ научныхъ познаній.

Что же касается до установленныхъ теперь у насъ уставомъ 1884 г. экзаменовъ въ университетскихъ или, какъ иногда ихъ называли, въ правительственныхъ комиссіяхъ, то сразу нельзя даже понять, какое особенное значеніе могли бы имѣть эти экзамены, сравнительно съ прежними экзаменами въ нашихъ университетахъ, и по какому побужденію они установлены. Такъ же, какъ и прежде, студенты готовятся къ экзаменамъ по лекціямъ профессоровъ, и потому всячески заботятся о томъ, чтобы экзаменоваться у тѣхъ же профессоровъ, которые читали лекціи, по этимъ лекціямъ часто сами составляютъ даже экзаменныя программы, соотвѣтствующіе имъ вопросы тянутъ по жребію на билетахъ. Разница только въ присутствіи на экзаменѣ посторонняго для студентовъ лица,—въ Петербургѣ—изъ Москвы, въ Одессѣ—изъ Петербурга и т. д.

Въ Германіи государственные экзамены существуютъ издавна, съ тѣхъ поръ, какъ государства сознали достоинство для своихъ дѣлъ лицъ

съ университетскимъ образованіемъ. Государственные экзамены сложились такимъ образомъ въ Германіи на почвѣ естественныхъ отношеній между государственными интересами и университетскимъ ученіемъ, каково оно само по себѣ. Государство чрезъ экзамены желаетъ получить отъ университетовъ, что ему нужно; но благодаря учебной свободѣ, ничѣмъ почти не регулируемой доселѣ въ нѣмецкихъ университетахъ, ему не всегда удавалось получать отъ нихъ то, что нужно; приходилось и доселѣ еще приходится брать, что дають университеты, потому что, вслѣдствіе заущенности учебной свободы въ университетахъ, на что давно уже жалуются нѣмецкіе ученые и государственные люди, «неисчислимое богатство драгоцѣннаго научнаго матеріала, расточаемаго профессорами на лекціяхъ», какъ писалъ это Робертъ фонъ Мольте, «часто пропадаетъ для студентовъ даромъ, и они являются потомъ на государственные экзамены съ знаніями, почерпнутыми изъ разныхъ научныхъ компендіумовъ, репетиторныхъ конспектовъ науки и т. п.».

У насъ учебной свободы, въ нѣмецкомъ смыслѣ, въ университетахъ никогда не было, и всѣ прежніе наши университетскіе экзамены были государственные: они давали государству такихъ лицъ, какихъ приготавливали университеты, государствомъ же насажденные и всегда имъ управляемые. Но по разнымъ причинамъ совершенно иного свойства, не имѣющимъ ничего общаго съ учебной свободой академическаго быта, и университетскіе экзамены, и само университетское ученіе не разъ оказывались у насъ не соответствующими государственнымъ потребностямъ въ университетскомъ образованіи. Вмѣсто того чтобы устранить причины этого явленія, чрезъ правильную въ дидактическомъ отношеніи организацию самого университетскаго ученія, надумали, что дѣло исправится само собою, стоитъ только установить экзамены въ правительственныхъ комиссіяхъ, или, какъ тогда говорили, стоитъ только правительству „не отсутствовать“... И вотъ устанавливаются учебныя программы и задачи, и объявляется, что въ соответствующихъ имъ научныхъ познаніяхъ студенты должны будутъ давать отчетъ на „строгомъ“ чуть не на страшномъ «судѣ правительственныхъ комиссій!» Но представителями правительства въ составѣ теперешнихъ экзаменныхъ комиссій въ нашихъ университетахъ являются однако, какъ это и должно быть, тѣже служебныя лица, присутствіе коихъ на прежнихъ экзаменахъ рассматри-

валось, кажется, какъ отсутствіе здѣсь правительства! Это именно профессора университетовъ (настоящіе или бывшіе), только съ пересадкой, какъ сказано, изъ одного города въ другой. Ничего изъ всего этого, конечно, не вышло: ни государство ничего не приобрѣло, ни университеты, развѣ только одни предсѣдатели комиссій, да и то какъ говорится, *mutatis mutandis*.... Во всякомъ же случаѣ, теперешняя организація университетскихъ экзаменовъ у насъ сама по себѣ есть только довольно дорогая декорация настоящаго дѣла, а не само дѣло.

Въ Германіи государственные экзамены основаны на автономіи университетовъ. Довѣряя научное образование поколѣній людямъ, имѣющимъ къ тому призваніе и признаннымъ въ ихъ научномъ достоинствѣ учеными корпораціями, каковы профессора университетовъ, государство довѣряетъ имъ и опредѣленіе годности этого образованія для тѣхъ или другихъ служебныхъ профессій. Этотъ порядокъ производства экзаменовъ самъ по себѣ есть совершенно правильный. Ибо никто конечно, кромѣ профессора специалиста по данной наукѣ, не можетъ быть болѣе компетентнымъ судьей о достоинствѣ соответствующихъ научныхъ познаній, требуемыхъ отъ студентовъ. Но такъ какъ, по условіямъ самого научнаго дѣла, возможно, что иногда очень глубокія научныя познанія не отвѣчаютъ тѣмъ потребностямъ, которыя предъявляются къ знанію и умѣнью въ области данной науки со стороны практической жизни и государственной службы, то нѣкоторые нѣмецкіе ученые и государственные люди не разъ высказывали мнѣніе, что въ составъ комиссій для государственныхъ экзаменовъ, кромѣ профессоровъ университетовъ, должны быть назначаемы и служебныя лица соответствующихъ профессій. Мнѣніе это само по себѣ также основательно, но для дѣла оно не есть принципиальное мнѣніе; потому, нѣмецкія учебныя правительства, сколько извѣстно, руководствуются имъ только по возможности (Срав. Verhandl. 611). Вообще сказать, производство государственныхъ экзаменовъ самими профессорами, читающими лекціи, какъ прежде такъ и доселѣ, ведетъ въ Германіи прежде всего къ тому, что аудиторіи этихъ профессоровъ обыкновенно бывають переполнены слушателями. Такъ напр. лекціи покойнаго Тренделенбурга въ Берлинскомъ университетѣ, который долгое время былъ предсѣдателемъ испытательныхъ комиссій, не смотря на раннее время 7—8—9 час. утра, всегда посѣщались студентами въ количествѣ

200—300. Такое же число слушателей наполняет теперь аудиторию Куно-Фишера въ Гейдельбергѣ. Эрнстъ Курціусъ рассказывалъ, что, когда онъ въ первый разъ былъ назначенъ въ экзаменную комиссію, то въсто 17 слушателей, какъ было раньше, онъ имѣлъ заразъ 70.

Производство экзаменовъ самими профессорами ведетъ также до нѣкоторой степени къ фабрикаціи компендіумовъ и репетиторій разными гешефтмахерами научнаго дѣла, потому что, не говоря уже о тѣхъ профессорахъ, которые, какъ замѣтилъ недавно одинъ изъ нихъ, забывая, что книгопечатаніе давно уже изобрѣтено, продолжаютъ читать лекціи по своимъ манускриптамъ, даже тѣ, которые и сами напечатали уже нѣсколько своихъ манускриптовъ и постоянно идутъ въ наукѣ впередъ, читая сжегодно данный предметъ, конечно не мѣняють каждый разъ своего взгляда на подлежащіе ихъ объясненію научные вопросы. Этимъ единствомъ взгляда и, вслѣдствіе этого, самого изложенія и пользуются люди, сколько нибудь знакомые съ наукою, для составленія компендій по лекціямъ профессоровъ—экзаменаторовъ и по ихъ печатнымъ сочиненіямъ. На этомъ же основано (говорю это по своимъ собственнымъ наблюденіямъ въ 1866 г.) удивительное мастерство оксфордскихъ тьюторовъ готовить заранѣе для студентовъ письменные отвѣты на вопросы по той или другой наукѣ, которые будутъ составлены профессорами и будутъ напечатаны въ типографіи только наканунѣ экзамена, подъ строжайшимъ секретомъ.

Но хотя такимъ образомъ производство экзаменовъ самими профессорами, какъ оказывается, и ведетъ нѣкоторымъ образомъ къ составленію легкихъ пособій всякаго рода для приготовленія студентовъ къ экзаменамъ, однако равнодушіе ихъ къ правильному и успѣшному занятію науками во время университетскихъ курсовъ и механическое приготовленіе къ экзаменамъ по этимъ пособиямъ, есть, какъ теперь ужъ кажется всѣмъ понято, результатъ запущенности порядка учебной свободы студентовъ. Противъ этой запущенности и принимаются теперь, какъ было сказано выше, надлежація мѣры въ порядкѣ самого университетскаго ученія. Производство же экзаменовъ самими профессорами несомнѣнно останется въ Германіи навсегда краеугольнымъ камнемъ порядка государственныхъ экзаменовъ. Этому мнѣнію соотвѣтствуетъ и мое личное наблюденіе надъ экзаменами на учителя, при которыхъ я имѣлъ случай

присутствовать въ Берлинѣ въ 1893 г. Лица, несомнѣнно вполнѣ опытные въ дѣлѣ, предлагали экзаменовавшимся такіе вопросы, скорѣе, темы, что говорить по нимъ что либо въ отвѣтъ можно только при достаточномъ самостоятельномъ знакомствѣ съ дѣломъ, хотя бы въ отношеніи научной отчетливости и широты пониманія не во всѣхъ частяхъ изложенія одинаковомъ. А это—то, то есть, достаточное научное знакомство съ дѣломъ, въ настоящемъ случаѣ только и требуется. Въ отвѣтѣ, соответствующемъ этому требованію, опытный экзаменаторъ сейчасъ чувствуетъ, какого рода студіи предшествовали отвѣту,—основательныя ли, подлинно академическія, или случайныя, репетиторскія. Обширность научнаго знанія, выражающаяся въ знаніи подробностей, въ точности всѣхъ текстовъ и формулъ, критичность личнаго сужденія, основательность опредѣленія достоинства разныхъ теорій и взглядовъ научныхъ и другое подобное — все это подлежитъ оцѣнкѣ въ ученой литературѣ, а не на экзаменѣ. Если бы что либо подобное было требуемо на экзаменѣ, то экзаменующему пришлось бы рядиться къ экзамену, такъ сказать, въ павлиныя перья, потому что въ такихъ формахъ показать на экзаменѣ свое научное образованіе (имѣется въ виду конечно экзаменующійся средняго уровня) онъ можетъ, только взявъ соответствующія знанія напрокатъ изъ профессорскихъ лекцій, а не изъ собственныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, научныхъ занятій.

Недостатокъ теперешнихъ нашихъ университетскихъ экзаменовъ, которые также называются иногда государственными, состоитъ именно въ томъ, что они вовсе не суть собственно государственные экзамены. Они установлены въ интересѣ того административнаго порядка, въ которомъ поставлены уставомъ наши университеты. По уставу, предполагалось все данное факультетское ученіе, поскольку оно необходимо и полезно для будущаго служебнаго дѣла учащихся, представить въ видѣ программъ, обязательныхъ для *государственныхъ* экзаменовъ, при чемъ требовалось, чтобы и сами университетскіе курсы наукъ, обязательные для слушанія студентами, приспособлялись къ этимъ программамъ. Такимъ образомъ само университетское ученіе ставилось уставомъ подъ контроль экзаменовъ. Въ результатѣ этого не можетъ быть ничего иного, какъ съ одной стороны мертвенность университетскаго ученія, а съ другой—механичность университетскихъ экзаменовъ. Профессора хотя и *могутъ*, не по

уотаву конечно, а по личному усмотрѣнію, не вынуждать программы, но они *должны* ихъ выполнять. Что отъ этого должно происходить,— понять не трудно... А студенты стараются только имѣть профессорскія лекціи, чтобы въ свое время приготовиться по нимъ къ экзамену. Недавно я бесѣдовалъ съ однимъ студентомъ очень серьезнымъ и вполне благонамѣреннымъ, который наканунѣ экзамена по одному изъ предметовъ факультетскаго курса не могъ сказать мнѣ ничего о преподавателѣ этого предмета, такъ какъ онъ никогда его не видалъ и ни на одной его лекціи не присутствовалъ.

На обычное у насъ массовое непосѣщеніе студентами лекцій часто смотрятъ даже какъ на нормальное, чуть не какъ на желательное явленіе, стоящее будто бы въ необходимой связи съ тѣсною аудиторіей и другихъ помѣщеній студентовъ для занятій... Но вѣдь это значитъ просто морочить себя и другихъ и дѣлать только, какъ говорится, *bonne mine à mauvais jeu*... Ибо скажите на милость, еслибы студенты, собираясь ежедневно *чинно* въ университеты, дѣйствительно не могли всё найти себѣ мѣста для занятій и нѣкоторые принуждены были бы стоять за дверями аудиторій и прочихъ помѣщеній, то ужель нашелся бы когда нибудь такой жестокосердный министръ финансовъ, который отказалъ бы университетамъ въ небольшихъ деньгахъ на увеличеніе пространства университетскихъ помѣщеній? Нѣтъ, не недостатокъ университетскихъ помѣщеній, а тотъ порядокъ, что для экзамена требуется отъ студентовъ заучиванье профессорскихъ лекцій, а не самостоятельныя ихъ занятія подъ личнымъ руководствомъ профессоровъ и ихъ помощниковъ,— вотъ что есть подлинная причина огульнаго непосѣщенія студентами профессорскихъ лекцій и крайняго равнодушія ихъ къ своимъ учебнымъ обязанностямъ въ теченіе курса; отъ этого и самые экзамены имѣютъ значеніе лотереи, счастливой или несчастливой для экзаменующагося, и никакого государственнаго значенія. Часто бываетъ, что экзаменующійся знаетъ одинъ—два «билета» изъ всего курса науки, и отвѣчаетъ удовлетворительно; другой не знаетъ только одного—двухъ «билетовъ», и отвѣчаетъ неудовлетворительно. Такіе случаи общеизвѣстны. О нихъ уже не разъ на разные лады и въ газетныхъ фельетонахъ писали. А мы все еще продолжаемъ думать, что чрезъ университетскіе экзамены государство получаетъ людей высшаго умственнаго порядка, охватывающаго

и научно образованныхъ въ области знаній, соответствующей искомой ими службѣ въ государствѣ.

Университетскіе экзамены могутъ имѣть надлежащее государственное значеніе и быть истинно—государственными экзаменами, только при правильномъ устройствѣ университетскаго ученія, когда оно не механически согласуется съ потребностями государственной службы, а такъ, что лекціи профессоровъ служатъ для университетскихъ слушателей преимущественно только методическимъ руководствомъ въ ихъ собственныхъ научныхъ занятіяхъ, подъ руководствомъ какъ самихъ же профессоровъ, такъ и другихъ пригодныхъ къ тому лицъ, при чемъ профессорамъ принципиально должна быть предоставлена надлежащая свобода въ выборѣ какъ отдѣловъ науки для своихъ чтеній, такъ и самого плана изложенія. Тогда государство получало бы отъ университетовъ для своихъ служебныхъ поприщъ людей дѣйствительно высшаго умственнаго порядка, съ истинно университетскимъ образованіемъ, какимъ оно должно быть по своему внутреннему достоинству и по своему государственному значенію. Ибо тогда экзаменъ производился бы не изъ профессорскихъ лекцій по наукѣ, а изъ самой науки, изъ цѣлага источника знанія, какъ оно усвоено студентомъ путемъ самостоятельныхъ занятій. Такимъ экзаменомъ очень основательно могла бы быть опредѣлена годность испытываемаго къ той или другой государственной службѣ.

Впрочемъ, особенно на первое время, не слѣдовало бы, кажется, устанавливать отдѣльные экзамены на разныя должности. Достаточно, кажется, было бы установить государственные экзамены для опредѣленія научной годности бывшихъ университетскихъ студентовъ къ учительской службѣ въ гимназіяхъ и другихъ однородныхъ учебныхъ заведеніяхъ; къ нѣкоторымъ видамъ юридической службы въ судебномъ вѣдомствѣ и къ службѣ административно—финансовой, также въ нѣкоторыхъ ея видахъ. А для другихъ отраслей государственной службы преимущественно канцелярскаго характера и вообще механическаго въ области административной и финансовой, государство могло бы, кажется, довольствоваться выпускнымъ свидѣтельствомъ, полученнымъ молодымъ человекомъ отъ университета объ успѣшномъ и прилежномъ исполненіи имъ учебныхъ занятій во все установленное время для прохожденія того или другого факультетскаго курса, при чемъ различіе факультетовъ для очень

многихъ службъ механическаго характера не должно бы, кажется, имѣть принципиальнаго значенія; предпочтительный выборъ лицъ съ тѣмъ или другимъ факультетскимъ образованіемъ тутъ можно бы, кажется, предоставить указаніямъ оцѣны. Самыя же эти выпускныя свидѣтельства для окончившихъ курсъ того, или другого факультетскаго ученія должны быть выдаваемы имъ изъ университета безъ особаго экзамена, а единственно на основаніи успѣховъ и прилежанія ихъ во время ученія, такъ что если кто, по нерадѣнію, или по увлеченію въ періодъ университетскаго своего ученія неучебнымъ дѣломъ, не исполняетъ въ надлежащемъ порядкѣ и съ должнымъ усердіемъ установленныхъ факультетскихъ занятій, тотъ,—это должно быть установлено какъ непреложный законъ,—признается заявившимъ, онъ онъ желаетъ избрать для себя въ жизни какое либо другое поприще, а не одно изъ тѣхъ, для которыхъ требуется университетское образованіе, и увольняется изъ университета.

Жизнь и служба сами конечно суть хорошія школы; не одинъ бывшій студентъ университета, не подвергавшійся государственному экзамену, а поступившій на службу по выпускному университетскому свидѣтельству, можетъ оказаться очень пригоднымъ къ дѣлу, и оказать въ немъ даже большіе успѣхи, сравнительно съ другими, поступившими на службу по праву, пріобрѣтенному чрезъ государственный экзаменъ. Но эти случаи едвали могутъ служить основаніемъ для занятія этими лицами и высшихъ служебныхъ должностей въ государствѣ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи, кажется, долженъ быть поставленъ для нихъ предѣлъ. Если же число таковыхъ лицъ, замѣтно успѣвающихъ на служебныхъ поприщахъ и даже превосходящихъ своимъ успѣхомъ другихъ, державшихъ государственный экзаменъ, будетъ оказываться очень значительнымъ, то это должно служить только указаніемъ, что государственный экзаменъ, или въ составѣ своемъ, или въ порядкѣ производства, организованъ неправильно и долженъ быть исправленъ.

III.

О приготовленіи профессоровъ.

Если для многихъ видовъ службы въ государствѣ требуется нѣкоторое университетское образованіе, то явно, что для службы ученой оно потребно въ высшей степени. Согласно съ этимъ, въ ученomъ мiрѣ издавна существуютъ разныя степени учености, или разныя ученныя достоинства. Но въ ряду прочихъ достоинствъ, которыми различаются служащіе какъ на другихъ служебныхъ поприщахъ, такъ даже и на ученomъ, ученое достоинство чувствуется у насъ вообще очень мало. По какой въ самомъ дѣлѣ низкой цѣнѣ идетъ иногда ученость на рынкѣ нашихъ общественныхъ дѣлъ, это видно изъ того, что при назначеніи на должности, связанныя непосредственно съ интересами науки, не рѣдко не обращается вниманія на то, имѣетъ ли кандидатъ высшую ученую степень—не только въ томъ случаѣ, когда требованіе ученой степени не установлено закономъ, но даже и въ томъ случаѣ, когда это установлено, а иногда таковыя должности занимаютъ лица, даже и не учившіеся въ университетѣ.

Въ Пруссіи, для занятія должностей, связанныхъ съ научнымъ дѣломъ, на примѣръ, ассистентовъ при разныхъ учрежденіяхъ въ медицинскомъ факультетѣ, равно при семинаріяхъ другихъ факультетовъ и при многихъ другихъ такого рода университетскихъ учрежденіяхъ, требуется непремѣнно степень доктора по тому факультету, къ какому относится данное учрежденіе (*Centralblatt etc.* 1895. 336). Это требованіе несомнѣнно много содѣйствуетъ тому, что университетская, вообще ученая служба такъ высоко стоитъ въ Германіи во мнѣніи какъ правительства, такъ и общества. Впрочемъ, и у насъ, для поступленія на ученую службу въ качествѣ профессора, принципиально требуется предварительное

получение степени доктора. Уставъ требуетъ также, чтобы кандидатъ на университетскую кафедру зарекомендовалъ себя съ преподавательской стороны чтеніемъ лекцій, въ продолженіе не менѣе трехъ лѣтъ, въ званіи приватъ—доцента. Не касаясь здѣсь несовершенство такого порядка въ дидактическомъ отношеніи, нельзя не признать, что самъ по себѣ этотъ порядокъ есть конечно хорошій искусъ, но онъ умѣстенъ только при самостоятельномъ академическомъ порядкѣ въ университетахъ.

Между тѣмъ, хотя по уставу никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора, въ дѣйствительности это не всегда соблюдается, и это съ одной стороны свидѣтельствуетъ о недостаткѣ у насъ лицъ, имѣющихъ ученую степень, а съ другой самый этотъ недостатокъ возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе случаевъ замѣщенія докторскихъ мѣстъ не докторами. Во всякомъ же случаѣ, это несомнѣнно роняетъ достоинство ученыхъ степеней въ глазахъ не только общества, но и самихъ лицъ, которымъ, для получения ученой службы въ государствѣ, надлежало бы предварительно довольно потрудиться для пріобрѣтенія требуемой закономъ ученой степени. Но къ чему трудиться, къ чему въ теченіе не одного а болѣе лѣтъ, притомъ въ ту пору жизни, когда разнообразныя впечатлѣнія такъ сильны и заманчивы, оставаться одинокимъ въ тиши кабинета, въ обществѣ только книгъ, хартій и разнаго рода матеріала науки, когда можно тѣмъ или другимъ способомъ достигнуть желаемого положенія и безъ этого, какъ достигли уже такового нѣкоторые другіе?

Въ порядкѣ приготовленія профессоровъ, издавна употребляется у насъ одна очепь хорошая мѣра, состоящая въ томъ, что лица, желающія приготовиться къ профессорскому званію, получаютъ иногда казенныя стипендіи, обезпечивающія имъ досугъ для ученыхъ занятій дома, или для сей же цѣли посылаются они на казенный счетъ за границу. Выдача такихъ стипендій есть мѣра не только благопріятная для достиженія предполагаемой цѣли самими получающими ихъ, но и необходимая въ интересъ самого дѣла. Безъ нея многія умственные силы могли бы пропасть для науки, тѣмъ болѣе, что научныя призванія закрѣпляютъ и зрѣютъ въ сознаніи только въ извѣстномъ возрастѣ, за предѣлами котораго уже невозможна бываетъ часто та энергія труда, которая требуется отъ лицъ, посвящающихъ себя наукѣ.

Но какъ ни хороша эта мѣра правительственныхъ субсидій лицамъ, посвящающимъ себя наукѣ, однако сама по себѣ она не обеспечиваетъ правильнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію, такъ какъ само приготовленіе къ экзамену не всегда, кажется, соответствуетъ цѣли, для которой экзамень держится. Если молодой человѣкъ, готовящійся къ экзамену на ученую степень, получаетъ ли стипендію или нѣтъ, остается дома, а не отправляется за границу, то нерѣдко бываетъ, что занимаясь разными дѣлами, отъ даванія уроковъ въ частныхъ домахъ до построчной работы въ газетахъ, онъ готовится въ тоже время къ экзамену по лекціямъ того профессора, по специальности котораго самъ намѣренъ быть современемъ профессоромъ. Говорю это по своимъ собственнымъ наблюденіямъ надъ нѣкоторыми изъ моихъ бывшихъ учениковъ и тѣмъ откровеннѣе, что изъ числа тѣхъ же учениковъ могу назвать не одно лицо, имѣющее степень доктора и готовившееся къ экзамену совершенно другимъ способомъ. А тѣ говорили бывало, что иначе готовиться нельзя, что экзаменаторъ не пропуститъ, если отвѣчать не буквально по его курсу.

Способъ приготовленія къ профессорскому званію путемъ поѣздки за границу также не свободенъ отъ разнаго рода случайностей. Замѣчу при этомъ, что и въ настоящемъ случаѣ, какъ и выше, я говорю только по собственнымъ наблюденіямъ. Молодые люди, пріѣзжая за границу съ жаждою знаній и съ энергіею труда, не рѣдко бываютъ въ положенія тѣхъ нѣмецкихъ студентовъ перваго семестра, о которыхъ говорилъ одинъ профессоръ на берлинской конференціи, что они очень часто остаются безъ всякаго компаса и имѣютъ самыя наивныя представленія о томъ, что надлежитъ имъ дѣлать въ тотъ или другой семестръ (Verhandl. 614.) Нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ людей начинаютъ съ того, что записываются на очень большое количество профессорскихъ лекцій и иногда самаго разнообразнаго содержанія и характера, потомъ это число сокращаютъ, и нерѣдко кончаютъ тѣмъ, что не дослушавъ ни одного курса, уѣзжаютъ на слѣдующій семестръ въ другой университетъ. Другіе въ своей наукѣ увлекаются за границей какою нибудь одною спеціальною ея частію, оставляя безъ вниманія всѣ другія. Такъ напримѣръ, мнѣ пришлось недавно видѣть за границей одного молодого человѣка, изучавшаго философію, для занятія философ-

ской кафедрѣ въ одномъ изъ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній, почти исключительно только въ такъ называемыхъ психологическихъ лабораторіяхъ. Какъ въ другихъ наукахъ, такъ еще болѣе въ области философскихъ наукъ, къ рѣшенію вѣчныхъ ея вопросовъ постоянно пролагаются новые пути, изыскиваются новыя средства. Такъ образуются какъ бы новыя науки, которыя, въ глазахъ новичковъ въ ученое дѣлѣ, представляются даже призванными замѣнить собою всѣ прежнія науки о томъ же предметѣ. Въ философской области такую наукою въ послѣднее время выступила экспериментальная психологія, обзаведшаяся кое-гдѣ такъ называемыми психологическими лабораторіями, въ которыхъ по известной экспериментальной методѣ изслѣдуются нѣкоторыя явленія нашей психической жизни. Нечего говорить, что эти изслѣдованія представляютъ большой интересъ, и умамъ сообразительнымъ могутъ впоследствии дать матеріалъ для очень важныхъ соображеній по многимъ психологическимъ и другимъ вопросамъ философскаго характера. Но они составляютъ, конечно, только нѣкоторую малую часть того дѣла, которымъ издавна занята философія, и во всякомъ случаѣ менѣе значительную въ дѣлѣ философскаго образованія, сравнительно съ другими частями философіи. Если подумать, что будущій нашъ профессоръ занимается за границей исключительно только въ психологическихъ лабораторіяхъ и пассивно и активно, и никакими иными задачами въ философской области не интересуется, не слушаетъ ни академика Дилтея, ни профессора Гартмана въ Берлинѣ, ни Вильмана въ Прагѣ и никого другого, то легко представить, какъ мало будетъ онъ впоследствии полезенъ на своей кафедрѣ для правильнаго философскаго образованія слушателей.

Въ шестидесятыхъ годахъ, когда особенно много молодыхъ людей было отправляемо за границу для приготовленія къ профессорскому званію, руководство ихъ на нѣкоторое время было поручено покойному Пирогову. Но мѣра эта, которая для самого Пирогова была, кажется, только мѣрою почетнаго удаленія знаменитаго хирурга отъ учебныхъ дѣлъ, никому изъ командированныхъ тогда за границу молодыхъ людей, кромѣ можетъ быть медиковъ, не принесла и, понятное дѣло, не могла принести никакой пользы. Тогдашняя усиленная командировка молодыхъ людей за границу, правда, не обошлась безъ ошибокъ въ выборѣ пригодныхъ для сего лицъ, такъ какъ нѣкоторые изъ командированныхъ были вовсе

не подготовлены къ самостоятельному научному труду, да и внутренно, очевидно, не интересовались наукою; потому проводили время часто попусту. Но эти случаи ничего не говорят противъ той щедрости правительства, съ которою оно исполняло тогда свою задачу заботиться о приготовленіи профессоровъ для нашихъ университетовъ. Тогдашній министръ Головинъ былъ вполне правъ, когда на укеры со стороны нѣкоторыхъ лицъ въ неосмотрительности выбора молодыхъ людей для заграничной командировки, отвѣчалъ, что „поселянинъ, бросая въ землю сѣмена, былъ бы очень наивенъ, если бы думалъ, что каждое изъ нихъ дастъ надлежащій плодъ...“ Зато Головиннымъ была принята тогда прекрасная мѣра какбы надзора за способами и правильностію занятій молодыхъ людей, приготовлявшихся къ профессорскому званію. Это именно обязательство ихъ доставлять въ министерство отчеты о своихъ занятіяхъ. Къ сожалѣнію, мѣра эта не была организована: не было выражено, что именно должно быть содержаніемъ требуемыхъ отчетовъ. Потому нѣкоторые представляли просто чуть не дневники своего пребыванія за границей; другіе, по страннымъ побужденіямъ, хотѣли явиться въ своихъ отчетахъ учеными, стоящими не только въ уровень съ ученостію корифеевъ нѣмецкой науки, но и возвышающимися надъ ними, потому критиковали ихъ здѣсь, какъ будто они пріѣхали за границу ревизорами нѣмецкихъ университетовъ. Но и это было не безъ пользы, ибо не только у насъ нашлись люди, которые оцѣнили по достоинству такіа выходы, но и заграничные профессора и сами министерства обратили на нихъ должное вниманіе. По крайней мѣрѣ въ департаментѣ прусскаго министерства учебныхъ дѣлъ въ 1893 г. была живы лица, которыя еще помнили, какъ я слышалъ это лично отъ нихъ, и не безъ ироніи рассказывали по департаментскимъ документамъ, какъ нѣкоторые русскіе ученые хотѣли скомпрометировать тогда нѣмецкую науку...

Какъ бы то ни было, представленіе отчетовъ о занятіяхъ есть совершенно правильная мѣра не только контроля, со стороны учебнаго правительства, цѣлесообразности занятій для приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію, но и нѣкотораго руководства ихъ самихъ въ этихъ занятіяхъ. Такая мѣра и должна быть органически введена въ составъ порядка приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію. Такъ именно, если бы дѣло было организовано такъ, что лица,

желающія приготовиться къ профессорской службѣ, обязательно заявляли бы объ этомъ заблаговременно въ соответствующій факультетъ и въ опредѣленные сроки представляли бы въ факультетъ свои работы по избранному ими для профессуры предмету, то съ одной стороны они шли бы къ цѣли правильнымъ путемъ, а не заучивая курсы экзаменаторовъ, какъ иногда теперь, а съ другой экзаменаторы и факультетъ имѣли бы въ этихъ работахъ какъ достаточный матеріалъ для содержанія самого экзамена, такъ равно поводъ и основаніе,—по доброй совѣсти поручить занятіями экзаминанда, въ случаѣ надобности, въ должномъ научномъ направленіи. Отъ этого порядка, кажется, была бы настоящая польза для всего дѣла, не только собственно въ ученое, но и въ нравственное его смыслѣ.

Какъ ни самобытна личность профессора, однако профессора не поэты,—они не nascitur, а fiunt. Чтобы быть профессоромъ, конечно, прежде всего надо быть ученымъ, что и выражается въ признаніи кого либо другими учеными достойнымъ ученой степени. Но одна ученость еще не создаетъ профессора. «Отъ университетскаго преподавателя, говоритъ профессоръ Вильманъ, кромѣ обладанія предметомъ ученія, требуется еще и опытность въ обученіи, иначе эту послѣднюю онъ долженъ наверстывать уже насчетъ своихъ слушателей» (Didaktik II. 493). Можеть казаться, что пріобрѣтенію опытности въ преподаваніи всего лучше должно служить приватъ-доцентство. Но дѣло именно въ томъ, что приватъ доценты могутъ наверстывать недостающую имъ опытность въ обученіи только насчетъ студентовъ, для руководства которыхъ и требуется, чтобы они были уже опыты. Притомъ, пріобрѣсти нѣкоторую опытность въ преподаваніи приватъ доценты могутъ только въ томъ случаѣ, если они уже основательно усвоили себѣ задачи учебной службы въ государствѣ. Для этого, безъ сомнѣнія, и для нихъ потребно надлежащее руководство путемъ теоретическаго и практическаго изученія дидактики. Это-то именно и недостаетъ нашимъ доцентамъ. Нельзя же думать, чтобы *нѣкоторый* устный экзамень, выдержанный молодымъ человекомъ чрезъ два—три года по окончаніи имъ университетскаго курса и давшій ему званіе полу—магистра или магистранта, могъ служить гарантією, что въ своихъ лекціяхъ онъ будетъ читать то и такъ, что и какъ нужно знать студентамъ. Двѣ пробныя лекціи, которыя онъ долженъ

прочитать предварительно, для получения отъ факультета свидѣтельства на право преподаванія въ званіи приватъ—доцента, точно также очень мало обезпечиваютъ надлежащую годность для учащихся всѣхъ послѣдующихъ его лекцій. Деканъ, ректоръ и попечитель должны контролировать преподаваніе приватъ-доцентовъ. Если оно, будучи полно равнаго вида ученой ересью и обнаруживая невѣжество лектора для самой его аудиторіи, окажется такимъ образомъ «не соответствующимъ достоинству предмета», или если оно явно будетъ «направляемо къ распространенію между слушателями вредныхъ воззрѣній», то, конечно, дѣло кончится благополучно! Но дидактическое достоинство преподаванія, но годность руководства студентовъ въ путяхъ науки, сообразно съ надлежащимъ систематическимъ планомъ ея изученія—это какъ въ нѣмецкихъ университетахъ, такъ и въ нашихъ, оставлено на личное пониманіе самихъ приватъ-доцентовъ. Впрочемъ приватъ—доцентство въ Германіи, особенно же въ Пруссіи, въ наше время потеряло уже прежнее свое значеніе «жала конкуренціи», какъ называли иногда это учрежденіе прежде. Имѣются свѣдѣнія, что по крайней мѣрѣ въ Пруссіи въ будущемъ оно подлежитъ преобразованію въ институтъ служебный, насколько это возможно по достоинству входящихъ въ него элементовъ. Во всякомъ случаѣ, приватъ—доцентство, какъ и отиѣненный теперь уже въ Пруссіи профессорскій гонораръ, суть такіа учрежденія въ устройствѣ нѣмецкихъ университетовъ, которымъ мы очень не удачно подражали въ устройствѣ нашихъ университетовъ уставомъ 1884 года.

Большимъ благомъ для всего нашего учебнаго образованія было бы, если бы вошло въ обычай и даже установлено было какъ правило, чтобы профессорами университетовъ собственно по тѣмъ предметамъ, научныя задачи коихъ болѣе популярны и болѣе обще—интересны, были лица, преподававшія сперва съ успѣхомъ тѣже, или сопредѣльные съ ними предметы въ гимназіяхъ. Тогда они являлись бы на кафедрахъ съ яснымъ представленіемъ дидактической задачи преподаванія и не разсуждали бы, какъ иногда теперь, что относительно университетскаго преподаванія «ни о какихъ другихъ дѣлахъ или интересахъ, кромѣ научныхъ, и рѣчи быть не можетъ». Впрочемъ, въ положеніи самого научнаго образованія, какъ оно внутренно слагается изъ университетскаго и изъ приготовительнаго къ нему школьнаго ученія, заключается условіе, при которомъ участие

университетскихъ профессоровъ въ школьномъ преподаваніи, какъ будетъ изъяснено это въ своемъ мѣстѣ, представляется теперь крайне желательнымъ и полезнымъ, одинаково въ интересѣ какъ школьнаго, такъ и университетскаго ученія.

Въ отдѣльности же въ интересахъ университетскаго ученія, слѣдуетъ утверждать со всею рѣшительностію, что дидактическая задача профессорской службы особенно важна для тѣхъ кафедръ, съ коихъ преподаются науки, въ большинствѣ своихъ вопросовъ соприкасающіяся съ вопросами жизни и съ тѣми вообще умственными интересами образованнаго общества, правильное пониманіе которыхъ составляетъ существенную часть общественнаго образованія. Необходимо, чтобы университетскіе преподаватели, сидящіе на этихъ кафедрахъ, стояли на надлежащей высотѣ дидактическаго умѣнья, чтобы изъясняемые ими научные вопросы не будоражили головъ слушателей ученостію и эффектностію изложенія, а были бы основательно усвояемы ими какъ научныя истины, и озаряли бы въ ихъ глазахъ свѣтомъ истиннаго пониманія и тѣ умственные интересы, которые естественно задѣваются въ умахъ слушателей данными научными вопросами. Если университетскіе преподаватели не стоятъ въ своемъ дѣлѣ на такой дидактической высотѣ, то руководителями сознанія студентовъ по вопросамъ науки, имѣющимъ связь съ общественными интересами, очень легко становятся разные не ученые писатели, а газетные фельетонисты, не профессорскія аудиторіи, а студенческія сборища. Все это въ разныхъ видахъ, къ сожалѣнію, давно уже переживается нашими университетами.

Конечно, были и есть ученые, которые сами непосредственно понимаютъ дидактическія задачи своего профессорскаго служенія. Но при томъ значеніи, которое научныя знанія все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ теперь для жизни не только матеріаломъ своимъ, но и тѣмъ вліяніемъ, какое они оказываютъ на общественный духъ и на общественныя отношенія, правильное дидактическое пониманіе научнаго дѣла есть теперь необходимое требованіе отъ всякаго, посвящающаго себя служенію этому дѣлу. Безъ этого, есть прямая опасность, что университеты наши съ ихъ науками, къ ущербу для себя и для всего нашего образованія, должны будутъ и впредь влачить свое существованіе подъ охраною только разныхъ административныхъ мѣръ, и не будутъ жить свойственною имъ настоящею академическою жизнію.

IV.

О надлежащемъ отношеніи между университетами и приготовительными къ нимъ школами.

Чтобы университеты процвѣтали, необходимо, чтобы они стояли на благопріятной для нихъ почвѣ. Эту почву образуютъ школы, приготовляющія молодыхъ людей къ университетскому ученію. Но какъ университеты, существуя исторически, естественно измѣняются внутри себя— въ составѣ своихъ факультетскихъ наукъ и въ задачахъ ихъ, въ самомъ матеріалѣ наукъ и въ методахъ изслѣдованія, такъ очевидно и приготовительныя къ нимъ школы не могутъ и не должны быть всегда неизмѣнными въ своемъ учебномъ составѣ. Измѣннымъ должно оставаться только отношеніе между университетами и приготовительными къ нимъ школами. Смыслъ этого отношенія тотъ, что университетское и приготовительное къ нему школьное ученіе, не совмѣстныя между собою, соотвѣтствуютъ одно другому дидактически, какъ производители одного и того же ученаго образованія, и оба вмѣстѣ, въ системѣ всего учебнаго дѣла, составляютъ такое сочлененіе, въ которомъ каждый членъ живетъ и дѣйствуетъ въ согласіи и взаимодѣйствіи съ другимъ.

Главная приготовительная школа къ университету, давно разработанная историческая почва его есть учебное заведеніе, именуемое гимназією. На этой почвѣ стоятъ и современные университеты, и доселѣ гимназія есть школа, преимущественно предъ другими приготовляющая къ университету. Если же, вслѣдствіе измѣненія культа многихъ наукъ въ университетѣ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ методическомъ отношеніи, признается теперь возможнымъ допускать къ университетскому ученію молодыхъ людей, учившихся предварительно и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а не въ гимназіяхъ, то, безъ вреда для универси-

тетскаго ученія и для всего учебнаго дѣла, это возможно только при томъ условіи, если эти учебныя заведенія, будучи иного учебнаго состава чѣмъ гимназіи, въ то же время близки къ нимъ, какъ школы нѣкотораго ученаго образованія, если и онѣ такъ же какъ гимназіи способны оборудовать головы своихъ учениковъ элементами знанія и умѣнья, соотвѣтствующими требованіямъ ученаго отношенія къ предметамъ наукъ.

Но какъ, съ одной стороны, дѣйствительно все болѣе и болѣе выступаетъ теперь побужденій къ расширенію почвы университетскаго ученія чрезъ признаніе, рядомъ съ гимназіями, и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеній школами пригготовительными къ университету, такъ, съ другой стороны, издавна уже не было недостатка какъ въ жизненныхъ условіяхъ учебнаго дѣла, такъ и въ теоретическихъ разсужденіяхъ о гимназическомъ ученіи, по силѣ которыхъ задача гимназіи — притовлять учащихся къ университету казалась слишкомъ узкою для нея, слишкомъ отдаляющею ее отъ интересовъ окружающей дѣйствительности, отъ нуждъ текущей жизни; потому, ее давно уже расширили, вѣннвъ гимназіи въ обязанность доставлять учащимся нѣкоторое общее образованіе. Это-то и было причиною того, что, во мнѣніи по крайней мѣрѣ общества, такъ рѣшительно вступили теперь въ конкуренцію съ гимназією и равныя другія учебныя заведенія. Мало по малу составилось представленіе, что гимназія есть только одна изъ ряда среднихъ школъ, занимающихъ въ учебной системѣ пространство между низшими школами и университетами. Въ этомъ представленіи совершенно пропало изъ виду историческое, такъ сказать, спеціальное значеніе гимназіи, что конечно способно вносить не малую путаницу въ разсужденія о ней. Но пока эта путаница существуетъ во мнѣніи общества и встрѣчается лишь въ общей литературѣ по учебнымъ дѣламъ, — отъ этого бѣды большой еще нѣтъ. А коль скоро отъ нея не свободны и сами руководители учебнаго дѣла, то есть опасность, что въ ихъ рукахъ порвутся наконецъ и перепутаются всѣ историческія его нити, такъ что дальнѣйшее органическое развитіе учебнаго дѣла будетъ уже невозможно. Въ виду этого интересно отмѣтить, что въ Пруссіи закономъ 11-го Іюля 1894 года установлено, что среднія школы составляютъ отдѣльную категорію учебныхъ заведеній, доставляющихъ хотя и высшее, сравнительно съ народными школами, образованіе, но не ученое. (Centralblatt f. ges. Unterrichtsverwalt. in Preussen 1894 г. стр. 581 и 585.).

Существенная задача современной реформы гимназій состоитъ въ томъ, чтобы поставить гимназію въ правильныя историческія отношенія къ университету. Требуется именно возстановить историческое значеніе гимназіи какъ школы, приготовляющей къ университету. Задача эта требуетъ, очевидно, строгаго историческаго вниманія къ учебному дѣлу. Въ томъ то между прочимъ и бѣда для учебнаго дѣла, что, начиная съ эпохи «просвѣщенія» до настоящаго дня, поколѣніе за поколѣніемъ, министерство за министерствомъ думаютъ, что они могутъ и «должны» выдумывать учебныя заведенія непосредственно изъ своего ума... Вообще сказать, учебное наше дѣло и въ частности учебное дѣло гимназій, не имѣя надлежащаго самостоятельнаго значенія въ ряду прочихъ дѣлъ общественно—государственной нашей жизни, а находясь въ совершенно служебномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ, мѣняется уже очень легко, по условіямъ времени и по личнымъ расположеніямъ его руководителей. Противоположный этому образъ дѣйствій состоитъ однако не въ томъ, чтобы учебныя заведенія, въ томъ числѣ и гимназіи, оставались на всегда неизмѣнными въ своемъ устройствѣ. Напротивъ, нелѣпо было бы въ современной гимназіи вести учебное дѣло такъ, какъ велось оно напримѣръ въ гимназіяхъ 17-го вѣка; но историческое отношеніе къ учебному дѣлу вообще и къ гимназіи въ частности, притомъ историческое не въ смыслѣ только исторіи нашихъ дней, а въ смыслѣ прогрессивнаго развитія образовательной работы европейской школы,—вотъ что только и можетъ руководить въ правильной, соотвѣтствующей потребностямъ времени, реформѣ гимназій, предохраняя какъ отъ застоя, такъ и отъ произвола.

То было время такъ называемаго новаго гуманизма, когда гимназія, съ расширеніемъ своего учебнаго содержанія, изъ школы, имѣющей назначеніе готовить умы къ университетскому ученію, стала превращаться въ школу общаго образованія. Тогда цѣль гимназіи понимали въ доставленіи учащимся какого—то особеннаго образованія, состоящаго въ «прекраснѣйшей гармоніи силъ внутренняго и вѣшняго человѣка и пригоднаго для руководящихъ сословій» (für die leitenden Stande). Это искусственное возвышеніе роли гимназіи, для чего и перешагнули чрезъ ближайшую ея цѣль, въ дѣйствительной жизни не оправдалось: гимназія доселѣ выпускаетъ молодыхъ людей въ университеты, откуда

выходятъ научно образованные учителя, юристы, врачи, рядомъ съ которыми какъ тогда, такъ и теперь выступаютъ въ жизни лица другихъ руководящихъ сословій—капиталисты, техники, инженеры... «Старый Борвигъ, справедливо говорилъ одинъ изъ членовъ берлинской конференціи 1890 г., не менѣе принадлежитъ къ руководящему сословію, какъ и заурядный учитель гимназій, или какой нибудь чиновникъ судебного вѣдомства» (Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts 1891 стр. 317). Очевидно, дѣло гимназій значеніемъ ея для руководящихъ сословій мѣрять нельзя. Эта точка взгляда на достоинство гимназическаго ученія вела только къ тому, что оно все болѣе и болѣе отягчалось въ своемъ содержаніи элементами, болѣе или менѣе отдаленными его отъ надлежащей цѣли. Вслѣдствіе этого уже давно возникла мысль о сближеніи гимназій съ другими школами, съ которыми она все болѣе и болѣе сливалась по своему учебному содержанію. Такъ еще на знаменитой нѣмецкой школьной конференціи, бывшей въ 1849 году, было выражено желаніе устроить учебное заведеніе съ одною общею гимназическою основою ученія до 3-го класса, затѣмъ предполагалось, съ одной стороны, шесть классовъ гимназическаго ученія, и съ другой, шесть классовъ реального. Такимъ образомъ, по этому плану общая основа изъ низшихъ трехъ классовъ предполагалась вполне согласная съ гимназическимъ учебнымъ планомъ; то есть, съ латинскимъ языкомъ. Такого рода учебныя заведенія существуютъ и доселѣ въ небольшомъ числѣ въ Австріи, во многихъ кантонахъ Швейцаріи, въ Вюртембергѣ и въ самой Пруссіи такихъ заведеній имѣется еще въ настоящее время шестнадцать. Въ Вюртембергѣ такія школы изъ трехъ, четырехъ и пяти классовъ существуютъ болѣею частію отдѣльно отъ высшихъ классовъ, ученики же этихъ школъ поступаютъ изъ нихъ какъ въ старшіе классы гимназій, такъ равно и въ реальныя школы. Такая общая основа гимназій и реальной школы изъ трехъ классовъ съ латинскимъ языкомъ разсматривается какъ общій фундаментъ образованія, основаннаго на языкоученіи.

Въ этомъ порядкѣ за латинскимъ языкомъ удерживается его дидактическое значеніе, которое онъ имѣлъ въ школахъ уже не одно столѣтіе. Но скоро появилось мнѣніе, нельзя ли латинскій языкъ, какъ фундаментъ языкоученія, замѣнить какимъ либо новымъ языкомъ, въ Германіи—именно французскимъ. Къ этому мнѣнію присоединилось другое, нельзя ли

такимъ образомъ устроить одну общую основу ученія для учебныхъ заведеній безъ латинскаго языка, или, по нѣмецкой терминологіи, für gymnasiale, realgymnasiale und lateinlose Schularten. Въ первомъ мнѣніи ставится вопросъ собственно о сравнительномъ дидактическомъ достоинствѣ латинскаго и французскаго, или другого новаго языка. Второе же клонится къ замѣнѣ древнихъ языковъ новыми не только въ школахъ реальныхъ, но даже и въ гимназіяхъ, или по крайней мѣрѣ къ сокращенію ихъ здѣсь до крайняго предѣла. Первое мнѣніе обсуждалось еще въ 1873 году въ школьной конференціи въ Берлинѣ при министрѣ Фалькѣ, и такіе авторитеты по школьнымъ дѣламъ, какъ Визе и Боницъ, признали тогда его достойнымъ провѣрки на опытѣ. Второе принадлежитъ позднѣйшему времени; оно примѣнено къ дѣлу въ Скандинавіи, особенно же въ Швеціи, частію въ Даніи. Это есть именно мнѣніе о той пресловутой объединительной школѣ, die einheitliche Schule, которая грезится теперь многимъ, и которая такъ восхищаетъ также собою умы и у насъ въ Россіи. «У защитниковъ общей школы, говорилъ между прочимъ профессоръ Улихъ въ берлинской конференціи, стало модою указывать на Швецію, какъ на педагогическій Эдемъ, въ которомъ господствуетъ счастье. Тоже говорятъ теперь въ Венгріи и въ Россіи. Одна русская газета, какъ мы пишемъ, сообщаетъ интересное свидѣніе, что въ педагогическихъ дѣлахъ теперь только шведы могутъ быть образцомъ, авторитетъ же нѣмецкаго школьнаго дѣла идетъ на убыль... (Verhandl. 87). Но не смотря на увлеченіе скандинавскою педагогикою многихъ не только въ Россіи, но и въ Германіи, берлинская конференція 1890 года, послѣ продолжительнаго и обстоятельнаго обсужденія означеннаго выше мнѣнія, постановила, что для гимназій и безлатинскихъ школъ общей учебной основы рекомендовать не должно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако прусское учебное правительство допустило, *въ видѣ опыта*, устройство гимназій съ низшими тремя классами безъ латинскаго языка, а съ французскимъ, какъ основой (Unterbau) дальнѣйшаго гимназическаго ученія, въ которое такимъ образомъ съ четвертаго класса входитъ латинскій языкъ, а съ шестого и греческій. Это сдѣлано именно только въ видѣ опыта, потому что когда въ 1898 году въ палатѣ депутатовъ одинъ изъ членовъ обратился къ министру Боссе за объясненіемъ, почему онъ отклонилъ ходатайство города Бреславля

устроить здѣсь учебное заведеніе по образцу этой такъ называемой реформенной гимназіи, то министръ въ отвѣтъ своимъ указалъ на то, что учебный планъ такой гимназіи не есть еще законченный опытъ. Впрочемъ, таковая гимназія, то есть, съ французскимъ языкомъ вмѣсто латинскаго въ низшихъ трехъ классахъ, существуетъ въ Альтонѣ еще съ 1878 года. Затѣмъ, уже послѣ берлинской конференціи, въ 1892 году основана такая же гимназія во Франкфуртѣ на Майнѣ. Еще позднѣ получила такую же организацію такъ называемая французская гимназія въ Берлинѣ. Ганноверъ, Кассель, Карлсруе также дѣлають теперь опыты устройства у себя такихъ гимназій. Учебные планы всѣхъ этихъ реформенныхъ гимназій нѣсколько различны, но нормальный порядокъ ученія такой: французскій языкъ преподается въ низшихъ трехъ классахъ по 6 уроковъ въ каждомъ, и затѣмъ по 2 урока во всѣхъ прочихъ классахъ... Съ 4-го класса начинается латинскій языкъ, и заведеніе дѣлится на гимназію и реальную гимназію. Въ первомъ отдѣленіи онъ преподается въ такомъ количествѣ уроковъ: 10, 10, 8, 8, 8, 8.—52, а во второмъ: 8, 8, 6, 6, 6, 6—40. Съ шестого класса въ гимназическомъ отдѣленіи преподается греческій языкъ по 8 уроковъ въ классѣ, всего 32, а въ реальномъ отдѣленіи англійскій въ такомъ порядкѣ: 6, 4, 4, 4, всего 18 часовъ. Практическое удобство такого устройства гимназіи предполагалось между прочимъ въ томъ, что выборъ пути ученія, наиболѣе подходящаго ученику, падаетъ на такой его возрастъ, когда это легче опредѣлить, чѣмъ въ 9—10 лѣтній возрастъ, и переходъ съ одного пути на другой наиболѣе удобенъ. Но эти выгоды сомнительны, во всякомъ случаѣ теоретичны; на дѣлѣ же въ виду учебнаго правительства, какъ выяснено это было Улихомъ въ его первой рѣчи въ берлинской конференціи, оказывается теперь вотъ что: за вытѣсненіемъ латинскаго языка, какъ предмета школьнаго ученія изъ первыхъ трехъ классовъ гимназіи, въ Швеціи, въ Норвегіи и въ Давіи, да и въ самой Германіи все болѣе и чаще слышатся теперь голоса за дальнѣйшее пониженіе его въ ряду классовъ, а съ нимъ вмѣстѣ конечно—и греческаго языка. Это тяготѣніе къ пониженію въ гимназіяхъ ученія древнимъ языкамъ неудержимо должно привести къ рѣшительному устраненію ихъ изъ гимназическаго ученія; тогда наступитъ царство новой школы... Согласно съ этимъ, прусское учебное правительство, сдѣлавъ

только опытъ замѣны латинскаго языка въ низшихъ классахъ гимназій французскимъ, основательно держится доселѣ того взгляда, что дидактическое достоинство французскаго языка, какъ основы всего языкоученія въ гимназій, вмѣсто латинскаго, еще ничѣмъ не выяснилось. Тѣмъ болѣе, значить, было бы неблагоразумно устроить у насъ, какъ мечтаютъ объ этомъ нѣкоторые, какую—нибудь объединительную школу, такъ какъ, за отсутствіемъ у насъ реальныхъ гимназій, пришлось бы объединять гимназію съ реальнымъ училищемъ на фундаментѣ ученія французскому или нѣмецкому языкамъ, учителями которыхъ, какъ извѣстно, бываютъ у насъ не рѣдко люди, не знающіе ни древнихъ языковъ, ни русскаго языка. Хороша была бы наша гимназія, поставленная на такомъ фундаментѣ!

Прусское учебное правительство, допустивъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ реформу гимназическаго ученія, путемъ какъ бы сближенія его на основѣ французскаго языка съ реальнымъ ученіемъ, относительно вообще всѣхъ своихъ гимназій выступило на иной путь. Было уже сказано, что по мѣрѣ того какъ отъ гимназій требовали доставленія ея ученикамъ общаго образованія (вообще неопредѣленнаго и измѣнчиваго по своему содержанію), учебное содержаніе гимназій постоянно расширялось. Оставаясь въ тоже время и доселѣ школою преимущественно предъ другими пригитовительною къ университету, она давно уже стала разваливаться внутри себя самой по своему ученію на двѣ школы. Хотя и прежде нѣкоторые элементы общаго образованія входили въ составъ гимназическаго ученія, но они не тяготили такъ гимназій, какъ теперь, ибо къ нимъ относились тогда съ умѣренностію, предоставляя учащимся усвоивать ихъ по мѣрѣ, можно сказать, личнаго ихъ интереса къ нимъ. Теперешній руководитель учебнаго дѣла въ Германіи, маститый Шрадеръ, говоря объ этомъ въ берлинской конференціи, выразился такимъ образомъ: «строгое требованіе отъ учениковъ предписаннаго по программѣ по всѣмъ, даже и по второстепеннымъ предметамъ ученія,—вотъ собственно то зло, отъ котораго мы страдаемъ». Вспоминая свое ученіе, онъ говоритъ: «по нѣкоторымъ предметамъ мы ничего не дѣлали, мы оставались при главныхъ, а что въ побочныхъ предметахъ мы не удовлетворяли всѣмъ требованіямъ,—на это учителя наши смотрѣли сквозь пальцы, и я благодарю ихъ за это еще и теперь (Verhandl.

216). Излишняя требовательность отъ учениковъ полныхъ успѣховъ по всѣмъ предметамъ и стѣсненіе свободы каждаго заниматься болѣе какими либо предметами, чѣмъ другими— эти недостатки теперешнихъ гимназическихъ порядковъ, о которыхъ такъ много было говорено на берлинской конференціи, суть прямое выраженіе того, что въ теперешней гимназіи стараются научить учениковъ какъ можно болѣе тому, что хотя бы посредственно было полезно для жизни, иначе—тому, что, по современнымъ понятіямъ, составляетъ содержаніе общаго образованія.

За этимъ натискомъ въ учебную программу гимназіи элементовъ общаго образованія, значеніе ея, какъ школы, приготовляющей къ университету, естественно отдалилось. Въ ней (говорю собственно о нѣмецкой гимназіи) массаи появляются ученики, которые поступаютъ сюда вовсе не для приготовленія къ университетскому ученію, а для пріобрѣтенія черезъ гимназію того или другаго изъ положеній въ обществѣ, къ которымъ она открываетъ дорогу и которыя сами по себѣ имѣютъ развѣ очень отдаленное отношеніе къ университетскимъ наукамъ. Между тѣмъ, что особенно худо, многіе изъ таковыхъ учениковъ, безъ призванія и безъ всякаго интереса къ наукѣ, а по простой инерціи движенія, исходящей отъ аттестата зрѣлости, переходятъ изъ гимназіи въ университетъ, образуя тотъ «абитуриентный пролетаріатъ», о которомъ, повторяя слова покойнаго Бисмарка, говорилъ императоръ Вильгельмъ на берлинской конференціи. Впрочемъ, таково положеніе дѣла только съ одной стороны, съ другой же стороны, по статистикѣ министерства за 1889—90 годы, число учениковъ, окончившихъ курсы въ гимназіяхъ, въ реальныхъ гимназіяхъ и въ высшихъ реальныхъ училищахъ, простиралось только до 20,5%, остальные вышли изъ этихъ учебныхъ заведеній прямо въ жизнь, не окончивши курса, то есть, не получивъ законченнаго образованія, притомъ изъ нихъ 50,2% со свидѣтельствами на одногоднюю воинскую службу, а 39,0% даже и безъ такихъ свидѣтельствъ. Въ этихъ статистическихъ данныхъ министерство усмотрѣло указаніе на то, что гимназія организована не правильно въ томъ отношеніи, что ученіе въ ней согласовано съ образовательными нуждами меньшаго числа ея учениковъ. Въ виду этого оно признало нужнымъ, для всѣхъ выходящихъ изъ гимназіи до окончанія въ ней курса, особенно же для тѣхъ 40,2%, которые выходятъ изъ гимназіи послѣ шестилѣтняго въ ней ученія (съ

правомъ на однолѣтнюю воинскую службу), устроить все гимназическое ученіе такъ, чтобы оно давало имъ нѣкоторое законченное образованіе. Согласно съ этимъ, гимназія въ Пруссіи дѣлится теперь на двѣ части: отъ сексты до унтеръ-секунды включительно—шесть классовъ, и отъ оберъ-секунды до оберъ-примы—три класса. На порогѣ между унтеръ и оберъ-секундою установленъ окончательный экзаменъ (Abschlussprüfung), на подобіе экзамена зрѣлости, для опредѣленія достоинства общаго образованія испытуемыхъ, по выдержаніи котораго желающіе переходятъ въ оберъ-секунду, для продолженія образованія, приготовляющаго ихъ къ университету, а не желающіе уходятъ въ жизнь, пользуясь здѣсь правами, соответствующими ихъ образованію, особенно же правомъ однолѣтней воинской службы. Но такъ какъ хотѣли, чтобы это шестиклассное ученіе давало учащимся нѣкоторое законченное образованіе, то въ цѣломъ составѣ гимназическаго ученія пострадали учебные планы нѣкоторыхъ предметовъ, особенно исторіи, математики, а также и древнихъ языковъ. Именно, нѣкоторыя части математики, которыя прежде проходились учениками старшихъ классовъ, пришлось теперь перенести въ унтеръ-секунду, а по исторіи тѣ части ея, которыя доселѣ преподавались въ унтеръ-секундѣ, перенесены въ старшіе классы. Такое переимѣненіе частей учебныхъ предметовъ изъ класса въ классъ, конечно, не можетъ не разрушать дидактическаго строя гимназическаго ученія, на что и жалуются теперь въ Германіи со всѣхъ сторонъ. Потому, хотя въ Баваріи, гдѣ до послѣдняго времени не было никакихъ экзаменовъ для перевода учениковъ изъ класса въ классъ, теперь установленъ экзаменъ послѣ шестилѣтняго курса, но при этомъ никакого измѣненія въ учебныхъ планахъ не произведено, а самый экзаменъ имѣетъ значеніе простаго переводнаго экзамена, съ цѣлію только устранить вовремя изъ гимназіи непригодныхъ для нея учениковъ. Что же касается до древнихъ языковъ, то ученіе имъ несомнѣнно пострадало теперь въ Пруссіи, вслѣдствіе прежде всего сокращенія учебныхъ часовъ и затѣмъ вслѣдствіе того, что это сокращеніе хотѣли наверстать аналитико—индуктивною методою ученія, которую министерство форсированно рекомендовало въ новыхъ учебныхъ планахъ 1891 года. Но хотя эта метода вовсе не есть какое либо новое дидактическое изобрѣтеніе, однако и въ Пруссіи еще мало приготовленныхъ для нея учителей и вообще мало руководящаго опыта, да и

она сама не одинаково примѣнима ко всѣмъ задачамъ языкоученія. Впрочемъ, министерство само очень скоро замѣтило свою ошибку въ сокращеніи учебныхъ часовъ на древніе языки, и уже теперь прибавило на нихъ до трехъ часовъ въ старшихъ классахъ гимназій. Вообще же измѣненія, произведенныя теперь въ учебныхъ планахъ прусскихъ гимназій рассчитаны на пользу собственно лишнихъ для нихъ учениковъ, а не тѣхъ, которые принадлежать имъ, какъ ихъ настоящій и какъ будущій контингентъ университетовъ. Въ этомъ-то и заключается основной недостатокъ реформы прусской гимназій. Изъ наблюдений и статистическихъ данныхъ, которыми руководилось въ настоящемъ случаѣ учебное правительство въ Пруссіи, ближайшій выводъ, кажется, долженъ бы быть тотъ, что современная гимназія какъ бы развалилась внутри себя въ своемъ учебномъ составѣ, и, какъ органъ образованія, раздвоилась, выпускающая только въ маломъ числѣ лицъ подготовленныхъ къ университету, а въ большемъ числѣ—лицъ не подготовленныхъ къ нему. Отъ этого вывода для учебнаго управленія прямой ходъ къ тому, чтобы возстановить историческое значеніе гимназій, какъ школы, приготовляющей къ университету, организуя въ ней по этой цѣли какъ учебные элементы, принадлежащіе ей исторически, такъ и тѣ учебные элементы, которые вошедши въ ея программу въ видахъ общаго образованія, такъ сильно перетянули на свою сторону контингентъ ея учениковъ. Но вмѣсто этого, прусское учебное правительство только узаконило раздвоеніе гимназій какъ такое, и потому, какъ теперь кажется видятъ уже всѣ, нимало не приблизило свою гимназію къ ея историческому призванію.

Недостатокъ дѣйствующаго пока порядка ученія въ прусскихъ гимназіяхъ на дѣлѣ чувствуется теперь особенно въ томъ, что ни одно изъ ожиданій, которыя имѣлись въ виду при реформѣ 1891 г., не оправдалось. Ожидалось именно, что съ этой реформой ученики, не пригодные для гимназій, гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, будутъ вступать теперь, вмѣсто гимназій, въ разныя школы безъ латыни (*lateinlose Schulen*), въ которыхъ окончателный экзаменъ для выходящихъ послѣ шестилѣтняго курса и дающій имъ извѣстныя права, особенно же—на одногоднюю воинскую службу, былъ установленъ прежде; ожидалось также, что экзаменъ зрѣлости въ гимназіяхъ освободится отъ массы учебнаго матеріала, усвояемаго памятью, и ученіе въ старшихъ

классахъ будетъ все посвящено собственно научному образованію учащихся. Люди, слѣдящіе за дѣломъ на мѣстѣ, свидѣтельствуютъ, что никакого сокращенія числа поступающихъ въ гимназіи не произошло, напротивъ, на первое время послѣ реформы почему—то еще увеличилось. Что же касается до благотворнаго вліянія реформы на ученіе въ старшихъ классахъ, то этого, говорятъ, никто не будетъ утверждать (*das humanistische Gymnasium*. Н. III—IV. 1897 стр. 170). Само учебное правительство приняло потомъ съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы изъ произведенной реформы не вышло для гимназій чего нибудь еще хуже. Въ *Centralblatt* 1897 г. стр. 431, на основаніи наблюденій за ходомъ дѣла въ гимназіяхъ въ періодъ времени отъ 1892—3 до 1895—6 года находимъ слѣдующее сообщеніе: съ удовольствіемъ отмѣчено, что хотя число абитуриентовъ, признанныхъ зрѣлыми, увеличивалось, но это не условило собою усиленнаго стремленія къ университетскому ученію, при чемъ совѣтуется на экзаменѣ, по окончаніи шести классовъ, болѣе обращать вниманія на самую личность ученика, чтобы въ старшіе классы не переходили ученики, не достаточно способные къ дальнѣйшему ученію; въ случаѣ же, если кто изъ переведенныхъ окажется такимъ, то директоръ долженъ давать ему соотвѣтствующій совѣтъ, а при неуспѣшности совѣта, предъявлять къ нему болѣе строгости при переводѣ въ слѣдующій высшій классъ. Явно, что собственно для гимназическаго ученія послѣдняя прусская реформа сводится, какъ говорится, на нѣтъ.

Идея раздѣленія современной гимназіи на двѣ учебныя стадіи сама по себѣ прекрасна, такъ какъ она вполне соотвѣтствуетъ насущнымъ, живымъ потребностямъ учебнаго дѣла. Современная гимназія отограничена какъ отъ всякой низшей школы, такъ какъ большею частію она имѣетъ при себѣ свои приготовительные классы, такъ и отъ университета, потому что она сама, помимо университета, опредѣляетъ пригодность для него своихъ учениковъ чрезъ экзаменъ зрѣлости. Но силою вещей, исторически, современная гимназія поставлена такъ, что теперь она не есть школа, исключительно приготовляющая къ университету, ибо отъ нея требуютъ, чтобы она доставляла своимъ ученикамъ и общее образованіе; равно она не есть теперь и единственная школа, приготовляющая къ университету, такъ какъ нѣкоторыя университетскія науки, въ ихъ теперешнемъ содержаніи и направленіи, и нѣкоторыя цѣли университет-

скаго ученія доступны и достижимы, безъ предварительнаго собственно гимназическаго ученія. Какъ школа пригготовительная къ университету, гимназія должна быть для учащихся элементарною школою ученаго отношенія ихъ къ предметамъ знанія, а какъ школа, отъ которой наше время требуетъ общаго образованія, она есть учебное заведеніе, которое должно доставлять его учащимся въ нѣкоторомъ законченномъ видѣ (*ein Abschluss der Bildung*). Хотя вслѣдствіе этого многіе элементы знанія, входящія въ программу современной гимназіи, отягощаютъ ее чрезмерно и представляютъ ту опасность, что отчуждаютъ ее отъ главнѣйшей ея цѣли, однако такое положеніе гимназіи даетъ правительству возможность не изолировать ее, какъ ученую школу, отъ большаго общества, тяготящаго обыкновенно къ практическимъ выгодамъ знаній, а пропуская его чрезъ гимназіи, при умѣлой постановкѣ гимназическаго ученія, притягивать къ научному дѣлу изъ общества имѣющіеся въ немъ таланты и вообще лучшія его умственныя силы. Для этого—то и необходимо прежде всего правильное раздѣленіе гимназіи на двѣ учебныя стадіи. Ошибка прусскаго учебнаго правительства въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что основная историческая задача гимназіи принесена имъ теперь какъ бы въ жертву тому закругленному, или законченному образованію, которое гимназія должна доставлять ученикамъ, выходящимъ изъ нея послѣ шестикласснаго ученія.

Изъ исторіи учебнаго дѣла университетовъ и гимназій мы знаемъ, что первоначально, въ средніе вѣка, предметы университетскаго ученія были тѣже, что и въ тѣхъ школахъ, изъ которыхъ или на почвѣ усіяха которыхъ университеты выросли. Потому въ учебномъ матеріалѣ того времени не было основанія для организаціи какой либо особой пригготовительной къ университету школы. Университеты, чрезъ свои *ordines artistarum*, сами нѣкоторымъ образомъ исполняли функцію пригготовительной къ себѣ школы. Съ эпохи возрожденія, пригготовительная школа къ университетскому ученію формируется уже болѣе опредѣленнымъ образомъ. То была такъ называемая латинская школа, которая въ учебномъ своемъ содержаніи сложилась изъ основныхъ, собственно школьныхъ элементовъ факультета *artistarum*; самъ-же факультетъ этотъ мало помалу сталъ философскимъ факультетомъ, а латинская школа превратилась въ гимназію. Но гимназія, вмѣсто того чтобы принять въ себя учебные элементы, первоначаль-

чально входившіе въ составъ факультета философскаго, или — *artistarum*, все болѣе и болѣе ассимилировалось по своему учебному содержанію со школами энциклопедическаго учебнаго состава. Такимъ образомъ въ системѣ ученаго образованія выпала цѣлая ступень его, и между университетомъ и гимназіею образовалась пустота. Наполнить эту пустоту издавна составляетъ задачу умовъ, преданныхъ дѣлу ученаго образованія. Одни, какъ Герbartъ, Шлейермахеръ, Тиршъ и другіе думали, что эту пустоту должно восполнить само университетское ученіе, чрезъ обязательное для всѣхъ студентовъ изученіе философскихъ дисциплинъ, предварительно того или другаго факультетскаго ученія. Равнымъ образомъ и въ нашей литературѣ не такъ давно, помнится, высказано было мнѣніе, чтобы въ университетахъ были организованы нѣкоторые общіе научные курсы, какъ приготовительные къ занятіямъ студентовъ на факультетахъ отдѣльными науками. Другіе, какъ напримѣръ Германъ Кернъ, полагаютъ, что отсутствующую теперь ступень въ ученомъ образованіи, которая должна служить звеномъ, связующимъ въ сознаніи гимназиста приобретаемыя имъ познанія, должна дать ему сама гимназія. Циллеръ и Карлъ Петеръ, а также и Вильманъ ставятъ для этой цѣли между гимназіею и университетомъ особую школу, при чемъ Петеръ основательно утверждаетъ, что въ процессъ ученія приготовительнаго къ университетскому должно различать два періода: одинъ — періодъ собственно обученія, и другой — періодъ ученія, наиболѣе согласованнаго со свободою и индивидуальностію учащагося. На основаніи подобныхъ же соображеній, въ практической части своего сочиненія «объ организмѣ гимназій» (1889 г. стр. 99—100), я также указывалъ на надобность раздѣленія гимназій на двѣ стадіи — на гимназію собственно, и лицей. Въ настоящее время мысль эта раздѣляется, кажется, уже всѣми, кто вникаетъ въ дѣло глубже.

Насколько можно судить по свѣдѣніямъ въ печати, (по преимуществу *Kreuzzeitung*, *Berliner Tageblatt*), и по нашимъ частнымъ, можно, кажется, надѣяться, что, если не встрѣтятся какихъ либо особыхъ затрудненій со стороны, теперешнее министерство просвѣщенія въ Пруссіи (*dr. Studt*), расположено раздѣлить гимназію на двѣ стадіи, въ виду наилучшаго достиженія ею основной ея цѣли, то есть, подготовки къ самостоятельному университетскому ученію, а не такъ, какъ

теперь,—въ виду нѣкоторой законченности образованія тѣхъ ея учениковъ, которые оставляютъ гимназію, не окончивъ въ ней курса и поступаютъ на разныя службы, особенно же въ военную. Но если это можно пока только предполагать, то, какъ дѣйствительный уже фактъ, такое именно раздѣленіе гимназій принято въ настоящее время правительствомъ Греціи. Теперешній энергичный министръ просвѣщенія въ Греціи Евтакіасъ, сдѣлавшій эту важную реформу при содѣйствіи лицъ учебнаго вѣдомства, особенно же столь извѣстнаго и въ Германіи Загоянса, встрѣчаетъ теперь въ литературѣ отовсюду одобреніе отъ лицъ, понимающихъ дѣло. Предлагаемое раздѣленіе гимназій на двѣ учебныя ступени согласно и съ продолжительностію гимназическаго курса, и съ различными возрастными учащихъ, между тѣмъ какъ ученики разныхъ физическихъ и психическихъ возрастовъ руководствуются теперь почти совершенно одинаково какъ въ отношеніи ученія, такъ и въ отношеніи поведенія, что, безъ сомнѣнія, совершенно противорѣчитъ одному изъ основныхъ педагогическихъ требованій согласовывать учебный и бытовой порядокъ съ возрастомъ учащихся: *cujus que aetatis notandi sunt tibi mores*. Заводить же въ заведеніи два порядка—одинъ для младшихъ учениковъ, а другой для старшихъ, было бы крайне разрушительно для порядка цѣлаго учебнаго заведенія. Одно заведеніе—и одинъ порядокъ, какъ учебный такъ и бытовой. Если же, по силѣ данныхъ условій, требуются два порядка, то, значитъ, должны быть два заведенія.

Средняя ступень ученаго образованія, какъ оно организовано было въ учебномъ порядкѣ прежняго времени—черезъ латинскую школу и философскій, факультетъ, или черезъ *facultas artistarum*, выпала изъ него, съ утратою философскимъ факультетомъ своего значенія, какъ корня или ствола (*Stamm*) всѣхъ другихъ университетскихъ факультетовъ. Вставить эту ступень—значитъ въ серединѣ между теперешнею гимназіею и университетомъ создать такое учебное заведеніе, въ которомъ ученіе, будучи по матеріалу продолженіемъ гимназическаго, по внѣшнему строю своему было бы школьнымъ ученіемъ, а въ дадактическомъ отношеніи было бы по преимуществу объяснительнымъ ученіемъ, доводящимъ мышленіе учащихся до высшихъ началъ истины, которыми опредѣляется научное достоинство всякаго знанія. Въ составъ этого ученія у насъ должны войти: систематическое религиозное ученіе, централь-

НЫМЪ пунктомъ котораго долженъ быть догматъ объ искупленіи, въ составѣ тѣхъ вѣропаній и воззрѣній, которыя усвоены нашею православною церковію; философское ученіе въ составѣ логики съ ученіемъ о познаніи и основанія психологіи и этики; филологическое ученіе, состоящее въ чтеніи и переводѣ древнихъ авторовъ, и направленное съ одной стороны на выработку стиля родной рѣчи, а съ другой—на пониманіе литературныхъ произведеній, съ примѣненіемъ познанія древней литературы къ пониманію новой, какъ отечественной, такъ и общей; политическая исторія Европы, преимущественно съ ея внутренней стороны, и наконецъ математика примѣнительно къ естествознанію. Программы всѣхъ этихъ наукъ должны быть разработаны въ такомъ планѣ, чтобы преподаваніе ихъ, начинаясь въ обыкновенномъ школьномъ порядкѣ въ видѣ уроковъ, постепенно переходило въ руководство учащихся ихъ собственными занятіями въ порядкѣ академическомъ. Таковъ долженъ быть лицей по составу и характеру ученія. Предваряя собою университетское ученіе, лицей долженъ доставлять университетамъ студентовъ съ надлежащимъ сознательнымъ интересомъ къ истинно—научному труду и знанію. Въ виду этого несомнѣнно, что преобладающимъ элементомъ всего лицейскаго ученія долженъ быть элементъ философическій, не въ смыслѣ преобладанія въ немъ философскихъ дисциплинъ, а въ смыслѣ умозрѣнія, какъ характера самого ученія¹⁾.

Отдѣленіе высшихъ классовъ гимназій въ особое учебное заведеніе—лицей, необходимое какъ способъ возстановленія историческаго отношенія между университетомъ и гимназіею, несомнѣнно полезно какъ для гимназій, такъ и для университета. Теперь, какъ сказано, гимназія

¹⁾ Профессоръ Вильманъ въ Прагѣ, который одновременно съ изданіемъ моего сочиненія «объ организмѣ гимназій, часть практическая» (1889 г.) издалъ второй томъ своей «Дидактики, гдѣ онъ также указываетъ на необходимость лицея, какъ особой школы между гимназіею и университетомъ, въ письмѣ ко мнѣ по этому вопросу говорить между прочимъ слѣдующее: unsere Ideen werden sich mit der Zeit Bahn brechen, das wichtigste ist ein philosophisches Lehrgut zu gewinnen, ohne welches die Lycealschule nicht anfangen kann. Dazu sind aber wieder Vorarbeiten wissenschaftlicher Natur nothwendig, die Wiederaufnahme der gesunden Denkweise der alten und der christlicher Denker.

отграничена отъ университета экзаменомъ зрѣлости, который служитъ мостомъ для перехода изъ гимназій въ университетъ чрезъ ту пропасть, которая образовалась между ними, вслѣдствіе выпаденія посредствующей ступени образованія.

Несостоятельность экзамена зрѣлости, какъ моста для перехода изъ гимназій въ университетъ, выяснена мною въ сочиненіи «недуги нашего учебнаго дѣла» ч. 1-я (стр. 135—145). Къ сказанному прибавлю здѣсь, что внутренняя несостоятельность этого средства связать гимназію съ университетомъ состоитъ въ томъ, что экзаменъ зрѣлости, какъ онъ естественно производится всюду, особенно въ устной своей части, нисколько не свидѣтельствуется и не можетъ свидѣтельствовать о зрѣлости учениковъ. Производимый въ гимназій самими учителями въ знаніяхъ, которыми они обучали экзаменуемыхъ, экзаменъ зрѣлости имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что стоитъ уже позади учениковъ, а не съ тѣмъ, что ждетъ ихъ впереди, и нисколько не опредѣляетъ будущаго положенія ихъ въ университетѣ въ отношеніи къ университетскому ученію. Ученики испытываются здѣсь въ отдѣльныхъ познаніяхъ предмета по тѣмъ или другимъ вопросамъ, а не въ обладаніи нѣкоторыми обязательными для зрѣлаго ума представленіями и не въ умѣніи, или навыкѣ оперировать ими при рѣшеніи той или другой умственной задачи. Хотя познанія, въ которыхъ испытываются ученики на экзаменѣ зрѣлости, нужны и полезны для выработки въ ихъ сознаніи соотвѣтствующихъ зрѣлому уму представленій, но такъ какъ на эти послѣдніе экзаменъ не простирается, а многія изъ знаній, въ которыхъ они испытываются, не имѣютъ непосредственнаго приименія къ ихъ научнымъ занятіямъ въ университетѣ, то понятно, что со стороны университета и его интересовъ, съ точки зрѣнія подготовки къ нему студентовъ, можетъ казаться и дѣйствительно часто кажется, что какъ экзаменъ зрѣлости, такъ и само гимназическое ученіе для него не имѣютъ никакого значенія. Вслѣдствіе сего, современная гимназія и университетъ, вмѣсто сочлененія, представляютъ въ организмѣ учебнаго дѣла расчлененіе... А между тѣмъ, въ порядкѣ теперешняго отношенія гимназій къ университету чрезъ экзаменъ зрѣлости, они поставлены какъ бы двѣ образовательныя машины, изъ которыхъ одна должна обрабатывать сырой матеріалъ и, чрезъ искусственный механизмъ экзамена, передавать его въ другую машину для дальнѣйшей обработки.

Но экзаменъ зрѣлости, какъ сказано, самъ по себѣ вовсе не пригоденъ для опредѣленія годности гимназиста къ университетскому учению. Для сего долженъ быть особый экзаменъ, внѣшній для гимназій, не въ гимназій, а въ университетѣ, какъ было въ прежнее время, до введенія экзамена зрѣлости. Установленіе экзамена зрѣлости выставлялось у насъ, какъ освобожденіе университетовъ отъ излишней и неудобной будто бы для нихъ обязанности испытывать приходящихъ къ нимъ учениковъ, пригодны ли они, отъ чего свободны теперь и нѣмецкіе университеты. Въ Германіи дѣйствительно было время, когда университеты какъ будто тяготились испытаніями университетскихъ аспирантовъ, и въ университеты поступали нерѣдко лица совершенно не подготовленные. Но тутъ главную роль игралъ гонораръ, который аспиранты университетовъ приносили съ собою профессорамъ. У насъ же, во время установленія экзамена зрѣлости, гонорара еще не было, и не помнится, чтобы чрезъ пріемный экзаменъ въ университетѣ входили въ него студенты, столь не подготовленные къ университетскому учению, какими являются нѣкоторые изъ гимназій теперь, послѣ экзамена зрѣлости. Установленный у насъ экзаменъ зрѣлости въ гимназійхъ былъ только лишеніемъ университетовъ ихъ учебной автономіи, что много содѣйствовало крайнему отчужденію ихъ теперь отъ гимназій. Гимназія же, расширяя свои программы примѣнительно къ понятію неопредѣленнаго по своему содержанию общаго образованія, и сама все болѣе и болѣе теряетъ изъ виду университетъ.

Контрольными чиновниками отъ учебнаго управленія присутствуютъ иногда на экзаменахъ зрѣлости, по назначенію попечителя, профессора университета. Но справедливо, какъ говорили это и на берлинской конференціи, что многіе изъ нихъ и сами не выдержали бы этого экзамена, который контролируютъ. Между тѣмъ, если бы они сами экзаменовали университетскихъ аспирантовъ, безъ сомнѣнія испытывали бы ихъ въ томъ, чрезъ обнаруженіе чего въ своихъ отвѣтахъ испытуемые дѣйствительно показами бы, въ какой мѣрѣ они умственно зрѣлы для научныхъ занятій въ университетѣ, или, въ какой мѣрѣ они владѣютъ по предметамъ данной науки нѣкоторыми зрѣлыми представленіями. При этомъ мнѣ припоминается мой собственный вступительный экзаменъ въ московскій университетъ по исторіи у покойнаго профессора П. Н. Кудрявцева.

Когда на вопросъ его о руководствахъ, читанныхъ мною по исторіи, я сказалъ, что читалъ между прочимъ исторію Лоренца, онъ чрезъ рядъ нѣкоторыхъ вопросовъ спросилъ меня, какое представленіе соединяю я съ выраженіемъ «прагматическая исторія»,—и въ этой бесѣдѣ, въ концѣ которой я получилъ отъ профессора нѣкоторыя руководительныя указанія для занятія исторіею, состоялъ мой вступительный экзаменъ. Полагаю, что это было гораздо цѣлесообразнѣе, нежели если бы я прочиталъ наизусть по какому нибудь тогдашнему учебнику о Кирѣ и Вавилонѣ, или о войнѣ Бѣлой и Алой розы, какъ теперь читаютъ все это абитуриенты гимназій на экзаменѣ зрѣлости. Для подобныхъ испытаній едвали могутъ быть какіе нибудь конспекты или программы, по которымъ можно было бы готовиться къ нимъ. Напротивъ, одно—два письменныхъ изложенія мыслей будущаго студента, въ которыхъ онъ показывалъ бы, въ какой мѣрѣ владѣетъ представленіями изъ области той или другой науки въ своемъ мышленіи, затѣмъ устный отчетъ въ написанномъ,—вотъ, по моему мнѣнію, достаточный матеріалъ для опредѣленія годности аспиранта къ университетскому ученію. Въ Пруссіи теперь постановлено исключить по возможности изъ экзамена зрѣлости матеріалъ памяти, и сосредоточить экзаменъ преимущественно на сужденіяхъ и на умѣньи пользоваться для нихъ надлежащими знаніями. Но этою мѣрою никогда не удастся поднять достоинство экзамена до опредѣленія чрезъ него степени истинной умственной зрѣлости, если онъ будетъ производиться учителями гимназій, потому что имъ собственно нечего больше дѣлать, какъ только испытывать учениковъ въ томъ, чему они ихъ учили. Напротивъ, если экзаменаторы будутъ имѣть въ виду то дѣло, въ пригодности къ которому они испытываютъ аспирантовъ, то указанными выше способами они, безъ сомнѣнія, очень хорошо могутъ опредѣлить относительно каждаго степень этой пригодности.

Есть, несомнѣнно, нѣкоторыя общія требованія образованнаго мышленія, которымъ должны удовлетворять молодые люди, поступающіе въ университетъ, но едва ли есть надобность эти общія требованія выдѣлять на экзаменѣ въ отдѣльную группу учебныхъ предметовъ, которые должны они всѣ знать одинаково. Центральнымъ пунктомъ общихъ требованій отъ поступающихъ въ университетъ, какъ это постановлено теперь и для экзамена зрѣлости въ прусскихъ гимназіяхъ, можетъ быть только

отечественный языкъ, въ томъ обширномъ смыслѣ, въ который входитъ какъ свободное и соответствующее надлежащимъ мыслямъ употребленіе словъ и выраженій языка, такъ и умѣнье мыслить, не путая представленій, не смѣшивая причины со слѣдствіемъ, общаго съ частнымъ и др. под.

Удовлетворяющими, или не удовлетворяющими этимъ общимъ требованіямъ образованія испытуемые легко обнаружатъ себя чрезъ испытаніе, какъ письменное такъ и устное, въ сферѣ тѣхъ знаній и умѣній, которыми должна быть опредѣляема пригодность ихъ къ данному факультетскому ученію. Чрезъ такую постановку дѣла, сама собою устраняется отъ учебной практики та несчастная мысль, что будто бы годными къ университетскому ученію должны быть признаваемы только тѣ молодые люди, котория учились латинскому и греческому языкамъ.

Эта удивительная теорія была бы приложима къ учебному дѣлу въ томъ случаѣ, если бы науки были неподвижными величинами со времени возрожденія. Напротивъ, по матеріалу своему, по средствамъ знанія, которыми мы теперь обладаемъ, по многимъ задачамъ его какъ практическаго, такъ даже и теоретическаго интереса, современныя науки уже совсѣмъ не тѣ, что были прежде. Потому, пригодность молодыхъ людей участвовать въ современной научной работѣ и, слѣдовательно, учиться этимъ наукамъ нелѣпо было бы опредѣлять исключительно только предварительнымъ обученіемъ ихъ древнимъ языкамъ. Во всякомъ случаѣ ни латинскій ни греческій языки, какъ ни значительны они, въ смыслѣ матеріала дидактическихъ объектовъ, для развитія на нихъ въ учащихся зрѣлыхъ сужденій, не заключаютъ въ себѣ какой нибудь магической силы, посредствомъ которой работа надъ ними учащихся также подготовляла бы ихъ умы, напримѣръ, къ строгому математическому мышленію, какъ работа надъ самимъ математическимъ матеріаломъ. Несомнѣнно напротивъ, что пониманіе научныхъ принциповъ естествознанія и медицинскихъ наукъ наиболѣе доступно тѣмъ, кто подготовленъ къ этому пониманію путемъ упражненій собственно въ математическомъ мышленіи. По крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ университетовъ въ Германіи не даромъ, конечно, раздаются иногда жалобы на то, что студентамъ медикамъ трудно читать курсы по физикѣ въ формѣ, соответствующей теперешнему состоянію этой науки... (Verhandlungen 356). Явно, что гимназія съ двумя древними языками не есть теперь единственная почва, на которой можетъ

стоять университетское учение. Согласно съ этимъ, въ самомъ, напримеръ, Вюртембергѣ, въ этой преимущественно «латинской странѣ Германіи» философскій и естествознательный факультеты давно уже, раньше чѣмъ въ Пруссіи, были открыты для воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Въ берлинской конференціи былъ представленъ списокъ *шестьдесяти* ученыхъ лицъ, дѣйствующихъ на разныхъ ученыхъ поприщахъ и въ университетахъ, которые не учились предварительно въ классическихъ гимназіяхъ (Verhandlungen 308). Списокъ этотъ съ теченіемъ времени, несомнѣнно, будетъ все увеличиваться.

Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы всякая безлатинская школа, точнѣе, чтобы всякое реальное училище могло быть дополнительною почвою университетовъ. Реальныя училища не овощи какія нибудь... Потому, крайне легкомысленно рассуждаютъ тѣ, которые желаютъ, чтобы наши теперешнія реальныя училища, рядомъ съ гимназіями, выпускали своихъ учениковъ въ университеты. Хотя и гимназіи наши далеко не тѣ, какими онѣ должны быть, какъ школы, приготовляющія къ университетскому учению, однако въ нихъ есть такіе учебные элементы, что умный директоръ и учитель, если станутъ выше формальныхъ требованій, могутъ при помощи ихъ подымать головы учениковъ до того уровня, на которомъ онѣ будутъ пригодны для университетскаго учения, а реальныя наши училища принципиально были поставлены такъ, чтобы учебному правительству не было «затруднительно отказывать домогательствамъ о допущеніи учениковъ ихъ къ поступленію въ университеты». Эта чудная мысль дѣйствительно была въ свое время принята въ руководство нашимъ учебнымъ правительствомъ, при рѣшеніи вопроса о допущеніи, или недопущеніи въ учебный составъ нашихъ реальныхъ училищъ латинскаго языка. (Сборникъ поставленій по гимназіямъ Издан. 1874 г. стр. 11). Недопущеніе латинскаго языка въ программу реальныхъ училищъ, съ цѣлю какъ можно рѣшительнѣе отторгнуть ихъ отъ гимназій, стоитъ въ связи съ такимъ устройствомъ этихъ учебныхъ заведеній, при которомъ они не могутъ служить теперь для расширенія почвы университетовъ, безъ вреда для сихъ послѣднихъ. Въ первой части вышеупомянутаго моего сочиненія (стр. 82—961 было говорено о дидактической несостоятельности учебныхъ плановъ нашихъ реальныхъ училищъ. Хотя, какъ было тамъ изъяснено, есть нѣкоторыя серьезныя

причины, по которымъ доселѣ еще довольно трудно составить учебное содержаніе реальныхъ училищъ такъ, чтобы они служили идеальнымъ, то есть, истиннымъ интересамъ образованія; но такъ игнорировать, такъ забыть эти интересы, какъ они были забыты при устройствѣ нашихъ реальныхъ училищъ,—это равносильно нарочитому невниманію къ тому, чтобы ученіе въ нихъ было истинно-образовательно для учащихся. Для образовательнаго ученія, необходимо избирать въ учебномъ матеріалѣ такіе моменты, чрезъ усвоеніе которыхъ развитіе знанія и углубленіе въ него, или пониманіе было бы вмѣстѣ съ тѣмъ развитіемъ разума и всего сознанія учащихся. Отъ этой цѣли были очень далеки и первые и позднѣйшіе устроители нашихъ реальныхъ училищъ. Судя учащимся какія-то практическія поприща, они наполнили программы реальныхъ училищъ атомистическими элементами всякаго рода знаній, не подумавъ о томъ, что и реальная школа, какъ гимназія, существенно и прежде всего должна служить идеальнымъ интересамъ образованія, и создали такимъ образомъ изъ реальныхъ училищъ школу полужнаній и полубразованія, которая никакъ уже не можетъ быть опорой университетскаго ученія. Отнесясь крайне легкомысленно къ языкоученію, которое однако доселѣ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ развитія въ учащихся элементовъ научной методы мышленія, они не только отвергли латинскій языкъ, какъ предметъ будто бы вовсе негодный для реальныхъ училищъ, но и новые языки поставили въ нихъ такъ, что занятіе ими не можетъ быть для умовъ учащихся тѣмъ логическимъ школеньемъ (*logische Schulung*), которое дидактически и есть собственно приготовленіе къ университетскому ученію. Матеріалъ математики представленъ въ программахъ нашихъ реальныхъ училищъ сильнѣе, чѣмъ въ программахъ гимназическихъ, но чрезъ это эти школы не стали ближе къ университетамъ. Въ образовательномъ интересѣ школьнаго ученія, математика должна имѣть значеніе дисциплины, развивающей въ учащихся умѣнье правильно представлять себѣ явленія природы, какъ функція ея законовъ, и связывать ихъ въ своемъ мышленіи логически въ математическихъ формулахъ. Безъ этого ученія, математика есть простой балластъ головъ учащихся, выбрасываемый ими, по окончаніи ученія, скорѣе, чѣмъ всѣ другія вложенныя въ нихъ знанія. Если такое образовательное значеніе математики наиболѣе свойственно высшимъ ея отдѣ-

ламъ, элементы коихъ введены въ программу нашихъ реальныхъ училищъ, то съ другой стороны правильное пониманіе этихъ отдѣловъ возможно только въ томъ случаѣ, если умы учащихся подготовлены къ этому чрезъ упражненія на простѣйшемъ аппаратѣ логическихъ отношеній, каковъ есть тотъ или другой языкъ и его грамматика. Въ виду этого, въ реальныхъ училищахъ Пруссіи и прежде и теперь языкоученіе считается основнымъ средствомъ того логическаго школенія (*der logischen Schulung*) учащихся, безъ котораго не возможно употребленіе мышленія въ интересахъ истинно научнаго знанія. Потому, грамматика французскаго языка, притомъ въ систематическомъ изложеніи, проведена тамъ по всѣмъ классамъ реального училища, безъ всякаго опасенія, что ученики ихъ не будутъ чрезъ это «реалистами». Вслѣдствіе такой постановки ученія, реальные училища, по отношенію къ университету, сравнены съ реальными гимназіями, гдѣ преподается латинскій языкъ, такъ что эти послѣднія составляютъ тамъ только очень хорошій вариантъ реальной школы вообще. По мнѣнію министерства, тѣмъ и другимъ остается теперь только соперничать между собою по вопросу о томъ, кому должно принадлежать будущее, просто ли реальной школѣ безъ латинскаго языка, или реальной гимназіи, то есть реальной школѣ съ латинскимъ языкомъ (*Centralblatt* 1894 г. стр. 544).

Что бы наши реальные училища были самостоятельными органами учебнаго дѣла и могли бы, какъ гимназіи, быть учебными заведеніями, составляющими почву университетовъ, для этого они должны быть передѣланы и устроены такъ, чтобы реальное ученіе въ нихъ служило дѣйствительнымъ, то есть идеальнымъ интересамъ образованія, а не практическимъ какимъ-то, то есть мнимымъ. Въ такомъ случаѣ благоразумно было бы, увеличивъ число классовъ реальныхъ нашихъ училищъ, раздѣлить ихъ такъ же, какъ и гимназіи, на двѣ учебныя стадіи. Не отчуждая реального училища отъ задачъ свѣтскаго образованія, интересами котораго оно и было вызвано исторически къ существованію, все ученіе въ немъ должно организовать такимъ образомъ, чтобы въ первой низшей стадіи сильнѣйшимъ факторомъ образованія учащихся, средствомъ логической обработки ихъ умовъ, было языкоученіе, именно изученіе французскаго или нѣмецкаго языка, или послѣдовательно—того и другого, а во второй высшей стадіи, при пользованіи учениками нѣмецкими и французскими

сочиненіями для упражненій въ рѣшеніи задачъ по реальнымъ наукамъ, все ученіе этимъ наукамъ должно быть ведено такъ, чтобы оно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ доводило по возможности учащихся до пониманія сущности и примѣненія хотя бы самыхъ простѣйшихъ законовъ природы (Срав. Вильманъ Didaktik II 455—6 515—16. Гельмгольцъ въ Verhandl. 209). Такимъ путемъ, чрезъ соотвѣтствующія изучаемымъ явленіямъ и законамъ природы математическія формулы, въ реальное ученіе будетъ внесенъ философскій элементъ, безъ котораго оно не можетъ быть истинно-образовательнымъ ученіемъ, приготовляющимъ къ университетскому, а можетъ быть пригодно только для ремесленныхъ интересовъ знанія природы, да и то лишь самыхъ примитивныхъ.

Если, съ отдѣленіемъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ въ особые лицеи, число послѣднихъ будетъ меньше числа первыхъ, то это послужитъ только ко благу какъ этихъ учебныхъ заведеній, такъ и университетовъ. По современнымъ условіямъ ученія, съ одной стороны—внутреннимъ, со стороны развитія его содержанія и учебныхъ задачъ, а съ другой—внѣшнимъ, со стороны правъ, соединяемыхъ съ окончаніемъ курса въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, учебному правительству приходится, кажется, жертвовать или тѣмъ, или другимъ.... Наплывъ теперь въ учебныя заведенія учащихся, разумѣется, зависитъ больше всего отъ послѣдняго условія, а слишкомъ большой контингентъ учащихся естественно не можетъ не понижать уровня самаго ученія. Потому, въ общемъ цѣлесообразнѣе представляется даровать нѣкоторыя права низшимъ училищамъ, чѣмъ изъ за нихъ понижать достоинство ученія въ высшихъ. Такъ именно, если бы зрѣлость для лицейскаго ученія была соединена съ тѣми же правами, особенно по военной службѣ, какими пользуются зрѣлые для университетскаго ученія, то тѣ элементы, которые ищутъ въ учебныхъ заведеніяхъ собственно правъ для жизни, не поступали бы въ лицей и въ университетъ, а спѣшили бы воспользоваться этими правами безъ нихъ. При этомъ время, проведенное ими въ школѣ, хотя бы и за латинскимъ языкомъ, вовсе нельзя считать потеряннымъ для ихъ образованія. Школьный опытъ говоритъ совершенно противное. Во всякомъ случаѣ это не ложный путь къ знаніямъ въ жизни, требующимъ нѣкотораго образованія выше, чѣмъ образованіе, даваемое народными школами, а развѣ только окольный путь. Срав. Verhandlungen... 83. 137 и др.).

Что касается до числа классовъ гимназій и реального училища, которые должны составлять первую и вторую стадію ихъ, то въ этомъ дѣлѣ слѣдовало бы держаться указаній опыта, и курсы этихъ учебныхъ заведеній располагать не на восемь лѣтъ, а на девять. Тогда первые пять лѣтъ должны составлять первую стадію гимназій и реальныхъ училищъ, а послѣдніе четыре года—стадію лицейскаго ученія. При этомъ университетскій курсъ, особенно на нѣкоторыхъ факультетахъ, можно бы было сократить на одинъ годъ. Впрочемъ, и при восьмилѣтнемъ курсѣ гимназій и реальныхъ училищъ, выдѣленіе изъ нихъ лицей возможно, какъ это и сдѣлано теперь въ Греціи, гдѣ гимназическіе классы составляютъ пять лѣтъ, а лицейскіе—три года; семилѣтніе-же курсы нашихъ реальныхъ училищъ вовсе не могутъ быть раздѣлены на двѣ учебныя стадіи, и необходимо должны быть увеличены хоть на одинъ годъ. Пятиклассныя гимназій и пятиклассныя реальныя училища могутъ быть въ тѣхъ же городахъ, въ какихъ онѣ доселѣ существуютъ, или будутъ открываемы въ будущемъ, а четырехклассныя или трехклассныя лицея, какъ классическіе такъ и реальныя, принципиально разсуждая, должны быть преимущественно въ университетскихъ городахъ. Въ таковыхъ городахъ около университета могутъ быть по два, по три лицея и болѣе, смотря по надобности. Этимъ способомъ сократится и у насъ тотъ «абитуріентный пролетаріатъ», который давно уже такъ душитъ нѣмецкіе университеты.

Значеніе лицей, какъ ступени отъ школьнаго ученія къ университетскому, будетъ ощутительнѣе на дѣлѣ въ этомъ именно его смыслѣ, если въ составъ преподавателей лицей войдутъ и университетскіе профессора. Предполагая, что, за немногими исключеніями, лицея должны быть въ университетскихъ городахъ, явно, что для профессоровъ занятія въ лицей будутъ съ практической стороны нисколько не обременительны. Такіе именитые профессора какъ Соловьевъ, Буслаевъ, Тихонравовъ и другіе очень долго, въ теченіе своей университетской службы, давали уроки въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, или просто для пополненія своего бюджета, или иногда по просьбѣ лицъ, завѣдывавшихъ этими заведеніями. Другіе, какъ Крыловъ, Бѣляевъ (говорю о московскихъ профессорахъ, какъ наиболѣе мнѣ извѣстныхъ), давали иногда уроки въ частныхъ домахъ молодымъ людямъ, готовившимся къ поступленію въ

университетъ. Достоинство профессора отъ этого конечно ни мало не можетъ страдать, а участіе профессоровъ въ лицейскомъ преподаваніи было бы въ высшей степени полезно какъ для учащихся, такъ и для самихъ профессоровъ. Лицейсты, имѣя университетскихъ профессоровъ своими преподавателями, которые задаютъ имъ работы, требуютъ отъ нихъ отвѣтовъ на вопросы и вообще отчетовъ въ ихъ знаніяхъ и пониманіяхъ, однимъ словомъ, которые руководятъ ихъ въ занятіяхъ, не станутъ думать, что съ переходомъ въ университетъ они должны будутъ только слушать лекціи профессоровъ и записывать ихъ за ними — дѣло, которое въ глазахъ окончивающаго курсъ гимназиста представляется обыкновенно какъ важнѣйшее дѣло будущихъ его студенческихъ занятій, для чего нѣкоторые изъ нихъ заранѣе изучаютъ даже стенографію; они привыкнутъ напротивъ видѣть въ профессорахъ своихъ наставниковъ и руководителей, и будутъ относиться къ нимъ какъ къ таковымъ, не аплодируя и не шикая имъ за ихъ лекціи, какъ иногда теперь. А профессора, въ свою очередь, прежде всего будутъ ближе знать своихъ студентовъ и сознаютъ, что ихъ дѣло въ университетѣ состоитъ не только въ томъ, чтобы читать научные курсы, но и въ томъ, чтобы дѣйствительно учить своихъ слушателей. Такимъ путемъ разовьется въ университетской средѣ взаимность учащихся и учащихся, созданная не искусственно, а на надлежащей дидактической почвѣ. При этомъ можно еще имѣть и слѣдующее соображеніе. Извѣстно, что въ настоящее время люди болѣе талантливые все менѣе идутъ въ учительскія должности. Это зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ, между прочимъ и отъ невысокаго положенія въ глазахъ общества учительскаго званія въ ряду другихъ званій, что въ свою очередь не можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не отражаться на отношеніяхъ къ нимъ и учащихся. Новый порядокъ, безъ сомнѣнія, будетъ содѣйствовать поднятію въ глазахъ общества учительской роли на надлежащую высоту, а это тѣмъ болѣе желательно, что многіе изъ тѣхъ, которые такъ смѣло говорятъ и пишутъ у насъ о гимназическомъ ученіи и учителяхъ, конечно почувствовали бы себя въ крайне затруднительномъ и безпомощномъ положеніи, еслибы сами были поставлены предъ 7 или 8 классомъ гимназій. Но предлагая ввести профессоровъ въ составъ лицейскихъ преподавателей, я не думаю, что они должны замѣнить здѣсь теперешнихъ учителей гимназій, такъ какъ и среди ихъ безъ сомнѣ-

нія найдутся лица, которые хорошо поймут задачи лицез, и будут вести здѣсь преподаваніе надлежащимъ образомъ. Но важность участія профессоровъ университета въ лицейскомъ преподаваніи состоитъ именно въ той непрерывной связи, которая чрезъ это получается между университетомъ и приготовительными къ нему школами. Притомъ въ этомъ порядкѣ учебное правительство будетъ имѣть величайшее средство поставить университетское ученіе, какъ дѣйствительное ученіе, соответствующее задачѣ университетовъ выпускать въ жизнь умы высшаго научнаго порядка, а самую жизнь университетскихъ корпорацій устроить согласно этой задачѣ не въ полицейскомъ, а въ академическомъ порядкѣ.

Кто изъ правительственныхъ лицъ, вникая въ учебное дѣло по существу его и исторически, оцѣнитъ предлагаемую мѣру устройства лицезевъ, притомъ по возможности съ преподавательскимъ персоналомъ изъ университетскихъ профессоровъ, тотъ, отбросивъ всѣ искусственныя мѣропріятія для излѣченія этихъ больныхъ органовъ учебнаго нашего дѣла, приложитъ всѣ старанія къ осуществленію этой мѣры, и тотъ только рѣшитъ задачу.

V.

О приготовленіи гимназическихъ учителей.

Приготовленіе молодыхъ людей къ прохожденію университетскихъ курсовъ, чѣмъ университеты особенно охраняются какъ въ ихъ собственномъ научномъ достоинствѣ, такъ и въ государственномъ значеніи, достигимо только путемъ надлежащаго педагого-дидактическаго приготовленія соотвѣтствующихъ учителей. Впрочемъ, въ наше время часто можно слышать и такое разсужденіе: почему, говорятъ, прежде «въ наше время» ни о какомъ педагогическомъ образованіи учителей не заботились, а учителя наши были хорошіе педагоги? Если это разсужденіе, вообще говоря, фактически и правильно, то, кромѣ другихъ разнообразныхъ причинъ педагогическаго успѣха прежнихъ учителей, главнѣйшими должно признать во первыхъ то, что прежде, и не такъ давно, разныя другія профессіи не такъ отвлекали образованныя силы отъ учебнаго дѣла, какъ теперь; потому, нѣкоторые изъ прежнихъ учителей, умы самостоятельныя, дѣйствительно иногда очень скоро сами становились хорошими педагогами. Затѣмъ, по прежнимъ условіямъ учебнаго дѣла, учителя могли имѣть въ немъ гораздо болѣе свободы и личной инициативы, чѣмъ теперь. Важнѣйшая же причина состоитъ несомнѣнно въ томъ, что учебное содержаніе школы, особенно же гимназій, теперь, вслѣдствіе обширнаго развитія наукъ, такъ осложнилось и развѣтвилось, что отъ учителя, кромѣ знанія учебныхъ предметовъ, требуется еще особое умѣніе, преподавая ученикамъ знанія въ уровень съ современною ихъ научною разработкою, согласовать преподаваніе съ пониманіемъ учащихся, и вообще вести его въ правильномъ дидактическомъ порядкѣ.

Еще двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ (1874) Кехли высказалъ, напримѣръ, о филологіи слѣдующее. относящееся сюда наблюденіе,—что

насколько филологія, какъ чистая наука, пріобрѣла за послѣдніе 30 лѣтъ, настолько она потеряла, какъ средство гуманистическаго образованія. По смыслу дѣла это значитъ, что въ то время, какъ для школы нужно, чтобы филологическія дисциплины нормировали мысли учащихся въ логическомъ, этическомъ и эстетическомъ отношеніи, школа не легко можетъ достигать этого вслѣдствіе того, что филологія, какъ наука, сдѣлалась теперь чисто изъяснительною наукою, то есть во всѣхъ частяхъ своихъ она вышла на историческіе пути, и изслѣдуетъ явленія данной области фактически, безъ различія нормальнаго и ненормальнаго, или безъ оцѣнки достоинства изучаемыхъ явленій въ абсолютномъ—логическомъ, этическомъ, или эстетическомъ смыслѣ. Если это отношеніе между интересами школьной и научной филологіи распространить и на другія науки, то легко понять, что учителю гимназій, кромѣ подлинной науки, какъ она есть въ университетскомъ изложеніи, есть еще чему учиться, чтобы налагать ту или другую науку въ школѣ, съ надлежащею пользою для образованія учащихся.

Такъ сложилось въ сознаніи современныхъ учебныхъ правительствъ убѣжденіе въ необходимости особаго педагогическаго образованія гимназическихъ учителей. Послѣ того какъ въ 1890 г. на устройство этого дѣла было обращено особое вниманіе бывшаго министра просвѣщенія въ Пруссіи Госслера, и онъ основалъ такъ называемыя педагогическія семинаріи, подобныя учрежденія не только распространились теперь въ Германіи, но появились также во Франціи, въ Америкѣ и даже въ Румыніи и въ Греціи, но увы только еще не у насъ въ Россіи!

Семинарія въ Германіи есть одинъ изъ давнихъ органовъ учебнаго дѣла. Этимъ именемъ обозначается такой порядокъ занятій учащихся, когда ихъ учатъ не чрезъ чтеніе лекцій и не чрезъ объясненіе уроковъ, а путемъ самостоятельныхъ работъ ихъ самихъ надъ матеріаломъ науки, обсуждаемыхъ товарищами и директоромъ семинаріи. Этотъ семинарскій порядокъ естественно получилъ развитіе въ сферѣ собственно ученыхъ занятій и издавна былъ усвоенъ здѣсь, какъ самый цѣлесообразный порядокъ для приготовленія ученыхъ специалистовъ. Къ педагогическому образованію учителей онъ впервые былъ примѣненъ въ Пруссіи Гедике, который, руководясь словами Фридриха Великаго въ указѣ министру Зеддигцу (1789 г.), что ученіе, особенно же воспитаніе юношества идетъ

въ школахъ дурно, основалъ въ Берлинѣ «Королевскую педагогическую семинарію для ученыхъ школъ». Но какъ эта, такъ и другія семинаріи, устроенныя затѣмъ по ея образцу прусскимъ правительствомъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, очень скоро приняли характеръ научныхъ, большею частію филологическихъ семинарій, а занятія педагогическія все болѣе и болѣе отодвигались въ нихъ на задній планъ, ибо тогда господствовало мнѣніе, что учитель гимназіи, если онъ не математикъ, долженъ быть филологъ. Между тѣмъ потребность въ правильно организованномъ порядкѣ приготовленія учителей выступала все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ болѣе осложненныя въ своемъ содержаніи не только науки, но и сама общественная жизнь требовали отъ правительства болѣе строгаго вниманія къ школамъ, и не дозволяли ей жить по прежнему своею тихою жизнію, полную иногда даже разныхъ своеобразныхъ странностей.

Но пока это требованіе, какъ именно въ наше время, созрѣло во всей своей силѣ, издавна въ учебномъ мѣрѣ были лица дѣльные, имѣвшіе несомнѣнный успѣхъ въ своей учебной практикѣ. Однако руководители учебнаго дѣла не хотѣли основывать его успѣхъ на случайномъ талантѣ и умѣньи только нѣкоторыхъ лицъ особенно даровитыхъ: ихъ единичныя учебныя приемы, ихъ опытность и умѣнье они хотѣли сдѣлать по возможности достояніемъ всѣхъ будущихъ учителей. Съ этою цѣлію, для приготовленія кандидатовъ на учительскія должности въ гимназіяхъ, установленъ былъ въ Пруссіи въ 1826 году пробный годъ. Но проbandi, не подготовленные къ учительству никакимъ руководящимъ пониманіемъ его задачъ, размѣщенные по разнымъ гимназіямъ, очень скоро стали здѣсь просто помощниками учителей (Hülfslehrer). На это и обратилъ вниманіе министръ Госслеръ, признавъ, что, для болѣе цѣлесообразнаго прохожденія кандидатами пробнаго года, ему долженъ предшествовать годъ семинарскихъ, или научныхъ занятій кандидатовъ педагогикою.

Достоинство означенной мѣры Госслера состоитъ въ томъ, что давно уже оказавшійся несостоятельнымъ порядокъ приготовленія учителей чрезъ пробный годъ этою мѣрою замѣненъ такимъ порядкомъ, при которомъ учебнымъ занятіямъ кандидатовъ въ періодъ пробнаго года, къ коимъ они доселѣ ничѣмъ не были приготовляемы, должно предшествовать изученіе ими разными способами педагогическихъ, особенно же дидак-

тическихъ вопросовъ, притомъ преимущественно методическаго свойства, какъ указано это въ § 2 относящихся сюда правилъ (*Ordnung der praktischen Ausbildung der Kandidaten für das Lehramt an hohere Schulen*). Это, безъ сомнѣнія, должно готовить въ нихъ умственную почву для образованной и правильной практики въ періодъ слѣдующаго затѣмъ пробнаго года. Но недостатокъ мѣры Госслера состоитъ въ томъ, что это столь важное и трудное дѣло руководства будущихъ учителей въ вопросахъ педагогическихъ и дидактическихъ, которое только въ наше время получаетъ самостоятельное значеніе среди другихъ задачъ учебной службы, онъ, такъ сказать, раскидалъ по разнымъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, довѣривъ его просто хорошимъ учителямъ и директорамъ. Порядокъ этотъ имѣлъ роковое значеніе для всего учрежденія. Еще при самомъ началѣ дѣла нѣкоторые изъ директоровъ гимназій отказывались отъ принятія на себя обязанности руководить кандидатовъ, какъ говорили мнѣ объ этомъ сами эти директора (Мюллеръ и Шульце въ Берлинѣ), другіе, взявшіе на себя эту обязанность, искали потомъ отъ нея отказаться (напримѣръ Беллерманъ), и изъ директоровъ семинарныхъ гимназій были переведены въ не-семинарныя гимназіи. «Не обращаютъ вниманія на то, писалъ тогда Мейеръ, одинъ изъ редакторовъ журнала *Lehrproben und Lehrgänge* (Н. 24. стр. 16), что искусству педагогическаго и дидактическаго руководства другихъ требуется такъ же учиться, какъ и всякому другому и что не всякій, успѣвающій въ своемъ дѣлѣ учитель, съ равнымъ успѣхомъ въ состояніи учить другихъ искусству ученія». «Вся ошибка въ прусскомъ устройствѣ педагогической семинаріи, говорилъ мнѣ лично профессоръ Вильманъ въ Прагѣ, (авторъ знаменитаго труда по дидактикѣ) состоитъ именно въ томъ, что задачу теоретическаго руководства кандидатовъ, не отдѣливъ ея отъ практическихъ упражненій въ преподаваніи, возложили прямо на хорошихъ директоровъ гимназій. Вѣдь это вотъ что значитъ, иллюстрировалъ Вильманъ: вы сегодня хорошій директоръ, такъ будьте завтра хорошій руководитель педагого-дидактическаго образованія будущихъ учителей. Это-то и неправильно. Для исправленія и восстановленія надлежащаго значенія пробнаго года, прусскому правительству ничего больше не оставалось дѣлать, какъ устроить академическимъ способомъ педагогическую семинарію въ Галле, поручивъ ея дѣло тогда Фрику, а теперь (по

смерти его) Фрису». «Теперь въ Пруссіи, говорилъ мнѣ также Шиллеръ въ Гиссенѣ, ничего особеннаго не сдѣлали, прибавивъ къ пробному году еще годъ какихъ-то неопредѣленныхъ занятій, но въ сущности тѣхъ-же пробныхъ уроковъ, какіе и прежде были въ теченіе одного года». Здѣсь въ видѣ курьеза можно привести также выраженіе одного нѣмецкаго профессора, что если бы чертъ былъ глупъ, то надо было бы подумать, что онъ выдумалъ эти педагогическія семинаріи. Съ своей стороны, еще до введенія означеннаго порядка въ Пруссіи, я писалъ о недостаткахъ его въ одной изъ своихъ статей помѣщенной въ *Zeitschrift für das Gymnasialwesen* (Январь 1891 г.). По открытіи же семинарій, я, съ разрѣшенія министра Боссе, посѣтилъ многія изъ нихъ, и лично убѣдился въ несостоятельности такого порядка. Очень скоро несостоятельность его была признана и самимъ министерствомъ: именно, чрезъ два года по введеніи его, министръ просвѣщенія Боссе сдѣлалъ распоряженіе, чтобы семинаріи при гимназіяхъ, чрезъ извѣстные сроки, сообщали одна другой протоколы и темы своихъ педагогическихъ занятій. Явно, что учебное управленіе нашло нужнымъ не оставить дѣла, на сколько при данныхъ условіяхъ возможно, безъ объединенія одною руководящею мыслию. Въ настоящее же время, по совѣту маститаго Шрадера, министерство просвѣщенія въ Пруссіи, въ виду несостоятельности большей части семинарій при гимназіяхъ въ достиженіи предположенной для нихъ цѣли, учредило отдѣльную кафедру педагогики, впрочемъ пока только въ берлинскомъ и галльскомъ университетахъ, за неимѣніемъ въ другихъ университетахъ подходящихъ къ тому лицъ, назначивъ профессоромъ въ Галле именно Фриса, на котораго указывалъ Вильманъ. Такимъ образомъ теперь въ Пруссіи какъ-бы исторически сложились три ступени педагогическаго образованія учителей: научный педагогическій курсъ въ университетѣ, семинарія при гимназій и пробный годъ.

Опытъ Пруссіи убѣдительно учитъ, что у насъ было бы крайне нецѣлесообразно дѣло педагого-дидактическаго приготовленія будущихъ учителей гимназій возложить непосредственно на тотъ или другой учебный персоналъ нашихъ гимназій. Если даже въ Пруссіи такимъ путемъ дѣло не пошло, то трудно ожидать чего либо путнаго отъ подобнаго порядка у насъ. Съ другой же стороны, неблагоприятно было бы также центр тяжести надлежащаго приготовленія нашихъ учителей помѣстить въ

университетахъ. Если въ Пруссіи, для веденія дѣла въ такомъ порядкѣ, министерство могло найти только два лица; то еще болѣе затрудненія представилъ бы такой порядокъ у насъ, если только мы не хотимъ, чтобы педагогическое руководство будущихъ нашихъ учителей съ университетскихъ кафедръ было пустымъ и часто вреднымъ для дѣла умничаньемъ—тѣмъ Klugredneri, котораго такъ опасался въ свое время еще Боницъ. Все такимъ образомъ говорить въ пользу того, что предложенное у насъ учрежденіе для педагогическаго приготовленія учителей гимназій должно быть организовано какъ самостоятельное и отдѣльное учебное заведеніе, имѣющее свое собственное дѣло. Хотя и для такого учрежденія не легко найти соотвѣтствующее лицо, но все же легче, чѣмъ нѣсколько таковыхъ для всѣхъ нашихъ университетовъ. Къ тому же, въ условіяхъ университетскаго порядка, педагогическое руководство кандидатовъ, съ одной стороны, естественно не можетъ быть практическимъ или демонстративнымъ, развѣ искусственно, а съ другой, оно не можетъ быть ведено по одному плану, строго согласованному съ дѣйствительными и живыми потребностями нашего учебнаго дѣла. Потому необходимымъ представляется, чтобы предполагаемое учрежденіе находилось подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра просвѣщенія, чтобы въ дѣлѣ, долженствующемъ имѣть такое важное значеніе для всего нашего средняго образованія, всѣ мѣропріятія были центральнаго происхожденія и хорошо согласовались бы съ руководящими правительственными идеями, такъ какъ здравая педагогика должна имѣть въ виду определенное воспитаніе юношества, соотвѣтствующее данному времени и народу, а всеобщая педагогика, годная для всѣхъ временъ и народовъ, обречена вращаться только въ тривиальныхъ обобщеніяхъ.

Цѣлю предполагаемаго учрежденія должно быть теоретическое (научное) и практическое (демонстративное) занятіе будущихъ учителей вопросами о воспитаніи и ученіи, какъ они изъясняются въ современной дидактикѣ. При этомъ слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что дидактика, хотя какъ дѣло существуетъ давно, но, какъ наука, должна быть помѣчена ближайшимъ числомъ. Притомъ, не существуетъ, конечно, и не можетъ существовать никакой такой дисциплины, которую бы слѣдовало изучить по какому нибудь руководству, чтобы пріобрѣсти соотвѣтствующее дидактически знаніе. Дидактика, въ смыслѣ науки, не похожа ни на грамма-

тину, ни на анатомію, или другія науки, замкнуты въ своемъ матеріалѣ и въ средствахъ его уравнивія. Соответствующее задачѣ учительства дидактическое знаніе должно составлятьсѣ въ каждомъ путемъ его личной работы надъ разнообразными, относящимися сюда вопросами, путемъ наблюденія самого учебнаго дѣйствія въ разныхъ его видахъ, чрезъ историческое его изученіе, и разными другими способами. Понятно, что все это доступно только для лицъ, имѣющихъ уже высшее научное образованіе, то-есть, окончившихъ уже курсъ въ университетѣ по историко-филологическому и физико-математическому факультетамъ. Эти лица должны сойтись для совмѣстной работы и составить изъ себя то, что обыкновенно называется семинарією, или академією.

Срединный и основной пунктъ педагогической академіи должно составлять изученіе кандидатами науки о воспитаніи и ученіи, съ философской и исторической стороны и въ методическомъ отношеніи. Этому дѣлу должны служить здѣсь прежде всего соответствующіе научные курсы директора заведенія и упражненія самихъ кандидатовъ въ изясненіи вопросовъ по ученію и воспитанію, предлагаемыхъ директоромъ въ обычномъ семинарскомъ порядкѣ. Но то и другое—и научные курсы директора и семинарскія упражненія кандидатовъ должны быть ведены не абстрактно, но примѣнительно къ порядку и составу дѣйствительнаго ученія и воспитанія учениковъ, какъ оно установлено въ нашихъ школахъ, учителями которыхъ готовятся быть кандидаты. Для этой цѣли требуется, чтобы при академіи была школа (гимназія), которая сама, какъ школа, можетъ быть ввѣрена особому лицу, но которою академія могла бы пользоваться, какъ школою для практическихъ занятій кандидатовъ.

Самый трудный вопросъ по устройству дѣла педагогическаго образованія будущихъ учителей состоитъ въ томъ, въ какомъ видѣ и порядкѣ должны быть установлены практическія занятія кандидатовъ въ дѣйствительномъ учебномъ заведеніи, которое, какъ такое, существуетъ конечно не для практики будущихъ кандидатовъ, а для надлежащаго образованія настоящихъ учениковъ. Вопросъ этотъ дѣйствительно такъ труденъ, что, при основательномъ размышленіи о немъ, приходится держаться только той цѣли, чтобы не сдѣлать чегонибудь хуже, когда можно лучше.

Изъ ученія въ школѣ нельзя дѣлать представленій, и учить можно только дѣйствительныхъ учениковъ, а не подставныхъ, притомъ — учи-

темъ настоящимъ, то-есть отвѣтственнымъ за свое дѣло предъ тѣмъ, для кого они его дѣлаютъ. Такимъ образомъ, существенная задача при установленіи практическихъ занятій кандидатовъ въ дѣйствительной школѣ состоитъ въ томъ, чтобы учащіеся здѣсь не были пробными камнями для цѣлаго ряда лицъ, учащихся на нихъ быть учителями. Обществу, ближайшимъ образомъ родители учениковъ, естественно, могутъ быть недовольны этимъ и не имѣть должнаго довѣрія къ такимъ учебнымъ заведеніямъ. Такъ, наприимѣръ, директоръ гимназій въ Штетинѣ не разъ жаловался и печатно заявлялъ о недовольствѣ родителей учениковъ этой гимназій тѣмъ, что учителя ихъ дѣтей учатъ на нихъ учить другихъ. Точно также нѣкоторые изъ директоровъ берлинскихъ гимназій, какъ мнѣ это извѣстно, по тѣмъ же побужденіямъ просили министерство освободить вѣрныя имъ учебныя заведенія отъ практикы въ нихъ кандидатовъ на учительскія должности.

Этотъ трудный вопросъ рѣшается единственно только при томъ убѣжденіи, котораго держатся теперь лучшіе и авторитетные руководители дѣла педагогическаго образованія учителей, что научное образованіе кандидатовъ и теоретически и практически, въ области педагогики и дидактики, должно быть отдѣлено отъ даванія ими уроковъ въ школѣ. Даже о посѣщеніи кандидатами учительскихъ уроковъ съ цѣлію подражанія. Шрадеръ наприимѣръ рассуждаетъ такимъ образомъ: «посѣщеніе кандидатами уроковъ въ гимназій не необходимо, оно можетъ быть допущено только при томъ условіи, если не причиняетъ ученію чувствительнаго неудобства и расстройтва. (Lehrerb. und Lehrg. 1897. Hf. 53. стр. 10). Еще рѣшительнѣе высказывается объ этомъ Фришъ: «хотя вообще вѣрно, что *longum est iter per grasserata, breve et efficax per exempla*, однако кандидатъ, посѣщая уроки учителей, обыкновенно останавливаетъ вниманіе только на внѣшней сторонѣ преподаванія и не въ состояніи оцѣнить трудностей методы, ея тонкостей, если онъ не владѣетъ въ извѣстномъ объемѣ теоретическими знаніями. Ibid. H. 56. S. II. 1898.

Такимъ образомъ, хотя при педагогической академіи нужна школа, но не для даванія кандидатами «пробныхъ» уроковъ, а въ интересѣ собственно демонстративнаго усвоенія изучаемыхъ ими правилъ дидактики и методики. Для этой цѣли всего лучше было бы, если бы въ методіи каждаго учебнаго предмета могли руководить кандидатовъ сами учителя

этой школы, какъ это имѣетъ мѣсто въ Іенѣ, въ Галле и въ нѣкоторыхъ другихъ семинаріяхъ. Способъ такого руководства долженъ быть семинарскій: онъ долженъ состоять въ изученіи кандидатами соответствующихъ сочиненій и въ обсужденіи разныхъ темъ по методикѣ, въ формѣ рефератовъ. Вмѣстѣ съ этимъ кандидаты представляютъ учителямъ и директору письменныя приготовленія уроковъ, такъ чтобы изъ нихъ можно было понять, на сколько кандидатъ старался и успѣлъ примѣнить къ данной задачѣ требованія преподавательскаго искусства. Сюда относятся: а) методическія соображенія, касающіяся разложенія подлежащаго преподаванію матеріала на его элементы съ научной точки зрѣнія, и формулированіе его съ учебной точки зрѣнія, въ видѣ дидактическихъ объектовъ, согласно съ дидактическими требованіями; б) распределеніе ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ на отдѣльные уроки или темы; в) ходъ ученія въ каждомъ отдѣльномъ урокѣ,—сообщеніе новаго на основаніи преподаннаго прежде, усвоеніе его учениками чрезъ переработку его въ ихъ мышленіи и чрезъ упражненія въ немъ. Такія приготовленія кандидатовъ къ урокамъ составляютъ предметы особыхъ собесѣдованій ихъ съ учителями и директоромъ. Съ ними соединяются обыкновенно и собесѣдованія, посвящаемыя систематическому выясненію методическихъ правилъ по преподаванію отдѣльныхъ предметовъ, ознакомленіе кандидатовъ съ дѣйствующимъ учебнымъ планомъ въ его дидактической цѣлостности, со школьною дисциплиною, гигиеною, со школьнымъ управленіемъ и т. п.

Когда, чрезъ вышеозначенныя приготовленія учебнаго матеріала къ преподаванію, кандидаты уже достаточно освоятся съ задачами дѣла, учитель, въ теченіе даваемого имъ урока, въ присутствіи кандидатовъ, предлагаетъ тому или другому изъ нихъ исполнить при себѣ нѣкоторую опредѣленную преподавательскую работу, на примѣръ: сообщить ученикамъ слѣдующее по ходу преподаванія новое знаніе, на основаніи только что преподаннаго имъ учителемъ, или повторить съ нимъ знанія, преподаанныя имъ въ предыдущіе уроки, по связи ихъ съ новымъ, или только что преподанное знаніе переработать въ ихъ мышленіи чрезъ соответствующіе вопросы, или укрѣпить его въ нихъ чрезъ соответствующія упражненія и др. подобное. Все это и должно быть для кандидатовъ настоящею демонстраціею усвоаемыхъ ими правилъ методики.

Эти способы методической практики кандидатовъ въ преподаваніи, привычные ко всѣмъ учебнымъ предметамъ, вполне цѣлесообразны и удобны, такъ какъ не вносятъ никакого разстройства въ нормальный ходъ ученія въ классѣ. А такъ—называемые пробные уроки должны быть выдѣлены изъ состава занятій кандидатовъ въ педагогической академіи; для нихъ, если бы то было признано нужнымъ, должно быть назначено отдѣльное время, въ видѣ именно «пробнаго года» какъ въ Германіи, или долѣе. Но если и въ Германіи «пробный годъ» не приноситъ и не можетъ приносить педагогическому образованію учителей той пользы, которой отъ него когда-то ожидали, то трудно, кажется, надѣяться сдѣлать изъ этого учрежденія что либо истинно полезное у насъ.

Въ интересѣ развитія въ кандидатахъ правильныхъ понятій собственно о воспитаніи учащихся, было бы очень полезно, если бы при учебномъ заведеніи, состоящемъ при педагогической академіи, былъ пансіонъ. Тогда, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ обязанностей надзирательства, каждому кандидату, какъ это съ большимъ успѣхомъ ведется въ Галле, могли бы быть назначаемы два—три мальчика, для спеціального руководства ихъ какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи. Черезъ это кандидаты сразу становятся не чужими дѣлу учебнаго заведенія, а настоящими служащими въ немъ, въ нѣкоторой степени *ответственными* за него—условіе, конечно, очень важное для надлежащаго успѣха приготовленія ихъ къ учительской службѣ.

VI.

Объ управленіи учащимися

Все можно дѣлать и всѣмъ можно управлять, дѣйствуя согласно съ существомъ объекта дѣйствія, или управленія, или по той формулѣ, которая, языкомъ древнихъ, соотвѣствуетъ самому *бытію* того, что подлежитъ дѣланію или управленію. Такъ и учащимися управлять надлежащимъ образомъ можно только по формулѣ ихъ бытія, именно какъ личностями еще не сложившимися, но долженствующими сложиться по идеѣ извѣстнаго умственнаго и нравственнаго порядка. Существо объекта или идея его есть живой элементъ каждаго дѣйствія. Поэтому и управленіе учащимися, согласованное съ указаннымъ существомъ объекта этого дѣйствія, не должно быть пустымъ бездушнымъ механизмомъ, но нѣкотораго рода творчествомъ, живымъ актомъ роста и развитія самихъ молодыхъ людей. Ибо управлять ими согласно съ ихъ природою значить именно управлять ими, не какъ мертвыми, или не самодѣйствующими, напротивъ, на самодѣйствіе ихъ и должно быть обращено все вниманіе управляющихъ.

Согласно съ этимъ управленіе въ школѣ есть собственно соблюденіе здѣсь опредѣленнаго порядка, въ согласіи съ которымъ должна самобытно сложиться нравственная личность учащихся. Въ самомъ же порядкѣ должно различать двѣ стороны—внутреннюю, или нравственную и внѣшнюю, или полицейскую. Нравственный порядокъ есть идея отношеній каждаго къ самому себѣ и къ другимъ, а соотвѣтствующія этой идеѣ требованія дають то, что есть собственно внѣшній, или полицейскій порядокъ. Конечно, нравственный порядокъ долженъ быть выраженъ въ каждомъ учебномъ заведеніи въ нѣкоторомъ внѣшнемъ порядкѣ; однако правила и требованія, обращенныя къ учащимся, не производять порядка.

Напротивъ, сами они имѣютъ силу только въ томъ случаѣ, если хорошо соотвѣтствуютъ идеѣ нравственнаго порядка. Искусственно и произвольно созданный въ школѣ полицейскій порядокъ нѣкоторымъ образомъ можетъ быть въ ней даже причиною разрушенія нравственнаго порядка и началомъ хаоса. Осуществленіе же нравственнаго порядка вообще не мыслимо безъ самоуправленія тѣхъ, въ дѣятельности и отношеніяхъ коихъ онъ долженъ быть выражаемъ. Самоуправленіе есть общая основа всякаго нравственнаго быта. Но во всѣхъ прочихъ формахъ этого быта самоуправленіе есть нѣчто предполагаемое, а въ школѣ оно есть вмѣстѣ и иско-мое. Это значитъ, что всѣ мѣры управленія въ школѣ, всѣ требованія и распоряженія, по существу своему, должны быть такого свойства, чтобы для выполненія ихъ учащимся необходимо было искать въ себѣ и развивать самоуправленіе, какъ точку опоры для своей нравственной дѣятельности, для своей нравственной личности. Возможность этого изъясняется изъ того, что нравственные элементы, присущіе душѣ человѣческой изначала, непосредственно руководствуютъ учащимся къ самоуправленію. И если бы человѣческой природѣ былъ чуждъ тотъ нравственный порядокъ, который мы хотимъ развить въ сознаніи учащихся, то никакое управленіе ими было бы невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно управлять, если подлежащіе управленію сами собою не управляютъ? Звонокъ, наприимѣръ, есть обычная форма опредѣленнаго требованія, обращеннаго непосредственно къ учащимся; и требованія въ этой формѣ совершенно достаточно, быть можетъ, для доброй половины дѣла управленія учащимися, если только они сами собою управляютъ. Но, что прикажете дѣлать, если учащіеся—сто, триста, тысяча человѣкъ не идутъ по звонку въ классы, или не расходятся изъ классовъ? Явно, что внѣ отношенія къ самоуправленію управляемыхъ управлять ими никто не сумѣетъ, и потому всѣ попытки создать какой либо механизмъ управленія въ учебныхъ заведеніяхъ, внѣ этого основного начала, должны быть признаны совершенно пустымъ дѣломъ.

Но хотя самоуправленіе учащихся есть такимъ образомъ основное начало порядка во всякомъ учебномъ заведеніи, и къ нему именно должны быть адресованы всѣ распоряженія и требованія учебнаго начальства; ошибочно однако было бы думать, что самоуправленіе учащихся исключаетъ уже всякій надзоръ за ними: дерево само растеть, но и за нимъ нуженъ

уходъ, если хотимъ, чтобы оно выросло сообразно съ извѣстною цѣлю. Такъ и живая, но еще не сложившаяся личность юноши. Но при этомъ должно только помнить, что мѣръ учебный не есть мѣръ юридическій. Въ юридическомъ мѣрѣ нѣтъ собственно живого лица, а есть только форма его—тотъ кто (quidam, или quisque); а въ мѣрѣ учебномъ дано живое лицо. Это живое лицо, со всѣми атрибутами его возраста и положенія, но и съ началомъ самоуправленія, должно быть постояннымъ объектомъ всѣхъ мѣръ учебнаго управленія. Потому, какъ, съ одной стороны, не слѣдуетъ всѣмъ проявленіямъ несовершенствъ учащагося придавать рѣшающее значеніе, такъ равно должно помнить, что всѣ мѣры воздѣйствія на него должны имѣть значеніе предупрежденія, чтобы неизбѣжныя, быть можетъ, по психологическимъ его условіямъ, случаи уклоненія съ пути должнаго самоуправленія не получили для него значеніе тенденціи. Въ этомъ и заключается весь смыслъ управленія учащимися. Дѣйствительно, не случай, хотя бы печальный и дурной, есть выраженіе развращеннаго духа, но тенденція, та инерція воли, тотъ недостатокъ самоуправленія, когда никакія наставленія уже не дѣйствуютъ. Поэтому наставленіе, какъ одна изъ мѣръ дѣйствія на учащихся, должно имѣть конецъ: нельзя безпредѣльно терпѣть нарушеніе установленнаго порядка, не смотря на всѣ предупреждающія наставленія. Тогда выступаютъ другія мѣры, но конецъ имъ долженъ быть еще скорѣе, чѣмъ наставленіямъ, потому что учебному заведенію не приходится быть исправительнымъ. Не на то оно существуетъ, и для этого у него, здраво разсуждая, нѣтъ надлежащихъ средствъ. Традиціонное сравненіе учебнаго заведенія съ садомъ, гдѣ души растущія воздѣлываются, вообще гораздо вѣрнѣе, чѣмъ сравненіе его съ какимъ либо мѣстомъ, гдѣ исправляются порочныя души.

Какъ должно дѣйствовать для развитія въ учащихся надлежащаго самоуправленія, въ какомъ согласіи съ учебными мѣрами и какими средствами собственно дисциплинарнаго дѣйствія,—вопросы эти предположено разсмотрѣть отдѣльно въ статьѣ о дисциплинѣ учащихся, вслѣдъ за статью о дидактикѣ учебныхъ предметовъ гимназій. Въ настоящее же время желательно обратить вниманіе на тѣ условія въ нашемъ учебномъ быту, которыя, кажется, всего болѣе мѣшаютъ поставить дѣло руковод

ства учащимися въ нравственномъ отношеніи на началѣ самоуправленія. Эти условія суть, съ одной стороны, внутреннія, а съ другой, внѣшнія для учебныхъ заведеній.

Важнѣйшее изъ внутреннихъ условій неустойчивости въ учебныхъ заведеніяхъ начала самоуправленія и имманентное здѣсь—это крайній схематизмъ постановки дѣла самого управленія учебными заведеніями. Реально и внутренне вести дѣло развитія въ учащихся начала самоуправления можно, дѣйствуя тутъ же на мѣстѣ, а не изъ центра. Между тѣмъ это живое, творческое дѣло руководства и воспитанія учащихся поставлено такъ, что является часто дѣломъ простого исполненія формальныхъ распоряженій центрального управленія. Къ педагогической дѣятельности, съ точки зрѣнія ея живого объекта, примѣнно вполнѣ требованіе одного римскаго полководца, который, когда римскому войску нужно было однажды перейти изъ одной мѣстности въ другую, назначилъ только время сбора, а способъ передвиженія и самый путь предоставилъ на усмотрѣніе каждаго. Но вмѣсто чего нибудь подобнаго, центральная власть надъ учебными заведеніями старается установить не только задачи, но и всю методу управленія; не смотря на то, что объектъ управленія есть въ этомъ случаѣ живой, растущій духъ человѣческій, она хочетъ представить себѣ всѣ возможныя явленія его роста, нормальныя и ненормальныя, дѣлая изъ нихъ нѣкоторую мозаическую картину и узаконяя шаблонъ, по которому должна дѣйствовать мѣстная власть въ томъ или другомъ случаѣ. Правда, что относящіяся сюда распоряженія представляютъ педагогическимъ совѣтамъ измѣнять касающіяся руководства поведеніемъ учениковъ общія правила; но какая живая надобность можетъ заставить такъ дѣйствовать? Потому естественно, что дѣло управленія учащимися идетъ по шаблону, данному центральной властію. А при такомъ порядкѣ, формальное отношеніе къ этому живому дѣлу есть обычное въ учебныхъ заведеніяхъ. Но формализмъ этотъ, имѣя свой источникъ въ самой постановкѣ дѣла, усиливается иногда еще тѣмъ, что руководящая власть предъявляетъ при этомъ къ мѣстному управленію нерѣдко столь сложныя требованія относительно письменнаго производства по руководству учащимися, что удовлетвореніе имъ способно поглотить всю энергію дѣятелей, такъ что исполненіе этихъ требованій подъ часъ, естественно, кажется имъ исполненіемъ самого дѣла.

Вообще же обстоятельство, усиливающее означенное условіе господствующаго теперь формализма въ управленіи учащимися, или схематизма его, заключается въ самой организаціи правящей власти въ учебныхъ заведеніяхъ. По смыслу дѣла, повидимому, требуется, чтобы органомъ правящей власти здѣсь было одно лицо. Основаніемъ такого требованія служить то, что только единоличная власть можетъ быть развита изъ нравственнаго начала, а власть коллективная необходимо должна быть опредѣлена формальнымъ началомъ. Это формальное начало есть большинство. Благодаря между прочимъ такому началу управленія учащимися въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, устарѣвшее названіе ихъ учебными республиками можетъ принадлежать имъ иногда и доселѣ въ его худшемъ смыслѣ. Это начало управленія мало пригодно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ власти есть живое лицо и его нравственная судьба, когда вся задача управленія должна состоять въ такомъ воздѣйствіи власти на подчиненныхъ ей, чтобы въ результатъ его все болѣе и болѣе развивалось и крѣпло въ нихъ самоуправленіе. Эта проблема психологическая, и психологія здѣсь не легкая. Знакомые съ дѣломъ по насмѣшкѣ говорятъ въ этомъ случаѣ о душѣ ребенка; нужно говорить объ опытности въ руководствѣ, о способности къ нѣкоторому творческому синтезу явленій психической жизни учащихся, о приобретаемомъ практикою умѣніи постигать, по даннымъ признакамъ этихъ явленій, необходимыя схемы соответствующаго психическаго процесса. Принципиально нельзя конечно допустить, чтобы источникомъ формальнаго начала правящей власти въ нашихъ гимназіяхъ служила та отвлеченная теорія демократіи, что большинство лицъ, хотя въ отдѣльности не вполне совершенныхъ, судить и понимаетъ лучше одного хорошаго (Аристотель), чтобы въ коллегіи, потому что она коллегія, было болѣе опытности въ оцѣнкѣ явленій психической жизни учащихся и болѣе умѣнья распорядиться ими въ интересѣ соответствующаго нравственнаго порядка, чѣмъ въ одномъ лицѣ; но фактически дѣло управленія учащимися въ нашихъ гимназіяхъ поставлено какъ бы такъ. При гимназіяхъ состоятъ педагогическіе совѣты. Опредѣляемый по идеѣ, какъ институтъ, назначенный для болѣе вѣрнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, относящихся преимущественно къ учебной и воспитательной части заведенія (§ 68 Устава), педагогическій совѣтъ поставленъ однако какъ органъ высшей

власти въ дѣлѣ управления учащимися; ибо окончательному его рѣшенію подлежатъ между прочимъ назначеніе въ важнѣйшихъ случаяхъ взыскація съ учащихся, а равно и указанія относительно примѣненія правилъ о взыскаціяхъ къ даннымъ случаямъ (§ 74 и 9 Устава). Само по себѣ то обстоятельство, что педагогическій совѣтъ поставленъ какъ высшая инстанція правящей власти въ заведеніи, не исключаетъ для него возможности обсуждать и изучать явленія, подлежащія его правленію; но постановкою самого дѣла это отъ него не требуется. Именно что мы видимъ? Существуютъ разные проступки въ мирѣ учащихся дѣтей и юношей; но существуетъ и техника ихъ исправленія, изложенная въ правилахъ о взыскаціяхъ. И вотъ функція педагогическаго совѣта, какъ высшаго органа управления учащимися, совершенно законно исполняется въ томъ, чтобы для даннаго проступка ученика, подлежащаго его обсужденію, отыскать въ правилахъ о взыскаціяхъ, какъ въ какомъ нибудь лѣчебникѣ, соответствующее средство врачеванія нравственности провинившагося. Эта же метода нравственнаго воздѣйствія на учащихся, на томъ же законномъ основаніи, усваивается обыкновенно и отдѣльными членами педагогическаго совѣта, въ предѣлахъ установленной компетентности ихъ въ томъ дѣлѣ. Между тѣмъ самая эта механизация, вся эта техническая метода управления учащимися потребовалась именно потому, что педагогическій совѣтъ поставленъ на дѣлѣ не по идеѣ своей, именно—какъ органъ дѣйствующей власти, а не какъ органъ судящей мысли. Ибо оставить коллегію дѣйствовать безъ канона, безъ обязательнаго руководства, значило бы оставить самое дѣло управления въ рукахъ случайнаго большинства. Руководящія правила потребовались для того, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ даннаго дѣйствія управления могло составиться въ совѣтѣ благоразумное большинство;—это ли не демократически?

Если бы педагогическій совѣтъ былъ не органомъ высшей власти въ заведеніи, а органомъ судящей мысли, одухотворяющей все учебное дѣйствіе въ немъ, если бы задачи сужденія вытекали изъ свободнаго отношенія его къ этому дѣйствию, а не были бы предрѣшены для него въ правилахъ, какъ для ученика бываютъ предрѣшены задачи въ ариѳметическомъ задачникѣ, тогда, безъ сомнѣнія, педагогическій совѣтъ могъ бы дѣйствовать, какъ нравственная сила. Теперь же, напротивъ, какъ органъ высшей мѣстной власти, какъ институтъ, обязанный окончательно

рѣшать по данной схемѣ вопросы о достоинствѣ явленій нравственной жизни учащихся, онъ, естественно, часто оказывается только лишь функцією простого канцелярскаго механизма. Во всякомъ же случаѣ, обсужденіе нравственныхъ явленій въ жизни учащихся и изученіе ихъ мало чувствуется членами его, какъ непосредственная задача ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ учрежденіе на практикѣ оказывается отрицающимъ себя, каково оно въ принципѣ. Для внутренняго же дѣла учебнаго заведенія оно, какъ форма его отправления, является слишкомъ широкою; и эта-то именно столь широкая форма управленія учащимися въ нравственномъ отношеніи едва-ли не есть одна изъ причинъ того шатанія нравственнаго порядка, которое такъ часто бывало доселѣ въ нашихъ гимназіяхъ. Если же нѣтъ, то несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что дѣло, достоинство котораго, по отношенію къ его цѣли, тѣмъ выше, чѣмъ оно ведется проще, благодаря данному порядку, оказывается очень затруднено. Вообще сказать, еслибы вопросы, касающіеся нравственнаго порядка въ учебномъ заведеніи, не рѣшались здѣсь большинствомъ, то это было бы безъ сомнѣнія совсѣмъ иное положеніе управленія заведеніемъ, чѣмъ теперь, когда директоръ имѣетъ, правда, право не согласиться съ мнѣніемъ большинства, но такъ, что окончательная судьба его распоряженія будетъ установлена лишь послѣ доклада о немъ попечителю округа правителемъ его канцеляріи.

Между тѣмъ, вслѣдствіе указанной формальной постановки дѣла управленія учащимися въ нашихъ гимназіяхъ, за успѣхъ дѣла, особенно въ отношеніи къ нравственному воспитанію учащихся, у насъ теперь, можно сказать, никто не отвѣчаетъ. Конечно, по закону и частію по мнѣнію общества, отвѣтственнымъ считается начальство учебнаго заведенія: при благополучіи въ немъ, начальникъ иногда награждается, а при неблагополучіи не безъ того чтобы съ него и не взыскивали; но самая эта отвѣтственность его измѣряется обыкновенно степенью точнаго исполненія имъ всѣхъ относящихся къ его служебной роли распоряженій. Явно, что отвѣтственность начальника заведенія, если она опирается только на такую категорію, есть чисто юридическое установленіе, и какъ такое, оно естественно раздѣляетъ на практикѣ участь всѣхъ подобнаго рода юридическихъ институцій. Именно, по данной точкѣ зрѣнія, отвѣтственность директора гимназіи—тоже, что отвѣтственность,

напримѣръ, машиниста на паровозѣ за благополучный ходъ поѣзда, отвѣтственность городского головы за благосостояніе городского населенія и др. Такая отвѣтственность значитъ, что машинистъ, или городской голова исполняютъ свои обязанности, а поѣздъ (вмѣстѣ съ машинистомъ) падаетъ съ откоса, и городское населеніе (вмѣстѣ съ городскимъ головою) чахнетъ отъ миазмовъ, то есть отвѣтственность, какъ юридическая институція, практически часто не можетъ быть примѣнена или ко всей дѣятельности лица отвѣтственнаго, или къ той или другой части ея. Такова ли отвѣтственность директора гимназій? Намъ говорятъ: „юридически установленная отвѣтственность директора практически не можетъ быть проведена вполнѣ; но такъ какъ едва ли возможно юридически—состоятельное установленіе осуществить другимъ путемъ, и такъ какъ на практикѣ, въ отношеніи къ обсужденію дѣятельности директора, въ администраціи господствуетъ всегда правдивость, то на указанный недостатокъ въ этомъ установленіи можно не обращать вниманія“. (Шиллеръ. Handbuch der prakt. Pädagogik. 1886 г. стр. 70) Странно! Если установленіе, состоятельное юридически, оказывается практически почти ничѣмъ, то слѣдуетъ, кажется, не оставлять это безъ вниманія, а напротивъ изслѣдовать, отчего происходитъ практическая негодность этой юридической важности. Именно, спрашивается, дѣйствительно ли отвѣтственность директора гимназій за нравственное направленіе учащихся само по себѣ есть юридическое установленіе? Не является ли она таковымъ только практически, вслѣдствіе крайне формальной постановки на практикѣ правящей власти директора? Въ самомъ дѣлѣ, объектъ юридической отвѣтственности есть исполненіе закона и распоряженій начальства. Затѣмъ все, что лежитъ внѣ этого, все, что не предусмотрено. или не можетъ быть предусмотрено ни закономъ, ни распоряженіями, не можетъ быть признано и объектомъ обязательнаго исполненія для исполнителей. Выполненіе задачъ такого рода трактуется только какъ нѣчто возможное, случайное, за отсутствіе котораго въ данномъ дѣлѣ исполнитель его отвѣчаетъ, а за присутствіе иногда и награждается. Относящіеся сюда случаи въ дѣятельности управителей (машиниста, напримѣръ, управляющаго локомотивомъ, городского головы, управляющаго улицами и канавами въ городѣ) могутъ быть легко представлены. Спрашивается, различны ли такъ случаи управленія учащи-

мися директоромъ гимназіи—одни предусмотрѣнные закономъ и распоряженіями, другіе—не предусмотрѣнные? Въ администраціи, потому что она администрація, есть естественная тенденція создать такую мозаику схемъ для производства управленія учащимися, въ которой было бы какъ можно болѣе положеній пригодныхъ на тотъ или другой возможный случай управленія, чтобы вся эта мозаика соответствовала какъ можно большому количеству элементовъ этого живого дѣла и ихъ причудливому расположенію въ дѣйствительности. Затѣмъ, относительно всего, что паче чаянія не подошло бы подъ данныя схемы, требуется, чтобы мѣстное начальство или испрашивало отъ администраціи новую схему для производства управленія, или дѣйствовало по личному усмотрѣнію, но не иначе, какъ въ согласіи съ какою нибудь существующею схемою. Въ послѣднемъ случаѣ, при неудачѣ принятыхъ мѣръ, *in der praktischen Handhabung stets Billigkeit bezüglich der Beurtheilung waltet*, какъ говоритъ Шиллеръ, а удача награждается, какъ результатъ отдѣльнаго усмотрѣнія, согласнаго съ тою или другою формою схематическаго производства управленія.

Но, по существу дѣла, не одно ли только правило должно быть обязательно для производства управленія учащимися—управлять ими такъ, чтобы они были хорошими? Всякій схематизмъ въ производствѣ этого дѣла, явно, есть только выраженіе инерціальной тенденціи того административнаго порядка, въ которомъ, по условіямъ господствующаго строя жизни, оно находится. И только съ точки зрѣнія этой тенденціи администраціи, только въ виду этого административнаго порядка, въ которомъ какъ всѣ другія общественныя дѣла, находится и это дѣло, можетъ казаться и дѣйствительно казаться, что отвѣтственность директора гимназіи за нравственную доброкачественность учениковъ само по себѣ есть юридическое установленіе, подобно отвѣтственности машиниста, городского головы и др. лицъ такого рода. Между тѣмъ внутренно, по существу дѣла, которое ведетъ директоръ гимназіи, отвѣтственность его за него, безъ сомнѣнія, прежде всего есть нравственное требованіе, первично и непосредственно вытекающее изъ задачи самого дѣла, а не изъ положенія дѣйствующаго. Разница большая! Ибо если во взглядѣ на отвѣтственность директора не дать всей силы той мысли, что это есть собственно нравственное требованіе, то на самое дѣло его—на управленіе

учащимися должно смотрѣть просто, какъ на функцію его служебнаго положенія, а не какъ на нравственную задачу творчества, или созиданія дѣла. Если же, далѣе, такую постановку этого понятія удержать въ гимназической педагогикѣ и въ сознаніи самихъ педагоговъ, какъ дѣлаетъ наприимѣръ Шиллеръ, то это просто значитъ признать гимназію, какъ воспитательное заведеніе, несостоятельнымъ для дѣла нравственнаго усовершенствованія учащихся. И дѣйствительно, не отъ такого ли, между прочимъ, взгляда на отвѣтственность учебнаго начальства въ заведеніи происходитъ тотъ хаосъ въ нравственномъ складѣ нашихъ учащихся, отъ котораго они доселѣ не могутъ освободиться? Какъ уже было сказано, за нравственную порчу учащагося юношества у насъ теперь никто не отвѣчаетъ. Отцы и матери всегда болѣе или менѣе склонны считать своихъ дѣтей по природѣ хорошими, и согласно съ той теоріей, по которой и сами успѣли уже воспитаться, считаютъ управленіе ими даже насиліемъ, однако, въ случаѣ порчи ихъ, спѣшатъ обвинять учебное заведеніе, а учебное заведеніе, опираясь на точное исполненіе съ его стороны всѣхъ предписанныхъ ему правилъ, не безъ основанія, какъ ему кажется, утверждаетъ, что ученики его гибнутъ нравственно отого, что отцы и матери не противодѣйствуютъ, если даже сами не способствуютъ ихъ нравственному развращенію. Это, безъ сомнѣнія, хаосъ и, такъ сказать, соціальный развратъ. Реформа, повидимому, должна прежде всего совершиться въ умахъ педагоговъ съ понятіемъ объ отвѣтственности ихъ за дѣло, какъ о нравственномъ долгѣ. Иначе, если отвѣтственность учебнаго начальства за нравственность учащихся дѣйствительно сама по себѣ есть юридическое установленіе, притомъ вытекающее обыкновенно за предѣлы практическихъ условій, то учебному міру скорѣе нужно отказаться вовсе отъ этой юридической фикціи, чѣмъ удерживать ее какъ формулу, а на дѣлѣ говорить: *non possumus!*

Развитію въ сознаніи общества представленія объ отвѣтственности учебнаго начальства за нравственность учащихся, какъ о нравственномъ требованіи, большую пользу оказало бы то, если бы, какъ юридическое установленіе, въ дѣйствительности оно практиковалось во всей силѣ, а не чрезъ *Billigkeit*. Такъ, между прочимъ, если бы вмѣсто того, чтобы таскать учащихся по судамъ, какъ политическихъ преступниковъ, иногда даже подъ гарантією депутата отъ учебнаго вѣдомства,

съ ними поступали, какъ должно по условіямъ ихъ не сложившейся нравственной личности, а призывались бы къ суду тѣ, кому они ввѣрены государствомъ, то содержаніемъ суда было бы нѣчто достойное государственнаго сужденія. Тогда и судимымъ и внимающимъ суду было бы ясно, что отвѣтственность учебнаго начальства за нравственность учащихся и практически должна быть поставлена такъ, какъ она есть сама по себѣ, то есть, какъ нравственное требованіе.

Но, если отвѣтственность учебнаго начальства есть нравственное требованіе, то она должна быть разсматриваема какъ то нравственное начало, изъ котораго собственно должна быть развита вся его власть въ заведеніи; причемъ явно, что такъ развита можетъ быть только личная власть, а не коллективная, потому что коллективная власть выражается большинствомъ, а для большинства, какъ такого, отвѣтственность, какъ нравственное требованіе, безъ сомнѣнія, есть фикція; къ тому же власть большинства, какъ совершенно формальная по своему составу, или источнику, не подлежитъ никакому развитію, и сама по себѣ есть лишь явленіе административнаго порядка, а не нравственнаго. Поэтому, для того чтобы управленіе учащимися выступало изъ нравственнаго начала отвѣтственности, центръ тяжести этого управленія долженъ быть связанъ съ личностію, а не съ большинствомъ, или что то же, правящая власть директора учебнаго заведенія должна быть поставлена независимо отъ большинства. Конечно, существуютъ нѣкоторыя серьезныя причины, по силѣ которыхъ порядокъ управленія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ поставленъ такъ, что отвѣтственность за дѣло управленія поставлена на практикѣ какъ бы подъ гарантію большинства; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ опускать изъ виду, что это есть выраженіе только положенія учебнаго дѣла въ порядкѣ административномъ, а не въ порядкѣ нравственномъ. Это различіе нравственнаго порядка отъ административнаго, какъ въ отношеніи къ учебному дѣлу, такъ и въ другихъ случаяхъ, само по себѣ не отрицаетъ въ послѣднемъ нравственнаго начала: напротивъ, всякій административный порядокъ и изобрѣтается собственно для сохраненія той или другой стороны нашей жизни вѣрною ея нравственному началу. Но въ практикѣ жизни онъ получаетъ иногда такую силу, что въ сознаніи нашемъ становится прямо на мѣсто того нравственнаго порядка, въ которомъ должна быть развиваема данная

сторона жизни, только подъ охраною порядка административнаго, Отсюда и бываетъ, что нравственно дѣла наши оказываются далеко не состоятельными, хотя административно совершенно выполнены, ибо административный порядокъ самъ по себѣ не производитъ нравственныхъ дѣйствій. Потому, въ интересѣ общей экономіи нравственнаго блага, административному порядку, особенно въ тѣхъ дѣлахъ, достоинство которыхъ связано съ живою личностію и съ ея свободною энергіею, какъ въ дѣлѣ учебномъ, нужно умѣючи поступаться собою въ пользу нравственнаго порядка, нужно искренно довѣрить дѣло доброй волѣ дѣятелей, болѣе положиться на присное духу человѣческому нравственное начало. Тогда оно окрѣпнетъ и получитъ силу начала, производящаго дѣйствія истинно-нравственнаго порядка. Вѣдь нравственность есть такая же функція живого духа человѣческаго, какъ, на примѣръ, и познаніе; и она, какъ всякая функція, развивается чрезъ упражненія, и напротивъ какъ бы атрофируется отъ бездѣйствія... Но, такъ или нѣтъ это вообще, несомнѣнно, что дѣло управленія учащимися имѣетъ достоинство только какъ дѣло нравственнаго порядка, а не административнаго, и что исполнители этого дѣла-начальники учебныхъ заведеній прежде всего должны сознавать свою задачу, какъ нравственную, и имѣть энергію дѣло управленія учащимися развивать изъ начала отвѣтственности, какъ нравственнаго требованія, а не юридическаго установленія.

Впрочемъ, убѣжденіе въ этомъ не ведетъ непосредственно къ требованію какой либо коренной реформы въ управленіи нашими средними учебными заведеніями. Съ нимъ былабы вполне согласна, какъ уже это сказано, принципиальная независимость распоряженій начальника заведенія отъ мнѣнія большинства, а также освобожденіе его дѣйствій по управленію учащимися отъ всякаго схематизма. Болѣе широкая личная свобода мѣстной власти есть въ этомъ случаѣ достаточная гарантія болѣе широкаго развитія интереса къ дѣлу и болѣе сообразнаго со смысломъ нравственнаго порядка его исполненія. При этомъ не должно давать мѣсто тому резонерству общаго смысла, что для такой постановки дѣла нужны какіе-то особенные люди, которыхъ у насъ нѣтъ. Эта жалкая теорія недостатка у насъ людей всего болѣе, кажется, и мѣшаетъ появленію ихъ на тѣхъ поприщахъ, гдѣ ихъ пока, пожалуй, дѣйствительно нѣтъ...

Но, тѣмъ болѣе свободы и личной инициативы въ управленіи уча-

щились было бы предоставлено директору, тѣмъ болѣе потребовалось бы вниманія къ нему. Вниманіе прежде всего требуется со стороны мѣстныхъ обществъ, гдѣ существуютъ гимназіи. Городскія думы, земскія управы, или спеціальныя учрежденія въ составѣ мѣстныхъ жителей могли бы, повидимому, принять на себя всецѣло заботу по исполненію всѣхъ хозяйственныхъ потребностей заведенія. Эта сторона службы директора теперь отнимаетъ у него много времени и силъ, и часто ставитъ его въ совершенно ложныя отношенія къ его подлинному дѣлу. Подряды и поставки, обезпеченныя залогами, экононы, свѣдующіе въ экономіи и радѣющіе, архитекторы, слѣдящіе за ремонтами, — все это, особенно для провинціи, существуетъ только на бумагѣ; на дѣлѣ же хлопоты обо всемъ этомъ, съ прибавкою къ нимъ еще многого другого, о чемъ дать понятъ нельзя тому, кто самъ не испытывалъ, тяготятъ не одного нашего директора дотогу, что, въ виду не фиктивной, а реальной отвѣтственности за все это, поневолѣ онъ машетъ подчасъ рукой на все прочее. А переписка по этимъ дѣламъ о нужномъ и о ненужномъ съ разными учрежденіями, да еще при какомъ попало письмоводителѣ!.. Вниманіе особаго рода нужно еще со стороны людей опытныхъ. Въ интересѣ живого опыта, въ путяхъ котораго только и можетъ совершиться и крѣпнуть дѣло воспитанія учащагося юношества, при моральномъ началѣ власти управляющей и руководящей имъ въ учебномъ заведеніи, для успѣха этого дѣла не столько нуженъ какой либо канонъ мѣръ руководительнаго дѣйствія, сколько возможность получить совѣтъ отъ людей опытныхъ, равно конечно и собственная опытность лицъ, коимъ ввѣрена эта власть.

Обратимся къ внѣшнимъ для гимназіи условіямъ, мѣшающимъ надлежащему развитію въ учащихся начала сомоуправленія. Для этой цѣли, совнѣ гимназіи требуется, чтобы, вмѣстѣ съ надлежащимъ выборомъ гимназическаго контингента, порядокъ всей жизни учениковъ былъ хорошо сообразованъ съ ихъ учебнымъ дѣломъ. Въ чемъ должна состоять эта сообразность, — это должно быть понятно глубже, нежели какъ часто понимаютъ это въ наше время. Вопросъ въ томъ, какъ согласить самъ по себѣ независимый отъ гимназіи и частный домашній порядокъ каждаго гимназиста съ общимъ и необходимымъ гимназическимъ порядкомъ ихъ учебной жизни. Явно, что если гимназистъ половину дни

живетъ и растетъ въ гимназiи, а половину дня—дома, то онъ можетъ въ одинъ и тотъ же день жить и расти въ двухъ разныхъ порядкахъ. Чтобы этого не было, одинъ порядокъ, явно, долженъ быть подчиненъ другому. Между тѣмъ, при очевидной необходимости, чтобы домашнiй порядокъ ученика подчинился его учебному порядку, важно ясно и точно понять, въ чемъ именно должно состоять это подчиненiе.

Люди, для которыхъ педагогика есть нѣкоторая сезонная болтовня, резонируютъ нерѣдко на ту тему, что школа та и хороша, которая похожа на семью. Это наивное желанiе было бы, можетъ быть, встать развѣ въ древнѣйшую эпоху господства материнскаго права, когда дѣти назывались по матери, а не по отцу. Только въ то время школы—то, кажется, не было. Какъ школа внутренно, такъ и семья внутренно—каждая есть, конечно, форма опредѣленнаго нравственнаго порядка, но эти формы различны. Школа, или учебное заведенiе, какъ особый общественный институтъ, отдѣльный отъ института семьи, потому и образовался и давно уже существуетъ у людей, что семья принципиально не можетъ быть тѣмъ для молодого ея поколѣнiя, чѣмъ должна быть для него школа. Зачѣмъ же самой ей быть теперь похожею на семью? Не было ли бы это уродствомъ учрежденiя и даже совершеннымъ его отрицанiемъ? На самомъ же дѣлѣ, иные люди—богатые, если учатъ своихъ дѣтей дома въ семьѣ, то собираютъ обыкновенно около нихъ кружокъ товарищей, чтобы было похоже на школу, и чтобы учащимся казалось, что они въ школѣ; равнымъ образомъ люди также богатые, которые въ состоянiи были бы устроить у себя на дому хоть университетъ, отдаютъ однако своихъ дѣтей учиться въ учебныя заведенiя. Замѣчательно при этомъ, что существующимъ постановленiемъ по нашему учебному вѣдомству, что молодые люди, учась дома по гимназической программѣ, могутъ, для приобрѣтенiя соотвѣтствующихъ правъ, выдерживать лишь экзаменъ вмѣстѣ съ учащимися въ гимназiяхъ, сперва въ IV классѣ, а чрезъ два года въ VI классѣ, пользовались и пользуются доселѣ очень не многiе.

Что такое семья? Это—мать. Ибо она есть основа того нравственнаго порядка жизни, который называется семьею. Гдѣ нѣтъ матери, тамъ внутренно нѣтъ и семьи, хотя бы и было нѣкоторое семейное общежитiе. И въ этомъ случаѣ, всякiй знаетъ, жизнь можетъ быть уже

всякая: находится личность материнскаго свойства,—порядокъ общежитія приближается къ порядку семьи; нѣтъ такого лица,—нѣтъ и семейнаго порядка. Ясно, что семья и школа, или въ нашемъ случаѣ—гимназія, суть двѣ различныя формы порядка по своимъ началамъ. Въ основѣ семьи, какъ нравственнаго порядка, лежитъ помощь; въ основѣ того нравственнаго порядка, который представляетъ школа, притомъ именно гимназія, лежитъ самодѣтельность.

Семья и школа перестали бы каждая быть нравственнымъ порядкомъ, если бы какъ нибудь онѣ перемѣстились со своихъ основъ. Поэтому, чтобы школа имѣла успѣхъ въ своемъ дѣлѣ, должно потребовать отъ семьи, чтобы она, отдавая дѣтей въ школу, уступила бы, такъ сказать, себя школѣ, въ пользу ея дѣла. Это не значить, что для дѣла школы необходимо, чтобы, разъ дѣти поступаютъ въ нее учиться, они должны быть совсѣмъ изъяты изъ сферы семейнаго порядка, какъ нѣкоторые рекомендуютъ это, совершенно неразумно требуя въ тоже время, чтобы сама школа была семьею; напротивъ, школа, въ нашемъ случаѣ собственно гимназія, требуетъ отъ семьи только того, чтобы она доставила ея ученикамъ все, что нужно, для того чтобы они могли быть самостоятельными въ подлежащемъ имъ дѣлѣ учебнаго и нравственнаго развитія.

И такъ, для устройства правильнаго учебнаго порядка въ гимназіи, требуется, чтобы начало этого порядка—самостоятельность учащихся было господствующимъ началомъ всей учебной ихъ жизни и дѣятельности. Но самостоятельность возможна только въ сферѣ труда; потому все ученіе должно быть расположено такъ, чтобы учащіеся чувствовали, что все содержаніе ихъ учебной жизни есть трудъ, что здѣсь все—знаніе ли и умѣнье ихъ, или нравственное дѣяніе и даже удовольствіе, развлеченіе должны быть результатомъ ихъ личнаго труда, напряженія ихъ собственныхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Безъ такой постановки дѣла, учебный порядокъ въ гимназіи, до какихъ бы мелочей онъ ни былъ расчитанъ и установленъ его руководителями, всегда будетъ только мертвымъ и внѣшнимъ, а не живымъ и нравственнымъ порядкомъ.

Съ указанною школьною тенденціею, отъ которой гимназія не можетъ отказаться, не отказываясь отъ себя самой, семья и семейный

порядокъ часто бываютъ не солидарны. При чемъ добровольное и цѣлесообразное подчиненіе одного порядка другому можетъ быть собственно только въ томъ случаѣ, когда въ самой семьѣ есть надлежащее пониманіе нравственнаго порядка въ школѣ. Безъ этого, сфера семейнаго порядка бываетъ обыкновенно такъ плотна, что не уступаетъ себя школѣ. А при господствѣ начала семейнаго порядка въ учебной жизни учениковъ, учебный порядокъ, какъ форма нравственнаго быта, для нихъ какъ бы не существуетъ.

Оплотненіе семейнаго порядка встрѣчается одинаково какъ въ семьяхъ съ недостаточнымъ матеріальнымъ обеспеченіемъ, такъ и въ семьяхъ обеспеченныхъ. Условіе одно.—и вредъ отъ нихъ для устойчивости нравственнаго порядка въ школѣ одинаковъ. Но едва ли не большому разрушительному дѣйствию подвергается нравственный порядокъ гимназій, когда въ семьяхъ учениковъ, имѣющихъ достаточное обеспеченіе, не только не содѣйствуютъ подчиненію ихъ должному учебному порядку, какъ это часто встрѣчается со стороны семей необезпеченныхъ, но даже противодѣйствуютъ этому. Учебное заведеніе не представляетъ собою для учениковъ никакого нравственнаго порядка, если въ семьѣ весь планъ ихъ ученія считаютъ пошлостію, глупостію, въ лучшемъ случаѣ совѣтуютъ имъ мириться съ своими обязанностями, или говорятъ имъ, что нужно задобрить учителя, или,—что они пользуются 'своимъ положеніемъ, захотятъ—такъ дадутъ себя знать гимназій. Ясно, что при этомъ надлежащее самоуправленіе въ ученикахъ укрѣпиться не можетъ, и живая потребность въ чемъ-то такомъ, естественно, ищетъ себя тогда иной сферы, а не учебной,—и находитъ... А въ гимназій все становится тогда вверхъ дномъ, и вмѣсто нравственнаго порядка господствуетъ безнравственный хаосъ. Но не нужно особенно сильныхъ противодѣйствій со стороны семьи учебному дѣлу гимназій, чтобы поколебать въ сознаніи ученика ея нравственный порядокъ: достаточно какъ можно чаще оставлять его дома, по разнымъ соображеніямъ; достаточно время его домашней жизни расположить такъ, чтобы оно не соответствовало потребностямъ его учебной жизни; достаточно просто окружить ученика всѣми средствами, которыя, повидимому, такъ облегчаютъ ему его учебный успѣхъ. Возьмемъ простой примѣръ. Какъ во всякомъ производствѣ, и въ производствѣ учебнаго дѣла гимназій существуетъ под-

дѣлка его, въ видѣ, между прочимъ, такъ называемыхъ подстрочниковъ, то есть подстрочныхъ переводовъ текстовъ древнихъ авторовъ, иногда еще съ прибавкою перевода начисто. Повидимому, такая книжка есть только доброе средство, облегчающее ученику достиженіе цѣли ученія; на самомъ же дѣлѣ эта грошевая обыкновенно вещь способна именно только разрушить всю цѣль. Не входя въ неумѣстныя здѣсь дидактическія основанія этого, легко однако поймемъ, что это такъ, если представимъ себѣ, что не одинъ кто либо изъ учениковъ и не разъ, при случаѣ, а всѣ ученики, притомъ постоянно, во всѣхъ классахъ, иначе не занимаются чтеніемъ древнихъ авторовъ, какъ съ подстрочниками въ рукахъ. Легко понять, что такъ заниматься можно сколько угодно лѣтъ, — толку отъ этого занятія не будетъ, потому что оно противорѣчитъ необходимой для успѣха самостоятельности учащихся. Точно также этой основѣ нравственнаго порядка гимназій противорѣчитъ крайне распространенное въ семьяхъ учениковъ и большею частію совершенно неумѣлое пользованіе репетиторами.

Есть еще порядки въ семейномъ и общественномъ быту, которые, повидимому, не противорѣчатъ задачѣ учебнаго заведенія основать нравственный строй жизни юношей на началѣ самоуправленія; кажется даже, что участіе ихъ въ этихъ порядкахъ вполне соотвѣтствуетъ означенной задачѣ. На самомъ же дѣлѣ они очень мѣшаютъ этому. Изъ числа многихъ, особенно имѣемъ здѣсь въ виду такъ называемыя выѣзды и сопутствующія имъ карты и танцы. Если въ тѣхъ и другихъ подобныхъ порядкахъ жизни и есть мѣсто самоуправленію, то лишь въ отношеніи къ формамъ соотвѣтствующихъ этимъ порядкамъ дѣйствій, а не въ смыслѣ начала нравственной жизни, притомъ для личностей сложившихся, а не для слагающихся, каковы вообще учащіеся. Нѣтъ ничего жалче, съ учебной точки зрѣнія, какъ видѣть гимназиста „выѣзжающаго“, играющаго „серьезно“ въ карты, или танцующаго „на вечерѣ“. Не будемъ говорить о картахъ и выѣздахъ, — относительно гимназиста это охотно отвергаютъ въ теоріи всѣ. Но за танцы всѣ, кажется, стоятъ горой; ихъ даже ставятъ наравнѣ съ гимнастикой. Хороша гимнастика!

Предметъ щекотливый; но требуется разсуждать просто и откровенно. Какія чувства долженъ испытать, какое потрясеніе сосредоточенности

ума и воли долженъ потерпѣть юноша, если мы дозволимъ ему обнять женщину или дѣвицу, чувствовать ея дыханіе, грудь съ грудью, глазъ съ глазомъ, рука съ рукой, и оставаться такъ съ нею сидя? Измѣняется ли его психическое состояніе отъ того, что въ такомъ положеніи онъ вихремъ вертится? Не усиливаетъ ли, напротивъ, этотъ вихрь движеній условія неблагоприятныя для его нравственнаго спокойствія и умственной сосредоточенности? А между тѣмъ, въ этомъ вихрѣ, въ этой траскѣ двухъ тѣлъ подъ музыку, какъ это обыкновенно исполняется на вечерахъ, всѣ эстетическіе моменты движенія потеряны. Конечно, господствующій этикетъ приучаетъ юношей переживать, выбивающія ихъ при этомъ изъ сферы самоуправленія впечатлѣнія, какъ бы овладѣвая ими. Но на дѣлѣ переживаемыя ими впечатлѣнія скорѣе сами овладѣваютъ ими и психически и физиологически. Въ 17 лѣтъ и ранѣе начинаются галлюцинаціи любви, ревности, соперничества и проч. отъ чего, конечно, избави Богъ ихъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Или создается искусственная потребность жить всѣми отправлениями жизни¹⁾. «Мущинъ требуютъ» плакалась учебному начальству одна содержательница частной квартиры для ученицъ женской гимназіи, въ объясненіе того, что повадились ходить къ нимъ гимназисты и студенты. «А будете запрещать, добавила она ихъ слова,—мы сойдемъ съ квартиры». Поди тогда учебное заведеніе веди дѣло такъ, чтобы учащіеся были хоть доступны управленію, а не то чтобы развивали въ себѣ самоуправленіе.

Въ связи съ указанными явленіями, разрушительными для устойчивости въ учащемся юношествѣ необходимаго начала самоуправленія, должно поставить столь распространенное среди его противоестественное, животное отношеніе къ своему тѣлу. Привыкли думать, что порокъ, о которомъ рѣчь, гнѣздится чаще въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но не то ли это на самомъ дѣлѣ, что здѣсь онъ скорѣе обнаруживается? Между тѣмъ какъ въ семейномъ быту онъ бываетъ менѣе замѣтенъ, подъ принятыми здѣсь

¹⁾ Въ послѣднее время стали уже извѣстны и случаи женитьбы гимназистовъ до окончанія курса, и случаи самоубійства 18, 17 лѣтнихъ юношей вслѣдствіе неудачной любви, нераздѣленной страсти, а еще чаще—случаи подобные описанному въ извѣстной повѣсти Андреева, только, пожалуй, безъ такой ужасной возмутительной катастрофы.

формами отношеній разныхъ членовъ семьи, часто ищутъ его въ тѣхъ признакахъ, которые сами по себѣ о немъ далеко еще не свидѣтельствуютъ, а не видятъ его въ томъ, съ чѣмъ онъ дѣйствительно бываетъ связанъ. Конечно, очень трудно уловить порокъ въ точныхъ признакахъ, на всѣхъ ступеняхъ его развитія; но едва-ли въ тоже время можно указать и на такія тѣлесныя и душевныя данныя въ юношахъ, которыя бы можно было признать за гарантію полной свободы ихъ отъ него¹⁾. Иногда, не смотря на порокъ, юноши проявляютъ склонность къ умственнымъ занятіямъ и къ внѣшней добропорядочности; но самоуправленіе, какъ начало, все болѣе и болѣе ослабляется въ нихъ, и первый случай легко уноситъ ихъ изъ надлежащаго умственного и нравственнаго строя въ сферу какого-то экстатического существованія, въ которомъ они теряютъ мало по малу различіе между добромъ и зломъ, между умнымъ и глупымъ. Опытнымъ глазомъ это именно и должно быть замѣчено какъ въ поведеніи ихъ, такъ и въ ученіи. Хотя съ лѣтами наклонность къ пороку можетъ проходить, но наклонность къ фальшивымъ состояніямъ остается. Фальшивыя представленія и фальшивыя чувства—эти идолы въ разныхъ видахъ, жертвами которыхъ становятся нерѣдко теперь молодые люди, быть можетъ, имѣютъ для нихъ субъективные корни въ томъ фальшивомъ, пропущенномъ семейнымъ животнымъ отношеніи ихъ къ себѣ самимъ, при которомъ самоуправленіе не могло развиваться въ нихъ дотогу, чтобы было началомъ всей разумной ихъ нравственной жизни.

Врачи обыкновенные и врачи психіатры, которые, быть можетъ,

1) Въ Берлинѣ и Оксфордѣ въ свое время (болѣе двадцати лѣтъ назадъ), живя въ квартирахъ, рядомъ съ учебными заведеніями для дѣвочекъ и мальчиковъ, я бывалъ случайнымъ свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ сценъ между ними въ плотскомъ отношеніи, что, видя этихъ дѣтей въ порядкѣ, кажѣй, безъ сомнѣнія, счелъ бы безумнымъ того, кто заподозрилъ бы ихъ въ порокѣ. Не могу не упомянуть при этомъ о старомъ учителѣ, содержателѣ школы въ Оксфордѣ, который съ глубокою горестію заявлялъ, что порочность дѣтей учебнаго возраста развилась такъ на его глазахъ, за послѣднія двадцать—тридцать лѣтъ его учительской дѣятельности.

отъ нечего дѣлать, такъ любятъ теперь возвышать свой голосъ по вопросу о методахъ и о составѣ гимназическаго ученія, безъ сомнѣнія, сдѣлали бы болѣе полезное, если бы указали точные признаки для распознаванія въ учащемся молодомъ поколѣннн разныхъ возрастовъ губительнаго порока, на всѣхъ возможныхъ степеняхъ его развитія, и предложили бы средства его врачеванія, безъ нарушенія при этомъ требуемаго учебнымъ возрастомъ порядка жизни. Въмсто того досужіе нѣмецкіе врачи изобрѣли для своей практики небывалую болѣзнь отъ ученія вообще и отъ гимназическаго въ особенности, окрестивъ ее, по обычаю языка, кованымъ словомъ *Überbürdung*, которое мы, подражая нѣмцамъ, перевели бессмысленнымъ для нашего языка словомъ «переутомленіе», хотя, конечно, простого утомленія отъ гимназическаго ученія достаточно для того чтобы бросить его, какъ негодное. Но проще, должно быть, резонировать о переутомленн, чѣмъ *veras genus cognoscere causas*. Не много мудрости и въ тѣхъ совѣтахъ нѣкоторыхъ врачей, которые они даютъ родителямъ, убѣждая ихъ такъ устроить жизнь ихъ дѣтей, чтобы фальшивыя состоянія ихъ души и тѣла превратить въ истинныя, согласныя съ природою.

Но обратимся къ семьѣ. Если не безъ успѣха можно защищать то положеніе, что благоразумные родители, не начитавшіеся разныхъ полученныхъ книгъ по физиологн и гнгентѣ, въ состоянн устроить жизнь учащагося юношества такъ, что гибельный порокъ или не коснется ихъ, или будетъ подавленъ въ зародышѣ, то современное осложненіе условій порядка семейной жизни позволяетъ съ рѣшительностію высказать и то положеніе, что для развитія, въ согласн съ высокими интересами гимназическаго ученія самоуправленія учащихся, какъ основнаго начала всего порядка ихъ нравственной жизни, постоянное, изо дня въ день, пребываніе ихъ въ учебномъ заведенн вообще гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ дѣленіе ихъ жизни между двумя порядками—учебнымъ и семейнымъ. По крайней мѣрѣ устраненіе явленій, препятствующихъ правильному развитію въ учащихся самоуправленія, и жизнь юношей вполне свободная, но въ такихъ формахъ свободы, которыя соотвѣтствуютъ степени развитія ихъ нравственной личности и сами способствуютъ дальнѣйшему ея развитію,—все это гораздо удобнѣе можетъ быть достигнуто при господствѣ одного порядка, чѣмъ при сомнительномъ, часто совершен-

но невозможномъ, подчиненіи семейнаго порядка порядку учебному. Во всякомъ же случаѣ, если учащіеся во всякое время, и когда учатся и когда не учатся, находятся тутъ же, подъ руками у учебнаго начальства, то душамъ ихъ, какъ мягкому воску, безъ особеннаго труда можно дать мало по малу надлежащія формы сознательной нравственной жизни. Это сравненіе съ воскомъ душъ учащейся молодежи не простая реторика; по внутреннему смыслу, это истина, сомнѣваться въ которой можетъ развѣ тотъ, кто самъ, какъ нравственная личность, представляетъ собою мудреную систему компромиссовъ долга и здраваго смысла съ теоріями біологическими, психіатрическими и другими. Разные утописты и политическіе психопаты тѣмъ и берутъ, что дѣйствуютъ на молодежь въ извѣстномъ направленіи безъ всякихъ компромиссовъ, они и лѣпятъ изъ нихъ нравственныхъ уродовъ, они и вьютъ изъ нихъ веревки для своего дѣла. Но компромиссы компромиссами—въ нихъ большое и принципиальное зло для нравственнаго воспитанія нашей молодежи. Есть и реальныя—объективныя причины, которыя затрудняютъ руководителей учебныхъ заведеній въ томъ, чтобы типически, по идеѣ нравственнаго порядка, лѣпить изъ учащихся людей, какъ изъ воска, или вить изъ нихъ веревки, по формѣ требуемаго благоустройствомъ общественной жизни отношенія каждаго къ себѣ самому и къ другимъ. Это именно то, что, при разнообразныхъ, столь осложненныхъ въ наше время условіяхъ семейной жизни, часто неизвѣстно, подъ дѣйствіемъ какого порядка нравственныхъ впечатлѣній находятся учащіеся большую часть дня и всей своей учебной жизни....

Въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній, особенно въ послѣднее время, бываютъ еще исключительные случаи, иногда крайне неблагопріятно дѣйствующіе на рѣшительность мѣръ управленія со стороны учебнаго начальства и на устойчивость самоуправленія учащихся. Имѣются въ виду случаи сопрікосновенія на учебныхъ заведеніяхъ разныхъ властей. Многовластіе вообще есть условіе малопрігодное для всякаго живого дѣла, особенно же для дѣла учебныхъ заведеній. Всякая власть, пока на живой объектъ она дѣйствуетъ внѣ сопрікосновенія съ другою властію, можетъ все болѣе и болѣе располагаться къ тому, чтобы для своего успѣха искать опоры въ нравственномъ началѣ; но сталкиваясь на такомъ объектѣ своего дѣйствія съ другою властію, каждая власть,

естественно, располагается быть эгоистичною и может терять подъ собою нравственную основу.

Явление это, по существу своему, чисто психологическое. Ограниченная въ своемъ проявленіи на данный объектъ извѣстными задачами и условіями, каждая отдѣльная власть, будучи для носителя ея выраженіемъ его нравственнаго отношенія къ данному объекту, не хочетъ быть для него простою механическою силою; напротивъ она стремится стать личнымъ источникомъ его блага, и потому хочетъ подчинить себѣ данный объектъ всецѣло, чтобы въ томъ или другомъ положеніи его выступало торжество того нравственнаго порядка, который власть собою представляетъ и который она охраняетъ. Иное дѣло, когда одна власть соприкасается на данномъ предметѣ съ другою. Нужна особенная отрѣшенность отъ себя каждой изъ нихъ, нужна особенная солидарность одной съ другою въ пониманіи явленій соотвѣтствующаго нравственнаго порядка, чтобы обѣ власти взаимно себя дополняли. Потому столкновение есть какъ бы естественное положеніе ихъ. Въ случаяхъ, когда непосредственнымъ объектомъ власти является мертвый матеріалъ и его употребленіе, столкновение есть, быть можетъ, даже благоприятное условіе для дѣла, или въ нѣкоторой степени — гарантія возможно лучшаго рѣшенія возникающихъ относительно его вопросовъ. Но въ нашемъ случаѣ, именно въ отношеніи къ учащимся, это какъ бы естественное положеніе оказывается совершенно не естественнымъ, по отношенію къ непосредственной цѣли управленія учащимися къ развитію въ нихъ самоуправленія. Поэтому, извѣстныя учебныя заведенія въ Англіи и доселѣ, а въ Германіи нѣкоторыя въ прежнее время, организованы такъ, что власть учебнаго начальства поставлена по возможности внѣ соприкосновенія съ другими и во всякомъ случаѣ такъ, что эти другія ей преданы и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже подчинены.

Въ нашемъ быту дѣло стоитъ не совсѣмъ такъ. Правда, существуютъ постановленія, опредѣляющія формально отношенія нѣкоторыхъ властей къ тому порядку жизни и дѣятельности учащихся, строеніе и руководство которымъ лежитъ на обязанности учебнаго начальства; но такъ какъ всякая власть есть власть, а не подчиненіе, то на дѣлѣ эти отношенія опредѣляются еще личными отношеніями между собою носителей данныхъ властей. Такое положеніе дѣла ведетъ къ тому, что узда

самоуправленія иногда очень ослабѣваетъ на учащихся. Сами они и все общество усваиваютъ между прочимъ и такое возрѣніе, что молодой человѣкъ можетъ позволить себѣ то и другое, главное только, чтобы не попасться. Такимъ же возрѣніемъ, вслѣдъ за другими, начинаетъ иногда руководиться и само учебное начальство. Ясно, что при этомъ начало самоуправленія не можетъ быть развито въ учащихся, напротивъ, весь порядокъ ихъ жизни, естественно, строится тогда на сдѣлкѣ между идеею даннаго нравственнаго порядка и необнаруженіемъ безпорядка, при чемъ обнаруженіе безпорядка въ глазахъ всѣхъ становится соблюденіемъ самого порядка. Такъ бываетъ въ особенности въ томъ случаѣ, когда въ самомъ заведеніи имѣются рядомъ двѣ власти параллельныя и почти равныя, изъ коихъ каждая о себѣ думаетъ, что не на ней, а на другой лежитъ нравственный долгъ управленія, и когда вслѣдствіе этого жизнь учениковъ дома и даже въ стѣнахъ школы остается безъ всякаго призора и воспитательнаго руководства.

Особенно такому колебанію начало самоуправленія учащихся подвержено въ нашихъ университетахъ и другихъ подобныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ибо здѣсь болѣе, чѣмъ въ отношеніи къ гимназіямъ, имѣетъ мѣсто соприкосновеніе властей. Нравственный порядокъ жизни университетовъ, прилежаніе и скромное поведеніе студентовъ—это *pium desiderium* всѣхъ благомыслящихъ, тѣмъ менѣе, быть можетъ, удастся осуществить на дѣлѣ, чѣмъ на большее количество властей дѣлятся хлопоты объ этомъ: по крайней мѣрѣ, въ теченіе болѣе четверти вѣка, мы постоянно то закрывали, то открывали наши университеты, и все—таки доселѣ еще не снятъ съ очереди какой-то такъ называемый университетскій, или студенческій вопросъ, притомъ въ такомъ странномъ видѣ, въ какомъ онъ и самъ не разрѣшается и мѣшаетъ разрѣшенію многихъ какъ учебныхъ, такъ и прочихъ добрыхъ общественныхъ дѣлъ. Впрочемъ власти такъ переплетаются на этомъ учрежденіи, что ближайшій интересъ каждой изъ нихъ, повидимому, только тотъ, чтобы не обнаружилось здѣсь чего нибудь такого, что свидѣтельствовало бы о ея несостоятельности. «День прошелъ безъ исторіи,—и перекрестись», припоминаются при этомъ слова нѣкоего представителя одной изъ дѣйствующихъ здѣсь властей. А вотъ, когда разыграется какая-нибудь исторія, тутъ и начинается метафизика: ищутъ источникъ, первичное

начало ея, опредѣляютъ моментъ поворота исторіи, когда одна власть стала не отвѣтственна, а другія были отвѣтственны, и такимъ образомъ, на мѣсто одной исторіи, появляется другая—распря властей, до новой университетской исторіи... Что же касается гимназій, то, вслѣдствіе самого состава этихъ учебныхъ заведеній, столкновение властей, вообще говоря, имѣетъ здѣсь менѣе мѣста, чѣмъ въ университетахъ, хотя бываетъ и на нихъ, причемъ повятно, что учебный міръ гимназій, какъ міръ личностей болѣе не сложившихся, еще менѣе, чѣмъ университетскій міръ, въ состояніи выносить на себѣ такую катавасію.

VII.

Объ управленіи учебными дѣлами.

Министерство учебныхъ дѣлъ, или по нашему, министерство просвѣщенія, какъ отдѣльный правительственный органъ, существуетъ въ виду величайшей важности учебнаго дѣла въ государственной жизни. Съ внѣшней стороны учебное дѣло есть одно изъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ; потому, въ Пруссіи долгое время оно было въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Выдѣленіе учебныхъ дѣлъ отъ другихъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ въ особое министерство требуется не внѣшнею стороною учебныхъ дѣлъ, не благоустройствомъ учебныхъ заведеній въ полицейскомъ смыслѣ благочинія,—съ этой стороны учебное дѣло очень удобно могло бы быть въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, -- а внутреннею стороною, организаціею самого ученія.

Полицейское благоустройство учебнаго дѣла состоитъ въ открытіи учебныхъ заведеній разнаго рода, въ количествѣ потребномъ для населенія, въ обезпеченіи ихъ матеріальными средствами, въ устройствѣ управленія ими въ соотвѣтствіи съ другими государственными управленіями, въ организаціи точной отчетности во всемъ ходѣ ихъ дѣлъ, въ ревизіи ихъ для провѣрки этой отчетности и самого веденія дѣла, согласно съ данными распоряженіями, въ согласованіи правъ и преимуществъ, приобретаемыхъ учащимися въ разныхъ заведеніяхъ, на основаніи близости и разницы учебныхъ программъ и другое подобное. Внутренняя же сторона учебнаго дѣла, выражающаяся въ организаціи самого ученія, состоитъ въ оцѣнкѣ исторической задачи учебнаго дѣла, въ ряду задачъ другихъ дѣлъ исторической жизни общества, въ разложеніи исполненія этой задачи на разные виды учебныхъ заведеній, съ сохраненіемъ при этомъ ея историческаго единства и національныхъ особенностей во всѣхъ

ихъ, въ такомъ выборѣ учебнаго матеріала для каждаго вида учебныхъ заведеній, при которомъ каждый элементъ его входилъ бы въ сознание учащихся, какъ элементъ ихъ образованія, и всѣ вмѣстѣ они слагались и чувствовались бы учащимися, какъ нѣчто живое и дѣйствующее въ нихъ, иначе,—какъ руководящее ихъ мыслями и волею. Этою внутреннею стороною учебнаго дѣла опредѣляются далѣе какъ всѣ отношенія между основными элементами каждаго учебнаго заведенія, учащими и учащимися въ нихъ, такъ и смыслъ самого управленія учебными заведеніями какъ внутренними, такъ и внѣшними для него органами власти. Явно, что устройство и веденіе учебнаго дѣла съ внѣшней стороны доступно для всякаго дѣловаго и образованнаго ума, а для устройства и веденія его съ внутренней стороны требуется умъ болѣе глубокой и нѣкоторая особенная научная подготовка. Но такъ какъ, въ порядкѣ веденія учебнаго дѣла на практикѣ, и внѣшняя его сторона имѣетъ большое значеніе, охраняя или даже непосредственно условливая собою достоинство его съ внутренней стороны, то вниманіе и заботы объ этой внѣшней сторонѣ легко могутъ казаться исчерпывающими всю задачу управленія учебнымъ дѣломъ.

Организація управленія учебными заведеніями всего лучше дастъ понять, на какую сторону учебнаго дѣла обращается наиболѣе вниманія, —на внѣшнюю, или на внутреннюю.

Согласно съ общимъ строемъ нашего государственнаго управленія, и учебное управленіе организовано у насъ на принципѣ централизаціи. И это очень хорошо, какъ кажется вообще, такъ несомнѣнно и для учебнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, было бы очень гибельно для нашего государства, если бы на пространствѣ всей Россіи разнообразныя земства, городскія, ученныя, техническія и всякія другія общества вели учебное дѣло въ своемъ районѣ или вѣдомствѣ, каждое по своему, выходя изъ подъ вліянія государственной власти и не соотвѣтствуя общимъ видамъ государства. Если можно и должно говорить о децентрализаціи учебнаго дѣла, то только въ смыслѣ разнообразія методы преподаванія учебнаго матеріала въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи,—разнообразія, простирающагося также какъ на выборъ элементовъ его въ тотъ или другой періодъ ученія, такъ и на время, посвящаемое на занятія тѣми или другими учебными предметами, чтобы такимъ образомъ ученіе въ шко-

VII.

Объ управленіи учебными дѣлами.

Министерство учебныхъ дѣлъ, или по нашему, министерство просвѣщенія, какъ отдѣльный правительственный органъ, существуетъ въ виду величайшей важности учебнаго дѣла въ государственной жизни. Съ внѣшней стороны учебное дѣло есть одно изъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ; потому, въ Пруссіи долгое время оно было въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Выдѣленіе учебныхъ дѣлъ отъ другихъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ въ особое министерство требуется не внѣшнею стороною учебныхъ дѣлъ, не благоустройствомъ учебныхъ заведеній въ полицейскомъ смыслѣ благочинія,—съ этой стороны учебное дѣло очень удобно могло бы быть въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, -- а внутреннею стороною, организаціею самого ученія.

Полицейское благоустройство учебнаго дѣла состоитъ въ открытіи учебныхъ заведеній разнаго рода, въ количествѣ потребномъ для населенія, въ обезпеченіи ихъ матеріальными средствами, въ устройствѣ управленія ими въ соотвѣтствіи съ другими государственными управленіями, въ организаціи точной отчетности во всемъ ходѣ ихъ дѣлъ, въ ревизіи ихъ для провѣрки этой отчетности и самого веденія дѣла, согласно съ данными распоряженіями, въ согласованіи правъ и преимуществъ, приобретаемыхъ учащимися въ разныхъ заведеніяхъ, на основаніи близости и разницы учебныхъ программъ и другое подобное. Внутренняя же сторона учебнаго дѣла, выражающаяся въ организаціи самого ученія, состоитъ въ оцѣнкѣ исторической задачи учебнаго дѣла, въ ряду задачъ другихъ дѣлъ исторической жизни общества, въ разложеніи исполненія этой задачи на разные виды учебныхъ заведеній, съ сохраненіемъ при этомъ ея историческаго единства и національныхъ особенностей во всѣхъ

ихъ, въ такомъ выборѣ учебнаго матеріала для каждаго вида учебныхъ заведеній, при которомъ каждый элементъ его входилъ бы въ сознание учащихся, какъ элементъ ихъ образованія, и всѣ вмѣстѣ они слагались и чувствовались бы учащимися, какъ нѣчто живое и дѣйствующее въ нихъ, иначе,—какъ руководящее ихъ мыслями и волею. Этою внутреннею стороною учебнаго дѣла опредѣляются далѣе какъ всѣ отношенія между основными элементами каждаго учебнаго заведенія, учащими и учащимися въ нихъ, такъ и смыслъ самого управленія учебными заведеніями какъ внутренними, такъ и внѣшними для него органами власти. Явно, что устройство и веденіе учебнаго дѣла съ внѣшней стороны доступно для всякаго дѣловаго и образованнаго ума, а для устройства и веденія его съ внутренней стороны требуется умъ болѣе глубокой и нѣкоторая особенная научная подготовка. Но такъ какъ, въ порядкѣ веденія учебнаго дѣла на практикѣ, и внѣшняя его сторона имѣетъ большое значеніе, охраняя или даже непосредственно условливая собою достоинство его съ внутренней стороны, то вниманіе и заботы объ этой внѣшней сторонѣ легко могутъ казаться исчерпывающими всю задачу управленія учебнымъ дѣломъ.

Организація управленія учебными заведеніями всего лучше дастъ понять, на какую сторону учебнаго дѣла обращается наиболѣе вниманія, —на внѣшнюю, или на внутреннюю.

Согласно съ общимъ строемъ нашего государственнаго управленія, и учебное управленіе организовано у насъ на принципѣ централизаціи. И это очень хорошо, какъ кажется вообще, такъ несомнѣнно и для учебнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, было бы очень губительно для нашего государства, если бы на пространствѣ всей Россіи разнообразныя земства, городскія, ученія, техническія и всякія другія общества вели учебное дѣло въ своемъ районѣ или вѣдомствѣ, каждое по своему, выходя изъ подъ вліянія государственной власти и не соотвѣтствуя общимъ видамъ государства. Если можно и должно говорить о децентрализаціи учебнаго дѣла, то только въ смыслѣ разнообразія методы преподаванія учебнаго матеріала въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи,—разнообразія, простирающагося также какъ на выборъ элементовъ его въ тотъ или другой періодъ ученія, такъ и на время, посвящаемое на занятія тѣми или другими учебными предметами, чтобы такимъ образомъ ученіе въ шко-

лахъ не было тѣмъ деревяннымъ ученіемъ, которое совершается по указанной въ учебныхъ планахъ казенной методѣ, съ употребленіемъ на тотъ или другой учебный предметъ назначеннаго въ планахъ времени съ солдатскою аккуратностію. Этого требуетъ жизнь школы, это нужно для истиннаго успѣха ученія, для котораго не существуетъ какой либо нормы, внѣ самого производства его въ школѣ учащими и учащимися. Во всемъ же прочемъ строеніе учебнаго дѣла должно быть вполне согласовано со строемъ другихъ дѣлъ въ государствѣ, со строемъ всего государственнаго управленія. Потому, какъ сказано, у насъ учебное дѣло устроено и ведется въ централизованномъ порядкѣ. Управляемое отдѣльнымъ министромъ, оно дѣлится по территориальнымъ районамъ на округа, управляемые попечителями. Довольно высокое положеніе попечителя учебнаго округа въ служебной іерархіи, большія прерогативы его власти — все это такія обстоятельства, которыя издавна, со времени учрежденія этого мѣгистрата, манили къ нему самыхъ разнообразныхъ людей по происхожденію, по состоянію, по образованію и по участию въ наукѣ... Кто да кто не были попечителями округовъ: и военные, и гражданскіе, и русскіе, и не русскіе люди, титулованные, и не титулованные... Но, кажется, не много было такихъ, изъ коихъ кто нибудь, какъ нѣмецкіе шульраты, въ состояніи былъ бы взять при случаѣ изъ рукъ учителя въ свои руки что или другое ученье, и повести его, въ назиданіе ему, правильно дидактически; мало было такихъ, кто самъ занимался бы учебнымъ дѣломъ по существу, изъясняя къ относящимся къ нему педагогическіе и дидактическіе вопросы, или хотя былъ бы знакомъ съ обширною ихъ ученою разработкою въ наше время, и могъ бы руководить въ пониманіи ихъ окружающихъ его учителей и директоровъ. Говоря короче, разрабатывалъ ли кто либо изъ давнихъ попечителей внутреннюю сторону учебнаго дѣла? Нѣтъ, чуть ли не всѣ они вели его обыкновенно въ порядкѣ только внѣшняго полицейскаго благоустройства. Къ самому ученію, къ его составу и дидактическому достоинству они относились большею частію безучастно, наблюдая лишь, чтобы въ рапортахъ о ходѣ его оно было согласно съ установленными программами. Хотя были между ними и такіе, которые до фанатизма увлекались, напримѣръ, классическимъ ученіемъ въ гимназіяхъ, и такіе, которые совсѣмъ не сочувствовали классицизму, но тѣ и другіе въ этой области знанія сами или были вовсе не состоятельны,

или были знакомы только съ первыми ея элементами; были и такіе, которые не получивъ отъ ученика надлежащаго отвѣта на одинъ какой либо случайный вопросъ ихъ, тутъже въ классѣ демонстративно указывали на это учителю, какъ на доказательство несостоятельности его преподаванія; были и такіе, которые посѣщая учебныя заведенія, предлагали ученигамъ, смотря по возрасту ихъ и по учебному матеріалу класса, разные *остроумные*, всегда одни и тѣ же вопросы, или загадки, и веселили учениковъ разными прибаутками; были также и такіе, которые почти никогда не посѣщали учебныхъ заведеній.... Но, не говоря о старомъ времени, когда все было проще, и въ позднее время бывали наконецъ такіе, которые добродушно относясь къ своимъ подчиненнымъ, были расположены говорить съ ними о чемъ угодно, даже о вчерашнемъ карточномъ вечерѣ, но не о дѣлѣ; въ такомъ случаѣ они направляли обыкновенно своего собесѣдника къ правителю канцеляріи. Канцелярія попечителя округа—вотъ иногда настоящій органъ управленія учебнымъ дѣломъ; «ходить въ канцелярію»—это терминъ, говорящій очень многое... Въ нѣкоторыхъ округахъ лица учебного вѣдомства, какъ въ своемъ собственномъ учебномъ мірѣ, такъ даже и въ самомъ обществѣ не въ шутку различаются иногда между собою именно тѣмъ, что тотъ ходитъ въ канцелярію, а тотъ не ходитъ въ канцелярію...

Канцелярія попечителя округа есть атмосфера, состоящая изъ многихъ элементовъ. Иногда правитель канцеляріи не есть здѣсь господствующій элементъ. Господствующими элементами бывають окружные инспектора, или одинъ изъ нихъ. По идеѣ управленія, окружные инспектора суть очи попечителя, но въ системѣ управленія они поставлены безъ опредѣленной инициативы; потому естественно, что сфера ихъ служебной дѣятельности канцелярская, и сама дѣятельность совершенно формальная. Изъ за массы служебныхъ дѣлъ формальнаго свойства,—провѣрки безконечныхъ отчетовъ по учебнымъ заведеніямъ, подготовки матеріала и справокъ для разрѣшенія разныхъ ходатайствъ, храненія секретовъ экзамена зрѣлости въ гимназіяхъ и другихъ подобнаго рода дѣлъ, они часто не видятъ живого учебнаго дѣла въ его дидактическомъ свойствѣ, да къ тому же по службѣ это отъ нихъ и не требуется (и сами они большею частію вовсе не преданы ему по существу его). Посылаемые, большею частію по какому либо внушительному случаю, на ревизію учебныхъ

заведеній, въ качествѣ ока попечителя, они являются здѣсь официальными начальниками, какъ бы попечителями *in opis generis*... Впрочемъ, при случаѣ они не отказываются иногда перемѣнить свое положеніе на хорошо обставленное мѣсто директора какого либо изъ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній. Вообще сказать, окружное инспекторство по идеѣ своей представляетъ собою очень хорошій матеріалъ, чтобы быть органомъ учебнаго управленія, но поставленные на практикѣ въ служебныя отношенія къ попечителямъ округовъ, лишенные въ учебномъ дѣлѣ опредѣленной инициативы, теперешніе окружные инспектора являются большею частію только элементами, иногда очень сильными, канцелярскаго режима попечительской власти.

Но, если канцелярія есть иногда истинный органъ управленія учебнымъ округомъ, то самъ попечитель округа, какъ служебное лицо, сравнительно съ другими лицами того же ранга въ государствѣ, поставленъ какъ бы генераль-губернаторъ въ учебномъ мірѣ. Конечно, въ отношеніяхъ попечителя къ министерству имѣютъ большое значеніе личныя отношенія его къ министру; но такія отношенія, которыя были въ свое время между попечителемъ графомъ Строгановымъ и министромъ графомъ Уваровымъ, возможны только при томъ условіи, что попечитель есть дѣйствительно какъ бы генераль-губернаторъ въ учебномъ вѣдомствѣ. Такииъ положеніемъ попечителя объясняются и тѣ отношенія, которыя иногда и доселѣ встрѣчались между попечителями и губернаторами и которыя потребовали, кажется, когда-то урегулированія ихъ особымъ законоположеніемъ. Всѣ такія отношенія, безъ всякаго сомнѣнія, никакой пользы учебному дѣлу принести не могутъ. Но гораздо хуже для дѣла, когда въ попечители попадаютъ такія лица, которыя внутренно держатся совсѣмъ другого, чаще-никакого взгляда на учебное дѣло, напримѣръ, гимназій, чѣмъ министерство: тогда между ними и министерствомъ слагаются совершенно искусственныя отношенія... Такиа искусственныя отношенія существовали, во время министерства графа Толстого, между центральнымъ учебнымъ управленіемъ и нѣкоторыми тогдашними попечителями, изъ коихъ иные, не успѣлъ графъ Толстой оставить министерство, — спѣшили отречься отъ того направленія въ учебномъ дѣлѣ, котораго онъ держался и за которое при немъ они готовы были распинаться...

Еще болѣе вредныя послѣдствія для дѣла проистекають изъ тѣхъ отношеній, въ которыя, вслѣдствіе именно своего генералъ-губернаторскаго положенія въ учебномъ мірѣ, нѣкоторые попечители ставятъ себя къ управляемымъ ими учебнымъ заведеніямъ и подчиненнымъ имъ служебнымъ лицамъ. Тотъ обычный, какъ бы совершенно нормальный порядокъ, что попечители округовъ, являясь въ какое либо учебное заведеніе, напримѣръ, въ гимназію, входятъ въ тотъ или другой классъ во время урока, конечно, крайне противорѣчитъ достоинству дѣла, о которомъ они попечительствуютъ. Учитель объясняетъ ученикамъ что либо, или ученики занимаются рѣшеніемъ какой либо задачи письменно или устно, — вдругъ является попечитель, обыкновенно въ сопровожденіи начальства заведенія: ученье прерывается, ученики естественно теряютъ нить мыслей, происходитъ замѣшательство, и время урока уходитъ даромъ. Войдя въ классъ и поздоровавшись, и то не всегда, съ учениками, попечитель обращается обыкновенно къ учителю прямо съ вопросомъ: „чѣмъ занимаетесь“. Рѣдко бываетъ, чтобы произведя такую пертурбацію въ классѣ, попечитель оставался въ немъ до конца урока. Большею частію онъ остается здѣсь нѣсколько минутъ, поручивъ учителю продолжать, иногда самъ предложитъ на ходу кому либо изъ учениковъ вопросъ по предмету ученія, и уходитъ. Иные при этомъ любятъ сказать ученикамъ что либо назидательное, нерѣдко какое нибудь остроловіе. Изъ одного класса переходятъ въ другой, изъ другого въ третій и т. д. Иногда пріѣздъ попечителя обставляется, какъ какой нибудь торжественный случай: «съ вокзала, пишетъ корреспондентъ одной газеты, господинъ попечитель округа послѣдовалъ въ городъ, гдѣ ему были представлены учащіе и учащіяся городского училища и двухъ частныхъ женскихъ училищъ. Ученики городского училища, въ присутствіи г. попечителя округа, исполнили нѣсколько фронтовыхъ упражненій со знаменемъ и деревянными ружьями. Всѣ они были одѣты въ однообразную Высочайше утвержденную для городскихъ училищъ форму. Подъ звуки барабана, учащіяся стройнымъ маршемъ продѣлали цѣлый рядъ военныхъ упражненій, при чемъ своею выправкою, тактичностью и умѣньемъ держать себя произвели на г. попечителя округа пріятное впечатлѣніе. Г. попечитель округа со многими учениками и ученицами разговаривалъ, спрашивая ихъ о томъ, что они прошли, какія знаютъ молитвы, стихотворенія и пр. Въ заклю-

ченіе ученики пропѣли народный гимнъ, «козь славенъ» и нѣсколько народныхъ и патриотическихъ пѣсень. Мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, преподавателей и преподавательницъ г. попечитель округа благодарилъ за хорошее состояніе училищъ, а учащихся освободилъ на одинъ день отъ занятій». Право, если бы въ корреспонденціи не было сказано, что то былъ попечитель, то есть чиновникъ IV класса министерства народнаго просвѣщенія, то можно было бы подумать, что это не попечитель удостоилъ училище своимъ посѣщеніемъ. Впрочемъ бывали, говорятъ, случаи, что попечителей встрѣчали на какой нибудь пристани ученики и ученицы, разставленные шпалерами, и подносили имъ букеты, произнося при этомъ приличныя случаю привѣтствія, а въ городѣ встрѣчали ихъ чуть не съ колокольнымъ звономъ... Что касается освобожденія учащихся отъ занятій по случаю приѣзда попечителя въ какой либо городъ, что, кажется, частенько практикуется, то это явно переходитъ уже за предѣлы правъ всякаго лица, служащаго по опредѣленію отъ правительства. При этомъ припоминается такой случай. Въ одинъ уѣздный городъ, для посѣщенія учебныхъ заведеній, прибылъ попечитель округа съ чиновниками; одинъ изъ нихъ имѣлъ неосторожность поделкатничать съ директоромъ мѣстной гимназіи и, предъ отъѣздомъ попечителя изъ города, спросилъ директора въ присутствіи попечителя, какъ онъ лично думаетъ объ освобожденіи своихъ учениковъ дня на два отъ уроковъ, по случаю посѣщенія гимназіи попечителемъ, — «отпускать ли ихъ, или нѣтъ». «Конечно нѣтъ, отвѣчалъ директоръ, г. попечитель, посѣтивъ гимназію, исполнилъ, кажется, только одну изъ своихъ служебныхъ обязанностей, съ чего же тутъ быть празднику ученикамъ»... По отъѣздѣ попечителя, гимназисты продолжали учиться, а ученики городского и другихъ училищъ въ городѣ, а также ученицы женской гимназіи гуляли два дня. Остается только сказать, что все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно.

Но едва ли не болѣе грустныя впечатлѣнія получаютъ при безпристрастномъ вниманіи къ тому положенію, въ которое уставомъ 1884 года поставлены наши университеты къ попечителямъ учебныхъ округовъ. Лишивъ ихъ автономіи въ свободномъ выборѣ внутреннихъ властей, ректоровъ и декановъ, уставъ ввѣрилъ ихъ начальству попечителей округовъ, чрезъ которыхъ происходятъ всѣ сношенія министерства съ университетомъ.

Если попечители округовъ, хотя они большею частію и сами учились когда-то въ университетѣ, съ тѣхъ поръ остаются чуждыми университетскому дѣлу и непосредственно не дѣлали и не дѣлаютъ его, то естественно, что для выполненія своихъ обязанностей въ отношеніи къ университету они принуждены искать содѣйствія и указаній въ средѣ профессоровъ. Хорошо понимая, что такимъ дѣломъ, какъ университетское, безъ нѣкоторой солидарности съ самимъ университетомъ, управлять неудобно, какъ бы не нажить какой бѣды, попечители, для рѣшенія того или другого университетскаго дѣла, должны прислушиваться къ мнѣніямъ о немъ лицъ университетской корпораціи. Эти лица могутъ быть сперва случайными собесѣдниками попечителя, а потомъ мало по малу и нарочитыми. Тогда можетъ образоваться при попечителѣ правящая университетская коллегія, внѣ самого университета. Эта негласная коллегія, если бы даже она была проникнута самыми лучшими наміреніями, безъ сомнѣнія, хуже гласной, дѣйствующей какъ университетскій совѣтъ, или факультетъ. А при другомъ настроеніи этой коллегіи, университетская корпорація, изъ благоустроенной академической республики, очень легко можетъ сдѣлаться настоящимъ адуомъ. А въ аду какая уже наука!...

Если въ послѣднее время попечителями учебныхъ округовъ назначаются профессора университетовъ, то это не мѣняетъ дѣла. Ибо указанный выше порядокъ управленія университетами зависитъ не столько отъ личности попечителя, сколько отъ положенія его, какъ власти.... Никто, хотя бы и бывший профессоръ, не можетъ замѣнить собою въ управленіи университетами коллегіальнаго управленія. Нашъ государственный порядокъ вообще не устраняетъ коллегіальнаго начала въ управленіи дѣлами разныхъ вѣдомствъ; напротивъ, даже при министрахъ установлены особые совѣты... Во всякомъ же случаѣ, если коллегіальное управленіе дѣлами, которыя одинаково близки и интересны всѣмъ членамъ коллегіи, вообще говоря, лучше того управленія ими, которое ведется представителемъ управленія по докладу ему этихъ дѣлъ однимъ, или нѣсколькими случайными докладчиками, то коллегіальное управленіе, очевидно, всего болѣе приличествуетъ дѣламъ, относящимся до университетовъ, такъ какъ университетъ и есть собственно коллегія лицъ, интересующихся дѣломъ науки и всѣмъ, что къ нему относится.

Что же касается до прочихъ функцій власти попечителя округа, то бывшіе профессора университетовъ такъже мало обезпечиваютъ ихъ правильность и цѣлесообразность, какъ и всѣ другія лица, назначаемыя на эту должность. Прежде всего, сама должность поставлена такъ широко, и такъ разнovidна по предметамъ и задачамъ, съ которыми лицу, несущему ее, приходится имѣть непосредственное личное и умственное отношеніе, что едва ли даже возможна къ ней какая нибудь до-служебная подготовка. Потому и профессора университета, кажется, ничѣмъ не лучше подготовлены къ должности попечителя, чѣмъ, напри-мѣръ, лица военнаго званія. Хорошій дѣловой профессоръ,—юристъ ли, кабинетный ученый, или медикъ экспериментаторъ легко могутъ оказа-ться даже болѣе плохими попечителями, чѣмъ человекъ военный. По мнѣнію одного французскаго писателя, юристы именно всего менѣе подготовлены къ веденію учебныхъ дѣлъ, потому что стоятъ позади жизни, изучая то, что уже есть въ ней, а учебное дѣло стоитъ впереди жизни, направляя ее къ тому, что должно быть...

Въ виду всего сказаннаго, управленіе учебными дѣлами по окру-гамъ чрезъ попечителей представляется порядкомъ, не вполне соотвѣт-ствующимъ задачѣ самого управленія. Власть, простирающаяся на нѣ-сколько разнообразныхъ учебныхъ заведеній въ цѣломъ рядѣ губерній, мѣня къ себѣ лицъ изъ разныхъ общественныхъ круговъ, слишкомъ тяжела для всякаго, кто бы ее ни занималъ, и потому, между прочимъ, вмѣсто внутреннихъ задачъ учебнаго дѣла, она естественно очень часто простирается только на внѣшнія его стороны, и дѣятельность ея огра-ничивается лишь показнымъ полицейскимъ режимомъ, подъ которымъ учебное дѣло по существу своему вянетъ, атрофируется, превращаясь изъ дѣла живого въ дѣло мертвое какъ въ средѣ учащихъ, такъ и учащихся. Потому было бы, несомнѣнно, цѣлесообразнѣе, если бы управле-ніе учебными заведеніями по губерніямъ было поручено особымъ губерн-скимъ совѣтникамъ министерства народнаго просвѣщенія, принципиально по одному въ каждой губерніи, а въ губерніяхъ, гдѣ учебныхъ заведе-ній разныхъ видовъ много, по два и болѣе. Зато въ нѣкоторыхъ слу-чаяхъ двѣ губерніи или мѣстности могли бы пожалуй быть поручены одному лицу¹⁾. Вообще сказать, въ устройствѣ учебнаго управленія трудно

¹⁾ Проектуемый авторомъ институтъ губернскихъ совѣтниковъ

надѣяться придумать намъ что нибудь лучше того порядка, какой издавна существуетъ въ Германіи. Мы всё знаемъ, какую важную услугу оказывали и доселѣ оказываютъ нѣмецкому учебному дѣлу тамошніе шульраты. Точные, но самостоятельные исполнители задачъ учебнаго дѣла, какъ онѣ въ то или другое время, при ихъ же содѣйствіи, устанавливаются центральнымъ или государственнымъ учебнымъ правительствомъ, нѣмецкіе шульраты выносятъ сами и поддерживаютъ учителей выносить на своихъ плечахъ все бремя нѣмецкаго учебнаго дѣла противъ тѣхъ бурь разныхъ случайныхъ мнѣній, которыя безъ нихъ давно повалили бы его въ бездну. Извѣстно, что лучшія педагогическія семинаріи для приготовленія учителей доселѣ были руководимы шульратами. Хотя нѣмецкіе шульраты и теперь стоятъ очень близко къ учителямъ, какъ совѣтники и руководители ихъ, однако въ послѣднее время министерство учебныхъ дѣлъ въ Пруссіи находитъ нужнымъ какъ, можно мнѣе обременять ихъ заботами о внѣшней сторонѣ учебнаго дѣла въ государствѣ, сосредоточивая ихъ дѣятельность на внутренней. Такъ слѣдовало бы поступать и намъ съ самаго начала учрежденія этого магистрата. Многія дѣла, относящіяся къ внѣшнему благоустройству учебныхъ заведеній, постройки и ремонты, подряды и поставки и проч. могли бы быть въ

министерства просвѣщенія, въ качествѣ постоянныхъ блюстителей и активныхъ руководителей учебнаго дѣла въ губерніи, конечно, весьма симпатиченъ и желателенъ; но только онъ, кажется, вовсе не исключаетъ собою существующаго института попечителей округовъ, а напротивъ требуетъ его, съ одной стороны, какъ своего восполненія чрезъ удержаніе за симъ послѣднимъ всѣхъ тѣхъ функцій, о которыхъ ниже говоритъ самъ авторъ, а съ другой для своего, такъ сказать, завершенія и объединенія, т. е. для достиженія чрезъ него нѣкотораго единства въ основныхъ началахъ, тенденціяхъ и планахъ веденія учебнаго дѣла въ цѣломъ округѣ. А затѣмъ само собою понятво, что и нынѣшніе окружные инспектора не оказались бы излишними въ этомъ новомъ институтѣ. Напротивъ, изъ нихъ-то и могъ бы составиться первый контингентъ губернскихъ совѣтниковъ министерства просвѣщенія, для чего пришлось-бы только переимѣнить ихъ титулъ, да расширить кругъ ихъ полномочій и обязанностей.

вѣдѣніи чиновъ общаго губернскаго управленія, а губернскіе совѣтники министерства просвѣщенія должны вѣдать внутреннюю сторону учебнаго дѣла, заключающуюся въ составѣ и ходѣ самого ученія. Черезъ нихъ министерство должно имѣть сношенія со всѣми учебными заведеніями и, по представленіямъ ихъ, утверждать въ должностяхъ всѣхъ служащихъ въ нихъ, избираемыхъ начальниками учебныхъ заведеній. Наблюдая дѣло въ самомъ его производствѣ, изучая его живыя условія, какъ общія такъ и мѣстныя, они могли бы быть самыми основательными совѣтниками министерства, доставляя министру свѣдѣнія, почерпнутыя изъ постоянного живого опыта. Въ свою очередь это вело бы къ столь необходимому въ учебномъ дѣлѣ разнообразію мѣръ для достиженія одной цѣли и къ освобожденію его отъ мертвящей униформы и отъ того казеннаго отношенія учителей къ преподаванію учебныхъ предметовъ, которое состоитъ только въ исполненіи программъ.

Контингентъ губернскихъ совѣтниковъ министерства долженъ быть составляемъ изъ лицъ, понимающихъ задачи учебнаго дѣла и преданныхъ ему, доказавшихъ на дѣлѣ, или учеными трудами, свое самостоятельное и правильное о немъ сужденіе. Таковыми лицами могутъ быть бывшіе директора и учителя гимназій, профессора университетовъ, равно учебныя лица военнаго сословія, бывшіе воспитанники духовной академіи и другіе. Во всякомъ случаѣ можно смѣло надѣяться, что этотъ магистратъ, поставленный въ служебной іерархіи ниже теперешнихъ попечителей округовъ и выше окружныхъ инспекторовъ, какъ дѣйствующій самостоятельно, не привлекая къ себѣ лицъ изъ высшихъ общественныхъ круговъ и другихъ лицъ случайныхъ, самъ создастъ въ учебномъ нашемъ мѣрѣ соотвѣтствующій себѣ контингентъ лицъ, которые будутъ готовиться къ ней, изучая учебное дѣло по существу и исторически, а не знакомясь съ нимъ только на службѣ.

При такомъ порядкѣ учебнаго управленія, университеты должны получить приличествующую имъ и необходимую для нихъ автономію, которая должна выражаться какъ въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ жизни университетовъ, такъ преимущественно въ выборѣ внутреннихъ властей и въ непосредственномъ сношеніи по своимъ дѣламъ съ министерствомъ чрезъ выборнаго ректора. Гимназіи и другія подобныя учебныя заведенія должны получить каждая личную педагогическую силу въ болѣе само-

стоятельномъ управленіи директора, при благотворномъ руководствѣ министерскаго совѣтника'). Тогда онѣ перестанутъ быть тѣми безличными, отличающимися одно отъ другаго только по номерамъ, этапами по пути нашего юношества къ университетскому ученію, какими онѣ остаются доселѣ, живя и дѣйствуя большею частію по буквѣ мертвыхъ канцелярскихъ циркуляровъ.

1) Кажется, что объ эти да и всѣ другія рекомендуемыя авторомъ мѣры для поднятія, оживленія и процвѣтанія учебнаго дѣла, едвали дадутъ желаемые блистательные результаты безъ нѣкотораго подспорья имъ со стороны окружающей школу среды, изъ себя же ее выдѣляющей, тоестъ, общества, среди котораго школа дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ подспорьемъ моглобы, кажется, служить учрежденіе по возможности при всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ при реальныхъ училищахъ, такъ и при гимназіяхъ такихъ училищныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, входилибы и лица постороннія по отношенію къ школѣ,—конечно, прежде всего такіе, которые компетентны въ теоріи и въ практикѣ ученія и воспитанія, а потомъ и вообще лица, мнѣнія которыхъ могутъ быть въ томъ или другомъ отношеніи дѣльны и полезны для школы. Это учрежденіе уже тѣмъ было бы хорошо, что постепенно ослабилобы существующій антагонизмъ между школою и семьею, часто слишкомъ ужъ раздуваемый нашею прессою. Но отъ него можно ожидать и нѣкотораго прямого благотворнаго воздѣйствія на жизнь школы—и на постановку въ ней ученія, и въ особенности на нравственную, на воспитательную въ ней сторону. Зачатокъ такихъ училищныхъ совѣтовъ давно уже есть въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, и существуютъ они тамъ не безъ пользы. Возникли они даже тамъ не смотря на то, что тамъ въ училищахъ съ учащимся духовнаго званія совѣтъ не взимаютъ платы за ученіе. Тѣмъ болѣе умѣстно и законно участіе въ дѣлахъ школы того общества, члены котораго воспитываютъ въ ней своихъ дѣтей не даромъ, а за плату, и если между ними найдутся такіе, которые могутъ принести нѣкоторую пользу школѣ своимъ добрымъ вліяніемъ, своими разумными совѣтами, указаніями, предостереженіями и т. п., то даже грѣшно не привлечь ихъ къ столь великому святому дѣлу.

вѣдѣніи чиновъ общаго губернскаго управленія, а губернскіе совѣтники министерства просвѣщенія должны вѣдать внутреннюю сторону учебнаго дѣла, заключающуюся въ составѣ и ходѣ самого ученія. Черезъ нихъ министерство должно имѣть сношенія со всѣми учебными заведеніями и, по представленіямъ ихъ, утверждать въ должностяхъ всѣхъ служащихъ въ нихъ, избираемыхъ начальниками учебныхъ заведеній. Наблюдая дѣло въ самомъ его производствѣ, изучая его живыя условія, какъ общія такъ и мѣстныя, они могли бы быть самыми основательными совѣтниками министерства, доставляя министру свѣдѣнія, почерпнутыя изъ постоянного живого опыта. Въ свою очередь это вело бы къ столь необходимому въ учебномъ дѣлѣ разнообразію мѣръ для достиженія одной цѣли и къ освобожденію его отъ мертвящей униформы и отъ того казеннаго отношенія учителей къ преподаванію учебныхъ предметовъ, которое состоитъ только въ исполненіи программъ.

Контингентъ губернскихъ совѣтниковъ министерства долженъ быть составляемъ изъ лицъ, понимающихъ задачи учебнаго дѣла и преданныхъ ему, доказавшихъ на дѣлѣ, или учеными трудами, свое самостоятельное и правильное о немъ сужденіе. Таковыми лицами могутъ быть бывшіе директора и учителя гимназій, профессора университетовъ, равно учебныя лица военнаго сословія, бывшіе воспитанники духовной академіи и другіе. Во всякомъ случаѣ можно смѣло надѣяться, что этотъ магистратъ, поставленный въ служебной іерархіи ниже теперешнихъ попечителей округовъ и выше окружныхъ инспекторовъ, какъ дѣйствующій самостоятельно, не привлекая къ себѣ лицъ изъ высшихъ общественныхъ круговъ и другихъ лицъ случайныхъ, самъ создастъ въ учебномъ нашемъ мірѣ соотвѣтствующій себѣ контингентъ лицъ, которые будутъ готовиться къ ней, изучая учебное дѣло по существу и исторически, а не знакомясь съ нимъ только на службѣ.

При такомъ порядкѣ учебнаго управленія, университеты должны получить приличествующую имъ и необходимую для нихъ автономію, которая должна выражаться какъ въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ жизни университетовъ, такъ преимущественно въ выборѣ внутреннихъ властей и въ непосредственномъ сношеніи по своимъ дѣламъ съ министерствомъ черезъ выборнаго ректора. Гимназіи и другія подобныя учебныя заведенія должны получить каждая личную педагогическую силу въ болѣе само-

стоятельномъ управленіи директора, ири благотворномъ руководствѣ министерскаго совѣтника¹⁾). Тогда онѣ перестануть быть тѣми безличными, отличающимися одно отъ другаго только по номерамъ, этапами по пути нашего юношества къ университетскому ученію, какими онѣ остаются доселѣ, живя и дѣйствуя большею частію по буквѣ мертвыхъ канцелярскихъ циркуляровъ.

¹⁾ Кажется, что объ эти да и всѣ другія рекомендуемыя авторомъ мѣры для поднятія, оживленія и процвѣтанія учебнаго дѣла, едвали дадутъ желаемые блистательные результаты безъ нѣкотораго подспорья имъ со стороны окружающей школу среды, изъ себя же ее выдѣляющей, тоестъ, общества, среди котораго школа дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ подспорьемъ моглобы, кажется, служить учрежденіе по возможности при всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ при реальныхъ училищахъ, такъ и при гимназіяхъ такихъ училищныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, входилибы и лица постороннія по отношенію къ школѣ,— конечно, прежде всего такіе, которые компетентны въ теоріи и въ практикѣ ученія и воспитанія, а потомъ и вообще лица, мнѣнія которыхъ могутъ быть въ томъ или другомъ отношеніи дѣльны и полезны для школы. Это учрежденіе уже тѣмъ было бы хорошо, что постепенно ослабилобы существующій антагонизмъ между школою и семьею, часто слишкомъ ужъ раздуваемый нашею прессою. Но отъ него можно ожидать и нѣкотораго прямого благотворнаго воздѣйствія на жизнь школы—и на постановку въ ней ученія, и въ особенности на нравственную, на воспитательную въ ней сторону. Зачатокъ такихъ училищныхъ совѣтовъ давно уже естъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, и существуютъ они тамъ не безъ пользы. Возникли они даже тамъ не смотря на то, что тамъ въ училищахъ съ учащихса духовнаго званія совсѣмъ не взимають платы за ученіе. Тѣмъ болѣе умѣстно и законно участіе въ дѣлахъ школы того общества, члены котораго воспитываютъ въ ней своихъ дѣтей не даромъ, а за плату, и если между ними найдутся такіе, которые могутъ принести нѣкоторую пользу школѣ своимъ добрымъ вліяніемъ, своими разумными совѣтами, указаніями, предостереженіями и т. п., то даже грѣшно не привлечь ихъ къ столь великому святому дѣлу.

А. Локровскій.

О

„ВВЕДЕНІИ ВЪ ИСТОРИЮ ГРЕЦІИ“

проф. В. П. Бузескула.

Н Ъ Ж И Н Ъ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко.

Директоръ *Ф. Гельке.*

О книгѣ: Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузескула. Харьковъ. 1903.

*Рефератъ, читанный въ засѣданіи Историко-филологическаго Общества при Институтѣ
Князя Безбородко въ июнь 1903 г.*

«Введеніе въ исторію Греціи» проф. В. П. Бузескула состоитъ изъ двухъ «частей»: первая часть содержитъ въ себѣ систематическій, въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ и историческій, *обзоръ источниковъ* греческой исторіи; вторая часть представляетъ собою историческое «обозрѣніе пособій» по греческой исторіи, «или, точнѣе, *очеркъ разработки греческой исторіи* въ новое время, преимущественно въ XIX в.» (295) ¹⁾

Обзоры источниковъ и пособій по исторіи древнихъ еллиновъ, составленные съ такою выдающеюся добросовѣстностью и тщательностью, какъ эти обзоры проф. Бузескула, могутъ быть полезными и для ученыхъ-спеціалистовъ; для не-спеціалистовъ же — для образованныхъ читателей, для преподавателей исторіи и классической филологіи, для студентовъ-филологовъ, для будущихъ (т. е. начинающихъ) спеціалистовъ — такіе обзоры не только полезны, но и прямо необходимы: обзоръ «пособій» поможетъ имъ разобраться въ наличномъ состояніи научной разработки греческой исторіи, въ относительныхъ достоинствахъ налич-

¹⁾ Слова напечатанныя здѣсь курсивомъ передаютъ—не совсѣмъ точно—заглавія частей «Введенія».—Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы разбираемой книги.

ныхъ ея изложеній; важнѣйшее—единственное по своему значенію—средство для сколько-нибудь сознательнаго отношенія къ этимъ изложеніямъ сообщить имъ обзоръ источниковъ, который покажетъ имъ, на чемъ основываются или могутъ основываться всѣ вообще наши свѣдѣнія по исторіи древнихъ еллиновъ. Для кого не полная тайна значеніе древнихъ еллиновъ въ общей экономіи человѣческой культуры, и кто дорожить тѣмъ, чтобы оно не было тайной и для другихъ, или кто, самъ работая надъ изученіемъ исторіи древнихъ еллиновъ, помогаетъ другимъ работать надъ этимъ изученіемъ, тотъ не можетъ не считать новаго труда проф. Бузескула поистинѣ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ русской научно-популярной и научно-учебной литературы,—тѣмъ болѣе что въ ея составѣ до сихъ поръ не существовало не только обзоровъ сколько-нибудь подобныхъ обзорамъ проф. Бузескула, но и вообще никакихъ обзоровъ источниковъ и пособій по греческой исторіи, а сколько-нибудь полнаго «обозрѣнія пособій, или очерка разработки греческой исторіи» не имѣетъ даже нѣмецкая литература (IV) ¹⁾. Къ этому надо прибавить, что обзоры проф. Бузескула изложены необыкновенно ясно, просто и общедоступно ²⁾.

Такое выдающееся значеніе книги проф. Бузескула заставляетъ «рецензента»³⁾ распространяться не столько о достоинствахъ, сколько о недостаткахъ этого въ высшей степени почтеннаго и цѣннаго труда. Достоинства его слишкомъ уже очевидны и достаточно говорятъ за себя сами; любой читатель легко оцѣнитъ ихъ—и оцѣнитъ очень высоко—безъ всякой посторонней помощи. Къ тому же, такая книга, какъ «Введеніе»,

¹⁾ Краткіе—недостаточно, къ сожалѣнію, использованные г. Бузескуломъ—очерки разработки греческой исторіи даны въ послѣднее время J. Kaerst'омъ (*Die Geschichte des Altertums im Zusammenhange der allgemeinen Entwicklung der modernen historischen Forschung*, въ *N. Jahrb. f. d. kl. Altertum* u. s. w. IX., 1902, 32 ff., и R. Pöhlmann'омъ (*Griechische Geschichte im neunzehnten Jahrhundert*, Festrede, München 1902). Не вполне тщательно использовалъ г. Бузескулъ и книгу A. Bauer *Die Forschungen zur Griechischen Geschichte 1888—1898* (München 1899), которой онъ вообще много обязанъ—между прочимъ отчасти, повидимому, и нѣкоторыми несовершенствами порядка изложенія въ отдѣлѣ обзора источниковъ объ «историкахъ».

²⁾ Слѣдуетъ отмѣтить и то, что издано «Введеніе» превосходно, съ полной заботливостью объ удобствахъ читателей, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые «смотрятъ на подобнаго рода обзоры, какъ на справочную книгу».

³⁾ Названіе: рецензія нельзя, конечно, не считать слишкомъ громкимъ въ приращеніи къ нижеслѣдующимъ отрывочнымъ замѣчаніямъ о нѣкоторыхъ болѣе общаго характера недостаткахъ «Введенія», главнымъ образомъ первой—наиболѣе важной—его части.

могла быть написана лишь подвижникомъ науки, человѣкомъ не словъ, а дѣла,—такъ что и самому автору ея гораздо больше можно угодить, конечно, не восхваленіемъ ея совершенствъ, а указаніемъ ея недочетовъ¹⁾.

1.

Въ Предисловіи уважаемый авторъ «Введенія въ исторію Греціи» въ слѣдующихъ выраженіяхъ разъясняетъ цѣли, какими онъ задавался: «на рубежѣ истекшаго XIX и новаго XX стол. мнѣ казалось особенно умѣстнымъ и полезнымъ обзорѣть тотъ разнообразный матеріаль, которымъ какъ въ видѣ источниковъ, такъ и въ видѣ пособій, располагаетъ современная наука по части греческой исторіи, и, такъ сказать, подвести итогъ,—показать, что сдѣлалъ минувшій вѣкъ по разработкѣ этой исторіи, какъ мѣнялись точки зрѣнія и направленія въ ея изученіи; мнѣ хотѣлось дать очеркъ исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи, изобразить то движеніе, которое происходило въ этой области, обзорѣть великія открытія за послѣднія десятилѣтія и проч.; на подобнаго рода обзоры я смотрю не только какъ на справочную книгу, но и какъ на главы изъ исторіи нашей науки, какъ на страницы изъ исторіи умственной жизни древности и XIX в.» (III).

Итакъ, г. Бузескулъ хочетъ не только «обзорѣть тотъ матеріаль, которымъ, въ видѣ источниковъ и въ видѣ пособій, располагаетъ современная наука по части греческой исторіи», но вмѣстѣ съ тѣмъ дать и «главы изъ исторіи науки, страницы изъ исторіи умственной жизни древности и XIX в.», а «не справочную только книгу»; онъ хочетъ также «показать, на рубежѣ XIX и XX стол., что сдѣлалъ минувшій вѣкъ по разработкѣ греческой исторіи». Иными словами, авторъ одновременно преслѣдуетъ въ своемъ трудѣ какъ практическія, такъ и теоретическія, какъ общія, или основныя, такъ и частныя, или случайныя цѣли. Но совмѣстное преслѣдованіе столь различныхъ цѣлей едва-ли

¹⁾ Мало того,—это указаніе недочетовъ можетъ даже оказаться не только болѣе удобнымъ, но и болѣе пригоднымъ для автора: хотѣлось бы не сомнѣваться въ томъ, что «Введеніе» найдетъ себѣ столько читателей и почитателей, что въ скоромъ времени оно окажется—подобно «Периклу» «того же автора»—«распроданнымъ», и тогда потребуетъ новое его изданіе; а трудолюбіе и трудоспособность автора ручаются за то, что это новое изданіе «Введенія» будетъ изданіемъ не только дополненнымъ, но и исправленнымъ...

возможно не только безъ взаимнаго для нихъ ущерба, но и безъ ущерба для самаго дѣла. Эта неотчетливость—точнѣе сказать раздвоенность—въ постановкѣ основной задачи (или основныхъ задачъ) «Введенія» должна была, конечно, болѣе или менѣе невыгодно отразиться на общей его цѣльности. Правда, отождествленіе «обозрѣнія пособій» съ «очеркомъ разработки греческой исторіи» могло и не обусловливать собою слишкомъ значительнаго ущерба для дѣла: въ области тѣхъ фактовъ и вопросовъ, которые подлежали разсмотрѣнію въ этой (второй) части «Введенія», координація сравнительно легко могла переходить въ субординацію, — иногда онѣ даже могли совпадать одна съ другою; систематическое и историческое изложеніе могли здѣсь уживаться вмѣстѣ сравнительно спокойно и мирно; страницы «справочной книги» безъ особенныхъ усилій или насилій могли смѣняться или замѣняться «страницами умственной жизни XIX в.»¹⁾. Не слишкомъ уже большой ущербъ для дѣла могъ получиться и отъ того, что, писанный на рубежѣ XIX и XX столѣтій, «обзоръ пособій, или очеркъ разработки греческой исторіи» ограничивался «преимущественно XIX вѣкомъ»: на количествѣ дефектовъ въ «справочной книгѣ» это ограниченіе едва-ли могло отразиться сколько-нибудь чувствительнымъ образомъ, а важнѣйшія изъ «главъ» или «страницъ» исторіи «умственной жизни», или «исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи», во всякомъ случаѣ могли остаться въ нашемъ распоряженіи, — тѣмъ болѣе что свой «Очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX вѣкѣ» авторъ начинаеть съ замѣчаній объ «ученыхъ XVI — XVII в., о Вико и о новомъ Возрожденіи классической древности» (298—302), а заканчиваетъ XX вѣкомъ. Больше—и къ большому ущербу для дѣла—должна была сказаться двойственность поставленной себѣ авторомъ задачи—въ первой части «Введенія», въ «обзорѣ источниковъ». Ближайшее назначеніе обзора источниковъ греческой исторіи—чисто практическое: главная задача его—ознакомленіе со всею, по возможности, наличностью дошедшихъ до насъ (такими или иными путями) остатковъ или слѣдовъ

¹⁾ Объясняется это прежде всего тѣмъ, что если „источники—по вѣрному замѣчанію г. Бузескула—бываютъ обыкновенно чрезвычайно разнообразны“ (2), то этого чрезвычайнаго разнообразія не представляютъ собою пособія, или—лучше сказать—разнообразіе пособій далеко не столь существенно (т. е. далеко не имѣеть столь существеннаго значенія для „сколько-нибудь серьезно изучающаго исторію“), какъ разнообразіе источниковъ.

самой истории древних еллиновъ, а также современныхъ ей вѣдѣннхъ о ней свидѣтельствъ; слѣды же эти—не говоря уже о свидѣтельствахъ—«чрезвычайно разнообразны». Поэтому обзоръ источниковъ прежде всего долженъ представлять собою не столько цѣльное, сколько полное описаніе этихъ разнообразныхъ слѣдовъ (т. е. ихъ группъ). Конечно, составителю такого обзора пришлось бы встрѣтиться съ значительными теоретическими трудностями уже при опредѣленіи такихъ понятій, какъ «исторія Греціи» (т. е. понятій: «исторія» и «Греція») или «историческій источникъ», а затѣмъ и при классификаціи самихъ источниковъ греческой исторіи; дальнѣйшія теоретическія затрудненія принесла бы ему необходимость считаться какъ съ количественнымъ, такъ и съ качественнымъ, какъ съ статическимъ, такъ и съ динамическимъ значеніемъ наличныхъ источниковъ. Достаточно и этихъ теоретическихъ затрудненій (къ которымъ неизбѣжно долженъ присоединиться цѣлый рядъ затрудненій практическихъ), чтобы не стараться добровольно увеличивать ихъ количество.—какъ поступаетъ проф. Бузескуль, когда рядомъ съ задачей «обозрѣть тотъ разнообразный матеріалъ, которымъ въ видѣ источниковъ располагаетъ современная наука по части греческой исторіи», онъ ставитъ себѣ другую задачу—дать «страницы изъ исторіи умственной жизни древности». Безспорно, болѣе чѣмъ желательны—между прочимъ и въ видахъ лучшаго уясненія нашихъ источниковъ греческой исторіи—такія «страницы»; но, вѣдь, строго говоря, это будутъ лишь страницы изъ исторіи греческой литературы (въ частности—исторіографіи), рядомъ съ которыми могли бы быть поставлены страницы исторіи греческаго языка и греческаго искусства, или страницы исторіи монетнаго и архивнаго дѣла у грековъ. Сколько бы ни было общаго у такихъ страницъ съ обзоромъ источниковъ, но, по своему назначенію, а стало быть и значенію, онѣ будутъ не страницами обзора историческихъ источниковъ, а страницами самой исторіи, и различіе между тѣми и другими страницами будетъ такое же, какое—правда, только теоретически—существуетъ, на примѣръ, между археологіею и исторіею искусства: одни и тѣже вещественные памятники изучаются обѣими этими дисциплинами; но если для одной изъ нихъ они служатъ цѣлью, то для другой—лишь средствомъ (точнѣе—однимъ изъ средствъ) изученія.

2.

Если уже совмѣстное преслѣдованіе нѣсколькихъ столь-различныхъ

цѣлей не могло не вести къ нарушенію общей цѣльности „Введенія“, то цѣльность эта должна была подвергнуться въ некоторому испытанію и отъ того, что „подводя“ свой „итогъ“ на рубежѣ истекшаго и новаго столѣтій, авторъ „Введенія“ чувствовалъ потребность опредѣлить свои отношенія къ „обществу“ начинающагося столѣтія. Такъ какъ онъ не могъ, конечно, позволить себѣ „стать наравнѣ съ вѣкомъ“, то желаніе его свести счеты съ современнымъ „обществомъ“ не могло не смущать его спокойствія—и повидимому не тогда только, когда онъ „выпускалъ въ свѣтъ свои лекціи“, но и тогда, когда онъ обрабатывалъ ихъ для печати. „Не безъ колебаній—пишетъ онъ въ Предисловія—выпускаю я въ свѣтъ свои лекціи, посвященныя изученію столь непопулярной въ нашемъ обществѣ греческой древности. Но между тѣмъ классицизмомъ или, вѣрнѣе, грамматизмомъ, который вызвалъ къ себѣ такую антипатію, и научною исторіею Греціи и Рима нѣтъ ничего общаго, и нельзя антипатіи къ первому переносить на изученіе античнаго міра вообще, тѣмъ болѣе, что именно въ настоящее время это изученіе вступаетъ на новый путь—разработки съ болѣе широкой точки зрѣнія; въ области древнегреческой исторіи, равно какъ и исторіи древняго Востока, совершаются такія открытія и такое движеніе, какъ ни въ одной другой сферѣ современнаго историческаго знанія“... (V).

Эти „колебанія“ уважаемаго автора „Введенія въ исторію Греціи“ кажутся намъ совершенно напрасными; не совсѣмъ понятны, по крайней мѣрѣ, мотивы этихъ колебаній. „Общество“ можетъ-быть и имѣетъ свои основанія питать антипатію къ греческой древности чрезъ посредство своего классицизма, или грамматизма; но вся логика этихъ основаній не сводится-ли къ отождествленію теоретическихъ моментовъ съ практическими, или даже къ подмѣнѣ первыхъ послѣдними? А если такого рода логическія операціи не считать обязательными и для профессора греческой исторіи, то казалось-бы, что, разъ имъ констатирована „антипатія общества“ къ предмету его научныхъ занятій, то тѣмъ меньше должно быть у него „колебаній“ при „выпусканіи въ свѣтъ своихъ лекцій“, и тѣмъ меньше долженъ онъ быть склоннымъ дѣлать—хоть самую незначительную—уступку господствующимъ въ обществѣ насчетъ его предмета предрасудкамъ или смѣшеніямъ понятій. А на такую именно уступку идетъ, повидимому, проф. Бузескуль, когда утверждаетъ, что „между тѣмъ классицизмомъ, или вѣрнѣе грамматизмомъ, который вызвалъ къ себѣ такую антипатію, и научною исторіею Греціи и Рима нѣтъ ничего общаго“. Неужели дѣйствительно „нѣтъ

ничего общаго“? Я думаю, напротивъ, что это „общее“ существуетъ,— что этимъ „общимъ“ служилъ и служить именно „классицизмъ или грамматизмъ“,— только, конечно, не „тотъ, который вызвалъ къ себѣ такую антипатію общества“, точнѣе—не въ той своей формѣ или не въ томъ своемъ примѣненіи.

Эти мои замѣчанія могутъ показаться слишкомъ уже мелочными и придирчивыми. Такими кажутся они и мнѣ; но я все-таки рѣшаюсь не оставлять ихъ при себѣ, потому что это мое не совсѣмъ спокойное отношеніе къ словамъ проф. Бузескула опредѣлялось мотивами, кажется, не совсѣмъ случайнаго характера. Какъ самыя „колебанія“, такъ и объясненія по поводу этихъ „колебаній“ проф. Бузескула чрезвычайно характерны потому, что они лишній-разъ подчеркиваютъ собою то далеко не случайное недоразумѣніе, которое дѣлитъ „общество“ и ученыхъ на два враждебныхъ лагеря. Разумѣется, общество и ученые и должны представлять собою два лагеря; но лагеря эти не должны быть враждебными одинъ другому; напротивъ, врагъ у нихъ долженъ быть общій (невѣжество во всѣхъ его видахъ и формахъ), и, какъ бы ни были различны интересы, симпатіи и антипатіи обоихъ лагерей, между ними должны существовать постоянныя дружественныя сношенія, основанныя прежде всего на уваженіи правъ того и другого лагеря; въ лагерьъ ученыхъ одинъ отрядъ составляется изъ посвятившихъ себя спеціально изученію античнаго міра, будутъ-ли то филологи, или историки,—причемъ между тѣми и другими *comilitones* (такъ же, какъ и между всѣми вообще отрядами, на какіе можетъ дѣлиться лагерьъ ученыхъ) должны существовать тѣ же основанныя на взаимномъ уваженіи отношенія, что и между обоими лагерями. Дѣйствительность „на рубежѣ истекшаго и новаго столѣтій“ слишкомъ мало, конечно, соотвѣтствуетъ такого рода *στρατοπέδου* (или *στρατοπέδων*) *πολιτεία* и вытекающимъ изъ нея *νόμοις*. Такъ, въ „обществѣ“ преобладаетъ, напримѣръ, по вѣрному наблюденію проф. Бузескула, антипатія не только къ „грамматизму или классицизму“, но и къ „греческой древности“; въ такомъ случаѣ ученые и должны придти къ обществу на помощь,—какъ это и сдѣлалъ, съ своей стороны, проф. Бузескуль; но помощь эту должны они подать, при первой возможности, безъ всякихъ уже „колебаній“; съ неослабѣвющею энергіею должны они выяснять—и не въ формѣ лишь афоризмовъ,—что не можетъ быть достаточно культурнымъ то общество, которое не жалеетъ отдавать себѣ отчета въ томъ значеніи, какое имѣла и имѣетъ въ общей экономіи человѣческой культуры культура древнихъ еллиновъ, что не

можетъ быть достаточно культурнымъ то общество, которое считаетъ для себя излишнимъ знакомство съ древнееллинской культурой. Не такъ проста, конечно, и эта задача—обстоятельно уяснить, почему именно „общество“ должно имѣть не только въ своемъ оборотѣ, но и въ своемъ основномъ фондѣ известную сумму возможно-отчетливыхъ представлений о томъ—, „что для насъ греки“¹⁾. Но неизмѣримо труднѣе ея другая задача—точно опредѣлить самую эту сумму. Не говоря уже о чрезвычайной сложности этой задачи по самому ея содержанию, при рѣшеніи ея пришлось бы считаться, между прочимъ, и съ тѣмъ субъективизмомъ, который—если дать ему просторъ—раздѣлил-бы нашъ „лагерь ученыхъ“ на двѣ партіи: ученые специально работающіе надъ изученіемъ античнаго міра невольно тяготѣли бы въ сторону максимальной суммы, а остальные ученые, такъ же, какъ и „общество“,—въ сторону минимальной суммы. Но допустимъ, что удалось бы (насколько вообще это мыслимо) устранить этотъ субъективизмъ; въ такомъ случаѣ въ вѣрномъ рѣшеніи той задачи, въ точномъ опредѣленіи той суммы прежде всего и больше всего заинтересованы были бы, разумѣется, ученые работающіе надъ изученіемъ античнаго міра. Казалось бы, что хоть ради этой цѣли, если уже не ради большей успѣшности своей работы вообще, должны были бы они не только устойчивѣе организоваться, но и тѣснѣе сплотиться и крѣпче держаться другъ за друга: къ пользѣ дѣла можетъ служить, конечно, если *ἄλλος ἄλλοισιν ἀνὴρ ἐπιτέρεται ἔργοις* (*ἄλλος ἄλλω καρδίῃ αἰνέται*), но не можетъ служить къ пользѣ дѣла, если *καὶ κεραμεὺς κεραιεὶ κατέει καὶ τέκτωνι τέκτων, καὶ πτωχὸς πτωχῷ φθονεὶ καὶ αἰδοῦς αἰδοῖ*. Дѣйствительность и здѣсь, однако, очень мало соответствуетъ желательному порядку вещей; иной разъ приходится тутъ даже желать избавленія не столько отъ враговъ, сколько отъ друзей,—когда, напримѣръ, филологъ, вообще съ полнѣйшимъ дружелюбіемъ относящійся къ историкамъ, полагаетъ, что акрибія есть лишь предметъ роскоши для историка древняго міра, а историкъ, въ свою очередь, полагаетъ, что акрибія есть предметъ первой необходимости лишь для филолога.²⁾ Я опасаюсь, что именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ могутъ быть поняты или истолкованы слова проф. Бузескула, что „между тѣмъ классицизмомъ или грамматизмомъ, который вызвалъ къ себѣ такую

¹⁾ Ср. *P. Natorp, Was uns die Griechen sind.* (Rede) Marburg 1901.

²⁾ Здѣсь имѣются въ виду кое-какіе факты изъ только что переставшаго быть настоящимъ прошлаго русской науки.

антипатію, и научной исторіей Греціи и Рима нѣтъ ничего общаго“,— тѣмъ болѣе, что кое-какія основанія для такого пониманія или толкованія этихъ словъ можно было-бы найдти и въ самомъ „Введеніи“. Въ той его части, которая посвящена „разработкѣ греческой исторіи въ XIX в.“, мы почти не встрѣчаемъ прямыхъ разъясненій о классической филологіи,—о ея громадной роли (прежде всего, конечно, положительной, но отчасти и отрицательной), о ея громадныхъ заслугахъ въ исторіи разработки греческой исторіи. Но даже и въ „обзорѣ источниковъ“ собственно-филологическая сторона дѣла представлена очень недостаточно; чисто внѣшнимъ образомъ выразилось это въ болѣе нежели скудномъ примѣненіи въ книгѣ греческаго шрифта¹⁾. Возможно, конечно, что, издавая свои лекціи, авторъ имѣлъ въ виду и чувствующихъ непреодолимую „антипатію къ грамматизму“ или даже и совѣмъ не имѣющихъ ничего общаго съ „грамматизмомъ“ читателей; но ему слѣдовало рассчитывать прежде всего на такихъ читателей, которые способны понять, что историческая работа должна идти рука объ руку съ филологической²⁾, что историческое изслѣдованіе или изученіе невозможно безъ изслѣдованія или изученія филологическаго.

3.

Впрочемъ не исключительно готовностью сдѣлать хоть какую-нибудь уступку „обществу“ съ его антипатіей къ классицизму или грамматизму (лишь-бы оно не „переносило этой антипатіи и на изученіе античнаго міра вообще“) объясняется это не достаточно пристальное вниманіе нашего автора къ филологическому методу, какъ онъ долженъ быть примѣняемъ при ознакомленіи съ источниками греческой исторіи, и какъ онъ примѣнялся при разработкѣ этой исторіи. Здѣсь сказалась также и другая принципиальная,—можно сказать даже, наиболѣе характерная—особенность „Введенія“, а именно наблюдаемое не только во

¹⁾ Съ этой же точки зрѣнія характерна недостаточная отчетливость большинства библиографическихъ указаній „Введенія“ касающихся изданій греческихъ писателей. Нерѣдко заставляютъ желать большей тщательности и приводимые во „Введеніи“ переводы греческихъ текстовъ.

²⁾ Г. Бузескуль утверждаетъ только, что „въ области изученія древности филологи и историки могутъ и должны идти рука объ руку“; во изъ его аргументаціи этого положенія (513) видно, что и онъ держится того мнѣнія, что историкъ долженъ быть отчасти и филологомъ.

второй его части, но и на всемъ его протяженіи нѣкоторое перемѣщеніе (но, конечно, не перенесеніе) центра тяжести отъ источниковъ къ пособіямъ. Болѣе чѣмъ страннымъ можетъ показаться это мое указаніе на перемѣщеніе центра тяжести въ сторону пособій въ книгѣ, бблльшая половина которой (295 страницъ изъ 514) посвящена „обзору источниковъ“. Но, повидимому, перемѣщеніе это происходило, или производилось не только не безъ вѣдома, но и по доброй волѣ автора: недаромъ и источники, и пособія онъ называетъ „видами того матеріала, которымъ располагаетъ наука по части греческой исторіи“, недаромъ онъ пишетъ, что источники служатъ лишь „исходнымъ (а не центральнымъ) пунктомъ, первоосновою (а не единственною основою) нашихъ свѣдѣній,—откуда свѣдѣнія эти проистекаютъ, берутъ свое начало“, причемъ опредѣленіе „попятія объ источникахъ“ предваряется (т. е. вводится) такимъ положеніемъ: „всякій сколько-нибудь серьезно изучающій исторію не долженъ довольствоваться руководствами и вообще новѣйшею литературою по интересующему его вопросу,—онъ долженъ обращаться къ самымъ источникамъ“ (2). Конечно, эти и имъ подобныя заявленія автора слѣдовало-бы считать простыми обмолвками или недомолвками,—если бы интересъ къ „новѣйшей литературѣ, такъ называемымъ пособіямъ“, (2) не доминировалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ надъ всѣмъ вообще содержаніемъ и изложеніемъ „Введенія“. Самый поверхностный просмотръ „Введенія“ немедленно обличаетъ въ авторѣ не только выдающагося знатока, но и прямого любителя „литературы пособій“; какъ въ обзорѣ источниковъ онъ непремѣнно отмѣчаетъ всѣ по возможности пособія для ознакомленія съ отдѣльными источниками, такъ и въ обзорѣ пособій онъ непремѣнно указываетъ всѣ по возможности пособія для ознакомленія съ отдѣльными пособіями; въ Предисловіи и въ Добавленіяхъ (515—519) онъ касается библиографическихъ преимущественно недочетовъ „Введенія“. И если иной читатель „Введенія“ почувствуетъ, можетъ быть, нѣкоторую неполноту въ трактованіи того или другого вопроса со стороны филологической, то со стороны библиографической трактованіе или изложеніе вполнѣ удовлетворитъ, вѣроятно, даже самыхъ взыскательныхъ на этотъ счетъ читателей, и конечно даже и имъ не придется много жалѣть о томъ, что составитель „Введенія“ „не стремился къ исчерпывающей полнотѣ библиографическихъ указаній“ (IV). Авторъ этой „рецензіи“ по принципиальнымъ соображеніямъ¹⁾

¹⁾ Man ist in Gefahr sich auf dem Wege zur Wahrheit zu verirren, wenn man

не принадлежит къ числу слишкомъ взыскательныхъ по части полноты библиографіи читателей: тѣмъ больше у него основаній прямо изумляться проявленнымъ въ этой области энергіи и трудолюбію автора „Введенія“, который, кажется, съ полнымъ правомъ могъ бы претендовать на титулъ Χαλκέντερος—только на этотъ разъ не за сопоставленіе и разъясненіе греческихъ текстовъ, а за собраніе научной литературы по поставленнымъ или затронутымъ въ его книгѣ вопросамъ. Обстоятельность и точность его библиографическихъ указаній не оставляютъ желать почти ничего бѣльшаго, какъ не оставляетъ желать почти ничего лучшаго и сознательность выбора, или выборовъ, какіе приходилось дѣлать автору, поскольку онъ не могъ „стремиться къ исчерпывающей полнотѣ библиографическихъ указаній“. „Нѣкоторыхъ книгъ и статей изъ приводимыхъ мною—заявляетъ авторъ—я не могъ имѣть подъ рукою, и, чтобы дать необходимыя справки и указанія, иногда приходилось ссылаться изъ вторыхъ рукъ“ (IV); но по всѣмъ признакамъ этихъ „нѣкоторыхъ книгъ и статей“ было сравнительно слишкомъ немного,—сколько-нибудь значительныя книги и статьи почти всѣ, очевидно, были у него „подъ рукою“. Само собою разумѣется, что г. Бузескулъ не имѣлъ никакой возможности познакомить читателей „Введенія“ одинаково близко съ каждымъ изъ извѣстныхъ ему авторовъ книгъ или статей по греческой исторіи, что не всегда знакомство это могло идти дальше фамиліи автора (съ инициалами имени-отчества) и заглавія книги или статьи; но авторы всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ книгъ или статей не ограничиваются уже этими, такъ сказать, визитными карточками, а наносятъ читателямъ „Введенія“ непременно уже личные визиты,—конечно, не слишкомъ продолжительные,—встрѣчаясь тутъ обыкновенно съ другими лицами своего круга, имѣющими тѣ же, что и они, интересы, поднимающими тѣ же вопросы и высказывающими по этимъ вопросамъ или одинаковыя, или не одинаковыя мнѣнія; читатель присутствуетъ такимъ образомъ при этомъ обменѣ мнѣній или мнѣніями, которымъ руководить, естественно, самъ составитель „Введенія“,—причемъ предъ глазами читателя проходитъ настолько длинная вереница изслѣдователей греческой исторіи съ ея источниковѣдѣніемъ, что если онъ и успѣваетъ ознакомиться со всѣми сколько-нибудь значительными ихъ мнѣніями по тому или другому вопросу, то, конечно,

sich um gar keine Vorgänger kümmert, und man versäumt sich ohne Noth, wenn man sich um alle bekümmern will (слова Лессинга).

не успѣваетъ ознакомиться со всѣми аргументами или мотивами этихъ мнѣній; но требовать, чтобы каждое изъ этихъ мнѣній представлено было во всѣхъ подробностяхъ, значило бы совершенно уже не щадить силъ ни читателей, ни составителя «Введенія». И въ настоящемъ своемъ видѣ «Введеніе» (оставляя въ сторонѣ другія его достоинства) представляетъ собою превосходную bibliographie raisonnée греческой исторіи и ея источниковѣднія. Нельзя не поблагодарить составителя «Введенія» и за то, что «о русской научной литературѣ онъ, по понятныхъ причинамъ, считалъ необходимымъ говорить сравнительно подробнѣе и полнѣе» (IV), и особенно за то, что онъ «далъ изображеніе и новѣйшаго движенія въ области древне-греческой исторіи, далъ понятіе о богатствѣ новаго матеріала, о той живомъ, энергичной работѣ, которую ведутъ теперь въ этой области почти всѣ культурныя націи Европы и Америки» (V), причемъ во «Введеніи» (съ его «Добавленіями») нашли себѣ мѣсто даже самыя послѣднія открытія въ области археологіи или папирологіи¹⁾, и зарегистрированы инныя изъ помѣченныхъ даже 1903 годомъ книгъ и статей по греческой исторіи.

4.

Таковы общія, основныя свойства или тенденціи «Введенія въ исторію Греціи». Недостаточная отчетливость (или даже—раздвоенность) въ постановкѣ задачи всего «Введенія» и задачъ обѣихъ его частей, не совсѣмъ законное перемѣщеніе центра тяжести изъ области источниковъ въ область пособій, какъ и изъ области филологіи въ область библиографіи, не могли, конечно, обезпечивать собою отсутствіе въ этомъ трудѣ не только уже частныхъ или случайныхъ, но и принципиальныхъ недочетовъ; и если отъ этихъ принципиальныхъ недочетовъ не могло не пострадать все вообще «Введеніе», то первая его часть должна была пострадать больше, нежели вторая. Роковымъ образомъ и причины чисто практическаго характера, о которыхъ сообщается въ Предисловіи²⁾,

1) Напрѣмѣръ, новѣйшія критскія раскопки, „едва-ли не величайшія (?) изъ всѣхъ, сдѣланныхъ на греческой почвѣ со времени Шлимана“ (446—453), или Апоушав Argentinensis (434—436) и „Персы“ Тимофея (434).

2) „Въ основѣ издаваемой книги—говоритъ г. Бузескулъ—лежатъ лекціи, читанныя въ Харьковскомъ университетѣ; лекціи эти появляются въ значительно распространенномъ и дополненномъ видѣ; по первоначальному плану онѣ должны были составлять лишь часть общаго курса по исторіи Греціи; но по мѣрѣ обработки онѣ

содѣйствовали тому, чтобы первая часть «Введенія» (и особенно въ первыхъ своихъ отдѣлахъ) въ общемъ вышла менѣе удачной, нежели вторая. Не только поэтому, но прежде всего потому, что обзоръ источниковъ по своему содержанию неизмѣримо важнѣе, нежели обзоръ пособій, намъ приходится главную долю вниманія удѣлить недочетамъ именно этой первой части—обзора источниковъ.

Г. Бузескуль не опредѣляетъ, что слѣдуетъ разумѣть подѣ понятіями «исторія», «Греція», «исторія Греція», или, по крайней мѣрѣ, не условливается съ читателями на счетъ того,—что онъ будетъ разумѣть подѣ этими понятіями; непосредственно устанавливаетъ онъ—но и то слишкомъ общо и не совсѣмъ, какъ мы видѣли, отчетливо—лишь «понятіе объ источникахъ» и даетъ затѣмъ классификацію источниковъ греческой исторіи. «Источники—говоритъ онъ—бываютъ обыкновенно чрезвычайно разнообразны; такъ, источниками греческой исторіи служатъ: 1) языкъ, 2) преданія (миѳы и сказанія), 3) памятники вещественные, 4) надписи и другіе документы и 5) литературныя произведенія» (2 сл.).

Безспорно, классификація источниковъ—одна изъ труднѣйшихъ проблемъ теоріи исторической науки¹⁾. Теоретическая трудность этой классификаціи обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что для нея не только одинаково законны, но и одинаково необходимы два—не совпадающіе между собою—принципа, —внѣшній и внутренній, что ею должны быть приняты въ расчетъ и бѣльшая или меньшая непосредственность въ реальномъ или матеріальномъ содержаніи, и меньшая или бѣльшая непосредственность въ идеальномъ или духовномъ содержаніи отдѣльныхъ источниковъ.

Если, исходя хотя-бы изъ возможно широкаго пониманія содержанія исторіи вообще и установивъ хотя-бы возможно высокій *terminus*

разрослись въ особый, спеціальныи курсъ(?), въ цѣлую книгу (Ш). Издаваемые лекціи печатались, въ видѣ приложений къ Запискамъ Императорскаго Харьковскаго Университета, медленно, съ большими перерывами; этимъ объясняется нѣкоторая, можетъ быть, непропорціональность въ изложеніи,—какъ объясняется этимъ и „не строго выдержанная система ссылокъ и библиографическихъ указаній, нѣкоторая нелогичность въ передачѣ собственныхъ именъ и въ транскрипціи и проч.“ Особенно мало, повидимому, удовлетворяли самого автора, когда онъ „выпускалъ въ свѣтъ“ свою книгу, „напечатанные уже давно“ «первые два листа» (IV).

¹⁾ Нельзя считать удачной и ту классификацію, какую находимъ въ только что вышедшей (1903) новыиъ (3-иъ и 4-иъ) изданіи книгѣ *Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*, 230 ff.

анте quem древнееллинической истории, рассматривать и расценивать дошедшие до нас от самой этой истории¹⁾ слѣды или остатки по степени непосредственности въ нихъ формальное происхожденіе и сохраненіе, то прежде всего пришлось-бы выдѣлить, какъ особую группу—правда, лишь косвенныхъ—слѣдовъ еллинической истории, физическія свойства тѣхъ странъ, на территоріи которыхъ она совершалась. Въ слѣдахъ, представляемыхъ природою, поскольку она обуславливала собою историческую жизнь еллиновъ, тѣсно принималось одной своей стороною даже сливаясь съ ними, прямые уже слѣды самой этой исторической жизни—слѣды того, что дѣлали еллины съ данными этой природы. Такъ намѣтились бы двѣ не попавшія въ классификацію проф. Буэскула группы источниковъ нашихъ свѣдѣній объ исторической жизни еллиновъ,—одна специально подлежащая изученію географіи, другая—специально подлежащая изученію топографіи²⁾. Какъ къ географическимъ слѣдамъ принимаютъ слѣды топографическіе, такъ къ этимъ послѣднимъ принимаютъ (опять-таки сливаясь съ ними одной своей стороною) слѣды того, что дѣлали еллины не столько уже съ данными, сколько изъ данныхъ природы, т. е. слѣды, въ содержаніи которыхъ еще больше сказывается сознательная, дѣлсообразная по крайней мѣрѣ въ обществѣ своемъ значеніе) дѣятельность, слѣды, въ содержаніи которыхъ (также какъ и въ содержаніи топографическихъ слѣдовъ) комбинируются элементы матеріальные и духовные, но такъ, что элементамъ духовнымъ принадлежитъ уже рѣшительно преобладающая роль. Это—третья и частью четвертая изъ группъ проф. Буэскула,—группа, представленная громад-

¹⁾ Дошли до насъ и кое-какія внѣшніе свѣдѣтельства объ отдѣльныхъ явленіяхъ еллинической истории (особенно еллинистической или римской эпохи), современныя этимъ явленіямъ,—въ восточныхъ памятникахъ искусства и письменности (въ томъ числѣ и въ Бабилѣ), а также и въ римской письменности; но этихъ свѣдѣтельствъ совсѣтъ не касается г. Буэскула въ своемъ обзорѣ источниковъ,—историчныя оправданіе чему можетъ служить, конечно, отсутствіе сколько-нибудь систематической обработки всѣхъ внѣстѣ взятыхъ и почти всѣхъ отдѣльно взятыхъ категорій этихъ свѣдѣтельствъ.

²⁾ Естаетъ сказать, «и, нѣгнѣвнѣ географіи для цѣлей исторіи» намло собѣ въ послѣднее время (особенно въ трудахъ Ratzel³⁾ и гдательную теоретическую разработку, какъ сдѣлана была ср. G. Hirschfeld, Aus dem Orient, 1897) попытка исторической теоретизаціи в греческой топографіи.—Въ концѣ своего очерка разработки греческой исторіи г. Буэскула упоминаетъ впрочемъ, что «по географіи древней Греціи извѣстны труды Каверта и Бурзаіана (труда Neumann и Partsch's онъ и здѣсь не называетъ) и атласы Каверта и Шарунера-Менкез, т. е. Шарунера-Зиглина (499).

нымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ по своему назначенію (и по своему значенію) „вещественныхъ памятниковъ“. Уже г. Бузескулъ „отмѣчаетъ, какъ особую категорію среди вещественныхъ памятниковъ, медали (?) и монеты“, причемъ называетъ ихъ „металлическими источниками“ (12—13), какъ бы забывая, что существуютъ металлическіе источники и внѣ этой „категоріи“ (6. 14). Но развѣ одну изъ категорій среди вещественныхъ же памятниковъ не представляютъ собою также и надписи, а другую—папирусы? И развѣ монеты своими „легендами“ не примыкаютъ къ группѣ или категоріи надписей, становясь такимъ образомъ какъ бы на рубежѣ между „вещественными памятниками“ и „надписями“? Но на рубежѣ этомъ оказываются даже и не однѣ монеты: до насъ дошли вѣдь и такіе вещественные памятники еллинской письменности, гдѣ письмо было лишь добавленіемъ къ прочему содержанию памятника, и такіе,—гдѣ письмо само было существеннымъ содержаніемъ, основною цѣлью памятника, такъ что мы могли-бы, не выдѣляя ни надписей, ни папирусовъ изъ группы вещественныхъ памятниковъ, внутри этой группы различать ближайшимъ образомъ слѣдующія три „категоріи“: памятники искусства¹⁾, памятники искусства и письменности, и памятники письменности,—причемъ, конечно, между этими категоріями нельзя было-бы провести рѣзкихъ пограничныхъ линій: онѣ сливаются между собою, незамѣтно переходятъ—одна въ другую, другая въ третью; а эта третья категорія (т. е. громадное большинство надписей и папирусы) такъ же незамѣтно переходитъ уже въ новую группу—не въ группу „другихъ документовъ“ или „литературныхъ произведеній“, а въ группу слѣдовъ еллинской письменности вообще, поскольку они дошли до насъ не непосредственно отъ самихъ еллиновъ (т. е. не на камнѣ или металлѣ, или не на папирусѣ), а чрезъ посредство средневѣковыхъ переписчиковъ, причемъ, конечно, нужно имѣть въ виду, что иные изъ этихъ слѣдовъ еллинской письменности (правда, немногіе) дошли до насъ одновременно обоими этими путями, и что посредство средневѣковыхъ переписчиковъ было въ сущности лишь случайнымъ, лишь служебнымъ²⁾. Такъ или въ такомъ родѣ могли бы

¹⁾ Разумѣется, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

²⁾ „Искаженіе многочисленныхъ версиисчиковъ“ (15) относится все-же больше къ категоріи исключеній, нежели къ категоріи правила. И „вещественные памятники“ впрочемъ также стали намъ доступны чрезъ посредство лишь копателей, если не „гробкопателей“.

группироваться слѣды еллинской исторіи, если идти отъ большей къ меньшей наличности въ ихъ содержаніи или въ ихъ значеніи болѣе устойчивыхъ матеріальныхъ элементовъ, пока мы не дошли бы этимъ путемъ до такихъ слѣдовъ, въ которыхъ роль этихъ матеріальныхъ элементовъ сведется до минимума (папирусы), а наконецъ и прямо на *мртъ* (средневѣковыя рукописи).

Но группировка слѣдовъ еллинской исторіи должна считаться также и съ наличностью въ ихъ содержаніи и значеніи и элементовъ духовныхъ—по самому существу своему чрезвычайно сложныхъ, разнообразныхъ и пестрыхъ, причемъ степень матеріальной непосредственности и степень духовной непосредственности въ содержаніи и значеніи этихъ слѣдовъ не пропорціональны одна другой ни прямо, ни обратно. Въ этомъ пунктѣ мы и наталкиваемся на чрезвычайныя—можетъ быть даже непреодолимая—трудности классификаціи. Какія бы мы ни устанавливали группы или категоріи, —отдѣльные историческіе памятники придется теперь не только уже помѣщать на пограничныя между этими группами или категоріями полосы, но даже разбивать на части, и части эти размѣщать, или разносить по различнымъ этимъ группамъ или категоріямъ; и поступать такъ съ отдѣльными памятниками приходится даже не только въ томъ случаѣ, если наблюдать въ нихъ комбинированіе духовныхъ элементовъ съ матеріальными, но и въ томъ случаѣ, если наблюдать одни лишь духовные ихъ элементы. Какъ нельзя болѣе справедливо, на примѣръ, замѣчаніе г. Бузескула о „трудахъ греческихъ историковъ“, что „они являются для насъ источникомъ, такъ сказать, вдвойнѣ: они не только отражаютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, современную имъ эпоху, но и содержатъ изложеніе самой исторіи (насколько удовлетворительное и достовѣрное, это, конечно, другой вопросъ)“; но едва-ли правъ г. Бузескуль, когда онъ именно съ этой (и только съ этой) точки зрѣнія считаетъ „труды историковъ“ „болѣе важными, какъ историческій источникъ“, нежели прочіе „памятники греческой литературы“ (39). Развѣ не являются такими „источниками вдвойнѣ (или даже больше, чѣмъ вдвойнѣ,—т. е. втройнѣ и т. д.)“, на примѣръ, „гомерическіе“ (какъ онъ ихъ называетъ) и не гомерическіе эпосы, или „произведенія трагиковъ“, или „произведенія философскія“, или „рѣчи ораторовъ“ (хотя-бы Исократы)? Мало того,—если въ греческой литературѣ мы очень часто встрѣчаемся съ воспроизведеніями еллинскаго прошлаго не постольку лишь, поскольку воссозданіе прошлаго было ея цѣлью, но и постольку, поскольку оно

становилось ея средствомъ (т. е. однимъ изъ средствъ), то съ подобными же воспроизведеніями прошлаго мы встрѣчаемся (хотя и несравненно рѣже) и въ греческомъ искусствѣ. Итакъ, классификація источниковъ греческой исторіи должна считаться, далѣе, съ тѣмъ, что одни изъ источниковъ являются хронологически-непосредственными, другіе—хронологически-посредственными слѣдами этой исторіи, а третьи—и тѣми, и другими вмѣстѣ¹⁾. Но вромѣ возможной наличности въ нѣкоторой части нашихъ историческихъ источниковъ субъективизма такъ-сказать хронологическаго разстоянія, классификація источниковъ должна считаться также и съ—не только возможной, но и неизбежной—наличностью въ нихъ и той или иной степени субъективизма синхронистическаго, или исохронистическаго (при чемъ опять-таки нужно имѣть въ виду, что относительно болѣе объективными или относительно болѣе субъективными могутъ быть не только памятники письменности, но и памятники искусства).

Если классификація источниковъ должна, такимъ образомъ, считаться не только съ болѣшимъ или меньшимъ значеніемъ въ ихъ содержаніи элементовъ матеріальныхъ, но и съ меньшей или большей субъективностью входящихъ въ ихъ содержаніе духовныхъ элементовъ,—то дальнѣйшее—или, лучше сказать, ближайшее—распредѣленіе источниковъ на группы или категоріи можетъ обуславливаться уже лишь ображеніями болѣе практическаго характера. Такъ, оно должно считаться съ самымъ содержаніемъ и значеніемъ отдѣльныхъ комплексовъ источниковъ, въ зависимости отъ того,—въ чемъ мы условимся видѣть сущность историческаго процесса вообще и процесса еллинской исторіи въ частности. Съ этой точки зрѣнія возможно, напримѣръ, выдѣленіе въ особую группу „монетъ“, или „документовъ“, или „трудовъ исто-

¹⁾ Кстати сказать,—особенно съ этой точки зрѣнія было бы важно установить—конечно, условный—terminus ante quem греческой исторіи,—хотя бы уже для большей ясности и отчетливости въ трактованіи не только о Діодорѣ или Плутархѣ, или о географахъ и періегетахъ, но и о писателяхъ, которые въ обзорѣ г. Бузескула занимаютъ мѣсто между Плутархомъ и географами (284--290), и которые перечисляются здѣсь въ такомъ—довольно причудливомъ—порядкѣ: Діогенъ Лаэртскій (?), Діонъ Хрисостомъ, Фаворинъ, Аѳиней и Эліанъ, Стобей, Полианъ, Элій Аристидъ, Лукіанъ, хронографы Юлій Африканъ и Евсевій, Фотій, экскерпторы Константина Багрянороднаго, Аристодезь, лексикографы (римской и византійской эпохи); вѣдь, если къ кому, то именно къ большинству изъ этихъ писателей подходитъ выраженіе г. Бузескула, что они даютъ „современной наукѣ“ „матеріалъ“ отчасти „въ видѣ источниковъ“, отчасти „въ видѣ пособій“.

риковъ“ и т. п.; возможны при этомъ, конечно, и болѣе сложныя отвлеченія, путемъ которыхъ можно дойти и до установленія если уже не въ качествѣ особыхъ группъ или категорій источниковъ, то въ качествѣ отдѣльныхъ предметовъ источниковѣдвнїа и такихъ явленій, какъ „языкъ“ или „преданїя“¹⁾). Наряду съ тѣмъ, группированіе источниковъ можетъ считаться и съ практикою науки вообще, т. е. съ наличностью особыхъ (вспомогательныхъ относительно исторїи) дисциплинъ, спеціально вѣдающихъ тѣ или иныя категорїи источниковъ, — каковы, напримѣръ, географія, топографія, археологія и исторія искусства, нумизматика, эпиграфика, папирологія, исторія литературы, метрологія, дипломатика, геральдика²⁾ и другія — возможны если не въ настоящемъ, то въ будущемъ науки — дисциплины.

Какъ бы ни были поверхностны эти замѣчанія (развивать ихъ подробно не можетъ быть задачей „рецензїи“, — и безъ того, кажется, достаточно уже уклонившейся отъ своего прямого назначенія), они показываютъ во всякомъ случаѣ одно, — что классификація источниковъ греческой исторїи далеко не такъ проста, и не можетъ быть такъ упрощена, какъ ее упрощаетъ наше „Введеніе“. Отчасти въ связи съ этой недостаточной отчетливостью классификаціи источниковъ въ обзорѣ проф. Бузескула стоитъ и то, что обзоръ этотъ не ко всѣмъ изъ установленныхъ имъ группъ источниковъ относится съ одинаковымъ вниманіемъ. Такъ, „языку“ удѣляется гораздо меньше вниманія, нежели „преданїямъ“, „вещественнымъ памятникамъ“ — меньше, нежели „надписямъ“, надписямъ меньше, нежели „литературнымъ произведенїямъ“; среди вещественныхъ памятниковъ главное вниманіе удѣляется монетамъ,

¹⁾ *Bernheim* (Lehrbuch³ 230 ff. 430 ff.) считаетъ, правда, „языкъ“ и „устную традицію (разсказъ, сага, анекдоты и пр.)“ прямо видами источниковъ, наряду съ образной и письменной традиціей или съ *körperliche Reste, Zustände und Institutionen* и т. д.; но, кажется, именно въ этомъ пунктѣ (т. е. въ опредѣленїи и раздѣленїи источниковъ) его представленїя не отличаются полной отчетливостью. *Wundt* (*Logik* II, 2, 353 ff) находитъ возможнымъ разсматривать „языкъ“, „мїеъ (и сагу)“, но и „обычай (*Sitte*)“, какъ „лежащіе внѣ области изслѣдованїа собственной исторїи объекты историческаго развитїа“, подлежащіе изученїю особыхъ „филологическо-историческихъ наукъ“ — науки объ языкѣ, мїеологїи и этологїи (ср. также его *Völkerpsychologie*, I).

²⁾ О метрологіи въ примѣненїи въ источниковѣдвнїю греческой исторїи см. особенно А. Pernice въ *Zeitschrift f. Numismatik*, XX, 222 ff., о дипломатикѣ — *Bernheim*, Lehrbuch³, 276, о геральдикѣ — статью проф. Шердла въ *Характерїа* (Сборникъ въ честь Ф. Е. Корша), 341 сл.

среди надписей—исключительное вниманіе удѣляется надписямъ „документальнаго и притомъ офіціалнаго“ содержанія, а среди литературныхъ произведеній—львиная доля вниманія удѣляется произведеніямъ историографическимъ. Уже изъ этого видно, что обзору источниковъ г. Бузескула можно будетъ сдѣлать и тотъ упрекъ, какой—по его сообщенію—дѣлаетъ „извѣстному краткому обзору Арн. Шефера“ Вилановицъ, „считающій его въ значительной мѣрѣ виною того, что студенты думаютъ, будто греческой исторіи мы можемъ научиться преимущественно (wesentlich) изъ историковъ“ (487), и тотъ упрекъ, какой онъ самъ дѣлаетъ „Введенію“ К. Ваксмута, „гдѣ собранъ богатый матеріалъ, но нѣсколько странно и неудобно распределенный, безъ надлежащей системы, и непропорціонально обработанный“ (1. 490). Рѣшительное предпочтеніе, какое г. Бузескулъ постоянно оказываетъ источникамъ собственно-политической (и притомъ чисто-фактической) исторіи Эллады, можетъ-быть даже и объясняется отчасти вліяніемъ этихъ „трудовъ Ваксмута и Шефера, служившихъ для автора настоящихъ пособій при обработкѣ многихъ отдѣловъ I части Введенія“ (IV), хотя теоретически онъ самъ, по всѣмъ признакамъ, слишкомъ мало склоненъ суживать содержаніе исторіи такъ, какъ суживаютъ его Шеферъ или Ваксмутъ,—т. е. какъ суживала его бѣковская концепція филологів.

5.

Естественно, что и раньше указанные принципиальные недостатки всего «Введенія», и только-что указанные общіе недостатки первой его части вмѣстѣ съ—также указанными выше—причинами чисто-практическаго характера въ значительной степени обусловливали собою и различные недочеты отдѣльныхъ главъ и параграфовъ нашего «обзора источниковъ»; къ сожалѣнію, намъ приходится ограничиться только бѣглымъ указаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ недочетовъ.

Объ «языкѣ», т. е. о греческомъ языкѣ, поскольку онъ «служитъ источникомъ греческой исторіи», г. Бузескулъ даетъ (2—3) лишь нѣсколько самыхъ краткихъ и самыхъ общихъ замѣчаній; даже вся библиографія вопроса представлена здѣсь лишь сочиненіями Шрадера¹⁾ и

¹⁾ Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная культура (переводъ 1-го изданія). Другой трудъ Шрадера, чрезвычайно цѣнный и для «изучающихъ греческую исторію»,—*Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde* (1901)—не указывается.

Kretschmer'a¹⁾). Такое трактованіе этого вопроса совершенно не соотвѣтствуетъ ни важности, ни трудности его для «сколько-нибудь серьезно изучающаго греческую исторію». Болѣе чѣмъ полезно было бы здѣсь обстоятельное (не въ смыслѣ подробности, а въ смыслѣ отчетливости) уясненіе самыхъ свойствъ языка, качествъ «проливаемаго имъ свѣта», характера заключающихся въ немъ «показаній» и «отраженій»; умѣстными были бы тутъ и указанія на современное состояніе разработки явленій языка вообще и греческаго языка въ частности въ тѣхъ спеціальныхъ научныхъ дисциплинахъ, изъ коихъ только объ одной упоминаетъ г. Бузескулъ, но которыя всѣ, такъ же, какъ и эта одна, «блестяще развились въ XIX столѣтіи» (хотя зачатки ихъ встрѣчаемъ и въ античной литературѣ); таковы — кромѣ сравнительнаго языковѣдѣнія — наука объ языкѣ и исторія греческаго языка съ его діалектологіею.

Большей обстоятельности, большей отчетливости въ изложеніи нельзя не пожелать и — слѣдующему за отдѣломъ объ «языкѣ» — отдѣлу о «преданіяхъ (миѣахъ и сказаніяхъ)» (3—6). Такъ какъ «преданія въ устной формѣ отъ грековъ до насъ не дошли²⁾, а сохранились... въ передачѣ художниковъ, поэтовъ, историковъ, философовъ и пр.» (3), то слѣдовало-бы остановиться на вопросѣ, въ какой именно мѣрѣ въ доступныхъ намъ слѣдахъ этихъ преданій «сказывается міросозерцаніе» (3) или «духовный міръ народа» (6), уяснить, какое значеніе принадлежало здѣсь появленію и распространенію письменности, и какъ вообще могли фиксироваться преданія, пока они не находили себѣ такого или иного выраженія «въ памятникахъ искусства и въ письменной литературѣ», точнѣе выяснить самую природу преданій — между прочимъ и характерное для нихъ столь сложное соотношеніе между формою и содержаніемъ³⁾, — отчетливѣе установить ихъ внутреннюю классификацію, не забывъ при этомъ — наряду съ «миѣомъ, сагами, легендами и т. под.» — и

¹⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что вышедшая часть „Völkerpsychologie“ Wundt' а ошибочно цитируется авторомъ къ отдѣлу о «преданіяхъ» (515), а не къ отдѣлу объ «языкѣ».

²⁾ Что преданія не дошли до насъ въ устной формѣ непосредственно отъ древнихъ грековъ, это разумѣется само собою; но они могли дойти до насъ въ устной формѣ посредственно (напр., чрезъ посредство новыхъ грековъ), чему, впрочемъ не приходится придавать большого значенія; во всякомъ случаѣ устная форма едва-ли обезпечивала бы собою неповрежденность и «народность» преданій.

³⁾ Ср. особенно *Wilamowitz-Moellendorff*, Euripides Herakles I', 96 ff.

новеллѣ и даже анекдотовъ, сказокъ, пословицъ¹⁾, разъяснить то «отношеніе», какое «имѣютъ мѣны (а также и другія «сказанія»?) къ религіи и культу», наконецъ не ограничиваться отдѣльными произвольно выбранными и не совсѣмъ точно переданными «примѣрами» «разнообразныхъ и противорѣчивыхъ» «объясненій мѣновъ и сказаній», когда рѣчь идетъ о «нелегкомъ дѣлѣ» «толкованія» не то «сказаній», не то «мѣна», не то „саги“, не то «сказаній или мѣновъ» (4—5), а попытаться установить (т. е. указать) такіе общіе принципы, которые предохранили бы желающихъ «извлечь изъ фантастической оболочки зерно исторической дѣйствительности» отъ «ошибокъ, натяжекъ, или произвольныхъ, фантастическихъ толкованій» (4), или, по крайней мѣрѣ, познакомить—конечно въ общихъ, но отчетливыхъ чертахъ—съ методами или приемами толкованія преданій составляющими послѣднее слово (или послѣднія слова) науки²⁾.

Не вполне отвѣчаетъ важности вопроса и изложеніе отдѣла о «вещественныхъ памятникахъ» кромѣ выдѣленныхъ въ «особую категорію» монетъ. Нѣсколько болѣе чѣмъ общихъ замѣчаній, въ формѣ тезисовъ, о «важности вещественныхъ памятниковъ, какъ историческаго источника» (6—7), нѣсколько такихъ же замѣчаній о «служащихъ самымъ яркимъ примѣромъ» этой «важности» «открытіяхъ Шлимана, его сотрудниковъ и продолжателей» (7—8) в голый, или почти голый перечень «важнѣйшихъ(?) съ точки зрѣнія греческой исторіи вещественныхъ памятниковъ», въ количествѣ 25 нумеровъ, (9—12) далеко не даютъ достаточнаго понятія о «видномъ (можно сказать даже—виднѣйшемъ) мѣстѣ», какое «занимаютъ въ ряду источниковъ греческой исторіи вещественные памятники». Впрочемъ нѣкоторыя довольно-существенныя (фактическія) «дополненія» къ изложенію этого отдѣла читатели «Введенія» «найдутъ—какъ указывается и въ Предисловіи—въ соответствующихъ мѣстахъ очерка разработки греческой исторіи, гдѣ рѣчь идетъ тоже(?) о раскопкахъ, хотя и съ другой точки зрѣнія» (III).

¹⁾ Т. е. и пословицъ вообще, и специально пословицъ такого типа, какъ *δέχεται καὶ βῆλον Ἀλήτης* или *Μεγαρέων δακρυὰ* или *Λοκροὶ τὰς συνθήκας* (подобными пародіями пользовались и греческіе историки, между прочимъ и Аристотель въ своихъ Политіяхъ). Сюда же относятся и поговорки, высмѣивавшія, напр., обитателей отдѣльныхъ областей Эллады (*Βοιωτῖα ὄς*) или демоновъ отдѣльныхъ демовъ Атики.

²⁾ Новое (фольклористическое?) направленіе въ изслѣдованіи греческихъ «мѣновъ и сказаній» (Usener, Rohde, Dümmler) не затронуто г. Бузескуломъ даже въ библиографическихъ указаніяхъ.

Хоть также слишкомъ коротко, но уже нѣсколько отчетливѣе трактуются «монеты» (12—13); не совсѣмъ понятно только, какія именно «медали» составляютъ вмѣстѣ съ монетами «особую категорію памятникѣвъ» (12), и какими именно „точными датами снабжены греческія монеты», благодаря чему «онѣ (по словамъ автора) имѣютъ большое значеніе п для хронологіи» (13).

Слѣдующій отдѣлъ обзора источниковъ (14—23) носитъ малообъщщающее заглавіе: «Надписи и другіе документы». Надписямъ здѣсь посвящены всего 8¹/₂ страницъ; но и изъ нихъ почти половина удѣлена на сообщеніе общихъ свѣдѣній объ эпиграфикѣ съ ея исторіей (18—19) и на перечисленіе „сборниковъ надписей“ (19—22); на остальныхъ страницахъ говорится о внѣшней формѣ надписей (14), указывается ихъ „значеніе и содержаніе“ (14—15), перечисляются кое-какія „важнѣйшія надписи“¹⁾ (16—18), и, сверхъ того, особо (т. е. въ особомъ параграфѣ) выясняются „недостатки надписей какъ источника“ (15—16). Казалось бы, что въ наше время споръ о томъ, —что важнѣе, надписи, или „литературные источники“, такъ же невозможенъ, какъ и споръ XVII-го столѣтія о томъ, —важнѣе-ли монеты, или надписи, или какъ споръ —читать-ли въ книгѣ одиѣ четныя, или одиѣ нечетныя страницы. Если г. Бузескуль опять поднимаетъ этотъ праздный споръ, рѣшая его, по-видимому, не въ пользу надписей (ср. 504), то объясняется это тѣмъ, что онъ не достаточно полно и отчетливо представляетъ себѣ (и другимъ), какою своеобразной и громадной важности источникъ, —бьющій живнымъ ключемъ, почти не всякаемый и далеко еще неисчерпаемый, —представляютъ собою греческія надписи. „Самое разнообразное содержаніе надписей“, „обнимающихъ государственную, религіозную и частную жизнь“ (15), почти все безъ остатка г. Бузескуль сводитъ къ понятію о документахъ. Безспорно, громадная масса надписей представляетъ собою именно документы, относящіеся къ области междуна-

¹⁾ Неуловимы тѣ основанія, по какимъ выдѣляются эти «важнѣйшія надписи», какъ непонятно и то, почему „Паросскій мраморъ (поскольку онъ—„скорѣе литературное произведеніе“) составляетъ исключеніе изъ общаго типа надписей“, а „зато типична гортинская надпись“ (17). Говоря объ эпиграфическихъ «древнихъ договорахъ» (42), авторъ цитуетъ лишь „С. J. G. I, 11“ (Michel, I; трудъ в. *Scala*, *Die Staatsverträge des Altertums*, I, замѣтимъ кстати, не упоминается во „Введеніи“), какъ и „списокъ жрецовъ Поссейдона въ Галикарнасъ“ (не единственный въ своемъ родѣ изъ числа эпиграфическихъ) цитуется (43) лишь по „С. J. G. II, N 2655“ [Ditt. S^o 608].

роднаго, государственнаго или частнаго¹⁾ права, т. е. или его законодательныхъ нормъ, или его практическаго осуществленія; но уже по своему количеству рядомъ съ этими документальными надписями стоятъ надписи посвянительныя и надгробныя, и если даже и признавать наличность въ этихъ послѣднихъ надписяхъ юридическаго момента, то уже никакъ нельзя сводить къ нему все ихъ значеніе, какъ это рекомендовалъ нѣкогда В. А. Шефферъ²⁾; во всякомъ случаѣ, поскольку въ этихъ послѣднихъ надписяхъ краткія отмѣтки смѣняются или замѣняются цѣлыми *ἐπιγράμματα*, ихъ приходится уже сближать скорѣе съ тѣми—вовсе не такъ уже малочисленными, чтобы считать ихъ «своего рода исключеніями изъ общаго типа» (14³. 17)—надписями, которыя представляютъ собою «литературныя произведенія». Но если по своему существенному содержанію далеко не всѣ надписи имѣютъ значеніе лишь «источника документальнаго и притомъ большею частію официальнаго» (15), то еще болѣе разнообразныя показанія, нежели это ихъ основное содержаніе, даетъ намъ ихъ формальная сторона, т. е. различныя приводимыя въ отдѣльныхъ надписяхъ частности и подробности. Конечно, правъ г. Бузескулъ, когда онъ утверждаетъ, что «о многомъ надписи ничего не сообщаютъ, да иногда и не могутъ сообщить по самому свойству эпиграфическаго матеріала», и что «и по отношенію къ надписямъ необходима критика»³⁾; но едва-ли онъ правъ, когда полагаетъ, что «надписи ничего не скажутъ намъ о стремленіяхъ, взглядахъ, идеалахъ общества, о перемѣнахъ въ нихъ, объ умственномъ движеніи»⁴⁾ в даже «о насиліяхъ и правонарушеніяхъ», или

1) Разумѣется, эти и другія наши дѣленія права, не вполне устойчивыя и теоретически, еще менѣе устойчивы въ примѣненіи къ греческому праву. Выдѣлять здѣсь сакральное право (т. е. ставить его внѣ государственнаго и частнаго права) едва-ли необходимо.

2) *Филологическое Обозрѣніе*, I, 114 сл.

3) „Надписи могутъ съ намѣреніемъ... представлять дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ; онѣ являются иногда официальною версіею, мало соответствующею дѣйствительности“ (16): эти (вѣрные) замѣчанія (въ параграфѣ о „недостаткахъ надписей“) не согласованы у г. Бузескула съ замѣчаніемъ (параграфа о „значеніи надписей“), что „надписи чужды той субъективности, которая отличаетъ произведенія историковъ“ (15).

4) Неужели ничего не скажутъ намъ о взглядахъ общества хотя бы, напр., *defixionum tabellae* (*atticae* и не *atticae*), или объ умственномъ движеніи—тѣ очень многочисленныя надписи, которыя содержатъ въ себѣ литературныя произведенія или свидѣтельства о литературныхъ произведеніяхъ приваженныхъ (нашей рукописной традиціей) и не признаваемыхъ геніевъ?

не успѣваетъ ознакомиться со всѣми аргументами или мотивами этихъ мнѣній; но требовать, чтобы каждое изъ этихъ мнѣній представлено было во всѣхъ подробностяхъ, значило бы совершенно уже не падить силъ ни читателей, ни составителя «Введенія». И въ настоящемъ своемъ видѣ «Введеніе» (оставляя въ сторонѣ другія его достоинства) представляетъ собою превосходную bibliographie raisonnée греческой исторіи и ея источниковѣдѣнія. Нельзя не поблагодарить составителя «Введенія» и за то, что «о русской научной литературѣ онъ, по понятныхъ причинамъ, считалъ необходимымъ говорить сравнительно подробнѣе и полнѣе» (IV), и особенно за то, что онъ «далъ изображение и новѣйшаго движенія въ области древне-греческой исторіи, далъ понятіе о богатствѣ новаго матеріала, о той живомъ, энергичной работѣ, которую ведутъ теперь въ этой области почти всѣ культурныя націи Европы и Америки» (V), причемъ во «Введеніи» (съ его «Добавленіями») нашли себѣ мѣсто даже самыя послѣднія открытія въ области археологіи или папирологіи¹⁾, и зарегистрированы инныя изъ помѣченныхъ даже 1903 годомъ книгъ и статей по греческой исторіи.

4.

Таковы общія, основныя свойства или тенденціи «Введенія въ исторію Греціи». Недостаточная отчетливость (или даже—раздвоенность) въ постановкѣ задачи всего «Введенія» и задачъ обѣихъ его частей, не совсѣмъ законное перемѣщеніе центра тяжести изъ области источниковъ въ область пособій, какъ и изъ области филологіи въ область бібліографіи, не могли, конечно, обезпечивать собою отсутствіе въ этомъ трудѣ не только уже частныхъ или случайныхъ, но и принципиальныхъ недочетовъ; и если отъ этихъ принципиальныхъ недочетовъ не могло не пострадать все вообще «Введеніе», то первая его часть должна была пострадать больше, нежели вторая. Роковымъ образомъ и причины чисто пракческаго характера, о которыхъ сообщается въ Предисловіи²⁾,

1) Напрямѣръ, новѣйшія критскія раскопки, „едва-ли не величайшія (?) изъ всѣхъ, сдѣланныхъ на греческой почвѣ со времени Шлимана“ (446—453), или Апопушав Argentinenis (434—436) и „Персы“ Тимофея (434).

2) „Въ основѣ издаваемой книги—говоритъ г. Бузескуль—лежатъ лекціи, читанныя въ Харьковскомъ университетѣ; лекціи эти появляются въ значительно распространенномъ и дополненномъ видѣ; по первоначальному плану онѣ должны были составлять лишь часть общаго курса по исторіи Греціи; но по мѣрѣ обработки онѣ

содѣйствовали тому, чтобы первая часть «Введенія» (и особенно въ первыхъ своихъ отдѣлахъ) въ общемъ вышла менѣе удачной, нежели вторая. Не только поэтому, но прежде всего потому, что обзоръ источниковъ по своему содержанию неизмѣримо важнѣе, нежели обзоръ пособій, намъ приходится главную долю вниманія удѣлить недочетамъ именно этой первой части—обзора источниковъ.

Г. Бузескуль не опредѣляетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіями «исторія», «Греція», «исторія Греціи», или, по крайней мѣрѣ, не условливается съ читателями на счетъ того,—что онъ будетъ разумѣть подъ этими понятіями; непосредственно устанавливаетъ онъ—но и то слишкомъ общо и не совсѣмъ, какъ мы видѣли, отчетливо—лишь «понятіе объ источникахъ» и даетъ затѣмъ классификацію источниковъ греческой исторіи. «Источники—говоритъ онъ—бываютъ обыкновенно чрезвычайно разнообразны; такъ, источниками греческой исторіи служатъ: 1) языкъ, 2) преданія (миѳы и сказанія), 3) памятники вещественные, 4) надписи и другіе документы и 5) литературныя произведенія» (2 сл.).

Безспорно, классификація источниковъ—одна изъ труднѣйшихъ проблемъ теоріи исторической науки¹⁾. Теоретическая трудность этой классификаціи обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что для нея не только одинаково законны, но и одинаково необходимы два—не совпадающіе между собою—принципа, —внѣшній и внутренній, что ею должны быть приняты въ расчетъ и большая или меньшая непосредственность въ реальномъ или матеріальномъ содержаніи, и меньшая или большая непосредственность въ идеальномъ или духовномъ содержаніи отдѣльныхъ источниковъ.

Если, исходя хотя-бы изъ возможно широкаго пониманія содержанія исторіи вообще и установивъ хотя-бы возможно высокій terminus

разрослись въ особый, спеціальныи курсъ(?), въ цѣлую книгу (III). Издаваемые лекціи печатались, въ видѣ приложеній къ Запискамъ Императорскаго Харьковскаго Университета, медленно, съ большими перерывами; этимъ объясняется нѣкоторая, можетъ быть, непропорціональность въ изложеніи,—какъ объясняется этимъ и „не строго выдержанная система ссылокъ и библиографическихъ указаній, нѣкоторая неполгодовѣтельность въ передачѣ собственныхъ именъ и въ транскрипціи и проч.» Особенно мало, повидимому, удовлетворяли самого автора, когда онъ „выпускалъ въ свѣтъ“ свою книгу, „напечатанные уже давно“ «первые два листа» (IV).

1) Нельзя считать удачной и ту классификацію, какую находимъ въ только что вышедшей (1903) новыиъ (3-мъ и 4-мъ) изданіемъ книгѣ *Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*, 230 ff.

ante quem древнееллинской исторіи, разсматривать и расцѣпывать дошедшіе до насъ отъ самой этой исторіи¹⁾ слѣды или остатка по степени непосредственности въ ихъ формальномъ происхожденіи и сохраненіи, то прежде всего пришлось-бы выдѣлить, какъ особую группу—правда, лишь косвенныхъ—слѣдовъ еллинской исторіи, физическія свойства тѣхъ странъ, на территоріи которыхъ она совершалась. Къ слѣдамъ, представляемымъ природою, поскольку она обуславливала собою историческую жизнь еллиновъ, тѣсно примыкаютъ (одной своей стороною даже сливаясь съ ними) прямые уже слѣды самой этой исторической жизни—слѣды того, что дѣлали еллины съ данными этой природы. Такъ намѣтились бы двѣ не попавшія въ классификацію проф. Бузескула группы источниковъ нашихъ свѣдѣній объ исторической жизни еллиновъ,— одна специально подлежащая изученію географіи, другая—специально подлежащая изученію топографіи²⁾. Какъ къ географическимъ слѣдамъ примыкаютъ слѣды топографическіе, такъ къ этимъ послѣднимъ примыкаютъ (опять-таки сливаясь съ ними одной своей стороною) слѣды того, что дѣлали еллины не столько уже съ данными, сколько изъ данныхъ природы, т. е. слѣды, въ содержаніи которыхъ еще больше связывается сознательная, цѣлесообразная (по крайней мѣрѣ въ общемъ своемъ значеніи) дѣятельность, слѣды, въ содержаніи которыхъ (также какъ и въ содержаніи топографическихъ слѣдовъ) комбинируются элементы матеріальные и духовные, но такъ, что элементамъ духовнымъ принадлежитъ уже рѣшительно преобладающая роль. Это—третья и частью четвертая изъ группъ проф. Бузескула,—группа, представленная громад-

¹⁾ Дошли до насъ и кое-какія внѣшнія свидѣтельства объ отдѣльныхъ явленіяхъ еллинской исторіи (особенно еллинистической или римской эпохи), современные этимъ явленіямъ,—въ восточныхъ памятникахъ искусства и письменности (въ томъ числѣ и въ Библии), а также и въ римской письменности; но этихъ свидѣтельствъ совсѣмъ не касается г. Бузескулъ въ своемъ обзорѣ источниковъ,—нѣкоторымъ оправданіемъ чему можетъ служить, конечно, отсутствіе сколько-нибудь систематической обработки всѣхъ внѣшнѣ взятыхъ и почти всѣхъ отдѣльно взятыхъ категорій этихъ свидѣтельствъ.

²⁾ Бстаетъ сказать, «примѣненіе географіи для цѣлей исторіи» нашло себѣ въ послѣднее время (особенно въ трудахъ Ratzel' и) тщательную теоретическую разработку, какъ сдѣлана была (ср. *G. Hirschfeld, Aus dem Orient, 1897*) попытка исторической теоретизаціи и греческой топографіи.—Въ концѣ своего „очерка разработки греческой исторіи“ г. Бузескулъ упоминаетъ впрочемъ, что «по географіи древней Греціи извѣстны труды Киперта и Бурзіана (труда Neumann'a и Pertsch'a онъ и здѣсь не называетъ) и атласы Киперта и Шпрунера-Менке, т. е. Шпрунера-Зиглина (499).

нымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ по своему назначенію (и по своему значенію) „вещественныхъ памятниковъ“. Уже г. Бузескуль „отмѣчаетъ, какъ особую категорію среди вещественныхъ памятниковъ, медали (?) и монеты“, причемъ называетъ ихъ „металлическими источниками“ (12—13), какъ бы забывая, что существуютъ металлическіе источники и внѣ этой „категоріи“ (6. 14). Но развѣ одну изъ категорій среди вещественныхъ же памятниковъ не представляютъ собою также и надписи, а другую—папирусы? И развѣ монеты своими „легендами“ не примыкаютъ къ группѣ или категоріи надписей, становясь такимъ образомъ какъ бы на рубежѣ между „вещественными памятниками“ и „надписями“? Но на рубежѣ этомъ оказываются даже и не однѣ монеты: до насъ дошли вѣдь и такіе вещественные памятники еллинской письменности, гдѣ письмо было лишь добавленіемъ къ прочему содержанію памятника, и такіе,—гдѣ письмо само было существеннымъ содержаніемъ, основною цѣлью памятника, такъ что мы могли-бы, не выдѣляя ни надписей, ни папирусовъ изъ группы вещественныхъ памятниковъ, внутри этой группы различать ближайшимъ образомъ слѣдующія три „категоріи“: памятники искусства¹⁾, памятники искусства и письменности, и памятники письменности,—причемъ, конечно, между этими категоріями нельзя было-бы провести рѣзкихъ пограничныхъ линій: онѣ сливаются между собою, незамѣтно переходятъ—одна въ другую, другая въ третью; а эта третья категорія (т. е. громадное большинство надписей и папирусы) такъ же незамѣтно переходитъ уже въ новую группу—не въ группу „другихъ документовъ“ или „литературныхъ произведеній“, а въ группу слѣдовъ еллинской письменности вообще, поскольку они дошли до насъ не непосредственно отъ самихъ еллиновъ (т. е. не на камнѣ или металлѣ, или не на папирусѣ), а чрезъ посредство средневѣковыхъ переписчиковъ, причемъ, конечно, нужно имѣть въ виду, что иные изъ этихъ слѣдовъ еллинской письменности (правда, немногіе) дошли до насъ одновременно обоими этими путями, и что посредство средневѣковыхъ переписчиковъ было въ сущности лишь случайнымъ, лишь служебнымъ²⁾). Такъ или въ такомъ родѣ могли бы

¹⁾ Разумѣется, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

²⁾ „Искаженіе многочисленныхъ переписчиковъ“ (15) относится все-же больше къ категоріи исключеній, нежели къ категоріи правила. И „вещественные памятники“ впрочемъ также стали намъ доступны чрезъ посредство лишь копателей, если не „гробокопателей“.

группироваться слѣды еллинской исторіи, если идти отъ большей къ меньшей наличности въ ихъ содержаніи или въ ихъ значеніи болѣе-устойчивыхъ матеріальныхъ элементовъ, пока мы не дошли бы этимъ путемъ до такихъ слѣдовъ, въ которыхъ роль этихъ матеріальныхъ элементовъ сведется до минимума (папирусы), а наконецъ и прямо на *млтз* (средневѣковыя рукописи).

Но группировка слѣдовъ еллинской исторіи должна считаться также и съ наличностью въ ихъ содержаніи и значеніи и элементовъ духовныхъ—по самому существу своему чрезвычайно сложныхъ, разнообразныхъ и пестрыхъ, причемъ степень матеріальной непосредственности и степень духовной непосредственности въ содержаніи и значеніи этихъ слѣдовъ не пропорціональны одна другой ни прямо, ни обратно. Въ этомъ пунктѣ мы и наталкиваемся на чрезвычайныя—можетъ быть даже непреодолимыя—трудности классификаціи. Какія бы мы ни устанавливали группы или категоріи,—отдѣльные историческіе памятники придется теперь не только уже помѣщать на пограничныя между этими группами или категоріями полосы, но даже разбивать на части, и части эти размѣщать, или разносить по различнымъ этимъ группамъ или категоріямъ; и поступать такъ съ отдѣльными памятниками приходится даже не только въ томъ случаѣ, если наблюдать въ нихъ комбинированіе духовныхъ элементовъ съ матеріальными, но и въ томъ случаѣ, если наблюдать одни лишь духовные ихъ элементы. Какъ нельзя болѣе справедливо, на примѣръ, замѣчаніе г. Бузескула о „трудахъ греческихъ историковъ“, что „они являются для насъ источникомъ, такъ сказать, вдвойнѣ: они не только отражаютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, современную имъ эпоху, но и содержатъ изложеніе самой исторіи (насколько удовлетворительное и достовѣрное, это, конечно, другой вопросъ)“; но едва-ли правъ г. Бузескуль, когда онъ именно съ этой (и только съ этой) точки зрѣнія считаетъ „труды историковъ“ „болѣе важными, какъ историческій источникъ“, нежели прочіе „памятники греческой литературы“ (39). Развѣ не являются такими „источниками вдвойнѣ (или даже больше, чѣмъ вдвойнѣ,—т. е. втройнѣ и т. д.)“, на примѣръ, „гомерическіе“ (какъ онъ ихъ называетъ) и не гомерическіе эпосы, или „произведенія трагиковъ“, или „произведенія философскія“, или „рѣчи ораторовъ“ (хотя-бы Исократы)? Мало того,—если въ греческой литературѣ мы очень часто встрѣчаемся съ воспроизведеніями еллинскаго прошлаго не постольку лишь, поскольку воссозданіе прошлаго было ея цѣлью, но и постольку, поскольку оно

становилось ея средствомъ (т. е. однимъ изъ средствъ), то съ подобными же воспроизведеніями прошлаго мы встрѣчаемся (хотя и несравненно рѣже) и въ греческомъ искусствѣ. Итакъ, классификація источниковъ греческой исторіи должна считаться, далѣе, съ тѣмъ, что одни изъ источниковъ являются хронологически-непосредственными, другіе—хронологически-посредственными слѣдами этой исторіи, а третьи—и тѣми, и другими вмѣстѣ¹⁾. Но кромѣ возможной наличности въ нѣкоторой части нашихъ историческихъ источниковъ субъективизма такъ-сказать хронологическаго разстоянія, классификація источниковъ должна считаться также и съ—не только возможной, но и неизбежной—валичностью въ нихъ и той или иной степени субъективизма синхронистическаго, или исохронистическаго (при чемъ опять-таки нужно имѣть въ виду, что относительно болѣе объективными или относительно болѣе субъективными могутъ быть не только памятники письменности, но и памятники искусства).

Если классификація источниковъ должна, такимъ образомъ, считаться не только съ большимъ или меньшимъ значеніемъ въ ихъ содержаніи элементовъ матеріальныхъ, но и съ меньшей или большей субъективностью входящихъ въ ихъ содержаніе духовныхъ элементовъ,—то дальнѣйшее—или, лучше сказать, ближайшее—распредѣленіе источниковъ на группы или категоріи можетъ обуславливаться уже лишь ображеніями болѣе практическаго характера. Такъ, оно должно считаться съ самымъ содержаніемъ и значеніемъ отдѣльныхъ комплексовъ источниковъ, въ зависимости отъ того,—въ чемъ мы условимся видѣть сущность историческаго процесса вообще и процесса еллинской исторіи въ частности. Съ этой точки зрѣнія возможно, напримѣръ, выдѣленіе въ особую группу „монетъ“, или „документовъ“, или „трудовъ исто-

¹⁾ Кстати сказать,—особенно съ этой точки зрѣнія было бы важно установить—конечно, условный—terminus ante quem греческой исторіи,—хотя бы уже для большей ясности и отчетливости въ трактованіи не только о Діодорѣ или Плутархѣ, или о географахъ и періегетахъ, но и о писателяхъ, которые въ обзорѣ г. Бузескула занимаютъ мѣсто между Плутархомъ и географами (284—290), и которые перечисляются вѣсь въ такомъ—довольно причудливомъ—порядкѣ: Діогенъ Лаэртскій (?), Діонъ Хрисостомъ, Фаворинъ, Авеней и Элианъ, Стобей, Полианъ, Элій Аристидъ, Лукіанъ, хронографы Юлій Африканъ и Евсевій, Фотій, эксцерпторы Константина Багрянороднаго, Аристоклемъ, лексикографы (римской и византійской эпохи); вѣдь, если къ кому, то именно къ большинству изъ этихъ писателей подходитъ выраженіе г. Бузескула, что они даютъ „современной наукѣ“ „матеріалъ“ отчасти „въ видѣ источниковъ“, отчасти „въ видѣ пособій“.

риковъ“ и т. п.; возможны при этомъ, конечно, и болѣе сложныя отвлеченія, путемъ которыхъ можно дойти и до установленія если уже не въ качествѣ особыхъ группъ или категорій источниковъ, то въ качествѣ отдѣльныхъ предметовъ источниковѣдвнїя и такихъ явленій, какъ „языкъ“ или „преданїя“¹⁾). Наряду съ тѣмъ, группированіе источниковъ можетъ считаться и съ практикою науки вообще, т. е. съ наличностью особыхъ (вспомогательныхъ относительно исторіи) дисциплинъ, спеціально вѣдающихъ тѣ или иныя категоріи источниковъ, — каковы, напримѣръ, географія, топографія, археологія и исторія искусства, нумизматика, епиграфика, папирологія, исторія литературы, метрологія, дипломатика, геральдика²⁾) и другія — возможны если не въ настоящемъ, то въ будущемъ науки — дисциплины.

Какъ бы ни были поверхностны эти замѣчанія (развивать ихъ подробно не можетъ быть задачей „рецензїи“, — и безъ того, кажется, достаточно уже уклонившейся отъ своего прямого назначенія), они показываютъ во всякомъ случаѣ одно, — что классификація источниковъ греческой исторіи далеко не такъ проста, и не можетъ быть такъ упрощена, какъ ее упрощаетъ наше „Введеніе“. Отчасти въ связи съ этой недостаточной отчетливостью классификаціи источниковъ въ обзорѣ проф. Бузескула стоитъ и то, что обзоръ этотъ не ко всѣмъ изъ установленныхъ имъ группъ источниковъ относится съ одинаковымъ вниманіемъ. Такъ, „языку“ удѣляется гораздо меньше вниманія, нежели „преданїямъ“, „вещественнымъ памятникамъ“ — меньше, нежели „надписямъ“, надписямъ меньше, нежели „литературнымъ произведенїямъ“; среди вещественныхъ памятниковъ главное вниманіе удѣляется монетамъ,

¹⁾ *Bernheim* (*Lehrbuch*³ 230 ff. 430 ff.) считаетъ, правда, „языкъ“ и „устную традицію (разсказъ, сага, анекдоты и пр.)“ прямо видами источниковъ, наряду съ образной и письменной традиціей или съ *körperliche Reste, Zustände und Institutionen* и т. д.; но, кажется, именно въ этомъ пунктѣ (т. е. въ опредѣленіи и раздѣленіи источниковъ) его представленія не отличаются полной отчетливостью. *Wundt* (*Logik* II, 2, 353 ff) находитъ возможнымъ разсматривать „языкъ“, „мнѣ (и сагу)“, но и „обычай (*Sitte*)“, какъ „лежащїе въ области изслѣдованія собственной исторіи объекты историческаго развитїя“, подлежащїе изученію особыхъ „филологическо-историческихъ наукъ“ — науки объ языкѣ, мнѣологіи и этологіи (ср. также его *Völkerpsychologie*, I).

²⁾ О метрологіи въ примѣненіи въ источниковѣдвнїю греческой исторіи см. особенно А. Pernice въ *Zeitschrift f. Numismatik*, XX, 222 ff., о дипломатикѣ — *Bernheim*, *Lehrbuch*³, 276, о геральдикѣ — статью проф. Шерцля въ *Charakterica* (Сборникъ въ честь О. Е. Корша), 341 сл.

среди надписей—исключительное вниманіе удѣляется надписямъ „документальнаго и притомъ официальнаго“ содержанія, а среди литературныхъ произведеній—львиная доля вниманія удѣляется произведеніямъ историографическимъ. Уже изъ этого видно, что обзору источниковъ г. Бузескула можно будетъ сдѣлать и тотъ упрекъ, какой—по его сообщенію—дѣлаетъ „извѣстному краткому обзору Арн. Шефера“ Вилановицъ, „считающій его въ значительной мѣрѣ виною того, что студенты думаютъ, будто греческой исторіи мы можемъ научиться преимущественно (wesentlich) изъ историковъ“ (487), и тотъ упрекъ, какой онъ самъ дѣлаетъ „Введенію“ К. Ваксмута, „гдѣ собранъ богатый матеріалъ, но нѣсколько странно и неудобно распределенный, безъ надлежащей системы, и непропорціонально обработанный“ (1. 490). Рѣшительное предпочтеніе, какое г. Бузескулъ постоянно оказываетъ источникамъ собственно-политической (и притомъ чисто-фактической) исторіи Еллады, можетъ-быть даже и объясняется отчасти вліяніемъ этихъ „трудовъ Ваксмута и Шефера, служившихъ для автора настоятельными пособіями при обработкѣ многихъ отдѣловъ I части Введенія“ (IV), хотя теоретически онъ самъ, по всѣмъ признакамъ, слишкомъ мало склоненъ суживать содержаніе исторіи такъ, какъ суживаютъ его Шеферъ или Ваксмутъ,—т. е. какъ суживала его бѣковская концепція филологіи.

5.

Естественно, что и раньше указанные принципиальные недостатки всего «Введенія», и только-что указанные общіе недостатки первой его части вмѣстѣ съ—также указанными выше—причинами чисто-практическаго характера въ значительной степени обуславливали собою и различные недочеты отдѣльныхъ главъ и параграфовъ нашего «обзора источниковъ»; къ сожалѣнію, намъ приходится ограничиться только бѣглымъ указаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ недочетовъ.

Объ «языкѣ», т. е. о греческомъ языкѣ, поскольку онъ «служить источникомъ греческой исторіи», г. Бузескулъ даетъ (2—3) лишь нѣсколько самыхъ краткихъ и самыхъ общихъ замѣчаній; даже вся библиографія вопроса представлена здѣсь лишь сочиненіями Шрадера¹⁾ и

¹⁾ Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная культура (переводъ 1-го изданія). Другой трудъ Шрадера, чрезвычайно цѣнный и для «изучающихъ греческую исторію»,—*Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde* (1901)—не указывается.

Kretschmer'a¹⁾). Такое трактованіе этого вопроса совершенно не соотвѣтствуетъ ни важности, ни трудности его для «сколько-нибудь серьезно изучающаго греческую исторію». Болѣе чѣмъ полезно было бы здѣсь обстоятельное (не въ смыслѣ подробности, а въ смыслѣ отчетливости) уясненіе самыхъ свойствъ языка, качествъ «проливаемого имъ свѣта», характера заключающихся въ немъ «показаній» и «отраженій»; умѣстными были бы тутъ и указанія на современное состояніе разработки явленій языка вообще и греческаго языка въ частности въ тѣхъ спеціальныхъ научныхъ дисциплинахъ, изъ коихъ только объ одной упоминаетъ г. Бузескуль, но которыя всѣ, такъ же, какъ и эта одна, «блестяще развились въ XIX столѣтіи» (хотя зачатки ихъ встрѣчаемъ и въ античной литературѣ); таковы — кромѣ сравнительнаго языкознанія—наука объ языкѣ и исторія греческаго языка съ его діалектологіею.

Большей обстоятельности, большей отчетливости въ изложеніи нельзя не пожелать и—слѣдующему за отдѣломъ объ «языкѣ»—отдѣлу о «преданіяхъ (мифахъ и сказаніяхъ)» (3—6). Такъ какъ «преданія въ устной формѣ отъ грековъ до насъ не дошли²⁾, а сохранились... въ передачѣ художниковъ, поэтовъ, историковъ, философовъ и пр.» (3), то слѣдовало-бы остановиться на вопросѣ, въ какой именно мѣрѣ въ доступныхъ намъ слѣдахъ этихъ преданій «сказывается міросозерцаніе» (3) или «духовный міръ народа» (6), уяснить, какое значеніе принадлежало здѣсь появленію и распространенію письменности, и какъ вообще могли фиксироваться преданія, пока они не находили себѣ такого или иного выраженія «въ памятникахъ искусства и въ письменной литературѣ», точнѣе выяснить самую природу преданій—между прочимъ и характерное для нихъ столь сложное соотношеніе между формою и содержаніемъ³⁾,—отчетливѣе установить ихъ внутреннюю классификацію, не забывъ при этомъ—наряду съ «мифомъ, сагами, легендами и т. под.»—и

¹⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что вышедшая часть „Völkerpsychologie“ Wundt' а ошибочно цитируется авторомъ къ отдѣлу о «преданіяхъ» (515), а не къ отдѣлу объ «языкѣ».

²⁾ Что преданія не дошли до насъ въ устной формѣ непосредственно отъ древнихъ грековъ, это разумѣется само собою; но они могли дойти до насъ въ устной формѣ посредственно (напр., чрезъ посредство новыхъ грековъ), чему, впрочемъ не приходится придавать большого значенія; во всякомъ случаѣ устная форма едва-ли обезпечивала бы собою неповрежденность и «народность» преданій.

³⁾ Ср. особенно Wilamowitz-Moellendorff, Euripides Herakles I, 96 ff.

новелль и даже анекдотовъ, сказокъ, пословиць¹⁾, разъяснить то «отношеніе», какое «имѣютъ мѣны (а также и другія «сказанія»?) къ религіи и культу», наконецъ не ограничиваться отдѣльными произвольно выбранными и не совсѣмъ точно переданными «примѣрами» «разнообразныхъ и противорѣчивыхъ» «объясненій мѣновъ и сказаній», когда рѣчь идетъ о «нелегкомъ дѣлѣ» «толкованія» не то «сказаній», не то «мѣна», не то „саги“, не то «сказаній или мѣновъ» (4—5), а попытаться установить (т. е. указать) такіе общіе принципы, которые предохранили бы желающихъ «извлечь изъ фантастической оболочки зерно исторической дѣйствительности» отъ «ошибокъ, натяжекъ, или произвольныхъ, фантастическихъ толкованій» (4), или, по крайней мѣрѣ, познакомить—конечно въ общихъ, но отчетливыхъ чертахъ—съ методами или приемами толкованія преданій составляющими послѣднее слово (или послѣднія слова) науки²⁾.

Не вполне отвѣчаетъ важности вопроса и изложеніе отдѣла о «вещественныхъ памятникахъ» кромѣ выдѣленныхъ въ «особую категорію» монетъ. Нѣсколько болѣе чѣмъ общихъ замѣчаній, въ формѣ тезисовъ, о «важности вещественныхъ памятниковъ, какъ историческаго источника» (6—7), нѣсколько такихъ же замѣчаній о «служащихъ самымъ яркимъ примѣромъ» этой «важности» «открытіяхъ Шлимана, его сотрудниковъ и продолжателей» (7—8) и голый, или почти голый перечень «важнѣйшихъ(?) съ точки зрѣнія греческой исторіи вещественныхъ памятниковъ», въ количествѣ 25 нумеровъ, (9—12) далеко не даютъ достаточнаго понятія о «видномъ (можно сказать даже—виднѣйшемъ) мѣстѣ», какое «занимаютъ въ ряду источниковъ греческой исторіи вещественные памятники». Впрочемъ нѣкоторыя довольно-существенныя (фактическія) «дополненія» къ изложенію этого отдѣла читателя «Введенія» «найдутъ—какъ указывается и въ Предисловіи—въ соотвѣствующихъ мѣстахъ очерка разработки греческой исторіи, гдѣ рѣчь идетъ тоже(?) о раскопкахъ, хотя и съ другой точки зрѣнія» (III).

¹⁾ Т. е. и пословиць вообще, и спеціально пословиць такого типа, какъ *δέξεται καὶ βῆλον Ἀλήτης* или *Μεγαρέων δάκρυα* или *Λοκροὶ τὰς συνθήκας* (подобными *παροιμίαι* пользовались и греческіе историки, между прочимъ и Аристотель въ своихъ *Политіяхъ*). Сюда же относятся и поговорки, высмѣивавшія, наир., обитателей отдѣльныхъ областей Эллады (*Βοιωτῶν ὄς*) или демоновъ отдѣльныхъ демовъ Аттики.

²⁾ Новое (фольклористическое?) направленіе въ изслѣдованіи греческихъ «мѣновъ и сказаній» (Usener, Rohde, Dümmler) не затронуто г. Бузескуломъ даже въ библиографическихъ указаніяхъ.

Хоть также слишкомъ коротко, но уже нѣсколько отчетливѣе трактуются «монеты» (12—13); не совсѣмъ понятно только, какія именно «медали» составляютъ вмѣстѣ съ монетами «особую категорію памятниковъ» (12), и какими именно „точными датами снабжены греческія монеты», благодаря чему «онѣ (по словамъ автора) имѣютъ большое значеніе п для хронологіи» (13).

Слѣдующій отдѣлъ обзора источниковъ (14—23) носитъ малообъщающее заглавіе: «Надписи и другіе документы». Надписямъ здѣсь посвящены всего 8^{1/2} страницъ; но и изъ нихъ почти половина удѣлена на сообщеніе общихъ свѣдѣній объ эпиграфикѣ съ ея исторіей (18—19) и на перечисленіе „сборниковъ надписей“ (19—22); на остальныхъ страницахъ говорится о внѣшней формѣ надписей (14), указывается ихъ „значеніе и содержаніе“ (14—15), перечисляются кое-какія „важнѣйшія надписи“ (16—18), и, сверхъ того, особо (т. е. въ особомъ параграфѣ) выясняются „недостатки надписей какъ источника“ (15—16). Казалось бы, что въ наше время споръ о томъ, — что важнѣе, надписи, или „литературные источники“, такъ же невозможенъ, какъ и споръ XVII-го столѣтія о томъ, — важнѣе-ли монеты, или надписи, или какъ споръ — читать-ли въ книгѣ однѣ четныя, или однѣ нечетныя страницы. Если г. Бувескуль опять поднимаетъ этотъ праздный споръ, рѣшая его, по-видимому, не въ пользу надписей (ср. 504), то объясняется это тѣмъ, что онъ не достаточно полно и отчетливо представляетъ себѣ (и другимъ), какой своеобразной и громадной важности источники, — бьющій живымъ ключемъ, почти не изсякаемый и далеко еще неисчерпаемый, — представляютъ собою греческія надписи. „Самое разнообразное содержаніе надписей“, „обнимающихъ государственную, религіозную и частную жизнь“ (15), почти все безъ остатка г. Бувескуль сводитъ къ понятію о документахъ. Безспорно, громадная масса надписей представляетъ собою именно документы, относящіеся къ области междуна-

¹⁾ Неуловимы тѣ основанія, по какимъ выдѣляются эти «важнѣйшія надписи», какъ непонятно и то, почему „Паросскій мраморъ (поскольку онъ—„скорѣе литературное произведеніе“) составляетъ исключеніе изъ общаго типа надписей“, а „зато типична гортинская надпись“ (17). Говоря объ эпиграфическихъ «древнихъ договорахъ» (42), авторъ цитуетъ лишь „C.J.G. I, 11“ (Michel, 1; трудъ в. *Scala*, *Die Staatsverträge des Altertums*, I, замѣтимъ кстати, не упоминается во „Введеніи“), какъ и „списокъ жрецовъ Поссейдона въ Галикарнасѣ“ (не единственный въ своемъ родѣ изъ числа эпиграфическихъ) цитуется (42) лишь по „C.J.G. II, N 2655“ [Ditt. S^o 608].

роднаго, государственнаго или частнаго¹⁾ права, т. е. или его законодательныхъ нормъ, или его практическаго осуществленія; но уже по своему количеству рядомъ съ этими документальными надписями стоятъ надписи посвятителныя и надгробныя, и если даже и признавать наличность въ этихъ послѣднихъ надписяхъ юридическаго момента, то уже никакъ нельзя сводить къ нему все ихъ значеніе, какъ это рекомендовалъ нѣкогда В. А. Шефферъ²⁾; во всякомъ случаѣ, поскольку въ этихъ послѣднихъ надписяхъ краткія отмѣтки смѣняются или замѣняются цѣлыми *ἐπιγράμματα*, ихъ приходится уже сближать скорѣе съ тѣми—вовсе не такъ уже малочисленными, чтобы считать ихъ «своего рода исключеніями изъ общаго типа» (14³. 17)—надписями, которыя представляютъ собою «литературныя произведенія». Но если по своему существенному содержанію далеко не всѣ надписи имѣютъ значеніе лишь «источника документальнаго и притомъ большею частію официальнаго» (15), то еще болѣе разнообразныя показанія, нежели это ихъ основное содержаніе, даетъ намъ ихъ формальная сторона, т. е. различныя приводимыя въ отдѣльныхъ надписяхъ частности и подробности. Конечно, правъ г. Бузескулъ, когда онъ утверждаетъ, что «многимъ надписи ничего не сообщаютъ, да иногда и не могутъ сообщить по самому свойству эпиграфическаго матеріала», и что «и по отношенію къ надписямъ необходима критика»³⁾; но едва-ли онъ правъ, когда полагаетъ, что «надписи ничего не скажутъ намъ о стремленіяхъ, взглядахъ, идеалахъ общества, о перемѣнахъ въ нихъ, объ умственномъ движеніи»⁴⁾ в даже «о насиліяхъ и правонарушеніяхъ», или

¹⁾ Разумѣется, эти и другія наши дѣленія права, не вполне устойчивыя и теоретически, еще менѣе устойчивы въ примѣненіи къ греческому праву. Видѣвать здѣсь сакральное право (т. е. ставить его вѣдъ государственнаго и частнаго права) едва-ли необходимо.

²⁾ *Филологическое Обозрѣніе*, I, 114 сл.

³⁾ „Надписи могутъ съ намѣреніемъ... представлять дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ; онѣ являются иногда официальною версіею, мало соответствующею дѣйствительности“ (16): эти (вѣрныя) замѣчанія (въ параграфѣ о „недостаткахъ надписей“) не согласованы у г. Бузескула съ замѣчаніемъ (параграфа о „значеніи надписей“), что „надписи чужды той субъективности, которая отличаетъ произведенія историковъ“ (15).

⁴⁾ Неужели ничего не скажутъ намъ о взглядахъ общества хотя бы, напр., *defixionum tabellae* (*atticae* и не *atticae*), или объ умственномъ движеніи—тѣ очень многочисленныя надписи, которыя содержатъ въ себѣ литературныя произведенія или свидѣтельства о литературныхъ произведеніяхъ првенанныхъ (нашей рукописной традиціей) и не признанныхъ гевіевъ?

когда онъ считаетъ надписи «лишенными, такъ сказать, индивидуальности».

Короче говоря, трактованіе надписей въ обзорѣ проф. Бузескула ни въ какомъ отношеніи, за исключеніемъ библиографическаго, не соответствуетъ тому «чрезвычайно важному мѣсту», какое «занимаютъ онѣ среди источниковъ греческой исторіи» (14).

Отъ «каменнаго архива надписей»¹⁾ авторъ переходитъ къ самымъ бѣглымъ замѣчаніямъ о «существовавшихъ въ Греціи рукописныхъ документахъ» (22) и о «сохранившихся въ Египтѣ²⁾ греческихъ папирусахъ» (23), опять-таки отмѣчая лишь «документальный матеріалъ, содержащійся во многихъ изъ этихъ папирусовъ». Впрочемъ, болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о папирусахъ находимъ во второй части Введенія, — гдѣ идетъ рѣчь объ «открытіяхъ 90-хъ годовъ и начала XX в.» (427—438).

6.

Покончивъ на двадцати одной страницѣ съ языкомъ, преданіями, памятниками вещественными, надписями и другими документами, авторъ остальные 272 страницы своего обзора источниковъ посвящаетъ отдѣлу о «литературныхъ произведеніяхъ». «Какъ ни важны—говоритъ онъ—для современнаго историка Греціи вещественные памятники и надписи, все-же главнымъ источникомъ для него являются памятники литературные,—конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. разумѣя не только произведенія поэтическія, но и философскія, историческія и проч.; они даютъ намъ самый богатый и разнообразный матеріалъ» (23—24).

¹⁾ Это выраженіе: „каменный архивъ“ г. Бузескулъ примѣняетъ не только ко всей наличности дошедшихъ до насъ (иногда и не на камнѣ) надписей (ср. 503): „надписи—читаемъ у него (14)—составляютъ какъ-бы каменный музей или архивъ Эллады, и въ нѣкоторыхъ областяхъ ея, напр. въ Атикѣ, каждый городъ (?), почти каждая деревушка (?) имѣла свой подобнаго рода архивъ“. Вѣроятно, тутъ имѣются въ виду уже древнегреческія *τεμεῖον*, обыкновенно представлявшія собою, дѣйствительно, и каменные (не исключительно, впрочемъ, каменные) архивы, и каменные (не исключительно, впрочемъ, каменные) музеи, но уже не надписей, а произведеній искусства, отчасти-же и каменные библіотеки (поскольку вырѣзались на камнѣ не документы, а литературныя произведенія).

²⁾ О весьма важныхъ для историка *volumina Herculaniensia* г. Бузескулъ не упоминаетъ.

Этотъ отдѣлъ обзора авторъ начинаетъ съ «указаній и замѣчаній» о гомерическомъ эпосѣ, Гесіодѣ, о лирикахъ до Пиндара и Бакхилида (включительно), о трагикахъ до Еврипида, о комикахъ до Аристофана (24—34); затѣмъ, «обращаясь къ прозаической литературѣ Греціи», онъ «касается прежде всего произведеній философскихъ и ораторскихъ» — до Аристотеля и до Демосоеена (34—38) и, такъ какъ, «говоря объ источникахъ, слѣдуетъ упомянуть о Гиппократѣ», то упоминаетъ о сочиненіи *περὶ ἀέρων ὀδύτων τόπων*, безусловно приписывая его Гиппократу (39); далѣе онъ «подробнѣе останавливается на историкахъ» (39—290), при чемъ говорить не о собственно-историографическихъ только произведеніяхъ, но также и о мемуарахъ, о политическихъ трактатахъ и памфлетахъ, о философско-риторическихъ и другихъ сочиненіяхъ какъ «историковъ» (Ксенофонта, Плутарха), такъ (иногда) и собственно не историковъ; замыкая собою рядъ историковъ, фигурируютъ, безъ какого-либо общаго (нарицательнаго) наименованія, не только Діогенъ Лаэртскій, Фаворинъ, Аэиней и Эліанъ, Поліэнъ и хронографы, но и Діонъ Хрисостомъ, Стобей, Элій Аристидъ, Лукіанъ (какъ авторъ трактата *πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν*), лексикографы, Фотій и собиратели эсцерптовъ при Константинѣ Багрянородномъ¹⁾; заключается отдѣлъ указаніями и замѣчаніями о «географахъ и путешественникахъ(?)—періэгетахъ» (290—295).

Таково содержаніе и таково распредѣленіе содержанія въ отдѣлѣ о «литературныхъ произведеніяхъ». Очевидно, при этомъ распредѣленіи авторъ руководился отчасти обычной въ исторіяхъ греческой литературы классификаціей литературныхъ произведеній по ихъ родамъ и видамъ, отчасти моментами историческими, или хронологическими, отчасти можетъ-быть даже и „идеями эволюціи“ литературныхъ родовъ и видовъ²⁾, отчасти, наконецъ, и чисто-внѣшними, случайными мотивами³⁾. И это смѣшеніе различныхъ принциповъ сказалось не только на

¹⁾ Авторъ заходитъ здѣсь такимъ образомъ и въ «византийскую эпоху». Онъ касается—но совсѣмъ вскользь—и римской исторической литературы, упоминая о Трогѣ Помпее и Юстинѣ (264), Корнеліи Непотѣ (265), Авлѣ Гелліи (286) и латинской переработкѣ Евсевія (288).

²⁾ Не подъ вліяніемъ-ли этой идеи получились такіе нѣзаконные *termini ante quos* изложеній о различныхъ родахъ литературныхъ произведеній, кромѣ «трудовъ историковъ» и «географовъ и періэгетовъ»,—особенно же объ эпосѣ и лирикахъ?

³⁾ Такъ, изложеніе о псевдо-ксенофонтовой Аэинской Политіи (135—139), хотя „въ настоящее время почти (?) никто не сомнѣвается, за исключеніемъ развѣ Belot (писав-

общей схемѣ изложенія всего этого отдѣла, но и на ходѣ изложенія отдѣльных его параграфовъ—какъ тѣхъ, гдѣ «оставляются въ сторонѣ историки», такъ и тѣхъ, которые посвящены «трудамъ историковъ». Разумѣется, главную роль и тутъ сыграла знакомая намъ теоретическая двойственность, или раздвоенность поставленной себѣ авторомъ задачи, т. е. желаніе его дать одновременно и «обозрѣніе того разнообразнаго матеріала, которымъ въ видѣ источниковъ располагаетъ современная наука по части греческой исторіи», и «очеркъ исторической мысли, страницы изъ исторіи умственной жизни древности»; но несомнѣнно и то, что и самое выполненіе такъ поставленной задачи не только не сглаживало собою, но нерѣдко даже подчеркивало вытекавшія изъ ея двойственности практическія неудобства. Въ результатѣ получилось изложеніе ни историческое, ни систематическое, а лишь отрывочное, эпизодическое—и очень, притомъ неравномѣрное, т. е. «непропорціональное».

На самый существенный пунктъ этой «непропорціональности» указываетъ самъ г. Бузескуль. «Здѣсь не мѣсто—говорить онъ—подробно, систематически обозрѣвать этотъ родъ источниковъ (т. е. литературныя произведенія), такъ какъ это значило бы обозрѣвать едва-ли не всю¹⁾ греческую литературу; я ограничусь краткими указаніями и нѣсколькими замѣчаніями; подробнѣе же остановлюсь лишь на греческихъ историкахъ» (24),—«ибо труды историковъ являются для насъ источникомъ, такъ сказать, вдвойнѣ» (39). Итакъ, относительно «памятниковъ греческой литературы» кромѣ тѣхъ, которые выдѣлены имъ къ качествѣ не то «историковъ», не то «трудовъ историковъ», авторъ ограничивается лишь «краткими указаніями и нѣсколькими замѣчаніями»: какъ нельзя болѣе вѣрно это опредѣленіе тѣхъ свѣдѣній, какія даются о произведеніяхъ не-историковъ или не-историческихъ въ нашемъ обзорѣ.

Таковы, прежде всего, свѣдѣнія о «гомерическомъ эпосѣ», которому, по словамъ г. Бузескула, «мы обязаны знакомствомъ съ такъ назыв. гомерической эпохой и ея бытомъ,²⁾ и, въ связи съ тѣмъ, о «гоме-

шаго въ 1880 г.), въ томъ, что это произведеніе не Ксенофонта^а, а хотя „трактатъ написанъ, повидимому, въ первые годы Пелопоннесской войны“ (136),—заключаетъ собою главу о Ксенофонтѣ; впрочемъ въ этой главѣ ставятся на счетъ Ксенофонту и тѣ трактаты, „относительно принадлежности конхъ Ксенофонту нѣкоторые сомнѣваются“, напр. Πόροι (122. 135); то же видимъ и въ параграфѣ о Μογαλία Плутарха 275—276.)

¹⁾ Почему-же не прямо: всю?

²⁾ Пора было-бы перестать изолировать гомеровскую эпоху.

рическомъ вопросѣ» (24—27). «Краткость указаній» не только совсѣмъ не соотвѣтствуетъ значенію гомеровскихъ поэмъ, какъ источника—мы сказали бы, не по «гомерической эпохѣ», а вообще по древнѣйшей исторіи еллиновъ,—но и обусловливаетъ собою не полную тщательность изложенія. Сложный «гомеровскій вопросъ» излагается здѣсь не только слишкомъ сокращенно, но и слишкомъ упрощенно; какъ показываютъ отчасти и ссылки самого автора на Грота и Эргардта, далеко не вся исторія этого вопроса сводится къ борьбѣ двухъ «лагерей» — «вольфианцевъ и унитаріевъ», «съ теченіемъ времени сдѣлавшихъ» другъ другу «большія уступки». Вѣрное замѣчаніе, что «гомерическій эпосъ является продуктомъ многовѣковаго развитія», почему «въ немъ и отразились черты не одной какой-либо (напр., «гомерической») тѣсно ограниченной эпохи» (27), заслуживало бы разясненія болѣе обстоятельнаго и болѣе точнаго, нежели то, какое дѣлается авторомъ «Введенія», мало считающимся съ тѣмъ, что наши гомеровскія поэмы «развивались», или творились долгое время—какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ своей формѣ, причѣмъ соотношенія между содержаніемъ и формой въ исторіи «развитія» этихъ поэмъ были чрезвычайно сложными и пестрыми¹⁾. Кромѣ того, «оцѣнка гомерическаго эпоса, какъ историческаго источника» только выиграла бы, если бы авторъ не изолировалъ его, т. е. «оцѣнивалъ»—бы его въ связи если не со всѣми остальными источниками нашихъ «знаній о древнѣйшемъ періодѣ греческой исторіи», то по крайней мѣрѣ въ связи съ другими древнѣйшими греческими эпосами.

О нѣкоторыхъ изъ этихъ эпосовъ авторъ упоминаетъ (самымъ бѣглымъ образомъ) лишь въ главѣ о греческой исторіографіи (40); здѣсь же послѣ замѣчаній о гомерическомъ эпосѣ онъ дѣлаетъ «краткія указанія» объ «эпосѣ Гесіода», т. е. только о *Θεογονίᾳ* и *Τροιακῶν* и *ἡμερῶν* (27—28), а затѣмъ переходитъ къ не менѣе краткимъ и бѣднымъ указаніямъ о лирикахъ VII—V в. (28—29). Лирика тутъ имѣетъ для него значеніе лишь постольку, поскольку они касаются «современныхъ имъ событій» (въ томъ числѣ, впрочемъ, и «борьбы классовъ») или даютъ «указанія и намеки на историческія лица и событія или на преданія и мѣны», или «являются свидѣтелями и выразителями того высоко

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что вопросъ о соотношеніи между содержаніемъ и формой, столь существенно-важный для пониманія особенно греческой литературы, и вообще не существуетъ для г. Бузескуда,—какъ не упоминаетъ онъ нигдѣ и труда Nordens, *Die antike Kunstprosa* (1898).

приподнятаго настроенія, того подъема духа, которые обнаружались въ Греціи послѣ торжества надъ персами». Если, такимъ образомъ, на лириковъ авторъ смотритъ съ точки зрѣнія не будущихъ, не возможныхъ вообще, а уже существующихъ налицо общихъ изложеній еллинской исторіи, то съ той же точки зрѣнія и драматическую литературу, т. е. трагедію (29—31) и комедію (31—34), онъ разсматриваетъ не во всемъ ея развитіи, а лишь въ такихъ ея явленіяхъ, какъ трагедіи Эсхила, Софокла и особенно Еврипида и комедіи Аристофана¹⁾. Характерно, что эпосъ послѣ Гесіода, лирика послѣ Пиндара и Бакхилида, трагедія и комедія послѣ Еврипида и Аристофана какъ бы не существуютъ для нашего обзора источниковъ, какъ не существуютъ для него и, напримѣръ, сколіи, эпиграммы, или номы, гимны, диэпирамбы, пѣаны, *Βουκολικά* и другіе столь многочисленные (не всегда, конечно, легко поддающіеся разграниченію) виды еллинской поэзіи²⁾.

Въ томъ же направленіи (т. е. примѣнительно къ наличнымъ изложеніямъ греческой исторіи) нѣсколько суживается и трактованіе о «произведеніяхъ философскихъ (34—36) и ораторскихъ» (36—38), которое тоже доводится лишь до Аристотеля и до Демосѣена.³⁾ Немногимъ шире

¹⁾ „Произведенія трагиковъ“—замѣтимъ кстати—даютъ намъ не только „воспроизведеніе мнестъ и сказаній“, „матеріалъ для характеристики міросозерцанія грековъ, ихъ идеаловъ“ и „указанія на современныя поэту событія и явленія“ (29—30): важна и „die Wahrung des kulturgeschichtlichen Kolorits im griechischen Drama“ (такое заглавіе носятъ полезныя программы *R. Hecht'* а, посвященныя одна Эсхилу и другая Софоклу, Tilsit 1899. 1900). „Персовъ“ Эсхила слѣдовало бы поставить въ связь не съ „Эвменидами“ (30), а съ соотвѣтствующими трагедіями Фриниха съ одной стороны и съ эпосомъ Хирида—съ другой, а также и съ ролью персидскихъ войнъ въ исторіи не только греческой (и греко-римской) литературы, но и греческаго искусства (ср. *F. Koerp, Sage und Geschichte in der griech. Kunst*, 1898). Въ параграфѣ о комедіи—помимо уже элементовъ комедіи, или новой комедіи, или комедіи внѣ Аттики—слѣдовало-бы коснуться и комедіи историко-политической (особенно Евполида). Отсутствуютъ здѣсь, естественно, и указанія на новую (обширную и прекрасную) литературу по исторіи драмы внѣ поднятыхъ или затронутыхъ въ текстѣ вопросовъ.

²⁾ Г. Бузескулъ упоминаетъ, правда, объ „извѣстной эпиграммѣ Симонида въ честь павшихъ при Фермопилахъ“ (28) или „о застольныхъ пѣсняхъ“, поскольку ими „не пренебрегалъ Аристотель въ пол. 'Δθ.' (211); зато онъ не упоминаетъ, напр., даже гомеровскихъ гимновъ.

³⁾ Къ Политикѣ и къ Политіямъ и къ Этикѣ (Никомаховой) еще возвращается впрочемъ г. Бузескулъ въ отдѣлѣ объ историкахъ (153 сл. 216), какъ упоминаетъ онъ тамъ и о сочиненіяхъ Теофраста и Дикеарха (217). При случаѣ касается онъ потомъ и рѣчей Діона Хрисостома, «особенно интереснаго тѣмъ, что у него (только-ли у него?) мы встрѣчаемъ идеи, напоминающія намъ Руссо и Л. Н. Толстого» (285), а также

трактуются «географы и путешественники (?)—періэеты», которыхъ, по словамъ г. Бузескула, «нельзя обойти молчаніемъ при обзорѣ источниковъ греческой исторіи», но которымъ зато онъ и указываетъ въ своемъ обзорѣ мѣсто уже послѣ историковъ и даже послѣ «византійскихъ лексикографовъ» (290—295). И этотъ послѣдній параграфъ отдѣла о литературныхъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ имѣющій въ виду конечно Страбона и Павсанія, оказывается нѣсколько усѣченнымъ снизу, какъ параграфы объ эпикахъ, лирикахъ, трагикахъ, комикахъ, философахъ, ораторахъ являются рѣшительно усѣченными сверху, не говоря уже о болѣе или менѣе свойственной всѣмъ этимъ параграфамъ внутренней урѣзанности, т. е. и неполнотѣ, и нецѣльности.

Эта внѣшняя и внутренняя урѣзанность параграфовъ, посвященныхъ прочимъ видамъ литературныхъ произведеній кромѣ произведеній исторіографическихъ, отчасти конечно обуславливается тѣмъ привилегированнымъ и изолированнымъ положеніемъ, какое въ общей экономіи и въ общей архитектурикѣ этого отдѣла нашего обзора источниковъ (и вмѣстѣ всего обзора) занимаютъ «историки». Слѣдующій примѣръ лучше всего покажетъ, какія отсюда могли проистекать неудобства—и для автора, и для читателей «Введенія». «Произведенія философовъ—читаемъ въ параграфѣ о философахъ—являются нашимъ источникомъ не потому лишь, что служатъ выразителями умственныхъ теченій», но «и въ болѣе прямомъ (?) смыслѣ: они нерѣдко содержатъ фактическія сообщенія и наблюденія надъ историческою жизнью, надъ современнымъ философу порядкомъ; въ нихъ трактуются, напр., вопросы о государствѣ, его цѣли и задачахъ, о его наилучшемъ устройствѣ»; «многія рѣчи ораторовъ—говорятся въ параграфѣ объ ораторахъ—имѣютъ характеръ политическій»; «ораторы нерѣдко были своего рода публицистами того времени»; «нѣкоторыя рѣчи Исократы (только-ли Исократы?) содержатъ въ себѣ историческія указанія», а его «Ареопагитикъ (только-ли *Ἀρεοπαγιτικής*?) показываетъ, какъ смотрѣли на старину въ IV в. въ Афинахъ лица, подобныя (?) Исократу». Мы попадаемъ здѣсь такимъ образомъ въ область той литературы—политическихъ и историко-политическихъ «трактатовъ, памфлетовъ и рѣчей», къ которой нашъ авторъ возвра-

двухъ (афинскихъ) рѣчей Эліа Аристиды (287). Отмѣтимъ еще, что афинскіе эпитафіи, имѣющіе немаловажное значеніе и для пониманія общаго характера афинской исторической традиціи (*E. Meyer, Forsch., II, 220 ff.*), въ обзорѣ г. Бузескула совсѣмъ не упоминаются.

щается ниже—въ главѣ объ историкахъ (151—152; ср. 135—139). „Безъ сомнѣнія,—читаемъ тамъ—историкъ не можетъ игнорировать этотъ родъ произведеній; для него они служатъ важнымъ и любопытнымъ источникомъ“ (151—152). Не стройность лишь изложенія, но и сущность дѣла много бы выиграла, если бы г. Бузескуль удѣлил „этому роду произведеній“ въ своемъ обзорѣ особое мѣсто или, по крайней мѣрѣ, особое вниманіе¹⁾. Справедливо замѣчаетъ онъ, что „самостоятельное значеніе греческая политическая литература получила лишь V в.“ (151), при чемъ, конечно, имѣются въ виду преимущественно Аэины; не менѣе вѣрно его указаніе на „сильный политическій элементъ въ лирикѣ“ (151; ср. 28); „политическій элементъ мы найдемъ—продолжаетъ онъ—и въ произведеніяхъ историковъ, у Геродота и Фукидида“ (151). Но развѣ этотъ „политическій элементъ“ (т. е. интересъ къ политикѣ не только въ ея прошломъ, но и въ ея настоящемъ и будущемъ) не выступаетъ уже и въ эпосѣ (особенно въ гомеровскомъ), затѣмъ въ трагедіи (больше всего, естественно, въ трагедіяхъ Еврипида), наконецъ въ комедіи, о которой самъ г. Бузескуль говоритъ, что „греческая (аттическая?) комедія V-го вѣка была комедіей по преимуществу политической“ (32)? Развѣ не былъ замѣтенъ этотъ „политическій элементъ“ и въ философіи, особенно поскольку она переходила въ софистику или разрѣшалась въ реторику,—еще раньше чѣмъ стали появляться уже специально-политическіе трактаты и рѣчи? И если историки (и не только конечно Геродотъ и Фукидидъ) интересовались, наряду съ политической исторіей, и политической практикой и даже политической теоріей, то и политическіе писатели²⁾ въ свою очередь, пользовались исторіей³⁾—конечно чаще всего такъ, какъ пользовались ею, по наблюденію Аристотеля (Росц. 1451 b.), трагики, т. е. искажая ее въ своихъ цѣляхъ, по своему усмотрѣнію,—такъ-сказать

¹⁾ Для г. Бузескула не существуетъ (если не считать его—совершенно смѣшивающаго всѣ понятія—замѣчанія объ открытомъ Эд. Мейеромъ у Ефора памфлетѣ царя Павсанія, 153) не-аэинская, или внѣаэинская (по своему происхожденію и содержанию) и послѣаристотелевская (кромя Теофраста и Дивварка) политическая литература.

²⁾ Политическіе мыслители, мечтатели, публицисты, памфлетисты, авторы политическихъ комедій и романовъ (ср. 132—о Виропедіи Ксенофонта).

³⁾ Въ этой области встрѣчаемся мы даже—въ Политикѣ Аристотеля (Платонъ, хотя и пользовался историческимъ методомъ въ своихъ политико-соціальныхъ построеніяхъ, но слишкомъ презиралъ „исторію“, ср. Schmid, *N. Jahrb.* CXLV, 88)—почти можно-сказать съ отождествленіемъ не только политикѣ, но и тогдашней социологіи съ исторіей.

заднимъ числомъ оправдывая свои теоріи болѣе или менѣе мнимою историческою практикою. Этой своей стороною собственно-политическая литература дѣйствительно соприкасается съ исторіографіей,—можно сказать даже, входитъ въ ея область,—какъ другими, и болѣе существенными, своими сторонами она соприкасается и съ эпосомъ, и съ лирикой, и съ драмой, и съ философіей, и съ риторикой, и даже съ «технической»¹⁾ литературой. И если авторъ обзора источниковъ не могъ не затронуть ея въ главѣ о произведеніяхъ философскихъ и ораторскихъ, какъ не могъ не затронуть ея и въ главѣ о произведеніяхъ исторіографическихъ,—то въ каждомъ изъ этихъ обоихъ случаевъ политическая литература подлежала бы разсмотрѣнію уже съ существенно-различныхъ точекъ зрѣнія; въ обзорѣ-же г. Бузескула эти точки зрѣнія не различаются,—въ чемъ можно видѣть новое доказательство недостаточной отчетливости изложенія и вообще отдѣла о «литературныхъ произведеніяхъ», и специально—главы объ «историкахъ».

7.

Въ этой главѣ объ «историкахъ» авторъ, какъ мы видѣли, хотѣлъ дать не только свѣдѣнія объ отдѣльныхъ «трудахъ историковъ» (въ хронологическомъ порядкѣ), но и цѣльный очеркъ исторіи «исторической мысли», «насколько она проявилась въ древности». Онъ и начинаетъ эту главу съ разсмотрѣнія «элементовъ начальной греческой исторіографіи» (40—42). «Эпосъ, преимущественно гесіодовъ, генеалогическій, и списки и записи, *ἀναγραφαί*—вотъ два главные элемента, изъ которыхъ развилась греческая исторіографія, въ ея первоначальной формѣ; къ нимъ затѣмъ нужно присоединить устныя, большею частью мѣстныя, преданія и свѣдѣнія или наблюденія, являвшіяся результатомъ путешествій»,—такъ резюмируетъ свое разсмотрѣніе «элементовъ» исторіографіи г. Бузескуль. Но «устныя преданія и свѣдѣнія, являвшіяся результатомъ путешествій», едва-ли слѣдуетъ въ этомъ случаѣ лишь «присоединять» къ «эпосу и спискамъ и записямъ»,—потому что вѣдь и эпосъ разрабатывалъ—конечно посвоему—эти «преданія» и эти «свѣдѣнія»; какъ эпосъ съ одной стороны и «устныя преданія» и «свѣдѣнія» (о землѣ и о людяхъ) съ другой являются, въ данномъ случаѣ, величинами не со-

¹⁾ Ср. *Gomperz, Griech. Denker, I, 310 ff.*—*Espinass, Les origines de la Technologie, 165 et suiv.*

измѣримыми, такъ величинами различнаго порядка являются „списки“, т. е. списки „побѣдителей, высшихъ сановниковъ (?), жрецовъ и проч.“, „записи“, т. е. „мѣстные записи или хроники“, и наконецъ „древніе договоры и законы, записанные на камнѣ и тому подобномъ матеріалѣ, принадлежащіе къ категоріи надписей (?“), о которыхъ здѣсь „не говорить“, т. е. говорить г. Бузескуль. Можно, разумѣется, представлять себѣ дѣло такъ, что греческая историографія вышла изъ эпоса съ одной стороны и изъ каталоговъ эпонимовъ съ другой¹⁾, причемъ первые историки (логографы) примыкаютъ—не къ „гесіодову“, конечно, а къ гесіодовскому (или, если угодно, гесіодическому) эпосу; что же касается до „устныхъ преданій“ или „свѣдѣній, являвшихся результатомъ путешествій“, то, конечно, и ими пользовались историки, такъ же, какъ пользовались они иногда и „договорами и законами“,—или какъ пользовались они, напр., и посвятельными надписями, или поэтами, не только эпическими, но и лирическими (или трудами своихъ предшественниковъ по работѣ); эти ихъ источники можно, если угодно, тоже называть элементами историографіи; только это будутъ элементы совсѣмъ уже другого порядка, нежели эпосъ и „списки“. Относительно же „мѣстныхъ записей или хроникъ“ является—кажется, болѣе чѣмъ законное—сомнѣніе, не слѣдуетъ-ли считать ихъ не элементами, а просто продуктами историографіи; вопросъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ-бы гораздо болѣе пристальнаго разсмотрѣнія, нежели то, какое удѣлилъ ему авторъ въ разныхъ мѣстахъ своего обзора источниковъ.²⁾

Такимъ образомъ, элементы греческой историографіи „въ начальной стадіи ея развитія“ (т. е. въ стадіи логографіи), такъ или иначе, прямо отмѣчаются авторомъ. Но о дальнѣйшихъ стадіяхъ этого развитія мы не находимъ уже сколько-нибудь цѣльныхъ трактованій, и кто хотѣлъ бы при помощи обзора г. Бузескула слѣдить за теченіями „исторической мысли древности“, за „движеніемъ, происходившимъ въ этой

¹⁾ Такъ, повиднмому, представлялъ себѣ дѣло еще авторъ платоновскаго *Ἱππίας μετ' ὧν*, 285 D sq.

²⁾ (42. 49. 149—151. 193—201. 217. 219. 224. 434—436). Эта „локальная традиція“ разработана, вѣра, еще не достаточно (*Wilamowitz-Möllendorff*, *Aristoteles und Athen*, II, 17 ff. I, 260 ff.; *Vogt* въ *N. Jahrb. Suppl.* XXVII, 3); весьма важныя матеріалы для уясненія ея характера даютъ и надписи (*Dittenb.*³ 259. 492. 671. 721. 722; *Michel*, 36. 65. 66. 206. 296; *SGDJ* 2724 ff.; *Gr. Inscr. Br. Mus.* 403. 409; *BCH.* XIII, 250; *JPE.* I 184; *CJGP* 1153), особенно недавно найденная надпись паросская (*Ath. Mitt.* XXV, 1 ff.).

области¹⁾, долженъ много потратить усилий, чтобы добраться до отдѣльныхъ уже указаній на этотъ счетъ, попутно высказываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ обзора. «Связь, напримѣръ, историографіи съ эпосомъ» не опредѣляется только тѣмъ, что «произведенія логографовъ имѣютъ много общаго съ эпосомъ, который служилъ для нихъ образцомъ», и если они «ближе примыкаютъ къ эпосу гесиодову (т. е. гесиодовскому), нежели гомерическому», — то не потому, конечно, что «мины и саги, генеалогіи и т. под. занимаютъ въ нихъ видное мѣсто» (44), а потому, что для логографовъ, вообще говоря, не существовало гомеровскаго единства дѣйствія¹⁾, что полнота знанія и для нихъ замѣняла собою его цѣльность²⁾, — тогда какъ «отецъ исторіи» «ближе стоитъ къ Гомеру» (52) именно потому, что возвращается опять къ «единству главной темы» (52), т. е. къ гомеровскому единству дѣйствія; и то же единство дѣйствія мы видимъ и въ исторіи Фукидида. Но «тема Фукидида несравненно уже и не такъ сложна», какъ тема Геродота (80), и, соотвѣтственно этому «ограниченію горизонта» (79), «разница» между Фукидидомъ и Геродотомъ оказывается «едва-ли» не «большей», нежели «между Геродотомъ и его предшественниками» (52) — въ томъ числѣ и Гекатеемъ, — въ томъ именно слыслѣ, что Фукидидъ «положилъ начало исторіи какъ наукѣ» (80), такъ какъ у него критическое отношеніе къ традиціи — сказывавшееся и раньше (особенно у Гекатея и Геродота), но случайно, не систематично, часто даже наивно³⁾ — рѣшительно одерживаетъ верхъ надъ рапсодической передачею дѣяній, — такъ что спустя два поколѣнія поднимается даже⁴⁾ теоретическій споръ о томъ, что вообще поучительнѣе — исторія или поэзія, споръ любопытный не только потому, что исторія здѣсь противопоставлялась уже поэзій, но и потому, что спорившіе (или примкнувшіе къ этому спору) не могли не исходить изъ того или иного опредѣленія содержанія исторіи: это содержаніе рѣшительно сводилось къ отдѣльнымъ дѣяніямъ и рѣчамъ⁵⁾; единству дѣй-

¹⁾ Ср. Aristot. *Poet.* 1451 a.

²⁾ Именно за то, что они растерялись въ этой массѣ своихъ свѣдѣній, не знали, какъ спаять ихъ, порицаетъ этихъ *συγγραφαις* Діонисій Галикарнасскій (44), противопоставляя имъ Геродота.

³⁾ Относительно „раціонализма“ у Геродота (62—63) г. Бузескуль напрасно, кажется, не воспользовался разъясненіями и ограниченіями *E. Meyer'a*, *Forsch.* II, 252 ff.

⁴⁾ Прежде всего, конечно, Аристотель (*Poet.* 1457a sq.) и поднавшій брошенную имъ перчатку Поливій (II, 56, 10 sq.).

⁵⁾ Рѣчь, т. е. ея произнесеніе, есть въ сущности такой же актъ и фактъ, какъ и дѣланіе; этихъ средствомъ и пользовались античные историки, чтобы объяснять дѣя-

ствія ни теоретически, ни практически оиать не придавалось уже важнаго значенія ни въ монографическихъ, ни въ «всеобщихъ», или «универсальныхъ» изложеніяхъ греческой исторіи¹⁾),—пока въ «величайшемъ созданіи Судьбы» (ср. 235)—въ римской державѣ не указанъ былъ Поливіемъ (227. 232 сл.) центральный пунктъ, вокругъ котораго могли бы теперь группироваться важнѣйшіе факты исторіи, но уже не всегреческой, а всемірной исторіи (т. е. исторіи грекоримской культурной сферы); но и этимъ указаніемъ Поливія почти не воспользовались послѣдующіе историки; впрочемъ и онъ самъ воспользовался этимъ своимъ центральнымъ пунктомъ уже гораздо болѣе внѣшнимъ образомъ, нежели Геродотъ своей борьбой еллинскаго Запада съ варварскимъ Востокомъ.

Но если въ лицѣ Фукидида историографія отрѣшилась отъ поэзіи,—то отрѣшилась не во всемъ, а главное—не на всегда. Въ общей экономіи греческой литературы преобладаніе поэзіи смѣняется преобладаніемъ риторики, и можно сказать даже—поэзія въ общемъ своемъ значеніи разрѣшается въ риторику²⁾); естественно, что и въ историографію, послѣ Фу-

нія (т. е. ихъ мотивы, обстановку, иногда и результаты) не нарушая хронологической нити своего рассказа. Этотъ приемъ влгать рѣчи въ уста героевъ повѣствованій наслѣдовала историографія отъ эпоса (посредствующимъ звеномъ между эпосомъ, особенно гомеровскимъ, и Фукидидомъ, у котораго рѣчи составлены уже по всѣмъ правиламъ расцвѣтаго къ тому времени ораторскаго искусства, былъ Геродотъ). По Поливію (XII, 25а) рѣчи суть *σχεδόν ὡς εἰ κερφάλαια τῶν πράξεων* (эти слова Поливія упу-скаеть изъ виду г. Бузескула, когда говоритъ о рѣчахъ въ его исторіи, 245—246). Что касается до „дѣяній“ вообще, къ которымъ сводили исторію античные писатели, то напрасно не считаются обыкновенно съ тѣмъ, что это не были исключительно военныя или политическія дѣянія, но также и дѣянія культурныя: и мѣны, легенды, новеллы, анекдоты, и эпосъ (особенно гомеровскій), и Геродотъ, и логографы, и мѣстные историки (напр. атендографы, или вновь открытый—въ надписи *At. M. XXV, 1 ff.*—паросскій историкъ *Δημίας*, или вновь открытый Анонимусъ *Argentiniensis*), и Теопомпъ, и Тимей, не говоря уже о монографической литературѣ, явившейся въ результатъ раздѣленія историографическаго труда (особенно со времени Аристотеля,—хотя это раздѣленіе началось еще въ V в.), вовлекають въ сферу своихъ повѣствованій „дѣянія“ (въ частности *εὐρήματα*) не изъ области только войны и политики, а также и изъ области культа, литературы, искусства, науки (философіи); особенно характерно въ этомъ отношеніи *Magnum Patium*.

¹⁾ Разсужденія г. Бузескула объ „универсальности“ исторій Ефора и Теопомпа, особенно поскольбу они касаются сравненія Ефора съ Геродотомъ и Поливіемъ (141 сл. 227), не отличаются, кажется, особенной отчетливостію.

²⁾ Ср. особенно *Norden, Die antike Kunstprosa, I, 30 ff. 73 ff.* Съ этимъ можно поставить въ связь и „стремленіе“ Дурнда (219) или Филарха (223), а также и другихъ историковъ (напр., по отзывамъ древнихъ критиковъ—Ктесія) „къ изобразительности и занимательности,—къ чувствительнымъ или трагическимъ сценамъ“.

кидида и Ксенофонта, «проникаетъ риторическое направленіе» (141), которому и подчиняется, въ той или иной мѣрѣ, большинство греческихъ (а за ними и римскихъ и греко-римскихъ) историковъ¹⁾. Но рядомъ съ поэзіей, разрѣшавшейся въ риторику, выдвигается и нехудожественная проза, «дѣловая рѣчь», между прочимъ и «съ цифрами или именами» (41), и, соотвѣтственно этому, въ историографіи, наряду съ художественнымъ моментомъ, заявляетъ себя и моментъ научный²⁾; цѣлый рядъ «историческихъ произведеній» — какъ, повидимому, труды Дамаста (139)³⁾, или «мѣстныхъ историковъ», въ томъ числѣ атѣидографовъ, (149—151) — даетъ уже не возможно-цѣльныя, а возможно-полныя, «сухія, фактическія, безъ риторическихъ прикрасъ» (150) изложенія исторіи, или исторій и біографій, и отчасти къ этимъ труженикамъ исторической науки примыкаетъ въ своихъ историческихъ штудіяхъ и Аристотель со своими учениками (157 сл. 216 сл.).

Но и въ этой художественной, и въ этой ученой историографіи если не все содержаніе, то существенное содержаніе исторіи сводится опять-таки лишь къ дѣяніямъ, лишь къ тому, что виднѣлось на поверхности исторической жизни⁴⁾; и если историки и уклонялись иногда въ сторону отъ этой своей ближайшей задачи — излагать лишь видныя дѣянія, то уклоненія эти являлись обыкновенно какими-то «экскурсами» (если не подстрочными примѣчаніями), какими-то неорганическими придатками къ основнымъ схемамъ ихъ повѣствованій. Однако въ этихъ уклоненіяхъ, еще больше, нежели въ выборѣ (или подборѣ) и трактованіи отдѣльныхъ фактовъ, сказывалось сознаніе важнаго, широкаго и общаго значенія исторіи, сказывалась своего рода философія исторіи, — и мы можемъ отчасти прослѣдить, какъ мѣнялся объемъ этого историческаго любопытства, этой исторической любознательности. Мы

¹⁾ Недаромъ ведутся потомъ нескончаемые споры о томъ, какимъ стилемъ должна писаться исторія.

²⁾ Само собою разумѣется, что моменты эти могли заявлять себя или совмѣстно (въ одномъ и томъ же произведеніи), или раздѣльно.

³⁾ Рядомъ съ Дамастомъ (139) слѣдовало-бы упомянуть и Главка Регійскаго.

⁴⁾ Вопросы тогдашней критики историческихъ сочиненій сводятся лишь къ тому, въ достаточномъ-ли количествѣ и въ достаточно-ли провѣренномъ видѣ излагаются эти „дѣянія“, и какъ они излагаются, т. е. не слишкомъ-ли сухо, или не слишкомъ-ли ярко (съ излпшними драматическими эффектами); поучительность же исторіи сводится къ положенію, что она есть „философія въ примѣрахъ“. Неудивительно, что въ исторіи стали потомъ видѣть (ср. Sext. Emp. adv. gram. I, 12) ἄληθινὰ ἀμείβοτον, ἀμείβοτον παράπτωμα.

видимъ, напримѣръ, какъ въ художественной историографіи, на смѣну интересу къ «землѣ и людямъ» вообще (44 сл. 57 сл.), является интересъ къ политической (отчасти и политико-соціальной) жизни (ср. 63. 95. 122. 144 сл.), уступая потомъ свое мѣсто интересу къ вопросамъ политикоэтическимъ или даже чисто-этическимъ (ср. 236 сл.), и отчасти опять интересу къ землѣ и людямъ (221 сл. 238 сл. 263. 267. 290 сл.); мы видимъ, какъ ученая историографія кромѣ видныхъ дѣяній начинаетъ косвенно интересоваться уже и бытовой стороной историческаго процесса, и если уже въ Атеидахъ, по (не совсѣмъ счастливому) выраженію г. Бузескула, «преобладаетъ историко-антикварный элементъ» (151), то со времени Аристотеля этотъ «большой интересъ» къ собственно «антикварнымъ» уже «исслѣдованіямъ» (216) «обнаруживается» и въ спеціальныхъ работахъ¹⁾, причѣмъ интересъ этотъ подхватывается потомъ и античными филологами (критиками или грамматиками), поскольку въ своихъ схоліяхъ и лексиконахъ²⁾ они сопоставляютъ наряду съ другимъ важнымъ для пониманія классическихъ произведеній греческой литературы матеріаломъ—и матеріалъ антикварный. Въ связь съ этими писателями о «древностяхъ» могли бы быть поставлены и періегеты,—какъ съ другой стороны они естественно стоятъ въ связи и съ географами, которые также, въ свою очередь, связываютъ ихъ собою съ историками (290).

Подъ такими приблизительно углами зрѣнія могли бы сводиться въ болѣе цѣльную картину или картины широко (хотя и скудно) разбросанныя по двумъ съ половиной сотнямъ страницъ нашего обзора источниковъ отдѣльными болѣе-общія замѣчанія о «движеніи исторической мысли въ древности». Въ противоположность проф. Бузескулу мы (какъ говорили выше) считаемъ законнымъ споръ о томъ, насколько необходимы, насколько достижимы эти цѣльныя картины собственно въ обзорѣ источниковъ; но въ его обзорѣ этихъ цѣльныхъ картинъ мы, во

¹⁾ Напримѣръ, изъ числа упомянутыхъ у г. Бузескула—Феофрастъ, Дикеархъ (217), Клеархъ (218), Сосибій (224), Александръ Полигисторъ, Дидимъ (225), Гелиодоръ (292), Полемонъ (293).

²⁾ О схоліяхъ г. Бузескулъ сообщаетъ только (не дѣлая даже никакихъ библиографическихъ указаній), что «немало цѣнныхъ извѣстій находится въ схоліяхъ, напр., къ Аристофану» (289); о лексиконахъ онъ трактуетъ также болѣе чѣмъ бѣгло, указывая лишь монографію Stojentin'a о Поллуксѣ (289—290), но не указывая ни изслѣдованій Wentzel'a или Reitzenstein'a, ни даже Лексикографіи Cohn'a (въ Jw. Müllers Handb. d. kl. Alt.-W. II, 1²).

всякомъ случаѣ, не находимъ. Въ своемъ очеркѣ античной историографіи г. Бузескулъ въ сущности усвоилъ себѣ обычную ей схему изложенія: какъ-бы по цicerоновскому рецепту (de orat. II, 62) всю ехаедificatio этого своего очерка онъ сводитъ лишь къ отдѣльнымъ *res* и отчасти къ *verba* (т. е. къ самымъ трудамъ и отчасти къ прямымъ заявленіямъ) историковъ, причемъ *regum ratio*, естественно, *ordinem temporum desiderat*; а когда рѣчь заходитъ о трудахъ историковъ выдающихся *fama ac nomine*, то присоединяются и разъясненія *de cuiusque vita atque natura*, какъ присоединяются иногда и *regionum descriptiones*,— напр. трактованіе объ эпосѣ, въ сосѣдствѣ съ которымъ приходится дѣйствовать логографамъ, или о политической литературѣ, на фонѣ которой выступаетъ аристотелева *политеія* 'Αθηναίων.

Но именно такая схема изложенія,—хотя она одинаково шла въ разрѣзъ и съ желаніемъ автора дать «справочную книгу», и съ желаніемъ дать «главы изъ исторіи нашей науки»,—лучше всего обезпечивала собою одно драгоценное качество нашего обозрѣнія греческой историографіи, именно—его объективность и вмѣстѣ фактичность; благодаря той же нецѣльности (и вмѣстѣ неравномѣрности или непропорціональности) въ составѣ этого обозрѣнія оказались обстоятельнѣйшія, вполне стоящія на высотѣ современной научной литературы монографіи о наиболѣе выдающихся *fama ac nomine* греческихъ историкахъ—Геродотъ (51—78), Фукидидъ (78—120), Ксенофонтъ (120—135), Полибій (226—262), Діодоръ Сицилійскомъ (265—273), Плутархъ (273—284) и особенно объ Аристотелѣ, какъ объ авторѣ «очерка исторіи аѳинскаго строя» въ 'Αθηναίων *политеія* (153—216); замѣтимъ кстати, что эта 'Αθηναίων *политеія* (точнѣе—ея «историческая» часть) вообще слишкомъ уже доминируетъ не только здѣсь, но и почти на всемъ протяженіи «Введенія».

8.

Тотъ же цicerоновскій рецептъ, о которомъ мы только что упоминали, опредѣляетъ собою и изложеніе второй части «Введенія», т. е. «обозрѣнія пособій, или, точнѣе, очерка разработки греческой исторіи въ новое время». Тѣми *res*, какія здѣсь подлежали разсмотрѣнію, были не только изслѣдованія и изложенія самой древне-греческой исторіи, но и «открытія», т. е. «раскопки» и находки, а также опубликованія и ближайшія обслѣдованія «новаго матеріала», т. е. новыхъ источниковъ

этой исторіи; объ обѣихъ этихъ группахъ *genim* и повѣствуетъ г. Бузескуль, придерживаясь того же *ordo temporum* и останавливаясь на *vitae t̄h̄x̄ hominum*, которымъ принадлежать здѣсь *ges magnaе metoіаque dignae*.¹⁾ «При распредѣленіи на главы и на періоды—жалуется онъ въ Предисловіи—встрѣчались неизбѣжныя затрудненія: иногда приходилось ради удобства приурочивать къ одному какому-либо періоду обзоръ трудовъ ученаго, дѣятельность котораго въ дѣйствительности относилась не къ одному, а къ нѣсколькимъ періодамъ» (IV—V)²⁾; эти затрудненія, дѣйствительно, были «неизбѣжны»,—поскольку авторъ, доведя свой очеркъ разработки греческой исторіи «до 60-хъ годовъ» XIX в., дальнѣйшій ходъ этой разработки подѣлилъ уже на внѣшне-хронологическіе «періоды», одинъ—обнимающій собою «70-е и 80-е годы», и другой—«новѣйшій», обнимающій собою «90-е годы и начало XX в.».

Вообще «очеркъ разработки греческой исторіи въ новое время» имѣетъ тѣ же недостатки, что и посвященная «историкамъ» глава обзора источниковъ; не представляя собою достаточно цѣльной картины «исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи», онъ недостаточно устанавливаетъ внутреннюю связь отдѣльных трудовъ по изученію этой исторіи—какъ между собою, такъ и съ «исторіей умственной жизни» вообще; нѣкоторой рекомпенсацией этой недостаточной цѣльности очерка является, впрочемъ, присоединенное къ нему «заключеніе», въ которомъ авторъ «подводитъ, такъ сказать, итогъ,—резюмируетъ сказанное и характеризуетъ современное научное движеніе въ области греческой исторіи» (502—514). Отчасти въ связи съ этой недостаточной цѣльностью очерка стоитъ и его неравномѣрность или непропорціональность: на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ или «открытіяхъ» очеркъ «останавливается» очень «подробно», о другихъ—даются слишкомъ уже краткія—иногда даже и слишкомъ блѣдныя—указанія³⁾,—при

¹⁾ Особенно подробны біографическія свѣдѣнія о Бекѣ (305—313), К. О. Миллерѣ (315—319), Гротѣ (327—336), Курціусѣ (339—345), Куторгѣ (357—360), Шляманѣ (371—381).

²⁾ Иногда г. Бузескуль, наоборотъ, разносилъ дѣятельность одного ученаго (напр., Дункера, какъ автора *Geschichte des Alterthums*, или Бузольта) по «нѣсколькимъ періодамъ» (345 сл. и 404 сл.; 417 сл. и 457 сл.).

³⁾ Приведемъ нѣсколько болѣе мелкихъ примѣровъ. „На мѣстѣ храма Геры Аргосской Американскою школою предприняты были раскопки въ 1892(?) г. Въ Калаврин производили раскопки шведы. Hiller изслѣдовалъ о. Оеру... На о. Паросѣ найденъ новый отрывокъ его(?) хроникъ“. (454—455). „Въ изданіи Геракла Еврипида (Виламовица) мы находимъ введеніе (гдѣ Виламовицъ касается пеласговъ, переселе-

чемъ не всегда объемъ изложенія оказывается прямо пропорціональнымъ важности излагаемаго. Съ этой же точки зрѣнія можно отмѣтить еще одну особенность «очерка»: въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ произведеній научной литературы, особенно поскольку оцѣнка эта производится при посредствѣ конкретныхъ примѣровъ, чрезвычайно многообразное и разнообразное содержаніе греческой исторіи очень послѣдовательно (и потому очень замѣтно) сводится къ отдѣльнымъ ея вопросамъ; впрочемъ тѣ же вопросы—хотя и не такъ послѣдовательно, зато въ одномъ по крайней мѣрѣ (уже отмѣченномъ нами) случаѣ слишкомъ рѣзко—выдвигаются на первый планъ и въ обзорѣ источниковъ: быть-можетъ не будетъ большой нескромностью замѣтить, что въ этихъ случаяхъ мы обыкновенно имѣемъ дѣло съ вопросами, которые особенно близки нашему автору—потому что въ свое время были имъ разработаны или изложены монографически. Это послѣднее обстоятельство, конечно, повышаетъ научную правоспособность соответствующихъ страницъ «Введенія», и вопросы, выступающіе такимъ путемъ на первый планъ, несомнѣнно, принадлежатъ къ числу не только виднѣйшихъ, но и важнѣйшихъ вопросовъ древне-греческой исторіи; но такъ какъ принадлежность этихъ вопросовъ къ числу важнѣйшихъ не опредѣляетъ еще собою ихъ исключительной важности, то ту видную роль, какая имъ отводится во «Введеніи», приходится объяснять лишь изъ случайныхъ, чисто-субъективныхъ авторскихъ соображеній, въ этомъ (и можетъ-быть только въ этомъ) пунктѣ нарушающихъ, такимъ образомъ, не только уже дѣльность, но и объективность «Введенія».

Но если «очеркъ разработки греческой исторіи» имѣетъ, такимъ образомъ, тѣ же недостатки диспозиціи, что и посвященная «истори-

ній и вторженія дорянъ), греческій текстъ, переводъ и обширный комментарий“ (486). „Роде принадлежатъ два замѣчательныхъ труда; первый важенъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи романа вообще, и едва-ли нужно распространяться объ интересѣ этой темы; второй интересенъ не только для историка или филолога-классика, но и для этнолога и психолога“ (489). „Исторія греч. и макед. государствъ Nieze входитъ въ составъ той же коллекціи, къ которой принадлежитъ и Греческая исторія Бузольта, и отличается подобнымъ же характеромъ, т. е. съ сжатымъ текстомъ и многочисленными примѣчаніями“ (490). „Paulus Real-Encyclopädie, издаваемая въ переработкѣ п. ред. Wisowa, представляетъ, такъ сказать, кодификацію современныхъ свѣдѣній по классической древности“ (491). „Даже во многихъ отношеніяхъ замѣчательная Weltgeschichte Л. Ранке, при всей своей оригинальности, имѣетъ крупные пробѣлы и недостатки и притомъ написана до открытія Аѳинской Политіи Аристотеля“. (496).

камъ» глава обзора источниковъ, то само собою разумѣется, что онъ имѣетъ и общія съ той главою—и отчасти также обусловливаемыя этими недостатками—достоинства. Такъ, теряя въ своей цѣльности, онъ выигрываетъ въ общей объективности своего содержания, а также въ ясности и общедоступности своего изложенія; не преслѣдующая строгой пропорціональности частей архитекtonика даетъ возможность автору тѣмъ обстоятельнѣе изложить отдѣльныя—по той или другой причинѣ привлечшія его особенное вниманіе—явленія въ области разработки греческой исторіи; таковы, напр., параграфы, посвященные Бѣку (304—314), Дройзену (321—326), Гроту (327—336), Курціусу (338—345), Дункеру (345—349. 404—407), Фюстель де Куланжу (349—356), Куторгѣ (357—362), Шлиману (371—382), Шварцу (407—411), Гольму (411—417), «открытіямъ 90-хъ годовъ и начала XX вѣка» (427—457), Белоху (463—468) и Эд. Мейеру (468—477).

9.

Слишкомъ много времени удѣливъ первой—важнѣйшей по содержанию—части «Введенія», я вынужденъ относительно этой второй его части ограничиться, кромѣ сдѣланныхъ болѣе-общихъ, еще лишь самыми немногими болѣе-частными замѣчаніями, ближайшимъ образомъ имѣя въ виду «заключеніе» автора, гдѣ онъ «подводитъ итогъ, резюмируетъ сказанное, характеризуетъ въ общихъ чертахъ современное научное движеніе въ области древне-греческой исторіи».

«Первое, что—по словамъ г. Бузескула—характеризуетъ современное движеніе въ изученіи греческой исторіи, есть именно чрезвычайный ростъ матеріала, открытіе новыхъ данныхъ» (502 сл.); точнѣ было бы сказать, что «открытіе новыхъ данныхъ» характеризуетъ все, а не «современное» только «движеніе», но что не только «ростъ матеріала», но и вниманіе къ матеріалу «за послѣднія лѣтъ тридцать» опять становится чрезвычайнымъ, причемъ однако едва-ли можетъ идти рѣчь о смѣнѣ «эпохи эпиграфики (70-е и 80-е годы)» «эпохою папирологіи (90-е годы XIX и начало XX вѣка)», или о «заступленіи послѣднею мѣста эпиграфика» (427—428).

«Но не только—продолжаетъ г. Бузескуль—чрезвычайно возросъ матеріалъ по греческой исторіи; измѣнилось и самое отношеніе къ ма-

теріалу. Во-первыхъ, между тѣмъ какъ прежде исторію Греціи излагали, основываясь почти исключительно на древнихъ авторахъ, теперь первое мѣсто нерѣдко отводится надписямъ и—въ послѣднее время—папирусамъ; «увлеченіе эпиграфическимъ матеріаломъ заходитъ иногда слишкомъ далеко, и изъ-за этого матеріала слишкомъ пренебрегаются источники литературные» (504). Намъ не совсѣмъ понятно, какіе именно факты имѣетъ здѣсь въ виду авторъ: общія изложенія греческой исторіи доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, если и склонны чѣмъ пренебрегать, то скорѣе уже эпиграфическимъ матеріаломъ, нежели литературными источниками ¹⁾; если же въ монографической литературѣ «первое мѣсто нерѣдко отводится надписямъ» или даже «папирусамъ», то это съ одной стороны касается лишь «роста матеріала», а не «отношенія къ матеріалу» историковъ, а съ другой стороны—обусловливается самими темами отдѣльныхъ монографій. Нѣсколько прямолинейно и замѣчаніе автора, что «такимъ образомъ исторія Греціи получила характеръ документальный» ²⁾—какъ будто бы нѣтъ документовъ внѣ надписей и папирусовъ, и нѣтъ надписей и папирусовъ внѣ документовъ ³⁾.

«Измѣнился въ послѣднее время—читаемъ далѣе—и взглядъ на древнихъ авторовъ. Въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ господствовала Einquellentheorie; въ настоящее время она можетъ считаться уже оставленною, какъ совершенно невѣрная по отношенію къ древнимъ ав-

¹⁾ Самъ г. Бузескулъ замѣчаетъ о Гольмѣ (для котораго „данныя нумизматики, на-ряду съ топографіей, одна изъ главныхъ основъ“), что онъ „сравнительно мало пользуется данными эпиграфики“, что „главнымъ источникомъ для него служили все-же произведенія греческихъ историковъ“ (413).

²⁾ Сравненіе этой „перемѣны въ разработкѣ исторіи Греціи“ съ той „перемѣной, какая произошла въ разработкѣ новой исторіи гораздо раньше, еще въ 20-хъ годахъ XIX ст.“, когда „ислѣдователи новой исторіи обратились къ наполненнымъ бумагами архивамъ, подобно тому, какъ новѣйшіе историки Греціи обращаются къ каменному архиву Эллады“ (504), при всей своей заманчивости, относится, кажется, къ категоріи тѣхъ сравненій, о которыхъ сказано: *comparaison n'est pas raison*. Въдѣ „сдѣлавшая эпоху, стоящая въ связи съ работами надъ *Congr. Insscr. Graec.* монографія Бека о государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ, для которой главный матеріалъ дали надписи,—вышла въ свѣтъ еще въ 1817 г.“ (307—311), а въ 20-хъ годахъ XIX ст. „ислѣдователь новой исторіи“ напалъ (не въ архивъ, а въ библиотекѣ) на такіа „бумаги“ (венеціанскія реляціи), аналогичныхъ которымъ не даетъ ни „каменный архивъ Эллады“, ни даже папирусный архивъ египетизованнаго Египта.

³⁾ Все не „получила документальнаго характера“, напримѣръ, аѳинская исторія въ очень полезной русской монографіи, гдѣ не только „первое мѣсто“, а и все мѣсто „отводится папирусу“,—въ диссертациі В. П. Бузескула объ Аѳинской Политіи Аристотеля.

торамъ». Намъ кажется еще нѣсколько преждевременнымъ считать *Einquellentheorie* окончательно «оставленной»; можетъ-быть она и признается теперь «невѣрною», но не «совершенно»¹⁾ и не по отношенію ко всѣмъ «древнимъ авторамъ»²⁾).

«XIX вѣкъ — справедливо говорить, далѣе, г. Бузескуль — отличается, между прочимъ, высокимъ развитіемъ исторической критики»; но, конечно, это высокое развитіе выражалось и выражается не въ «гиперкритикѣ» (504) и даже не въ «торжествѣ болѣе умѣренного направленія» или въ «склонности относиться довѣрчивѣе къ исторической традиціи грековъ», и не въ томъ, что «новѣйшія великія открытія»³⁾ должны были подѣйствовать умѣряющимъ образомъ на нашъ скептицизмъ» (505), а въ выработкѣ гораздо болѣе широкихъ и сложныхъ и гораздо болѣе тонкихъ приемовъ анализа показаній «исторической традиціи».⁴⁾

«Къ тому же общее направленіе исторической науки должно было отразиться и на изученіи исторіи Греціи». (505). Это «общее направленіе исторической науки» г. Бузескуль сводитъ къ нѣсколькимъ моментамъ, которые изолируются имъ, кажется, не безъ излишней прямолинейности (505—508; ср. 459—461). Первое мѣсто въ ряду этихъ моментовъ отводится «умаленію роли личности» (505—506); едва-ли удаченъ, однако, выбранный авторомъ примѣръ «отраженія этой тенденціи и въ разработкѣ греческой исторіи»: «личность Ликурга признается мионической»⁵⁾ не исключительно на почвѣ «умаленія роли лич-

¹⁾ Ср. (нѣсколько сбивчивое) изложеніе „Обзора источниковъ“ объ *Einquellenlehre* въ примѣненіи къ Діодору и Плутарху (269—272. 280—283).

²⁾ Ср., напримѣръ, указанія г. Бузескула „о состояніи вопроса въ настоящее время“ о Фаворинѣ, Аенней и Эліяні, или о Діогенѣ Лаэртій (284—286).

³⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что если новѣйшія открытія и „показали, что въ гомерическомъ эпосѣ не все ложь и вымыселъ“, то они вовсе еще не показали, что „аттическіе хронисты могли пользоваться имѣвшимися уже въ VI в. въ Аѳинахъ начертанными на камнѣ надписями“: думающіе такъ имѣютъ въ виду, конечно, *ἱστορία* касающаеся Саламина, но не имѣютъ въ виду ту участь, каковая рано постигла эту надпись.

⁴⁾ Равнымъ образомъ, и „болѣе безпристрастное отношеніе къ дѣятелямъ аѳинской демократіи, подобнымъ, напр., Периклу, явилось“ едва-ли лишь „въ результатѣ рѣзкихъ нападокъ“ на эту демократію и на этихъ дѣятелей (505): не всегда *post hoc=propter hoc*.

⁵⁾ Я полагаю, впрочемъ, что и противники этого „господствующаго взгляда“ (напр., здравствующій *Thumser*, *Hermanns Gr. Staatsalt.*, I, 148 f., и покойные *Holt*, *Gr. G.*, I, 225 ff, и *Toepffer*, *Beiträge*, 353 ff) охотно согласились бы „видѣть въ государственномъ устройствѣ Спарты“ то, что по словамъ г. Бузескула видятъ въ немъ

ности», а прежде всего на почвѣ «развитія исторической критики». Второе мѣсто въ ряду этихъ моментовъ указывается «идеѣ эволюціи» (506); примѣры и здѣсь выбраны не совсѣмъ удачно, не потому только, что выбраны они вообще случайно (и трактованы не точно¹⁾), но и потому, что всѣ они представляютъ собою такие случаи, гдѣ «идея эволюціи» находитъ себѣ не столько уже «новую опору», сколько свой исходный пунктъ—«въ новомъ матеріалѣ, археологическомъ и литературномъ». Итакъ, относительно этихъ первыхъ двухъ моментовъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ нихъ сказывались, взаимно переплетаясь, и «измѣненія въ (теоретическихъ) воззрѣніяхъ на исторію», и измѣненія въ «матеріалѣ» греческой исторіи и въ способахъ «отношенія къ этому матеріалу»; такое сочетаніе «общаго направленія современной исторической науки» съ «открытіемъ новыхъ надписей» самъ г. Бузескуль вѣрно указываетъ въ третьемъ изъ установленныхъ имъ моментовъ—въ «интересѣ (и) ко второстепеннымъ (греческимъ) общинамъ» (506—507), а также и въ четвертомъ изъ этихъ моментовъ—въ «интересѣ къ социально-экономической сторонѣ» (507—508); но и въ обоихъ этихъ пунктахъ дѣло не ограничивается этимъ «совпаденіемъ и, такъ сказать, взаимодействіемъ между новыми открытіями и новыми воззрѣніями въ исторической наукѣ»: наряду съ «новыми воззрѣніями» и «новыми открытіями» здѣсь сыграло роль и новое (т. е. болѣе пристальное) вниманіе къ матеріалу, какъ новому, такъ и старому, которое обуславливалось не исключительно «измѣненіемъ воззрѣній на предметъ и задачи исторіи и основные факторы историческаго процесса»²⁾.

поборника господствующаго взгляда: „частію созданіе глубокой древности, частію продуктъ постепеннаго развитія, подѣ влияніемъ и взаимодействіемъ различныхъ факторов“ (506).

¹⁾ Такъ, хотя „благодаря новѣйшимъ раскопкамъ и находкамъ и открываются все новыя и новыя точки соприкосновенія и переходныя ступени между микенской культурой и культурой позднѣйшей, чисто-эллинической“, однако „микенская“ культура все-же еще не перестала (и едва-ли когда перестанетъ) „поражать своею своеобразностью и отличіемъ“ не только отъ „позднѣйшей“, но и отъ древнѣйшей эллинической культуры. И если „Периллъ въ отношеніи строительной дѣятельности оказывается (вирочемъ лишь отчасти; ср. *Curtius*, Stadtg. v. Athen, 138 ff; *Keil*, Anonymus Argentin., 81 ff) продолжателемъ Кимона“, то—спрашивается— при чемъ тутъ собственно „идея эволюціи“?

²⁾ „Самый ревностный поборникъ изслѣдованія социально-экономической стороны греческой исторіи“ (477) Pöhlmann „воспользовался“ вѣдь именно тѣмъ „матеріаломъ“, который оказался въ (старыхъ) нашихъ литературныхъ источникахъ“ (479); мало того, онъ самъ указываетъ даже на то, что, обращая политическую исторію грековъ

«Такимъ образомъ, — резюмируетъ г. Бузескуль — въ настоящее время интересъ(?) сосредоточивается преимущественно(?) на исторіи общества и общественныхъ классовъ» (508): намъ не совсѣмъ ясно, чей именно интересъ имѣется здѣсь въ виду¹⁾. «При подобной точкѣ зрѣнія — продолжаетъ авторъ — невольно напрашивалось(?) сравненіе древности съ новыми вѣками, съ нашимъ временемъ. И дѣйствительно, одной изъ главнѣйшихъ особенностей современнаго направленія въ разработкѣ греческой исторіи является черта, которую я назвалъ бы модернизацией этой исторіи». Авторъ тутъ «спѣшитъ, однако, оговориться»: подъ модернизацией онъ «разумѣетъ не искаженіе древней исторіи посредствомъ сообщенія ей совершенно чуждыхъ началъ, не тенденціозное подновленіе и, такъ сказать, фальсификацію ея, а скорѣе сближеніе и сопоставленіе ея съ современностью, проведеніе аналогіи между развитіемъ древняго міра и новаго времени» (508). Но, вѣдь, безъ такого или иного (обыкновенно даже произвольнаго и безсознательнаго) «сближенія и сопоставленія древности съ современностью» едва-ли возможно на практикѣ историческое изученіе древности²⁾, а «проведеніе аналогіи» или приведеніе аналогіи къ «развитію древняго міра» не ограничивается «развитіемъ лишь новаго времени»³⁾ и потому сводится къ «сравнительной точкѣ зрѣнія», которую г. Бузескуль помѣщаетъ уже внѣ своей «модерниза-

въ исторію социальную, „новая наука, сознательно или безсознательно, идетъ по стопамъ самихъ грековъ“ (ср. Griech. Geschichte im XIX. Jahrh., 24 ff). Кстати сказать, въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ греческая (напр., древняя аѳинская) исторія уже давно (напр., у Грота), — поскольку то прямо рекомендовалось источниками, — была если не социальной, то социально-политической исторіей (ср. также диссертацию незабвеннаго В. Г. Васильевскаго, о которой напрасно г. Бузескуль не „говоритъ сравнительно подробно и полнѣе“, 362).

¹⁾ Именно такое положеніе выставляетъ и *Pöhlmann* въ своей рѣчи *Griechische Geschichte im XIX. Jahrh.*, 23. 34, имѣя въ виду, кажется, только свои труды; у другихъ двухъ „главнѣйшихъ представителей современнаго направленія въ изученіи исторіи древняго міра“, которыхъ г. Бузескуль ставитъ рядомъ съ Пельманомъ, — у Эд. Мейера (ср., теперь, и его книжку: *Zur Theorie und Methodik der Geschichte*, 1902) и Белоха въ общихъ изложеніяхъ греческой исторіи, какъ видно изъ трактованія у самого г. Бузескула (464—477), нѣтъ такого „преимущественнаго сосредоточенія интереса“; зато монографическая литература по греческой исторіи дѣйствительно „обращаетъ теперь большое (но все-же пока не преимущественное) вниманіе на социально-экономическіе вопросы“ (463. 472—474. 478—481).

²⁾ Ср. *Pöhlmann*, *Aus Altertum u. Gegenwart*, 41 f.

³⁾ Самъ г. Бузескуль не разъ указываетъ на проводимое, напр., Э. Мейеромъ и Пельманомъ „сближеніе древности не только съ новыми, но и съ средними вѣками“ (471—473. 510. 512).

ція» (512). Итакъ, модернизацией скорѣе могла бы быть названа не «модернизация» проф. Бузескула, а лишь одна «опасная сторона» этой его «модернизации», состоящая въ томъ, что «тутъ (какъ и вездѣ) легко впасть въ крайность и натяжки» (508)¹⁾. Но если, такимъ образомъ, сравнительно-историческую точку зрѣнія не слѣдуетъ смѣшивать съ модернизацией, то едва-ли слѣдуетъ смѣшивать ее и съ точкой зрѣнія «универсально-исторической», какъ это дѣлаетъ, повидимому, г. Бузескуль (512).

Въ заключеніи своего Заключенія г. Бузескуль «касается еще одного спорнаго вопроса: кто долженъ заниматься древнею исторіей—филологъ или историкъ»,—хотя «споръ этотъ кажется ему въ сущности лишнимъ; дѣло, вѣдь, не въ словахъ, не въ ярлыкъ». (512—513). Намъ этотъ споръ представляется даже не только «въ сущности лишнимъ», но и «въ сущности» не существующимъ, во всякомъ случаѣ чрезмѣрно упрощеннымъ и потому раздутымъ у Бауера²⁾, а за нимъ и у г. Бузескула, въ довольно плачевномъ видѣ выставляющаго спорящихъ, т. е. Вилламовица и Пельмана: вся аргументация Вилламовица сводится у г. Бузескула къ тому, что «древняя культура отличается единствомъ, представляетъ собою нѣчто особенно цѣльное»³⁾, а аргументация Пельмана—

¹⁾ Die Gefahr, die aus dem Streben nach unmittelbarer lebendiger Veranschaulichung erwächst, die Gefahr einer einseitigen Modernisierung, wird am wirksamsten durch eine umfassende, einen weiten Horizont umspannende geschichtliche Perspektive überwunden werden können: такое замѣчаніе присоединяетъ Kaerst къ своему трактатованію о „характерной для современнаго разслѣдованія (Forschung) греческой исторіи, стоящей въ связи съ эмпиристическимъ его характеромъ, реалистической его тенденціи“ (*N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX, 501). Г. Бузескуль, наоборотъ, замѣчаніе о томъ, что „последнія десятилѣтія характеризуются натурализмомъ“, и что „современное направленіе исторической науки тоже отличается большимъ реализмомъ, стремится изучить реальную жизнь“ (509) присоединяетъ къ трактатованію о своей модернизации.

²⁾ Bauer, Die Forschungen z. Gr. G., 24 f. (ср. *Preuss. Jahrb.*, LXXIV, 406 ff). Такой споръ, поскольку онъ существуетъ, является прежде всего отголоскомъ теоретическихъ споровъ о томъ,—тождественна-ли филологія исторіи по своему содержанію, и не представляетъ-ли собою исторію лишь отдѣла филологіи, или, наоборотъ, не служатъ-ли ближайшимъ, центральнымъ предметомъ изученія филологіи лишь нѣкоторыя изъ подлежащихъ изученію исторіи явленій, и т. п., (ср. *Wundt*, *Logik* II, 2, 303 ff., и *Bernheim*, *Lehrb.*, 78 ff); но изъ этой теоретической области споръ этотъ всегда незамѣтно переходитъ и въ область практическую, затрагивая собою не только уже вопросъ о практическихъ удобствахъ-неудобствахъ раздѣленія научнаго труда, но и наличное состояніе исторической и филологической научной литературы.

³⁾ Это положеніе Willamowitz устанавливаетъ однако именно съ той «широкой исторической точки зрѣнія», которая, по словамъ г. Бузескула (513), „не должна быть

къ «указанію на односторонность и недостатки филолого-антикварной школы, не удовлетворяющей уже современнымъ требованіямъ, и на необходимость болѣе широкаго взгляда». Если, такимъ образомъ, «филологи и историки въ области изученія древности могутъ и должны идти рука объ руку¹⁾», то г. Бузескулу «крайне желательно было бы привлечь къ изученію греческой исторіи и юристовъ, которые напрасно до сихъ поръ пренебрегали ею²⁾». Г. Бузескулъ усваиваетъ въ этомъ случаѣ идею Виламовица, удивляясь тому, что «даже Виламовицъ, съ его поэтической натурой и симпатіями къ идеализму,—тотъ самый Виламовицъ, который стоитъ за исключительную привилегію филологовъ заниматься античною исторіей,—настаиваетъ теперь на необходимости создать исторію государственнаго права Аѳинъ» (514). Но ту идею, какая здѣсь имѣется въ виду, Виламовицъ выставляетъ³⁾, какъ отчасти это видно и изъ изложенія самого г. Бузескула въ параграфѣ о Виламовицѣ (488—489), въ такой оболочкѣ, что она не идетъ въ разрѣзъ съ его «поэтической натурой»,—какъ не чужда эта поэтическая натура и творцу «Римскаго государственнаго права», а «Виламовицъ требуетъ, вѣдь, чтобы то, что Моммзенъ стѣлалъ» для исторіи Рима (а не «для римскаго государственнаго права»), «было сдѣлано теперь и для Греціи»; онъ не сводитъ всю греческую исторію къ «исторіи государственнаго права Аѳинъ»; это «государственное право Аѳинъ»—и не столько въ своей «исторіи», сколько въ своей «логикѣ»,—должно, по его мысли, служить лишь средствомъ для построенія греческаго государственнаго права вообще; такъ какъ «институціи сами носятъ въ себѣ свою логику» («которая предохраняетъ отъ софистическихъ забавъ» тѣхъ изслѣдова-

чужда и филологу» (ср. особенно «Weltperioden», въ *Reden und Vorträge*, Berl. 1901.), а *O. Kern* (*Ueber die Anfänge der hellenischen Religion*, 1902, 33 f.) говоритъ даже, что «благодаря Виламовицу классическая филологія стала исторической наукой».

¹⁾ Весѣна благовременно (къ сожалѣнію) напоминаетъ тутъ г. Бузескулъ, что «исходною точкою для каждаго историка-изслѣдователя служить текстъ, и первое условіе—умѣть точно и правильно понимать текстъ», и что «историкъ древности долженъ обладать надлежащимъ(?) знаніемъ античной литературы, археологіи, эпиграфики» (513).

²⁾ Приводимый авторомъ по этому поводу списокъ «изданій и работъ, касающихся права», очень не полонъ, даже если имѣть въ виду лишь работы юристовъ (отсутствуютъ, напр., *Mitteis* и *Hitzig*).

³⁾ *Aristoteles* и *Athen*, I, 379 ff. (*Wege und ziele der griechischen historie*). Съ этой идеей Виламовицъ, впрочемъ, не стоитъ совсѣмъ одиноко (ср., напр., *Scanto*, *Das griechische Bürgerrecht*, 1 ff. и *Thumser* въ *Xenia Austriaca*, I, 261 ff.).

телей, которые будут считаться съ ними, а не съ одними лишь отдѣльными показаніями исторической литературы), то „логика права (и государственнаго, и частнаго) должна дать руководящія (упорядочивающія) мысли для нагромождаемаго въ „Древностяхъ“ матеріала и вмѣстѣ должна указать историческому сужденію въ государствѣ и его жизни болѣе достойный предметъ, нежели вина Фукидида или невинность Демосоена“. И такъ, для Виламовица греческое государственное право является не столько „цѣлью“, сколько однимъ изъ „путей греческой исторіи“, поскольку она должна стремиться не только къ полнотѣ и объективности, но и къ цѣльности знанія въ своихъ предѣлахъ. И если «Моммзенъ говорить, что необходимо, чтобы и за исторію Греціи когда-нибудь взялся юристъ», то, конечно, эти слова не приходится толковать въ томъ смыслѣ, что историки, не устраненные еще отъ занятій греческою исторіею филологами (съ Виламовицемъ во главѣ), должны теперь уступить свое мѣсто юристамъ; «дѣло, вѣдь, не въ словахъ, не въ ярлыкѣ»; кромѣ историковъ-неюристовъ и юристовъ-неисториковъ и кромѣ юристовъ-историковъ на работу въ области греческой исторіи могутъ выйти и историки-юристы. И вообще «это—область интересная и благодарная, далеко еще не вполнѣ, со всѣхъ сторонъ, изслѣдованная»: такими словами заканчиваетъ г. Бузескуль свое Введеніе, стараясь внушить «бодрость и энергію» «работающимъ въ этой области изслѣдователямъ». «Не должно—говоритъ онъ здѣсь, между прочимъ,—не должно смущать изслѣдователя и дѣйствовать на него подавляющимъ образомъ», если «многія изъ общепринятыхъ и, казалось бы, твердо обоснованныхъ воззрѣній скоро устраняются и замѣняются другими, новыми... Новый матеріалъ не только подрываетъ прежніе взгляды и обличаетъ наши ошибки: часто онъ блистательно подтверждаетъ догадки и мнѣнія, высказанныя раньше... И такихъ примѣровъ немало» (514).

Сквозящее, лучше сказать—просвѣчивающее въ этихъ словахъ (какъ и на протяженіи, впрочемъ, всего „Введенія“) бодрое, возвышенное настроеніе автора, его вѣра въ прогрессъ той науки, которой онъ преданъ такъ всецѣло, exregis если не omnis curae, то по крайней мѣрѣ той curae, которая больше всего могла-бы etsi non flectere a vero, sollicitum tamen efficere его animum (не какъ scribentis, а какъ издавшаго «Введеніе»), т. е. ложнаго, мелочнаго самолюбія, даетъ основаніе надѣяться на то, что глубокоуважаемый авторъ «Введенія»

покрылъ-бы мантией своей любви къ наукѣ вообще и къ научной работѣ греческой исторіи въ частности ту вину своего «рецензента», что, ставя въ упрекъ разбираемой имъ книгѣ между прочимъ и нѣкоторое перемѣщеніе центра тяжести, онъ самъ въ своемъ разборѣ этой книги позволяетъ себѣ подобное же перемѣщеніе центра тяжести—изъ широкой области ея достоинствъ въ тѣсную область ея недостатковъ. Отъ недостатковъ, не только случайныхъ и частныхъ, но и принципиальныхъ и общихъ, само собой разумѣется, не могъ бы быть свободенъ никакой трудъ, задуманный и поставленный такъ широко, какъ наше „Введеніе“. Зато далеко не во всякомъ трудѣ эти недостатки покрываются достоинствами съ такимъ избыткомъ, какъ въ нашемъ „Введеніи“. Мало того, мы не разъ могли даже констатировать, какъ иные принципиальные недостатки „Введенія“ прямо вели къ повышенію его реальныхъ достоинствъ,—и болѣе внимательный и наблюдательный читатель подмѣтитъ, вѣроятно, въ разныхъ частностяхъ и подробностяхъ „Введенія“, не мало еще такихъ метаморфозъ, не мало еще такихъ превращеній теоретическихъ недостатковъ въ практическія достоинства. И если авторъ „Введенія“ и не совсѣмъ, можетъ быть, правильно ставилъ свою задачу, то онъ заслуживаетъ самой горячей благодарности уже за то, что поставилъ себѣ эту задачу; если онъ и не далъ окончательнаго, полнаго и цѣльнаго рѣшенія этой задачи, то онъ заслуживаетъ самой горячей благодарности уже за то, что очень близко подошелъ къ этому рѣшенію.

М. Дилеѳвъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РАСКОЛА НА ВѢТКѢ

И ВЪ СТАРОДУБЬѢ

ХVII—ХVIII вв.

ВЫПУСКЪ II.

(Продолженіе).

Н Ъ Ж И Н Ъ.
Тизо-литографія М. В. Глезера.
1 9 0 4.

Печатано по постановленію Конференції Историко-Филологического Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельке*.

Бая на немъ хиротонія останется отъ вашего простонароднаго прощенія, а духовникъ его не имать власти хиротонисати, ниже разрѣшати, по свидѣтельству богоносныхъ отецъ нашихъ. Ей—ей, по истинѣ глаголю, а не отъ вражды: книгъ имате множество на прелесть грубѣйшимъ и на тщеславіе народное; а весь законъ вашъ виситъ въ словѣ единомъ: по нуждѣ закону премѣненіе бываетъ... Апостолъ пишетъ о іерействѣ и о жертвѣ ветхозаконной премѣненіе быти, а отъ новой благодати іерейству и жертвѣ во вѣки быти въ васъ ли отщепенцахъ, но точію въ насъ, въ грекороссійской церкви "... Въ заключеніе миссіонеръ грозитъ раскольникамъ немилостью Государя. „А за противность вашу, что обругали вѣру, коже самъ благочестивый Монархъ содержитъ, вскорѣ ожидайте резолюціи, понеже въ письмѣ своемъ за всѣхъ войтовъ руками отверглися; не восхотѣте благословенія, и удалится отъ васъ"...¹⁾.

И это увѣщательно—обличительное посланіе не произвело надлежащаго дѣйствія на раскольниковъ. Они и теперь были глухи и невнимательны къ увѣщаніямъ и обличеніямъ миссіонера; призывъ его къ соединенію съ православною церковію и на этотъ разъ не нашелъ отвѣта въ ихъ сердцахъ. Противъ этого вторичнаго письменнаго увѣщанія раскольники—слобжане ограничились лишь краткимъ письмомъ на имя Рѣшилова. „Вѣдомо вашей честности буди“, писалъ „Еремѣй Карповъ съ товарищи и съ войты и со всѣми міряны“: „получили мы отъ вашей милости письмо сего мая 27 числа, а отписи отъ насъ никакой не ожидай, того ради, что мы къ вашей милости прежде сего писали обо всемъ; при семъ спасайся“²⁾. Такъ неудачно закончилась послѣдняя попытка Рѣшилова вызвать раскольниковъ на разглагольствованія о вѣрѣ. вмѣсто публичныхъ состязаній въ лицѣ его представителей, для него теперь оставался только путь частныхъ бесѣдъ съ отдѣльными личностями, наиболѣе „прельщенными и прельщающимися“. Согласно инструкціи, этихъ послѣднихъ слѣдовало миссіонерамъ „увѣщавать благоусмотрительно такими увѣщаніями, которыя бь могли пользу принести

¹⁾ Тамъ же, IV, № 1323, стр. 169—170, ст. 1—2.

²⁾ Тамъ же, IV, № 1386, стр. 242, ст. 2.

и отъ заблужденія къ познанію истины обратитъ“, избирая притомъ „удобное время и мѣсто, кою когда увѣщавать возмогутъ“.

Для сужденія о томъ, какъ «благоусмотрительно» миссіонерствовалъ Рѣшиловъ съ своими помощниками среди стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ, нѣкоторый подходящій матеріалъ можетъ быть извлеченъ изъ донесеній въ Кіевскую губернскую канцелярію стародубскаго коменданта Пашкова, показаній нѣкоторыхъ раскольниковъ при слѣдствіяхъ о нихъ и наконецъ изъ показаній самаго Рѣшилова, данныхъ имъ по разнымъ случаямъ Св. Синоду и пр. Изъ донесеній Пашкова оказывается, что Рѣшиловъ и его помощники на первыхъ же порахъ среди стародубскихъ раскольниковъ начали дѣйствовать крайне безтактно и даже жестоко. Уже въ началѣ 1723 г. въ стародубское комендантское управленіе поступило «челобитье отписныхъ слободъ жителей Андрея Стряпчава съ товарищами о охраненіи ихъ отъ находящихъ имъ обидъ и о недопущеніи ихъ до разореній и никакого убытка и турбацей». Дѣло началось съ того, что стародубской Іоанно-предтеческой церкви «дьячекъ со школьниками, собрався многолюдствомъ, пришедъ на дворъ тѣхъ же отписныхъ слободъ ко вдовѣ Одинцовой, на которомъ стоялъ войтъ Андрей Стряпчей, и, втаща онаго во дворъ, били смертнымъ боемъ при свидѣтеляхъ». Въ то же время самъ іеромонахъ Рѣшиловъ попадавшися ему въ руки слободскихъ обывателей заключалъ «въ погребъ», и тѣмъ только возбуждалъ къ своей дѣятельности общее недовѣріе и безпокойство среди раскольниковъ¹⁾. Еще поразительнѣе данныя о обидахъ и разореніяхъ стародубскихъ слобожанъ отъ іеромонаха Рѣшилова и его помощниковъ, собранныя въ доношеніи Сенату Кіевской губернской канцеляріей, отъ 23-го іюля 1724 г. Здѣсь говорится, что слободскимъ обывателямъ нельзя развѣзжать по мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ для покупокъ ради своихъ домашнихъ нуждъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 241, ст. 1—2. Андрей Стряпчевъ былъ войтомъ слободы Лужковъ, въ которой поселился вмѣстѣ съ братомъ Артеміемъ Никифоровымъ Стряпчевымъ въ 1694 г. Послѣдній былъ осадчимъ слободы Лужковъ. По мѣсту первоначальнаго жительства они были посадскіе люди г. Бѣлева. М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 118.

потому что Рѣшиловъ разослалъ письма къ подчиненнымъ ему священникамъ и другимъ лицамъ, чтобы «тѣхъ описныхъ обывателей по торгамъ и по дорогамъ ловили и грабили, и присылали бы ихъ къ нему, Рѣшилову, и попу Игнатію», и что указанные лица пользовались этимъ разрѣшеніемъ въ широкой мѣрѣ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Въ реестрѣ, приложенномъ къ доношенію и состоящемъ изъ 23 пунктовъ, приведены между прочимъ слѣдующіе конкретные случаи, имѣющіе значеніе и какъ характерныя данныя для бытовой жизни стародубскихъ слобожанъ того времени.

1. «Іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ описной слободы Еленки жителей: Федора Шалудкина и др., которые ѣздили въ малороссійскіе города, для продажи коноплянаго масла, и оной Рѣшиловъ въ Черниговѣ оныхъ еленскихъ жителей изымавъ, и грабежемъ взялъ 5 лошадей съ телѣги и съ хомуты, 4 пуды коноплянаго масла, и со всякою при нихъ рухлядью.

2. Въ черниговскомъ у., въ с. Черновичахъ, онъ же, Рѣшиловъ, наѣхавъ описной слободы Еленки жителей: Тита Поддеренку, Андрея Кухтина, Кондратя Носова, Харитона Смольячихина, которые ѣздили въ оное с. Черновичи для взятя зажатю своего хлѣба..., изымалъ еленскихъ жителей и пограбилъ 6 лошадей, 6 возовъ разнаго хлѣба, 6 хомутовъ, и со всякою при сихъ рухлядью.

3. «Петропавловской попь Игнатій пограбилъ описной слободы Еленки Андрея Холщевникова, а грабежомъ взялъ 32 чети ржи, которую купилъ онъ, Холщевниковъ, въ Стародубѣ.

6. «Стародубовскаго уѣзда Ропской попь Володимеръ Зыбковскихъ жителей изымалъ по дорогѣ: Ивана Васильева, Павла Степанова, Сергѣя Емельянова, и привелъ въ Стародубовское, во дворъ къ старостѣ Якову Федорову, которые ѣздили въ Конотопскій уѣздъ для взятя зажатаго своего хлѣба... И оной попь, со старостою, Зыбковскихъ жителей, забивъ въ колодки, держалъ многое время, а лошадей де и ихъ морилъ голодною смертію недѣли съ двѣ.

8. «Катошинскаго монастыря чернецъ Александръ у описной слободы Шаломовъ у жителей: Ивана Ульянова, Павла Кириллова, Якова Захарова, которые пріѣзжали по подряду стародубскаго мѣщанина Демьяна Григорьева, для взятя пеньки, и оной чернецъ съ подданными

своими у упомянутых шаломовских жителей отнял 6 берковцевъ пеньки.

10. «Стародубовскаго уѣзда, села Понуровки попь Ѳедоръ Васильевъ описной слободы Воронка жителя Ѳедора Савельева, который ѣздилъ въ помянутое село Понуровку для продажи рыбной съ сыномъ своимъ, — и оной попь, изымавъ ихъ, билъ дубьемъ смертно и пограбилъ возъ рыбы, да денегъ отбилъ 10 рублей.

11. «Катошинскаго монастыря чернецъ Александръ описной слободы Зыбкой жителей Василья да Ив. Макаровыхъ, которые ѣздили для взятъя долговъ своихъ—денегъ въ с. Катошинъ къ жителю Андрею Скоропадкѣ, и оной чернецъ, изымавъ Макаровыхъ, билъ смертно и держалъ многое время въ тюрьмѣ, а грабежомъ взялъ 8 рублей.

12. «Стародубовскаго уѣзда, м. Ропска, господина полковника Толстого староста и войтъ, да господарь Евсей, Черниговскаго уѣзда описной слободы Радульи жителя Ивана Никифорова, которой ѣхалъ съ Москвы, и оной староста, и войтъ, и господарь, изымавъ онаго радульскаго жителя, били смертно и пограбили одну лошадь, 3 тюка китайки, 5 шубъ, крашенины 130 аршинъ, 8 золотниковъ жемчюгу, 7 фунтовъ мыла, 3 рубахи, 2 платка шелковыхъ, 1 платокъ бѣлой, вышитъ золотъ, 1 штаны пестрединные, 1 хомутъ, 1 сѣделку, 2 узды ременные, 2 чулки, 1 рукавицы.

15. «Стародубовскаго жъ уѣзда с. Сянго-Колодезя попь Павелъ описной слободы Зыбкой жителя Подрябинникова, которой прѣвзжалъ въ с. Манюки для взятъя долга своего и для продажи рыбной, и оной попь, онаго Подрябинникова въ оноу с. Манюкахъ изымавъ, билъ смертно и грабежомъ взялъ рыбы самины возъ, рукавицъ 200 паръ, соли возъ, мѣшокъ конопель.

17. «Стародубовскаго жъ уѣзду, господина Рагузинскаго слободы Туросны дьячокъ Родіонъ, описной слободы Орденки жителя Михайла Хорохорина, которой прѣвзжалъ въ помянутую слободу Туросну для продажи коноплянаго масла, и оной дьячокъ ево, Хорохорина, изымавъ, билъ дручьемъ, масло и деньги пограбилъ.

21. «Того жъ у. м. Ропска г. полковника Толстого староста Осипъ Линевицъ описной слободы Климовой жителей: Марка Семенова, Сергѣя Ѳеоттистова, Ивана Шампула, Якова Голядника, которые ѣздили въ оной

Ропскъ для продажи соли и для покунки на нужды домашнія хлѣба, — и оной староста Линевиць, изымавъ Климовскихъ жителей, пограбилъ 5 лошадей съ хомутами, 2 сѣдла съ потниками, конопель осмину, безмянъ соли, 2 четверти ячменю, полторы четверти овса, 2 шубы бараньи, четвертку ржи, топоръ русской, 300 ступокъ соли, кафтанъ бѣлой сермяжной, денегъ 2 руб. 26 алт. 4 деньги, рукавицы, ножикъ“....’).

Правдоподобность вводимыхъ на Рѣшилова Пашковымъ обвиненій, относительно обидъ и разореній слободскихъ раскольниковъ, подтверждается нѣкоторыми безпорными данными, засвидѣтельствованными самимъ нисоіонеромъ. Въ данномъ случаѣ представляетъ интересъ показаніе раскольническаго старца Александра. Пробираясь въ началѣ 1724 г. изъ Керженскихъ лѣсовъ, въ сообществѣ съ старцемъ Іоной, черезъ Калугу и Брянскъ, на Вѣтку, онъ былъ задержанъ казаками с. Гарцова, Стародубскаго у., и отданъ іеромонаху Рѣшилову, представившему его (Іона бѣжалъ) въ розыскную раскольническихъ дѣлъ канцелярію въ Москвѣ. Здѣсь Александръ рассказалъ, что Рѣшиловъ, сопровождая его изъ Стародуба въ Черниговъ, дорогою захватилъ десять человекъ крестьянъ «пограничныхъ слободъ», отнялъ у нихъ 10 возовъ хлѣба и 11 лошадей; что хлѣбъ продалъ въ с. Чернотачѣ, а лошадей оставилъ въ Черниговѣ. По поводу этого обвиненія, когда оно было предъявлено Рѣшилову, онъ, не отрицая самаго факта, объяснилъ Св. Синоду: на пути изъ Стародуба въ Черниговъ взялъ онъ «не пограничныхъ слободъ жителей, а Стародубскаго уѣзда слободы Еленки десятникова сына Андрея и съ нимъ другихъ раскольниковъ и борадачей, человекъ 7 или 8, и взялъ за то, что помянутый Андрей и другіе той слободы раскольники въ перепискѣ и въ платежѣ за расколъ двойнаго оклада учинились стародубскому Петропавловскому священнику Игнатію противны: въ слободу не пустили, а бывшихъ съ нимъ казаковъ и солдатъ били и изъ ружья ранили, о чемъ въ полковой канцеляріи и дѣло производится. Бывшій при взятыхъ имъ раскольникахъ хлѣбъ, а сколько четвертей

¹⁾ Х. Тамъ же, IV, № 1454. Дѣло о несогласіи Св. Синода на опредѣленіе правит. сената о изслѣдованіи въ Малороссійской Коллегіи дѣйствій іеромонаха Рѣшилова и свящ. Игнатія Стрыйковскаго. Стр. 311—315, ст. 1—2.

не упомянуть, онъ отобралъ и продалъ за 8 рублей, которые издержалъ на проѣздъ съ раскольниками въ Москву, а 11 лошадей отдалъ на кормъ въ Черниговскій архіерейскій домъ¹⁾. Такова была миссіонерская «умѣренность», обязательная по синодальной инструкціи для миссіонера.

Были и довольно соблазнительные случаи въ миссіонерской практикѣ іеромонаха Іосифа Рѣшилова, какъ показываетъ дѣло св. Синода о присылкѣ изъ Кіевской губернской канцеляріи въ св. Синодъ двухъ раскольниковъ для изслѣдованія доноса ихъ на іеромонаха Іосифа Рѣшилова (Опис. док. и д., хран. въ архивѣ св. прав. синода, № 351/210, стр. 345—347). Такъ бѣглая крестьянка слободы Верхняго Городца, Болховскаго уѣзда, Аксинья Шадурова заявила стародубскому коменданту подполковнику Пашкову: «въ нынѣшнемъ 1724 г., въ февралѣ мѣсяцѣ, бѣжала она съ мужемъ и дѣтьми и старицею керженскихъ лѣсовъ Маремьяною въ стародубовскіе посады, но была поймана въ с. Гарцовѣ и отослана въ Стародубъ къ іеромонаху Іосифу Рѣшилову, который отдалъ ее съ мужемъ и двумя сыновьями въ тюрьму, а двухъ дочерей и старицу Маремьяну взялъ къ себѣ въ келью. Черезъ двѣ недѣли одну дочь ея Лукерью прислалъ въ тюрьму, а другую Парасковью, какъ побѣхалъ въ Черниговъ, взялъ съ собою и на дорогѣ, бивши, изнасиловалъ и дѣвство ея растлилъ, и жилъ съ нею, какъ съ женою; изъ Чернигова возиалъ, ради блуда же въ Москву, и только на возвратномъ пути въ Черниговъ отпустилъ изъ с. Уланова, Глуховскаго у., въ Стародубъ съ письмомъ къ Петропавловскому попу Игнатію, который и отдалъ ее подъ караулъ. Видя такое Рѣшилова ругательство и опасаясь впредь того жъ, она, оставивъ мужа и пожитки, съ сыновьями и дочерьми и старицею Маремьяною изъ подъ караула бѣжала въ канцелярію комендантскаго правленія». Доносъ этотъ Парасковья Шадурова подтвердила на допросѣ

¹⁾ Дѣло по доношенію Московской синодальной канцеляріи о разслѣдованіи взведеннаго раскольническимъ старцемъ Александромъ, на бывшаго въ Чернигов. епархіи для изысканія и увѣщанія раскольниковъ іеромонаха І. Рѣшилова, обвиненія въ насильственномъ отнятій у пойманныхъ около Чернигова раскольниковъ хлѣба и лошадей. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. IV, № 470, 1729—1725 г., ст. 476—477.

въ комендантскомъ правленіи, пояснивъ при этомъ, «что Рѣшиловъ растлилъ ея дѣвство въ с. Улановѣ противъ праздника Сочествія Св. Духа, отслуживъ всенощную, и блудилъ съ нею всю ночь, до свѣта». Пашковъ донесъ объ этомъ кievскому губернатору князю Трубецкому, по распоряженію котораго означенныя лица были вновь допрошены въ губернской канцеляріи, причѣмъ старица Маремьяна съ своей стороны показала, «что Рѣшиловъ блудилъ и съ нею подѣ праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, послѣ вечерни и до заутрени, также на страстной недѣлѣ въ великую пятницу, и блудя, въ перковь ходилъ и ей велѣлъ ходить, не обмывавшись». Таково это дѣло, видимо скабрзнаго свойства, по показанію потерпѣвшихъ. Между тѣмъ, по объясненію товарища Рѣшилова, Петропавловскаго священника Игнатія, дѣло происходило не такъ, какъ оно описано. 2-го іюня о. Игнатій писалъ Черниговскому еп. Иродіону Жураковскому: «26-го мая прислалъ въ Стародубъ іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ съ Уланова раскольничью черницу и дѣвку, которыя желали сообщитися св. греко-россійской православной церкви; но господинъ комендантъ Илья Ивановичъ Пашковъ, увѣдомившись о присылкѣ оныхъ, рано 27 числа прислалъ солдатъ своихъ, которые насильно взяли черницу и дѣвку во дворъ его комендантскій, а о полудни комендантскіе жъ посыльные отбили караульню, гдѣ сидятъ колодники, и взяли насильемъ старую раскольницу съ дочерью дѣвкою и хлопца малаго, а старика той же бабы и хлопца хвораго покинули, также забрали ихъ раскольничій *буторъ* (хламъ, скарбъ, пожитки) съ мѣшками. Видячи таковыя нападки», заключаетъ о. Игнатій, «ужасаемся, и нельзя чего съ раскольниками починити, ибо весьма интересъ государевъ оный, комендантъ, уничтожаетъ». Св. Синодъ, обративъ вниманіе, что Пашковъ и Трубецкой въ данномъ случаѣ дѣйствовали противъ «именного Е. И. В. собственною рукою на докладныхъ синодскихъ пунктахъ 1721 г., марта 15 дня, подписаннаго указа, который изъ прав. сената печатнымъ, генваря 21 дня 724 г., листами во всѣ коллегіи и канцеляріи, въ губерніи и провинціи публикованъ, 13-го января 725 г. постановилъ: «оныхъ раскольниковъ, для освидѣтельствованія явной въ поруганіе свящ. чину вышепомянутой отъ коменданта Пашкова написанной вины, изъ Біев. губ. канцеляріи прислать въ св. синодъ немедленно, и о томъ въ Кіевскую губернію послать указъ, въ которомъ

написать, чтобъ въ такія и тѣмъ подобныя духовныя дѣла впредь свѣтскія командиры вступать отнюдь не дерзали, и тѣмъ свящ. чину напраснаго ругательства и въ народѣ соблазна и посмѣянія не чинили“ (П. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. VI, № 1386, стр. 240). На это кн. Трубецкой доношеніемъ 4 января 1727 г. отвѣтилъ: «я здѣсь, въ Кіевѣ, главнымъ командиромъ, и Стародубовскій комендантъ Пашковъ и описныя слободы въ моей диспозиціи зостають. И вѣдая онъ, камендантъ, командира своего, ко мнѣ о томъ репортовалъ, по которому его доношенію, какъ есть моя должность, доносилъ я въ св. синодъ и съ того дѣла копии къ рѣшенію послалъ и требовалъ на это резолюцію, но въ то дѣло не вступалъ и розыска ни какого не дѣлалъ, и того дѣла не вершилъ, и тѣмъ указовъ и регламента не нарушилъ. А не доносить о томъ въ Синодъ отнюдь не возможно; понеже въ печатномъ указѣ 21 января 1724 г., съ согласія прав. сената съ св. синодомъ состоявшемся, сказано: дѣламъ вѣдомымъ въ свѣтскомъ судѣ быть о любодѣянніи и о блудномъ насиліи. И потому прошу св. синодъ, дабы впредь не извоилъ на меня безвинно въ презрѣнніи указовъ и въ нарушеніи духовныхъ регламентовъ нарекать, чему я и не подлежу, понеже посланное мое по тому дѣлу доношеніе въ св. синодъ къ нарушенію указовъ и регламента весьма не приличествуетъ». Разсматривалъ ли св. синодъ настоящій отвѣтъ кн. Трубецкаго—изъ дѣла невидно. Нѣтъ указаній и о дальнѣйшей судьбѣ Шадуровой и старицы Маремьяны¹⁾.

Изъ дѣла св. Синода 1728 г. по прошенію статскаго совѣтника Василя Никитича Татищева о разводѣ его съ женою, видно, что Іосифъ Рѣшиловъ, въ то время игумень Раковского монастыря (въ Старицкомъ у., Тверской губ.), былъ виновникомъ разстройства семейной жизни и знаменитаго историка. Въ прошеніи отъ 1-го мая В. Н. Татищевъ просилъ Синодъ о расторгеніи брака съ своего женою Анною Васильевною Андреевскою, бывшею въ первомъ бракѣ за Реткинымъ, за расточительность, прелюбодѣяніе и попытку лишить его жизни отравленіемъ. Именно, относительно прелюбодѣянія, Василий Никитичъ писалъ, что жена его, „забывъ Законъ Божій и свое предъ Богомъ обѣщаніе, прелюбодѣй-

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. Росс. Имп. т. IV, № 1459, ст. 318. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син.

ствовала съ игуменомъ Раковскаго монастыря, что въ Старицкомъ уѣздѣ, которому есть такое доказательство, что оной игумень, не имѣя никакова съ нами свойства, ниже со мною знакомства, противъ закона монашескаго многократно къ ней, женѣ моей, въ домъ ѣзди пьянствовалъ, чрезъ цѣлыя ночи съ нею сживалъ, и въ хоромахъ у нея ночевывалъ; также и она, жена моя, къ нему ѣзди въ келью чрезъ цѣлыя ночи въ уединеніи пребывала, которому могутъ свидѣтельствовать бывшіе при ней служители, а именно: поваръ Евимъ Ивановъ, дворовой человекъ Ларіонъ Никитинъ съ женою Ульяною, да дѣвки Авдотья Иванова, Ульяна Федорова, вдова Дарья Григорьева. Сіи же надѣюся, что и большіе доказательства знаютъ, и ежели токмо отъ истины не устроятся»¹⁾.

На основаніи вышеуказаннаго доношенія Кіевской губерніи канцеляріи, отъ 23 іюля 1724 г., Сенатъ 21-го сентября постановилъ: «по тому доношенію изслѣдовать о всемъ подлинно въ Малороссійской Коллегіи, и что по тому слѣдованію явится, о томъ прислать въ Сенатъ выписку съ подлинною очисткою, понеже въ сообщенномъ изъ св. синода въ сенатъ іюня 2-го нынѣшняго 724 г. вѣдѣніи объявленъ Его Величества указъ, что повелѣно челобитчиковъ, которые бьютъ челомъ на духовныхъ, удовольствовать и суду той Малороссійской Коллегіи быть тѣмъ духовнымъ послушнымъ, и св. правит. синоду о томъ вѣдать, а съ присланнаго изъ Кіевской губерніи доношенія и реестра при семъ сообщается копія, а въ малороссійскую коллегію и для вѣдома Кіевскому губернатору указы изъ Сената посланы». Св. Синодъ не согласился съ постановкой вопроса въ Сенатъ о дѣйствіяхъ Рѣшилова въ качествѣ синодальнаго миссіонера, и 13-го января 1725 г., «разсуждая довольно, согласно приговорили: означеннаго іеромонаха, который нынѣ при С.-Петербургѣ, о всемъ противъ показанныхъ доносовъ въ Синодальной Канцеляріи допросить обстоятельно, въ сущую правду, съ подлинною о всемъ очисткою, по пунктамъ, и росписавъ приличныя къ тому правила и указы, предложить къ синодальному разсмотрѣнію. А прав. Сенату сообщить

¹⁾ Дѣло арх. св. син., № 272—438. Опис. док. и д., хран. въ арх. прав. син. т. VIII (1728 г.). Спб. 1891 г. ст. 268—272.—С. С. Татищевъ: Родъ Татищевыхъ. 1400—1900. Историко-генеалогич. изслѣд. Сиб. 1900, стр. 84.

вѣдѣніе съ такимъ объявленіемъ, что стародубской комендатъ Пашковъ будто о происшедшихъ отъ тѣхъ, іером. І. Рѣшилова и попа Игнатія, стародубскихъ слободъ обывателямъ обидахъ и разореніяхъ, доносить, отбывая показанныхъ на него отъ Рѣшилова продерзостей, о которыхъ и правит. Сенату изъ св. Синода письменно прешедшаго 724 г., октября 9 и ноября 20 чиселъ сообщено (*ibidem*, №№ 1323 и 1386), чего для оному ево доносу вѣрить не надлежитъ, и слѣдованію о томъ причествуетъ быть въ духовномъ правительствѣ потому, что сообщенной изъ Синода въ Сенатъ іюня 2 прошлаго 724 г. Е. И. В. указъ, того же 724 г. марта 2 состоявшейся, въ Малороссійской Коллегіи дѣйство чинить повелѣваетъ объ однихъ токмо тамошнихъ обывателяхъ Малороссійцахъ, а не о посылаемыхъ изъ св. Синода управителяхъ (*ibidem*, № 1222), наипаче же что оной Рѣшиловъ посланъ изъ Синода для изысканія раскольниковъ и обращенія ихъ въ православную вѣру, то что оныя жъ раскольники, негодуя на него, можетъ быть и затѣваютъ напрасно. И о такихъ партикулярныхъ дѣлахъ, по состоявшемуся на докладныхъ синодскихъ пунктахъ марта 15 дня 731 г. Е. И. В. собственноручному указу, велѣно челобитчикомъ на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ токмо въ Синодѣ, того ради требовать, дабы по силѣ онаго Е. И. В. указа (1-е под. собр. закон. рос. им. т. VI, № 3761), по вышеозначеннымъ на іеромонаха Рѣшилова и на попа Игнатія, о обидахъ, доносамъ въ Малороссійской Коллегіи слѣдованія не производить, и во изысканіи раскольническихъ лжеучителей препятія не чинить, и о томъ бы изъ правит. Сената во оную малороссійскую коллегію послать указъ, и что учинено будетъ для извѣстія св. Синоду сообщить письменно, какъ указы повелѣваютъ» (*ibidem*, № 1454, стр. 314—315). На этомъ дѣло и останавливается по данному вопросу.

Того же 13 Января 1725 г. состоялось синодское постановленіе по доношенію іеромонаха Іосифа Рѣшилова, отъ 4 декабря 1724 г., въ которомъ онъ требовалъ отъ прав. сената резолюціи по вопросу: на какомъ именно разстояніи отъ границы слѣдуетъ считать раскольниковъ за порубежныхъ, которые не подлежатъ, какъ живущіе вблизи рубежа, платежу штрафныхъ за расколъ и пошлинныхъ за вѣчные памяти денегъ? Синодъ согласился съ основною мыслию доношенія Рѣшилова, и

постановилъ: «о оныхъ раскольникахъ, которые въ платежѣ надлежащихъ съ нихъ за расколъ окладныхъ денегъ и вѣчныхъ пошлинъ чинятся не послушны, называяся порубежными, а отъ польской границы жителство имѣють разстояніемъ верстъ по сту и больши и меньши, какъ съ ними въ сборѣ оныхъ за расколъ окладныхъ денегъ поступать, и въ коликомъ разстояніи отъ границы живущихъ пограничными виѣнять, требовать резолюціи въ правит. Сенатѣ, и о томъ сообщить вѣдѣніе, въ которомъ написать синодальное мнѣніе: что со оныхъ раскольниковъ окладныя деньги надлежитъ брать, и которые тамо поселились, выбѣжавъ изъ великороссійскихъ городовъ, тѣхъ, учинивъ имъ наказаніе, по силѣ имяннаго Е. И. В., въ низовомъ походѣ о сибирскихъ раскольникахъ 1722 г. октября 15-го состоявшагося указа (Пол. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. росс. имп. т. II, № 882), высылать на прежнія мѣста, и о томъ, что учинено будетъ для извѣстія св. Синоду требовать письменнаго изъ прав. Сената увѣдомленія, а вѣчныя пошлины съ свадебъ ихъ брать по тому жъ какъ и съ прочихъ, купно и съ лаваретными, безъ всякаго упущенія, и оныя на лазаретъ собираемыя деньги присылать со обстоятельными репортами въ св. Синодъ, какъ указы повелѣвають неотложно» (ibidem, № 455).

11-го октября, во время вторичнаго обсужденія того же вопроса, вице-президенты, архіепископы: Новгородскій Теофанъ и Тверской Теофилактъ заявили, что въ 1724 г., когда они въ домѣ И. В. покойному Государю Императору „о мѣсторазстояніи отъ рубежей жителства раскольническаго, требуя изъясненія, упомянули напечатанный Е. И. В. указомъ указъ 716 г., февраля 8 дня, въ которомъ означено, чтобъ раскольниковъ описать, кромѣ живущихъ близъ рубежей, тогда Е. И. В. изволилъ сказать, что такого повелѣнія, дабы порубежныхъ раскольниковъ выключить, отъ Е. В. никому не бывало, о чемъ тогда же самъ Е. И. В. спрашивалъ сенатскаго оберъ-прокурора Бибикова, что гдѣ такой указъ записанъ, дабы то объявить Е. В., и онъ, оберъ-прокуроръ, обѣщался было тогда справиться о томъ въ Сенатѣ,—отчего сумнительство есть, что такого указа, можетъ быть, отъ самого Е. И. В. и не было“. (Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. IV, № 530—299, ст. 541—543). Не видно однакоже, что такое «сумнительство» удалось Синоду установить какъ фактъ, какъ онъ особенно старался это сдѣлать

въ царствованіе Екатерины I (П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. V, №№ 1669—1670, ст. 202—203. № 1674, п. 6, ст. 212—213).

Не церемонились съ миссіонеромъ и его помощниками и слободскіе раскольники. Въ самомъ г. Стародубѣ дѣятельность миссіонеровъ вызвала ожесточенный и дикій протестъ. На пасхѣ 1723 г. сдѣлано было нападеніе на соборную церковь, въ которомъ главная роль принадлежала старообрядствующимъ солдатамъ изъ команды стародубскаго коменданта Ильи Пашкова, «презельнаго раскольниковъ заступника», и сдѣлано было «во время литургии, подѣ часъ самой елюваціи». Въ протестахъ, занесенныхъ въ мѣстныя магистратскія книги протопопомъ и его намѣстникомъ, записано, что «солдаты Предтечевской церкви дьячка Ивана за волосы подѣ самыя царскія враты волочили, у которой де церкви былѣ наказный полковникъ Петръ Корецкій съ протчими полковыми и магистратовыми особами, и аще бы не оборонили, то бы церковь божественная кровополитіемъ осквернилася». Около того же времени вышеупомянутый дьячекъ, „по древнему обыкновенію, ходилъ съ крестомъ славить Христа по приходскимъ дворамъ, и зашелъ въ Вонесенской приходъ на дворъ новообращеннаго отъ раскола въ православіе Ивана Матвѣева, и невѣдомо де какихъ ради причинъ, вышедши изъ комнаты, раскольщикъ Андрей Никифоровъ (которой живетъ въ слободѣ Лужкахъ въ стряпчихъ) съ слугою своимъ и прочими раскольниками учинили съ дьячкомъ заводъ, и изъ помянутыхъ де раскольщиковъ одинъ рукою ударилъ по святомъ крестѣ, отчего де мало не весь погнулся и упалъ, а потомъ когда дьячка и всѣхъ съ нимъ причетниковъ били смертью, тогда и крестъ Господень ногами ругательно поширали»... Обстоятельства этого дѣла подтвердилъ потомъ Семень Моисеевъ, бывшій житель Гремяцкій, а въ то время въ Стародубѣ въ школѣ св. Іоанна Предтечи за подъячего правившій.¹⁾ Особенно злы были раскольники на самаго Рѣшилова и его дѣятельнаго помощника о. Игнатія Стрѣйковскаго: ихъ «бранили сквернобранными словами и забойствомъ похвалялися», т. е. грозили ихъ убить. Самому Рѣшилову не разъ приходилось получать увѣдомленія и

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. IV, № 1323, стр. 166—167, ст. 1—2. Ср. № 1386, стр. 241, ст. 1—2. О школѣ Іоанно-предтечевской упоминается и въ Компутахъ 1723 г., л. 319 об.

предостереженія въ этомъ смыслѣ. Такъ въ письмѣ къ нему отъ нѣкоего Якова Дружины говорится, что, по отъѣздѣ Рѣшилова изъ его усадьбы, ему въ тотъ же день сдѣлалось извѣстно, что Еленскіе расколники въ числѣ 20 человекъ бѣжали за ними съ бердышами почти по пятамъ, съ цѣлью убить его въ Еленскомъ лѣсу. Священникъ Савва Замишевскій доносилъ въ Стародубскую комиссію раскольническихъ дѣлъ, что житель раскольничьей слободы Городища Константинъ Харлампіевъ Поляковъ говорилъ ему, чтобы онъ, Савва, въ Зыкую слободу не ходилъ: «какъ де Рѣшилова, такъ и тебя убьютъ, понеже де они на то сообщилися». О. Стефанъ Сацковскій въ началѣ марта 1724 г., въ своемъ доношеніи въ ту же комиссію, представляетъ расколниковъ членами какого-то религіозно-вооруженнаго братства, которые только и мечтаютъ о томъ, чтобы убить комиссара Рѣшилова. „А комиссара Рѣшилова, хотя и всѣ смертію постраждемъ, гдѣ бы напасть, то убити его“. Такъ говорилъ о. Стефану Климовскій расколникъ Василій Хрущъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ, что „въ каждой слободѣ, въ каждомъ дворѣ, сколько есть человекъ, всякъ косу, увязавши на правецъ, при себѣ держитъ, копы таковыя имѣютъ при себѣ обо двухъ концахъ острия, желѣзные бердыши, тако жъ, аки бритва острые жъ, и съ собою возятъ, гдѣ бы слышали на якой слободѣ отца Рѣшилова и съ козаками“, и что для поимки Рѣшилова съ козаками посланы „съ каждой слободы, съ cadaго двора, по человекѣ“¹⁾.

Двухлѣтняя миссіонерская дѣятельность Рѣшилова въ Стародубѣ оказалась почти безплодной и безрезультатной. 3 октября 1724 г., когда уже Рѣшиловъ оставилъ Стародубье, онъ доносилъ въ Св. Синодъ, что „въ прошлыхъ 1722, 1723 и нынѣшнемъ 1724 годѣхъ въ разныхъ мѣсяцѣхъ ѣздилъ двократно въ Стародубскій поекъ и Черниговскій, для увѣщанія и описи расколниковъ, также посланъ былъ Петропавловской церкви священникъ Игнатій двократно жъ съ солдаты и козаки Мало-россійской Коллегіи, для онаго жъ расколниковъ увѣщанія. И оныя

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1323, стр. 168, ст. 1; 167, ст. 2; № 1386, стр. 240—241, ст. 2—1. Ср. стр. 237. Опис. док. в д., хран. въ арх. св. Син. т. III, № 441, 20 авг. 1724 г.; № 368, 22 нояб. 1726 г., ст. 453—455.

раскольщики во всемъ явились противны и посланные отъ нихъ раскольщиковъ смертнымъ боемъ биты и граблены, и отъ ихъ раскольническаго звѣрства всемъ православнымъ вспомоствовать стало немошно“. Во время своего двухлѣтнаго пребыванія въ Стародубѣ онъ пришелъ къ тому горькому убѣжденію, что „бѣсноватые раскольщики съ своими заблужденіями весьма не хотятъ у православныхъ пастырей въ послушаніи быть“. Изъ доношенія его Св. Синоду, отъ 4 декабря 1724 г., видно, что были раскольничьи слободы и келейные жители, которые рѣшительно отказались слушать Рѣшилова какъ миссіонера, не дали себя описывать и не хотѣли платить «оборочныхъ и повѣнечныхъ пошлинъ»; это именно слободы: Еленка, Ворононь, Залузье, Климова, Митьковка, Свяцкая, Зыбкая, Добрянка, Злыка, Тимошкинъ Поревозъ, Радуль и келейные жители въ Ходятинѣ лѣсѣ. «Да сверхъ того есть и прочія непокоряющихся раскольниковъ слободы», говорилось въ доношеніи. Счастливое исключеніе для Рѣшилова представляла слобода Млынка, принадлежавшая къ вотчинамъ свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меньшикова, вмѣстѣ съ другими—раскольниками, поселившимися въ вотчинахъ послѣдняго. Тутъ Рѣшилову удалось сыскать и обратить «къ соединенію греко-російскаго благочестія душъ съ полтретья ста», да записать въ расколъ подъ двойной платежъ 27 дворовъ, «за увѣщаніемъ и вспомоствованіемъ въ Почепской его свѣтлости канцеляріи, безъ всякаго препятствія, отъ управителя тѣхъ вотчинъ Гаврилы Никифоровича Лукина, предобраго рачителя по церкви святой»¹⁾. Въ прошеніи, поданномъ имъ Св. Синоду 4 января 1726 г., въ которомъ онъ просилъ «уволить его отъ миссіонерскаго послушанія», объ успѣхахъ своей миссіонерской дѣятельности въ Стародубѣ онъ между прочимъ писалъ, что въ теченіи около двухлѣтнаго пребыванія въ Черниговской епархіи, «къ святой апостольской церкви сообщилъ человѣкъ съ 800», а съ упорныхъ раскольниковъ и не исповѣдавшихся собралъ «съ 1700 руб.»²⁾.

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1386, стр. 237, 239; № 1455, стр. 315—316, ст. 1—2.

²⁾ Опис. докум. и д., хран. въ арх. св. Синода т. I, стр. 588, прямѣч. Въ прошеніи на свое мѣсто къ увѣщанію раскольниковъ онъ

Къ положительнымъ результатамъ миссіонерской дѣятельности Рѣшилова въ Стародубьѣ можно отнести и слѣдующее. Изъ письма его къ наказному гетману П. Л. Полуботку, отъ 21 мая 1723 г., видно, что, благодаря его настоянію, въ раскольнической слободѣ Радулѣ была устроена Полуботкомъ православная церковь, Именно онъ писалъ Полуботку: «за ревность же по церкви святѣй грекороссійской, яко благо-разсужденіемъ своимъ ктиторство воспріяли, *своимъ же иждивеніемъ въ слободѣ Радулѣ церковь Божественную построити*, за что 'отъ всемогущаго Творца сторицею въ спасеніе пріймете издовоздаяніе, монаршую милость, Святѣйшаго Правительствующаго Синода благословеніе, а отъ насъ ничто иное, только мое съ благодареніемъ принижайшее поклоненіе вельможности вашей»¹⁾. Весьма вѣроятно, что этому обстоятельству слѣдуетъ приписать значительный успѣхъ у Радульцевъ позднѣйшаго миссіонера, протоіерея Журавлева, когда изъ Радульцевъ весьма многіе согласились принять законное священство, какъ и преосвященнаго Черниговскаго Михаила Десницкаго (1813 — 1818 г.г.), который, во время своего здѣсь пребыванія, силою своихъ вразумительныхъ поученій, многіхъ слобожанъ примирилъ съ церковію²⁾.

Во время своей Стародубской миссіонерской дѣятельности іеромонаху Рѣшилову удалось также собрать и довольно обстоятельныя свѣдѣнія о поселившихся за границей великороссійскихъ раскольникахъ, какъ и вообще объ эмиграціонномъ движеніи раскольниковъ въ концѣ царствованія Петра I изъ Великой Россіи за польскій рубежъ, или, какъ выражается Рѣшиловъ, «въ польское панство, въ Ляхетчину». Для собранія свѣдѣній о поселившихся за границей раскольникахъ отправленъ былъ имъ на Вѣтку и въ другія мѣста обратившійся изъ раскола Иванъ Бѣляевъ, именно «ради свѣдомства раскольщиковъ, которые съ 1720 и 1721 годовъ

просилъ опредѣлить, если соблагоизволено будетъ, нѣкоего Федора Алексѣева сына Мясника, который знаемъ въ Москвѣ въ Тиунской палатѣ.

¹⁾ Москов. Румян. Муз. арх. Маркевича, № 225. См. наши Нов. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. № 20, стр. 114—15.

²⁾ Верховскій, Т. А.: Стародубье. Ч. III, стр. 62—63. Ср. ч. I, стр. 18; ч. III, 82—85.

вновь ушли за границу Московскіе жители и разнымъ городовъ монастырскіе и боярскіе и всякихъ чиновъ люди»... Оказалось, что вновь населилось за польскимъ рубежомъ 9 слободъ только на земляхъ Халецкаго и Красевскаго и около 300 дворовъ на Вѣткѣ и около Вѣтки по старымъ слободамъ. Раскольники селились вновь и на свободныхъ земляхъ пана Любомирскаго, за которымъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, имѣлось «слободъ съ пятнадцать и два монастыря». «И въ разныхъ мѣстахъ за Днѣпромъ и въ м. Кричевѣ и около м. Полоннаго и по разнымъ мѣстамъ, по пустынямъ и по заводамъ, писалъ Бѣляевъ, всѣхъ жителей тѣхъ раскольниковъ обрѣтается напримѣръ тысячей съ тридцать или больше, кромѣ старыхъ слободъ, народа русскаго... И всѣхъ раскольниковъ блазнить все неосвященная церковь вѣтковская, которая за паномъ Халецкимъ, и оный Халецкій великій себѣ отъ нихъ, раскольниковъ, интересъ получаетъ, а имперіи великой Россійской не малая тщета и убыль интересу и суммы, а душамъ христіанскимъ гибель»¹⁾).

Интересны и данныя, собранныя Іосифомъ Рѣшиловымъ о переходѣ изъ Великой Россіи раскольниковъ въ Ляхетчину, ихъ первоначальномъ мѣстѣ жительства, согласіяхъ и ученіи. Особенно много ихъ попало въ руки Рѣшилова и его агентовъ въ 1723 г. Вотъ характерныя черты въ ихъ показаніяхъ: 1) Кузьминъ—жилъ на Балахнѣ, вступилъ въ расколъ и «былъ въ согласіи» съ старицею Полинарією, что жила въ Керженскихъ лѣсахъ, недалеко отъ Ларіонова починка, исповѣдывался и причащался у раскольного чернаго попа Никифора съ Яику,

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1386, стр. 238, ст 2; 239, ст. 1.—О *Кричевскихъ* старообрядцахъ нѣкоторыя свѣдѣнія за прошлый вѣкъ см. въ Опис. Кричевскаго „графства или бывшаго староства“ Андрея Мейера: ркп. библ. Имп. Казанскаго универс., № 1543. Лѣт. зан. арх. ком. Вып. VII.—Опис. ркп., хран. въ библ. Имп. Каз. унив. А. И. Артѣмьева.—Въ 1725 г. „раскольниковскій обращатель“, іером. І. Рѣшиловъ, донесъ св. Синоду о потаенныхъ раскольникахъ, находящихся въ Курскомъ, Обоянскомъ и Миропольскомъ уѣздахъ Бѣлгородской епархіи, о которыхъ ничего не доносилъ мѣстный еп. Епифаній, съ точнымъ указаніемъ мѣстъ ихъ поселенія, ихъ обрядовъ и пр. Всѣ раскольники были „согласія Вѣтковскаго попа Асафа и Александра“. Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Синода. Т. V, ст. 400—402.

занимался перевозомъ за рубежъ раскольниковъ. 2) Гавриловъ—Балахонецъ, изъ дѣтства крестился двуперстно. «опознался» съ старцемъ Полинарью, переводилъ старцевъ и старицъ на Вѣтку. 3) Васильевъ—Балахонецъ, Софонтьева согласія, вѣнчанъ Керженскимъ попомъ Васильемъ, жилъ на Керженцѣ недалеко отъ Ларионова починка, близъ келій старицъ Капитолины и Иринархіи того жъ согласія, перевозилъ изъ Воронжина починка за границу старицу Ненилу. 4) Евдокимовъ—впалъ въ расколъ въ 1716 г. со всей своей семьей въ Городцѣ, свезъ на Вѣтку свою жену и на обратномъ пути попался въ руки агентовъ Рѣшилова. 5) Кирсановъ—Балахонецъ, Городецкой волости, изъ дѣтства молился двуперстно, исповѣдовался и причащался у вѣтковского чернаго попа Антонія, свезъ на Вѣтку свою жену, трудника старца Якова, старицу Иранарху и еще неизвѣстныхъ ему по имени старицу и трудника, ѣхалъ взятъ на Вѣтку своего отца. 6) Пономаревъ—Нижегородецъ, Софонтьева согласія, изъ дѣтства исповѣдывался и причащался у бѣлаго попа Авраамія, свезъ за границу, на Вилеву слободу, гдѣ жилъ дьяконовецъ черныи попъ Андрей, двухъ раскольниковъ и на обратномъ пути пойманъ Рѣшиловымъ. 7) Старица Анисья—родомъ Городецкой волости, крещена раскольниковымъ попомъ, пострижена такимъ же чернымъ попомъ Никифоромъ; когда была взята, въ то время съ нею ѣхало на Вѣтку изъ Керженскихъ келій 8 подводъ, на которыхъ было 16 старицъ и бѣлицъ. 8) Емельяновъ—Балахонецъ, раскольникъ «издревле», съѣхалъ на Вѣтку съ сестрой своей старицей Матроной и на обратномъ пути пойманъ; возилъ ихъ Зыбковскій раскольникъ за 5 руб. 9) Ивановъ—Заузелской волости, раскольникъ года съ 4 со всей семьей, духовника имѣлъ бѣлаго попа Авраамія, везъ изъ найму на Вѣтку старицъ: Маремьяну и Авдогью. 10) Жуковъ—Вязниковецъ, раскольникъ, ѣздилъ на Вѣтку съ двумя семьями. 11) Ероѣевъ—работникъ Вязниковскаго посадскаго человѣка Мокія Тимоѣева, наученъ расколу хозяиномъ, свезъ его на Вѣтку съ книгами и образами. 12) Схимница Феодора—родомъ изъ г. Романова (Яросл. губ.), за мужемъ была въ Казани, 45 л. тому назадъ пострижена въ Керженскомъ скиту Онуфріева согласія попомъ Досиѣемъ, жила въ сосѣднемъ скиту подъ началомъ у матери своей Марѣы, у которой подъ началомъ было старицъ до 30, да «поколщиковъ» (дрова кололи?) мужчинъ человѣка по

два, схвачена на дорогѣ въ Вѣтку съ просфорой и агнецемъ, полученными будто бы отъ постригавшаго ее попа Досиея и другаго попа Онуфрія; созналась, что причащала этимъ агнецемъ раскольниковъ, которыхъ предварительно исповѣдывала, что правила съ своими келейницами утренн, вечерни, часы и молебны; ѣхала на Вѣтку провѣдать, чтобы самой переѣхать и другихъ перевести туда; указала на притонъ Онуфріевцевъ въ Нижнемъ у Василья Максимова и Ивана Муратова, а въ Кузьмодемьянскѣ — у кузнеца Онисима Оюина. 13) Михайловъ — раскольникъ Ларіонова починка, ѣхалъ на Вѣтку съ матерью и сестрой и старицей Теодорой. 14) Матвѣевъ — раскольникъ отъ дѣда и отца, родомъ Костромичъ, жилъ на Москвѣ въ расколѣ за укрывательствомъ 4 поочередно приходскихъ поповъ, изъ которыхъ одинъ, съ Краснаго пруда, по имени Евфимій, крестилъ у него дѣтей по старопечатному требнику, другой — Федоръ былъ съ Покровки отъ Предтечи, третій — Василій, его духовникъ, оставя приходъ, жилъ по домамъ тайно; Матвѣевъ же указалъ на три скита — женскій старицы Дороеи, безъ указанія его мѣстоположенія, мужескій въ Семеновскомъ починкѣ и такой же Макарьевскій, гдѣ исповѣдывалъ и причащалъ бѣлый попъ Семень; съѣхалъ на Вѣтку, „*бывая отъ управления Питирима*“ и двойнаго оклада. 15) Федоровъ — родомъ Костромичъ, раскольникъ лѣтъ 15, ѣхалъ на пограничье въ слободу Зыбкую съ матерію, везъ и другихъ за деньги. 16) Захарова — родомъ изъ Суздальскаго края, безпоповщинскаго согласія, ѣхала на пограничье, гдѣ жилъ ея духовникъ Макарій. По ея показанію Макарій исповѣдывалъ ихъ такъ: «собравъ человекъ 30 или 40, исповѣдывалъ глухою исповѣдью, напоминая кійждой свой грѣхъ, соединенный въ разныхъ лицахъ человѣческимъ естествомъ, и нѣкую исповѣдь проповѣдывалъ будто скитскихъ отцовъ, и общее всѣмъ прощеніе давалъ, а по исповѣди проглашалъ сіе слово: «Богъ васъ простить, а вы де меня простите». А во ученіи де проповѣдывалъ: «плачьтеся, Богъ васъ не оставитъ»; а о причастіи — де толковалъ: «слезы де намъ вмѣняются вмѣсто причастія, и вѣра наша правая, и по вѣрѣ де нашей вся намъ готова отъ Бога». А погребеніе — де у нихъ однимъ канонемъ, а крещенія — де младенцевъ у нихъ никакова не бывало». 17) Матвѣева — дочь православной матери, завезла мать свою насильно въ раскольниковую слободу Стародубскую Тимошкинъ Перевозъ, гдѣ она «въ раскольниковомъ сусвѣрїи и умре», какъ ни

старался спасти ее отъ раскола ея сынъ. 18) Ивановъ—родомъ изъ Юрьевца Повольскаго, увлеченъ въ расколъ въ Чернораменскихъ скитахъ учителемъ Меркуриемъ Григорьевымъ, который говорилъ ему «отъ св. писанія и отъ Ипполита о временахъ и о лѣтахъ, и о царствѣ анти-христовѣ и о печати его, и о Иліи и о Епохѣ и о мерзости заупустѣнія», и о прекращеніи таинства пригашенія,—послѣ чего и самъ Василій Ивановъ проповѣдывалъ «единумудренное согласіе» въ стародубской раскольнической слободѣ Чернецкой; ѣхалъ на границу съ 18 раскольниками. 19) Иванъ Григорьевъ—изъ Орла, увлеченъ въ расколъ въ Орлѣ учителемъ Ѳедоромъ Ѳоминымъ, жилъ въ Ригѣ, гдѣ зналъ многихъ раскольниковъ, изъ Риги перѣхалъ на Вѣтку, гдѣ былъ въ духовенствѣ у попа Антонія; ѣхалъ во второй разъ на Вѣтку съ сестрой Марею и былъ Рѣшиловымъ пойманъ. Григорьевъ указалъ въ Орлѣ на нѣсколькихъ чело-вѣкъ раскольниковъ, въ томъ числѣ на сборщика Борякина, который, по его словамъ, «зналъ множество всякихъ раскольниковъ» въ этомъ городѣ, и на пристанище раскольниковъ въ этомъ городѣ у Савелья Гатилина, жившаго въ Стрѣлецкой слободѣ. 20) Михайло Мартыновъ, Зыбковскій войтъ, крестьянинъ дворцоваго села Даниловскаго, деревни Хабаровой, поповщинѣ наученъ съ малолѣтства дѣдомъ и отцомъ, отца духовнаго не имѣлъ на родинѣ лѣтъ съ 20; 25 лѣтъ тому назадъ поселился въ Зыбкой съ семьею, гдѣ они духовными отцами имѣли раскольническихъ поповъ Александра Римлянина, Бориса Калужанина и Леонтія, жившаго въ Слободѣ Зыбкой. Мартыновъ вмѣстѣ съ бурмистромъ Карповымъ не допускалъ Рѣшилова до переписи слобожанъ. Послѣдній не былъ изъ числа пойманныхъ при переходѣ за рубежъ; онъ былъ взятъ къ допросу за сопротивленіе миссіонеру Рѣшилову¹⁾).

Опис. док. и д., хран. въ арх. св. сян. т. I, ст. 583—585. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323 стр. 160—164. О старицѣ Анисьи см также № 1386, стр. 242—244. Она была заключена подъ началъ въ женскій монастырь подъ Новгородѣверскомъ. Подводчику Акиму Ѳедорову Пригарницкому, жителю Новгородскому, она рассказывала, что Рѣшиловъ „изымалъ“ ее въ Почепѣ, взялъ «лошадей двоя и денегъ рублей съ 20» и *нудилъ меня къ студодлянню*, я его не послушала». При помощи того же Акима Пригарниц-

Въ числѣ пойманныхъ въ 1723 г. агентами миссіонера Рѣшилова, при переходѣ черезъ границу, былъ и «презельный раскольнической учитель Иванъ Парфеновъ, сынъ Подпружниковъ» (21). На допросѣ онъ сказалъ, что лѣтъ съ 40 онъ крестится двуперстно, что въ 1705 г. „сѣхалъ“ за рубежъ на Вѣтку и былъ здѣсь въ духовенствѣ сначала у чернаго попа Θεодосія, а потомъ у брата его Александра, также чернаго попа, что «читая лѣтъ 30 Библию, печати Острожской, благовѣрнаго де князя Константія Константиновича, напечатанную—де въ 1581 г.», онъ нашелъ, что въ нынѣшнія времена исполняется апокалипсическое пророчество, заключающееся въ 20 главѣ: „седьмое де царство наше русское, возьмутъ де христіане во владѣніе Царьградъ“. Находя, что указаніемъ на 20 главу Апокалипсиса Подпружниковъ коснулся «высокой чести Е. И. Величества», Рѣшиловъ не дерзнулъ дальше и разговаривать съ Подпружниковымъ; онъ передалъ его своему директору, Черниговскому еп. Иродіону, который препроводилъ его въ только что почти образовавшуюся тогда Малороссійскую Коллегію для отправки въ сенатъ. Въ синодальной канцеляріи Подпружниковъ подробно рассказалъ свою біографію и обстоятельства, при которыхъ сдѣлался раскольникъ, и притомъ убѣжденнымъ раскольникъ. Оказалось, что онъ родился въ Юрьевѣ Польскомъ и крещенъ былъ православнымъ священникомъ и «не противнымъ дѣйствомъ», т. е. не пораскольнически. Еще мальчикомъ переехалъ онъ съ своимъ отцомъ, посадскимъ человѣкомъ, по рѣшеслу сыромятникомъ, въ Москву, «гдѣ и учился церкви живоначальныя Троицы, что въ Сыромятникахъ, у пономаря Мирона по старопечатнымъ книгамъ, и священное писаніе знаетъ. Какъ пришелъ въ совершенный разумъ и совершенный возрастъ, жилъ онъ въ приходѣ упомянутой церкви, въ посадѣ, въ Сыромятной слободѣ, и всякія подати платилъ, и по выбору слободскихъ людей службы служилъ, въ старостахъ и въ ратушѣ бур-

каго „черницы—старовѣрки“ были изъяты раскольниками и изъ женскаго монастыря Печеницкаго. Онъ же рассказывалъ, что слышалъ въ слободѣ Воронкѣ, во дворѣ Петра Терентьева, когда собрались туда мѣстные раскольники, то «говорили обще всѣ»: *«оного де вѣра Божія, Ирода Рѣшилова, убить, гдѣ на увѣдѣ или въ городѣ, всѣми силами старатися и мѣютъ»*.

мистромъ и на пушечномъ дворѣ у приему и отдачѣ денежной казны, и сочтенъ и начету на немъ неавилось, и довольствовался мастерствомъ— дѣлалъ сыромятныя кожи, къ сѣдламъ подпруги и имѣлъ торгъ въ лавкѣ“. О семейномъ своемъ положеніи объяснилъ, что женатъ и имѣеть трехъ сыновей, которые «учились у разныхъ чиновъ людей по старопечатнымъ книгамъ и божественное писаніе знаютъ». У мѣстныхъ священниковъ въ Москвѣ онъ, Подпругниковъ, жена и дѣти его исповѣдывались и приобщались, «и къ службамъ въ церковь ходилъ и священниковъ съ потребы въ домъ къ себѣ пускалъ; но потомъ, тому лѣтъ съ 17, съ женою и дѣтьми шелъ за польскій рубежъ въ Вѣтковскій Покровскій монастырь... А шелъ онъ не по подговору чьему, но собою, уповавъ тамъ удобнѣе себѣ питомство получить, понеже въ бытіе въ службахъ въ Сыромятной слободѣ пришелъ въ оскудѣніе; а пропускнуго письма у него не было, понеже въ то время и безъ пропускнуго письма проходить было свободно. И пришедъ къ Вѣтковскому старостѣ Халецкому, получилъ отъ него для житья пустой дворъ, съ котораго платилъ въ годъ по два рубля, и въ ономъ дворѣ жилъ полтретья года, и потомъ шелъ въ стародубскій уѣздъ, въ дворцовое село Еленки»¹⁾). Въ этомъ дворцовомъ селѣ Иванъ Парфеновъ и жилъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтился въ Стародубѣ съ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ. Въ періодъ своей Вѣтковской еленской жизни Подпругниковы уже въ православную церковь не ходили, исповѣдывались и приобщались отъ присланнаго изъ за рубежа, именно съ Вѣтки, попа Бориса; но «церковныя преданія», настойчиво утверждалъ Подпругниковъ, «и прежде сего и нынѣ содержи и ни въ чемъ св. церкви никакой противности и расколу, кромѣ двоеперстнаго сложенія и старопечатныхъ книгъ, не имѣю». Оставить двуперстное сложеніе и старопечатныя книги Подпругниковъ рѣшительно отказался, и на допросъ въ Синодѣ выразилъ только готовность платить за то двойной окладъ, какъ это онъ и всегда дѣлалъ по переѣздѣ въ Еленку, выплачивая сначала по 4, а потомъ по 12 и даже больше

¹⁾ По показанію Подпругникова онъ съѣхалъ за рубежъ на Вѣтку въ 1705 г., между тѣмъ по переписнымъ книгамъ Ергольскаго и Брянчанипова онъ съ семьей переселился въ Еленку уже въ 1701 г. М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прил. № 118.

рублей въ годъ еленскимъ войтамъ, для отсылки въ Кіевогубернскую канцелярію. О своемъ злостромъ и хульномъ мудрованіи въ Синодѣ онъ объяснилъ, что находилъ въ книгѣ Ездры и въ 20 главѣ Апокалипскаго пророчества о послѣднемъ времени: «въ нынѣшнее де время Ездрино пророчество присутственно и дѣется де же по оному пророчеству; да и двадцатая глава Апокалипсиса Іоанна Богослова зѣло по настоящему времени вся такъ чинится и седмое царство наше русское нарицается; войдутъ христіане въ Царьградъ и во владѣніе себѣ возьмутъ, и агарянское злочестіе до конца истребится отъ благочестиваго царя». Св. Синодъ усмотрѣлъ «великую противность» Подпруджниковъ чести Его Величества, что онъ такимъ образомъ примѣнялъ пророчества изъ Ездры и Апокалипсиса, и 9-го іюля 1723 г. опредѣлилъ отослать его для розыска въ Тайную Канцелярію. 1-го февраля 1724 г. послѣдняя сообщила Синоду, что „раскольникъ Подпруджниковъ сперва по увѣщанію архіерейскому троекратно не покоренъ пребывалъ въ противномъ своемъ толкованіи, а потомъ онъ былъ пытанъ и съ розыску винился и говорилъ, что впредь такъ толковать не станетъ, а съ кѣмъ оное толковалъ и изначала обученъ, тѣ всѣ померли, а потомъ и онъ Подпруджниковъ умре“. Отъ роду ему было 70 лѣтъ. Предметъ его толкованій о послѣднемъ врѣмени въ извѣстной степени совпадаетъ съ бреднями Донскихъ раскольниковъ конца XVII в., попа Самойла и др. Возможно, что толкованія Подпруджникова имѣли и преемственную связь съ донскими черезъ чернаго попа Феодосія, живалшаго на Дону до Вѣтковской своей дѣятельности¹⁾.

Не смотря на эти положительныя, повидимому, результаты, миссіонерская дѣятельность іеромонаха Рѣшилова въ Стародубѣвѣ, тѣмъ не менѣе,

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323 ст. 171. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сив. т. I, ст. 577—588; т. III, ст. 340—343. Дополн. къ Акт. Ист. т. XII, № 17, стр. 144, 187. Дружининъ: Расколъ на Дону Спб. 1889 г., стр. 143—145. Іеромонахъ Симонъ Бюхановскій по порученію Синода составлялъ отвѣты на какое-то раскольническое толкованіе на книгу Апокалипсиса, для чего и передано было ему самое толкованіе. Опис. док. ад., хран. въ арх. св. Сив. III. ст. 476.

прошла почти рѣшительно безслѣдно; главное, что онъ имѣлъ въ виду и по возможности дѣлалъ во время своего пребыванія среди Стародубскихъ раскольниковъ, было непрочно. Хотя, по его словамъ, имъ и было присоединено къ православной церкви нѣсколько сотъ раскольниковъ, но всѣ они почти вслѣдъ за своимъ обращеніемъ опять перешли въ расколъ, подъ вліяніемъ раскольничьей среды и раскольническаго фанатизма. Положеніе новообращенныхъ и остававшихся на жительство въ тѣхъ же раскольническихъ слободахъ было крайне неприглядно и тяжело, благодаря тому, что раскольники на оставившихъ старую вѣру смотрѣли какъ на предателей и измѣнниковъ, и всячески старались ихъ притѣснять. Не говоря уже о побояхъ, рѣзкихъ выходкахъ противъ православія и разнаго рода нравственныхъ оскорбленійхъ, эти притѣсненія выражались и болѣе сильно, задѣвая самые существенные жизненные интересы новообращенныхъ. Волостные раскольничьи начальники, бурмистръ и выборные съ слободскими войтами, умѣвшіе ладить съ отдаленнымъ Кіевскимъ и ближайшимъ стародубскимъ начальствами, доходили даже до того, что безнаказано взимали съ новообращенныхъ въ большемъ сравнительно съ раскольниками количествѣ указныя и неуказныя окладныя деньги, или отнимали подъ разными предлогами принадлежавшіе имъ, какъ слобожанамъ, грунты и разныя угодья, а также и пожитки, „безчестя и ругаяся за соединеніе“. Такое отношеніе къ новообращеннымъ, кромѣ раскольническаго фанатизма, объясняется и самымъ положеніемъ раскольническихъ общинъ въ Стародубѣ. Дѣло въ томъ, что Стародубскіе раскольники съ 1718 г. платили извѣстный опредѣленный окладъ въ Кіевскую губернскую канцелярію. Если нѣкоторые плательщики этого оклада соединялись съ православною церковью, то тѣмъ самымъ, по существовавшимъ въ то время узаконеніямъ, они выходили изъ раскольническаго общества, и, стало быть, усиливали платежъ тѣхъ, которые оставались въ расколѣ. Чтобы отстоять самостоятельность раскольническаго общества и раскольничьяго управленія, волостные начальники и принимали съ своей стороны мѣры, чтобы не уменьшалось число волостныхъ плательщиковъ. Невыгоды такого порядка хорошо понималъ Рѣшиловъ и справедливо видѣлъ въ немъ самый существенный тормазъ успѣху своей миссіонерской дѣятельности. Въ доношеніи своемъ Св. Синоду, отъ 3 октября 1724 г., онъ писалъ: «Въ Стародубскомъ полку и

Черниговскомъ за разными помѣщиками живутъ раскольщики, которые, по ревности своей раскольнической, записалися въ тягловой платежъ ко онымъ слободамъ раскольническимъ въ команду ихъ раскольническую; а нынѣ Божиимъ спомоществованіемъ и увѣщаніемъ обратилися къ церковному соединенію и, приходя къ намъ, скорбятъ слезно, предлагая свою нужду о нападкахъ отъ раскольщиковъ въ платежахъ несносныхъ за то, что обратилися отъ раскола, также и развращенныя свои приносятъ рѣчи на прельщеніе ихъ простоты“. Въ другомъ своемъ болѣе раннемъ доношеніи онѣ утверждалъ, что „раскольническій бурмистръ Ерема Карповъ съ войты своими и солдаты и раскольники тѣхъ обратившихся отъ раскола паки развращаютъ, и за соединеніе, безчестя и ругаяся, берутъ пожитки ихъ и всякіе платежи правятъ сильно, чего де ради прочіе отговариваются, что де имъ обращаться невозможно, понеже де *сильна рука Еремина, а не синодальная*“. Онѣ желалъ, чтобы новообращенные „по прежнему“ оставались «въ подданствѣ у своихъ помѣщиковъ»¹⁾. Позже, когда раскольничьи слободы находились въ ближайшемъ вѣдѣніи стародубской полковой канцеляріи, послѣдняя не разъ дѣлала распоряженія въ томъ смыслѣ, чтобы волостные раскольничьи начальники не взимали съ новообращенныхъ двойнаго оклада противъ раскольниковъ и ни въ чемъ не имѣли до нихъ дѣлъ, и что обратившіеся отъ раскола должны «дабелѣ и протчое отбывать противъ православныхъ Грекороссійскаго исповѣданія обывателей, а не противъ суевѣрныхъ раскольниковъ, и вѣдомымъ имъ быть въ полковой стародубовской канцеляріи, а не въ раскольническомъ правленіи». Всѣ подобнаго рода соображенія и распоряженія однако-же, надо думать, не облегчали положенія нообращенныхъ, что видно отчасти и изъ того, что не разъ приходилось ихъ дѣлать. Киевская губернская канцелярія въ 1751 г., по дѣлу Дядькина и Кухтина обратилась въ сенатъ за разрѣшеніемъ вопроса, „гдѣ обратившимся изъ раскола жительство имѣть—въ раскольническихъ ли слободахъ, въ какихъ нынѣ находятся, по прежнему, или въ другихъ какихъ мѣстахъ, и гдѣ имъ судомъ и расправою быть вѣдомымъ“²⁾. Послѣдовало ли какое

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, стр. 168, 172 и 139. Ист. стат. опис. Черн. еп., VII, стр. 218.

²⁾ Харьк. ист. архивъ № 12937.

сенатское распоряженіе по этому вопросу—мы не знаемъ. Св. Синодъ въ подобныхъ случаяхъ не разъ высказывался, какъ напр. по дѣлу Михайла Патрикѣва, сына извѣстнаго попа Патрикія, въ томъ смыслѣ, чтобы новообращенныхъ изъ раскола переводить изъ раскольническихъ слободъ въ другія мѣста жительства, православныя. Практическаго значенія подобныя соображенія повидимому не имѣли.

Въ неуспѣхѣ своей миссіонерской дѣятельности Рѣшиловъ винилъ всѣхъ и вся, но только не себя. Кромѣ Кіевскаго генераль-губернатора князя Трубецкаго и подчиненнаго ему Стародубскаго коменданта Пашкова¹⁾, онъ обвинялъ въ томъ же и тогдашнихъ мѣстныхъ малороссій-

¹⁾ Подполковникъ Илья Ивановичъ Пашковъ до 1724 г. былъ Стародубскимъ комендантомъ, съ 1724 г. былъ назначенъ вмѣсто Кокоскина Стародубскимъ полковникомъ, пробылъ таковымъ до 1728 г., и смѣщенъ вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ за взятки и другія насилія. О свойствахъ этихъ насилій говорятъ намъ отчасти протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта. По жалобѣ полчанъ Пашковъ допрашивался какъ въ Глуховѣ, такъ и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и показалъ, что стоящимъ на заставахъ офицерамъ онъ давалъ инструкцію о сборѣ на него съ проѣзжающихъ купцовъ съ параконнаго воза по 20 коп., съ одноконнаго по 16 коп., а съ ярмовъ и меньше... Кромѣ того жаловались на неправильные его суды, отниманіе мельницъ и грунтовъ. Въ докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Верховному Тайному Совѣту по этому дѣлу говорится: «нонеже Петръ I изволилъ въ Малой Россію въ нѣкоторыхъ полкахъ полковникамъ изъ великороссійскихъ людей быть для того, чтобы они, по примѣрамъ прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, не были, и тѣмъ бы народъ тамошній отъ чипимыхъ имъ отъ старшихъ тягостей, обидъ, грабительствъ, отнятіемъ грунтовъ, лѣсовъ, мельницъ, весьма былъ свободенъ, и судъ и расправу чинили правдою, безволонитно и безъ взятокъ, и безъ накладовъ. Ежели кто преступитъ и станетъ жить съ примѣра прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, то и за одно малое преступленіе повиненъ казни; а довольство имъ, полковникамъ, велѣно имѣть съ полковыхъ маетностей». 11 Января 1729 г. Верховный Тайный Совѣтъ положилъ резолюцію, по которой у Пашкова были отобраны всѣ деревни и онъ отрѣшенъ отъ должности; все награбленное имъ должно быть возвращено прежнимъ владѣльцамъ. Сб.

скихъ властей: наказнаго гетмана П. Л. Полуботко, представителей

рус. ист. общ., т. 94, стр. 22—24. А. М. Лазаревскій: Опис. Ст. Малор., т. I, стр. 48—50, 56, 127, 129, 130, 414—422. Интересна характеристика Пашкова, сдѣланая еп. Иродіономъ въ донош. его св. Синоду 1723 г. Оп. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. III, ст. 453—455. Въ немъ онъ писалъ, что «въ его епархіи раскольники обрѣтаются въ Стародубщинѣ и ко увѣщанію не склоняются, понеже защищаетъ ихъ накрѣпко господинъ комендантъ Стародубскій, Ил. Ив. Пашковъ, и не только оныя раскольщики не опасаячися ничего живутъ въ Стародубовѣ, а прѣѣзжаютъ туда и изъ околичныхъ сель безбоязненно; и тѣмъ, которымъ повѣрено дѣль раскольническихъ управление не безпечни въ житіи своемъ, понеже онъ, г. комендантъ, часто на ихъ нападаетъ и убойствомъ имъ грозитъ и раскольщикамъ въ своемъ заблужденіи нѣтъ никакого страха». Въ доказательство справедливости своего доношенія преосвященный приложилъ въ копию доношеніе, полученное имъ отъ одного изъ стародубскихъ священниковъ, Игнатія Петропавловскаго, который въ своемъ доношеніи сообщилъ еп. Иродіону нѣсколько фактовъ защиты Пашковымъ раскольниковъ, а именно: 1) «27 мая 1723 г., онъ, Пашковъ, чрезъ солдатъ своихъ отбилъ изъ подъ аресту, присланныхъ въ Стародубъ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ раскольническую черницу и дѣвку (о нихъ см. выше), а гдѣ онъ ихъ подѣвалъ, то не свѣдомо; 2) 29 мая его же комендантскій служба на предмѣстьѣ въ день торговый напалъ на самого попа Игнатія, бранилъ скверными словами и забойствомъ похвалялся, и сія вся по приказу комендантскому дѣлаются, и во дни торговые премного ихъ, раскольниковъ, изъ слободъ бываютъ и всякъ не безъ запаса, съ палками ходятъ по мѣсту, тутъ же и солдаты и дворовые служки бродятъ, а того и смотрятъ, хто бы не зачепилъ раскольщика; 3) 31 мая въ недѣлю всѣхъ святыхъ самъ комендантъ оварничати почалъ, понеже со свящ. Александра, бывшаго Кулознаго (с. Корознова? Курковскаго?), всенародно на предмѣстьѣ, по служеніи въ церкви идучаго, казалъ рясу сдерети, и какъ его, священника, мордовали, сдираючи рясу, назадъ руки заворочали, самъ онъ на письмѣ донесетъ Вашему преосвященству». Копія письма приложена къ дѣлу св. Синода за № 441—363. Изъ него видно, что священника схватили солдаты комендантскіе, по его приказанію, за то, что онъ когда—то задержалъ раскольника, котораго потомъ у него отбили, а священнику эту вину припомнили и

генеральной канцеляріи и малороссійской коллегіи, правителя генеральной канцеляріи Ивана Левенца, генеральнаго есаула Ивана Мануйловича, стародубскаго наказнаго полковника Петра Корецкаго и др. Епископъ Иродіонъ, со словъ Рѣшилова, въ своихъ донесеніяхъ Св. Синоду 1723 г. писалъ относительно Полуботка: «Наказный де г. гетманъ съ генеральною старшиною необратившихся раскольниковъ въ Москвѣ отсылать не хотятъ, а требуютъ отъ него, епископа, тѣмъ раскольникамъ на подъемъ прогонныхъ денегъ...; онъ же де наказный г. гетманъ съ старшиною стародубскому наказному полковнику къ розыску потребныхъ раскольниковъ за арестомъ у себя держать и въ градскія тюрьмы принимать и караульщиковъ давать не велѣлъ, и въ томъ градскимъ начальникамъ возбраняетъ». Генеральная канцелярія и малороссійская коллегія, не принимая уловленныхъ Рѣшиловымъ раскольниковъ для отправленія ихъ въ «раскольную розыскныхъ дѣлъ канцелярію» и другія мѣста, отговаривались всегда тѣмъ, что у нихъ нѣтъ на то сенатскихъ указовъ, или что отъ епископа не прислано прогонныхъ и кромовыхъ денегъ для отправленія такихъ арестантовъ. На ссылки и указанія епископа на общія правительственныя распоряженія по розыску раскольниковъ обыкновенно отвѣчали, что то «повелѣно великороссійскимъ управителямъ», а не имъ, и что въ тѣхъ указахъ „о малороссійскомъ правленіи нигдѣ не указано“. Левенца и Мануйловича Рѣшиловъ обвинялъ и въ томъ, что

улучили случай схватить его и ограбить. «А какъ онъ, комендантъ, велѣлъ содрать съ меня суконную рясу», пишетъ обиженный, я не даваячися согнулъ руки на персѣхъ крѣпко, а оныя солдаты, по его комендантскому велѣнію, почали мои руки назадъ выворачивать и вывернувши стягли съ меня рясу, а мене на томъ же мѣстѣ простовласаго оставили». По секретарской помѣтѣ на доношеніи епископа слѣдовало „о противныхъ поступкахъ Пашкова предложить къ разсмотрѣнію немедленно“; но было-ли что сдѣлано—невидно. Полн. соб. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323 стр. 158—159, 168—169; № 1386, стр. 237—238, 240, 246. О Пашковѣ см. и Ист. стат. опис. Черниг. еп. Черниговъ. 1873 г. VII, 210—211, 215, 217—218, 221—223. О взяткахъ подполк. Пашкова см. А. М. И. Д. Д. М. св. 62, 1728 г., № 15. Объ отрѣшеніи Ильи Пашкова отъ стародубскаго полковничества за взятки тамъ же и у Лазаревскаго, т. I. Опис. ст. Малор.

они пойманныхъ въ Глуховѣ раскольщиковъ и посаженныхъ подъ арестъ „въ ратушу въ бородахъ“, а равно и „нехотящихъ носить образцоваго платья“ отпускали безъ 60-ти рублеваго штрафа „паки въ расколъ“, и тѣмъ нарушали государственный интересъ. Особенно сильно изъ малороссійскихъ властей Рѣшиловъ жаловался на стародубскаго наказнаго полковника Корецкаго, что онъ, полковникъ, „для собранія съ неисповѣдывавшихся штрафныхъ денегъ сборщиковъ, также и для поимки раскольниковъ, не носящихъ образцоваго платья..., людей не дастъ, отчего де чинится не малая трудность и остановка, и оное дѣло за не малыми трудностями въ совершенство никогда придти не можетъ“. Противъ стародубскаго магистрата и вообще малороссійскихъ обывателей Рѣшиловъ выдвигалъ другое обвиненіе, что они спорить противъ указа о бородачахъ и говорятъ: „тотъ де указъ не къ намъ присланъ и не про нихъ писанъ, но про раскольниковъ“.

Особенно несочувственно малороссійскія власти относились къ Рѣшилову за то, что онъ настаивалъ на сборѣ штрафныхъ денегъ съ неисповѣдывавшихся, начиная съ 1718 г., и совершенно справедливо находили, что слѣдовало постепенно приучать людей къ исповѣди и исполненію обязанностей „званія христіанскаго“, а не наказывать ихъ прямо штрафомъ, въ особенноти „посполитыхъ людей“, по большей части не исполняющихъ этихъ обязанностей „за многотрудными работами“ и другими причинами, „а не нарочности ради“. Въ такомъ-именно смыслѣ высказывался наказный гетманъ и Черниговскій полковникъ П. Л. Полуботко. Въ письмѣ къ еп. Иродіону, приведенномъ послѣднимъ въ извлеченіи въ одномъ изъ его донесеній св. Синоду, онъ такъ говоритъ по этому поводу: „Писалъ панъ Петръ Корецкій, наказный полковникъ Стародубовскій съ тамошнею старшиною, что, по указу св. Синода, присланный отъ него, епископа, іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ великое надъ полчанами стародубовскими, градскими и сельскими людьми, чинитъ затрудненіе: съ каждаго неисповѣдавагося съ 718 г. беретъ по 5 коп. штрафу, въ чемъ де упомянутый стародубскій полковникъ просилъ его, дабы до него, епископа, писать, чтобы штрафованія трудность въ сіе скудное время была оставлена къ осени. По которому де его, полковника, прошенію, полагается онъ на него, епископа, дабы онъ, епископъ, респектуючи на нынѣшніе людскіе недостатки (понеже де въ сей часъ на

хлѣбъ есть дороговъ), послалъ до его, Рѣшилова, указъ, чтобы означенный штрафъ до осени былъ оставленъ, понеже де нынѣ обывателямъ во всемъ нужда: первое-пропитаніе имѣти, второе-консистентовъ довольствовати надлежитъ. Да и исповѣданія де посполитыхъ людей, какъ рассуждати можно, одни за слабостью здоровья, а другіе за многотрудными работами, а не нарочности ради не могли исполнити, понеже де прежь сего обстоятельно о штрафахъ приказанія и объявленія не было, а нынѣ по объявленіи... обстоятельнаго со штрафомъ указа надѣются, что отъ сего часу всякъ подлиннаго званія христіанскаго безпремѣнно въ надлежащее время исповѣдаться будутъ»¹⁾).

Попытка Св Синода присоединить къ православной церкви Стародубскихъ раскольниковъ не имѣла успѣха; Рѣшиловъ не оправдалъ возложенныхъ на него Св. Синодомъ надеждъ въ дѣлѣ обращенія Стародубскихъ раскольниковъ. О его противораскольнической дѣятельности слѣдуетъ сказать тоже, что сказалъ одинъ изслѣдователь о дѣятельности его учителя на проприщѣ миссіонерства-Питиримѣ. Отдавая должную дань уваженія послѣднему, какъ ревностнѣйшему борцу противъ раскола, энергичному, дѣятельному и постоянному въ своихъ мѣрахъ до конца жизни, онъ однакоже находилъ во всей его дѣятельности «одинъ главнѣйшій недостатокъ: отсутствіе искренности, фальшь въ дѣйствіяхъ». Эта фальшь въ дѣйствіяхъ и отсутствіе искренности замѣтны и у учениковъ Питирима, въ томъ числѣ и у Юсіфа Рѣшилова. Подобно Питириму, и Рѣшиловъ, хотя менѣе умѣло, чѣмъ первый, старался рисоваться предъ раскольниками, православными, правительствомъ, какъ миссіонеръ по призванію, для котораго единственное средство обратить заблуждающихся—слово убѣжденія, проповѣдь, а не внѣшнія принудительныя или же жестокія мѣры. А между тѣмъ эти—то послѣднія мѣры и составляли самую сущность миссіонерскихъ приемовъ какъ Питирима, такъ и Рѣшилова²⁾).

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, стр. 153, 165, 171, 238.

²⁾ Такъ смотрѣли на нихъ и раскольники. Въ числѣ перехваченныхъ Рѣшиловымъ раскольничьихъ писемъ съ Вѣтки были письма и въ Поволожье къ родственникамъ, въ которыхъ Вѣтковцы писали, чтобы «пріѣжали къ нимъ позвѣшкавъ, пообождавъ писемъ отъ нихъ..., понеже де нынѣ имъ за рубежомъ отъ присланнаго изъ св. Синода Рѣ-

Правда, послѣдній не могъ такъ властно и увѣренно дѣйствовать противъ раскольниковъ, какъ первый, сильный своими связями съ сильными міра; но и онъ, какъ мы видѣли, для обращенія раскольниковъ пользовался «погребомъ», конфискаціей имущества и тому подобными средствами. «Такой фальшивый способъ дѣятельности», говоритъ тотъ же изслѣдователь о миссіонерствѣ Птитирима, «естественно не могъ привести къ благимъ послѣдствіямъ. Хотя по отчетамъ Птитирима и выходило, что раскольниковъ обратилось много—цѣлыя тысячи; но, нужно признаться, обращеніе это было лицемѣрное, вынужденное «страхомъ наказаній» и «рванія ноздрей». Вынужденность по началу блистательно и показала себя въ концѣ. Лишь только мѣры насилія были оставлены, — всѣ обратившіеся снова впади въ расколъ, и начали тѣснить даже православныхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствовалъ самъ Птитиримъ. По его словамъ дѣло дошло до того, что раскольники стали убивать священниковъ, заботившихся о поддержаніи православія. Весьма натурально, что одинъ и тотъ же способъ дѣйствій произвелъ одинаковые результаты въ Поволожѣ и Стародубѣ и далъ ясное и убѣдительное указаніе на то, какъ миссіонерствовать не слѣдуетъ¹⁾.

шилова великое чинится затрудненіе, также какъ и имъ отъ Птитирима. . .»
П. с. п. и р. по в. прав. исп. IV, стр. 160.

¹⁾ Н. А. Сахаровъ: Дѣятельность Птитирима противъ раскола. Странникъ за 1881 г. сентябрь, стр. 114—116.—Ср. Есиповъ. Раск. дѣла. Т. 1, стр. 648; т. 11, стр. 195, 219; Древ. Рос. Вивл. X, стр. 406 и др. Ист. Рос. Соловьева, XVIII, 332—333. Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Сип. 1, № 65—28, стр. 46;—т. V, № 121, ст. 207—208. У Поволожскихъ раскольниковъ и донинѣ живеть память о Птитиримѣ въ поговоркѣ, напр. „Птитиримъ людей пятерилъ“ и т. д. О послѣдующей миссіонерской дѣятельности Рѣшилова внѣ предѣловъ Черниг. епархіи, напр. въ Новгородской, въ Старорусскомъ у., по порученію преосвящ. Θεодосія, см. Оп. д. и д., хран. въ арх. св. Сип. т. V, № 145—151, стр. 257—261. Здѣсь, между прочимъ, Рѣшиловъ натолкнулся на бывшего въ расколѣ свящ. старорус. у., погоста Черенчицъ, Флора Харитоновна, обращеннаго въ расколъ раскольническимъ начальникомъ и учителемъ, изв. *Θεοδοгіемъ Висильевымъ*. Послѣдній «проклялъ бывшій на

Вдобавокъ, какъ миссіонеръ, Іосифъ Рѣшиловъ не обладалъ и сотой

Харитоновъ свящ. чинъ, растригъ и перекрестилъ по своему ученію тремя токмо въ воду погруженіями и назвалъ Григоріемъ». Харитоновъ бѣжалъ за польскій рубежъ, жилъ за паномъ Куницкимъ вблизи свята Ѳеодосія Васильева. Въ маѣ 1725 г. «изыскиватель раскольниковъ, іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ, былъ призванъ въ св. Синодъ и спрашиванъ о томъ, что отъ него, Рѣшилова, извѣстно учинилось: нѣкакой де въ Москвѣ раскольникъ жену свою, придерживающуюся благочестія, за приобщеніе божественныхъ тайнъ и за пріятіе церковныхъ святыхъ тирански до смерти замучилъ, о чемъ для лучшаго увѣренія въ Москву приватно и писано, только такого дѣла въ Розыскной Раскольниковскихъ дѣлъ канцеляріи не сыскано, чтобы онъ, Рѣшиловъ, обстоятельно о томъ показалъ. И онъ, Рѣшиловъ, въ присутствіи св. Синода объявилъ, что о вышеобъявленномъ ругательствѣ раскольника онъ слышалъ въ прошломъ 1724 г. въ Москвѣ отъ архіепископа Сарскаго и Подонскаго Леонида, что и дѣло о томъ есть въ Духовной Дикастеріи, а гдѣ этотъ раскольникъ живетъ, какъ ему имя, отечество и прозваніе, о томъ онъ неизвѣстенъ. Когда въ Духовной Дикастеріи дѣла не сыскалось, Рѣшиловъ опять былъ допрошенъ и показалъ, что въ августѣ 1724 г. жилъ онъ на Крутицахъ въ домѣ преосвящ. Леонида, и былъ у нихъ разговоръ о необращающихся богомерзскихъ раскольникахъ: онъ, Іосифъ, говорилъ, что въ Черниговѣ и Стародубѣ имѣлъ онъ съ раскольниками, о св. церкви разглагольствіе; они де, раскольники, ни мало во св. церкви по замерзѣлому своему упрямству не сообщаются*, и что съ ними дѣлать и какъ поступать, просилъ его преосвященство доложить св. Синоду; преосвященный же Леонидъ рассказалъ ему и вышеприведенный случай. Спрошенный по этому дѣлу архіеп. Леонидъ (уже Крутицкій) отвѣтилъ, что ничего подобнаго не было и быть не могло, «понеже для положенныхъ на него дѣлъ пребываніе тогда и нынѣ имѣеть на Московскомъ дворѣ, а не на Крутицахъ»; а если бы было такое или подобное дѣло, то давно бы было донесено о немъ св. Синоду. Предвидя новый допросъ, Рѣшиловъ неизвѣстно куда скрылся. Оп. д. и д., хран. въ арх. св. Син. т. V, № 122—215, ст. 207—208. Вскорѣ впрочемъ послѣ того Рѣшиловъ очутился въ синодальной тюрьмѣ. Взятый архіепископомъ Ѳеофилактомъ изъ послѣдней, въ 1726—1727 г.г. Рѣшиловъ разыскивалъ и обращалъ записныхъ и потаенныхъ раскольниковъ Ржевы Володимеровой, приложивъ

долей тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя проявилъ Питиримъ въ своей противораскольнической дѣятельности. Да и всѣ вообще свѣдѣнія о немъ невыгодно характеризуютъ его какъ нравственную личность. По словамъ г. Чистовича, автора извѣстнаго изслѣдованія: «*Феофанъ Прокоповичъ и его время*» (Сборн. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Паукъ, т. IV, (Спб. 1868 г.), знакомаго впрочемъ болѣе съ послѣ—стародубскою жизнью и судьбой Рѣшилова, послѣдній «былъ человекъ пустой и продажной, грубый и наглый проходимецъ, у котораго въ душѣ не осталось повидимому ни одного чистаго понятія, ни одного честнаго движенія. Онъ въ грошъ не ставилъ монашество, хотя былъ іеромонахомъ; развратничалъ съ крайнимъ безстыдствомъ; но гдѣ нужно было, ползалъ и пресмыкался съ такимъ же крайнимъ самоуничиженіемъ. Въ монастыряхъ Тверской епархіи (послѣ стародубской миссіонерской дѣятельности), которыми онъ управлялъ съ званіемъ игумена, онъ не возбуждалъ ничего, кромѣ ненависти, своими притѣсненіями монаховъ и монастырскихъ крестьянъ, хищничествомъ и поборами. Даже снисходительный къ нему Феофилактъ (Лопатинскій, тверской архіепископъ, рассчитывавшій на Рѣшилова какъ на человека начитаннаго въ раскольнической письменности и знавшаго разные раскольническіе толки) долженъ былъ дѣлать ему иногда строгія внушенія и подвергать его административнымъ взысканіямъ. «Посланъ ты, писалъ ему разъ преосвящ. Феофилактъ, во св. обитель Клобуковскую (переведенъ изъ Ракова монастыря въ 1728 г.) настоятелемъ въ такомъ надѣяніи, чтобы ты въ началѣ самъ исправленъ былъ, также и врученное вамъ, какъ братію, такъ и епархіальныя дѣла духовныя, по данной инструкціи, исправлялъ. А нынѣ слышно намъ не только отъ тамошнихъ жителей, но и отъ многихъ постороннихъ людей, что житіе и поступки имѣешь ты весьма не добрые и правиламъ св.

при доношеніи тверскому архіепископу о нихъ и списокъ главныхъ потаенныхъ раскольниковъ и раскольниковыхъ скитовъ. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода, т. VI, ст. 564—565. Объ общемъ характерѣ миссіонерской дѣятельности Іосифа Рѣшилова см. въ изслѣдованіи священника А. Синайскаго: „Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства въ первые годы Синод. управленія при Петрѣ Вел. (1721—1725 г.г.). Спб. 1895. Стр. 40—48.

апостолъ и св. отецъ противные, а именно: прїѣхавъ ты въ Клобуковъ монастырь и вшедь въ св. церковь, изъ алтаря въ царскія двери въ мантіи входъ и выходъ имѣлъ, чего во всей Россіи и при томъ никому не дано, кромѣ высшихъ степеней архимандритовъ, а не всѣмъ архимандритамъ, о чемъ и въ настольной грамотѣ сего дерзавъ не велѣно. Также въ церковь не ходишь, только въ воскресные дни, и для того своего выхода приказываешь, чтобы звонъ былъ и безъ звону не ходишь; а въ поліелейные дни праздновать не велишь и звонъ по церковному уставу воспрещаешь; а когда служишь, и въ томъ служеніи діаконовъ не токмо руками бьешь, но и служебникомъ въ нихъ бросаешь. А издревле въ оной обители читали на повечеріи по три канона съ акантономъ: ты оставилъ. О св. обители никакого радѣнія не имѣешь, только по своимъ прихотямъ все старое переламываешь, отчего, за вашими бездѣльными и излишними прихотями и расходами; св. обитель во всеконечное пришла разореніе, а паче и въ барышничествѣ твоемъ Клобуковскихъ казенныхъ и собственныхъ твоихъ лошадей, чего настоятелямъ дерзавъ не надлежитъ. И не токмо что самъ ты, и кумъ твой Суворовъ всякими вымыслами, для своихъ бездѣльныхъ корыстей, священниковъ и церковнослужителей тирански мучите, но еще по сердцу своему избрали, для бездѣльнаго своего средства, введенскаго попа Тимофея, и безъ выбора того города священниковъ самовольно опредѣлили въ старосты поповскіе, который, подозрительный съ тобою въ свойствѣ, по уѣзду ѣздилъ, а для чего и по какому указу, того не объявляетъ. И не токмо священникамъ съ причетники чинитъ онъ, попъ Тимофей, бѣды и разоренія, но въ монастырь прїѣзжая власти ругаетъ. Паче же, что ты церковнымъ вещамъ касаешься, а именно: двѣ чаши серебряныя, которыя для соединенія божественныя службы построены, взялъ ты себѣ въ келью, а вмѣсто тѣхъ поставилъ оловячныя; да и другія церковныя вещи забираешь себѣ въ келью». Добрый по природѣ архіепископъ прощалъ ему всѣ эти вины, если онъ исправится. «Если же опять на тебя будетъ какое доношеніе, то на тѣлѣ твоемъ будетъ положеніе не малыхъ ранъ и изверженіе изъ игуменскаго сана. Да ты-жъ, разверзи свое адское горло, при многихъ знатныхъ особахъ кричишь, что въ Кашинѣ и въ уѣздѣ всѣхъ поповъ разорю, и что взятки беру для того, что у меня у всѣхъ глаза заглѣплены и никакого де не боюсь». Письмо заканчи-

вается собственноручною припискою Теофилакта: «о семъ тебя остерегаетъ Теофилактъ, архіепископъ Тверскій и Кашинскій. Марта 19, 1729 г.». Въ другомъ случаѣ тотъ же изслѣдователь, говоря о извѣстномъ процессѣ по поводу подметнаго письма 1732 г. съ пасквилемъ на Теофана Прокоповича, къ которому привлеченъ былъ и Рѣшиловъ, какъ подозрѣваемый вмѣстѣ съ другими составитель письма отъ папы къ новгородскому архіепископу Теофану Прокоповичу, называетъ Рѣшилова человѣкомъ «съ извортливой совѣстью, дурнымъ и болтливымъ», который, ничего не понимая, обо всемъ разсуждалъ и со всѣми толковалъ: о солдатахъ, что они не бодры и очень не надежны, и еслибъ въ народѣ стала смута или замѣшательство, то отъ нихъ не много помощи надѣяться, объ отягощеніи народа, о недородахъ хлѣбныхъ, о иноземцахъ, находившихся въ службѣ русской, о распоряженіяхъ св. Синода, обо всемъ». «Вотъ де,—разсуждалъ онъ съ Симоновскимъ экономомъ Серафимомъ,—по указамъ св. Синода, которые были указы напредъ сего, о привѣсахъ на св. иконахъ, о свѣчахъ въ церквахъ и о голубцахъ, что надъ умершими, о малыхъ монастыряхъ и пустыняхъ въ приписку къ большимъ монастырямъ: за все токмо Θεодосій (Яновскій) пропалъ, а ихъ святѣйшества какъ живутъ, такъ живутъ». Правду сказалъ о Рѣшиловѣ Саввинскій архим. Антоній, также привлеченный къ Рѣшиловскому дѣлу: «Рѣшиловъ, какъ мельница, на весь свѣтъ мелеть». То мечталъ онъ о епископствѣ, то о схимонашествѣ въ Бизюковѣ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ нѣсколько времени передъ привлеченіемъ къ процессу о подметномъ письмѣ. «Схимонашескій образъ онъ, Рѣшиловъ, въ Бизюковѣ монастырѣ воспріять хотѣлъ-ли, о томъ я нижайшій не знаю»,—разсказывалъ въ собраніи слѣдственной комиссіи Іоасафъ Маевскій, архим. Бизюкова монастыря, такой же проходимецъ въ то время изъ Малороссовъ, какимъ былъ Рѣшиловъ изъ Великороссовъ, дошедшій однакоже въ Кіевскихъ школахъ до реторики и «подъ дирекціей» Теофана Прокоповича слушавшій тамъ логику,—«и у трезваго его о семъ не слыжалъ. А напившись пьянъ, онъ, Рѣшиловъ, говаривалъ, что желалъ бы въ Бизюковѣ монастырѣ схимонахомъ быть и келью себѣ построить. И я, нижайшій, оныя его, Рѣшилова, пьяныя рѣчи виѣнялъ въ смѣхъ, а не въ правду». Не даромъ и преосвященный Теофилактъ, такъ много и долго покровительствовавшій Рѣшилову, въ концѣ концовъ горько разо-

чаровался въ немъ и призналъ публично его недобросовѣстнымъ. Въ июнѣ 1735 г. Теофилактъ былъ привлеченъ къ Рѣшиловскому дѣлу, по оговору самаго Рѣшилова, а въ декабрѣ того же года его передали изъ Кабинета въ Тайную Канцелярію, съ тѣмъ, чтобы допросить его кабинетнымъ министрамъ и, въ случаѣ разнорѣчій, сдѣлать ему очныя ставки съ Маевскимъ и Рѣшиловымъ. На одной изъ такихъ очныхъ ставокъ Рѣшиловъ не постыдился просить Теофилакта, чтобы онъ укрывательствомъ не пролилъ его, Рѣшилова, крови. Теофилактъ не выдержалъ этой безсовѣстности и публично отвѣчалъ на его просьбу такъ: «Въ тебѣ, сударь, свиная кровь»; съ тѣхъ поръ Рѣшиловъ сдѣлался ему просто противенъ. Между обвиненіямъ, взведенными на Лопатинскаго, со словъ Маевского и Рѣшилова, было 4 пункта, по которымъ тогдашній подсудимый не могъ избѣжать пытки: а) онъ говорилъ, что Петръ I, а за нимъ и весь царскій домъ, преданъ лютеранству; б) о поведеніи Екатерины I выражался слишкомъ непочтительно и даже не благопристойно; в) говорилъ, что Петръ II воспитанъ былъ дурно и притомъ въ лютеранствѣ; г) что послѣ него слѣдовало бы на престолѣ русскомъ быть не Аннѣ Ивановнѣ, а дѣтямъ Анны Петровны, старшей дочери Петра Вел.

Въ 1738 г., 13-го декабря слѣдственная по Рѣшиловскому дѣлу комиссія изъ кабинетныхъ министровъ обвиняла архіеп. Теофилакта и въ томъ, что онъ не обращалъ вниманія «на важныя продерзости» Рѣшилова, а именно, что въ бытность его въ Клобуковомъ монастырѣ «произносилъ о имѣющихся въ крестѣ св. мощахъ, что онъ малу въру имѣеть и образъ живоначальныя Троицы съ мощами изъ церкви понамарю выкинуть вонъ приказалъ и прочія продерзости чинилъ»... Таковъ былъ «коханный прелать», какъ назвалъ его разъ въ 1728 г. архіеп. Теофилактъ, поздравляя за чашею вина съ Клобуковскимъ игуменствомъ, и «коммиссаръ св. правительствующаго Синода», во время своей стародубской миссіонерской дѣятельности, мечтавшій, при слухахъ о возстановленіи патріаршества при Петрѣ II, сдѣлаться епископомъ, при посредствѣ того же своего покровителя Теофилакта, одного изъ кандидатовъ на патріаршество въ то время по народной молвѣ¹⁾.

¹⁾ Чистовичъ, И. Теофанъ Прокоповичъ и его время стр. 461—462, 482—483. Подробности процесса о подметномъ письмѣ съ пас-

Мѣры миссіонерскаго воздѣйствія на стародубскихъ раскольниковъ

квилемъ на Теофана тамъ же, стр. 407—412, 470—493. Письмо папы въ архіеп. Новгородскому напечатано г. Чистовичемъ въ «Нов. мат. для Рѣшил. дѣла», стр. 57—58. Срав. его же: 1) «Рѣшил. дѣло. Теофанъ Прокоповичъ и Теофилактъ Лопатинскій. Матеріалы для ист. первой полов. XVIII в.» Спб. 1861. 2) Новые матеріалы для Рѣшил. дѣла. М. 1862. Особенно важны въ первомъ изъ указанныхъ сочиненій приложенія, а именно: 1) «Примѣчанія, которыя подають подозрѣніе въ сочиненіи подметнаго письма на іеромонаха Іосифа Рѣшилова» (стр. 8—14); 2) «Примѣчанія изъ разныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, что извѣстнаго пашкевиля, въ 1732 году, мѣсяца... авторъ или сочинитель есть бывшій монахъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ» (стр. 15—16). О дальнѣйшей судьбѣ Рѣшилова извѣстно слѣд. Не смотря на то, что онъ все свалилъ съ своихъ плечъ на Теофилакта и Маевского, его пытали въ тайной канцеляріи столько разъ, что почти со всѣмъ разорвали. До 1740 г. онъ содержался въ крѣпости, получая на содержаніе по 3 к. въ сутки. Въ 1740 г. онъ былъ еще живъ, потому что 20 декабря состоялся Высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось: Маевскому, Рѣшилову, Ясинскому и др., хотя они и виновны явились, вины ихъ отпустить и разслать въ разные монастыри, именно разстригъ: Маевского, Рѣшилова и Ясинскаго въ братство... Тайная канцелярія, по обычаю, обязала ихъ подпиской: «О чемъ они въ тайной канцеляріи спрашиваны и что на то показали, о томъ имъ разговоровъ ни съ кѣмъ никогда не имѣть и ни подъ какимъ видомъ отнюдь не разглашать; а ежели они о томъ съ кѣмъ имѣть будутъ разговоры или хотя мало о чемъ станутъ разглашать, и въ ономъ отъ кого будутъ обличены, и за то учинена имъ будетъ смертная казнь». Это послѣднее официальное извѣстіе о Рѣшиловѣ. Толки о возстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра I ходили не только въ монашеской средѣ, но и въ средѣ государственныхъ сановниковъ, принадлежавшихъ къ приверженцамъ русской старины. По слухамъ вн. Д. М. Голицынъ и И. А. Мусинъ-Пушкинъ стояли на сторонѣ тверскаго архіепископа Теофилакта; Долгорукіе поддерживали Ростовскаго архіеп. Георгія Дашкова; о Теофанѣ Прокоповичѣ—никто ни слова. Только архим. Іоасафъ Маевскій разсуждалъ съ Рѣшиловымъ; «ежели бь,—да чего Боже сохрани,—произвели въ патріархи новгородскаго архіерея, то

не прекращались и по удаленіи Рѣшилова изъ Стародубья въ концѣ

живыхъ насъ поглатаетъ». Въ иныхъ общественныхъ слояхъ обращались имена Нижегородскаго архіеп. Питирима и духовника Императрицы, Троицкосергіевскаго архим. Варлаама. Объ одномъ изъ кандидатовъ — Георгіи Дашковѣ Маевскій толковалъ, «что будетъ въ томъ великое диво, какъ то произведеіе въ патріарха Ростовскому учинится»; въ другой разъ онъ же говорилъ Рѣшилову: „увидимъ де, какъ онъ, Георгій, на патріаршество на лошадахъ вѣдетъ“. Когда слѣдственная коммиссія потребовала у него объясненія: „какое же диво онъ тутъ видѣлъ?“ Маевскій объяснилъ: „это у него было въ разсужденіи потому, что онъ, бывшій Ростовскій, человекъ не ученый, и духовнымъ персонамъ, которыя суть природою изъ малороссіянь, будетъ великое изгоненіе, понеже онъ Малороссійцевъ, какъ о томъ и прочимъ есть не неизвѣстно, весьма ненавидѣлъ“. (Допросы и показанія 7-го марта 1734 г.). Авторъ извѣстнаго „Молотка на Камень вѣры“ писалъ: „Смертію Петровою воскресоша паки Яворскаго единомышленники, яко — Лопатинскій, еп. Тверской; Дашковъ бывъ уже отъ Петра въ заточеніе опредѣленъ, но потомъ епископство Ростовское пріялъ; такожь еп. Коломенскій помощію суевѣрныхъ вступи въ Синодъ: по своимъ прихотямъ прилежа о тиранствѣ папешкомъ трудились. Изъ которыхъ Дашковъ уже такъ близокъ былъ къ патріаршеству, что никакого сумнительства къ возведенію на престолъ не осталось. Но смерть Петра I и судъ Всевышняго не только все оное въ ничто превратилъ, но и ихъ — Ростовскаго, Коломенскаго и Воронежскаго явно обличилъ“. (Реп. Рум. Муз. № CCCCLXVII). Возражатель Молотку отвѣчалъ на это: «Понеже ты дерзнулъ и не постыдился природныхъ русскихъ архіереевъ, отнюдъ папства не знающихъ, и съ породы ненавидящихъ, нахально и напрасно папствомъ порицать: то уже изъ того можно видѣти, какова правда и въ прочихъ твоихъ клеветахъ.... Архіереемъ, отъ тебѣ хулимымъ, неповинно страдавшимъ, по сего свѣта мнѣнію, кончина бѣ христіанская, въ совершенной надеждѣ жизнь вѣчная*. Теофилактъ, человекъ многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, авторъ многихъ сочиненій противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ, лютеранъ и кальвинистовъ, былъ повидимому безразличенъ къ молвѣ о возстановленіи патріаршества: это былъ человекъ далеко не честолюбивый. За то окружающіе его мечтали о почестяхъ отъ будущаго патріарха: Рѣшиловъ уже мнилъ себя еписко-

1724 г.¹⁾ За весь послѣдующій періодъ до Екатерины II, миссіонерство среди ихъ виѣнялось въ обязанность представителямъ мѣстнаго духовнаго правленія, т. е. главнымъ образомъ Стародубскому протопопу и его помощникамъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы Петръвны были однакоже попытки назначенія самостоятельныхъ или специальныхъ противораскольническихъ миссіонеровъ, хотя и не удачныя по приведенію ихъ въ исполненіе. Не видно, чтобы представителями мѣстнаго духовенства предпринимались какія либо систематическія и постоянныя мѣры для миссіонерствованія среди раскольниковъ; однимъ словомъ, это было случайное миссіонерство, по какому либо данному поводу. Дѣло обыкновенно происходило такъ: попадался какой либо раскольникъ мѣстнымъ властямъ —

помъ; Маевскій былъ менѣе честолюбивъ: онъ желалъ только печерской архимандріи послѣ дяди своего Іоанинкія Сенютовича... При одномъ разговорѣ съ Маевскимъ Рѣшиловъ спросилъ: „Отчего не сбылось патріаршество Теофилакта?“— „*Быть бы ему давно патріархомъ*“ отвѣчалъ Маевскій, «*только скрипочки, да дудочки помѣшали*», прибавивъ, что эти слова—объ охотѣ Теофилакта до музыки онъ слышалъ отъ князя Д. М. Голицына въ бытность въ Москвѣ по дѣлу архіепископа. Когда Маевскій сталъ защищать архіепископа, князь сказалъ: «Полно, полно! Я знаю, каковъ вашъ архіерей. Не такъ онъ живетъ какъ отецъ его, преосв. Стефанъ митрополитъ». (Нов. Мат., стр. 59). Теофанъ также любилъ музыку. Голиковъ, *Дьянія П. В.* т. XV, стр. 212. Чистовичъ: Теоф. Прок. и его время. Стр. 628—629. Извѣстны также заведенныя Θεодосіемъ Яновскимъ въ Москвѣ въ 1723 г. *ассамблеи*, на которыя должны были собираться синодальные члены и прочія духовныя власти; правила для нихъ были установлены тѣ же, какъ и для государевыхъ ассамблей. Въ Донскомъ монастырѣ 29 декабря «для ассамблету былъ изготовленъ обѣдъ», что правилами не воспрещалось. Отеч. зап. 1857 г., стр. 21—22.

¹⁾ 12 іюня 1725 г. Кіевскій генераль губернаторъ князь Трубецкой въ своемъ доношеніи св. Синоду писалъ о посылкѣ листовъ «увѣщ. св. Синода объ обращеніи раскольниковъ къ православной вѣрѣ», между прочимъ, и «въ раскольниковыя слободы, поселенныя въ Стародуб. и Чернигов. уѣздѣхъ ко тамошнимъ комендатамъ». Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Сын. т. II, ст. 180, примѣч. прилож. IX.

и его по обычаю присылали Стародубскому протопопу на увѣщаніе, который или самъ лично его увѣщевалъ или передавалъ для увѣщанія своимъ помощникамъ; въ случаѣ упорства или крайне рѣзкаго, иногда кощунственнаго отношенія къ православной церкви и ея представителямъ, попадавшихся такимъ образомъ раскольниковъ отпращивали въ мѣстную духовную дикастерію или консисторію, въ случаяхъ особенной важности— даже въ контору св. Синода. Вотъ нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о характерѣ предпринимавшихъ въ то время мѣстными духовными властями миссіонерскихъ мѣръ противъ раскольниковъ.

19-го мая 1729 г. намѣстникъ протопопіи Стародубской Игнатій Стрыйковскій доносилъ еп. Иродіону, что «отъ давнихъ де годовъ зашай великороссіянинъ торговщикъ Савва въ Стародубовъ, и, между прихожанами разныхъ приходовъ живя, общеніе имѣлъ съ правовѣрными во всѣхъ обрядахъ церковныхъ, со всѣмъ домовствомъ своимъ; а въ 729 г., въ посліе св. четыредесятницы дни, развратился онъ, Савва, и первѣе исповѣдоватися и таинъ святыхъ сообщникомъ быти не похотѣлъ, и съ молитвою Стародубовскаго священника церкви Сочествія св. Духа Іоанна въ домъ свой недопустилъ; а послѣ оному священнику Іоанну, дабы его ни въ какихъ требохъ не вѣдалъ, понеже де онъ, Савва, отступникъ, старую вѣру принялъ, отказалъ». По донесенію намѣстника еп. Иродіонъ обратился къ правителямъ полка Стародубскаго съ отношеніемъ, въ которомъ просилъ ихъ помочь намѣстнику отослать раскольника Савву въ Черниговъ, согласно имѣвшимся на этотъ счетъ указамъ. Правители—судья полковой Ханенко и наказной полковникъ Андрей Миклашевскій—«отступника и раскольника Савву намѣстнику выдать ослушались и взять самому возбранили; ибо де гетманъ Апостолъ въ духовній судъ заказалъ не отдавать, но изслѣдовавъ, ему, гетману, то слѣдствіе отослать къ разсмотрѣнію, которое де и послано для резолюціи». Дѣло было представлено на усмотрѣніе св. Синода; послѣдній писалъ и требовалъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которой въ то время была подчинена гетманская Малороссія, такого указа на этотъ счетъ: «въ малороссійскихъ городахъ и уѣздахъ являющихся раскольниковъ, для увѣщанія ихъ къ православію, отсылать къ архіереямъ неудержанно, и свѣтскіе препятствія духовнымъ персонамъ въ томъ отнюдь не чинили; ибо увѣщаніемъ и обращеніемъ ко св. церкви и къ соединенію съ правовѣрными и раскольники повинны

быть въ вѣдомствѣ духовнаго суда». ¹⁾ Дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстенъ.

По дѣлу 1745 года о книгахъ, отобранныхъ у слободскаго раскольника, членъ Малороссійской Канцеляріи Ильинъ писалъ, что Стародубскій священникъ, являсь въ домъ раскольника Васильева, грабительски забралъ книги и много вещей и надѣлалъ много другихъ обидъ, почему просилъ подвергнуть священника строгому отвѣту. Когда произведено было слѣдствіе, бурмистръ Карповъ, доносившій Ильину на священника, обѣщалъ представить доказательства на доносъ и не представилъ, а Васильевъ, въ прошеніи своемъ, писалъ, что у него взяты только книги, но ничего другаго и обиды никакой не видалъ онъ отъ священника. Преосвященный, сообщая о томъ канцеляріи, просилъ подвергнуть Карпова наказанію за клевету. Ильинъ наивно отвѣчалъ, что „въ канцеляріи сторѣли указы, подвергающіе Карпова отвѣту“. Такъ передается этотъ интересный фактъ въ Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи, на основаніи дѣла архива Черниговской Духовной Консисторіи за 1745 г., № 380. (кн. 1, стр. 138). Самаго дѣла намъ не удалось найти въ указанномъ архивѣ лѣтомъ 1891 г.

15-го марта того же 1745 года извѣстный намъ слободской заводчикъ Кореневъ донесъ въ Канцелярію Министерскаго Правленія, что 3-го марта, будучи въ Стародубѣ, онъ «нашелъ тетрадку, писанную рукою Еленскаго схимника, раскольника Григорья Яковлева, въ которой написаны нѣкакіе вопросы». При доношеніи Коренева приложена была и самая тетрадка съ вопросами, при чемъ сообщалось, что надпись на ней о времени ея полученія, по признанію Коренева, сдѣлана была рукой другаго раскольника Владиміра Михайлова. Началось дѣло; въ министерскую канцелярію прежде всего привлеченъ былъ Еленскій схимникъ, и потомъ, по его показанію, „сысканы и допрашиваны“ еще два раскольника: Михайлъ Григорьевъ и Бузьма Соснинъ. Оказалось, что тетрадка по содержанию представляла «100 вопросовъ о крестѣ» сочиненія Михаила

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. VII, № 2333. Дѣло 1730 г., № 204. Объ отношеніи гетмана Даніила Апостола къ малороссійскимъ архіереямъ, Черниговскому и Переяславскому, интересныя данныя тамъ же: №№ 2290 и 2398.

Григорьева, Климовскаго жителя, по профессіи иконника, пріятеля Ивана Алексѣева, безпоповца, извѣстнаго автора «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ». Григорьевъ принадлежалъ къ Діаконовскому толку, и пользовался въ то время и въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка славой ученаго человѣка среди слободскихъ раскольниковъ. По сказанію Вѣтковскаго лѣтописца, онъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевымъ, «самоучкою» изучалъ «граматику и риторику съ діалектикой Лихудіевы». Министерская Канцелярія, не компетентная, конечно, въ разрѣшеніи вопросовъ о крестѣ, помимо духовнаго правленія и Черниговской Консистеріи, прямо отъ себя экстрактъ по этому дѣлу отправила въ св. Синодъ, который указомъ, отъ 3-го ноября 1746 года, опредѣлилъ рѣшеніе по означенному дѣлу учинить Черниговскому епископу Амвросію Дубневичу (1742—1750 г.г.). Въ Черниговѣ дѣло было рассмотрѣно и рѣшено быстро, но едва ли справедливо; Михайлъ Григорьевъ, отосланный изъ министерской канцеляріи вмѣстѣ съ другими сопрякосновенными къ дѣлу лицами на судъ Черниговскаго архіерея, какъ авторъ «100 вопросовъ о крестѣ», по раскольническому свидѣтельству, былъ «свѣченъ плетьюми по доносу въ Черниговѣ у архіерея... и съ тѣхъ поръ ни черты не выпускалъ, боялся»; потому, — замѣчается въ Вѣтковской лѣтописи, — что «времена были строгія». Между прочимъ изъ этого дѣла о «нѣкакихъ вопросахъ» видно и то, что вопросы, предложенные преосвященнымъ Питиримомъ діакону Александру съ братіей, «не мало тревожили и слободскихъ діаконовцевъ» въ сороковыхъ еще годахъ. «Они давали ихъ читать пріѣзжавшему съ Вѣтки попу Семену и просили отзыва его. Попъ возвратилъ вопросы безъ отвѣтовъ»¹⁾.

¹⁾ Указъ св. Синода, отъ 3-го ноября 1746 г., по дѣлу о «нѣкакихъ вопросахъ» напечатанъ въ Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, 227—228. Тамъ же, кн. 1, стр. 137, 139—140, находится указаніе и на самое дѣло Михаила Григорьева съ товарищи, хранившееся въ Черн. консисторскомъ архивѣ: Дѣло Консистеріи 1745 г., № 383. Намъ лично не удалось его отыскать въ Консистерскомъ архивѣ, какъ и многихъ другихъ раскольничьихъ дѣлъ, указанныхъ въ Ист. стат. опис. По всай вѣроятности это дѣло, какъ и другія раскольничьи дѣла, которыми пользовались при составленіи Ист. стат. опис. Черн. еп., не были возвращены въ консисторской архивъ, если только тогда же не были унич-

Изъ процесса 1747 г. о Воронковской лжехристовщинѣ, начатаго по доношенію того же Коренева и Стародубскаго полковника Федора Максимовича, видно, что привлеченный къ отвѣту Воронковскій житель Семень Моисеевъ «первѣе былъ увѣщеваемъ попомъ Стародубовскимъ соборнымъ Григоріемъ Виницкимъ, а потомъ и протопопоу Григоріемъ Подлужкимъ» и «склонился, чтобы ему быть по прежнему вѣры православной христіанской»¹⁾).

Весьма характеристиченъ случай обращенія въ православіе раскольника Кухтина. Дѣло было такъ. 10-го сентября 1751 года обратился въ Стародубское духовное правленіе съ прошеніемъ Еленскій раскольникъ Георгій Степановъ Дядькинъ, въ которомъ объяснилъ, что 23 года тому назадъ родители его вышли изъ Великороссіи въ малороссійскую раскольничью слободу Еленку, будучи въ правовѣрїи, и что онъ, Георгій, родился въ правовѣрїи и былъ по православному окрещенъ на мѣстѣ своего рожденія. По переселеніи въ Еленку, по наущенію раскольниковъ, отецъ и мать и сестры его дѣвки, по простотѣ своей, превратились въ расколъ, «и его малолѣтнаго тому жъ соединили». Первоначальныя православныя традиціи въ семьѣ Дядькиныхъ были однакоже такъ сильны, что онъ, не смотря на 23-лѣтнее пребываніе въ расколѣ, виѣстѣ съ женой, дѣтьми и своими сестрами, пришелъ къ мысли оставить „явное заблужденіе раскольническаго суетвѣ-

тожены, какъ уже не нужныя якобы.—О учености Михаила Григорьева и сѣченіи его плетью «у архіерея» см. Лѣт. Вѣтк. церкви—рукоп. нашей библ., л. 108.—О Еленскомъ схимникѣ Григоріѣ Яковлевѣ упоминается въ синодскомъ указѣ отъ 3-го ноября 1746 г. Преосв. Филаретъ Гумилевскій въ Обз. рус. дух. лит., изд. III, кн. II, стр. 318—321, отождествляетъ этого Григорія Яковлева съ авторомъ «Испытанія о раскольническихъ мнѣніяхъ и исповѣд. о единой соборной, истинной и православной церкви» и пр., которое писано въ 1748 г. Насколько справедливо это отождествленіе—сказать трудно, не имѣя въ рукахъ указаннаго дѣла косисторскаго архива о Михаилѣ Григорьевѣ и Григоріи Яковлевѣ. О Григоріи Яковлевѣ, какъ авторѣ «Испытанія»... см. и наше «Опис. ркп., хран. въ Черн. Дух. Сем. Спб. 1880 г., стр. 151—157.

¹⁾ Харьков. историч. арх. № 21299. Нов. Мат. по ист. раск. на I. и въ Старод. Кіевъ. 1893 г., № 23, стр. 131—140.

рія“ и увидѣлъ въ немъ «прямую души погибель». Особенно тяготило его, какъ и многихъ другихъ, находившихся въ сходномъ съ нимъ положеніи, отсутствіе законнаго священства у старообрядцевъ—поповцевъ. Среди Еленскихъ раскольниковъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка были и другіе случаи обращенія въ православіе, на что есть указаніе и въ дѣлѣ Дядькина съ Кухтинымъ, какъ и въ другихъ тогочасныхъ дѣлахъ. Въ 1751 г. Стародубская полковая канцелярія доносила въ Генеральную, что раскольникче волостное правленіе чинить обиды обратившимся въ православіе жителямъ описной слободы Еленки Евдокиму, Никифору и Кондрату Сидоровымъ, а другихъ не допускаетъ до этого обращенія, какъ напр. Дядькина. Такое движеніе къ обращенію въ православіе вызвало рѣзкое проявленіе раскольникчаго фанатизма со стороны большинства мѣстныхъ слобожанъ, считавшихъ своею нравственною обязанностью остановить дальнѣйшій ходъ этого движенія, угрожавшаго интересамъ раскола. Въ этихъ видахъ, болѣе фанатичные представители Еленскихъ раскольниковъ, въ томъ числѣ Еленскій войтъ и нѣкій Данило Кухтинъ съ товарищи, начали «чинить обращающимся отъ раскола въ православіе людямъ обиды». Сторону обидчиковъ православія держали и волостныя власти: тогдашній бурмистръ Тимофей Смирновъ и выборный Алексѣй Хрущовъ. Чинимыя обращающимся въ православіе «обиды» прежде всего состояли въ томъ, что у Дядькина, какъ и у прежде его обратившихся въ православіе Еленскихъ раскольниковъ, раскольникчими волостными властями былъ отобранъ «грунтъ и другія угоды». вмѣстѣ съ тѣмъ Дядькинъ былъ намѣренно обвиненъ въ воровствѣ, котораго онъ не совершалъ, и держанъ «въ желѣзахъ» сначала при волостномъ слободскомъ правленіи, а потомъ 20 недѣль и при Кіевской губернской канцеляріи, признавшей его въ заключеніе не виновнымъ по не имѣнію надлежащихъ уликъ. По освобожденіи изъ заключенія Дядькинъ въ Стародубскомъ духовномъ правленіи возбудилъ противъ Кухтина дѣло, перенесенное потомъ въ іюль 1752 г. въ Черниговскую Духовную Консисторію, за то, что онъ, Кухтинъ, «повосилъ православную католическую греческаго исповѣданія вѣру» и «нещадно билъ его, Дядькина». На допросѣ въ Консисторіи Кухтинъ показалъ, что онъ «православно католической греческаго исповѣданія вѣры ни въ какомъ случаѣ не хулилъ, и въ обращеніи отъ расколу доносителя Георгія

Дядькина на оную вѣру онъ, Кухтинъ, къ называнію геретическою, католицкою, никакъ не блядословилъ, и онъ де Дядькинъ донесъ напрасно, по единой за учинившійся ему бой злобѣ. И того де онъ, Дядькинъ, доказать не можетъ; потому де, что тотъ бой ему, Дядькину, посѣдовалъ до обращенія отъ раскола». Дядькинъ утверждалъ противное и говорилъ, что Кухтинъ православную вѣру называлъ «геретическою, католицкою», и что уже вызванный въ Черниговъ просилъ его, доносители, «чтобъ онъ оказалъ, что онъ, Кухтинъ, тѣхъ рѣчей не говорилъ». Последнее обстоятельство Кухтинъ призналъ, но объяснялъ тѣмъ, чтобы «ему, Кухтину, отъ того дѣла скоро освободиться». Въ тѣхъ же видахъ скорого освобожденія отъ суда, Кухтинъ подалъ наконецъ преосвященному Ираклію Комаровскому прошеніе о своемъ желаніи принять православіе. 19-го марта 1753 г. преосвященный Ираклій передалъ Кухтина іеромонаху каедральнаго монастыря Иродіону, которому повелѣвалось его, Кухтина, «по его усердному желанію о принятіи къ православно католической греческаго исповѣданія вѣры наставлятъ подлежащихъ должностей». Оказалось, что «всего отиѣненія съ православіемъ только и вѣдалъ Кухтинъ», что, во-первыхъ, «гнушался въ брадобритіи» и говорилъ, что съ брадобривцами, «какъ съ піаницами и табашниками ясти, пити и молитися восбранено»; что дуперстное крестосложеніе «крѣпко содержалъ», и что наконецъ «не безсумнителенъ и въ обливаніи младенцевъ при крещеніи». По увѣщанію каедральнаго іеромонаха Кухтинъ пересталъ «въ брадобритіи гнушаться», призналъ истину триперстнаго крестосложенія «во изображеніе равенства Пресвятыя Тройцы», и просилъ грекороссійскому исповѣданію православныя вѣры его сообщить»; соглашался «охотно учинить и отрицаніе» отъ раскола по печатной книжицѣ 1742 г. На докладъ іеромонаха Иродіона преосвящ. Ираклій положилъ весьма оригинальную и характерную для архіерея — малоросса резолюцію: „По учиненіи отрицанія очистить ему (Кухтину) предъ духовникомъ совѣсть свою и за приготовленіемъ по должности христіанской приобщить его, Данила, святымъ тайнамъ. *Въ знакъ же его, Данилы, отрицанія отъ раскола и принятія имъ, Кухтинимъ, православной грекороссійскаго исповѣданія отъры, ему, Кухтину, бороду и волоса на головѣ постричь по малороссійску, и утвердить его къ непревратному содержанію вѣры довольнымъ наставленіемъ,*

и за тѣмъ особливымъ доношеніемъ отпуску въ домъ ему требовать¹⁾).

Такъ относимись архіерен — малороссы къ великороссійскимъ расколникамъ...

Въ началѣ 1757 г. слободской заводчикъ Никита Кореневъ обратился въ св. Синодъ съ доношеніемъ, въ которомъ просилъ „о присылкѣ къ нему, Кореневу, священниковъ великороссійскихъ двухъ человекъ, изъ коихъ одному быть при его, Коренева, заводѣ, а другому въ слободѣ Климовой, гдѣ волостная контора, въ коей де кромѣ раскольниковъ имѣются православные“. Свое прошеніе объ опредѣленіи двухъ православныхъ великороссійскихъ священниковъ въ старообрядческія слободы заводчикъ — миссіонеръ мотивировалъ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, удовлетворить церковно-религіознымъ потребностямъ жившихъ среди слободскихъ раскольниковъ православныхъ великороссіянъ, издавна нерасположенныхъ къ малороссійскимъ священникамъ, заподозрѣннымъ въ обливанствѣ, съ другой — содѣйствовать среди раскольниковъ распространенію православія и «учинить усѣченіе раскольническимъ потаеннымъ попамъ». Виѣсть съ тѣмъ въ своемъ прошеніи Кореневъ весьма категорично утверждалъ, что „раскольники, живущіе въ описныхъ слободахъ, нѣкоторые склонны священниковъ имѣть православныхъ. *только бз оны были великороссійскіе*“. Св. Синодъ въ общемъ согласился съ представленіемъ заводчика Коренева и только послѣднему пункту его не придавъ того значенія, на которое указывалъ проситель, благодаря чему и весь послѣдующій ходъ этого дѣла получилъ не надлежащее направленіе. Именно, св. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мѣстный Черниговскій епископъ Ираклій удовлетворилъ желаніе просителя, назначилъ въ указанныя имъ мѣста «священниковъ искусныхъ», «трезваго и благочиннаго житія», и чтобы раскольники «тѣмъ священникамъ отдавали достойное безъ всякаго презрѣнія почтеніе», а послѣдніе увѣщевали живущихъ въ описныхъ слободахъ раскольниковъ, «изъясняя при томъ, что все единое, какъ великороссійскимъ, такъ и малороссійскимъ священникамъ чрезъ благодать св. Духа священство данное и церковь великороссійскаго народа съ

1) Харьков. ист. арх. № 12937, лл. 1—3, 6—8 и пр. — Арх. Черниг. Духов. Конс. № 673, ящ. 24. Новые Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 82, стр. 152—160.

малороссійскимъ ничѣмъ не разнствууетъ, но во всемъ есть правовѣріе и православіе сходственно». Таковъ общій смыслъ синодскаго указа, даннаго Черниговскому епископу Ираклію 7 іюня 1757 г.

Посмотримъ, какимъ образомъ приводился въ исполненіе этотъ синодскій указъ мѣстною властію. 29 октября Стародубскій протопопъ Григорій Подлузскій получилъ изъ Консисторіи въ свою очередь указъ, которымъ повелѣвалось «востребовать обстоятельное письменное утвержденіе отъ волостной конторы, на какомъ именно основаніи и довольствѣ полученіемъ за трудъ свой въ слободу Климову при волостной конторѣ опредѣленный священникъ имѣетъ жить, имѣется ль для жилья священника дворъ и гдѣ тому опредѣленному священнику и съ кѣмъ церковныя священнослуженія христіанскія прилучающіяся и требы отправлять». Требовался при этомъ именной и достовѣрный реестръ находящихся православныхъ при волостной конторѣ и въ описныхъ раскольническихъ слободахъ. По полученіи требуемаго „письменнаго утвержденія“ протопопу поручалось избрать въ своей протопопіи „изъ звонаріевъ, или за неимѣніемъ ихъ и изъ настоящихъ священниковъ, въ коей церкви по два и по три ихъ имѣется“, такого священника, который удовлетворялъ бы выраженнымъ въ синодскомъ указѣ требованіямъ, т. е. былъ бы священникомъ искуснымъ, трезвымъ, благочиннаго житія. Дѣло шло теперь уже только объ одномъ священникѣ, такъ какъ еще 12 октября заводчикъ Кореневъ объявилъ доношеніемъ еп. Ираклію, что только „въ слободу Климову священникъ одинъ потребенъ при волостной конторѣ“...

Дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ ясно, что въ описныхъ слободахъ было весьма ограничено число раскольниковъ, которые были склонны имѣть православныхъ священниковъ. Управитель Морозовъ писалъ Стародубскому протопопу, что если православный священникъ и потребенъ въ описныхъ раскольническихъ слободахъ, то только для находящихся при волостной конторѣ православныхъ служителей, которые однакожь не могутъ „священника съ причетники на своемъ коштѣ содержать за малоимѣніемъ жалованья“. На собранной по этому поводу волостной сходкѣ бурмистръ, всѣхъ слободъ войты и выборные люди отказались взять на себя содержаніе православнаго священника: не дали ни денегъ, ни хлѣба. Не смотря на такое явно несочувственное отношеніе слобожанъ къ православнымъ священникамъ, богатый заводчикъ не переста-

валъ указывать мѣстному епархіальному начальству на необходимость указанной имъ мѣры, именно въ видахъ содѣйствія распространенію православія среди раскольниковъ, и былъ совершенно правъ въ настойчивомъ проведеніи своей мысли. Между прочимъ въ своемъ доношеніи въ Черниговскую Консисторію, отъ 11-го декабря 1760 года, онъ писалъ о необходимости опредѣленія въ раскольниковыя слободы православныхъ великороссійскихъ священниковъ слѣдующее: „А въ оныхъ (священникахъ) состоитъ крайняя надобность..., отчего я принужденъ былъ прибывшаго ко мнѣ изъ раскольниковъ ко увѣщанію отправить въ Каташинскій монастырь къ отцу игумену при письмѣ, объявля, чтобы оному посланному отъ меня никакого принужденія и отягощенія не было учинено, дабы и другимъ впредь приходитъ было повадно; токмо де отъ него, о. игумена, съ нимъ поступлено инымъ образомъ: отосланъ въ Стародубъ подъ карауломъ, отчего де и другіе, страхъ возымѣвъ, намѣреніе свое оставили. И за неприсылкою таковыхъ священниковъ въ порученномъ мнѣ дѣлѣ учинилась остановка и время упущается втунѣ, безъ всякаго дѣйствія»... Ту постановку дѣла, которую придумала мѣстная духовная администрація, именно, вмѣсто назначенія постоянныхъ священниковъ въ раскольниковыя слободы, посылать туда священниковъ на время, по мѣрѣ надобности въ нихъ, съ разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ Стародубскаго протопопа, Корневъ находилъ непрактичной и неудобной. Лишней онъ находилъ и переписку съ управителемъ „о дворѣ священнику и о пропитаніи...; ибо де когда бѣ оныя священники присланы ко мнѣ были, то бѣ о всемъ томъ учинено было и довольствіе“...¹⁾).

За неудачной миссіонерской попыткой Корнева почти непосредственно послѣдовала другая, не болѣе удачная по своимъ послѣдствіямъ, со стороны Клинцовскаго жителя Ѳедора Ѳедорова Попова, „повѣреннаго отъ желающихъ сущаго благовѣрія“. Какъ и въ первомъ случаѣ, дѣло началось доношеніемъ въ св. Синодъ, поданнымъ 13 марта 1761 г. ротмистромъ казацкой службы Дмитріемъ Матвѣевымъ Поповымъ, по

¹⁾ Арх. Черн. Дух. Конс., № по описи 1033, ящ. 37. Дѣло о опредѣленіи въ стародубскія раскольниковыя слободы по просьбѣ заводчика Корнева двухъ православныхъ священниковъ.

происхожденію Еленскимъ раскольникѣмъ, въ то время уже обратившимся въ православіе. Этому послѣднему въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка дано было порученіе «выводить изъ за границы въ крѣпость св. Елисаветы желающихъ быть въ казачьей службѣ людей», т. е. главнымъ образомъ раскольниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Польши. Не мало ихъ въ то время переселилось и изъ Стародубья и заселило въ окрестностяхъ новооснованной крѣпости большія и богатыя селенія, какъ-то: *Злинку, Климцы, Никольское* и др. Первые два названія образовавшихся тамъ поселеній указываютъ на стародубское происхожденіе своихъ поселенцевъ.¹⁾ Отправляясь въ февралѣ 1761 г. въ С.-Петербургъ по дѣламъ заграничныхъ „выходцовъ“, рѣшитель Поповъ въ Стародубѣ столкнулся съ указаннымъ Федоромъ Поповымъ и его единомысленниками, объявившими ему, что уразумѣли «правость православныя вѣры», и что «все то, что всероссійская церковь одолжаетъ, съ радостію приемиютъ и содержатъ». Ихъ было всего «человѣкъ до десяти»; отъ имени ихъ ротмистръ Поповъ, по просьбѣ ихъ, и подалъ доношеніе въ Св. Синодъ о соединеніи ихъ съ православною церковію. Они рассчитывали, что и «изъ другихъ раскольническихъ слободъ жителей, коихъ счисляется до

1) 16-го января 1752 г. имп. Елисавета Петровна дала жалованную грамоту генералъ-маіору Ив. Хорвату и повелѣла, для защиты поселяемыхъ въ новой Сербіи гусарскихъ и пандурскихъ полковъ, устроить земляную крѣпость съ наименованіемъ ея крѣпостью св. Елисаветы. Вокругъ крѣпости скоро стали заселяться слободы изъ разнаго сброда, въ числѣ ихъ были и „русскіе люди“ изъ Польши, преимущественно раскольники, отчего и слободы получили названіе „раскольниковыхъ“. Благодаря раскольникамъ, Елисаветградъ скоро сдѣлался торговымъ городомъ. Уже въ 60-хъ годахъ раскольники (Семень Сенковскій) отправляли свои товары въ Константинополь чрезъ Хаджибейскую пристань, внося въ Одессу, куда многіе потомъ и выселились, чему способствовало и само правительство. Екатерина II, желая поощрить устройство новыхъ городовъ Екатеринославской и Вознесенской губерній, въ томъ числѣ и Одессы, указомъ 2 октября 1795 г. предоставила поселявшимся тамъ жителямъ значительныя преимущества, а *раскольникамъ, позволила строить церкви и монастыри* и отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ священникамъ, поставляемымъ православ.

десяти тысячъ душъ, същется де нѣсколько человѣкъ, желающихъ соединиться св. православной всероссійской церкви“. Уразумѣніе „правости православныя вѣры“ было однакоже далеко неполное и безусловное; единомысленники Федора Попова, какъ позднѣйшіе единовѣрцы, принимали законное благословенное церковію священство, но только подъ условіемъ содержанія старыхъ книгъ и старыхъ обрядовъ. Такое условное единеніе съ православною церковію они мотивировали крайнимъ невѣжествомъ и затвердѣлымъ расколомъ, и потому находили, что «какъ имъ самимъ откровенно приступить, такъ и протчихъ вдругъ въ правовѣріе обратить неудобно и невозможно, кромѣ какъ на первой случай выбрать изъ нихъ же грамотныхъ двоихъ въ попы, которые бъ могли имъ проповѣдуя св. вѣру, всѣ ея догматы подробно внушить, и построить бы тамъ въ Климовой слободѣ близъ раскольнической конторы ихъ коштою церковь, въ которой бы де все, что до догматовъ вѣры касается, исправляемо было какъ оно и во всей всероссійской церкви происходитъ: точію бъ де на первой случай, дабы де удобнѣе было оныхъ раскольниковъ въ ту церковь привлечь, позволить исправлять службу по старопечатнымъ книгамъ и не запрещать бы двоеперстнаго креста сложеніе».

Вообще говоря, сущность доношенія Федора Попова съ товарищами сводилась къ слѣдующимъ четыремъ главнымъ пунктамъ, Кромѣ содержанія старыхъ обрядовъ, особенно настаивалось въ доношеніи на томъ, чтобы изъ самыхъ мѣстныхъ старообрядцевъ, желающихъ сущаго благовѣрія, были выбраны люди достойные «ко принятію хиротоніи» (двое), которые могли бы заняться дѣломъ «обращенія находящихся въ раскольническихъ слободахъ затвердѣлыхъ раскольниковъ и невѣждъ Божественнаго писанія». Выдвинуто было и то требованіе, чтобы снята была «лежащая за двоеперстное сложеніе клятва». Таковы первые два пункта доношенія. Въ двухъ послѣднихъ дѣло шло о виѣшнихъ условіяхъ новаго церковнаго порядка, имѣвшаго установиться у стародубскихъ слобожанъ, въ случаѣ условнаго единенія съ православною церковію. Въ третьемъ пунктѣ говорилось «о опредѣленіи тѣмъ двумъ человѣкамъ для повсемѣстной проповѣди и труда на дневную пищу и на протчіе расходы изъ сборныхъ

той волости оброчныхъ повсягодныхъ денегъ по сту рублевъ на годъ»; а пунктомъ четвертымъ проектировался особый «президентъ при волостной конторѣ или духовныхъ дѣлъ управитель», который былъ бы «теплымъ ревнителемъ и поборникомъ православно-каѳолическія церкви» и зящилъ бы „желающихъ перейти отъ раскола въ православіе“. Въ качествѣ подходящаго для такой роли челоувѣка составители доношенія просили опредѣлить вышеупомянутаго ротмистра Попова, бывшаго Еленскаго раскольника. Таковъ общій смыслъ доношенія, поданнаго въ св. Синодъ 13-го марта 1761 г.

Св. Синодъ весьма сочувственно отнесся къ самой мысли о возможности соединенія раскольниковъ съ православною церковію; но не обратилъ серьезнаго вниманія на формальную сторону проектируемаго составителями доношенія условнаго единенія съ православною церковію раскольниковъ. Дѣло представлялось возможнымъ и легкимъ. Для ускоренія его, безъ предварительнаго сношенія съ ближайшимъ къ стародубскимъ раскольническимъ слободамъ архіереямъ, т. е. Черниговскимъ, какъ дѣлалось до тѣхъ поръ въ подлежащихъ случаяхъ, рѣшено было на этотъ разъ испробовать иной путь. Именно, по опредѣленію св. Синода, отъ 1-го іюня, «за лучшій и ближайшій къ склоненію тѣхъ раскольниковъ въ правовѣріе усмотрѣнъ способъ, послать туда на первой случай отъ св. Синода изъ великороссійскихъ хотя въ школахъ не ученаго (ибо обучавшіеся въ школахъ по затвердѣлому въ раскольникахъ упрямству уповательно имъ не весьма будутъ пріятны), но православныя церкви нашея догматы и преданія довольно знающаго, житія и состоянія добраго и ко обращенію раскольниковъ въ правовѣріе способнаго, которой бы одноличнымъ своимъ бытіемъ всѣ ихъ состоянія разсмотрѣть и пристойными изъясненіями и средствами къ правовѣрію тѣхъ раскольниковъ соединить удобнѣе могъ». По вопросу о построеніи въ слободѣ Климовой церкви св. Синодъ высказался въ томъ смыслѣ, чтобы построить ее тогда, когда «раскольниковъ знатное людей число обратится и церковь православную имѣть пожелаютъ».

Столь же сочувственно отнесся къ мысли о соединеніи слободскихъ раскольниковъ съ православною церковію и правительствующій Сенатъ, когда св. Синодъ обратился къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о назначеніи извѣстной суммы на содержаніе священника-миссіонера „изъ оброч-

ныхъ повсягодныхъ денегъ“, собираемыхъ раскольничьей волостной конторой, и о назначеніи „для лучшаго вспоможенія священнику при обращеніи изъ раскола и защищенія обратившихся въ правовѣріе людей отъ раскольниковъ“ особаго президента или духовныхъ дѣлъ управителя.

Въ своемъ опредѣленіи по даннымъ вопросамъ, отъ 27-го августа того же 1761 г., увлекаясь мыслью о возможности соединенія раскольниковъ съ православною церковію, Сенатъ между прочимъ выражалъ и ту мысль, чтобы въ малороссійской раскольничьей слободѣ Климовой, по возможности въ непродолжительномъ времени, была построена православно-каѳолическая церковь, „для желającychъ сущаго благовѣрія и другихъ къ лучшему обращенію и приведенію въ правовѣріе“, и чтобы туда поскоро, быль назначенъ способный священникъ—миссіонеръ. Для построенія церкви, потребной, по смыслу Сенатскаго опредѣленія, какъ „для находящихся надъ тѣми раскольниками управителей и служителей“, такъ въ особенности „для обращенія раскольниковъ“, назначалось Сенатомъ 500 руб. казенныхъ денегъ „изъ таможенныхъ доходовъ“ Кіевской губернской канцеляріи, а на содержаніе священника съ причетниками до 300 руб. изъ суммъ, собираемыхъ съ раскольничьихъ слободъ. Сенатъ находилъ возможнымъ удовлетворить и то требованіе, чтобы назначенъ былъ особый президентъ или духовныхъ дѣлъ управитель „для обращенія раскольниковъ въ правовѣріе“, въ лицѣ ротмистра Попова, „подъ смотрѣніемъ опредѣленныхъ надъ раскольниками управителей“.

Указомъ Св. Синода отъ марта 1762 г., даннымъ на имя преосвященнаго Кирилла, епископа Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, предписывалось, чтобы онъ отправилъ „для обращенія раскольниковъ въ слободу Климову, истребовавъ чрезъ надлежащее сношеніе изъ Смоленской или Бѣлоградской епархій, единаго изъ великороссійскихъ священника, хотя въ школахъ и неученаго, и при немъ діакона и двухъ церковниковъ». Относительно священника—миссіонера и церковниковъ въ указѣ было сказано, чтобы они состояли «подъ вѣдомствомъ и надсмотрѣніемъ» Черниговскаго преосвященнаго, и отписывали ему, «какъ о имѣющихъ обращаться въ правовѣріе, такъ и о всѣхъ тамошнихъ поведеніяхъ, а особливо о могущихъ случиться каковыхъ трудностяхъ и недоумѣніяхъ», испрашивая у него надлежащее наставленіе во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ. Въ свою очередь преосвященному Кириллу поставлялось въ

обязанность—чинить по отзывамъ священника-миссіонера «немедленныя разсмотрѣнія и распоряженія, дабы въ такомъ полезномъ дѣлѣ остановки быть не могло, и что происходитъ имѣть, о томъ за извѣстіе, а въ случаѣ надобности и съ требованіемъ резолюціи представлять Св. Синоду чрезъ полгода, или когда каковая въ чемъ потребность настоять будетъ». Соотвѣтствующіе указы немедленно посланы были епископамъ: Парфенію Смоленскому, Іоасафу Бѣлогородскому и въ Кіевскую Губернскую Канцелярію. Такъ быстро и энерично дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ Св. Синодъ.

Съ неменьшею быстрою дѣйствовалъ и преосвященный Кириллъ. Къ іюлю 1762 г. имъ были уже закончены сношенія съ Бѣлогородскимъ епископомъ Іоасафомъ, и 31-го іюля были присланы въ Черниговъ при проеморіи изъ Бѣлогородской консисторіи: священникъ Троицкаго Бѣлогородскаго собора ключарь Симеонъ, Логиновъ діаконъ Бѣлогородскаго уѣзда с. Муромъ Данилъ, Настѣткинъ и два церковника,—дьячокъ, сынъ ключаря, Алексѣй Семеновъ и пономарь Бѣлогородскаго собора Леонъ Романовъ. 5-го августа священникъ-миссіонеръ и состоящіе при немъ церковники, по распоряженію преосвященнаго, отпраздничали въ мѣсту своего назначенія въ слободу Климову. Положеніе о. Симеона Логинова оказалось весьма незавиднымъ и тяжелымъ на новомъ мѣстѣ служенія: онъ не зналъ настроенія слобожанъ; не зналъ и того, что и какъ ему дѣлать и съ кѣмъ имѣть дѣло. Тѣ, по инициативѣ которыхъ возбуждено было дѣло въ Св. Синодѣ и которые повидимому искренно желали условнаго соединенія съ православною церковью, но при посредствѣ избранныхъ изъ своей среды священниковъ, теперь ничѣмъ не обнаруживали своего желанія, отстранились отъ начатаго дѣла, а главный вожакъ и инициаторъ этой миссіонерской попытки даже скрылся изъ Стародубья. Въмѣсто сочувствовавшихъ дѣлу соединенія съ православною церковію раскольниковъ, единственнымъ мѣстнымъ руководителемъ въ данномъ положеніи оказался православный управитель раскольниковъ слободъ надворный совѣтникъ Титовъ. Къ нему преосвященный Кириллъ отъ 5-го августа писалъ: «означенному священнику съ причетники, прибывъ въ оную слободу Климову и невѣдя кто зъ раскольниковъ къ правовѣрію сущее имѣть желаніе, къ такому ихъ обращенію вступить слѣда будетъ взять трудно; ему же и о возбуждителяхъ къ такому богоугодному дѣлу... довѣдаться безъ пособія вашего благородія будетъ

невозможно; особливо же пока устроится церковь, не имѣя ему, священнику, къ отправленію надлежащихъ въ церквѣ православной отправляемыхъ церемоній, благопристойнаго мѣста, къ такому обращенію приступить будетъ тяжело). Пресвященный Кирилль «богомолчески» просилъ управителя потрудиться «въ благоугодномъ дѣлѣ», объявить священнику иниціаторовъ Поповыхъ и отъ нихъ обстоятельнымъ образомъ разузнать, кто изъ раскольниковъ описныхъ слободъ „къ сущему правовѣрію имѣетъ желаніе, и тѣхъ «представить священнику, съ чего ему возимѣтъ способъ къ наставленію ихъ и протчихъ въ православіи». Въ заключеніе своего письма пресвященный писалъ и просилъ: «если кто къ правовѣрію настоящее окажетъ доброхотство, то не токмо отъ нежелающихъ сею благочестія благопристойно сохранять, но и всякое имъ показывать къ возбужденію къ сему и протчихъ удовольствію»....

Оказались напрасными всѣ богомольческія просьбы пресвященнаго Кирилла. Отвѣтное письмо управителя Титова не давало никакой надежды на благопріятный исходъ начатаго миссіонерскаго дѣла.¹⁾ Онъ доносилъ пресвященному, что назначенный Сенатомъ въ качествѣ президента или духовныхъ дѣлъ управителя находится въ Кіевѣ подъ слѣдствіемъ, а Федоръ Поповъ—въ безвѣстномъ отсутствіи; что во всей слободѣ нѣтъ «особаго и способнаго мѣста», кромѣ раскольнической часовни, «для исправленія церковныхъ церемоній и поученія божественнаго писанія ко обращенію отъ раскола въ правовѣріе и для удобнѣйшаго къ священнику приходу»; что, наконецъ, какъ онъ ни старался «провѣдать о желающихъ сущаго благочестія», но что «ни единого не сыскалось», хотя онъ и собиралъ для этого провѣдыванія волостной сѣздъ. Раскольники, по словамъ управителя, почти единогласно объявили, «что отцы ихъ, а яныя и сами изъ Великороссіи, оставя дома и имущества, бѣжали не отъ чего инаго, какъ только соблюсти по ихъ раскольническому суевѣрію древніе обряды, и иначе приступить не могутъ, какъ если имъ дозволятъ построить церковь стариннымъ обычаемъ и въ священника посвятить, коего они изберутъ изъ среды ихъ народа, которому и въ грамотѣ прописано было бѣ, чтобъ исправлять всякія духовныя требы по старо-

¹⁾ Отвѣтное письмо Титова отъ 25-го сентября 1762 г.

печатнымъ книгамъ, непротивнымъ св. восточной церкви, а лежащую имѣющуюся клятву на двоестерное сложеніе снять и разрѣшить. А окромѣ сего объявляютъ, предавъ себе во власть и высокомогущее благоволеніе, къ нынѣшнимъ же церковнымъ обрядамъ приступить не похотятъ и склоняемы не будутъ. Словоиъ сказать «Владыко преосвященнѣйшій»,—заключалъ свою мысль надворный совѣтникъ Титовъ,—«развѣ зъ благословенія Вашего Преосвященства построятся здѣсь въ слободѣ церковь, и егда невидимая десница Господня тронетъ ихъ окамененія сердца и отверзетъ ихъ ослѣпленные очи, то они склоняемы будутъ, а не иначе; ибо они себя считаютъ правовѣрными, по преданію св. апостолъ ходящими, и за грѣхъ почитаютъ молиться и отправку всякую духовную исправлять по новоисправнымъ книгамъ». Таково было общее релігіозно-церковное умонастроеніе тогочасныхъ слобожанъ, которое не давало надеждащей почвы для миссіонерскаго дѣла на условіяхъ полного обращенія въ православіе, какъ ставилось дѣло св. Синодомъ.

Въ ноябрѣ 1762 г. о. Логиновъ съ діакономъ и причетниками возвратился изъ слободы Климовой въ Черниговъ и жилъ, за неимѣніемъ собственныхъ средствъ, „на всемъ катедральномъ коштѣ“, какъ видно изъ донесенія Св. Синоду еп. Кирилла отъ 18-го декабря 1762 г.

12-го февраля 1763 года о. Симеонъ Логиновъ и состоящіе при немъ церковники были отправлены обратно изъ Черниговской епархіи въ Бѣлогородскую¹⁾.

Въ Елизаветинскому времени относится еще одна попытка сближенія съ православною церковію ревнителей стараго обряда въ Стародубѣ. Единственное упоминаніе о ней пока находится въ старообрядческомъ сборникѣ Хлудовской бібліотеки (№ 352 по описанію Попова), писанномъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія Е. Г. Брониной въ Москвѣ. Именно здѣсь находится весьма интересное для насъ въ данномъ слу-

¹⁾ Арх. Черн. Дух. Консист. № 1408. Нов. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 47. Изъ дѣла 1761—62 г. объ устроеніи въ слоб. Климовой правосл. церкви и о назначеніи туда изъ Бѣлогородской епархіи «единого изъ великороссійскихъ священника» съ діакономъ и двумя церковниками. Стр. 220—231.

чаѣ, особенно по своему предисловію, старообрядческое сочиненіе явно Стародубскаго происхожденія, озаглавленное своеобразно такъ: „*Артикулъ, то есть науки отговорная противу нововѣственнаго увѣщанія, увѣщавающаго ко пріятію нововѣственнаго священства*“. Поводъ или „вина и случай сочиненія сего Артикула“ такъ объясняется въ предисловіи къ нему: „Въ лѣто 7267 (1759 г.) іюня присланъ указъ изъ Кіевской губернской канцеляріи въ волостную контору старовѣрцевъ, тако-же къ подполковнику Дмитрію Андреевичу Шмакову, на той часъ при комиссіи ему бывшу. Кой по тому указу собравъ со всѣхъ слободъ во іюлѣ того-же лѣта волостную съѣздку, и вычиталъ имъ съ указу выписку, въ ней же сицевъ положенъ вопросъ: „Желають ли старовѣрцы по старымъ книгамъ поставить кого себѣ въ пошы, дабы той у нихъ службу служилъ, и звонъ-бы имѣлъ какъ въ Великой Россіи къ службѣ“? Кой вопросъ слышавше, собраніи отприса-шася о томъ у подполковника между собою подумать. И собирахуся о томъ яко бы рещи съ седмицу: и овѣи убо на томъ собраніи склоня-щсся на сіе, овѣи же на ино, и прочіи на прочая“ .. Въ концѣ концовъ стародубскіе слободскіе раскольники высказались рѣшительно противъ сдѣланнаго имъ указаго предложенія, мотивируя свое нежеланіе послѣ-довать ему тѣмъ, что такое дѣло поведеть во все не къ миру, а къ раздору.... Вѣдъ священникъ, говорили слобожане, ничего не можетъ сдѣлать безъ воли своего епископа: какъ-же онъ будетъ креститься двумя перстами, когда его епископъ молится тремя? Если же онъ бу-детъ креститься тремя перстами, то значитъ, — разсуждали стародубскіе ревнители стараго обряда,—намъ неискренно желаютъ добра, а желаютъ и насъ впоследствии заставить креститься троеперетно. Приводили и другія основанія несоотвѣтствія съ излюбленной ими стариной при прі-ятіи „нововѣственнаго священства“. Таковъ внутренній ходъ мыслей, развиваемыхъ въ „Артикулѣ“ (Опис. ркп. Худовской бібліотеки А. По-пова, № 352; въ самомъ сборникѣ „Артикулѣ“ помѣщенъ на лл. 159 об.—179 об.).

Подъ какимъ воздѣйствіемъ явилось вышеизложенное указное пред-ложеніе Кіевской губернской канцеляріи—ближайшимъ образомъ неиз-вѣстно. Возможно, какъ и есть нѣкоторое основаніе полагать что это былъ отвѣтъ черезъ Кіевскую губернскую канцелярію со стороны выс-шей власти, духовной или свѣтской, на просьбу 1755 г. Вѣтковскихъ,

Гомельскихъ и Стародубскихъ слобожанъ — раскольниковъ поповщинскаго толка о дарованіи имъ епископа „отъ великороссійскихъ архипастырей „о которой уже нами упоминалось въ предшествующей главѣ (стр. 696). Такимъ образомъ вмѣсто самостоятельнаго старообрядческаго епископа, котораго добывались отъ „великороссійскихъ архипастырей“ мѣстные слобожане въ 1755 г., имъ предлагали въ 1759 г. поставить изъ нихъ самихъ лишь только особыхъ священниковъ, которые служили бы у нихъ по старопечатнымъ книгамъ и съ подобающе этому служенію внѣшней церковной обстановкой. По точному смыслу „Артикула“ дѣло представляется иначе, а именно такъ, что инициатива указаго предложенія исходила вполне самостоятельно отъ Кіевской губернской канцеляріи, исполнителемъ которой и являлся въ данномъ случаѣ подполковникъ Шмаковъ, находившійся въ то время въ Стародубскихъ раскольническихъ слободахъ. Проф. Нильскій, извѣстный знатокъ исторіи раскола, отрицалъ даже возможность самостоятельной инициативы со стороны Кіевской губернской канцеляріи въ данномъ случаѣ, находя весьма сомнительнымъ, чтобы подобнаго рода предложенія могла даже дѣлать губернская канцелярія, въ вѣдомствѣ которой находились всѣ Стародубскіе и Черниговскіе раскольники, одна, безъ всякаго участія духовнаго вѣдомства въ той или иной формѣ (Чт. по ист. рус. старообряд. раскола 1889—1890 г. И. Θ. Нильского). Тѣмъ не менѣе и тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ XVIII в., въ отношеніи церковныхъ дѣлъ вообще, въ особенности же по дѣламъ раскола, инициатива очень часто исходила отъ вліятельныхъ свѣтскихъ лицъ, а потомъ дѣлалась и достояніемъ духовнаго правительства. Ближе къ дѣлу мы укажемъ на слѣдующее. Въ 1759 г. Кіевская губернская канцелярія находила возможнымъ указно предложить подчиненнымъ ей стародубскимъ „старовѣрцамъ“ высказаться о томъ, желаютъ ли они кого-либо изъ своей среды поставить себѣ въ священника по старымъ книгамъ и обрядамъ, чтобы онъ потомъ и всѣ службы совершалъ по тѣмъ же старопечатаннымъ книгамъ и обрядамъ. Въ слѣдующемъ 1760 году малороссійскій гетманъ, графъ К. Г. Разумовскій, находилъ возможнымъ войти съ широкимъ представленіемъ на Высочайшее имя относительно церковнаго устройства тѣхъ же стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ. Онъ представлялъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ отъ 31-го августа 1760 г., не столько, конечно, въ церковно-государственныхъ интересахъ, сколько въ своихъ

личныхъ, владѣльческихъ, въ видахъ болѣе успѣшнаго возвращенія зарубѣжныхъ старообрядцевъ въ Малую Россію и заселенія ими своихъ обширныхъ и слабо населенныхъ земель въ ней, о чемъ совершенно прозрачно и высказывался и просилъ, „для приласканія ихъ“, не сносясь ни съ св. Синодомъ, ни съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, Высочайше дозволить имъ „содержаніе закона по ихъ преданіямъ и старопечатнымъ книгамъ“, имѣть своихъ священниковъ и даже даровать имъ право строить свои церкви и монастыри (Х. И. А. Д. М №о 6673. См. также наши Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод., №о 45, стр. 205—216. Васильчиковъ, А. А.: Сем. Разумовскихъ, т. 1, стр. 253—254, § 265—268). Есть много и другихъ аналогичныхъ фактовъ изъ XVIII в.

Упомянутый въ „Артикулѣ“ подполковникъ Д. А. Шмаковъ не разъ исправлялъ служебныя обязанности въ стародубскихъ раскольническихъ слободахъ то въ качествѣ слободскаго управителя, то во главѣ слѣдственной комиссіи о спорныхъ грунтахъ и разныхъ смертноубиственныхъ дѣлахъ. Въ дѣлахъ бывшей Малороссійской Коллегіи, хранящихся теперь въ Харьковскомъ университетскомъ историческомъ архивѣ, имѣется обширное дѣло подъ №о 10888 (11026) на 729 листахъ „о происшедшихъ у раскольниковъ съ малороссійскими владѣльцами и обывателями спорныхъ, за землю, обидныхъ и смертноубиственныхъ дѣлахъ и о учрежденіи въ раскольнической слободѣ Климовой слѣдственной комиссіи и о прочихъ къ сей комиссіи касающихся дѣлахъ“, обнимающее собою время съ 1764 г. по 1780 г. когда слѣдственная комиссія перестала существовать. Здѣсь между прочимъ въ одномъ изъ дѣлъ за 1774 г. говорится, что подполковнику 5-го Кіевскаго баталіона Д. А. Шмакову было поручено въ 1757—1758 г. указомъ Кіевской Губернской Канцеляріи разобрать дѣло о спорныхъ грунтахъ слободы Климовой и Митьковки, съ Ропскою волостью, въ томъ числѣ и с. Могилевецъ съ обывателями, которое и слѣдовано было при депутатѣ съ малороссійской стороны бунчуковомъ товарищѣ Гудовичѣ (л. 560). Въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ сохранились нѣкоторыя дѣла этой слѣдственной комиссіи отъ 1757 г, напр. предложеніе повѣренному генераль-фельдмаршала и кавалера Алексѣя Григорьевича Разумовскаго Титову, отъ 3-го іюля, дополнить поданный имъ экстрактъ въ комиссію отъ 21-го мая по дѣлу съ раскольниками, подписанное подполковникомъ Шмаковымъ, какъ и доно-

шеніе повѣреннаго по этому поводу отъ 9-го іюля того же года. Въ 1761 г. тотъ же подполковникъ уже завѣдывалъ дѣлами Васильковскаго форпоста, какъ видно изъ другого дѣла, хранящагося теперь въ Киевскомъ центральномъ архивѣ въ связкахъ дѣлъ о переселеніяхъ и колонизаціи. Въ 1768 г. тотъ же подполковникъ былъ временно опредѣленъ Киевской губернской канцеляреію „къ управительской должности“ въ раскольническихъ слободахъ Стародубья, а въ 1769 г., за назначеніемъ правительствующимъ сенатомъ „настоящаго управителя“ надворнаго совѣтника Вырыпаева, ему велѣно снова быть въ слѣдственной комиссіи на мѣсто уволившагося по болѣзни премьеръ—маіора Ефрема Гущина и всякія спорныя о земляхъ, обидныя и смертоубійственныя дѣла „порознь слѣдовать и разбирать по крѣпостямъ и другимъ достовѣрнымъ документамъ, а у кого оныхъ не явится, то по свидѣтельскимъ показаніямъ“, согласно указу сената о допущеніи раскольниковъ во свидѣтельство и къ присягѣ (л.л. 242 - 244). Въ слѣдственной комиссіи подполковникъ Шмаковъ состоялъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, какъ видно изъ разныхъ указаній вышеупомянутаго обширнаго дѣла Харьковскаго историческаго архива (л.л. 308, 311—315), такъ и изъ разныхъ дѣлъ Киевскаго центрального архива (св. дѣлъ о пересел. и колонизаціи). Въ 1774 г. за смертію управителя Вырыпаева подполковникъ Шмаковъ снова назначенъ былъ отпирать обязанности управителя по волостной конторѣ (л. 595 об.). Вмѣстѣ съ маіоромъ Мельниковымъ, преемникомъ Шмакова по слѣдственной комиссіи, послѣдній считался малороссійскими депутатами при слѣдственной комиссіи мирволившимъ слобожанамъ (л. 304 об. и др.)

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко

ТОМЪ I—XXI.

Содержаніе неофициальныхъ отдѣловъ.

I ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перивла. *П. И. Люперольскаго*.—Философскіе этюды А. А. Козлова. *Н. Я. Грота*.—Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича*.—О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова*.—Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго*.—Исслѣдованія въ области греческаго мѣстоимѣнія. *А. В. Добіаша*.

II ТОМЪ (распроданъ).

Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота*.—Нѣсколько поправокъ къ тексту Горация. *Г. Э. Земера*.—Первобытныя славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будиловича*.

III ТОМЪ (распроданъ).

Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *П. И. Люперольскаго*.—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова*.—Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго*.—Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. *Р. А. Фохта*.—Патмосскія схолія къ Демосѣену. *П. В. Никитина*.—Первобытныя Славяне. I, 2. *А. С. Будиловича*.

IV ТОМЪ Вып. I. (Ц. 75 к.)

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. *А. С. Будиловича*.—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича

„Османъ“. Р. Θ. Брандта.—Еще вѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горація. Г. Э. Земера.

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій I. Н. Я. Грота.

V ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. П. А. Адриано-ва.—Психологія чувствованій. II. Н. Я. Грота.—Начертаніе славян-ской акцентологіи. Р. Θ. Брандта.

VI ТОМЪ (распроданъ).

Къ біографіи Н. В. Гоголя. Н. А. Лавровскаго.—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. И. А. Сребнищаго.—Первобыт-ные Славяне. II, 1. А. С. Будиловича.—Еще по поводу вопроса о пси-хологіи чувствованій. Н. Я. Грота.—Новыя догадки о порченныхъ чте-ніяхъ у Горація. Г. Э. Земера.—Критическія замѣтки. О знакахъ уда-ренія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Пареенія. С. Н. Жданова.—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. I. А. В. Добіаша.

VII ТОМЪ (распроданъ).

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о ре-формѣ логики. I. Н. Я. Грота.—Критическія и эзегетическія замѣтки. С. Н. Жданова.—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. Г. Э. Земера.—Выспія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа А. А. Мусина-Пушкина.—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа Жиро. Переводъ съ италь-янскаго Н. В. Гоголя.—Памяти Гоголя. Матеріалы для бібліографіи ли-тературы о немъ. С. И. Пономарева.—Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патриарха Никона. М. А. Казминскаго.—Фран-цисъ Ладиславъ Челяковскій. В. Н. Шамраева.—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. Н. И. Иванова.—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. А. Я. Никольскаго.

VIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. Р. Θ. Брандта.—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. М. Н. Береж-кова.—Памяти В. А. Жуковскаго. М. Н. Бережкова.—Критическія и эзегетическія замѣтки. С. Н. Жданова.—Синтаксисъ Аполлонія Дискола.

II. *А. В. Добіаша*.—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота*.—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича*, Переводъ *Н. В. Шлякова*, подъ редакцію *Р. Θ. Брандта*. I.

IX ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Зетера*.—*P. Terenti Afri Eunuchus* съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. *І. А. М. Фогеля*.—*M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia*. Тѣкстъ съ объясненіями. *П. А. Адрианова*.—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича*. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. II.

X ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—*P. Terenti Afri Eunuchus*. II. *А. М. Фогеля*.—*Миклошичъ*, Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. III—IV.—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Θ. Карскаго*.

XI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Грамматическія наблюденія. *С. Н. Жданова*.—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И. Соколова*.—*Миклошичъ*, Сравн. морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. V.—*Titii Livi ab urbe condita lib. XXX*, съ объясненіями. *А. М. Фогеля*.—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, *Я. Денисова*. *Н. Ф. Фоккова*.

XII ТОМЪ. (рапроданъ).

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго*.—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова*.—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Дилеева*.—Матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. *М. И. Дилеева*.—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (I) *Е. В. Пьтухова*.

XIII ТОМЪ (распроданъ).

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша*.—О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича*.—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Дилеева*.—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пьтухова*.

XIV ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Замѣтки по греческому синтаксису. (Очеркъ синмасіологіи глагола). *А. В. Добіаша.*—*М. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute*, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилева.*

XV ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Гимназія высшихъ наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пытухова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист. фил. Института Князя Безбородко (1875—95).—Замѣтка о библиотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ библиотекѣ Института. *Е. В. Пытухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу. *Е. В. Пытухова.*—О картинной галлерей Института. *І. Г. Турцевича.*—Нѣжинъ въ началѣ XIX в. *М. Н. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.*—Культь Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. Θ. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Я. Брайлоскаго.*—Мифологія Слова о полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—*И. А. Левицкій.* (Некрологъ) *М. Н. Бережкова.*—Опытъ синмасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библиотекъ. *М. Н. Сперацкаго.*

XVII ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.)

Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время семилѣтней войны. *Е. Н. Щеткина.*—О шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія. *А. А. Брока.*—Культь Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., т. I (критическое изслѣдованіе источниковъ). *В. В. Качановскаго.*

XVIII ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Научная цѣнность христіанскаго званія. Свящ. *А. В. Лобачевскаго.*—Начало академической свободы въ западной Европѣ. *В. К. Пискорскаго.*—Объ одной историко-политической запискѣ времени присоединенія Крыма. *М. Н. Бережкова.*—Номериса. *С. Н. Жданова.*—Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. *Б. Ф. Бурзи.*—Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи *И. Г. Турцевича.*—*Н. А. Лавровъ.*

скій. *А. В. Добіаша*.—Описаніе рукописей библіотеки Института. Подъ ред. *М. Н. Сперанскаго*.—Изъ исторіи сербской литературы. *В. В. Качановскаго*.—Что такое филологія и каково ея значеніе? *А. В. Добіаша*.

XIX ТОМЪ (Ц. 1 р. 75 к.)

Описаніе рукописей библіотеки Института, окончаніе (см. XVIII томъ „Извѣстій“), сост. *М. Н. Сперанскій*.—Религія, Лукреція. *А. А. Брока*.—Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи, приложение (см. XVIII томъ „Извѣстій“). *И. Г. Турцевича*.—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв., выпуска II, части I-й стр. 1—90. *М. И. Дилеева*.—Задачи исторіи античныхъ литературъ, вступительная лекція *М. И. Мандеса*.—Памяти *В. В. Качановскаго*. *М. Н. Сперанскаго*.

XX ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Отчетъ о дѣятельности временной „Гоголевской“ комиссіи, составилъ *И. А. Сребницкій*.—Памяти *Н. Е. Свворцова*. *Г. В. Милеванскаго*.—Объ источникахъ Аѳинскаго права. *Б. Ф. Бурзи*.—Новооткрытая „Буквица“ Доснѣея Обрадовича. *К. Θ. Радченка*.—Малозвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ. *К. Θ. Радченка*.—Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ. Бывш. студ. *А. И. Солнцева*.—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Дилеева*.

XXI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Описаніе рукописей библ. Приобрѣтенія 1901—1903 г.г. (см. XVIII и XIX томы «Извѣстій») сост. *М. Н. Сперанскій*.—Школьный вопросъ въ древней Греціи. *Б. Ф. Бурзи*.—О краснорѣчїи у древнихъ Еллиповъ. *А. И. Покровскаго*.—Въ память проф. *П. А. Люперсольскаго*. *М. Н. Бережкова*.—Недуги нашего учебнаго дѣла. *Н. Е. Свворцова*.—О введеніи въ Исторію Греціи проф. *В. П. Бузескула*. *А. И. Покровскаго*.—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Дилеева*.

Историко-филологический Институт Ниязя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. (Ц. 1 р.).

Гоголевскій Сборникъ (Юбилейный). изд. состоящей при Истор.-Филол. Инст. Гоголевской Комиссіей подъ ред. М. Сперанскаго. Кіевъ 1902. (Ц. 2 р.).

- 1) *М. Н. Сперанскій*: Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя.
- 2) *П. А. Заболотскій*: Н. В. Гоголь въ русской литературѣ.
- 3) Гоголевская Выставка.
- 4) *И. А. Сребницкій*: Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1904 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлю, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
 2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
 3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
 4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
 5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
 6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной административной и хозяйственной части Университета.
 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
 9. Годичные отчеты по Университету.
 10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
 11. Разборъ диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертациі.
 12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
 13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
 14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
 15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.
- Указанныя статьи распределяются на двѣ части: 1)—официальную, протоколы, отчеты и т. п.—2)—неофициальную

(статьи научнаго содержания), съ отдѣлами—*критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорнiю выдающихся явленiй ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстiя о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнiя. Въ *прибавленiяхъ* печатаются материалы, указатели библиотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденiй и т. п.

Университетскiя Извѣстiя въ 1904 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстiй безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленiя объ обiявiи изданiями принимаются въ канцелярiи Правленiя Университета.

Студенты Университета Св. Владимiра платятъ за годовое изданiе Университетскихъ Извѣстiй 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскiя Извѣстiя высылаются только по полученiи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородныя могутъ обращаться съ требованiями своими или къ комиссiонеру Университета Н. Я. Оглоблину (въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кiевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же), или непосредственно въ Правленiе Университета Св. Владимiра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ*.

